

РЕДКАЯ КНИГА

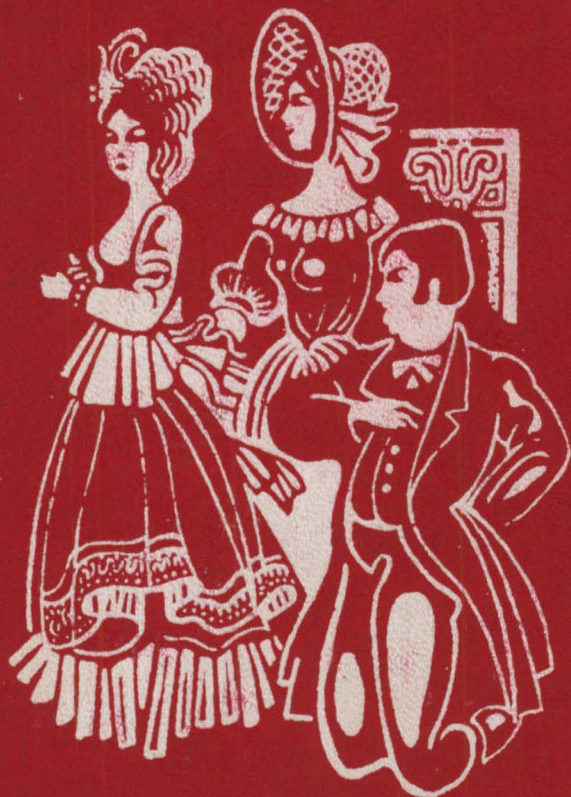

ГЕОРГ БОРН

ТОМ

1

ГЕОРГ БОРН
Пайны
ФРАНЦУЗСКОГО
ДВОРА

**СЕРИЯ
..РЕДКАЯ
КНИГА..**

ГЕОРГ БОРН
Евгения
иш

П*айны*

ФРАНЦУЗСКОГО
ДВОРА

ТОМ

1

ХАРЬКОВ — ДРУК ЛТД
1993

ББК 84.4Г-4
Б82

Серия «РЕДКАЯ КНИГА»
основана в 1993 г.

Перевод с немецкого

Редактор *Д. А. Вайнберг*

Художник-оформитель *А. И. Удовенко*

Печатается по изданию:

Борн Георг. Евгения, или Тайны французского двора:
Ист. роман.— СПб.: Книгоиздательство А. К. Касаткина, 1904 г.

Б 4703010100—3 Без объявл.
93

ISBN 5-7707-4989-X
ISBN 5-7707-4990-3 (Т. 1)

© Друк ЛТД,
художественное оформление,
1993

ТЮИЛЬРИ

Тюильрийский дворец в Париже в былое время служил только временным местопребыванием королей. Постоянной резиденцией французского двора он был избран в 1800 году Наполеоном I, когда последний навсегда поселился в нем. Затем он стал официальной резиденцией Людовика XVIII, Карла X и Людовика Филиппа.

С ним было связано несчастное правление императора Наполеона III, которое, как мы увидим, должно было постыдно пасть, столкнувшись с единством и героизмом германского народа.

Господствовавшее в придворной партии высокомерие, исходившее от императрицы Евгении, распространилось в обществе, и желание заглушить ропот народа беспримерной в истории кровопролитной войной привело к ужасной каре ее виновников. Мы покажем сейчас совершенные в то время дела и возмездие за них.

Весной 1870 г. праздник следовал за праздником в императорском дворце, который состоял из трех частей: северная, куда входили многочисленные залы, гостиные и кабинеты, называлась Павильон Марсан, затем Павильон часов и, наконец, южное крыло, известное под названием Павильона цветов. Между двумя последними расположены были покои императорской семьи, а придворные празднества происходили в Павильоне часов.

В Маршальской двухэтажной зале, которая занимала всю глубину здания и была украшена портретами знаменитых маршалов и генералов, собирались обыкновенно роскошно одетые гости императорской четы. Высокие двери, увенчанные орлами и позолоченными коронами, вели в грандиозный тронный зал и изящно убранную галерею Дианы.

Стоящая над бездной империя только что пережила последний министерский кризис. Теперь мы находим в зале герцога Грамона с министрами Оливье и Лебёфом, дружески беседующих. Эти господа не подозревают, что через несколько месяцев, оставленные своими

приверженцами, проклинаемые народом и осужденные историей, только с накопленными богатствами в руках, они должны будут искать спасения в бегстве. Сейчас они были опорой империи, исполнителями планов честолюбивой испанки Евгении Монтихо, графини Теба, сделавшейся императрицей. Другие группы в обширной Маршалльской зале составляли дамы, между которыми в особенности блистали кокетливо разодетые, все в брильянтах княгиня Меттерних, принцесса Мюрат и сентиментальная герцогиня Грамон. Посланники России, Англии, принц Рейс и дон Олозаго со своим атташе доном Олимпио Агуадо отдельной группой стояли в отдаленном конце залы.

Меттерних, несколько бледный, беседовал с папским нунцием, привычно стараясь скрыть свои мысли в разговоре; невдалеке от них маршал Мак-Магон и генерал Рейте обменивались военными новостями.

Тут же по паркету широкого зала расхаживали, перебрасываясь фразами, множество придворных, ожидая появления императорской четы, которая должна была открыть настоящий праздник.

Герцог Грамон воспользовался минутой, когда принц Рейс приветствовал только что вошедшего баварского посланника, чтобы вступить в разговор с доном Олозаго. За час перед тем он получил из Мадрида от французского посланника барона Мерсье депешу, которая взволновала его.

— Извините, мой дорогой дон,— заговорил почти шепотом герцог, приближаясь к испанскому дипломату,— я желал бы воспользоваться сегодняшним вечером, чтобы откровенно побеседовать с вами.

— Как и всегда, я весь к вашим услугам, но я почти уверен, что знаю содержание вашего вопроса,— отвечал дон Олозаго, который, несмотря на свою дородность, остался тем же тонким, светским придворным, каким он был два года тому назад, когда ему удалось выполнить дипломатический фокус — примирить императорское правительство с испанской республикой.

— Вы, конечно, уже получили от военного министра Прима ноту, в которой он извещает вас о своих планах касательно испанского престола,— сказал приглушенным голосом герцог Грамон,— благодарный дон следует очень странному плану.

Принц Рейс против желания был свидетелем этого разговора.

На лице Олозаго появилась легкая, почти неприметная улыбка — он слишком хорошо знал военного министра Испанской республики, чтобы не догадываться о тех тайных планах, которым он следовал в последнее время. Прим прежде всего стремился найти на испанский престол такого кандидата, который был бы благосклонен к военному управлению и на которого он мог бы иметь влияние.

— Я не получил еще об этом никаких официальных известий,— возразил Олозаго, которому хорошо было известно, кем была предложена кандидатура.

— Итак, дон Олозаго, по сведениям, дошедшим до меня, испанский трон предполагают предложить немецкому принцу.

— Очень странно.

— Министр Прим имеет в виду принца Леопольда Гогенцолерна!

— Вы, кажется, изумлены, герцог,— шепнул Олозаго.

Грамон, казалось, не придавал значения этому замечанию.

— Вы ведь понимаете, конечно, что такой поворот политики может иметь важные последствия,— продолжал он.

— Может быть, он уже небезызвестен императору,— тихо, с вопросительным взглядом заметил испанский посланник.

— Я не понимаю, что вы под этим подразумеваете! Во всяком случае, необходимо, мой благородный дон, чтобы мы договорились по этому вопросу и вошли бы в более близкие сношения друг с другом.

— Я весь в вашем распоряжении, герцог!

— Я знаю, что вы пользуетесь доверием регента и министра Испании, и потому надеюсь, что между нами легко последует полное согласие.

— Будьте уверены в моей совершенной преданности,— ответил Олозаго и обменялся многозначительным взглядом с Грамоном, который тотчас же обратился к Оливье и Лебефу. Видно было, что эти три господина разговаривали между собой откровенно.

Появление императорских пажей в тронной зале возвестило о выходе императорского семейства. Между тем как среди присутствующих прошло легкое волнение, Грамон отвел военного министра Лебефа в сторону.

— На всякий случай готовы ли мы через несколько недель двинуться на Рейн? — тихо спросил он генерала.

— Наши арсеналы полны, оружие непобедимо, настроение войска прекрасное,— отвечал министр.

— Сколько бы вам потребовалось времени, чтобы привести полумиллионную армию в боевую готовность?

— Несколько недель, герцог: вы знаете, что уже давно делались приготовления и что недостает только денег и повода, чтобы привести в исполнение давно обдуманый план!

— Благодарю вас, я уверен, что нас ожидает славное будущее.

— Я горю нетерпением дать армии работу!

— Ее можно найти ранее, чем думает Европа,— пробормотал хвастливый герцог Грамон.

Этот разговор с Лебефом был прерван громом труб, который раздался в галерее залы при входе императорской четы. Двери тронной залы, залитой морем света, отворились, и всюду, куда ни устремился бы взгляд — на стены, на многочисленных присутствующих, с восторгом, выражениями преданности и лестью встречающих императорскую чету,— всюду встречал он блестящее великолепие.

Император Наполеон, как почти всегда, в штатской одежде — во фраке, украшенном орденами, рядом со своей прекрасной, гордой супругой вступил в зал; возле него шел наследный принц, красивый мальчик 14 лет. За императором следовали принц Наполеон, несколько генералов и адъютантов, а подле императрицы — принцессы Матильда и Клотильда. Это была большая блестящая свита, призванная

подчеркнуть могущество и великолепие императорского двора. Обманчивый блеск, как сказали мы, вся пустота которого проявилась всего через два месяца после описываемого придворного праздника.

Князья и герцоги унижались, принцессы ждали благосклонного взгляда, маршалы заискивали похвального отзыва,— все они были зачарованы пышностью и величием двора и тем величием, которое их окружало.

Императрица Евгения, блистательное солнце Тюильри, вокруг которого сосредоточивалось все окружающее, мало помалу забирала в свои руки бразды правления и с некоторых пор, когда болезненные припадки императора усилились, могла считаться настоящей правительницей, потому что ее влияние на Наполеона и хитросплетение интриг имели все более и более веса. Она явилась теперь в небесно-голубом бархатном платье, затканном колосьями так искусно, что, казалось, они были рассыпаны по нем. С плеч высокой прекрасной женщины роскошными складками ниспадала на тяжелый бархат прозрачная накидка. В волосах ее блистала бриллиантовая диадема, шею, сохранившую еще мраморную белизну, осенял крест, прикрепленный к великолепному ожерелью, камня которого сверкали волшебным блеском.

На лице императрицы светила та тонкая благосклонная улыбка, которая делала ее столь очаровательной; в то время как Наполеон с принцем повернулись к министрам, она раскланивалась с дамами, которые, образовав большой круг около нее, низко приседали. Кто видел ее улыбку в эту минуту, тот не поверил бы, что эта женщина с почти кротким выражением прекрасных черт может когда-нибудь хмурить свой лоб, что эти голубые, оттененные длинными ресницами глаза могут сверкать неудовольствием и гневом, что эти благородно очерченные тонкие пурпуровые губы способны пропускать слова, могущие поколебать мир на земле и напоить ее кровью. В каждой ее позе, в каждом грациозном движении видна была императрица, и нетрудно было представить себе, почему Наполеон возвел на свой престол Евгению Монтихо!

С возвышения раздались обольстительные звуки музыки, наполнившие обширные, роскошные, ярко освещенные пространства, в которых теперь двигались нарядные гости. В галерее Дианы были расположены несколько буфетов, где им предлагали шампанское, мороженое и фрукты.

Наполеон, после того как с простодушной миной поклонился прусскому и баварскому посланникам и перекинулся несколькими словами с князем Меттернихом и доном Олозаго, обратил взор на присутствующих и подошел к министру Оливье. В это время Евгения говорила с папским нунцием, который по причине своей болезненности хотел рано оставить зал.

Луи Наполеон, казалось, вел с Оливье очень важный и интимный разговор, причем, желая, чтобы никто их не слышал, он ходил с Оливье по тронному залу. Этот министр, который никогда не преследовал никаких других целей, кроме удовлетворения собственного честолюбия и собственных интересов, этот Оливье, некогда

ожесточенный враг Наполеона и теперешний раб его, этот товарищ Грамона в деле раздувания воинственного пыла, был очень похож на Луи Филиппа, только господин Оливье для дальнорзости носил очки. Он обратил свою пронизательность, казалось, лишь на то, чтобы в качестве министра приобрести за счет народа богатство и заслужить проклятие человечества!

— Получены ли ответы из Мадрида? — тихо спросил император, после того как они переговорили уже о неблагоприятных результатах народного голосования, явно указывавших, что необходимо было бы предпринять что-нибудь для удовлетворения народа и войска.

— Известия от барона Мерсье получены, ваше величество, час тому назад пришли депеши.

— Что же в них сказано? — нетерпеливо спросил Наполеон.

— Маршал Прим намеревается предложить кандидатом на испанский престол принца Гогенцолерна. Это самое чувствительное оскорбление для французской нации.

— Значит, он это предпринимает, — ну тогда, господин министр, не будем медлить, чтобы по объявлении этого известия воспользоваться настроением минуты! Ведь подобный случай никогда более не повторится!

— Я намерен в эту же ночь приготовить инструкции для господина Бенедетти в Берлин, ваше величество.

— Повремените: будет гораздо лучше, если наше посольство в Берлине воспользуется этими обстоятельствами, когда они уже будут обнародованы. Граф Бисмарк не должен быть слишком поражен, получив от нас такую весть. И вы думаете, как мы, что общественное мнение осудит это известие?

— Преданные нам журналы будут в этом случае очень полезны, и у меня есть основания надеяться, что все другие органы печати единогласно провозгласят: да здравствует война!

— Ну хорошо, господин министр, тут много работы не потребуется, прежде всего мы должны стремиться к тому, чтобы южные государства по крайней мере остались нейтральными.

— Нет причин в этом сомневаться, ваше величество, — с задумчивой улыбой сказал Оливье.

Наполеон заметил:

— Не будьте слишком уверены, мой любезный, нужно постараться это устроить. Приходите в мой кабинет с депешами, — прошептал император, когда принц Рейс и Мак-Магон, разговаривая, приблизились к ним. Затем он обратился с несколькими менее секретными распоряжениями к генерал-адъютанту Рейлю. На его резко очерченном лице промелькнуло выражение затаенной насмешки, когда он увидел прусского посланника возле Мак-Магона, герцога Манжентского; но легкий оттенок иронии в следующее мгновение исчез с этого желтоватого лица, на котором теперь еще резче проступили морщины, тогда как глаза постоянно с неприятным блеском скользили по присутствующим.

Между тем императрица, заметившая отсутствие Олозаго и Олимпио Агуадо, приказала начать в маршальской зале полонез и кадрили,

удовлетворяя тихо выраженному желанию всегда склонной к приятным развлечениям княгини Меттерних. Евгения никогда не отказывала в исполнении желаний прекрасной супруге австрийского посланника, с которой была в близких отношениях, а озабоченная княгиня выразила в своей просьбе любезное желание рассеять тень, лежащую на лбу и в глазах императрицы и выдававшую скрытую меланхолию.

Евгения благосклонно улыбулась княгине при этих словах, но то был только луч солнца, который вдруг прорывается сквозь грозные тучи, чтобы сейчас же исчезнуть в мрачных покровах неба.

Евгения знала положение трона и средства, которые нужно было употребить, чтобы побороть опасности. Она осчастливила в этот вечер двоюродного брата своего супруга, принца Наполеона, удостоив его приглашением на танец, который казался скорее блестящей прогулкой по залам. Она делала это против желания, из политических видов. Ей важно было склонить принца, женатого на итальянской принцессе, на свою сторону, и веселым участием в полонезе показать, что положение трона совершенно прочно.

Императрица даже шутила с ненавистным кузенком, и улыбка, игравшая на ее губах, казалась обещанием для придворных, не сводивших внимательных взоров с ее лица, по выражению которого они привыкли судить о всех колебаниях французского трона. Она неслась, предводительствуя блестящими парами, через залы, она танцевала при упоительных звуках бальной музыки, и сверкающие бриллиантами гости следовали за ней в полном ослеплении.

Лакеи подавали пенящееся шампанское.

Императрица так любезно шутила с принцем Рейсом, как будто ни туч, ни бурь, ни печалей, ни страданий не существовало в мире!

Она заметила, что император отправился в свой кабинет очень рано. Желая присутствовать в тайном совете, который должен был состояться в ту же ночь, она предоставила двору веселиться, а сама через роскошный коридор, соединявший ее покой с покоем императора, немедленно отправилась в кабинет.

По выражению лица можно было угадать, что ее ожидало что-то важное: из благосклонного и улыбающегося оно внезапно стало повелительным. Отдав приказание придворным дамам дожидаться ее в будуаре, она вступила в великолепно освещенный днем и ночью и украшенный тропическими растениями коридор, который вел в салон Первого Коңсула.

В то время как императрица отправилась только ей доступной дорогой на тайный ночной совет, который должен был иметь роковое значение для всей Европы, Наполеон в сопровождении Оливье и генерал-адъютанта Рейле вошел в четырехугольный небольшой кабинет, где уже ожидал их секретарь Пиетри.

За ними вскоре последовали двоюродный брат императора и наконец, герцог Грамон, который воспользовался коротким промежутком времени для того, чтобы дать поручения своему банкиру насчет биржевых дел. Много задолжавший герцог, не раздумывая, использовал обстоятельства для спекуляций, обещавших ему значительные выгоды. Рассказывают то же самое и о принце Наполеоне.

Когда члены интимного совета уже сгруппировались около Наполеона, в кабинет вошла императрица.

Оливье подал полученные депеши и все взоры устремились на повелителя Франции, который в это время, встретив императрицу, довел ее до покойного кресла, где она расположилась, чтобы принять участие в рассмотрении важных государственных известий.

— Приготовления будут завтра начаты, Ваше величество,— позволил себе заметить Грамон.— Военный министр Лебёв ожидает с нетерпением тайных приказаний.

— Мы не можем так скоро приступить к этому,— сказал Наполеон, и глубокие морщины проступили на его желтоватом лице.— Нужно еще узнать, отнесутся ли депутаты к делу так же горячо, как вы, господа министры.

— По моим соображениям, Ваше величество,— отвечал услужливый Оливье,— возглас «война с Пруссией» найдет всеобщий отголосок.

— Если принц Леопольд Гогенцолерн откажется от испанского престола, все дело может принять другой оборот,— сказал император, подходя к стоявшему посредине кабинета круглому столу и рассматривая карту Рейна.

— Этого никогда не будет: одного предположения достаточно, чтобы раздражить Францию,— сказала Евгения, сжимая в руках депеши и с шумом поднимаясь со своего места.

Императрица устремила вопросительный взгляд на Грамона и Оливье: тот и другой слегка поклонились.

— Прошу извинения, сударыня,— сказал принц Наполеон,— обеспечены ли мы в союзниках? Мне кажется, что по ту сторону Рейна не менее нас приготовились на случай войны, и...

— И? — вопросительно повторил император.

— И невозможно поручиться, чьи силы имеют преимущество,— заключил принц, пожимая плечами.

— Вы издавна отличаетесь нелюбовью к деятельности,— заметила с язвительной усмешкой Евгения.

— Мы будем ожидать требуемых разъяснений от посланника, но ни при каких обстоятельствах не должны забывать, что затронута самолюбие нации. Впрочем, как ни прискорбна была бы мне война,— сказал император,— отказать от нее можно только в том случае, если б гарантии были блестящи для Франции.

— Я думаю, Ваше величество, нам нужно предпочесть мир,— объявил принц Наполеон, по привычке беспокойно расхаживая по кабинету.

Чело Евгении омрачилось при последних словах, исчез прежде веселый и благосклонный взгляд, сейчас он был исполнен негодования на кузена.

— От имени Франции требую я объявления войны,— став посреди кабинета, сказала она повелительно,— если король прусский раз навсегда не поручится торжественно, что подобные столкновения более не повторятся.

— Это было бы равносильно объявлению войны?

— На этот раз Франция обязана возвысить свой диктаторский голос! — воскликнула побледневшая императрица, не скрывая своего высокомерия.— Я думаю, Ваше величество, что герцог Грамон получил уже необходимые инструкции относительно своих действий.

Принц Наполеон продолжал ходить по кабинету.

— Конечно, мы всегда убеждаемся в вашем глубоком знании нашего народа,— сказал император,— поэтому не будем медлить. Я сам после объявления войны приму начальство над армией, а вас оставлю правительницей. Итак, господа, мы будем действовать по составленной сейчас программе!

— Взойдет новое солнце для Франции! — заключила императрица заседание тайного совета, сопровождая эти слова многозначительным взглядом своих прекрасных глаз.

Все раскланялись, оставляя кабинет, чтобы в эту же ночь начать приготовления.

Принц Наполеон также поклонился, императрица ответила ему холодным кивком; горделиво стояла она подле своего супруга, которого склонила в свою пользу и которым руководила.

Таким образом, рука Евгении решила в эту ночь судьбу Европы и вызвала несчастье, отразившееся на ней самой и на всем ее окружении.

После того, как мы видели героиню нашего романа на высоте могущества, редко достигаемого людьми, бросим взгляд на бурный путь, приведший Евгению де Монтихо на трон Франции.

I

ГРАФИНЯ И ЕЕ ДОЧЕРИ

1843 год наступил. Прадо, это восхитительное место прогулок мадридской знати, своими группами деревьев, отдаленными дачами и бесчисленными дорогами напоминающее Булонский лес в Париже, было заполнено наездниками и дорогами экипажами.

В эти часы забывалось тяжелое, печальное бремя, уже несколько лет тяготеющее над Испанией.

Война за престолонаследие все более опустошала некоторые провинции и нельзя было надеяться на скорый ее конец. Но в Прадо не было заметно ни нужды, ни печали — куда ни устремлялся взгляд, везде встречал он блеск и роскошь!

Между многочисленных экипажей с гордыми и быстрыми лошадьми, ехавших по широкой дороге, особенно выделялся один своим великолепием и четырьмя прекрасными андалузскими рысаками, которые грациозно бежали перед роскошной коляской. Их сбруя, оправленная в серебро, и богато вышитая ливрея форейтеров свидетельствовали о богатстве тех, кто сидел на белых шелковых мягких подушках и наслаждался свежим, бодрящим воздухом раннего вечера. По большим гербам можно было узнать экипаж чрезвычайно бога-

того лорда Кларендона, который временно жил в Мадриде; его самого, однако, не было в коляске, там сидели три дамы, которые своей красотой привлекали к экипажу еще больше внимания.

Коляску сопровождали нарядные знатные всадники, усердно старавшиеся удостоиться взгляда или ответа на свои низкие поклоны.

Иная донна с завистью смотрела украдкой, как кавалеры двора сореживались в том, чтобы быть замеченными тремя дамами.

Затем приблизился к ним экипаж старого инфанта Генригуэса, и этот любезный кавалер, двоюродный брат королевы — матери Марии-Христины, позволил себе бросить дамам специально приготовленный для этого великолепный букет цветов.

Старшая из трех дам была графиня Теба де Монтихо, все еще красивая черноглазая тридцатилетняя женщина; две другие были ее дочери Мария и Евгения, придворные дамы молодой королевы Изабеллы, такие же молодые и прекрасные, как и их повелительница.

Графини были признаны самыми очаровательными девушками при испанском дворе.

Каждый, кто видел их, не мог решить, кому отдать предпочтение, как мифологический Парис, не сумевший решить спор между Юноной, Венерой и Минервой, чтобы отдать золотое яблоко самой красивой из них. Обе они были прелестны, обе покоряли молодостью и красотой.

У Марии, так же как и у матери, были роскошные черные волосы и темные, огненные глаза, красота ее сестры Евгении была совершенно другая. Ее отмечал мечтательный взгляд сияющих мягким светом глаз, волосы ее имели редкий золотистый оттенок, и в то время как Мария обладала всеми обольстительными качествами страстной андалузки, Евгения напоминала дочерей Альбиона, но с чудесным роскошным станом и гордой осанкой испанки.

Они напоминали распускающиеся бутоны, и восхитительное дыхание только что покинутого детства окутывало их, как запах розы.

Без сомнения, эти бутоны расцветают, к тому же на юге, скорее и раньше, если их окружает придворная атмосфера. В особенности это было заметно по красоте Евгении, которой невозможно было противостоять.

Графиня смотрела с гордостью на своих дочерей, с помощью которых надеялась добиться блистательного положения, хотя ее лично, как мы это увидим, не покинуло желание побед, и после смерти мужа она сумела собрать вокруг себя многочисленных поклонников.

Грациозно откинувшись в коляске, выставляя напоказ драгоценные наряды, летели эти три дамы через Прадо, беседуя с важной мушкетершей о последнем придворном бале, на котором к ним с особенной любезностью подошел молодой герцог Альба, отпрыск древнего испанского рода. Конечно, в этом не было ничего необыкновенного, так как прекрасных дочерей графини Теба, подруг молодой королевы, замечали все придворные, в особенности Евгению, которая могла называться подругой Изабеллы, но молодой герцог Альба имел в глазах расчетливой матери совершенно особое преимущество.

Он был для графини не только приятным кавалером, ибо почитал за правило, что если кто хочет завоевать дочь, то не должен оставлять без внимания мать, но также и желанным зятем, лучше которого и более блестящего, едва ли могла ожидать госпожа де Монтихо.

Ухаживанье молодого герцога было так заметно, что все полагали, что он имеет серьезные намерения, и больше всех надеялась на это мать графинь.

Вдруг Мария, глядя на одну из боковых аллей, с беспокойством сжала руки своей сестры и матери.

— Он идет, я предчувствовала это,— прошептала она.

Евгения посмотрела в ту же сторону и увидела в аллее герцога Альба, одетого в капитанский мундир; на чудесной лошади, в сопровождении жокея, он быстро приближался по той дороге, по которой следовал экипаж дам.

— Ты кажешься взволнованной, Мария,— заметила сдержанно графиня: — о ком ты говоришь?

— Герцог Альба едет там, дорогая мама,— возразила Евгения,— он узнал нас и летит сюда галопом — посмотри только, что за восхитительная лошадь сегодня под ним!

Госпожа Монтихо также повернулась в ту сторону, откуда приближался к экипажу молодой кавалер. Он поклонился им еще издали и ударил шпорами своего скакуна, так что его рыцарский поклон с дико вставшей на дыбы лошади произвел большое впечатление и представил для дам очень привлекательное зрелище.

— Красивый, смелый мужчина молодой герцог,— сказала с любезной улыбкой графиня,— истинный кавалер, трудно отыскать ему подобного.

Всадник скоро приблизился и можно было узнать в нем одного из тех дворян, внешность которых, если лишить их дорогих мундиров, отличной лошади, одним словом, всего блестящего наружного обрамления, ясно показывает, что они наслаждались жизнью более, чем того требует благоразумие.

Молодому герцогу Альба было 25 лет. Он носил бороду, как Генрих IV. Лицо его было узким и бледным, глаза без блеска, их можно было назвать почти матовыми, а капризные очертания губ указывали на избалованность знатного вельможи.

Жокей, сопровождавший герцога, был одет в красную ливрею, обшитую позументами и украшенную гербами Альба, и в белые обтянутые панталоны, заправленные в сапоги с лакированными отворотами. Он остался в нескольких шагах позади, в то время как герцог с любезным поклоном приблизился к экипажу графинь и подскочил к дверцам.

— Я счастлив опять видеть здесь графинь! — воскликнул он и взглянул на трех дам,— внутренний голос обещал мне это, и ничто не могло удержать меня в кругу товарищей, часть которых отправляется сегодня в армию Конхо!

— Очень лестно для нас, благородный дон,— ответила графиня от имени своих дочерей.

— Как понравился контессам придворный бал?

— Единственная фальшивая нота, которую я могла заметить,— сказала Мария с плутовской улыбкой,— это то, что он слишком скоро кончился!

— Он будет возобновлен, милостивая государыня!

— Сомневаюсь, чтоб это было в скором времени, герцог,— вступила в разговор Евгения, обратив взгляд своих прекрасных глаз на всадника,— известия из армии неблагоприятны!

— Тогда я должен буду тоже поспешить к войскам, чтобы сражаться за скорое возобновление придворного бала,— вскричал герцог несколько хвастливо.

— Ну, разве только за это,— сказала Евгения простодушно,— вы в самом деле считаете себя таким непобедимым, что только недостает вашей шпаги, чтобы победить карлистов?

— Евгения,— проговорила с упреком графиня Мария.

— Герцог прощает несколько нескромные вопросы,— смеясь, успокоительно сказала мать.

— О прощении ни слова — контесса восхищает меня! — воскликнул герцог, скача рядом с коляской, на которую были обращены все взоры,— когда б я имел таких врагов, как донна Евгения, то, без сомнения, скоро был бы побежден и пленен!

Евгения слегка поклонилась с несколько иронической улыбкой. Близость высокопоставленного герцога только льстила ей и доставляла приятное развлечение, тогда как для контессы Марии она была чем-то большим. Эта последняя украдкой смотрела на всадника и думала о герцогской короне, которая так заманчиво его украшала.

Графиня отметила про себя, что этот Альба находит удовольствие в обществе ее дочерей, но не знала еще, которую он предпочитает. В то время как он необыкновенно любезно продолжал разговаривать с контессами, показывая это всему высшему свету Мадрида, занятому Прадо, графиня решила провести этот вечер не без пользы.

Когда экипаж свернул на улицу, чтобы отвезти дам назад в их отель, госпожа Монтихо пригласила герцога Альба быть ее спутником, и молодой дон, которого привлекали развлечения, устраивавшиеся в доме графини, с радостью принял приглашение.

Он не подозревал, какие надежды питала мать контесс, но остался возле экипажа, пока он не остановился перед прекрасным зданием, где в пышных комнатах жила графиня со своими дочерьми.

Жокей поспешил к герцогу и держал его лошадь, пока тот, быстро соскочив с седла, помог дамам выйти из коляски. Как истинный придворный, повел он графиню в залы, уже освещенные бесчисленным множеством свечей.

Госпожа Монтихо вела открытую жизнь, и все кавалеры Мадрида считали за честь быть приглашенными в ее веселый круг; она была судь же умна, как и красива, и вместе с обеими дочерьми действовала на общество как сильный магнит.

Графиня была довольна, что Евгения и Мария удалились на минуту, чтобы переменить туалеты — она осталась одна с герцогом в пышно убранной комнате и пригласила его сесть в великолепное кресло напротив нее.

— Употребим на короткий разговор то время, пока мы одни, герцог,— сказала графиня, играя дорогим веером, как будто стараясь преодолеть смущение.— На разговор, который, мне кажется, я должна считать своим долгом.

— Вы возбуждаете мое любопытство, графиня,— возразил герцог.

Мать в этой чудесно разыгранной сцене казалась очень соблазнительной, так что его взгляд был обращен на нее с большим интересом, и он совершенно не мог представить себе, чего могла касаться эта важная беседа.

— Графини, дочери мои, конечно, еще очень молоды,— начала искусная и решительная во всяком деле графиня Теба.

— Очень молоды и очень красивы,— подтвердил герцог.

— Говорят! Они находятся в дружеских отношениях с ее величеством королевой Испании, и потому не надо забывать, что они должны быть весьма осторожны и достойны уважения и что свет смотрит на них с большой завистью.

— Обыкновенно так и бывает со всеми замечательными людьми, графиня, тем более — с контессами.

— Ваше сближение с нами, герцог, я так ценю, что старалась удержать слова, которые уважение к общественному мнению делает необходимыми, чтобы сохранить чистую гармонию между нами. Прекрасно, когда существуют поэтические, платонические отношения, но мы живем в кругу людей, которые не хотят верить в такие отношения.

— Совершенно справедливо, графиня,— отвечал герцог, который только начал догадываться, какой смысл заключается в этой откровенной беседе.

— Вы для меня очень милый гость и я чувствую к вам, герцог, такую же большую привязанность, как и к графиням, моим дочерям.

Альба встал, чтобы в знак признательности поцеловать руку любезной графини.

— И потому позвольте мне быть откровенной,— продолжала умная барыня, приподнимаясь и грациозным движением отбрасывая шумящий шелк своего темно-красного платья.— Ваше постоянное внимание заставляет меня предполагать, что вы равнодушны к моему семейству. Общественное мнение утверждает еще большее.

— Это, право, удивляет меня.

— И потому я считаю долгом спросить вас, герцог, сопровождается ли ваше сближение серьезными намерениями, одним словом, имеете ли вы в виду соединиться с одной из контесс?

Графиня Теба опустила глаза, как будто эта сцена была для нее мучительна, она тихо вздохнула и ждала с нетерпением ответа молодого герцога, прижатого, так сказать, к стенке этим вопросом, над которым он еще не задумывался.

Графиня, казалось, хотела прекратить наступившее тяжелое молчание и потому продолжала:

— Вы облегчили мой вопрос, герцог, ибо еще прежде дали мне понять ваш ответ. Все-таки я должна была сказать вам эти открово-

венные слова и прошу вас таким же образом откровенно и без обиняков сказать мне о вашем решении.

— Это нетрудно для меня, графиня,— возразил герцог Альба,— конечно, таково было мое намерение — только до сих пор мне было невозможно...

— Сделать выбор? Ах, я понимаю, мой дорогой дон! С вами случилось то, что бывает со многими кавалерами, когда они должны выбирать между двумя сестрами — вы сами еще не решили, которой из них вы желали бы предложить руку, и меня это, право, интересовало. Но не нужно быть опрометчивым.

— Честное слово, они одинаково прекрасны, одинаково любезны...

— И почти одинаково молоды,— прервала герцога счастливая своей победой мать,— и благодаря этому у вас есть больше времени для размышлений.

— Я просил бы вас, любезная графиня, дать мне срок, в продолжение которого я решу свой выбор. Он, право, труден.

— Назначьте время, герцог, мои дочери до тех пор не должны знать ничего о дружеской беседе, которую я сейчас имела с вами.

— Вы в высшей степени благосклонны ко мне. На следующем придворном балу, на котором я буду иметь честь изъявить вам и графиням свое почтение, вы узнаете мое решение, графиня.

— Которая будет счастливицей, Мария или Евгения? Должна признаться вам, что я так же любопытно, как если бы сама была одной из них.

— Будьте так добры, устройте, чтобы графиня Мария явилась на бал с розовой шалью, а графиня Евгения — с голубой, тогда в кадрили я приколю к плечу бант того же цвета, в какой будет одета моя донна, для того чтобы навсегда соединиться с нею.

— Чудесно, герцог!

Графиня еще имела время закончить важный разговор, пока обе прекрасные графини вошли в комнату.

II

В АРАНЖУЕССКОМ ПАРКЕ

Прошло несколько недель после описанного разговора. Наступило военное, кровавое время для Испании!

Войска Дон-Карлоса, брата умершего короля Фердинанда VII, который все еще не отказался от своей претензии на испанский трон, дошли уже до Мадрида, и Мария-Христина, которая в сообществе с решительно действующим Эспартеро управляла вместо молодой королевы Изабеллы, уже несколько дней как бежала с нею и со всем двором в Аранжуес, ибо бомбы карлистов, несмотря на отчаянные атаки хрисиносов, долетали до высоко расположенного мадридского королевского замка.

Аранжуес всегда был любимым убежищем испанских государей, даже когда летом они искали отдохновения, а потому и на сей раз местопребывание это имело вид как необходимости, так и наслаждения.

Королева-мать не упускала случая взять с собой в Аранжуес страстно любимого ею после смерти мужа и заметно предпочитаемого лейб-гвардейца Мунноца, красивого, прекрасно сложенного мужчину. Она сделала его, хотя он был всего лишь сыном мелочного торговца из Тарануна, герцогом Риансаресским и не пустила его в армию, в которой он, без сомнения, должен был находиться в такое опасное время, под тем предлогом, что должна была иметь в непосредственной близости смелого и отважного защитника.

Эта Мария-Христина, мать молодой королевы Изабеллы, отлично умела придать правдоподобие своим наклонностям и оттого служила очень опасным и безнравственным примером для своей дочери и для придворных дам.

Аранжуес был прекрасным оазисом в дикой пустынной возвышенности Новой Кастилии.

После дороги, почти лишенной растительности, после пустой степи этот замок удовольствия со своим искусно распланированным и орошенным парком представлял собой восхитительное зрелище.

Темная зелень роскошных каштанов позади старинной, обросшей мохом стены перемежалась со светлыми кронами лимонных и миндальных деревьев, а над ними распускали свои величественные, слегка покачивающиеся верхушки, как бы для защиты от раскаленных лучей солнца, высокие пальмы. Глубокая тень и влажная прохлада встречали путника, как только он проезжал искусно затененное озеро и серый, с колоннами, богато украшенный замок.

По левую сторону тянулись цветники с душистыми цветами из самых разных стран и с гигантскими тропическими растениями, а позади раскинулись в пышной красоте могучие деревья и рощи, обязанные своим существованием старинному водопроводу. Обширный, удивительный парк с дорогами, гротами и павильонами во французском вкусе прошедшего столетия несколько напоминал версальские сады.

Мы находим здесь множество старательно высеченных утесов, чудной формы кустарники и клумбы. Нептун и дриады из белого мрамора, наполовину закрытые листьями, выглядят отовсюду из-за кустов.

Возле веерных пальм, кипарисов и померанцевых деревьев мы видим многолетние дубы и каштаны, между ними — парковые киоски, красивые, полуоткрытые беседки в турецком вкусе, богато украшенные, с золотыми полумесяцами, с выпуклыми шатрообразными крышами, под которыми висят тысячи колокольчиков, а в них стоящие на ярких коврах пуховые оттоманки, кресла и красивые садовые стулья.

В самой большой из этих беседок расположилась Мария-Христина со своей свитой.

Изабелла, молодая королева, напротив, с удовольствием предо-

ставив управление своей матери и испытанному Эспартеро, предпочитала бегать, шутя и играя с прекрасными и милыми придворными дамами, своими ровесницами, по тенистым благоухающим дорожкам чудесного парка.

Прежде чем мы подслушаем болтовню прелестной молодой королевы с Евгенией де Монтихо и маркизой де Бевиль, следует бросить взгляд на беседку, где обсуждают положение страны.

Возле Марии-Христины, все еще прекрасной благодаря искусному туалету (на ней было красно-малиновое атласное платье с накинутой поверх него белой, богато вышитой мантильей) стоял в блестящем мундире высокий, широкоплечий Мунноц. Недавно произведенный герцог, с неуклюжими манерами, высокомерный от сознания своих интимных отношений с королевой-матерью, положил большую руку в белой перчатке на позолоченную спинку стула, на котором сидела эта дама, с удовольствием покоившая взгляд своих маленьких блестящих глаз на его фигуре.

Мунноц знал и видел это, и можно себе представить, насколько это обстоятельство питало и увеличивало высокомерие необразованного выскочки.

По другую сторону стула, позади которого сгруппировались придворные дамы, стоял Эспартеро в полном генеральском облачении. Видно было по печальному и мрачному выражению его лица, что кроме забот, причиняемых ему войной, у него были еще другие печали.

Эспартеро, герцог Витториа, человек, выигравший многочисленные сражения и обладавший таким доверием страны, что был избран в соправители королевы-матери, был явным противником расположения, оказываемого Марией-Христиной бывшему лейб-гвардейцу Мунноцу, которому она намеревалась предложить свою руку, и ее расположения к иезуитам, которые для укрепления своего влияния готовы были содействовать таким отношениям.

Эспартеро был честный человек и верный защитник своего отечества. Он предвидел, что оба эти обстоятельства были худшими его противниками и более опасными, чем карлисты, которые рано или поздно во всяком случае должны будут смириться.

Кроме этих лиц и некоторых приближенных адъютантов и прелатов, в беседке находился еще генерал Нарваес, только что прибывший в Аранхуес с новейшими известиями. Он с некоторого времени с большой храбростью и решительностью предводительствовал несколькими конными полками, доставлявшими Дону Карлосу чувствительный вред, а ему — благосклонность королевы-матери.

Кроме того, поскольку при испанском дворе главную роль играли различного рода интриги, была еще и другая причина, по которой Мария-Христина дарила его своим вниманием.

Нарваес, человек с серьезным, почти квадратным лицом, около 38 лет от роду, смелый в бою и рыцарски обходительный с дамами, был тайным врагом и завистником маршала Эспартеро; он стремился, как это подметила и королева-мать, к высшему могуществу, и был именно такой человек, который мог бы свергнуть и уничтожить маршала, если бы тот сделался обременительным для Марии-Христины,

женщины хитрой и руководствовавшейся только своими соображениями.

— Надеюсь, что вы, наконец, принесли нам хорошие известия, генерал,— сказала королева-мать,— которые избавят нас от постоянно озабоченного вида нашего маршала и от его слов, тоже исполненных забот.

— К сожалению, я не настолько счастлив, ваше величество, я не принес вам добрых вестей,— возразил Нарваес, кланяясь,— войска Карберы и его офицеров окружили Мадрид, и хотя мне и на этот раз удалось оттеснить их от Толедо снова к горам, все-таки я должен сознаться, что карлисты имеют несколько таких полководцев, за которыми нельзя не признать храбрости и смелости.

— Гм... назовите мне их, генерал, нам бы хотелось знать не только смелых мужей наших войск, но и смельчаков наших врагов,— произнесла королева-мать.

— Особенной известностью пользуются трое молодых искателей приключений, которых Карбера более других отличил в одном из последних сражений и возвел их в предводители войск,— это испанец Олимпико Агуадо...

— Потомок древнего дворянского рода, если не ошибаюсь,— прервала Мария-Христина.

— Затем маркиз де Монтолон и итальянец Филиппо Буонавита.

— Надо будет захватить их и постараться склонить на сторону наших войск. Пусть маршал укажет нам путь к этому.

— Это дело второстепенное, генерал,— сказал сопровителем обычным своим простым тоном, — сообщите нам о положении в армии, а не о врагах.

— Карлисты захватили целое полукружие Сиерры-де-Гвадарамо до реки Тахо — их аванпосты заняли городок Алкалу и пушки все еще грозят нашей столице. В скором времени многочисленные войска направятся к Толедо, вот и все, что я знаю, ваше величество,— сообщил Нарваес, не обращаясь при этом к Эспартеро,— я поспешил сюда затем, чтобы узнать, получу ли себе подкрепление.

— Генерал Конхо уже находится на пути к Толедо, на днях он присоединится к вам и примет начальство, а потому вам нечего бояться,— произнес маршал Испании с достоинством, а Нарваес побледнел от злости при известии, что он будет стоять ниже Конхо.

— Бояться, маршал,— повторил генерал таким раздраженным тоном, что королева-мать сочла необходимым прервать его, потому что минута, в которую она хотела воспользоваться Нарваесом, еще не наступила.

— Мы приглашаем вас отдохнуть в помещении парка до наступления ночи, пусть принесут вина, мы выпьем с генералом Нарваесом за скорое усмирение восстания, настолько же незаконного, насколько и кровавого.

Слуги поспешили исполнить приказание регентши, и вскоре в дорогах граненых хрустальных стаканах заискрился сок испанских виноградников.

Мунноц, герцог Риансарес, храбро вступил в беседу.

— Говорят,— начал он,— что кроме приверженцев Дона Карлоса составляются еще и другие шайки в Наварре, и ходят странные слухи о каком-то инфанте Франциско, который будто бы тоже желает изъять притязания на престол. Его называют, как я слышал, Черной звездой.

Будь это кто-либо другой, а не Мунноц, за такое замечание, затронувшее темное касающееся двора дело, он непременно впал бы в немилость.

— Нас бы несколько не удивило, если бы даже эту баснословную роль и принял на себя какой-нибудь бродяга,— сказала королева-мать,— мы были бы тогда подготовлены к ежедневному появлению нового любителя трона, который по праву и по закону принадлежит единственно нашей дочери. Можно подумать, что вы хотите потешить нас сказками, милый герцог.

За этими словами последовала неловкая пауза, Эспартеро подошел к адъютанту, Нарваес вышел из беседы, увидев, что Мария-Христина желает остаться наедине с герцогом Риансаресом, вероятно, для того, чтобы дать ему понять в интимном разговоре, что она никогда более не желает слышать такого напоминания. Притом Нарваес знал так же хорошо, как и маршал, тайну, заключающуюся в этих словах, и мы узнаем ее в следующей главе, ибо прежде нам надо подслушать разговор молодой королевы Изабеллы и ее прекрасной придворной дамы, к которым направился и Нарваес.

Прелестная дочь Марии-Христины была одета в белое атласное платье, легкая голубая мантилья спускалась так низко с ее плеч, что давала возможность любоваться уже хорошо развитыми формами. На юге цветы распускаются быстрее, и молодая королева, едва достигнув четырнадцатилетнего возраста, обладала уже всеми прелестями, которые делают хорошенькую девушку привлекательной.

То же можно было сказать и о донне Евгении, которая была немного постарше. Она сопровождала королеву в Аранжуес, а сестра ее Мария осталась в Мадриде. Бал, приличествующий обстоятельствам, еще не был дан по причине страшных смут.

Стройная, высокого роста, молодая графиня была одета в голубое шелковое со шлейфом платье, которое как нельзя более шло к ее нежному лицу и белокурым, с золотистым оттенком волосам. Прекрасная Евгения знала это очень хорошо; своей маленькой белой рукой она кокетливо играла веером, идя подле Изабеллы, только что украдкой поцеловавшей увядшую розу. Молодая королева поцеловала розу, а Евгения тонко и скрытно улыбнулась: ей, конечно, была известна нежная тайна, сопряженная с этим цветком, точно так же, как и маленькой хорошенькой француженке Пауле де Бельвиль, которая, резвясь, побежала за двумя бабочками и показала при этом Нарваесу, медленно следовавшему за молодыми дамами, свою прелестную ножку, так как одежда ее была высоко приподнята по последней парижской моде.

— Я знаю о чем вы теперь думаете, ваше величество,— шепнула Евгения,— я умею отгадывать мысли; вы теперь представляете себе генерала Серрано в ту минуту, как он сорвал эту розу и подал ее вам.

— Где-то он теперь, Евгения?

— Наша судьба одинакова, ваше величество. Тот, кого я люблю, сражается против наших врагов!

— Мы не таимся друг от друга, Евгения, а потому скажи мне, кому даришь ты свою любовь, Нарваесу или герцогу Альба?

— Первому из них, ваше величество, я люблю его страстно.

— Будем надеяться, что мы снова увидимся с ними. О, они оба благородные и великие люди,— говорила королева,— жертвуя своей жизнью, они направляют меч...

Но в эту минуту маркиза де Бельвиль внезапно тихо вскрикнула, увидя генерала Нарваеса, а Изабелла поспешила спрятать увядший цветок на своей прелестной груди.

Королева и Евгения обернулись, следя за взором маркизы.

— Простите, ваше величество, будьте снисходительны, графиня Евгения,— проговорил генерал, подходя к ним с глубоким почтением,— я прервал вашу интимную беседу.

— Вы здесь, генерал,— воскликнула молодая королева, многозначительно взглянув на Евгению, которая слегка покраснела,— вот неожиданность!

— Ночью я буду перед врагами вашего величества, а теперь несколько часов проведу с вами,— сказал Нарваес, идя с дамами мимо зеленой решетки парка.— Это искусство всадника. Я буду собственным курьером и через несколько часов снова вернусь в Толедо.

— Благодарю вас за то, что посреди воинских планов вы не забыли нас.

— Я всегда вижу вас перед собою, ваше величество.

— А, так вы можете быть не только воинственным, но и любезным, генерал; наша графиня Евгения была права.

— Это очень любезно с вашей стороны, что вы замолвили за меня словечко,— сказал Нарваес,— такой милости я не ожидал.

— Вы только не очень уж преувеличивайте эту милость, генерал,— произнесла Евгения Монтихо, очаровательно улыбаясь.

— Вы хотите сказать, что там, где улыбается солнце, могут находиться и тучки, но я говорю, что надо радоваться солнышку, пока оно светит.

— Какие же известия привезли вы нам,— прервала его Изабелла,— есть ли какие-нибудь вести о Убеда и о графе Тортоза, о доне Серрано и о Приме?

— Они стараются обойти неприятельские войска, окружить их и разбить. Еще вчера офицеры Толедо обсуждали между собой, как молодой генерал Серрано несколько дней тому назад имел дело при Сеговиа, в котором он...

— Он ранен? — спросила с испугом Изабелла.

— Он получил легкую рану в плечо, но зато имел счастье отбросить противника,— сообщил Нарваес.

— Храбрый человек, он заслуживает богатой награды,— воскликнула с энтузиазмом молодая королева.

Пока генерал прогуливался с дамами по парку мимо благоухающей розовой рощи, заходящее солнце уже успело позолотить верхушки деревьев и в парке распространился тот приятный полусвет, таинственность которого еще более увеличивается от удлиняющихся теней.

Вдруг из боковой аллеи к разговаривающим стал быстро приближаться какой-то монах, плотно завернувшийся в свою рясу и капюшон. Он как-то недоверчиво оглянулся и подал знак увидевшему его генералу подойти к нему.

Появление монаха в парке Аранжуеса и в непосредственной близости к членам королевской семьи никого не могло удивить, потому что в свите Марии-Христины было очень много духовных и набожных лиц.

Изабелла и ее придворные дамы не удивились и тому, что монах шел так поспешно, но молодую королеву поразило то, что он таким странным образом подозвал к себе генерала.

Нарваес и сам был удивлен, но так как по жестам монаха можно было догадаться, что дело у него важное и спешное и к тому же приближалась пора возвращения генерала в Толедо, он попросил у молодой королевы позволения проститься. Изабелла и сопровождавшие ее дамы попрощались с ним, и когда Нарваес подошел к странному монаху, молодая королева послала маркизу в замок и велела ей узнать, кто такой был этот монах.

Он откинул немного назад свой капюшон только тогда, когда тот, с кем он так нетерпеливо желал говорить, подошел к нему совсем близко. Нарваес из-за увеличивающейся темноты немного мог разглядеть в лице духовного брата, он лишь заметил, что тот был еще очень молод и бледен..

— Чего желаете вы от меня? — коротко спросил Нарваес.

— Я спешил сюда из Алкалы для того, чтобы переговорить с вами.

— Вы задыхаетесь, вы покрыты пылью — как удалось вам пройти через аванпосты карлистов?

— Потому-то я и избрал эту одежду; как монаха, меня пропустили, что в другом случае было бы невозможно.

— Так вы переодеты, кто же вы такой?

— Меня привело сюда желание сообщить вам,— шепнул монах, избегая ответа, и таким голосом, который показался Нарваесу подозрительным,— что карлисты замышляют что-то недоброе на сегодняшнюю или на следующую ночь.

— Вы хотите меня предостеречь,— делаете ли вы это только из преданности приверженцам Христины?

— Вы все узнаете, генерал, только свято обещайте мне, что не выдадите меня и не задержите здесь.

— Я обещаю вам это.

— Если так, смотрите,— прошептал монах каким-то страдальческим голосом, и огляделся вокруг черными блестящими глазами, откинув назад свой капюшон.

— Так вы девушка? Я это подозревал,— улыбнулся Нарваес, но улыбка исчезла с его уст, когда он опять увидел изможденное, бледное, покрытое потом лицо. Было ли страшное волнение, изображавшееся в чертах испанки, только следствием трудной далекой дороги, совершенной ею в такой толстой одежде, или была тут какая-нибудь еще другая причина?

— Берегитесь, генерал. Один из предводителей карлистов, страшный, смелый полководец, вместе со своими знатными товарищами покинул вчера рано утром свои аванпосты. Они должны быть теперь по эту сторону Мадрида. Вам и всем здешним грозит большая опасность.

— Как, дитя мое, от трех-то карлистов?

— Вы их не знаете — вы не знаете Филиппо!

— Ты говоришь об итальянце Филиппо Буонавита?

— Да, о нем — бойтесь его так, как я его проклинаю!

— Понимаю, дитя мое, он обманул тебя, и ты мстишь ему тем, что выдаешь его. Это сильное доказательство твоей ненависти! На твоих ногах содрана кожа, я велю дать тебе в замке чего-нибудь освежительного.

— Ничего мне не надо,— воскликнула девушка сдавленным голосом,— Жуана сейчас же отправится в Алколу.

— Но как же ты пойдешь ночью?

— Я буду следить за ними! Какие у них замыслы, этого мне не удалось выведать, хотя, победив ненависть, я и старалась, прикидываясь влюбленной, выведать их у Филиппо! О, Жуана была кошкой, змеей. Сердце мое дрожало от ненависти, а я улыбалась — но он не выдал ничего из своих планов.

— И ты думаешь, что трое безумно смелых всадников находятся по эту сторону Мадрида?

— Клянусь именем Святой Девы — я видела их по дороге.

— Как зовут двух знатных товарищей твоего коварного Филиппо? — спросил Нарваес, полный ожидания.

— Дон Олимпие Агуадо и маркиз Клод де Монтолон.

— Это они! Я только что слышал о них!

— Следовательно, вы знаете, что вам угрожает.

— Ты думаешь, что они направились к Толедо?

— Я уверена, что они хотят прибыть сюда ночью и застигнуть врасплох ваши аванпосты.

— Ведут ли они за собою войско?

— Нет, они сами по себе составляют войско, вы должны их страшиться так, как если бы это был целый полк.

— Ты преувеличиваешь, дитя мое. Но спасибо тебе — вот возьми себе кошелек в награду.

— Золото дарите бедным. Жуана отомстила за себя. Она будет и еще служить вам во вред Филиппо Буонавита, — шепнула девушка, и в ее словах слышалась страшная, неукротимая ненависть.

— Надо спешить, когда так! Может быть, я встречу дорогою этих известных предводителей войска карлистов.

— В таком случае вы погибли, генерал, берегитесь.

— Прощай, спасибо тебе, дитя мое!

Жуана снова спрятала под капюшон свои черные, от дальней дороги влажные и спутанные кудри, а затем быстро и неслышно скрылась в боковой аллее. Между тем Нарваес, которому такое известие доставило некоторого рода удовольствие, не сказав никому о случившемся, поспешно простился и отправился в Толедо. Он мог смело полагаться на своего превосходного коня, на свою острую шпагу, которой он владел отменно, и на два пистолета в седле. Уже стемнело, когда генерал покинул замок.

III

ЧЕРНАЯ ЗВЕЗДА

В то самое время, когда все описанное происходило в парке Аранжуеса, на опушке небольшой темной каштановой рощи, перед которой терялась в неоглядной дали равнина Новой Кастилии, около камней и кустарников лежали две странные личности. Их можно было бы принять за воров, которыми изобиловала Испания во время господствовавших тогда беспорядков, но мундиры их показывали, что они принадлежат к партии Дона Карлоса.

На них были надеты короткие плащи, золотые нашивки которых говорили о том, что это не простые солдаты, синие брюки, опоясанные широким красным поясом и небольшие шляпы, золотые украшения, блестящие в лучах заходящего солнца, довершали их убор. Около них лежали шпаги и карабины, а за поясом виднелись рукоятки кинжалов. Их лошади были привязаны в двадцати шагах от них; в чаще.

Один из них, человек лет 35, подперев голову рукой, серьезно смотрел вперед, тонкие черты его лица, окаймленного темной, тщательно ухоженной бородой, указывали на то, что это был человек знатного рода. Даже усталость от долгих и беспокойных походов не могла изгладить этих признаков, и хотя жгучее солнце Испании сделало смуглым его лицо, но не изменило его благородных черт.

— До сих пор еще нет и следа Филиппо,— сказал тихо второй человек, темные большие глаза которого блуждали по равнине. Он казался еще более высоким и широкоплечим, чем лежавший около него товарищ, хотя, по-видимому, был много моложе его. Резко очерченное, смуглое лицо и небольшой золотой образок, висевший на шее, показывали в нем испанца.

— Клянусь именем Святой Девы, он что-то долго не едет. Как далеко отсюда до Аранжуеса, Олимпио? — спросил первый, приподняв маясь.

— Около двух миль. Час тому назад расстался с нами Филиппо. Приблизиться к хорошо охраняемому замку королевы представляет

довольно трудное дело. Только бы он не опоздал. Уже солнце прячется в глубокой тени гор, где ждут в ущельях наши войска. Черт возьми, если наше драгоценное предприятие удастся нам, маркиз, я думаю, тогда решится судьба нашей войны,— говорил Олимпио Агуадо, испанец крепкого телосложения,— славное это предприятие. Там, около Толедо, расположились приверженцы Христины, надо будет потом известить их несколькими ядрами, пущенными в их лагерь, о том, что мы были здесь; но ты о чем-то задумался, Клод.

— Мне сдается, что смелое намерение Филиппо приблизиться днем к замку не удалось,— заметил серьезный маркиз де Монтолон,— его конь, пожалуй, лучший во всей окрестности, и уж по одному этому его заметят.

— Может быть, в Аранжуесе его пригласили к ужину,— засмеялся Олимпио,— во всяком случае, мы должны ждать его здесь. Филиппо смел и проворен, как редкий итальянец, я не боюсь за него. Единственное, что могло его задержать, это какая-нибудь хорошенькая сензора.

— Я тоже подумал об этом, поплатится он своей шеей за эти проклятые проделки.

— Уж у него такая страсть, он не может пропустить ни одной хорошенькой девушки.

— Он не довольствуется одной только шуткой. Его лозунг — наслаждаться,— сказал Олимпио,— он такой же отчаянный в любви, как и в сражениях. Черт возьми, он смелый завоеватель, умеющий побеждать сердца девушек, подобно тому, как побеждает своих врагов. В Алколе он тоже принялся за свою игру!

— Два дня тому назад я видел эту сеньюру — она дочь Алькалдена. Я подметил отчаяние на ее лице — ее красота равняется ее страсти, и мне кажется, что Филиппо будет наказан за свое вероломство.

— Как! Ты думаешь, что Жуана имеет какой-нибудь замысел против него! Клянусь всеми святыми, ты плохо знаешь сеньюру. Она влюблена в него и бегаёт за ним по пятам.

— Филиппо должен бы ей менее доверять!

— Он болтает ей только о своей любви, тайком жмет руки и горячо целует ее губки, чего им и хочется обоим. Но взгляни сюда, не замечаешь ли ты облака пыли на горизонте?

Клод взглянул туда, куда указывал Олимпио, и тоже увидел, несмотря на вечерний полумрак, что по равнине все ширилось серое, постепенно увеличивающееся пятно.

— Черт возьми, уж не партизаны ли это Христины! Мне кажется, что тень эта слишком велика для одного всадника.

Маркиз вскочил на ноги — его стройный красивый стан теперь только можно было вполне оценить — и стал внимательно всматриваться в приближающееся облако.

— Это Филиппо,— сказал он,— он летит с быстротою ветра.

— Может быть, его преследуют королевские слуги?

— Он так пригнулся к шее лошади, что можно подумать — на коне нет седока.

— Это он, он всегда так делает,— вскричал довольный Олимпио и тоже поднялся во весь свой атлетический рост навстречу Филиппо Буонавита, который бешено скакал по направлению к роще, где стояли оба карлиста.

Маркиз был прав, говоря, что ездока совсем не видно — стройная фигура итальянца как бы срослась с конем; только теперь, когда он был уже довольно близко, можно было узнать смуглое чернобородое лицо Филиппо, наклоненное к шее лошади. Он снял свой головной убор — его черные волосы, смешиваясь с гривой лошади, развевались по воздуху, рассеиваемому быстрой ездой. Его продолговатое, худощавое лицо было бледно и покрыто потом, глаза горели.

— Благодарение святым! — воскликнул он, соскочив с коня, при виде ожидавших его друзей.

— Черт возьми, что у тебя за вид? — спросил Олимпио, увидев расстроенное лицо итальянца, — не гнались ли за тобой приверженцы Христины?

— Per Dio *, Филиппо не даст себя гнать приверженцам Христины, — отвечал, ведя свою лошадь под уздцы, итальянец, озирая степь.

— Что ты там ищешь, был ты в Аранжуесе? — говорил между тем маркиз, нетерпеливо ожидая ответа.

— Я был там полчаса тому назад — спрятался в парке, — отрывисто сказал Филиппо, — все в порядке. Сегодня ужин в беседке, я видел молодую королеву и придворную даму так же близко, как вижу теперь вас.

— Отлично, — радостно вскричал Олимпио, — и тебя никто не заметил?

— Никто — Филиппо умеет пробраться тайком!

— Не будем же медлить! На коней! Сегодня ночью должны мы похитить молодую королеву, — восклицал широкоплечий Олимпио и уже готов был поспешить к своему коню.

Маркиз, однако, заметил по расстроенному лицу и беспокойным движениям итальянца, что с ним что-то случилось в пути.

— Ты бледен, Филиппо, — вопросительно прошептал он, — видел ты еще что-нибудь?

— Клянусь именем Святой Девы, видел нечто недоброе для нас, — ответил итальянец.

— Рассказывай скорее — но прежде переведи дух.

— Дайте мне глоток вина, моя бутылка куда-то затерялась.

Маркиз подал ему свою походную флягу. Олимпио снова подошел к ним, желая узнать, в чем дело.

— Покинув Аранжуес полчаса назад, я сделал еще добрый конец вокруг города, — начал Филиппо.

— Видел ли ты войско? — спросил Олимпио.

— Нет, я только заметил, благодаря моему зрению, монаха, покидавшего замок, — я заметил его, между тем как монах и не подозревал, что за ним наблюдают. Поспешными шагами пошел я за ним, но скоро совсем потерял его из виду. Вдруг я увидел на

* Отец небесный (итал.).

расстоянии тысячи шагов отсюда трех всадников. Думая, что это хрестиносы, я решительно бросился к ним!

— Черт возьми! При первом твоём выстреле мы поспешили бы к тебе на помощь.

— Я бы сам справился с тремя,— сказал Филиппо,— если бы это были те, о ком я думал. Пришпорив своего коня, помчался я по направлению к трем всадникам, которые ехали гуськом, шаг за шагом в узком проходе. Я все еще думал, что это разведчики Конхо, так как знал, что последние всегда ездят таким образом.

— Но что с тобой, Филиппо,— спросили друзья, заметив его крайнее волнение и раздражение.

— Ты сердисься — кто же были эти три личности, к которым ты приблизился? — спросил де Монтолон.

— Ночная мгла их окружала,— продолжал Филиппо,— и, может быть, придавала незнакомцам еще более таинственности. Я не принадлежу, конечно, к тем боязливым натурам, которые содрогаются, видя нечто необыкновенное, но...

— Это были, наверно, цыгане, наряженные несколько фантастично,— заметил с иронией Олимпио Агуадо.

Филиппо отрицательно покачал головой, загадочно улыбаясь.— Кто они были, я так и не узнал и не мог даже догадаться,— продолжал храбрый итальянец после минутного молчания.

— Впереди ехал, по-видимому, пожилой человек, вернее старик, на нем была мантия, подбитая мехом, голову скрывал капюшон, наполовину закрывавший его лицо, обросшее седой бородой. За ним следовала на тощей лошади женщина, одетая также в светлый длинный плащ. Она низко пригнулась к шее лошади, казалось, была подавлена каким-то глубоким и тайным горем. Удивительную процессию замыкала молодая девушка, шею и голову которой обвивала испанская шаль, так что в конце концов нельзя было разобрать черты этих таинственных путешественников. Они продолжали свое путешествие, как-будто не замечая меня, но я все-таки был от них на небольшом расстоянии. В первую минуту и я подумал, что это цыгане, но потом решительно потерялся в догадках, и таинственные путешественники стали казаться мне выходцами с того света, я не знал, что думать и на что решиться.

— Вы, итальянцы, еще до сих пор не можете расстаться со своими суевериями,— проговорил маркиз.

Но Олимпио Агуадо схватил его за руку.

— Дальше, дальше,— нетерпеливо повторял он, как будто почувствовал, что значила эта таинственная процессия.

— Кто вы? — спросил я,— продолжал Филиппо.— Никто мне не отвечал.— Клянусь всеми святыми, закричал я, если вы не объявите мне своего имени, я застрелю вас. Кто вы, куда лежит ваш путь?

— С востока на запад,— ответил старик,— не трогай нас, юноша, моя звезда еще не взошла.— Я ринулся вперед — незнакомец открыл свое лицо, прикрытое наполовину капюшоном, и я увидел на его лбу черное пятно. Мне стало страшно, и я отшатнулся.

Обе женщины промчались мимо меня, как будто я не существовал вовсе, и ускакали.

— Нет сомнения, — вскричал Агуадо, — ты видел Черную звезду!

— Черную звезду, — повторил Филиппо и маркиз, — кто это и отчего у него такое прозвище?

— Вы это узнаете дорогой в Аранжуес, — сказал Олимпио, широкоплечий юноша, горевший нетерпением увенчать предпринятое им с товарищами дело похищением молодой королевы Изабеллы. — На лошадей! Явление, виденное Филиппо, будет нам способствовать! Черт побери, земля горит у меня под подошвами... Ну, господа, чудная будет сегодня ночь! Долорес, помоги мне, я знаю, ты молишься за меня. Бедное сердце.

Последние слова произнес Олимпио тихо, затем послал рукой поклон в направлении Мадрида и поспешил к лошадям.

— Ты, Клод, поедешь справа от меня, — вскричал он, — а Филиппо поедет слева! Пока мы будем совершать наш опасный путь, я вкратце расскажу вам все, что знаю про Черную звезду, виденную тобой. Говорят, что его появление предвещает несчастье королевскому двору — и этим самым оно, может быть, послужит нам к удаче, мы похитим молодую королеву.

— Следовательно, Черная звезда причисляется к царству духов? — спросил маркиз, тихо засмеявшись.

Оба товарища ничего не ответили ему на это.

Ночная мгла уже наступила, когда все трое уселись на коней. Лошадь Олимпио была поразительно хороша и сложена так, как это было необходимо при его внушительном сложении; у арабской лошади Клода де Монтолона были такие же мягкие, почти аристократические движения, как и у ее хозяйина, а по весело ржавшему коню Филиппо никак нельзя было заметить, что он со своим всадником проделал такой большой путь.

Все трое выехали на опушку рощи и направились к дальнему увеселительному замку Аранжуес; движимые смелой надеждой, они ехали по равнине, покрытой тьмой ночи. Филиппо все еще вопрошительно поглядывал своими темными блестящими глазами на горизонт, как бы ища чего-то, будучи не в состоянии забыть виденное им.

— Это темная, легендарная история, как раз подходящая к настоящей ночи, — начал Олимпио сдержанным тоном, — что уже видно из прозвища «Черная звезда», данного ему народом. Я прежде тоже не верил в видения; я, как и ты, Клод, относился к царству духов или, лучше сказать, к видениям расстроенного мозга, которые так часто возникают перед одинокими всадниками, едущими через степь, и о которых потом передают рассказы из уст в уста. Только тогда, когда Мануэль Кортина...

— Смотритель замка в Мадриде? — спросил маркиз.

— Только тогда, когда этот честный человек сказал мне, что он собственными глазами видел Черную звезду, я не смел более не верить.

— И ты думаешь, что это тот самый, которого я видел? — спросил Филиппо.

— Без сомнения! Ты описал его совершенно так же, как Кортина описывал его мне и своей дочери, Долорес. Слушайте же! Почти каждому испанцу известна эта тайная придворная интрига. Вы знаете, что по смерти Фердинанда VI на испанский престол был призван его сводный брат, Карл Неаполитанский. Этот Карл IV имел от своей супруги Луизы Марии Пармской, кроме следующего короля Фердинанда VII и Дона Карлоса, за которого мы сражаемся, еще третьего сына.

— Об этом еще никто не говорил,— заметил маркиз,— история о Черной звезде становится все более интересной для меня, я никогда ее не слышал.

— И я тоже, а я родом испанец! Филиппо избранник в этом случае,— сказал Олимпио и хотел продолжать свой рассказ, как вдруг итальянец так резко остановил своего коня, что тот встал на дыбы.

— Per Dio,— прошептал он,— мне сдается, что и вам сегодня ночью окажут предпочтение: видите ли вы там вддали движущиеся тени?

Клод и Олимпио тоже придержали своих коней. Ночь немного прояснилась, потому что месяц показался из-за облаков и тумана, окружавших горы.

Пустынная степь, лежащая перед всадниками, производила странное впечатление при этом рассеянном свете. Вдали возвышались замок и парк Аранжуес, покрытые темными полосами теней, здесь и там стояло несколько низеньких, кривых и склонившихся к земле пальм, они имели вид каких-то земных духов и, казалось, преклонялись перед таинственной кавалькадой, видневшейся вддали.

— Филиппо прав,— шепнул Олимпио маркизу,— подобно каравану духов едут они там!

— Черная звезда,— прошептал про себя Клод де Монтолон, как бы желая возобновить в памяти таинственное имя чудного явления, и выяснить для себя то, что было недосказано Олимпио. Трое всадников бессознательно стали в ранжир, как бы готовясь выдержать ночной смотр, и придержали своих лошадей, чтобы дать дорогу странной сказочной кавалькаде.

Медленно, равномерно приближалась она при бледном свете луны. Казалось, какая-то группа духов проезжала мимо, и вид их произвел на приверженцев Дона Карлоса поразительное впечатление.

Олицетворенное предание шествовало перед ними.

Лошадь ехавшего впереди старика была утомлена и поникла головой, поводья были опущены, старик, завернувшийся в свое желтое одеяние, дал ей волю идти шаг за шагом по степи. Грива лошади была переплетена блестящими шнурами, а на сетчатых украшениях седла висели золотые бляхи, как у мавританских всадников. Капюшон, закрывавший голову старика, был глубоко надвинут на лоб, на котором незадолго перед тем Филиппо заметил черный знак.

За стариком следовала сторбленная женщина, разделявшая его кочевую жизнь — она походила на цыганку: Плотно завернувшись в свое длинное желтоватое одеяние из шкур, она как будто не

обращала внимания на происходившее вокруг; ее худая лошадь, непонукаемая, следовала за лошадью старика.

Дочь замыкала шествие. В противоположность обеим едущим впереди фигурам, она, казалось, была очень молодой, хотя при свете месяца трудно было разглядеть ее стан и черты лица, чему препятствовали также фантастическая цыганская одежда и скрывавшее ее лицо покрывало. С опущенной головой сидела она на лошади, несшей ее по степи. Словно какое-то проклятие тяготело над этими таинственными всадниками угрюмой ночи, лишенными отечества. Они были известны по всей Испании под мистическим именем «Черной звезды».

Тихо и бесследно, как тени, исчезли они из поля зрения трех предводителей карлистов, бессознательно и спокойно пропустивших их мимо себя.

Теперь только дали они шпоры своим коням и понеслись по освещенной луной равнине, к Аранжуесу.

После некоторого молчания Олимпио хотел продолжить свой рассказ, но слова его развеивал ветер, охватывавший стремившихся вперед всадников.

IV

ПОХИЩЕНИЕ МОЛОДОЙ КОРОЛЕВЫ

Прежде чем вернуться в парк, в потемневших аллеях которого мы оставили гуляющих Изабеллу и Евгению, позволим себе сказать несколько слов о прошлом этой молодой поверенной королевы, а также об ее родных. Мать обеих прелестных сестер Евгении и Марии, гордая и умная графиня Теба, одаренная многими наружными прелестями, была дочь честного купца Кирпатрика, жившего на острове Малага. Такое превращение покажется, может быть, странным, так как в госпоже Монтихо не было ничего такого, что могло бы выдать ее происхождение из лавки торговца, но это удачное превращение, конечно, служит лишь доказательством того, что дочь купца не была лишена известных талантов.

Она сумела привязать к себе жившего тогда на Малаге артиллерийского экс-офицера Монтихо, графа Теба. Она была хороша, мила и умна — качества, которых уже лишился граф, бывший гораздо старше ее, а потому едва ли можно считать чудом, что граф был побежден и предложил ей свою руку, а прекрасная Кирпатрик согласилась вступить в брак с лишенным средств стариком потому только, что он сделал ее графиней Теба. Мы должны еще заметить здесь, что осколок ядра лишил Монтихо правого глаза, из-за чего он носил большую черную повязку, закрывавшую ужасную впадину, но все-таки можно сказать, что для графини он был сущим кладом.

Новобрачные, несмотря на все это, казалось, жили чрезвычайно счастливо. Сначала они отправились в Мадрид, а потом в Париж.

Благодаря своему уму и красоте, графиня Теба Монтихо скоро составила около себя блестящий кружок знатных людей, которые считали за честь оказывать всевозможное внимание и услуги молодой донне.

Брак графа был благословлен рождением дочери, которой дали имя Мария.

Говорят, что счастливый отец нежно любил эту хорошенькую девочку и носил ее на руках, из чего видно, что Монтихо был чрезвычайно добрым, верным мужем и отцом. Но вскоре опасная болезнь сразила его, и он умер на руках своей жены, которой в эти тяжелые минуты служил поддержкой и советником лорд Кларендон, умный и обладающий большими богатствами англичанин.

Вскоре после смерти графа у графини Теба родилась вторая дочь, Евгения.

С этого времени салон прекрасной вдовы стал сборным пунктом знати. В Мадриде или Париже, где бы ни появилась очаровательная графиня Теба, дом ее был полон комфорта и открыт для многих. Наибольшее же предпочтение она оказывала богатому лорду Кларендону, который проявлял почти отеческую заботу о дочерях графини, в особенности о Евгении.

Заслуживала ли прекрасная вдова графа Теба такую преданную любовь и умела ли она оценить ее, мы не беремся судить. Рассказывают только, что лорд Кларендон, умерший не так давно, сначала делал сцены графине Монтихо, которую любил всей душой, а потом молча стал переносить все ее капризы и разыгрывал роль верного спутника донны даже тогда, когда ее салон сделался шумным сборищем Мессалины, где она с приветливой улыбкой принимала жертвы тех, кто разорялся по ее милости. Здесь собиралось общество, принадлежавшее по видимости к высшему кругу, но по своему поведению и обращению скорее походившее на общество дешевых номеров с улицы Толедо.

Слабый и добродушный лорд Кларендон смирился с этим после того, как ему не удалось ничего изменить; очень может быть, что от него скрывали самые важные обстоятельства и умели пользоваться его доверием.

Можно себе представить, что пример, который подавала все еще красивая и чрезвычайно кокетливая графиня своим растущим дочерям, возбудил в них тщеславие и желание нравиться в большей мере, чем следовало. Идти по следам матери особенно способна была старшая дочь, Мария. Когда ей было двенадцать лет, уже и тогда она любила роскошно одеваться и, как истая испанка, предпочитала бросающиеся в глаза цвета.

Годом младшая Евгения старалась не уступать своей сестре, а потому обе рано развившиеся девушки появлялись в обществе матери в дорогих и красивых нарядах, что, впрочем, было естественно для придворных дам и что мы уже имели случай заметить.

В то время как Мария все более и более привязывалась к герцогу Альба, который был очень деятелен при дворе, Евгения так была увлечена энергичным генералом Нарваесом, что ее мысли полны

были только им, и самой большой радостью для нее было снова неожиданно увидеть его в парке Аранжуеса. Евгения горячо любила генерала, которого ожидало блестящее будущее, что так часто случается с молодыми девушками, когда душа их приходит в восторг от мужества и увлечения успехами. Мария, напротив, надеялась посредством герцога Альба сделаться герцогиней, и это было заманчиво для молодой графини, что она ни о чем более не думала, как о средствах, которые увенчали бы успехом ее стремления.

Графиня передала своим дочерям кое-что из интимного разговора, который она имела с молодым герцогом, но бурные события последних недель явились такой помехой, что о назначенном при дворе бале, на котором он хотел появиться с голубым или розовым бантом, теперь нечего было и думать, а потому и случай к этому был отложен. Графиня была очень счастлива тем, что вообще получила согласие знатного дона, и предоставила времени решить, которой из ее двух дочерей предложит герцог свою руку.

В то время как Мария в качестве придворной дамы осталась в Мадриде, при болезненной инфанте Луизе, сестре королевы Изабеллы, Евгения сопровождала двор в Аранжуес. Она была избранною поверенной молодой королевы, из-за чего тайком наворачивались слезы на обыкновенно плутовски улыбающиеся глазки миленькой маленькой маркизы Бельвиль, которая видела, что ее то приближают, то отдаляют.

Изабелла поручила маркизе отправиться в замок и собрать там сведения о странном появлении монаха, а Евгению удержала при себе; такая отсылка или обязанность камеристки, выпавшая на долю обиженной маркизы, должна была помешать спасти королеву от опасности, о которой и не подозревали ни молодая королева, ни графиня Евгения, они даже и не думали о возможности чего-нибудь подобного здесь, в парке Аранжуеса, а опасность между тем приближалась.

Склонная к мечтательности Изабелла, удалив Паулу де Бельвиль, увлекла свою поверенную в чашу парка для того, как говорила она, чтобы при луне насладиться всеми поэтическими воспоминаниями и мечтами!

Обе едва покинувшие отрочество девушки хотели помечтать о своей любви и облегчить свои переполненные сердца, прогуливаясь в такой чудный прохладный вечер; им было отраднo признаться друг другу в своей любви, которую одна из них питала к Серрано, а другая к Нарваесу — полководцам королевских войск, сражавшимся против карлистов.

Им доставляло невыразимое удовольствие проникнуть в эту уединенную, отдаленную часть парка и скрыться там от маркизы, которая, возвратясь из замка, станет их искать.

Обе прелестные девушки, отыскивая скрытые аллеи и рощицы, таким образом все более и более отдалялись от беседки, где уже стол был накрыт к ужину. Они не обращали внимания на то, что вечер быстро сменился ночью, что последние красные лучи солнца

исчезли, и сумрак сгустился — им ведь и хотелось такого сумрака, который подходил бы к их мечтам!

На густо насаженные деревья, окружавшие дорожки, где проходили королева и ее подруга, надвигалась темнота. Погруженные в свои мечты, они и не заметили наступления ночи и все глубже и глубже заходили в безлюдную часть обширного аранжесского парка.

Они не боялись, потому что любовь сопровождала их и овладевала ими с такой силой, перед которой исчезало все остальное; они не думали о том, что им могла угрожать опасность,— все мысли их принадлежали генералам Серрано и Нарваесу.

— Когда они совершенно победят врагов,— шептала Изабелла,— и мы снова вернемся в Мадрид, тогда будет назначен карнавал. О, Евгения, представь себе, что они вернуться в столицу, увенчанные славой, и мы узнаем их под масками, они будут искать нас и найдут.

— Это будет восхитительно, ваше величество, и я ничего так сильно не желаю, как победы их над врагами.

— Это не так легко, как ты думаешь, Евгения! Дон Карлос, брат моего царственного отца, любимыми средствами хочет отнять у меня трон. Но тем-то и должны мы гордиться, что те, кого мы любим, сражаются за нас! Это так романтично, так чудно,— с энтузиазмом говорила королева, схватив руку Евгении и горячо сжимая ее.— Франциско Серрано, так красив и благороден, что я буду его любить вечно, несмотря на то, что я не имею на это права, потому что моя высокопоставленная мать сообщила мне вчера...

— Вы плачете, ваше величество?

— Что я должна пожертвовать своей любовью во имя этикета и политики!

— Не плачьте только, ваше величество, это для меня ужасно!

— Ты должна знать все, Евгения, потому что ты чувствуешь, как горячо я его люблю. Во время карнавала нам предстоит посещение принца Франциско д'Асси, желающего посетить наш двор — догадываешься ли ты, по какой причине?

— Чтобы повидать инфанту Луизу?

— Ты не угадала, Евгения.

— Чтобы посетить вашу светлейшую матушку, а его тетку?

— Нет, Евгения.

— Как, неужели принц едет для того, чтобы...

— Чтобы рассеяться при дворе и притом, к моему несчастью, посвататься за меня,— рыдая, прервала молодая королева свою повременную.

— Но ведь от этого можно будет как-нибудь избавиться,— утешая ее, заметила Евгения.

— Да, ты права, я тоже надеюсь на это! О, мой план уже готов, патер Маттео не смягчит меня, я заметила, что он стоит за принца. Я преобразу себя, я буду так дурна и так нелюбезна, как только возможно, я испугаю его, и если будет нужно, то скажу ему, что я его ненавижу и никогда не буду принадлежать ему,— говорила печально Изабелла, в то время как грудь ее сильно волновалась,

и она порывисто двинулась,— я скажу ему все, скажу, как люблю Франциско Серрано, и тогда он увидит, что ему лучше всего вернуться в Неаполь.

— Что это? — внезапно промолвила Евгения, бессознательно прижав руку Изабеллы к своему сердцу,— вы ничего не слышите, ваше величество?

— Ты говоришь про этот шум? Это ветер, играющий верхушками деревьев. О, Евгения, если меня будут принуждать...

— Клянусь святой Девой, королева, мы слишком далеко зашли — вы ничего не видите?

Изабелла так углубилась в свои сердечные дела, что до сих пор ничего не замечала своими затуманенными от слез глазами; она видела только песок на дороге, по которой шла рядом с Евгенией, но испуганная подругой остановилась и обратила свой взор на кустарник, погруженный в глубокую тьму.

В первую минуту она ничего не увидела, но Евгения как бы окаменела и лишилась возможности двинуться или крикнуть, заметив близ решетки, отделявшей парк от окрестностей замка, фигуру какого-то человека. Обе девушки были здесь совершенно отделены от многолюдной части парка, даже их призыв на помощь едва ли достиг бы беседки, где только что собрались за вечерним столом придворные гости.

Тут и Изабелла заметила чернобородое лицо итальянца, который, неслышно подкравшись, поднялся из-за куста.

Прежде чем они смогли крикнуть, возле Филиппо возникла фигура геркулеса Олимпио, а Клод де Монтолон стал позади, как бы состав-ляя стражу.

Евгения пришла в сознание скорее, чем молодая королева, которая в первую минуту приняла итальянца за садовника.

Но всякая попытка к бегству была бесполезна.

Обе обратившиеся в бегство девушки после нескольких шагов были настигнуты и схвачены, два голоса, взывающие о помощи, нарушили тишину ночи, царившую в этой части парка. Однако вблизи не было ни одного камергера, ни одного адъютанта, ни одного лакея, который мог бы оказать помощь так внезапно застигнутым девушкам.

Филиппо схватил молодую королеву и, несмотря на сильное ее сопротивление, смело поднял на руки, чтобы теперь со своею прекрасной ношей проложить себе дорогу через кустарник и поспешить к Клоду, который с лошадьми дожидался недалеко от решетки у стены. Три похитителя избрали удобное место огороженного парка, так как там, где находились решетчатые ворота для слуг, легче всего было перелезть через железную ограду и выйти на свободу.

Олимпио Агуадо в то же время догнал прелестную Евгению, схватил ее и нежно поднял на руки. Она старалась сопротивляться, испуганно кричала о помощи, но напрасно звучали жалобные крики обеих девушек — никто их не слышал.

Тогда Евгения стала умолять отпустить на свободу ее и молодую королеву, сердце ее сильно билось от страха, она не знала, что

значило это ночное похищение — она думала о разбойниках, о кровожадных разбойниках, и, вся дрожа, горько плакала, чувствуя свою полную незащищенность.

Это, казалось, тронуло ее похитителя.

— Будьте покойны, прекрасная донна,— сказал Олимпио,— вам не будет нанесено никакого оскорбления.

— Сжальтесь же и освободите королеву и меня,— умоляла Евгения, в то время как Филиппо со своей прекрасною ношей подошел к лошади и посадил на нее обессилевшую Изабеллу.

— Это невозможно, графиня Теба,— тихо возразил Олимпио, узнавший подругу королевы,— вы пленница Дона Карлоса.

— О, святые небеса,— рыдала Евгения,— мы пропали, нас убьют.

— От верховой поездки в ночи вы не умрете, прекрасная донна,— сказал Олимпио, пересадив прелестную девушку через решетку, и сам тотчас перескочил через нее,— положитесь на меня без страха, вы можете быть уверены в уважении, которое каждый кавалер должен оказывать такой молодой и прекрасной донне.

Евгения, увидев, что все попытки освободиться напрасны, еще раз призвала на помощь и залилась слезами, увидев королеву, лишившуюся чувств в руках Филиппо.

Подошедший маркиз уверял, что все попытки освободиться будут тщетны, и просил, чтобы дамы терпеливо подчинились своей судьбе.

Олимпио же постоянно должен был следить за прелестной Евгенией, похищенной им с опасностью для жизни; посадив ее на лошадь, он поцеловал ей руку, показывая, что он преданный кавалер, который просит ее лишь подчиниться необходимости.

Через несколько секунд три всадника, скача со своею добычей, оставили замок Аранжуес, к которому Евгения все еще протягивала свои руки, и повернули по направлению к каштановой роще, где они прежде отдыхали.

Самая авантюрная затея, которая когда-либо была исполнена, удалась им в эту ночь.

V

ДОЧЬ СМОТРИТЕЛЯ ЗАМКА

— А, ты тоже уже встала,— сказала старая Энсина, одна из хранительниц королевской серебряной посуды, проходя большой двор замка, где расположилась стража, молодой девушке, стоявшей у окна,— подвязываешь свои розы, чтобы заслонить железную решетку. Отец Кортина, наверно, еще спит?

— Мне не хотелось бы будить его, Энсина, я думаю, что ночью спал он немного! — проговорила девушка у окна.

— Пусть спит, он уже стареет и сон для него имеет важное значение.

— Что это в замке могло быть ночью? Я совсем не спала,— заговорила девушка, обвивая прутья решетки зеленым украшением.— Какое-то смятение, беготня и крики.

— Я расскажу тебе, хотя это еще тайна,— шепнула со строгим выражением лица старая хранительница королевского серебра, подойдя к низкому окну и присев, чтобы быть таким образом ближе к дочери смотрителя замка,— разве ты еще ничего не слышала?

— Боже избави, милая Энсина, я не хотела ночью беспокоить отца еще своими вопросами.

— Верь мне, я говорю тебе, он бывает иногда ворчливым, но при этом добрый человек!

Итак, было около полуночи — мы только что убрали серебро, которое принадлежит инфанте и контессе Теба, то есть графине Марии.

— Совершенно верно, милая Энсина, графиня Евгения с королевой в Аранжуесе,— подтвердила девушка.

Хранительница серебра при этом имени сложила руки и обратила взор к небу.

— О, она терзает сердце — эта молодая кровь! Так вот, мы только что вычистили серебро и в порядке убрали его на место, как вдруг на большой двор замка примчался всадник, даже искры брызгали из камней, говорю я тебе, Долорес. Я тотчас спустилась вниз, ведь всегда надо знать, что происходит. Могли ведь приехать разбойники, ужасные карлисты, которые не щадят ни женщин, ни детей!

— Это, конечно, еще не беда, Энсина!

— Как,— вскричала раздраженная старуха,— ты все еще веришь, что эти шайки разбойников пощадят душу? Куда только они ни придут, везде разбойничают, грабят, насиляют. Послушай дальше, ты еще не знаешь ужасов войны! Спроси своего отца, старого Кортину, он тоже может кое-что рассказать. А посмотри на это отверстие в стене мадридского королевского замка! Его проделало пушечное ядро этих свирепых карлистов! Они хотели сжечь замок, тогда ты заговорила бы, конечно, совсем иначе. Итак, я поспешила вниз; там я нашла офицера на взмыленной лошади, который в этот момент уведомил стражу замка, что... О, это слишком страшно, чтоб я могла произнести!

Старая хранительница серебра проронила несколько слезинок; вообще она охотно плакала, рассказывая, приходила в экстаз, так что ежедневно что-нибудь пробуждало в ней сострадание, в этот же раз, казалось, она была тронута совершенно иначе.

— Ты испытываешь мое терпение, Энсина!

— Итак, господин офицер был весь в поту, его шпоры были в крови, которая текла с боков дрожащей от напряжения лошади. Он приехал прямо из Аранжуеса. Там совершилось несчастье, несчастье, говорю тебе, Долорес, и графиня Мария Теба помчалась ночью к графине, своей матери,— она была похожа на безумную.

— Но ты не говоришь мне, какое же случилось несчастье,— с укором сказала девушка.

— Да,— продолжала старая хранительница серебра, еще ближе наклонившись к решетке окна, чтобы сообщить новость самым тихим голосом,— карлисты похитили королеву и ее подругу — графиню Евгению.

— Пречистая Дева, что если это правда!

— Не сомневайся, дитя! Господин офицер известил об этом. Но, к счастью, вблизи от Аранжуеса находился авангард генерала Конхо, и говорят, что всадникам удалось отнять у страшных похитителей их добычу. Подумай же, Долорес, что если бы они убили молодую королеву и прекрасную графиню!

— О, этого они не сделали бы, Энсина, но, может быть, держали бы их в плену, и это уже слишком смелая авантюра,— сказала дочь смотрителя замка.

— Смелая и ужасная,— повторила старая женщина, сжимая руки,— подумай, Долорес, две такие знатные дамы во власти грубых карлистов... Но горе тем, кто сделал это и попал в руки наших храбрых солдат! Горе им! У старого Вермудеца будет работа. Ведь это оскорбление Величества!

Несчастные ослепленные,— думала дочь смотрителя замка, глядя на старушку с сострадательным видом.

— Как, ты сожалеешь еще об этих презренных людях, Долорес? Такое отношение с твоей стороны мне не нравится. Но я хорошо знаю, почему это происходит. О, старая Энсина все видит и слышит! У тебя все еще в голове красивый и высокий дон Олимпио, который прежде жил со своею старой матерью там внизу, в окруженном виноградником домике. Старая милосердная женщина была добра и любезна, лучше меня никто этого не знает. Но с тех пор как она умерла, от дикого и заносчивого дона Олимпио житья не стало. Почему же он не поступил в королевское войско? Почему пошел тогда ночью, во время тумана, к презренным карлистам?

Дочь смотрителя замка тихо вздыхала.

— Я хочу,— продолжала старуха,— вот что сказать об этом. О, он наговорит тебе, прощаясь, тайно за стеною, так, чтобы твой отец не мог этого знать, чудных вещей, попеременно со словами «моя милая Долорес», «моя сладкая Долорес». Но ты знаешь истинную причину того, почему он пошел к карлистам? Потому что там совершается больше проказ и веселых походов. Старая добрая донна Агуадо должна перевернуться в могиле!

— Энсина, ты несправедлива к Олимпио.

— Вот это только я и хотела услышать. Никому другому этого не говори. Дона Олимпио ты берешь под защиту.

— Иначе я не могу, милая, добрая Энсина.

— Так всегда говорят, когда влюблены. Но ты своей откровенностью навлекаешь на себя несчастье. Долорес, вспомни, что я тебе сказала. Ведь я не возражаю — он красивый мужчина, такой высокий и сильный, какого только можно желать.

— И такой добросердечный и верный,— прервала девушка болтливую старуху.

— Кому верный? — продолжала та.— Если он тебе так же верен, как своей королеве, то это прискорбно. Почему же он не заодно с нашими солдатами, если он тебя так любит и уважает твоего отца? Почему он у карлистов, у этих разбойников, охотится за приключениями? Может быть, уже скольких девушек...

— Молчи, Энсина, я об этом ничего не хочу слышать.

— Следовательно, правду мы не хотим знать. Делай себя несчастною, Долорес! Я искренне сожалею о тебе. Но на что же ты надеешься? Имея любовника, женщина хочет стать законной женой, но с доном Олимпио ты этого не достигнешь. Я искренне желаю тебе всего лучшего, тебе и твоему старому отцу, потому что люблю тебя, как каждый во всем замке, но о доне Олимпио не думай. Кто знает, жив ли он еще, не попался ли уже в руки наших солдат и не расстрелян ли по военному суду. Послушай меня и выкинь из головы искателя приключений. Он не достоин тебя.

Старая Энсина поднялась, дочь смотрителя замка опустила голову, она не отвечала, да и что она могла сказать в ответ на убедительные и добросердечные увещания старухи?

— Ты не знаешь, что у меня на сердце, Энсина,— тихо произнесла она, наконец,— зачем я только встретила его на своем пути, но теперь...

— Соберись с духом и выбрось из головы эти мысли,— повторила старая хранительница серебра и пошла к главному входу замка.

Девушка осталась одна у решетчатого окна комнаты, находившейся в нижнем этаже. Долорес, которую постоянно называли цветком, потому что она походила на розовый бутон и, кроме того, постоянно разводила на своем окне прекрасные розы, стояла в задумчивости — перед ней возникали картины воспоминаний о только что прошедших днях.

Старая Энсина знала о ее любви к молодому дворянину, и в словах старухи было много правды. Но разве пылающее любовью сердце думает о последствиях?

Долорес была единственной дочерью старого смотрителя замка, Кортины. Мать ее давно умерла, и тогда еще маленькой девочке покровительствовала живущая вблизи замка донна Агуадо, старая знатная вдова, чему очень занятой отец ребенка не препятствовал. Старый Кортина хорошо воспитал бы сына и сделал бы из него braveго солдата, каким был сам, но воспитание девочки было ему не под силу.

Донне Агуадо нравилась красивая дочка смотрителя замка, и случалось, что Долорес проводила целые дни у богатой, доброй и знатной дамы. У вдовы был сын, который представлял совершенную противоположность своей матери, так что она часто покачивала головой при его своенравных выходках. В то время как донна Агуадо была кротка, ласкова и заботлива, Олимпио находил удовольствие только в бешеных военных упражнениях и в диких лошадах. Ни один товарищ не был сильнее его, ни одна лошадь не была для него слишком высока, ни одно оружие не было для него тяжело. Часто по целым дням его не было дома, и только поздно вечером,

усталый и весь в пыли, приходил он, как ни в чем не бывало, в маленький, окруженный зеленью дом своей матери.

Когда добрая старая донна хотела сделать выговор четырнадцатилетнему мальчику, он бросался ей на шею, целовал ее и просил до тех пор, пока мать, смеясь, не простила его.

— Он растет еще более беспокойным и смелым, чем его отец, — часто говорила она, — дай только Бог, чтобы он когда-нибудь посвятил свою силу и мужество хорошему делу.

Олимпио делал отличные успехи в военных упражнениях и скоро перерос свою мать. При этом он нравился Долорес, которую знал с самого детства и встречал в своем родительском доме. Это чувство с годами росло и, наконец, перешло в тайную любовь, о которой ни донна Агуадо, ни прямодушный смотритель Кортина ничего не знали.

Последний очень любил мужественного и смелого Олимпио и часто говорил, что он был бы славным офицером, а Долорес тайно улыбалась при этом от гордости и спешила к воротам замка, когда он проезжал на своем поднимающемся на дыбы коне и любезно раскланивался.

Несколько лет продолжалось это прекрасное, чудное время, чистая, горячая любовь росла вместе с детьми, и когда Долорес сделалась девицей, а Олимпио юношей, их душевное чувство так связало их, что они даже не думали о разлуке.

Между тем старая донна Агуадо чувствовала, что последний ее час близок, и Долорес по ночам сидела у ее кровати, ухаживая за ней. Маленькие нежные руки девушки поправляли подушки так осторожно и искусно, так удобно для больной, она так хорошо понимала капризы старой вдовы, что никто другой, только она могла угодить ей.

Олимпио, увидев свою добрую мать на смертном одре, вдруг сделался серьезным и нежным. У него было доброе, верное сердце, хотя внешне он часто казался бесчувственным и свирепым. Он с глубокой печалью осознавал предстоящую ему разлуку, разлуку с матерью, которую он вместе с Долорес до сих пор любил больше всех на свете.

Если сердца девушки и Олимпио были уже связаны, то любви их было дано и благословение на смертном одре старой вдовы, которой они закрыли глаза.

Долорес сильно рыдала, встав на колени перед постелью умершей, и Олимпио, глубоко тронутый, стараясь удержать слезы, прижал к своему сердцу девушку, которая так преданно ухаживала за его матерью.

И тогда у смертного одра донны Агуадо они поклялись друг другу в верной любви и обменялись первыми поцелуями.

Старый смотритель Кортина тоже вошел в комнату умершей, он молился, держа в руке свою шляпу, и не замечал дочери и Олимпио, стоящих под руку, или не думал об этом в такую минуту.

Через несколько дней от маленького, окруженного виноградниками домика, который теперь был закрыт для Долорес, тянулось черёз

город большое, великолепное похоронное шествие; отец ее тоже следовал за доброй донной Агуадо, и Долорес бросила в могилу букет цветов, которые она сама вырастила и так любила.

Вечером Олимпио пришел в скромное жилище зрителя замка, он, благородный дон, к старому Кортине, который был этим очень польщен. Они сидели рядом и разговаривали. Потом посещения Олимпио стали гораздо чаще, ему было приятно проводить время у старого зрителя и его дочери, которую он так горячо любил.

Долорес чувствовала иногда нечто вроде укора совести за то, что скрывает свою любовь от отца, но первой сама ничего не хотела говорить. Она надеялась, что это сделает Олимпио.

Долго все шло счастливо и мирно. Но молодой дон Агуадо познакомился с одним итальянцем, живущим в Мадриде, и вместо того, чтобы поступить в войска королевы — старый Кортина ничего другого не ожидал от Олимпио — пришел однажды, чтобы проститься и объявить, что он через генерала Карберу вступает в войско Дона Карлоса!

Долорес побледнела от испуга, увидев лицо отца, который всплеснул руками:

— Святой Антонио! Благородный господин, что натолкнуло вас на такую несчастную мысль? Ваш сиятельный отец стоял за королевский дом, а вы хотите идти к мятежникам.

— Королевы имеют достаточно хороших защитников, — отвечал Олимпио, который под темным рыцарским плащом носил уже мундир карлистов, — а я хочу посвятить свои силы слабейшим! Кто же, Кортина, дал право королю Фердинанду VII посадить на престол свою дочь? Женщина на престоле — это не для меня! Я иду под знамена Карберы!

Долорес залилась слезами.

— Подобный поступок с вашей стороны мне не нравится, благородный дон, — сказал серьезно старый зритель. — Не плачь, девушка, когда мы, мужчины, говорим между собой. Ступай, оставь нас одних.

— Вы слишком суровы, господин Кортина, — хотел было Олимпио заступиться за свою возлюбленную, но Долорес знала своего, в такие минуты строгого отца, поэтому, наклонив голову, вышла из комнаты.

— Я не могу вам приказывать, благородный дон, — говорил заметно расстроенный зритель, — но если бы вы спросили у меня совета, то все было бы иначе! Я, конечно, старый, прежний солдат и не знатный кавалер, как вы, но сердце у меня на своем месте, и я сказал бы вам: не идите к толпам Дона Карлоса — пристаньте к королевским войскам! Теперь это случилось, и я не могу сделать ничего другого, как вам, лично вам, пожелать всего лучшего. Я вас очень люблю, благородный господин, потому что знаю вас с малолетства и радовался, видя ваше великодушие и ваш прекрасный вид, теперь же это все в прошлом.

Старый зритель махнул рукой и отвернулся, чтобы скрыть свое волнение.

— Теперь все кончено. Пречистая Дева, помоги вам!

— Кортина! — вскричал Олимпио и протянул свои руки.— Посмотрите ж еще раз сюда — разве вы не хотите на прощание подать мне руку?

— Я не могу видеть того, что вы носите под плащом, дон Агуадо,— возразил старик, отвернувшись,— руку же свою я охотно подам вам на прощанье. Дай Бог, чтобы в один прекрасный день, который я буду прославлять, я встретил вас иначе, чем сегодня.

— Еще одно, Кортина,— мягко заговорил Олимпио, держа старика за руку,— у меня еще кое-что есть на сердце. Сегодня должно быть высказано все, потому что кто знает, встретимся ли мы еще когда-нибудь.

— Будем надеяться — но в другом мундире.

— Так вы карлисту Агуадо не подарите и руку вашей дочери?

— Что вы говорите, благородный господин, руку моей дочери?..

— Я люблю Долорес, Кортина, и она меня любит — это я и хотел вам высказать, прежде чем уйти. Вы удивлены, глаза ваши мрачно блестят...

— Никогда, благородный господин, Кортина не отдаст руку своей дочери карлисту — будь это сам Дон Карлос. Скорее я пушу себе пулю в лоб, чем изменю тем, кому всю свою жизнь служил верно и честно! К тому же вы — знатный дон, наследник древней и славной испанской фамилии, я же всего лишь смотритель мадридского замка — это не совсем пристойно, мой благородный господин. Я вас очень любил, и люблю еще и теперь, но выбросьте из головы мою Долорес. Быть вашей супругой она не может; для вашей же...

— Позвольте, Кортина...

— Дайте мне высказать, мой благородный дон,— для роли вашей куртизанки она не подходит. Простимся же, наши дороги сегодня расходятся, прошедшее минуло.

— Вы странный и слишком строгий старик! Если я люблю вашу дочь и поклялся ей в верности, то в этом вы ничего не можете изменить. Я люблю ее честно, Кортина, слышите, честно! Этим все сказано. Теперь же прощайте! Надеюсь, что мы встретимся.

Старый смотритель стоял в оцепенении, не поднимая глаз, чтобы не видеть ненавистный мундир, который носил Олимпио; отвернувшись, он пожал протянутую ему руку, но не проронил ни слова, между тем, как молодой карлист, закутавшись в свой плащ, оставил комнату.

В следующие дни старый Кортина, безмолвный, ходил по коридорам замка; внизу, в своем жилище, он бывал мало, как бы избегая говорить с Долорес об Олимпио и его с ней отношениях; он чувствовал, что, возможно, был несправедлив и вспыльчив, и потому избегал встречаться с дочерью. Кроме того, бросив на Долорес быстрый взгляд, он заметил, что она бледна и изнурена печалью.

Долорес простилась с доном Олимпио; он старался казаться веселым, чтобы не увеличить страданий плачущей девушки, и обещал ей вскоре возвратиться и затем перед Богом и людьми сделать ее своею женой, а она уже давно поклялась ему в верности. Теперь же ее терзали скорбь, тоска и страх, и глаза Долорес, этой прелестной

девушки, которой все любовались, часто краснели от тайных слез, проливаемых о возлюбленном.

Так проходили месяцы!

И никакого известия, ни одного поклона не было послано Долорес. Она не знала, жив ли еще Олимпио, но уповала на Деву Марию.

— Злосчастная война,— говорила она про себя, когда старая хранительница серебра исчезла в портале замка,— когда ей будет конец! Это вечное кровопролитие, эти убийства и борьба за свободу и честь! Если бы от меня что-нибудь зависело, если бы я была королевой, то протянула бы руку сыну Дона Карлоса для союза и бракосочетания и тем положила бы конец ужасной междоусобной войне! Да, Долорес, и ты бы это сделала? Если бы ты отдала свою руку сыну инфанта, то должна была бы отказать милому Олимпио. И равным образом будет ли хорошо молодой королеве? Она будет все-таки любить другого. О Мать Божия, сколько же горя и борьбы на земле!

Долорес, стройная, черноглазая девушка, с лицом прежде таким цветущим, а теперь бледным от тоски, села на старый резной стул подле убранного цветами окна и взяла работу, чтобы разогнать мучительные мысли. Она была воплощением милой невинности. Черты ее выражали уныние, в глазах отражались чудесные качества ее сердца: верность, преданность и смирение, но рядом с ними — и любовь, пылавшая в ней.

Так сидела она, работая, у маленького окна и при этом, как бы невольно, пела песню, народную песню, как сложило ее военное время; работа так и кипела у нее в руках, голос был нежен и прекрасен.

— Так я и думал! Она уже опять сидит и поет, и томится печалью о знатном господине, перешедшем к жалким изменникам, которых едва терпит земля,— раздался вдруг сердитый, резкий голос, внезапно прервавший песню.

Долорес испуганно оглянулась...

В дверях стоял отец, держа в руке большую связку ключей.

— Что с тобой стало? — продолжал он. — Я всегда молчал и ни на что не смотрел. Но люди меня уже спрашивают, что это сделалось с Долорес, которую никто не узнает. Что мне им отвечать?

— Не сердись на меня, отец,— сказала Долорес и подошла к Кортине, стоявшему с грозным выражением лица,— ты ведь все знаешь! Повторить тебе, что я об Олимпио сокрушаюсь?

— Не говори мне об изменнике,— взволнованно вскричал старый смотритель,— я ничего не хочу о нем более слышать, и ты должна забыть его! Разве я могу не стыдиться, признавая, что моя плоть и кровь тоскует о карлистах?

— Отец, ты говоришь не то, что думаешь: я знаю, ты тоже любишь Олимпио.

— Я любил его, да, Долорес; я его любил, как своего сына,— теперь же он для меня мертв. Нет, еще хуже, чем это! Если б он был мертв, нам всем было бы лучше.

— Ужасно! Его смерть есть и моя также. О, помилуй, отец мой!

— Я должен буду отречься от тебя и проклясть тебя, если ты не забудешь свою любовь! Я не могу называть своей дочерью

любовницу карлиста! — кричал в гневе и в отчаянии старый смотритель, — выбирай между твоим отцом и Олимпио!

Долорес, в ужасе от этих жестоких и страшных слов своего старого отца, упала перед ним на колени и протянула к нему руки. Но прежде чем смотритель ответил и Долорес поднялась с колен, растворилась дверь и в комнату вбежал придворный курьер.

— Эй, Кортина, скорей в портал! Королевы едут из Аранжуеса, карлисты разбиты, весь двор возвращается! Молодая королева и графиня Евгения, счастливо освобожденные из рук трех отважных карлистских офицеров! Слава пречистой Деве! Самого яростного ведут алебардчики. Он должен отправиться в подземелье и через три дня на эшафот.

Старый Кортина быстро подошел к курьеру, который принес столь радостное известие; его только что мрачное и сердитое лицо быстро прояснилось, и когда Долорес встала, он сказал:

— Святой Антонио, это известие меня поддержало! Карлисты разбиты, весь двор опять здесь и виновный в оскорблении величества пойман, это ведь истинное благословение. Подождите только одну минуту!

Старый Кортина забегал взад и вперед в восторге и радости.

— Подождите, я только надену праздничный сюртук, ведь это радость... карлисты разбиты... изменник пойман!

Долорес, потихоньку поднимаясь, тоже услышала известие, приведшее ее отца в такое радостное волнение, что он никак не мог найти свои вещи, бывшие всегда у него в порядке. Она поправила свои темные, мягкие волосы, но в больших прекрасных глазах с длинными ресницами блестели слезы, казалось, что известие это заключало в себе что угодно, но только не радость.

Ужасное предчувствие овладело дочерью смотрителя, когда она подошла к окну и поверх благоухающих розанов посмотрела на двор замка.

Отец, следуя за курьером, в вышитом золотом мундире спешил к portalу на свое место.

Отчего же Долорес так внимательно смотрела во двор, как бы ожидая чего-то? Ведь она часто видела въезд королевского двора в замок. Что сковывало холодом ее члены?..

Между тем, во двор въехали первые экипажи, сопровождаемые многочисленными алебардчиками, шлемы и латы которых ярко блестели на солнце.

Королева благосклонно кивала присутствующим. Вскоре прибыли кареты с придворными дамами и кавалеры, многие из них верхом, потом прислуга, обоз с багажом; казалось, что процессии не будет конца. Наконец, во двор замка въехал последний экипаж.

Затем показались новые ряды солдат, это были алебардчики герцога Витториа, Долорес узнала их. Она приподнялась, чтобы видеть, кого они ведут в цепях, ужасное бряцанье которых доносилось до ее слуха. Это был предводитель карлистов, о котором рассказывал придворный курьер.

Войска приблизились, наступила минута мучительного ожидания...

Вскоре Долорес увидела пленника королевы, пронзительный крик раздался в комнате, и дочь зрителя замка упала в беспамятстве!

Среди блестящей стражи герцога Витториа гордо и твердыми шагами, несмотря на обременявшие его цепи, шел дон Олимпио Агуадо. Старый Кортина, увидя это, закрыл лицо руками.

Олимпио Агуадо был посажен в подземелье и, как государственный преступник, передан зрителю замка.

VI

СТО ПРОТИВ ТРЕХ

Теперь мы должны еще раз возвратиться к той ночи, когда три отважных офицера Дона Карлоса насильно увезли с собою упавшую от страха и ужаса в обморок молодую королеву и ее придворную даму Евгению Монтихо.

Это была такая неслыханная и даже романтическая затея, что три карлиста, удаляясь во весь опор со своей прекрасной добычей из Аранжуеса, едва могли скрыть свою радость и удовольствие. При всем своем смелом расчете они и надеяться не могли на такую скорую и совершенную удачу рискованного плана, и теперь в наилучшем расположении духа, с маркизом Монталоном впереди, как бы с фореитором, как это подобает королеве, с быстротой ветра мчались по равнине.

Исчезновение королевы и Евгении не могло долго оставаться скрытым, уже, без сомнения, обыскивался с факелами весь парк,— три господина должны были поспешить оттуда, так чтобы и следа не осталось.

Маркиз не упускал из виду все направления, так как ему известно было, что Конхо, генерал королевы, направился со значительным войском по дороге в Толедо, чтоб там соединиться с Нарваесом и отбросить карлистов в ущелья Сиерры-Гвадарамы.

Молодая королева, которую крепко держал молодой итальянец Филиппо, при этом искусно управляя своей лошадыо, все еще находилась в состоянии беспokoйства.

Евгения, напротив, нежно придерживаемая Олимпио на его сильном скакуне, казалась совершенно беззащитной в руках похитителя, как бы смирившейся с мыслью, что только счастливый случай может освободить ее из плена, в который она так неожиданно попала.

Она и Изабелла должны быть приглашены, как сказал Олимпио, к Дону Карлосу, королю лесов. Какой бы ужасной участи подверглись они, если б действительно попались в руки этого дяди молодой королевы. Каковы были бы последствия этого плена? Карлос, имея в своих руках Изабеллу, мог бы продиктовать условия мира, и захватить трон, полководцы королевы отправились бы в тюрьмы или в ссылку... в том числе и Нарваес, и он, которого она любила. Эта мысль так завладела Евгенией, что она, поняв опасность, пришла

к решению во что бы то ни стало спасти себя и королеву от власти их похитителей. Но как бы удалось это осуществить двум слабым девушкам в руках трех таких смелых предводителей карлистов! Если бы счастливый случай вывел на их дорогу королевский отряд, если бы Нарваес, возвращаясь в Толедо, увидел трех всадников и преследовал их!.. Это могло быть для них спасением. Чтобы из Аранжуеса поспешили к ним на помощь, ожидать было нельзя, так как там не могли догадаться, кем и куда они были увезены. Действительно, положение, в котором находились Изабелла и Евгения, было отчаянное и ужасное! Все дальше удалялись они от увеселительного дворца на быстрых лошадях карлистов, все менее вероятной становилась надежда на спасение, все боязливее осматривала Евгения равнину и с сильно бьющимся сердцем молилась Пресвятой Деве.

Олимпио же с возрастающим удовольствием смотрел на свою прелестную добычу, он должен был признаться, что фрейлина Монтихо в страхе казалась еще прелестнее, чем он находил ее раньше.

Ее внимательно осматривающие окрестности глаза, густые белокурые волосы, весь ее прелестный вид в такой волнующей близости вызывал восхищение молодого дворянина. К этому присоединялось еще ожидание возможной нежеланной встречи и окружавший ее романтический ореол.

Об опасности, сопряженной с этой встречей, не думали ни он, ни его товарищи, по крайней мере, они не боялись последствий, потому что привыкли на каждом шагу встречать опасности и преодолевать их.

— Исчезло ли ваше опасение, графиня? — подъезжая к Филиппо, спросил Олимпио Евгению. — Вы находитесь в руках дворян.

— Все мои опасения касаются ее величества, — прошептала фрейлина, — о, эта ночь ужасна!

— Покоритесь вашей участи, графиня, я ручаюсь, что вам не будет нанесено ни малейшее оскорбление.

— Я теряюсь от страха за ее величество, разве вы не видите, что она как мертвая лежит на руках всадника? И далекий путь, который нам предстоит!

— Пожалуйста, подождите еще немного, потом вы можете приказать остановиться, если желаете отдохнуть.

— Только ради королевы умоляю я вас об отдыхе, — тихо сказала Евгения Олимпио, — вы привезете Дону Карлосу труп.

— Ваш страх рисует перед вами грустные картины, графиня, молодая королева не умрет от этой, хотя и недобровольной поездки. А ваше желание будет исполнено — по ту сторону каштановой рощи мы останемся ждать до утра.

Евгения вздохнула; любыми средствами она хотела прервать ненавистную поездку, надеясь, что представится какая-нибудь возможность к спасению.

— Сжальтесь и остановитесь у рощи, — просила она дону Олимпио, который теперь обратился к итальянцу, чтобы под каштанами, у которых они с маркизом прежде дожидались возвращения Филиппо,

дать возможность королеве придти в себя и предоставить отдых обеим похищенным дамам.

Клод направился, как бы имея то же намерение, прямо к роще, и таким образом итальянец, который охотнее продолжал бы ночью свой путь, должен был подчиниться, хотя это ему не нравилось. Он говорил про себя, что Изабелла и без того придет в чувство, и боялся, что этот слишком ранний отдых легко может иметь самые худые последствия. Но вокруг не было заметно никакого признака близости неприятеля, и он решил после нескольких часов, в течение которых будет оставаться на страже, требовать продолжения пути.

Три всадника приблизились к роще, не ожидая никакой опасности.

Сопутствовавшая им до сих пор удача породила в них уверенность в безопасности, так что они охотно выказывали себя перед обеими прекрасными пленницами учтивыми кавалерами, готовыми после такой короткой дороги уже предоставить им отдых.

Маркиз поскакал в рощу, предусмотрительно обследовал ее, прежде чем его товарищи успели ссадить на мох своих прекрасных пленниц, и объявил, что не нашел ничего подозрительного, так что можно безопасно отдохнуть здесь несколько часов.

Только что Филиппо соскочил с лошади, как Изабелла пришла в себя и, увидев вблизи незнакомого человека, негромко вскрикнула от ужаса; но тут же подошла к ней Евгения, которой Олимпио уже помог сойти с лошади, и, утешая, обняла ее.

Изабелла немного успокоилась, увидев около себя свою подругу, но потом начала громко рыдать и, вспомнив все случившееся, упала на грудь Евгении.

— Не бойтесь, ваше величество, — прошептала молодая графиня Теба, — еще не все потеряно. Я надеюсь, что нас спасут, если мы какими-либо средствами сможем помешать продолжению нашего непредвиденного путешествия.

— Ты самая верная моя подруга, — сказала тихо Изабелла, преодолевая свой страх перед угрожающей ей опасностью.

— Притворитесь очень больной и слабой, ваше величество. Наши похитители, как кавалеры, примут это во внимание, послушайте мою просьбу — не робейте, как не робею я.

Затем графиня громко прибавила:

— О святые небеса, вы шатаетесь, ваше величество, я умру от страха... Боже мой!

В то время как карлисты привязывали своих лошадей к деревьям, Евгения подвела безутешную молодую королеву к кустарнику на краю рощи. Она положила голову Изабеллы, снова упавшей без чувств, на свои колени и просила карлистов не трогать ее, и оставив королеву на некоторое время в покое, что, как она надеялась, они охотно сделают.

Это было совершенно естественно и безопасно, ибо девушки не были в состоянии убежать от своих похитителей; и последние после краткого совещания согласились на просьбу графини.

Сами же они хотели с трех сторон охранять рошу в то время, как похищенные предавались отдыху.

Хотя вокруг, насколько это позволял полумрак, не было заметно ничего похожего на опасность, все-таки три карлиста хотели принять все меры предосторожности и потому, удалившись от отдыхающих дам, стали вокруг роши, лежавшей среди обширной необитаемой равнины.

Когда Евгения подвела отчаявшуюся королеву, которая не надеялась уже на спасение, к кустарнику на краю роши, она убедилась, что Олимпио и Филиппо легли на мох на склоне в равном от них расстоянии и что маркиз де Монтолон перешел на другую сторону своего поста.

Это было так удобно, как только возможно, но все-таки не могло иметь для них никакой пользы, поскольку невозможно было убежать от трех врагов, которые со своих мест видели всю окрестность.

Несмотря на это, графиня продолжала думать о пути к спасению. И королева, и она сама были хорошими наездницами, так что если бы они подкрались к лошадям трех офицеров, на которых последние, казалось, не обращали никакого внимания, вскочили на них и ускакали бы прежде, чем неприятели в состоянии были помешать им, то они бы спаслись.

Евгения решила бы на такую смелую попытку к освобождению, но королева!

Изабелла сильно плакала. Она все еще не могла свыкнуться с мыслью, что она пленница! Вообще довольно решительная, в этом положении она казалась совершенно разбитой.

Нечего было и сомневаться, что карлисты дадут им для отдыха только короткое время, и потому нетерпение Евгении становилось все мучительнее. Она уже хотела тихо сообщить королеве свой план, как вдруг возле них, у толстого каштанового дерева, что-то зашелестело, как будто там шевельнулось человеческое существо.

Евгения вскочила, думая, что к ним приближается кто-нибудь из карлистов, но они лежали на своих местах.

Каштан, за которым что-то пошевелилось, стоял у самого края леса и почти на середине между Олимпио и Филиппо.

Изабелла тоже испугалась и тихо вскрикнула, когда темная фигура показалась у ствола.

Евгения смело поднялась; она тотчас узнала в неожиданно появившемся человеке монаха, разговаривавшего в парке с генералом Нарваесом.

Это ободрило ее.

— Ваше величество,— шепнула она испуганной молодой королеве,— это монах, он спасет нас. Мы не должны пренебрегать им.

Показавшаяся фигура немного откинула назад свой клобук и в знак осторожности и молчания приложила палец к губам; потом осмотрелась, чтобы удостовериться, близко ли стерегущие карлисты и не слышали ли они крика Изабеллы.

Олимпио и Филиппо не шевелились.

Тогда монах, крадучись, приблизился к обеим с нетерпением ожидавшим его девушкам.

— Вы попали в руки опасных искателей приключений,— сказал он,— но доверьтесь мне. Меня обманул такой же карлист, и я ношу монашескую рясу только для того, чтобы скрыться от них и мстить. Посмотрите.

Монах распахнул свое темное одеяние и снял клобук, так что ясно обрисовалась фигура девушки.

— Маскировка,— тихо сказала очень удивленная Евгения королева.— Посмотрите, ваше величество, монах, который прежде нам встречался,— девушка.

— Ради всех святых, осторожно,— шептала Жуана,— если Филиппо нас услышит и найдет меня здесь, мы все пропали. Я пришла в рошу в то время, как три всадника привезли вас сюда, я поклялась убить этого Филиппо. И его смерть послужит вам спасением. Я быстро скрылась за этот толстый ствол, чтобы увидеть, что будут делать эти наглые карлисты. Нарваес недалеко. Если я, не замеченная карлистами, через поле проберусь отсюда на дорогу, ведущую из Аранжуеса в Толедо, то еще застану Нарваеса.

— О, сделайте это, поспешите к Нарваесу, скажите ему, что королева и Евгения Монтихо попали в руки врагов. Он не замедлит сделать все для нашего спасения, это благороднейший военачальник, который только был на земле.

Жуана с любопытством и безмолвным состраданием взглянула на Евгению.

— Вы любите его,— прошептала она,— не лишитесь счастья вашей жизни, как я, привязывая свое сердце к мужчине, прислушайтесь к моему предостережению. Однако теперь я поспешу, чтоб призвать к вам на помощь и освободить вас из рук Филиппо. Приложите все усилия, чтобы еще несколько времени удержать здесь этих трех карлистов, которые хотят увезти вас в плен. Это нам удастся, если вы будете достаточно умны и ловки, потому что они не предполагают, чтобы кто-нибудь теперь отнял у них их драгоценную добычу. Я знала раньше, что они наметили смелый план; я знаю Филиппо Буонавита. Не даром я предостерегала генерала Нарваеса. Не робейте! Я вас спасу!

— Спешите, девушка,— говорила королева, прислушивавшаяся к словам Жуаны с большим вниманием,— ты не останешься без вознаграждения.

Жуана не слушала более обещаний Изабеллы. Она, казалось, страстно желала погубить этих трех карлистов! Быстро завернулась она в монашескую рясу и стала незаметно прокрадываться за деревьями, чтобы достигнуть края роши.

Изабелла и Евгения с волнением следили за ее движениями; ловко, как кошка, неслышно проскользнула она через кусты и достигла того места, которое было одинаково далеко как от настороженного Филиппо, так и от менее внимательного Олимпио.

Темная склоненная фигура монаха выбралась из роши и теперь осторожно и тихо скользила по степи. Вдруг пленные девушки

увидели, что Жуана исчезла из вида — она легла на землю и ползком оставила окрестность леса.

— Слава Пречистой Деве,— прошептала Евгения,— теперь у нас другая надежда, ваше величество. Эта девушка смела и ловка! Нам следует задержать здесь врагов на несколько часов, и нам это удастся, если вы притворитесь изнеможденной и больной. Они отнесутся к вам с уважением, и тогда нужно только ждать как можно дольше.

— Я последую твоему совету,— тихо ответила Изабелла,— и легла, положив голову на руки Евгении.

Монаха уже не было видно — казалось, будто призрак его бесследно растаял в ночном тумане.

Спустя некоторое время Евгения заметила, что маркиз подошел к своим приятелям, по-видимому, приглашая их немедленно продолжить поездку.

Олимпио и Филиппо тоже поднялись, три офицера тихо разговаривали между собой, но все еще не было слышно или видно приближающейся помощи. Что если Жуана не застала генерала Нарваеса?..

Олимпио подошел к обеим девушкам.

— Извините,— сказал он,— нам нельзя более отдыхать, мы должны ехать.

— Еще невозможно,— решительно возразила Евгения,— вы кавалер? Королева еще не в состоянии продолжать путь, посмотрите, как она изнурена и больна! О, сжальтесь, мой благородный дон, или вы хотите нас убить?

Олимпио подумал немного — умоляющий взгляд Евгении произвел на него впечатление; казалось, он испытывал большое удовольствие, глядя на прекрасную фрейлину, и не мог оставить ее слова без внимания.

Он не предчувствовал, что графиня, красота которой его очаровала, станет сиреной, прельстившей его на погибель.

— Вы слишком многого требуете, мадонна,— проговорил он нерешительно,— осторожность требует продолжить нам путь перед рассветом.

— Посмотрите, моя повелительница не может подняться! Не будете же вы так бесчеловечны, чтобы еще далее влачить за собой обессиленную даму.

Олимпио готов был согласиться с этим, но тут подошел Филиппо.

— Нельзя оставаться дольше,— торопливо вскричал он,— скорее вперед,— и обратившись к Олимпио, тихо прибавил,— Клод уверяет, что вдали слышен шум проходящих войск, и мне тоже так показалось, когда я приложил ухо к земле.

Молодая королева поднялась, опираясь на Евгению,— она чувствовала себя беззащитной во власти этих трех врагов и думала, что Жуана не доставит им помощи.

Графиня было уже подвела королеву к опушке леса, когда приближающийся топот лошадиных копыт стал ясно слышен.

Филиппо, вскочивший на своего рысака, поскакал вдоль опушки рощи, чтоб посмотреть, кто поднимает этот шум, между тем как

Клод и Олимпио держали своих лошадей наготове, чтоб при действительной опасности немедленно вскочить на седла.

Изабелла тревожно пожала руку Евгению и, полная беспокойного ожидания, крепко прижала ее к себе другою рукой.

Послышался голос генерала Нарваеса.

— Занять рошу! — раздалось в ночной тьме достаточно ясно, чтобы это могли услышать стоящие на опушке. Защелкали курки многочисленных винтовок. Со всех сторон раздавался топот копыт.

— Измена, — вскричал возвращавшийся Олимпио, — нас окружают, на лошадей — нужно выдержать борьбу!

Прежде чем посмотреть, какое геройское мужество выказали в эту минуту карлисты, мы должны в нескольких словах объяснить, каким образом совершилось это быстрое нападение.

Нарваес, возвращаясь из увеселительного дворца в Толедо, отклонился от своей дороги, чтобы, если только возможно, напасть на след трех опасных врагов.

Он наткнулся на авангард генерала Конхо, состоящий из сотни хорошо вооруженных всадников, с которыми он продолжал теперь свои розыски, между тем как армия под предводительством Конхо закончила свой форсированный марш в Толедо.

По счастливой случайности три похитителя из войска карлистов не встретились на своем пути от Аранжуеса к роще с авангардом Нарваеса, поэтому монаху удалось за несколько тысяч шагов от рощи попасть на королевские форпосты, где по его просьбе он был немедленно представлен генералу.

Нарваес, узнавший девушку, услышал от нее, что три всадника с похищенными дамами находятся в роще, и тотчас под покровом ночи повел сто своих всадников к тому месту, на которое ему указала Жуана.

Маленький лесок легко было обложить, и огромное превосходство сил под предводительством такого опытного командира, как Нарваес, решило судьбу сражения. Три офицера-карлиста, которые в несколько минут, без сомнения, могли бы спастись, единодушно предпочли борьбу. Они не предполагали, что придется втроем сражаться против ста отлично вооруженных солдат, но даже если бы и знали это, не замедлили бы ни одной минуты начать бой, который происходил теперь у рощи. Не в первый раз они испытывали свою силу и мужество против превосходящих сил противника.

Пока они прицеливались из своих винтовок, Изабелла и Евгений убежали в чашу, чтобы там найти защиту.

Вслед затем грянули ружья.

Олимпио, увидев генерала Нарваеса, повернул свою лошадь в сторону его, между тем как Филиппо и Клод де Монтолон бросились почти на двадцать атаковавших их неприятелей. Жаркая битва возгоралась на опушке леса. Королевские воины вскоре почувствовали, что имеют дело с опытными и смелыми противниками — уже через несколько минут передние утопали в своей крови.

Олимпио сражался, как лев, и казалось, что направленные на него пули отскакивали от него. Темнота ночи благоприятствовала

ему, а подвижность и смелость были его защитой от пуль, пролетавших мимо, не задевая его. Он думал о Нарваесе, с которым давно хотел помериться силами, но сперва нужно было проложить себе к нему дорогу, так как генерал, проверяя обстановку у рощи, скакал вокруг нее и только теперь приблизился к сражающимся.

Олимпио бросил свою винтовку, поскольку невозможно было и думать зарядить ее при численном перевесе со всех сторон наступающих противников! А оба свои пистолета он уже разрядил, и трое из врагов поплатились за нападение своей жизнью. Теперь он выдернул из ножен свою саблю, и показал себя блестящим фехтовальщиком.

Нарваес видел, что карлисты действительно произвели ужасное опустошение между его людьми, и должен был признаться, что слава, сопровождавшая их, была справедлива. Это сильно разожгло его, и, наконец, ему удалось по телам убитых, проложить себе дорогу к Олимпио, который послал ему приветствие и пригласил его к поединку.

Нарваес бросил свои пистолеты и также выхватил саблю, чтобы сражаться с врагом одинаковым оружием: так кинулись они друг на друга, чтоб помериться своею силой и мужеством!

Но генерал королевы был бы убит доном Олимпио Агуадо, если б, увидав, что Нарваес в смертельной опасности, не подскружили к нему двое из его людей. Прежде, чем Олимпио мог оборониться против этих двух и отправить их на тот свет, сабля одного из солдат ранила его в правую руку, и в то же время пуля сразила под ним лошадь — сделав дикий скачок, она упала, придавив ногу храброго наездника.

Олимпио, лишенный возможности сражаться правой рукой, взял саблю в левую и все еще сильно махал ею, хотя мертвая лошадь удерживала его на месте.

Между тем Филиппо и маркиз безостановочно гнали перед собой своих врагов, хотя и сознавали невозможность остаться победителями неизмеримо превосходящего их числом противника. Поэтому они решились, причинив чувствительный урон королевскому войску, пробиться к своим. Сражаясь, они искали Олимпио и увидели, что он изнемогает под наступающими со всех сторон врагами. С истинно геройским мужеством бросились они на солдат, окружавших упавшего, но, посчитав, что Олимпио убит, смело прорвались сквозь обступившее их войско и быстро достигли свободной равнины.

Нарваес приказал преследовать их, а дон Олимпио, который был ранен и лежал под своей лошадью, взял в плен; если бы этого не случилось, то вряд ли генерал дожил бы до своего весьма сомнительного триумфа, и захватил в свои руки Олимпио.

Вместе с обессиленной молодой королевой и закрывшей глаза от ужаса графиней Евгенией Олимпио еще ночью был увезен в Аранжуес, где все находились в мучительном страхе.

Когда на другой день из Толедо от Конхо пришло радостное уведомление, что карлисты после упорного боя отброшены, Мария-Христина и Эспартеро решились возвратиться с двором в Мадрид:

ВЕРМУДЕС, МАДРИДСКИЙ ПАЛАЧ

Королева, возвратясь в покои своего мадридского замка, чувствовала себя больной после опасного приключения. Евгения тоже казалась утомленной и жалкой, потому что только теперь открылись неизбежные последствия пережитого страха.

Но Мария-Христина была в очень понятном гневе и легко добилась того, что уже через несколько дней был вынесен смертный приговор пленнику, обвиненному в оскорблении Величества и заточенному в подземелье замка. Рассказ о похищении молодой королевы тайно и тем усерднее переходил из уст в уста, хотя со стороны двора употреблялись все усилия, чтобы скрыть это событие.

В испанской столице начало уже смеркаться; наступил канун того дня, когда публично на плацу Педро в Мадриде должна была совершиться казнь дона Олимпио Агуадо; последние лучи заходящего солнца золотили бесчисленные купола церквей и охватывали багровым пламенем окна высокорасположенных зданий.

По уединенной дороге в вечерние сумерки ехали верхом из Ла-Манша в Мадрид два всадника, закутанные в черные плащи. Прекрасным их лошадям, казалось, не пристало плестись шаг за шагом, как в погребальной процессии, поэтому они беспрестанно фыркали и нетерпеливо вскидывали головы.

Оба всадника были серьезны и молчаливы. Свои черные остроконечные шляпы сдвинули они на глаза, и если бы концы сабельных ножен из чистого золота, выглядывающие из-под плащей, не показывали, что под ними надеты военные мундиры, путников можно было бы принять за бродяг, с которыми неохотно встречаются на большой дороге.

Вскоре на спуске перед ними открылся вид на королевский город, с тысячами его острых колоколен, которые, подобно мачтовому лесу, проступали в вечерней мгле, а между ними высились купола храмов Св. Исидора и Св. Франциско.

Направо от Мадрида заметили они скит Святого Исидора, маленькую часовню, высоко почитаемую жителями Мадрида.

У группы деревьев, вершины которых затеняли большую улицу, они сделали привал.

— Еще светло и рано, Филиппо,— сказал один из всадников,— обождем здесь, пока не стемнеет; прежде всего нужна осторожность. Если нас узнают, не будет спасения Олимпио! Мы безопасно пробрались так далеко, что теперь должны обдумать его освобождение.

— Я горю нетерпением, Клод,— отвечал итальянец.

— Ты слишком торопишься! Подумай, ведь мы должны проникнуть в королевский замок, который хорошо охраняется,— серьезно сказал маркиз, хорошо сознававший опасность, которая им, как карлистам, угрожала в Мадриде,— я возлагаю надежды на дочь смотрителя замка; я знаю, что эта девушка любит Олимпио!

— Тогда, без сомнения, она нам поможет,— согласился Филиппо,— нет лучшего союзника, чем влюбленная девушка, к тому же если она дочь тюремщика!

— Но не забудь, что Долорес должна будет сделать выбор между своим отцом и Олимпио! Если она освободит пленника королевы, приговоренного к жестокой участи, то погубит своего отца, который отвечает за пленника. Тяжелая борьба предстоит ее сердцу, и мне нелегко вовлечь в нее бедного ребенка. Если возможно будет освободить Олимпио из подземелья без ее помощи, тогда...

— Оставь бесполезные размышления, Клод,— прервал Филиппо маркиза,— без девушки его освобождение невысказанно! Если тебе и удастся тайно пробраться в замок, то как же ты сможешь проникнуть в подземелье и, в особенности, открыть железные двери, которые крепко закрывают старые тюремные камеры. Нет, нет, ты должен оставить напрасные мысли. Олимпио должен быть вырван из рук королевской партии, это наше намерение, которое нас сюда привело, и тут не нужны никакие размышления.

Маркиз молчал; он знал, что Филиппо прав, но, несмотря на это, не мог прогнать мысли о борьбе, предстоящей девушке.

В то время как итальянец в диком своеволии не имел к подобным мыслям никакого сочувствия, душа Монтолона была затронута глубже и чувствительнее; может быть, этому способствовало его прошлое. По его прекрасному благородному лицу и серьезному взгляду можно было заключить, что в сердце этого человека еще жили грустные воспоминания... В тихие минуты, когда никто не обращал на него внимания и никого не было вблизи, тяжкие впечатления давно прошедшего времени, так глубоко проникающие в его душу, пробуждались, кроткие глаза становились влажными и на лице появлялось скорбное выражение. Но если в этот момент кто-нибудь подходил к нему, он обыкновенно своей изящной рукой проводил по лбу, как бы стирая морщины, и скрывал предательские слезы.

Маркиз никогда не говорил о своем прошедшем! Даже Филиппо и Олимпио, его вернейшие друзья и сподвижники, до сих пор не проникли в грустные тайны жизни Клода де Монтолона. На нем заметны были только последствия их, они сделали его кротким, великодушным, бескорыстным, одним словом, благородным человеком, в котором с истинной храбростью сочетались все другие прекрасные качества мужчины. Он почитал дружбу как высочайший и святейший дар богов, возможно, потому, что узнал в этой жизни ненадежность любви, которая, как представлялось ему, не может быть такой чистой и свободной от корыстолюбия, как дружба!

Начало уже смеркаться, когда оба карлиста, закутавшись в свои плащи, проехали опасную дорогу до самых ворот Мадрида, чтобы спасти попавшего в плен Олимпио, все еще оставались под тенью деревьев на большой дороге.

— Ночь настает,— говорил Филиппо, беспокойный итальянец,— мне кажется, что нам надо поспешить!

— Надо думать, что ведь в эту ночь Олимпио еще не сошлют или не передадут палачу,— размышлял маркиз.

— Нет ничего опаснее, чем доверять этой Марии-Христине, Клод, меня одолевает мучительная забота о нашем брате.

— Так отправимся, Филиппо! Пречистая Дева, помоги нам освободить Олимпио, не совершив преступления!

Итальянец натянул поводья своей лошади, такой же нетерпеливой, как и ее господин, и поскакал к Толедскому мосту, ведущему через Мансанарес.

И маркиз, тихо подъехав к мосту, проследовал через него за своим спутником. Затем, спустившись с крутой улицы, они подъехали к школе тореадоров, бойцов с быками.

Наконец, приблизились они к старым каменным Толедским воротам, которые представляют главный вход в Мадрид и ведут в улицу Толедо. Они беспрепятственно прошли через него и обратились в один из многочисленных домов, расположенных вокруг, чтобы оставить там своих лошадей и остальную часть пути продолжать пешком.

Закутавшись в плащи, шли они по мрачной, страшной улице, оканчивающейся площадью де-ла-Цебада, которая с некоторого времени была переименована в площадь Педро.

Достигнув большого, окруженного домами плаца, они увидели, что на середине его устраивался помост.

Филиппо при виде этого невольно остановился; он узнал, несмотря на темноту, помощников палача, которые ревностно занимались сооружением помоста.

— *Per Dio*,— пробормотал он,— это худой признак, Клод.

— Что такое? — тихо спросил маркиз.

— Там устраивают эшафот,— отвечал итальянец, указав на середину плаца.

Зловещее зрелище представилось переодетым офицерам из войска карлистов! Плохая встреча — Филиппо был прав.

Помощники палача стаскивали с запряженной двумя мулами телеги окровавленные доски. Другие вкопали уже в землю несколько столбов и по указаниям высокого, одетого в черное платье мужчины, наколачивали на них доски.

Удары молотков страшно раздавались в тишине ночи, и можно было наблюдать, как прохожие с боязливым видом отворачивались от постройки, начавшей подыматься посреди площади. Филиппо не ошибся! Во мраке только что наступившей ночи устраивали эшафот. Высокий мужчина в черном с длинной седой бородой, стоявший на страшном помосте, был Вермудес, мадридский палач, который получил приказ к наступлению дня приготовиться к исполнению кровавого приговора.

Старый Вермудес всегда безоговорочно служил закону. Он стоял с серьезным и важным видом, руководя работой своих помощников, удостоверяясь в безопасности и крепости эшафота; работа шла перед ним без перерыва.

Он стоял у колоды, в середине которой была гладкая прорезь для шеи осужденного, а по бокам находились крепкие ремни, которыми его притягивали.

Вермудес привык к своей кровавой должности. Более тысячи голов отделил он от туловища в продолжение своей долголетней службы, и говорили, что он никогда дважды не поднимал своего блестящего топора. У него был почтенный и величественный вид. Холодное спокойствие лежало на его резко очерченном лице, обросшем седой бородой.

Помощники его с грубыми шутками исполняли свою работу. На них были черные брюки и пестрые рубашки с засученными рукавами, на их головах с растрепанными длинными волосами надеты красные, свисающие на сторону колпаки.

Четыре угловых столба и пол эшафота уже были готовы и теперь, тщательно приладив тяжелую колоду, они приступили к устройству ведущих к ней ступеней. Черное сукно, которым обтягивали страшную постройку, было уже приготовлено, и работа быстро подвигалась к концу.

Не говоря между собой ни слова, приблизились Филиппо и Клод как бы с одной и той же мыслью, к старому Вермудесу, который был поглощен созерцанием эшафота и не обращал никакого внимания на прохожих.

— Эй, старик, — обратился к нему маркиз, — вы палач, как я догадываюсь?

Вермудес поднял взгляд и безмолвно осмотрел с ног до головы обоих закутанных в плащи господ.

— Да, господин, — ответил он затем без всякого выражения на своем будто из камня высеченном лице.

— Скажите, старый друг, вы, как я вижу, устраиваете черный трон, — продолжал Клод, — к утру заказана вам работа?

— К раннему утру! Через несколько часов вы увидите площадь Педро заполненной любопытными. Мадридский народ постоянно стекается на такое зрелище.

— Мы тоже были бы рады посмотреть, старик, — сказал Филиппо, — кто же это такой, которого вы на целую голову сделаете короче?

— Вы, должно быть, издалека пришли сюда, — сказал Вермудес, рассматривая обоих господ, — что спрашиваете меня об этом! Предводитель карлистов, Олимпио Агуадо рано утром взойдет на эшафот.

При этих словах маркиз должен был собрать все свои силы, чтобы не потерять присутствия духа.

— Олимпио Агуадо, — повторил Филиппо побледнев, — он должен быть казнен?

— Вы удивляетесь этому, господин? Если б он был известный солдат, тогда он был бы расстрелян. Но он считается только мятежником и к тому же еще виновен в оскорблении величества; поэтому он попадет под топор Вермудеса. О господа, не ужасайтесь так, я уже скольких генералов отправил на тот свет, когда суд произносил приговор! От этой руки пала голова Риеро, мой топор казнил генералов Леона и Борзо, почему же не должен мне подвернуться и предводитель карлистов Олимпио Агуадо!

Клод и Филиппо обменялись взглядами.

— Он и еще некто другой, который этого сегодня не подозревает,— сказал Вермудес странным пророческим голосом,— уж если кто осмотрел эшафот с таким гордым видом, как будто я стал его врагом, то через короткое время и он попадет в мои руки!

— Пресвятая Дева, избави нас от вас,— полушутя, полусерьезно сказал итальянец и потащил маркиза от эшафота.

Мадридский палач посмотрел им вслед и снова обернулся к своим помощникам, которые покрывали теперь окровавленные доски черным сукном.

— Ради святого креста,— шептал Филиппо с мрачным видом, идя рядом с Клодом,— мы придем в последнюю минуту.

— Этого я не думал! Олимпио в руках палача! Этого не должно случиться, или я умру с ним вместе.

— Время худое, Клод, слышишь? Башенные часы извещают полночь,— тихо говорил итальянец.— Перед утром окружают его монахи и в шесть часов на дворе замка будут находиться войска, чтоб проводить Олимпио в последний путь.

— Клянусь всеми святыми, я отобью и освобожу его! Мы придем в самую пору!

— Еще одно! Что ты думаешь о графине Евгении Монтихо? — спросил итальянец.— Попытаемся с ее помощью достигнуть освобождения Олимпио? Она все может через королеву.

— Не нужно никаких просьб, никакой милости, мой друг. Я освобожу пленника из замка, хотя бы это стоило мне жизни! Старый Вермудес должен хоть раз напрасно наточить свой топор. Олимпио не падет от руки палача, лучше я подам ему свой меч, чтобы он сам мог пронзить им себя.

Оба господина достигли Дворцовой площади и увидели перед собой большой четырехугольный замок с его бесчисленными окнами и балконами. Налево от них простиралась серая долина, которая отделялась от Мадрида протекающим перед замковым парком Мансаресом и тянется от ворот Св. Винцента до ворот Сеговии. Направо от них, у подножия холма, располагались боковые постройки дворца.

На этой стороне замка, украшенной коринфскими колоннами, находились трое ворот со сводами. Между ними взад и вперед ходили часовые с оружием в руках; их равномерные шаги глухо звучали на мраморных ступенях портала.

Филиппо и маркиз повернули во двор правого флигеля замка, в котором они надеялись легче достигнуть входа.

VIII

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ ПРИГОВОРЕННОГО

Старый смотритель замка Мануэль Кортина, который был так строг к своей дочери и проклял ее любовь — он, оттолкнувший сына донны Агуадо, когда тот поступил к карлистам,— этот суровый старик был молчалив и мрачен. Он должен был вести в темницу Олимпио, которого, несмотря ни на что, все еще любил!

Престарелому зрителю замка никогда в жизни не было так тяжело, как в этот час. Но он получил приказ и должен был повиноваться! Долг был для него превыше всего. Он принес бы ему в жертву и Долорес, свое единственное дитя! Но сердце его обливалось кровью при мысли, что Олимпио, как государственный изменник, был его пленником, этот мужественный, отважный и сильный Олимпио, который мог бы стать одним из первых офицеров королевского войска, а теперь должен был пасть от руки палача.

Молчаливый и ссутулившийся ходил Кортинна по замку. Ни одного ласкового слова не говорил он ни своей дочери, ни Олимпио. Суровый и холодный, он делал для пленника только то, что обязан был делать, не более.

Когда он услышал приговор суда, который гласил, что Олимпио на следующий день должен быть публично казнен на площади, то должен был крепко стиснуть зубы, чтобы совладать со своей скорбью. Он совсем не спускался в нижний этаж, где Долорес услышала ужасную весть от старой Эсины. Казалось, он боялся увидеть страдания своей дочери и не мог оставаться к ней суровым, ведь на следующий день все должно было кончиться...

Зрителю замка принесли в караульную гвардии вино, которое пленник должен был получить в последний вечер. Старый Кортинна принял его и должен был быстро выйти из караульной, располагавшейся над его жилищем, в пустой коридор, чтобы никто не увидел, что силы изменили ему. Но он подавил свою слабость и старался собрать все свое мужество, напоминая себе, что тот, к кому он теперь идет, карлист, государственный изменник!

И так, держа в одной руке вино, а в другой — ключи и фонарь, спустился он со ступенек, ведущих в подвал замка. Они проходили глубоко под часовой, помещавшейся в том же флигеле, что и караульная гвардия, под которой были его комнаты.

Старик должен был спуститься по длинной лестнице, пройти через многочисленные низкие повороты, а затем опять по старой каменной лестнице, которая вела к тюремным камерам замка.

Удушливый гнилой воздух заполнял эти глубокие подвалы, своды которых освещались жутким красноватым, мерцающим светом его фонаря.

Здесь внизу была постоянная ночь; только в камеры через маленькие, забранные решетками окна днем проникал скудный свет, тогда как в переходах царил вечный мрак.

Зритель подошел к одной из низких железных дверей, находившихся по обе стороны подвала. Он выбрал из своей связки ключи и отпер тяжелую маленькую дверь, причем раздался отвратительный, пронзительный звук.

Кортинна вошел в камеру Олимпио. Узкая и низкая, она была погружена в глубокий мрак, так как наступила уже ночь. Жалкая кровать, стол с черным распятием и один стул — вот все, что заключала в себе камера, в которую проник теперь луч света от фонаря.

Олимпио сидел на кровати и казался углубленным в размышления. Теперь он поднял глаза.

Молодой, хорошо сложенный юноша, казалось, не был угнетен своим заключением — он и сейчас еще оставался сильным и красивым, воином, которого боялись враги и любили друзья.

Конечно, перед его глазами могла бы представиться другая картина, нежели старый Кортина. Олимпио видел в своих грезах, как это часто случалось в последние дни, очаровательный образ графини Евгении, который запечатлелся в его сердце и незаметно для него самого вытеснил милую престелную Долорес. Он не переставал думать о том, как нес ее на своих руках.

Сейчас же он видел перед собой сурового старого смотрителя замка.

Старик поставил фонарь на пол и приблизился к столу, чтобы поставить на него рядом с кружкой для воды и хлебом принесенное им вино.

Олимпио наблюдал за каждым движением и за отвернутым лицом смотрителя.

— Как, Кортина, — сказал он, поднявшись, — что это значит? Вы приносите мне вино? Так, действительно, правда, что приближается мой последний час?

— Это так, благородный господин, приготовляйтесь и откажите вашу душу Матери Божией — перед утром прочтут вам приговор, что вас за государственную измену предадут смерти, обезглавив топором.

— Топором! Кортина, вы неправду говорите! Нет, ложь никогда еще не выходила из ваших уст, честный старик! Так меня хотят казнить, как бесчестного преступника? Так меня хотят передать палачу?

— Это так, как вы сказали, Олимпио, — отвечал старый смотритель, — теперь конец вашему героическому поприщу, на котором вы ждали для себя так много лавров. О, если б вы послушались старого Кортину!

— Без упреков, старик! Я знаю, что вы всегда желали мне добра. Я знаю тоже, что ваша Долорес меня очень любила. Но я не был этого достоин, Кортина!

— Не говорите мне этого! Кто бы ни сказал это, тот имел бы дело со мною, но если б вы сами это были! Вы, самый прекрасный кавалер и прямодушнейший дон, какого только видел Мадрид в своих стенах... Не отывайтесь со себе дурно передо мною, мой благородный господин, я знаю вас лучше!

Со смущенным видом посмотрел Олимпио на старика, который так ревностно защищал его и отстаивал. Высокий, сильный юноша, в неопределенном свете фонаря казавшийся еще большим, протянул к смотрителю замка свои руки.

— Простите мне все, что я сделал вам и вашей дочери, Кортина! Передайте Долорес мой поклон от всего сердца и скажите ей, чтобы она обо мне не грустила, потому что я этого не заслуживаю. Я беспоконный, неверный, дикий искатель приключений! Жизнь в армии ничего мне не обещала, и, наверное, я был бы также плохим мужем! Только обязательно скажите ей это, Кортина, слышите? Скажите Долорес, чтоб она не плакала обо мне! Но если она принесет букет

своих розанов на могилу Олимпио, которую найдет в стороне, у стены, где лежат самоубийцы и казненные, там, Кортина, где растут плевелы и не раздаются молитвы, тогда, говорю я, она сделает доброе дело для Олимпио Агуадо, который некогда ее очень любил. Да, Кортина, скажите Долорес, тогда может быть хоть одна душа придет на мою могилу, чтоб помолиться за меня.

— Не одна, мой благородный господин, а две — это Долорес и ее отец, — вскричал старый смотритель, у которого на глаза навернулись слезы и сердце трепетало от печали. — Ваша могила не должна оставаться в запустении, ее будут украшать самые лучшие цветы и лавровое дерево, хоть вы и ходили с карлистами. Я не знаю, отчего это, но в последние дни мне постоянно приходит на мысль ваша сиятельная мать, мой благородный господин.

— Молчите, Кортина, не напоминайте мне о моей матери! Слава Богу, что она не дождала до этого дня. Это удивительно, Кортина, чем становишься старше, тем более узнаешь цену добродетели и веришь во всемогущество божьего промысла! Прежде я плакал у гроба моей матери и роптал оттого, что она так рано ушла от меня, теперь только я узнаю, почему это случилось! Прощайте, добрый старик, и поклонитесь от меня Долорес. Милая девушка закрыла глаза моей матери! Слышите, Кортина, передайте ей этот поцелуй, которым я вас целую, передайте его ей! Теперь же оставьте скорбь. В случившемся ничего нельзя изменить!

— Чтоб я это пережил, — невнятно пробормотал старик. Собравшись с духом, он взял свой фонарь. — Не имеете ли вы еще какого-нибудь желания, или дела, или приказания, мой благородный господин? — спросил он, вытирая глаза.

— Да, Кортина, хорошо, что вы мне об этом напомнили! Домик, в котором умерла моя добрая мать, завещаю я вам и Долорес.

— Благодарю за вашу доброту, мой благородный господин, но мы не сможем перейти в него.

— Почему, старик? Но если когда-нибудь вы не в состоянии будете более исполнять свою службу, тогда в окруженном виноградниками домике вы с Долорес, я думаю, сможете жить хорошо.

— Прекрасно, дон Олимпио, но вы забываете, что ваше состояние...

Старый смотритель остановился.

— А, об этом я не подумал, Кортина! Все конфисковали! Тогда, конечно, я более ничего не имею! Последнее же мое желание: не гневайтесь на меня и передайте мой поклон Долорес. Прощайте.

Олимпио с глубокой признательностью пожал руку старого смотрителя. Старик, глубоко тронутый этим последним прощанием со своим пленником, весь содрогался от сдерживаемых рыданий, так что даже фонарь дрожал в его руке. Быстро пройдя через низкие двери, он запер их за собой.

Старый солдат, должно быть, во всю свою жизнь не испытывал такой тяжелой борьбы с самим собой, как в последнюю ночь карлиста Олимпио Агуадо!

В то время как внизу, в подвале, происходила эта трогательная сцена, Долорес оставалась в комнате нижнего этажа, решетчатое окно которой выходило на большой двор замка.

Она не зажигала свечей и стояла у этого маленького, увитого розанами окна; цветы поникли своими головками, будто тоскуя, как и Долорес — она совершенно забыла о них и не поливала, о чем обыкновенно никогда не забывала. Они могли теперь все поблекнуть — Долорес более не замечала их.

Она стояла, вглядываясь своими прекрасными печальными глазами во мрак наступившей ночи, темнота была ей приятна, теперь никто не мешал ей предаваться своим горьким мыслям.

Плакать она не могла! Казалось, что слезы ее вдруг совершенно иссякли!

Олимпио был присужден на смерть, последняя ночь его наступила.

Ей показалось, что к окну, у которого она стояла, приближались тихие, подкрадывающиеся шаги. Кто же ходил еще по двору?

Опять стало тихо, и Долорес подумала, что это, как иногда бывало, пара влюбленных вышла на тайное свидание в столь поздний час.

Но через короткое время снова раздался тихий шорох и теперь Долорес ясно увидела возле самого окна прижавшуюся темную фигуру.

В другое время девушка при виде этого, исполненная страха, громко позвала бы на помощь — но странно, теперь она не чувствовала никакого страха! Видно, тоска этой ночи отняла у нее всякий страх. Она внимательно присмотрелась и разглядела теперь очертания шляпы и фигуры мужчины, закутанного в черный плащ.

— Сеньора Долорес, — раздался тихий голос.

— Матерь Божья, что со мною будет, — промелькнула у нее мысль. Она не знала этого голоса и не могла объяснить себе, кто мог быть там, у окна.

— Сеньора Долорес Кортина, — раздалось яснее, — если вы внизу, в комнате, дайте мне скорее знак.

— Кто называет меня по имени? — так же тихо спросила девушка.

— Вы одна, сеньора? Вблизи нет вашего отца, смотрителя замка?

— Кто вы такой? Я одна, говорите!

— Никто не может нас подслушать? То, что я хочу вам сказать, никто не должен слышать.

— Так вы?.. — догадалась вдруг Долорес, думая о возможности, которая до сих пор не приходила ей в голову, и прижала лицо к окну.

— Маркиз Клод де Монтолон, карлистский офицер! Теперь я в ваших руках и достаточно одного вашего слова, чтоб и меня передали палачу, — прошептал стоявший под окном на коленях мужчина.

— О, святые небеса, никто не может вас там увидеть! Чего вы хотите, благородный дон?

— Я все сделаю для Олимпио, которого хочу спасти!

— Матерь Божья, что я слышу!

— Это удастся, если вы захотите мне помочь, сеньора!

— Чувства мои смущаются,— прошептала Долорес, обеими руками сжав свою темноволосую голову.— Вы хотите спасти Олимпио?

— Потому и пришел я сюда, сеньора! Но мы должны поспешить! Дон Филиппо ожидает нас с лошадьми на Эль Петриль в пятидесяти шагах отсюда. Если удастся нам освободить пленника из камеры, то через несколько часов он будет далеко от Мадрида.

— Из камеры,— повторила Долорес, которая была поражена высказанным ей планом.

— Ключи у вашего отца, смотрителя замка,— шептал Монтолон.

— Вы хотите сказать, что я тайно должна взять ключи и открыть камеру.

— Вы только должны дать мне ключи, остальное предоставьте мне.

— Но мой отец,— тихо проговорила Долорес, в душе которой, действительно, началась борьба, которую предвидел маркиз.

— Бедная девушка! Найти бы мне другое средство! Если бы приговор не должны были привести в исполнение в наступающий день, я избавил бы вас от этой борьбы!

— Мой отец отвечает за пленников королевы. Что же мне делать?

Клод де Монтолон в отчаянии ударил саблей о землю — ему было жаль Долорес!

— Скройте все! Отца вашего ни в чем не обвинят, если поутру не будет пленника, а он поклянется, что не отпирал ему дверей. Олимпио могли освободить с помощью поддельного ключа,— сказал он тихо.

— Да, да, вы правы, я должна его спасти, он не должен умереть,— прошептала беспомощно девушка, — я дрожу, справедливость и несправедливость борются в моем сердце, весы колеблются, о Матерь Божья, что за мучение!

— Время бежит! Мы не должны терять ни минуты, ведь уже за полночь!

— Я должна спасти моего Олимпио, вам нужны ключи, и если только никто не увидит вас на дворе...

— Никто не предполагает, что маркиз де Монтолон здесь, и если меня заметят у вашего окна, то сочтут за влюбленного. Где смотритель замка?

— Тише, прочь, я слышу его шаги, он возвращается из тюрьмы. Предводитель карлистов исчез от окна.

Тотчас после этого в комнату вошел Мануэль Кортина. Он поставил на стол фонарь и положил около него ключи; Долорес видела, что он очень расстроен.

— Я пришел от Олимпио,— сказал он грустно,— произошло последнее прощание! Он посылает тебе свой поклон...

Долорес заколебалась, не зная, что делать, борьба и печаль терзали ее сердце, она видела своего отца глубоко тронутым и сокрушенным и должна была скрыть от него намерение освободить своего возлюбленного. Мучение, которое она терпела, было невыразимо!

Рыдая, упала она на грудь старого отца, но он видел только, что она плачет об Олимпио. Что могло быть вернее этой мысли?

— Мужайся и положишься на Матерь Божию,— тихо говорил он дочери,— она даст нам силу и спокойствие! Амины!

Долорес задыхалась от слез. Но ничего не могла сказать отцу о своем плане, она страстно хотела спасти своего возлюбленного, сделав все по совету его друга, который не побоялся смертельной опасности, чтобы проникнуть сюда.

Старый смотритель снял с гвоздя другие ключи. Казалось, он не окончил еще своей службы, а может быть, искал еще занятия, чтоб рассеять печальные мысли, и ушел из комнаты. Долорес хотела было догнать его и удержать, все рассказать, но опустила в изнеможении свои белые руки.

Через несколько мгновений маркиз опять появился у окна.

— Скорее, ради всех святых, скорее, сеньора, иначе все пропало,— торопливо прошептал он.

Долорес подошла к столу, трясущимися пальцами взяла ключи, она была бледна, как смерть, и лихорадочно возбуждена. Она прислушалась — никто не идет.

Как тень, подошла она к окну.

— Я опять принесу их вам, сеньора,— сказал Клод де Монтолон, осторожно беря ключи из ее рук.

Сказал... и быстро скрылся, между тем как Долорес рыдала, закрыв лицо руками.

Внутренний голос говорил ей, что прежняя жизнь ее кончилась, что ей предстоит нечто ужасное.

IX

БЕГСТВО

В это время при мадридском дворе происходили очень странные дела, которые как будто, в особенности для несведущего, носили таинственный характер и, однако, могли быть объяснены весьма естественными причинами.

Не одна распространенная в народе легенда о появлении Черной звезды, о которой мало знали, но и другие удивительные события долго составляли предмет разговоров.

Так, солдаты, стоявшие на часах в королевском замке, рассказывали, что часто в полночь дух умершего короля Фердинанда VII ходит по длинным коридорам.

Молва утверждала, что привидение постоянно выходит из парка, тихо входит в проход и затем исчезает во флигеле королевы-матери. Самые храбрые из солдат даже несколько раз окликали его, но никогда не получали ответа.

По старым преданиям, которым все еще верят в народе, почти каждый замок имеет свои привидения, и часовые больше не трогали странствующего короля, предпочитая не нарушать его прогулки.

Незадолго до ночи, о которой мы рассказываем, молодой офицер из гвардии королевы, дон Франциско Серрано встретил странное явление на перекрестке.

Но храброму офицеру худо пришлось от этой встречи, так как привидение пронзило его саблей. Однако сабля эта принадлежала отставному лейб-гвардейцу Мунноцу, а ныне герцогу Риансаресу, возлюбленному королевы-матери, который представлял эту комедию, чтоб беспрепятственно и не будучи узнанным входить в покои Марии-Христины.

Дон Серрано получил вразумительное предостережение — не трогать более привидений замка, и был отослан в армию, что, впрочем, оказалось кстати, так как там он нашел случай отличиться. Конечно, ему было бы гораздо хуже, если бы молодая королева Изабелла не находила удовольствия в покровительстве красивому, обходительному дону и потому приняла его сторону против своей очень разгневанной матери.

Таким образом, тень короля все еще продолжала бродить по замку.

Когда маркиз де Монтолон исчез от окна Долорес, генерал Нарваес, принесший в Мадрид точное известие о победе над карлистами, имел у Изабеллы аудиенцию, при которой, кроме старой дуэньи Мариты, присутствовала только графиня Евгения.

Нарваес был очень милостиво принят молодой королевой, и теперь она с большим удовольствием просила его проводить фрейлину Монтихо через коридоры замка до ее покоев. При этом Изабелла улыбалась своей подруге, так что Евгения хорошо поняла, что означала просьба молодой королевы.

— Я даю тебе в проводники, чтоб ты имела случай побыть с ним наедине четверть часа, пока он проводит тебя до твоих комнат.

— Благодарю, ваше величество,— проговорила Евгения, приседая перед своей царственной подругой, когда с ней прощался также Нарваес.

— Ведь вы знаете, генерал, что в нашем замке являются всякого рода привидения, поэтому для нас истинное утешение, если вы проводите графиню Теба до флигеля инфанты Луизы, моей дорогой сестры,— говорила Изабелла, отпуская Нарваеса и Евгению.— Еще одно: ради всех святых, не трогайте привидений!

Генерал раскланялся, отвечая на улыбку королевы, и вместе с Евгенией оставил будуар.

Прекрасная графиня льстила себя надеждой, что Нарваес, на котором останавливался ее взгляд с тем порывом, который порождает первую, пылкую любовь, теперь также проявит свое обожание, и эта мысль совершенно захватила Евгению, когда она под руку с ним вышла из апартаментов королевы, чтобы возвратиться в свои покои, находившиеся во флигеле инфанты.

Нарваес был тоже весьма внимательным кавалером и к тому же готовым на все, чтобы приобрести расположение подруги молодой королевы.

И так как любящее сердце относится благосклонно ко всему, что касается возлюбленного, то и Евгения была склонна принять любезность генерала за проявление взаимной любви. Он предложил ей, идя по длинным, безлюдным коридорам, свою руку, и Евгения приняла ее с тайным чувством невыразимой радости.

Так шли они через тускло освещенные ходы и приблизились к покрытой дорогами комнатами лестнице, которая спускалась с перекрестка, разделяющего четыре флигеля и соединяющего главный вход с маленьким двором, а парк — с большим двором замка.

Чтобы достигнуть флигеля, в котором жила инфанта Луиза, нужно было, идя от королевы, пройти проход, который вел из парка к покоям королевы-матери, к караульной гвардии и ко двору замка.

Грудь Евгении сильно волновалась, когда она рядом с Нарваесом сходила с лестницы.

— Ошибаюсь ли я, или сердце ваше, действительно, так сильно бьется, мадонна,— тихо спросил генерал,— теперь, когда мы приближаемся к перекрестку?

Графиня, чувствуя, что сильное волнение выдало ее, не могла сразу найти ответа.

— Конечно,— вздохнула она, наконец,— перекресток, через который дует сквозной ветер и в котором так мрачно, всегда как-то неприятно влияет на меня.

— Вы со мною, вам нечего бояться, графиня.

— С вами, дон Нарваес, я готова пройти катакомбы,— отвечала Евгения шепотом,— ведь вам мы обязаны освобождением из рук человека, который завтра взойдет на эшафот. Но все это вызывает во мне чувство какого-то необъяснимого страха,— прибавила прекрасная графиня и, побуждаемая страхом и любовью, крепко прижалась к руке генерала.

Они достигли перекрестка, мрачного и неприветливого, на котором не видно было ни одной человеческой души.

Нарваес как вышел из покоев королевы, думал не о графине, опиравшейся в эту минуту на его руку, но о другой красавице. Слепляла ли его власть или прельщала рано развившаяся фигура Изабеллы, но ее образ преследовал генерала, тогда как Евгения предавалась надежде, что Нарваес любит ее так же горячо, как и он любим ею.

Вдруг графиня еще крепче прильнула к руке генерала, и легкий крик испуга сорвался с ее губ.

В ту минуту, как они проходили мимо перекрестка, заскрипели ворота, ведущие из парка в замок, и в ней показался человек в длинном черном плаще и испанской остроконечной шляпе, надвинутой на глаза. Фигура его напоминала короля Фердинанда, когда он отправлялся на тайные похождения или возвращался после них в замок.

Нарваес, проследив за испуганным взором графини, также увидел призрака, появившийся у ворот дворцового парка.

— Я бы заговорил с привидением, мадонна,— прошептал, улыбаясь, генерал,— если бы ее величество не приказала оставить его

в покое и дать полную свободу прогуливаться по парку. Поэтому не бойтесь призрака, графиня, если мы не тронем его, он также не повредит нам.

Взгляд Евгении все еще был устремлен на темную фигуру, подошедшую к перекрестку, когда они проходили мимо него, спеша к украшенным золотом ступеням лестницы, ведущей в покои придворных дам.

Непоколебимая смелость генерала, руку которого она так близко чувствовала около себя, его ироническая улыбка и ее горячая любовь к нему помогли Евгении быстро преодолеть страх, и она устремилась с ним к лестнице, устланной коврами, между тем как призрак пошел далее по перекрестку. Приблизившись к флигелю королевы-матери, не остановленный стражей, расхаживавшей взад и вперед, он, оглянувшись по сторонам, направился не к ступеням, ведущим в покои Марии-Христины, а к маленькой лестнице, которая вела в подвал.

Это был маркиз де Монтолон, отважный, но достаточно осмотрительный человек, который разыгрывал в эту ночь роль герцога Риансареса, что было нетрудно, так как последний уже несколько часов находился у королевы-матери, и он спокойно мог носить его маску.

Одно только тревожило маркиза — каким способом вывести Олимпию из замка. Сам он легко мог вернуться прежней дорогой и выйти во двор, если бы не пожелал перелезть через забор, но как провести с собой пленного королевы?

Аллея, слившаяся с одной стороны с парком, с другой стороны вела в караульную гвардию, через которую можно было попасть на двор замка. Клод знал, что в караульной всегда находилось несколько офицеров, и потому этим путем идти было невозможно.

В главном портале также стояла стража, которая пропустила бы его, приняв за тень короля Фердинанда, но не преминула бы задержать Олимпию.

— Да поможет нам святой Бернардо! — прошептал маркиз и, вынув из-под плаща маленький потайной фонарь, стал спускаться по лестнице; затем осторожно прошел мимо находившейся поблизости квартиры смотрителя замка, и ступил на скользкие ступени лестницы, ведущей в подвал, где находилась камера его заточенного друга.

Сойдя с лестницы, маркиз остановился, прислушиваясь, не шевелится ли что-нибудь наверху или внизу, и только потом пошел по коридору, по обеим сторонам которого виднелись железные двери арестантских камер.

Он знал, что теперь нельзя терять ни минуты, потому что в любой момент мог появиться один из судей или духовник, чтобы прочесть заточенному приговор и совершить соборование.

Он быстро вынул из-под плаща ключи, которые дала ему Долорес...

— Олимпио, — тихо позвал он, — это Клод де Монтолон, я пришел, чтобы освободить тебя. Скажи мне, в какой камере ты находишься?

Минуту господствовала прежняя тишина.

— Клод де Монтолон,— повторил затем глухой голос вблизи прислушивавшегося маркиза.

— Ради всех святых, Олимпио, постучи в дверь, которая отделяет тебя от меня!

В эту минуту заточенный, казалось, уже не сомневался более в том, что это действительно был маркиз; он постучал, и Клод поспешил к двери, за которой сидел Олимпио. Он быстро перепробовал несколько ключей и, наконец, нашел подходящий; ключ со скрипом повернулся в старом замке, дверь подалась — и друзья бросились в объятия друг другу.

— Возможно ли! Ты здесь! — проговорил Олимпио, понизив голос.— На что ты решился ради меня!

— Я исполнил только свой долг,— отвечал маркиз, поднимая потайной фонарь, чтобы осветить своему другу,— но не будем терять ни секунды. Следуй за мной. Через час, возможно, будет уже поздно.

— Мог ли я думать, что ты придешь сюда, чтобы освободить меня,— сказал растроганный Олимпио, крепко пожимая руку своего друга.— О, Клод, на такую услугу способен только ты.

— Пустяки! — пробормотал маркиз.— Филиппо хотел оспорить у меня право освободить тебя, но он слишком порывист, поэтому ты видишь здесь меня, а Филиппо ждет нас с лошадьми на Эль-Пертил. Поспешим! Еще надо вывести тебя из замка.

— Где ты достал ключи?

— Теперь не время спрашивать об этом, мой друг. Уйдем скорее отсюда.

Олимпио вышел в коридор подвала. Клод снова запер железную дверь камеры и пошел вперед к ступеням, которые вели в верхнюю часть замка.

До сих пор все проходило даже лучше, чем ожидал маркиз. Но теперь настала самая опасная минута предприятия. Клод убедился, что длинный темный плащ Олимпио походил на его плащ, но не доставало шляпы, а между тем он был хорошо известен не только всем жителям замка, но и караульным, тогда как маркиза не все могли легко узнать. Поэтому, не медля ни минуты, он снял свою шляпу и отдал ее другу, прося его поглубже надвинуть ее на лоб.

— Что же наденешь ты, чтобы закрыть лицо? — спросил Олимпио шепотом.

Клод приложил палец к губам.

— Не заботься обо мне,— так же тихо ответил он и стал подыматься по лестнице.

Когда оба прошли мимо квартиры смотрителя замка и собирались уже выйти на перекресток, маркиз остановился и, схватив Олимпио за руку, прислушался.

— Черт возьми,— пробормотал он, и глаза его мрачно блеснули,— кажется, сюда идут твои судьи.

Клод был прав — наверху ясно слышались голоса и шаги нескольких человек.

— Мы погибли,— прошептал Олимпио.

— Еще нет. Иди за мной скорей и тише, мы спрячемся вон за тем выступом.

— Они спустятся и найдут пустую камеру.

— До тех пор мы уже должны быть далеко отсюда. Смотритель замка не так-то скоро найдет ключи.

— Черт возьми! Так у тебя ключи Кортины?

— Тише,— прошептал маркиз и, быстро спрятав фонарь под плащ, повлек Олимпио в один из углов подвала.

Непроницаемый мрак покрывал в эту минуту лестницу и все пространство. Вдруг раздался голос Кортины — Олимпио узнал его.

— Позвольте мне, господа,— сказал старик,— пройти вперед и осветить вам.

— Сделайте одолжение, господин смотритель,— послышался голос первого судьи.

Слабый свет проник до выступа, за которым стояли Клод и Олимпио.

Они были в страшной опасности: если им не удастся воспользоваться следующей минутой для бегства, они погибнут.

— Осторожно, благородные доны,— сказал Кортина.

Маркиз, едва заметно высунув голову из-за угла, взглянул на то место, где они только что стояли; он увидел судей, закутанных в длинные темные плащи, из которых первый нес в руке свернутый пергамент. Смотритель замка светил снизу, чтобы они не оступились. За ними следовали монахи в рясах.

Они шли к узнику королевы, чтобы прочесть ему приговор и приготовить его к смерти. Когда они спустились с лестницы и достигли коридора, смотритель замка сказал, что пойдет за ключами.

— Потрудитесь подождать здесь, господа, пока я вернусь,— сказал Кортина, — оставляю вам фонарь, я найду дорогу без огня.

— Хорошо, господин смотритель,— отвечал первый судья, и после того как один из монахов принял из рук Кортины фонарь и пошел с ним вперед, все общество последовало за ним.

Маркиз похвалил себя за то, что снова запер дверь камеры, когда освободил из нее Олимпио, но в то же время представил себе положение бедной Долорес, которая должна была видеть, как ее отец напрасно ищет ключи.

— Скорее отсюда,— прошептал он, обращаясь к другу, и оба стали быстро подниматься по ступеням.

— Проходи мимо караульных, не оглядываясь, через главный портал,— сказал Клод,— я попробую пройти через караульную королевской гвардии, так как офицеры, кажется, крепко спят в креслах. Они, вероятно, праздновали победу, потому что на столе стоит множество опорожненных бутылок. Мы встретимся за забором, где нас ждет Филиппо с готовыми лошадьми.

— Ты подвергаешь себя опасности,— сказал Олимпио, колеблясь.

— Если тебе дорога жизнь твоя и моя, то поспеши и сделай так, как я тебе сказал,— отвечал маркиз.

Олимпио, закутанный в плащ, смело и не оглядываясь, прошел

мимо колонн главного портала, за которыми взад и вперед расхаживала стража, не осмелившаяся остановить его, приняв за герцога Риансареса.

Могли ли они предположить, что этим обстоятельством воспользуется офицер карлистов, чтобы бежать из заточения!

Таким образом Олимпио достиг террас, находившихся перед этой частью замка, и направился к левой части стены, окружавшей двор, ожидая тут маркиза под прикрытием темноты.

Клод де Монтолон, увидев, что друг его хорошо исполнил свою роль, быстро и твердым шагом подошел к стеклянной двери караульной.

Один взгляд убедил его, что все офицеры крепко спали, выпив несколько лишних стаканов за успех армии. Улыбка удовольствия скользнула по красивому лицу маркиза и, казалось, в уме его возник еще другой план, который он хотел привести в исполнение, так как на это не требовалось много времени.

Он быстро отворил стеклянную дверь и смело вошел в ярко освещенную комнату.

В одном из ее углов стоял стол, на котором лежали протокольная книга стражи, перо и стояла чернильница.

Не теряя ни минуты, маркиз подошел к столу, взял перо и твердой рукой вписал в раскрытую книгу:

«Клод де Монтолон, офицер Царя лесов» *.

Затем положил перо на стол и хотел удалиться из караульни. В это мгновение один из офицеров проснулся и широко раскрытыми глазами с удивлением взглянул на маркиза.

Но последний, вспомнив Долорес и зная, что ему нельзя долее оставаться здесь, отворил дверь, выходящую на двор замка и в то время, как офицер снова погрузился в сон, отмахнувшись от возникшего перед ним призрака, Монтолон, никем не замеченный, вышел на двор и направился к окну Долорес, дочери смотрителя замка. Положив туда ключи, он, плотнее закутавшись в свой плащ, вышел со двора и встретился с Олимпио.

Филиппо громко вскрикнул от радости, увидев приближающихся к нему друзей. Он крепко обнял Олимпио, и, вскочив на лошадей, они поскакали по направлению к плацу Педро, чтобы взглянуть на напрасно устроенный эшафот. Но прежде Олимпио подъехал к домику своей матери, стоявшему у подножия холма и окруженному садом, сорвал одну из лучших роз и послал ее со старой служанкой в замок, прекрасной Евгении.

Клод де Монтолон, видевший это и уверенный, что роза предназначается Долорес, похвалил его за это, заметив, что без нее для него никогда не блеснул бы луч свободы.

Чувствовал ли Олимпио, влюбленный в прекрасную Евгению, укору совести при этих словах маркиза?..

В замке тем временем настало тяжелое время для смотрителя Кортины.

* Так называли Дон-Карлоса.

Нашли, что пленный королевы исчез каким-то необъяснимым способом.

Железная дверь была цела и заперта, и когда все вошли в камеру, смотритель замка не поверил своим глазам. Затем он впал в отчаяние, понимая, что на него, готового пожертвовать всем для выполнения своего долга, падет подозрение, что он освободил пленного, находившегося на его ответственности.

Мануэль Кортина, действительно, был привлечен к суду, но дело еще не могло разбираться, так как старый смотритель замка слег в сильнейшей лихорадке.

Х

ПРИДВОРНЫЙ БАЛ

Королева-мать и Эспартеро считали нужным доказать мадридской аристократии и гражданам, что слухи, распространяемые о молодой королеве, совершенно неосновательны.

С этой целью предполагалось дать придворный бал, чтобы отпраздновать также победу над карлистами.

На бал были приглашены не только гранды столицы, но и генералы и офицеры, находившиеся в то время в Мадриде.

Мария-Христина, обнаруживающая всегда и во всем свой ум и проницательность, надела на себя маску великодушия и велела разрушить эшафот в день придворного бала.

История о бегстве несомненно дошла до народа, и потому тем быстрее распространилось известие о том, что регентша отменила наказание. Народ высоко оценил это решение, так как все знали, что заточенный был испанский дон, который, борясь за свои убеждения и сражаясь за них, во всяком случае достоин был уважения. Рассказы о необыкновенной храбрости трех героев Дона Карлоса покорили много сердец, и потому все еще более хвалили великодушный поступок регентши.

Таким образом, хитрая Мария-Христина сумела использовать это происшествие, чтобы возвысить себя в глазах народа.

Но, кроме того, придворного бала желали еще во многих кругах, и на нем в то же время должен был быть в первый раз представлен молодой королеве принц Франциско д'Асси, приехавший из Неаполя.

Изабелла, которая знала о намерении своей матери обручить ее с этим принцем, надеялась встретить на балу любимого ею дона Серрано; Евгения радовалась предстоящей встрече с Нарваесом; графиня, ее мать, полная ожиданий, позаботилась о том, чтобы графиня Мария надела розовый, а Евгения голубой шарф, а Нарваес мечтал увидеть на балу молодую королеву и, наконец, узнать, любит ли она его или предпочитает ему молодого дона Серрано.

Как видно из этого очерка, самые пламенные надежды и желания были сопряжены с предстоящим празднеством, которое должно было

состояться в великолепной Филипповой зале и прилежавших к ней покоем.

Число приглашенных было велико, экипажи бесчисленных гостей длинными рядами теснились около портала замка, громадные канделябры которого распространяли яркий свет.

Какой контраст! Внизу, в подвале замка,— бедная Долорес, плачущая у изголовья своего большого отца, наверху, в Филипповой зале,— ослепительная роскошь.

Эта главная зала, казавшаяся необозримой благодаря высоким зеркальным стенам, была залита ярким светом множества люстр и канделябров. На середине залы, вмещавшей более четырех тысяч человек, был устроен фонтан, вода которого распространяла аромат и приятную прохладу. В углах располагались буфеты, украшенные знаменами, где услужливые лакеи подавали гостям шоколад, шампанское, мороженое и сладости.

Из этой громадной залы открывался ход в залу аудиенций, установленную тропическими растениями круглую комнату, из которой можно было пройти на широкую террасу, обращенную в парк, сейчас волшебным освещенный. С левой стороны Филиппова зала вела в так называемую раковинную ротонду, большое, освещенное матовым светом помещение, состоящее из двух полукругов, разделенных небольшим проходом. Каждый из этих полукругов образовывали прелестный, богато украшенный грот из раковин, в котором также бил фонтан и стояли мантильные к сладостному отдыху мягкие кресла и диваны. Гроты освещались сверху и представляли волшебное зрелище.

В Филипповой зале уже собралось блестящее общество, разделившиеся на группы гости тихо переговаривались между собой.

Графиня Теба де Монтихо, дочери которой должны были явиться в свите королей, беседовала с богатой герцогиней Лерма, одетой в белое атласное платье, украшенное бриллиантами. Генерал Нарваес расхаживал по зале с молодым герцогом Альба; Серрано беседовал с Олозаго; маленький, невзрачный принц д'Асси, которому на вид можно было дать не более двадцати лет, хотя он был десятью годами старше, говорил о чем-то с патером Маттео, который хотел хотя бы час присутствовать на празднестве, а несколько неуклюжий герцог Риансарес приблизился к только что вошедшему Эспартеро. Кругом расхаживали посланники, генералы и министры, кто в простом черном фраке, украшенном орденами, кто в блестящем мундире, или любимом костюме испанских грандов — шитом золотом коротком плаще, белых брыжжах и доходящих до колен бархатных панталонах.

Королевы с своей свитой заставляли себя ждать. Наконец, появились камергеры, придворный интендант подал капелле знак, и звуки гимна возвестили о приближении Изабеллы и Марии-Христины.

Придворные гости, сверкая золотом и бриллиантами, образовали круг; Эспартеро приблизился к высокой двери, чтобы приветствовать молодую королеву, а герцог Риансарес — королеву-мать.

Мария-Христина, все еще красивая женщина с небольшими блестящими черными глазами, была одета в тяжелое бархатное

платье желтого цвета, поверх которого была накинута испанская мантилья, на черных волосах ее блестела бриллиантовая диадема.

Рядом с нею шла Изабелла, очаровательная молодая девушка, которую превосходила по красоте только следовавшая за ней графиня Евгения. На молодой королеве было розовое атласное платье, усыпанное белыми цветами. Ее прекрасные темные волосы украшал веночек из изумрудов, образовавшийся спереди маленькую корону.

Обе молодые графини Теба де Монтихо были в одинаковых белых шелковых нарядах, различавшихся только цветом шарфов: на графине Евгении был голубой, а на Марии — розовый шарф. Маленькая, грациозная маркиза де Бельвиль, взоры которой украдкой искали между гостями дон Олозагу, надела в этот вечер голубое атласное платье, только что полученное из Парижа и сшитое по последней французской моде.

И прочие придворные дамы обнаруживали не меньшую роскошь и великолепии костюмов, но все должны были признать, что молодые графини Теба были лучшим украшением бала.

Евгения осторожно окидывала взглядом залу, пока королевы отвечали на поклоны присутствующих, и устаивала некоторых немногими словами. Молодая графиня искала того, кого так страстно любила, но глаза Нарваеса не встретились с ее глазами, и ее поразило то, как он, стоя в глубине залы, пристально смотрел на молодую королеву. Изабелла, на губах которой в эту минуту появилась ироническая улыбка, заговорила со своим двоюродным братом, принцем Франциско д'Асси, но взгляд ее был устремлен на стоявшего позади него дона Серрано — заметил ли это Нарваес? На лбу его появились складки, и глаза, имевшие иногда суровое, ледяное выражение, мрачно засверкали.

Мария-Христина подала руку герцогу Риансаресу, который подвел ее к креслам, украшенным короной и поставленным близ зеркальной стены для нее, Изабеллы и их свиты. Затем она приняла его приглашение на танец, и вскоре под звуки прекрасной музыки по зале уже неслись молодая королева с принцем Франциско д'Асси, богатая герцогиня Лерма с Серрано, графиня Теба с элегантным герцогом Альба, между тем как Евгения была приглашена доном Олозаго. Танцующая и весело разговаривая с ним, она заметила, что ее сестра Мария танцевала с французским посланником, а маркиза де Бельвиль — с Нарваесом.

На всех лицах сияли радость и удовольствие, все со свойственной испанцам страстью предавались танцам и даже сама Мария-Христина, казалось, находила большое наслаждение в них, хотя герцог Риансарес, как она потом, смеясь, сказала ему, танцевал недостаточно изяшно.

Изабелла поблагодарила маленького принца, которого в интимном кругу называли не иначе, как «своим скучным двоюродным братом из Неаполя», и предпочла принять приглашение более красивого и мужественного дона Серрано, с которым, оживленно разговаривая, так долго кружилась в танце по зеркальному паркету громадной залы, как будто не могла с ним расстаться.

Герцог Альба сообщил графине де Монтихо, что объявит свой выбор в кадрили. Графиня была в восторге. Какой бант увидит она на его плече — голубой или розовый?

Евгения беседовала с доном Олозаго, но глаза ее следили за маркизой де Бельвиль, которая, вероятно, чтобы отдохнуть после танца, под руку с генералом Нарваесом направилась к раковинной ротонде.

Лакеи подавали мороженое, фрукты и холодное, пенящееся шампанское.

Эспартеро стоял недалеко от королевы-матери, когда герцог Риансарес, держа в руке недопитый бокал, приблизился к нему.

— Известно ли вам, господин герцог,— начал он,— как сильно взволнованы недавним происшествием три представителя королевской гвардии?

— Вы думаете, что они виноваты в бегстве того самого карлистского офицера,— спросил Эспартеро.

— Конечно! И их вина больше, чем вы, по-видимому, полагаете,— продолжал герцог Риансарес так громко, что королева-мать и ее свита начали прислушиваться к его словам,— это неслыханное происшествие. Дону Олимпио Агуадо, как оказалось, помог бежать один из его друзей.

— Совершенно верно, мне назвали маркиза де Монтолона,— добавил Эспартеро.

— Оба эти офицера дона Карлоса, как видно, никем не замеченные, прошли через караульную комнату гвардии, так как в протокольной книге была найдена сделанная изящным почерком подпись: «Маркиз Клод де Монтолон».

— Это неслыханная дерзость! — воскликнул герцог Витториа, не знавший прежде об этом приключении, и на лицах всех окружающих выразилось неопишное удивление. Мария-Христина спокойно улыбнулась.

— Во всяком случае, надо непременно приобрести для нас столь отважных офицеров и поручить им обязанности тех господ, которые сделали такое важное упущение,— сказала она, саркастически улыбаясь.— Дону Карлосу можно позавидовать, что ему служат те храбрые офицеры, имена которых генерал Нарваес сообщил нам в Аранжуесе.

— Ваше величество, я проведу по этому делу строжайшее следствие,— грозно произнес Эспартеро.

— Ваше следствие уже запоздало, господин герцог,— возразила Мария-Христина с некоторым неудовольствием,— те смельчаки, вероятно, возвратились теперь в свою армию, где их геройский подвиг привел всех в восторг.

При этих словах, сказанных королевой-матерью с язвительной усмешкой, герцог Витториа побледнел.

В то время как в Филипповой зале еще долго рассуждали об этом неслыханном деле, Евгения Монтихо, не замеченная никем, вошла в проход, разделявший оба раковинные грота — она заметила, как Нарваес и маркиза незадолго перед тем вошли туда, и во что бы то ни стало хотела узнать, о чем они говорят так таинственно.

Хотя Евгения не опасалась Паулы де Бельвиль, так как знала о ее безмерной любви к дону Олозаго, но все-таки несказанно страдала от ревности. Она не могла забыть, с каким выражением глаза генерала следили за всеми движениями Изабеллы.

Именно эта мысль неотвязно преследовала ее. С прерывающимся от волнения дыханием неуверенно вступила она в небольшую залу, разделявшую раковинные гроты, скрытые от глаз любопытных тяжелыми портьерами.

Вдруг лицо ее просияло торжествующей улыбкой — зала была пуста — Нарваес и маркиза, вероятно, удалились в одну из ротонд. Евгения хотела укрыться в другой ротонде, надеясь удовлетворить свое любопытство.

Осмотревшись кругом и уверившись, что никто не следует за ней, она тихонько дошла до середины прохода; в ротонде направо послышался шелест платья — значит, не оставалось сомнения, что там находятся маркиза и генерал.

Евгения быстро подошла к гроту, расположенному рядом с тем, откуда слышался шелест, дрожащей рукой распахнула портьеру — слабо освещенный грот был пуст.

На бледном лице прекрасной графини появилась довольная улыбка. Плотнo закрыв портьеру, она направилась в глубину грота, где виднелись в полумраке мягкие удобные диваны. Евгения уселась на одном из них, с сильно бьющимся сердцем приложила ухо к стене из раковин, и легкое радостное восклицание сорвалось с ее губ — она ясно услышала голоса.

— Не сердитесь, маркиза, — произнес заметно взволнованный голос Нарваеса, — вы доверенная королевы, вы постоянно находитесь при ней — удостойте меня ответом только на один вопрос.

— Но, господин генерал, говорите спокойнее, встаньте. Что подумают, если нас тут увидят, — с некоторым страхом произнесла Паула де Бельвиль.

— Вы по моему волнению можете судить о том, до какой степени меня мучает неуверенность. Извините меня за мою навязчивость; мне говорили, что вы одна знаете все, и потому я возлагаю единственную свою надежду на вас!

— Не понимаю, из чего вы могли вывести такое заключение — я решительно не знаю, что вы желаете от меня узнать, дон Нарваес!

— Выслушайте меня. Вы должны оказать мне услугу, маркиза, может быть, когда-нибудь и мне представится удобный случай доказать мою преданность вам. Меня давно мучит неуверенность, повторяю вам, и на этот раз я решил твердо не оставлять Мадрида до тех пор, пока не успокоюсь совершенно на этот счет. Я люблю королеву...

— Господин генерал, что если нас подслушивают? Ваши слова так странны.

— Мне ли теперь обдумывать слова — вы поняли бы, если бы вам самой кто-то другой сделал это признание. Постарайтесь же понять и меня и, ради Бога, не отказывайте мне в моей просьбе, будьте со мной откровенны!

— Прекрасно, дон Нарваес,— ответила смущенная маркиза,— но только не здесь, вы забываете...

— Все на свете,— перебил ее генерал,— все, если думаю о королеве. Считайте меня сумасшедшим, но я боготворю прекрасную донну Изабеллу.

— Говорите же скорее, что вы желаете знать.

— Я хочу знать, кого любит королева, маркиза. Мучительное сомнение терзает меня. Временами луч надежды озаряет меня, порой же неизъяснимый страх овладевает моей душой.

Евгения слушала с напряженным вниманием. Мертвенная бледность, покрывшая ее лицо при страстном признании генерала, все еще не исчезла с него; слова Нарваеса глубоко поразили ее душу, ведь до этой самой минуты она горячо любила его...

— Я попробую узнать это,— отвечала маркиза.

— Благодарю вас, о, благодарю вас! Когда же вы обещаете мне сделать это?

— Еще сегодня, дон Нарваес! Завтра я сообщу вам результат.

— Только завтра! Это поздно, маркиза. Я рано утром должен отправиться к войску. Если я получу утешительный ответ, вы скоро услышите о моем геройстве. Позвольте мне подслушать ваш разговор с королевой.

— Но это никак невозможно, генерал!

— Вы будете в будуаре королевы, я же через задние коридоры проберусь в комнату старой дуэньи Мариты, соседнюю с будуаром.

— Стража вас не пропустит.

— О, об этом не заботьтесь, маркиза.

— Ах, Боже, но что, если вас увидят — я дрожу от страха при этой мысли.

— Генерал Нарваес никогда не дрожит от страха, маркиза! Наперед благодарю вас за вашу любезность; завтра чуть свет я буду уже на пути в Алкалу. Наконец-то я буду знать что-то определенное!

— Возвратимся к гостям, пока не заметили нашего отсутствия, генерал,— произнесла, наконец, маркиза де Бельвиль.

Евгения поднялась с места.

Она услышала шелест тяжелого платья придворной дамы, затем шаги генерала и маркизы стали удаляться по направлению к Филипповой зале.

Слышанного было достаточно для гордой, самолюбивой Евгении — она убедилась, что ей предпочли другую.

Потребовалось несколько минут, чтобы успокоиться и снова собраться с силами, грудь ее сжималась, сердце разрывалось от боли.

— Будь мужественна,— прошептала она, наконец,— успокойся, бурное сердце. Я отмщена скорее, чем думала. Изабелла не любит тебя, и ты почувствуешь то же, что испытываю теперь я. Но надо поспешить в залу! О, Евгения блеснет! Ах,— воскликнула она вдруг,— и бледное лицо ее озарилось холодной, торжествующей улыбкой — герцог Альба. Я совсем забыла, что сегодня он будет выбирать. В ослепительно сияющей герцогской короне, ведя жизнь, полную наслаждений, я постараюсь забыть боль, что он причинил мне

сегодня. Да, Евгения, ты должна блистать, тебе должны все завидовать, только это может изгладить из твоей памяти испытанное в сегодняшнюю ночь.

Графиня чувствовала в себе достаточно сил, чтобы совершенно спокойно снова войти в большую залу. Голубой шарф ее грациозно ниспадал на белое платье.

Подали сигнал к кадрили.

Евгения быстро вышла из раковинной ротонды в большую залу.

Взор ее невольно упал на Нарваеса, но он не заметил ее.

Пары занимали уже свои места.

Графиня глазами искала герцога Альба.

Вдруг она увидела в стороне графиню, свою мать, которая, встав с места, протянула руку подошедшей к ней паре.

С напряженным вниманием Евгения глядела в ту сторону, как будто не веря своим глазам.

На плече герцога Альба красовался розовый бант, и он вел под руку Марию, ее сестру.

Так и он пренебрег ею, и он смел предпочесть ей другую, хотя бы родную сестру ее! Собравшись с последними силами, Евгения гордо выпрямилась.

— Этого еще не доставало,— прошептала она дрожащим голосом,— несмотря на все это, ты должна блистать перед всеми, тебе будут завидовать все, кто тебя окружает.

ХІ

ПРЕКРАСНАЯ ЕВГЕНИЯ И БЕДНАЯ ДОЛОРЕС

Покои молодой королевы выходили окнами частью в парк, частью на Дворцовую площадь. С этой стороны они соединялись с тронной залой, в которой сохранялись государственные драгоценности, и из которой можно было пройти маленькими залами и коридорами в Филиппову залу.

Во флигеле королевы было два входа. Один из них с парадного портала, где постоянно находилась стража, вел в приемные залы. Широкие мраморные ступени были покрыты тяжелыми коврами, а на золоченых галереях были расставлены мягкие бархатные диваны. Такая же лестница на другой стороне портала вела во флигель королевы-матери.

Кроме того, во флигель Изабеллы был еще один вход, предназначенный для приближенных королевы, которым она часто пользовалась и сама, если хотела незаметно оставить свои покои. Подъезд этот выходил на перекресток и находился в нескольких шагах от ворот, ведущих в дворцовый парк.

Мы видели, что Евгения и Нарваес избрали именно этот путь в ту самую ночь, когда Клод де Монтолон только что выходил из парка на перекресток. Теперь Нарваес нашел очень удобным восполь-

зоваться этим входом, чтобы подслушать у будуара королевы ее разговор с маркизой де Бельвиль.

План его был очень рискованным, так как если бы его увидели, он мог быть уверен в том, что подвергнется весьма чувствительному наказанию за столь дерзкий поступок.

Но в эту минуту Нарваес не устрасился бы ничего на свете; в его воображении рисовалась молодая королева в своем волшебном будуаре, окруженная придворными дамами; он мысленно видел уже перед собой прекрасную, роскошную донну Изабеллу, слышал ее веселый, беззаботный смех и шутки, которыми она перебрасывалась со своими дамами. Какая же сила могла заставить его отказаться от своего намерения!

Обе королевы вскоре после полуночи оставили Филиппову залу и вместе со своими придворными дамами отправились в свои покои. Мария-Христина желала поболтать с герцогом Риансаресом, с которым она через короткое время намеревалась сочетаться браком; Изабелла же после торжественных празднеств любила посидеть в своем будуаре с придворными дамами и поговорить обо всем слышанном и виденном. Она нисколько не заботилась о своем государстве, и эта беспечность сохранилась в ней и тогда, когда она, достигнув совершеннолетия, приняла бразды правления из рук матери и Эспартеро.

Никто не подозревал, что это повлечет за собой ее падение; никто не наставлял юную королеву, не привыкшую к серьезным размышлениям. Мария-Христина по известным обстоятельствам не могла служить хорошим примером для своей дочери, а иезуиты, окружавшие обеих королев, раболепствовали перед ними и вполне одобряли их образ действий, лишь бы пользоваться расположением августейших дам и таким путем прибирать власть к своим рукам.

Уже с этих пор началось падение мадридского двора, главным виновником которого, без сомнения, были иезуиты. Их цель состояла в том, чтобы молодая королева вышла замуж за принца Франциско д'Асси, слабого физически и нравственно представителя двора в Неаполе, где также главенствовали иезуиты. Успех в этом деле принес бы им то влияние, и ту власть, которых они добивались, поэтому патер Маттео, духовник и советник королевы-матери, употребляет все усилия, чтобы этот брак состоялся. Мария-Христина, разумеется, также вполне одобряла этот план. Только герцог Витториа, ясно предвидевший его гибельные последствия, насколько было в его силах, препятствовала его исполнению, и потому иезуиты усердно подкапывались под него, стремясь удалить от престола. К тому же Мария-Христина несколько раз сама выражала желание устранить Эспартеро; но это было очень непросто, так как герцог был любимцем народа и без веских причин его невозможно было отстранить. Однако в непродолжительном времени представился случай заменить его другим, более покладистым человеком.

После того как королевы удалились со своими придворными дамами, Нарваес направился через залу аудиенций на террасу, ведущую в парк, и таким образом незаметно скрылся от прочих гостей. Он прошел несколько аллей, миновал большой фонтан и увидел, что

высокие окна будуара королевы освещены и открыты, чтобы дать доступ в эту очаровательную комнату свежему аромату цветов.

Генерал, не любивший до сих пор ничего, кроме своей шпаги, славы и чести, этот холодный, строгий человек с грубыми и суровыми чертами, смотрел теперь на окна юной королевы, как всякий влюбленный, с трепетом ожидающий свидания со своей возлюбленной.

Нарваес подошел к высокой двери, выходящей на перекресток, чтобы через задние коридоры достигнуть флигеля, занимаемого молодой королевой. С минуту он постоял в нерешительности, которой не испытывал даже тогда, когда собирался атаковать неприятеля.

Генерал и не подозревал, что ему грозит опасность, что графиня Евгения Монтихо знает о его тайном намерении.

Он достиг лестницы, ведущей в коридоры, и смело стал подниматься по ступеням. Покрывавшие их ковры заглушали шум шагов, и он дошел до верху, никем не замеченный, так что стража, ходившая взад и вперед по верхней площадке, совершенно растерялась, когда генерал вдруг предстал перед ней.

Стражники выстроились перед дверью, ведущей в покои королевы.

Тут только Нарваес почувствовал, что совершает отчаянный поступок, но и это не могло удержать его от задуманного; он прибегнул ко лжи.

— По приказанию королевы,— шепнул он страже, охранявшей дверь в комнату старой дуэньи Мариты, и солдат не посмел остановить генерала.

Нарваес осторожно и тихо открыл дверь и оказался в слабо освещенной комнате, отделенной от будуара Изабеллы только тяжелой, шитой золотом портьерой.

Нарваес услышал приглушенный смех молодых дам, что привело его в неопикуемый восторг.

Счастье улыбнулось ему! Дуэньи Мариты не было в комнате, и он тихо закрыл за собой дверь.

Старая служанка, вероятно, находилась в спальне молодой королевы, смежной с ее будуаром, где помогала камеристке стелить роскошную постель для прелестной обитательницы этого земного рая.

В комнате Мариты для Нарваеса было слишком светло — он не хотел, чтобы входившие могли увидеть его, поэтому, тихо ступая по мягкому ковру, он погасил свечи в обоих бра и подошел к портьеру, отделявшей его от его возлюбленной и придворных дам, которые в это время снимали с королевы ее убор и наливали шампанское в бокал, стоявший на маленьком изящном столике, поддерживаемом золотыми амурами.

Будуар Изабеллы блистал роскошью. Все, что могла придумать фантазия художника, было размещено тут с величайшим вкусом.

Через открытые окна в комнату, освещенную бледно-розовым светом, проникал чудный аромат цветов. Вершины пышных деревьев достигали высоких окон, и все это вместе представляло поражающее воображение великолепное зрелище.

Кресла и диванчики с позолоченными спинками, оттоманки с маленькими мраморными столиками, которые поддерживали лукаво

улыбающиеся амуры, драгоценный персидский ковер на полу, бледный, мягкий свет, распространявшийся от светильников с розовыми абажурами, аромат душистых цветов и только что распустившейся зелени — все это придавало комнате вид храма, а прелестная обитательница его, прекрасная Изабелла, казалась богиней красоты.

Графиня Евгения стала на колени перед лежащей на диване Изабеллой и горячо поцеловала ее маленькую ножку, обутую в изящный белый атласный башмачок, между тем как Паула де Бельвиль снимала изумрудный венок с волос, спускавшихся толстыми, тяжелыми косами на нежную шею молодой королевы.

Маркиза колебалась, она боязливо поглядывала по временам на портьеру, за которой, как она предполагала, стоял Нарваес. Поэтому так медленно снимала она с Изабеллы ее роскошный убор. Евгения тоже внимательно смотрела на портьеру, когда подносила королеве драгоценный бокал с вином и ставила золотую вазу с фруктами на маленький мраморный столик, стоявший подле дивана. Лицо ее выражало явное нетерпение и сильное волнение.

— Ты так взволнована, Евгения, — проговорила Изабелла, протягивая графине свою маленькую руку, украшенную множеством драгоценных колец, — я вижу, ты дрожишь, скажи мне, что тебя мучит? Может быть, ты любишь герцога Альба, который, по-видимому, женится на твоей сестре, так как выбрал ее на кадрили? Скажи мне, что тебя беспокоит?

— Ничего, ваше величество, ровно ничего! И менее всего меня мучит любовь; я жалела бы сама себя, если бы отдала свое сердце какому-нибудь дону.

— Но, Евгения, разве ты не знаешь, что я люблю, и ты можешь говорить подобные слова?

— Извините, ваше величество, так вы в самом деле любите? — спросила графиня с недоверчивой улыбкой, между тем как Паула радовалась тому, что разговор перешел на этот предмет без ее содействия.

— Разве ты забыла, о чем мы говорили с тобой в парке Аранжуес? Ты не заметила, с кем я сегодня так много танцевала?

— Моя королева, вероятно, говорит о принце д'Асси.

— Евгения, — с некоторой досадой произнесла Изабелла, — ты шутишь надо мной! Я ненавижу принца, ведь он не говорит, как все люди, а пищит.

— Так, вероятно, это дон Франциско Серрано, прекраснейший кавалер при дворе, — спросила Евгения громко и с намеренно сильным ударением.

— Так ты же знаешь это, злая Евгения! Ах, я безмерно люблю Франциско Серрано. Представь себе, я каждую ночь вижу его во сне; как великолепно мы с ним мчались в танце по Филипповой зале, я хотела бы продлить эти минуты до бесконечности.

— Я вижу, моя королева очень любит дона Серрано, но заметили ли вы генерала Нарваеса?

— О, он отвратителен, извини меня, Евгения.

— Вам нечего извиняться передо мной, ваше величество,— смеясь, произнесла графиня,— так как я вполне разделяю ваш вкус!

— Это меня радует, Евгения! Кажется, он не умеет улыбаться, и у него почти четырехугольное лицо.

Маркиза ощутила неловкость.

— Знаете ли, моя королева,— перебила она, наконец, разговор,— что бедный старый Кортина болен?

Графиня с горькой усмешкой посмотрела на Паулу, так как поняла ее цель, а ей казалось, что подслушивающий Нарваес еще мало услышал из того, что ей хотелось ему высказать. Она думала о том, как и когда удобнее было бы пристыдить его за этот гнусный поступок. Евгения стала презирать Нарваеса с той минуты, как узнала, что он пренебрег ее любовью.

Но королева как будто не слышала слов маркизы.

— Принц мне невыносим, Нарваес же ужасно неприятен. Я не знаю, почему,— продолжала она,— но при виде его в моем воображении рисуются картины ужасных кровопролитий.

— Но дон Серрано тоже ведь герой многих битв, ваше величество,— возразила Евгения,— и, кажется, он гораздо храбрее генерала Нарваеса.

— Черты его лица так благородны, Евгения. О, он бесподобно красив!

В эту минуту разговор молодой королевы и ее придворных дам был прерван криком ужаса; Изабелла, вскочив с места, быстро накинула на обнаженные плечи кружевную шаль.

Евгения в испуге остановилась посреди комнаты, маркиза же, сразу угадавшая, что крик раздался из комнаты дуэньи, побледнела, как полотно.

— *Valga me Dios!** — произнесла королева, с удивлением осматриваясь кругом,— что это было?

Крик повторился с меньшей силой, и молодые дамы ясно услышали, что он донесся из соседней комнаты, отделенной от будуара портьерой.

В эту минуту портьера распахнулась, и на пороге показалась Долорес, дочь смотрителя замка, бледная от испуга, с выражением страха в блуждающих глазах; она протянула руку и приближалась к королеве, боязливо оглядываясь на темную комнату, как будто видела там привидение.

Евгения раньше всех собралась с духом и, прежде чем Изабелла успела схватить колокольчик, смело подошла к портьере и распахнула ее.

Во мраке соседней комнаты виднелась различимая фигура человека.

— Как! — воскликнула графиня с притворным удивлением,— кто смел войти в покои ее величества? Но что я вижу, в комнате дуэньи генерал Нарваес!

* Господь да сохранит меня!

Испуганная внезапным криком королева, услышав слова Евгении, опустила руку, и на прекрасном лице ее появилось злобное выражение, темные глаза засверкали, она готова была предать уважаемого генерала в руки стражи за дерзкое нарушение тишины.

Маркиза в отчаянии ломала свои маленькие руки: то, чего она опасалась, действительно, сбылось.

— Вы смели подслушивать нас в наших покоях? — вскричала Изабелла. — Это неслыханная дерзость, но мы постараемся так наказать этот поступок, чтобы ни одному придворному кавалеру не приходила больше в голову подобная мысль.

Евгения, стоявшая подле рассерженной королевы, с усмешкой осматривала с ног до головы бледного, растерявшегося Нарваеса, между тем как дочь смотрителя замка, невольно предавшая его, стояла в стороне.

Крик ужаса вырвался у нее, когда она, приближаясь к будуару, увидела в темной комнате старой Мариты очертания человеческой фигуры.

— Выслушайте меня, ваше величество, — произнес Нарваес, почтительно поклонясь раздосадованной королеве, — я не решился отправиться на битву, не выразив вам еще раз моей безмерной преданности!

— Но странно, что вы выбрали для этого потайной вход и такую пору, генерал. Если бы почтенная дуэнья не была так стара, — продолжала Изабелла, — я стала бы подозревать ее в том, что она назначила вам у себя свидание.

При этих унижительных словах Нарваес побледнел еще больше.

— Или, может быть, одна из дам... — и королева вопросительно посмотрела на маркизу, бледную от волнения, и на Евгению, которая иронической улыбкой ответила на ее взгляд.

— Я один виноват во всем, ваше величество, и потому покорно жду наказания за необдуманный поступок!

— Прекрасно, господин генерал! Мы тут же на месте объявим вам наш приговор. Дочь смотрителя замка возбудила в нашей памяти историю трех офицеров Дона Карлоса, поступок которых нам не хотелось бы оставить безнаказанным. Поэтому мы совершенно забудем ваше сегодняшнее поведение и щедро наградим вас, если вам удастся взять в плен и привести сюда тех трех храбрых предводителей карлистского войска!

— Благодарю за милость, ваше величество! Генерал Нарваес возьмет в плен тех трех офицеров и приведет их сюда.

— Вы говорите слишком самоуверенно, — произнесла Изабелла, насмешливо улыбаясь, — а если вам не удастся сделать это?

— Тогда вы услышите о смерти генерала Нарваеса, ваше величество.

— Ну, это уже чересчур! Мы предпочитаем, чтобы вы возвратились с тремя храбрецами. Желаем вам удачи!

Королева любезно кивнула головой генералу, почтительно поклонившемуся ей, и в то время как Нарваес удалялся, она обратилась к Долорес, с трепетом ожидавшей этой минуты.

Бедная девушка была худа и бледна. Темные ввалившиеся глаза свидетельствовали о бессонных ночах, проведенных ею в слезах, и о сердечной боли.

Как велика была разница между нею и графиней Евгенией, с холодной усмешкой провожавшей глазами удалявшегося Нарваеса. Убитая горем Долорес страдала из-за своей безмерной любви и внутренней борьбы. Евгения же, стараясь заглушить свои чувства насмешкой, искала славы и роскоши.

Долорес робко подошла к королеве.

— Ты, вероятно, пришла просить за своего отца,— начала Изабелла, обращаясь к дочери смотрителя замка,— я очень жалею о нем, но не могу освободить его от военного суда.

— Мой отец безвиновен, ваше величество,— твердо произнесла Долорес,— я пришла сюда в эту пору, потому что не нахожу себе нигде покоя, я одна виновна в бегстве Олимпио.

— Как ты? — спросила Изабелла.— У тебя доброе, благородное сердце, Долорес, ты хочешь освободить своего отца, а потому берешь вину на себя.

— Вы обо мне лучшего мнения, ваше величество, чем я достойна; отец мой совершенно безвиновен! Я способствовала бегству офицера.

— Не думаю, бедная Долорес, что суд примет во внимание твои слова.

— Но он должен выслушать меня, ваше величество, если руководствуется правдой и милосердием. Он должен наказать меня одну — это я дала маркизу де Монтолону ключи от подземных камер.

— Как, Долорес, ты могла ввергнуть в бедствие своего отца? Я не могу поверить этому! Полно, Долорес, ты прибегаешь ко лжи, чтобы оправдать старого Кортину,— сказала королева мягко, между тем как Евгения вертела в руках розу, вынутую из букета, украшавшего ее на балу.

— Будьте милостивы, ваше величество, выслушайте меня,— произнесла Долорес, опускаясь на колени перед королевой.— Клянусь всеми святыми, что я без ведома отца отдала ключи, которые освободили Олимпио из подземной темницы.

После этих слов Изабелла не могла более сомневаться в их справедливости. Она гневно и с удивлением посмотрела на стоявшую перед ней на коленях девушку.

— Почему же ты сделала это? Что побудило тебя к измене? Я не могу понять! Ты своим поступком ввергла в бедствие себя и отца. Ну, говори же, что побудило тебя освободить заточенного?

— Я люблю его, ваше величество,— едва слышно прошептала Долорес.

— И ради любви к нему ты изменила твоей королеве и твоему отцу? — проговорила Изабелла.— В таком случае, действительно, на тебя одну падает вся вина.

— Как,— перебила графиня,— ради любви ты решилась на такой шаг, безумная?

— Не называйте меня изменницей, простите меня,— умоляла Долорес со слезами на глазах,— я много страдала. Олимпио, приго-

воренный к смерти, издавна уже занимал первое место в моем сердце; наша любовь была чиста! Он вступил в армию дон Карлоса, я долго не видела его, но мы по-прежнему были связаны тесными узами и оставались верны друг другу. И вот я увидела его после долгой разлуки в цепях! О, будьте милостивы и посудите сами, могла ли я не оказать помощи в освобождении горячо любимого мною человека, которому угрожала смерть?

Евгения насмешливо улыбунулась, и в то время, как королева села за письменный стол, чтобы написать несколько слов в пользу Долорес, графиня обратилась к все еще стоявшей на коленях девушке.

— Безумная,— сказала она,— неужели ты так свято веришь в преданность этого человека, что решилась ради него ввергнуть в бедствие себя и своего отца?

— Да, графиня, я свято верю в него.

— Так смотри же, безумная, и кайся в том, что ты сделала. Эту розу мне прислал твой дон Олиmpiо в ту самую ночь, когда оставил Мадрид,— продолжала Евгения, довольная своим торжеством, и презрительно кинула розу бедной девушке.

— Олиmpiо,— повторила Долорес дрожащим голосом, и глаза ее засверкали неестественным блеском,— не ослышалась ли я, графиня,— Олиmpiо?

— Да, он прислал мне розу! Ты, думаю, сама понимаешь теперь, как необдуманно, даже безумно ты поступила, причинив столько горя твоему отцу.

— Что со мной,— прошептала девушка, проводя дрожащей рукой по лбу и глазам,— мои мысли путаются.— Олиmpiо.

— Возьми это письмо, Долорес,— произнесла королева, подавая исписанный лист бумаги дочери зрителя замка, смотревшей вдаль блуждающим взглядом.

— Марита, сведи бедняжку к ее отцу.

Старая дуэнья, только что вошедшая в будуар, взяла из рук королевы бумагу и обратилась к Долорес, онемевшей от удара, постигшего ее так внезапно.

— Пойдем, бедняжка,— сказала Марита мягко и нежно,— опирайся на меня, мне от души жаль тебя.

— О, пресвятая Матерь Божия,— прошептала едва слышно девушка, с трудом дойдя, в сопровождении старой Мариты, до квартиры отца.

Она опустилась на колени возле постели старого Кортины и долго и горячо молилась.

Отец вполне сочувствовал горю своей дочери и не делал ей горьких упреков. На другой день он почувствовал себя лучше и был в состоянии явиться в суд, но только что он, в сопровождении дочери, собрался отправиться туда, как посланный принес ему приговор.

Были найдены смягчающие вину обстоятельства и принято во внимание то, что в этом деле замешаны гвардейские офицеры.

Его лишали теперешней должности.

Прочитав известие, старый смотритель замка опустился на стул в совершенном изнеможении. Долорес подошла и нежно поцеловала его руку и морщинистые щеки, орошенные слезами.

— Будь мужествен, отец! Вечером мы уйдем с тобой отсюда. Мать Божия на оставит нас. Если мы лишимся всего на свете, в нас останется вера в Бога, и мы не погибнем.

— Ты права, Долорес,— произнес Кортина, выпрямившись,— ты права, дочь моя, будем же надеяться на милосердие Божие.

Он не сказал ей ни одного жестокого слова, не сделал ни одного упрека, но Долорес с болью в сердце видела, как тяжело ему расставаться со старой квартирой в замке, в которой он провел столько десятков лет, и как слаб он был после стольких бессонных ночей, проведенных в невыразимом отчаянии.

Долорес надо было собраться со всеми силами, чтобы перенести испытания, выпавшие на ее долю. Но последний удар, нанесенный ей Евгенией, окончательно сломил ее — она содрогалась при мысли о словах графини. Ради Олимпио она принесла в жертву себя и отца, и в то же время он изменил ей. Этого не могло перенести и без того наболевшее сердце молодой девушки! Долорес не хотела верить в справедливость этих слов, она то опасалась чего-то и дрожала как в лихорадке, то опять предавалась надежде. Во всяком случае она решилась повидаться с Олимпио и от него самого узнать то, что так несказанно мучило ее.

Когда вечером старый смотритель замка, окончив в последний раз свои занятия, сидел грустный и задумчивый, к нему неслышными шагами подошла Долорес.

Он и без слов понял то, что она хотела ему сказать. С сокрушенным сердцем он протянул ей руку — Долорес вывела своего отца и вместе с ним оставила замок.

Когда при выходе старый смотритель еще раз обернулся, чтобы навсегда проститься с любимым домом, Долорес увидела наворачнувшиеся на его глаза слезы, сердце ее готово было разорваться от боли, и она судорожным движением указала на окно, в котором виднелась фигура прекрасной графини.

— Горе тебе,— едва слышно прошептала бедная девушка,— ты лишила меня моего единственного счастья. Ты знатна и богата, достигнешь той славы, которой добиваешься, но никогда не быть тебе счастливой. Горе тебе! Я бедна и бездомна — и тебе придется со временем бродить, подобно мне, без отдыха и покоя, покинутой твоими друзьями.

Но слова эти, в которых Долорес излила всю накипевшую в сердце боль, не долетели до ярко освещенных, высоких окон.

Там, наверху, все предавались наслаждениям и безмерному веселью, и прекрасная графиня не подозревала, что пророчество несчастной, изгнанной девушки оправдается.

Долорес, взяв за руку своего старого, ослабевшего отца, скрылась с ним в тишине царившей ночи.

Тихо было в маленькой квартире смотрителя замка, и розы, посаженные Долорес, грустно поникли головками.

ХИ

АББАТСТВО В ГОРАХ

— Отворите нам скорее, почтенный старец, нам нужно войти,— громко проговорил офицер, закутанный в плащ, и с силой постучался в ворота старинного уединенного монастыря Санта-Крус. Подле офицера стоял дон, одетый в военную шинель, с бледным лицом и с белой повязкой на голове, между тем как позади них, подле низких уродливых пиний, стояла группа из шести солдат королевского войска.

— Кто вы и зачем стучитесь в такую пору,— спросил густой голос за старой, высокой монастырской стеной.

— Мы из королевской армии, брат привратник, но не спрашивай, а отворяй! С нами раненый.

— Святой Бенедикт, что за времена настали! Погодите немного, господа! Я должен сперва спросить благочестивого патера Целестино.

— Черт возьми! Ты глупец, старик! Разве благочестивого Томаса, графа Маторо, нет в аббатстве?

— Господин аббат спит и беспокоить его нельзя,— возразил привратник.

— Так смело можешь разбудить его и доложить, что генерал Нарваес, тяжело раненный в голову, немедленно желает видеть его.

— Я иду, милостивые государи,— поспешно проговорил монах, и вскоре шум торопливых его шагов замер на монастырском дворе.

— Нам надо еще сегодня ночью захватить их,— тихо сказал Нарваес своему адъютанту, рассерженному медлительностью привратника,— лучшего случая нельзя ожидать. Я родственник графа Маторо со стороны матери, поэтому он не откажет нам в содействии, а те три офицера с удовольствием отдохнут тут несколько часов, так как мы порядочно утомили их, хотя и сами утомились.

— Маркиз ранен!

— Клянусь честью, они отчаянные храбрецы,— произнес Нарваес,— я был уже почти уверен, что они в моих руках. Сколько человек осталось при нас?

— Шесть, господин генерал.

— Так, стало быть, убито десять человек! Олимпио Агуадо поистине Геркулес.

— Маркиз де Монтолон, с которым вы сражались, господин генерал, не уступает ему в силе; а третий увертлив, как кошка. Кажется, будто он прирос к лошади. Я никак не мог попасть в него.

— Тут, в монастыре, мы захватим их,— сказал Нарваес,— или они попадут нам в руки, или в Мадрид привезут мой труп. Я поклялся в этом королеве!

В то время как оба офицера ожидают у монастырских ворот возвращения привратника, мы можем воспользоваться минутой, чтобы осмотреть местность.

Аббатство и монастырь Санта-Крус находилось в Гвадарамских горах; а именно там, где горная цепь между Дуэро и Ксалонем

тянется на север. У подножия этих непроходимых и покрытых вечными снегами гор раскинулся густой лес, но чем выше подымаешься, тем беднее становится растительность. Вокруг монастыря не видно было ничего, кроме уродливых пальм и пиний, а окружающие его уступы гор были каменисты и пустынно.

В этой неприветливой местности и располагался старинный монастырь, у ворот которого мы оставили Нарваеса, его адъютанта и шестерых солдат, которые с трудом взобрались по крутым утесам, ведя за собой лошадей. Нарваес и его адъютант в борьбе с тремя предводителями карлистов лишились своих коней.

В монастыре Санта-Крус жили монахи-бenedиктинцы. За стеной находилось, кроме монастырских строений и большой церкви, еще аббатство, при котором жил благочестивый граф Маторо, человек богатый и принадлежащий к старинному знатному роду. На содействие этого-то графа Нарваес рассчитывал в своем настоящем затруднительном положении.

Наконец, за старой стеной послышались торопливые шаги, приближавшиеся к воротам.

— Ну, доложили вы о позднем госте благочестивому графу? — спросил адъютант генерала.

— Аббат Томас просит вас к себе, — ответил привратник и с шумом повернул ключ в маленькой железной двери.

— Вы будете вознаграждены за труд и причиненное вам беспокойство, мой друг, — сказал Нарваес, когда дверь отворилась, и монах почтительно поклонился ему, — впусите в монастырь шестерых моих солдат и накормите их и лошадей.

— Святой Бенедикт! Шесть солдат ~~к~~ лошадьми! У нас тут нет конюшен, милостивый государь, — возразил брат-привратник.

— Но вы должны принять и укрыть их так, чтобы их нельзя было увидеть со двора, в случае если приедут другие гости, — повелительно произнес Нарваес. — Это должно быть так, вот возьмите!

И он подал привратнику тяжелый кошелек.

— Я всеми силами постараюсь уладить это дело, милостивый государь, — стал уверять монах, обрадованный щедрым подарком. — Помещения на заднем дворе у нас довольно вместительны, — и он кивнул солдатам, чтобы они вводили во двор своих лошадей.

Нарваес остановился недалеко от ворот.

— При первом выстреле спешите ко мне, — сказал он тихо, обращаясь к солдатам, — и будьте наготове на случай, если я пришлю за вами моего адъютанта!

Привратник снова запер дверь и хотел указать генералу дорогу мимо монастыря в аббатство, но Нарваес пожелал видеть, где он поместит солдат и лошадей.

Старик-привратник повел их мимо монастыря, с одной стороны которого находилась церковь, а с другой — аббатство.

Между этими двумя строениями были расположены несколько деревянных построек, служивших складами для разных припасов. Привратник отпер одну из них, достаточно большую, чтобы в ней поместились лошади. Солдаты изъявили желание остаться при них,

чтобы каждую минуту быть готовыми исполнить приказ генерала, и услужливый монах, ощупавший тайком содержимое полученного кошелька, вынес им из монастырского погреба несколько кружек пива, за что и получил благодарность от генерала, который прежде всего заботился о своих солдатах.

Тут, в деревянной постройке за высокими стенами монастыря, никто не мог заподозрить присутствия его солдат с лошадьми. Нарваес приказал привратнику не говорить о нем, если трое всадников постучатся у ворот, а впустить их, как прикажет аббат, в монастырь и отвести им отдельную келью.

Весьма довольный сделанными распоряжениями, Нарваес попросил монаха указать дорогу к благочестивому патеру Томасу, аббату монастыря.

Проходя мимо громадного здания с толстыми, крепкими стенами, он убедился, что не могло существовать более удобного места, где можно было бы легче захватить трех предводителей карлистов.

Когда Нарваес и его адъютант в сопровождении монаха подошли к старому серому зданию, с несколькими широкими ступенями перед низким порталом, в дверях показалась высокая фигура в длинном черном плаще.

— Благочестивый отец вышел сам, чтобы принять благородного господина,— произнес брат-привратник, остановившись у порога и почтительно кланяясь со скрещенными на груди руками.

— Этот почтенный господин сам аббат? — тихо спросил его Нарваес, так как не знал в лицо своего родственника.

— Да, милостивый государь, это благочестивый патер Томас, аббат Санта-Крусас.

— Извините, благочестивый отец,— сказал Нарваес, быстро взойдя по лестнице и протягивая руку стоявшему в дверях высокому, одетому в черное, господину,— извините, что я осмелился побеспокоить вас в такую пору и, пользуясь нашим близким родством, решил просить у вас ночлега.

— Приветствую вас, господин генерал,— низким звучным голосом произнес аббат,— я давно уже хотел видеть храброго героя нашей юной королевы, с которым я связан родственными узами!

— Мой адъютант,— представил Нарваес, так как благочестивый отец вопросительно посмотрел на его провожатого.

Граф Маторо поклонился адъютанту и снова обратился к своему двоюродному брату.

— Что я вижу, дорогой мой генерал! — воскликнул он и ввел Нарваеса в портал, где стоял лакей с зажженным канделябром.— У вас на лбу повязка, пресвятая Дева, сквозь нее сочится кровь!

— Это небольшая рана, благочестивый отец, о такой легкой царапине не стоит и говорить. Если вы угостите меня стаканом вашего монастырского вина, я совершенно забуду о ней!

— О, так вы поистине храбрец, и слух о том, что вы считаетесь первым генералом нашей молодой королевы, вовсе не преувеличен,— проговорил аббат и повел Нарваеса и его адъютанта по широкой

лестнице, покрытой драгоценными коврами, наверх, в приемные залы аббатства.

— Я знаю, мой благочестивый брат, что вы верный приверженец королевы!

— Да, это правда, и потому мне чрезвычайно приятно принять вас не только как моего дорогого родственника, но и как предводителя королевских войск, — сказал аббат, вводя генерала и адъютанта в свои покои, где попросил их расположиться в удобных креслах и отдал несколько распоряжений слугам.

Через несколько времени на старинном резном столе появилось вино в серебряных графинах, и усердные слуги внесли холодное мясо, фрукты и свежее печенье.

Оба гостя усердно ели и дружно чокались с благочестивым отцом за здоровье королевы и за благоденствие ее победоносной армии.

— Слава этой ночи и моей ране, которая привела меня в ваш монастырь, — сказал Нарваес, — потому что я встретил в вас благородного и гостеприимного человека.

— Не будь этого случая, я бы не имел счастья познакомиться с моим храбрым двоюродным братом, — отвечал аббат, и приказал наполнить опустевшие кружки лучшим вином, какое только было в богатом монастырском погребе.

Когда прислуживающие братья исполнили его приказание и удалились из кельи, аббат собственноручно запер дверь на замок и уверил своего двоюродного брата, что теперь он смело может поверить ему свою тайну.

— Да, это тайна, и к тому же важная, так как она касается личной безопасности королевы, — начал Нарваес.

— Если я могу чем-нибудь служить вам, брат, то рассчитывайте на меня, — поклонившись, отвечал аббат.

— Вы знаете, что войско Дона Карлоса проникло до Мадрида и жизнь королевы находилась в опасности.

— Говорят даже, — прошептал аббат, — что трое особенно смелых офицеров неприятельского войска намеревались похитить молодую королеву.

— Совершенно верно! Мне удалось расстроить их план! Теперь дело в тех трех офицерах Дона Карлоса, которым я обязан этой раной.

— Стало быть, вы взялись преследовать их.

— Верно угадали, благочестивый брат! Я дал слово королеве доставить в Мадрид трех карлистских офицеров пленными или...

— Я чувствую, что вы дали обещание, которое я должен назвать грешным, — прервал аббат.

— Вы говорите правду, но у нас, воинов, другие взгляды. Мой труп или три карлистских офицера — вот мое обещание, и я хочу сдержать его, — продолжал Нарваес. — С шестнадцатью всадниками и моим храбрым адъютантом я пустился в погоню за ними!

— О них рассказывают чудеса, — сказал аббат, — они то здесь,

то в другом месте, уже за двадцать миль; в народе существует даже поверье, что они в союзе со злым духом.

— Вы в эту же ночь познакомитесь с ними, благочестивый брат,— произнес Нарваес, улыбаясь.

— Как? Что вы говорите? Три предводителя карлистов?..

— Я их заманю в ваш монастырь, чтобы захватить их здесь.

— Пресвятая Дева! — вскричал аббат, вскочив с места.— Так загасите свечи, ведь они, приближаясь сюда, могут увидеть освещенные окна.

— Не тревожьтесь и садитесь, благочестивый брат, сейчас они еще далеко отсюда.

— Вы их знаете, если говорите так спокойно. Для этих храбрецов не существует расстояний.

— Положитесь на мое слово и садитесь. Вы должны сперва узнать все. Мы преследовали их и, наконец, напали на след в Гуалении, у подножия гор.

— Говорят, что они знают все окольные пути и горные проходы.

— Это было известно и нам, но не остановило нас. Мы разделились на три группы и стали обыскивать все горы и леса. Вчера мы встретились с ними в Гуалении, дон Замора, мой друг и адъютант, напал на их след. Не медля ни минуты, мы вскочили на лошадей и пустились в погоню. Это была такая скачка, которую мне не хотелось бы повторить.

— А это что-нибудь да значит,— подтвердил аббат, между тем как дон Замора улыбнулся в знак согласия.

— Мы скакали мимо пропастей, по таким узким тропинкам, что лошади едва могли пройти по ним, через расселины, где одно неверное движение могло погубить нас, догоняя преследуемых в продолжение всего вечера; и когда уже стемнело, увидели их на опушке леса. С быстротой молнии мы подскочили, чтобы схватить их, но они, как дьяволы, вспрыгнули на лошадей, и прежде чем мы успели выстрелить, трое из моих солдат уже лежали на земле, истекая кровью.

— Ужасно! О, эта несчастная война!

— Мы начали стрелять и безостановочно гнались за ними. В одно мгновение они остановились, поставили своих лошадей так, что те образовали треугольник, и начали с такой силой взмахивать по воздуху саблями, что к ним невозможно было приблизиться. Мы попробовали разделить их, потому что увидели, что потеряем всех своих людей, если будем долее сражаться против их треугольника: через несколько минут из моих шестнадцати всадников осталось только десять. Я бросился на них, и мне, действительно, удалось разделить их, но в следующее же мгновение я, лишившись чувств, упал с лошади, пораженный ударом сабли в голову...

— Вы безрассудно смелы, пощадите свою жизнь,— увещевал аббат.

— Я прежде всего хотел сдержать слово,— продолжал Нарваес, — один из карлистов, маркиз де Монтолон, француз по происхождению, получил такую же рану, как я. Но когда я упал и Замора

подскочил, чтобы помочь мне, остальные солдаты мои пали духом, и три предводителя карлистов ускакали.

— Значит, слухи о них не преувеличены?

— Они необычайно отважны,— подтвердил адъютант.

— Тем более мы обязаны завладеть ими. Когда я пришел в себя, ибо рана была незначительной и только сильный удар ошеломил меня, к нам приблизился монах.

— Монах? Не бенедиктинец ли?

— Нет, благочестивый брат, он был не из вашего монастыря,— необычный монах, который уже один раз предостерег меня и которого я тотчас же узнал. Под монашеской рясой скрывается девушка, смертельно ненавидящая одного из предводителей карлистов.

— Девушка,— повторил аббат.— Это странно!

— Она принесла нам холодной воды, освежившей нас немного, и сообщила, что три офицера дона Карлоса также остановились в некотором расстоянии от нас, чтобы перевязать рану маркиза. О новом нападении с моими истощенными людьми нельзя было и думать. Тогда девушка сказала мне, что тут поблизости, на расстоянии полумили, в горах находится аббатство, и вызвалась заманить трех офицеров в монастырь Санта-Крус, где я и хочу напасть на них. Я вспомнил, что благочестивый аббат Санта-Круса — мой двоюродный брат, и потому немедленно принял предложение монаха.

— Клянусь именем Пресвятой Девы, план этот очень рискован, дорогой брат!

— Нисколько! Послушайте, мы сами устроим все. Ведь вы приверженец королевы?

— Это я повторяю с гордостью.

— Хорошо! Вы со своими монахами не подвергнетесь никакой опасности.

— Карлисты подождут монастырь со всех сторон, если одержат победу,— сказал аббат.

— Этого они не сделают, благочестивый брат, не бойтесь! Ручаюсь! Мои шесть солдат уже спрятаны в монастыре. Вы укроете нас здесь, в аббатстве. Все свечи будут потушены, так что никто не догадается, что кто-то ждет тут в засаде. Три офицера Дона Карлоса в сопровождении монаха подойдут к монастырю и попросят убежища...

— Я в ужасной тревоге. Что же дальше? — спросил аббат.

— Привратник впустит их в монастырь, и سریع затворит за ними дверь. Затем он проводит их в уединенную келью и известит нас об этом. Тогда мы, хорошо вооруженные, ворвемся в келью и нападём на них, не подозревающих о нашем заговоре. Не сомневайтесь в успехе и будьте уверены, что вы сможете рассчитывать на благодарность королевы за услугу, которую окажете нам.

— Я с тяжелым чувством подчиняюсь вашим распоряжениям, дорогой мой друг,— отвечал озабоченный аббат, и принялся сам гасить свечи в канделябрах, что вызвало ироническое выражение на лице генерала.

Он отвел своего адъютанта в сторону и отдал ему еще несколько приказаний, после чего тот вышел из комнаты.

— Вернитесь в вашу спальню,— проговорил Нарваес, обращаясь к аббату,— будьте совершенно спокойны и предоставьте все мне!

— Да сохранят все святые вас и меня! Сегодня будет ночь, подобной которой не переживал еще монастырь. Здесь, где царствовали только мир и вера...

— Завтра утром вы уже более не увидите нас, с рассветом мы вернемся с пленными в Мадрид,— заключил разговор Нарваес со встревоженным аббатом.

ХІІІ

НЕМОЙ МОНАХ

Битва, происходившая в диких Гвадарамских горах, была ужасна. Войска Дона Карлоса после победы, одержанной Конхо над Карберой, перебрались через Дуэро, чтобы собраться с силами и снова стать твердой ногой на берегах этой реки.

Три предводителя, вернувшиеся из Мадрида, должны были поэтому ехать окольными путями и имели многочисленные стычки с рассеянными кругом солдатами королевских войск, прежде чем достигли гор, в ущельях которых могли считать себя в безопасности.

Олимпю были хорошо известны все тропинки, ведущие к равнине, и он узнал от пастухов, пасших стада в горных долинах, что карлисты расположились на берегах Дуэро.

В Гвадарамских горах открывается перед путниками романтическая картина. У подножия они окружены роскошными каштановыми лесами, над которыми виднеются верхушки огромных, гордых пальм, а на высоте нескольких сот футов горы становятся дикими и пустынными. Каштаны сменяются здесь пиниями и ивами, в расщелинах растут папоротники и высокая трава, маленькие, уродливые пальмы и сосны, в ветвях которых гнездятся орлы и другие хищные птицы.

Глубокая, торжественная тишина господствует в этих скалистых горах, где за целый день пути не увидишь ни одной человеческой души. Деревни и города находятся далеко отсюда, у подножия этих громадных гор, простирающихся вдоль всей Испании. Только в низменных их частях изредка наткнешься на пасущиеся стада и бедные лачуги пастухов. Выше следы человеческого жилья исчезают совершенно: редко встречаются дороги, ведущие через долины; скалы становятся все выше и темнее, на их вершинах сверкает снег, тропинки делаются все уже и часто еще опаснее, чем в Швейцарии, так как постоянно прерываются расщелинами, и пробраться по ним можно только на мулах, без которых не обойтись в этой местности. Лишь хорошо знающий горные дороги путник осмеливался пройти по страшным теснякам, окруженным пропастями.

Но Олимпю был отличным проводником и взялся найти такие дороги, по которым можно было проехать на лошадях.

В первый день опасное путешествие совершилось благополучно. Предводители карлистов были в самом веселом расположении духа и надеялись через несколько дней присоединиться к Дону Карлосу.

В котловине, поросшей мохом, в маленьком леске они остановились под вечер, чтобы закусить, отдохнуть и потом, если ночь будет светлой, продолжить путешествие.

Здесь и настиг их Нарваес со своими шестнадцатью всадниками, и разгорелась та кровавая схватка, о которой он рассказывал аббату Санта-Круса. Десять солдат его были убиты — они недооценивали храбрости трех предводителей карлистов и поплатились жизнью. Сам Нарваес был ранен, и его падение с лошади лишило мужества остальных солдат. Таким образом, герои Дона Карлоса без потерь закончили сражение — легкая рана, полученная маркизом в левую руку, была не в счет.

Солдаты отнесли Нарваеса в лесок и оставили карлистов в покое.

Последние, одержав победу над противниками, намного превосходившими их численностью, решили отыскать себе ночлег в чаще леса.

Оказалось, однако, что маркиз де Монтолон очень ослабел от значительной потери крови, и пока Олимпио перевязывал ему рану, Филиппо пошел отыскивать ручей, чтобы принести раненому свежей воды.

Они находились на расстоянии полмили от монастыря Санта-Круса, о существовании которого и не подозревал Олимпио Агуадо, иначе он, без сомнения, предложил бы отправиться туда и просить ночлега.

Маркиз де Монтолон лежал на траве под деревом, Олимпио стоял подле него на коленях и по всем правилам искусства перевязывал его рану, которая была глубже, чем они предполагали.

— Я думаю, ты сам промолчал бы о ране, если бы я не заметил крови, Клод,— сказал Олимпио,— ведь пуля вошла на полдюйма в тело, и если бы у тебя были не такие плотные мышцы на руке, она бы повредила кость. Более худощавый Филиппо сильнее пострадал бы от нее.

— Значит, тем лучше, что пуля попала в меня,— отвечал, улыбаясь, маркиз,— но ты напрасно беспокоишься, Олимпио, подобные раны легко заживают.

— Я счастлив, что могу оказать тебе маленькую услугу, делая эту перевязку.

— Ты это делаешь мастерски! Клянусь всеми святыми, мудро предположить, что у тебя, мощного, широкоплечего исполина, такие ловкие, нежные руки,— сказал маркиз.— Ты обрабатываешь рану так осторожно и искусно, как будто специально этому обучался.

— Надо все знать, мой старый друг, нужда превосходная учительница. Черт возьми, ты не доехал бы до наших войск с этой открытой раной!

— Что ты наложил, что так приятно освежает рану?

— Листья альбуса, они облегчают боль.

— Благодарю, Олимпио, это действует превосходно. Нарваес наш злейший враг! Я думаю, он не оставит нас в покое,— сказал Клод де Монтолон.

— Черт бы его побрал! Он снова почувствует мою саблю, если подойдет к нам. При следующей встрече я примусь за него и расплачусь за сегодняшний вечер!

— Он хорошо владеет саблей.

— Видел, Клод. Но против пули сабля не защитит его. Если бы на нем не было кольчуги, в чем я не сомневаюсь...

— Так ты думаешь...

— Я думаю, что он был в кольчуге, иначе твоя сабля пронзила бы его сегодня насквозь.

— Ты прав, Олимпио.

— Я видел, как ловко ты ударил его и, не попав в цель, размахнулся второй раз и тогда только поразил его в лоб, ведь голова у него не была защищена этой проклятой штукой!

— Но и мы можем носить кольчугу, Олимпио, этого не запрещает военный закон.

— Черт возьми, мне было бы совестно! Я не хочу за ней скрывать свою грудь! — воскликнул храбрый Олимпио и лег рядом с маркизом с заряженным ружьем в руке, чтобы насладиться несколькими часами отдыха.

Филиппо в это время пробирался сквозь чащу леса к ручью, чтобы принести воды для маркиза. Ему, наконец, удалось найти проход между скалами, и, приблизившись к ручейку, он быстро наполнил фляжку свежей холодной водой, напился сам и только собрался вернуться назад, как вдруг увидел вдали человеческую фигуру, быстро исчезающую затем в лесу.

— Per Dio — пробормотал Филиппо, — это что за явление в этом безлюдном месте?

Он поспешил за этим человеком и увидел его невдалеке между кустами; прибавив шагу, он крикнул незнакомцу, чтобы тот остановился, если ему дорога жизнь.

Слова эти, казалось, произвели желаемое действие. Филиппо подошел ближе и увидел, что остановившийся человек был монах, плотно закутанный в рясу.

— Ого,— крикнул он,— куда вы идете, благочестивый брат?

Монах показал ему рукой, что не может говорить, что он немой.

— Вы достойны сожаления! — сказал Филиппо и пошел рядом с благочестивым братом, который, однако, не глядел на него и еще ниже опустил на лоб капюшон своей рясы.

— Но слышите ли вы? — спросил Филиппо.

Монах утвердительно кивнул головой.

— Куда вы идете в такое позднее время и по такому густому лесу? — снова спросил итальянец, не спуская с монаха недоверчивого взгляда.

Монах остановился и начертил на земле дом, окруженный забором.

— В монастырь? Разве тут есть поблизости монастырь? — продолжал Филиппо.

Монах снова кивнул и показал на вершину горы.

— Та, наверну? Вот как, благочестивый брат, я и не знал этого. Но зачем же вышли вы в такую пору?

Монах начертил на земле ружье.

— А, вы слышали выстрелы и идете теперь за своими братьями, чтобы схоронить убитых?

Монах утвердительно кивнул головой.

— Ну,— продолжал Филиппо,— предоставьте это карлистам. Сколько монахов в вашем монастыре?

— Ага — аббат. Дальше?

Немой снова показал на пальцах.

— И сорок монахов,— заключил Филиппо, приближаясь со своим спутником к месту, где лежали его друзья.— Вот немой монах,— крикнул он, обращаясь к нему,— который знаками дал мне понять, что тут на вершине горы находится монастырь с аббатством.

— Монастырь,— повторил Олимпио,— да, да, помню, на расстоянии полмили отсюда, на самом горном хребте. Скажите, благочестивый брат, это не аббатство ли Санта-Крус?

Монах утвердительно кивнул головой, скрестив руки на груди.

Филиппо нагнулся к маркизу и подал ему фляжку с водой, которую тот осушил залпом.

— Благодарю,— проговорил Клод,— вода освежила меня. Где встретился ты с монахом?

— На обратном пути от ручья. Он немой, по крайней мере, так показывает,— отвечал Филиппо.

— Я не доверяю этим благочестивым братьям,— сказал шепотом Клод де Монтюлон.

— Он еще юноша и слабого, нежного сложения, как видно по его рукам,— возразил итальянец также шепотом,— мне кажется подозревать нечего.

Олимпио поднялся с земли и приблизился к монаху, который покорно склонил голову.

— Ты пришел очень кстати, благочестивый брат,— сказал он, чувствуя сильное желание найти надежное убежище для маркиза и глоток хорошего вина для себя.— Как ты думаешь, дадут ли нам ночлег в монастыре?

Монах утвердительно кивнул.

— Это было бы недурно,— повернулся Олимпио к своим друзьям.— Благочестивый брат уверяет, что мы найдем убежище в монастыре. А кружку вина за деньги? — спросил он монаха, который и на этот вопрос ответил утвердительно.

Филиппо подошел к Олимпио, пристально всматриваясь в него.

— Клод опасается, что монах из королевской партии,— проговорил он шепотом.

— Тогда мы свернем ему шею,— отвечал Олимпио.

Немой показал, что не слышит их слов.

— Мой товарищ думает, что ты предатель. Не говорил ли ты с нашими врагами, королевскими солдатами?

Монах отрицательно покачал головой и опять сложил руки на груди.

— Ну, во всяком случае, из предосторожности мы не отпустим его ни на шаг и оставим в монастыре при себе в качестве заложника,— сказал практичный Олимпио.

Немой ни одним движением не обнаружил при последних словах, что его испугало это предложение.

— Так будет лучше,— прибавил Филиппо,— хотя мне не нравится иметь дело с немыми.

— А мне кажется, что чем скорее мы отправимся в путь, тем лучше. Не следует здесь задерживаться. Отдохнем еще несколько часов и с рассветом поспешим дальше, чтобы как можно скорее соединиться с нашими войсками,— высказал свое мнение маркиз.

— Я боюсь, что для тебя будет слишком трудным это далекое путешествие, Клод,— возразил Олимпио.— Тебе совсем не мешало бы отдохнуть в удобной постели, и к тому же, сознаюсь, глоток хорошего вина был бы мне очень полезен, так как моя пища в подземной темнице была очень скудна, а вина палача я не успел выпить...

Монах стоял со скрещенными руками, покорно склонив голову на грудь.

— Генерала Нарваеса с его уцелевшими шестью всадниками нам, по крайней мере, нечего бояться,— сказал Филиппо,— так как прежде чем к нему придет подкрепление, мы уже будем за горами.

— В таком случае, я охотно принимаю ваше предложение,— согласился маркиз,— но мне хотелось бы, чтобы монах остался при нас, не потому, что я боюсь, а потому, что мы отправляемся в отдаленную, совершенно не известную нам местность. Немой сведет нас в монастырь, будет прислуживать нам там и получит за это хорошее вознаграждение. Согласны ли вы на это, благочестивый брат?

Монах отрицательно покачал головой и жестом дал понять, что не нуждается в вознаграждении и не может принять его.

— Так отдай деньги в монастырскую кассу, монах,— воскликнул Олимпио.— Мы не хотим оставить твоих услуг без вознаграждения. Вот, возьми!

Немой сперва отказывался, но увидев, что от этих денег зависело посещение карлистами монастыря, принял их, поклонился офицерам и спрятал червонцы в карман своей широкой коричневой рясы.

— Пусть будет по-вашему, несколько часов отдыха подкрепят мои силы,— проговорил маркиз и поднялся со своего ложа.— Пойдите вперед, благочестивый брат, Филиппо поведет наших лошадей.

Олимпио, который, как заметил Клод, все еще следил за каждым движением монаха, попросил итальянца следовать за ними с лошадьми.

Тем временем совершенно стемнело.

Немой шел впереди и, казалось, хорошо знал дорогу к монастырю, лежавшему на горном хребте. Он заботливо указывал все тропинки между пиниями, следя также за лошадьми, которых вел под уздцы Филиппо.

Но вдруг дорога стала крутой и скользкой.

Монах остановился и показал рукой, что лошадей нельзя вести далее, а надо оставить их здесь до утра, привязав где-нибудь к дереву.

Это, как видно, не понравилось карлистам.

— У вас нет конюшен в монастыре? — спросил Олимпио, останавливаясь.

Монах отрицательно покачал головой в ответ, и дал понять знаком, что лошадей можно смело оставить здесь, так как к уединенному монастырю не приближается ни одна человеческая душа.

Олимпио обменялся взглядом с маркизом, и последний предложил повести лошадей хотя бы до монастырской стены и оставить их там. Но он уже сожалел о том, что уступил просьбе друзей и своей усталости, какое-то странное чувство беспокойства овладело им.

Немой монах, не обращая внимания на колебания трех карлистов, продолжал путь в гору.

Вскоре они увидели перед собой стены монастыря. Олимпио взглянул на аббатство, часть которого возвышалась над стеной, и убедился, что там было совершенно темно.

Филиппо трудно было подниматься с лошадьми в гору, но, наконец, они прибыли на место, он привязал усталых животных к одному из стоявших поблизости деревьев. И вдруг увидел во мху ясный отпечаток лошадиных копыт... Он остановился и подозвал Олимпио.

— Эй, монах! — вскричал испанец. — Пойди-ка сюда! Что это такое?

Олимпио указал на след, и немой на мгновение смутился. Но затем знаком дал понять, что несколько дней тому назад в монастыре нашел убежище какой-то изгнанный из войска карлист.

— Ну, — прошептал Филиппо, обращаясь к Олимпио, между тем как маркиз, прислушиваясь, подходил к монастырским воротам, — во всяком случае, будем осторожны.

Кругом все было тихо и спокойно. Полуночное бдение было окончено, и монахи, вероятно, уже крепко спали.

Клод де Монтолон стоял у ворот монастыря и ждал своих друзей.

Немой показал, что хочет постучаться — маркиз не остановил его.

Олимпио и Филиппо также приблизились к воротам. Монах громко постучал, и вслед затем послышались приближающиеся шаги привратника.

— Кто там? — спросил густой голос.

Клод взглянул на немого монаха, ожидая, как он теперь объяснится. Тот схватил ручку двери и три раза постучал ею; затем послышался звук поворачиваемого в замке ключа, и ворота отворились.

Брат-привратник, по-видимому, изумленный, вопросительно взглянул на поздних гостей, но немой быстро разъяснил ему все знаками, после чего привратник, поклонившись незнакомцам, почтительно пропустил их и затем снова запер за ними ворота.

Предводители карлистов оказались перед старыми серыми монастырскими строениями с бесчисленными решетчатыми окнами келий и открытым порталом, где царили тишина и глубокий покой.

— Есть ли у вас место для нас? — полушепотом спросил маркиз привратника.

— Если благородные господа удовольствуются малым, то все будет устроено, — отвечал старый монах и пошел вперед по направлению к portalу.

Три героя дона Карлоса и немой последовали за ним.

Достигнув больших переходов, брат-привратник направился к кельям, находившимся в глубине обширного здания.

— Благородные доны должны удовольствоваться только двумя кельями, больше нет свободных, — сказал он и отворил старые коричневые двери двух небольших комнат, которые находились не рядом, а разделялись несколькими другими комнатами.

— Нам довольно этой одной, которая побольше, — отвечал маркиз.

— Но в ней только одна постель.

— Мы перенесем постель из другой кельи, — подхватил Олимпио, — и если вы доставите нам сюда еще кружку вина и лампу, мы будем вам очень благодарны.

Не дожидаясь ответа привратника, который, по-видимому, колебался, Олимпио и Филиппо схватили постель из другой кельи и перенесли ее в свою комнату, где уже расположился маркиз.

В эту минуту внимательно наблюдавшему Клоду показалось, что привратник и немой обменялись несколькими словами, но тут же он подумал про себя, что ошибся, так как немой объяснялся только знаками.

Привратник повернулся, чтобы пойти за лампой и вином, и Олимпио заметил, что немой монах собрался идти вместе с ним.

— Нет, — воскликнул он, понизив голос и подскочив к нему, — это против уговора, благочестивый брат. Назад! Брат-привратник может принести лампу и вино один, без твоей помощи. Черт возьми, какие у тебя мягкие, нежные руки, монах, совершенно как у женщины! Уж не монахиня ли ты?

Олимпио схватил руку немого и потащил его с собой в келью, между тем как брат-привратник удалился, чтобы принести требуемое.

Монаху, по-видимому, не понравилось грубое обращение и слова Олимпио. Он отошел в сторону и стал наблюдать за каждым движением карлистов, которые в полголоса совещались о том, не следует ли им поочередно сторожить келью.

— Разумеется, речь может идти только о нас двоих, — сказал вполголоса Олимпио, обращаясь к Филиппо, — маркиз должен иметь покой.

— Я думаю, если мы оставим немого здесь и положим оружие возле себя, то этого будет достаточно, — отвечал маркиз.

— Мы, во всяком случае, осматриваем келью при свете и только тогда окончательно решим, как поступить,— предложил Филиппо, между тем как в дверях появился брат-привратник с лампой и огромной каменной кружкой в руках.

— Клянусь всеми святыми, этот монах мне нравится! — вскричал Олимпио, подходя к привратнику.— Какое вино ты принес нам, благочестивый брат?

— Мальвазию, благородный дон,— отвечал старый монах своим густым голосом и поставил маленькую лампу на коричневый стол, на котором подле распятия стояло несколько стаканов.

Клод и Филиппо стали оглядывать комнату. В ней находились, кроме двух поставленных рядом постелей, еще два коричневых жестких стула. В стене было маленькое, забранное решеткой окно. Келья была высокая, со сводчатым потолком, коричневая дверь закрывалась на задвижку и, по-видимому, не имела замка.

Олимпио принял на себя роль хозяина. Он подал привратнику несколько червонцев, схватил каменную кружку, наполненную до самых краев, и при неровном свете маленькой лампы налил вино в стаканы.

— Вино имеет превосходный вид и аромат,— сказал он, после чего привратник, пожелав господам покойной ночи, вышел из кельи и закрыл за собой дверь.

Немой стоял в стороне, около стены, со скрещенными на груди руками, поникнув головой.

— Тебе надоест стоять, монах,— сказал Олимпио,— возьми стул, я сяду на другой, а мои товарищи лягут теперь спать. Пейте, мальвазия, кажется, очень хороша!

Он подал полные стаканы маркизу и итальянцу, затем немому, потом сам попробовал вино.

— Черт возьми, вино лучше на вид, чем на вкус! — сказал он, смеясь.— Как, ты не хочешь пить, монах?

Немой, севший на поданный ему стул, сделал отрицательное движение.

— Не прикидывайся, мы лучше знаем, что делать,— продолжал Олимпио, между тем как Клод и Филиппо осушили стаканы,— ты должен пить, когда находишься в нашем обществе. Или у вас есть еще лучшее вино?

Монах объяснил знаками, что это лучший сорт, какой только есть в монастыре.

— Так и следовало ожидать, потому что в хорошем доме гостям всегда подают все самое лучшее. Пей, монах, подойди сюда, я чокнусь с тобой!

Олимпио схватил стакан — монах понял, что должен уступить; он чокнулся с ним, и в то время как Олимпио, который любил хорошее вино, осушал стакан, монах осторожно и незаметно вылил вино на свою темную рясу.

Маркиз, казалось, был очень утомлен; он лег на подушки и накрылся своим плащом; Филиппо, выпив второй стакан вина, вдруг тоже почувствовал такую усталость, что охотно принял пред-

ложение Олимпио предоставить ему сторожить первую половину ночи.

Вскоре тяжелое дыхание Монтолона и итальянца показало, что они крепко спят; Олимпио, выпив второй стакан вина, заметил, что и монах заснул, сидя на стуле.

Кругом царила мертвая ночная тишина; лампа горела тускло и неровно. Непреодолимая усталость все более овладевала Олимпио, и вскоре и он погрузился в глубокий сон.

XIV

НЕОЖИДАННАЯ ПОМОЩЬ

В ту же самую ночь старый смотритель замка и его дочь покинули свое жилище. Рука об руку шли они по темным улицам Мадрида, мимо домов, по направлению к Толедским воротам, покидая места, где так долго жили мирно и счастливо.

Мануэль Кортина не говорил ни слова, он не хотел причинять еще более горя своей дочери. Старику было больно оставлять дом, в котором он провел столько лет; Долорес же чувствовала себя виноватой в несчастии, постигшем отца, и сердце ее разрывалось от боли. Но она легко перенесла бы эти часы тяжелого испытания и была бы крепкой опорой для своего удрученного отца, если бы ее не терзали мучительные слова, сказанные графиней Евгенией. С верой в своего возлюбленного Долорес гордо вышла бы из замка с отцом, чувствуя, что сделала только то, что повелевало ей сердце. Она бы утешила отца, стала умолять его о прощении, и он, ради любви к ней, все бы забыл и простил.

Теперь, однако, все было иначе. Сомнения, закравшиеся в ее душу, лишили ее покоя и сделали жертвой отчаяния.

Отец и дочь с глубокой грустью покидали город, где прожили в мире и спокойствии столько лет. Уже Толедские ворота остались далеко за ними, а бедные путники шли, подавленные своим тяжелым горем, по пустынной дороге, по обеим сторонам которой тянулись необозримые леса и луга.

Куда же они шли? Они сами не знали этого, и только желали всей своей душой как можно скорее уйти из тех мест, откуда были позорно изгнаны. В воображении Долорес рисовался образ Олимпио. Она вспоминала, как он прощался с нею, отправляясь в войска Дона Карлоса, как снова поклялся ей в вечной любви и прижал ее к своей груди, поцеловав в губы, дрожавшие от горести разлуки. Возможно ли, что Олимпио забыл ее? Это было равносильно тому, чтобы усомниться в Боге и во всем человечестве. Нет, знатная графиня сказала неправду, разве можно доверять ей больше, чем возлюбленному?

Но ведь он, покидая замок, не простился с ней и не послал ей даже поклона!

— Не сомневайся в нем,— шептал ей внутренний голос,— верь его любви. Ведь он тайно бежал из замка, мог ли он придти к тебе? Ты исполнила свою обязанность, ты спасла его и потому стойко переноси тяжелое бремя испытаний; он вернется, чтобы сделать тебя счастливой, он не нарушит своей клятвы, свидетельницей которой была Матерь Божия, и, наконец, он, о несказанное блаженство, назовется твоим.

— Да, отец,— вскричала Долорес, останавливаясь и целуя руку старика,— он вернется, чтобы осчастливить нас!

Отец с тоской посмотрел на Долорес и, покачав головой, сказал:

— Не надейся слишком, не обманывай себя блестящими ожиданиями, дочь моя,— он воин! Ведь ты знаешь, что и я люблю его, но будем надеяться только на наши собственные силы и помощь неба. Не печалься! Я чувствую в себе еще достаточно сил и смогу прокормить себя и тебя трудами своих рук, мы найдем место, которое даст нам честный кусок хлеба; забудь все свое горе! Испытание это нам послано небом, но оно справедливо, и Господь поддержит нас в беде.

— Твои слова утешают меня, отец,— прошептала Долорес и бросилась в объятия старика, который с любовью прижал своего ребенка к груди,— ты простишь мне то, что я тебе сделала?

— Все, все! Я даже говорю, что ты поступила честно, и понимаю, что, любя, ты не могла поступить иначе!

Долорес нежно прижалась к отцу, и горячие слезы залили ее прекрасное лицо.

— Мужайся, дорогая, не падай духом, и будем, надеясь на лучшее, продолжать путь,— проговорил старый Кортина,— я уверен, мы найдем убежище, где сможем приклонить голову. Вот уже ночь сменяется днем, видишь, на востоке алеет заря.

Долорес улыбнулась сквозь слезы и, схватив руку отца, покрыла ее горячими поцелуями.

Идя далее рука об руку с горячо любимым ею отцом, Долорес обратила его внимание на видневшийся вдали дом, окруженный деревьями; подойдя ближе, они увидели, что это одна из небольших уединенных гостиниц, нередко встречающихся на проселочных дорогах Испании.

— Отдохнем тут на скамейке, в тени цветущих гранатовых деревьев,— проговорил старый Кортина, указывая рукой на скамейку перед дверью, над которой красовалась старая вывеска с оставшимися едва заметными очертаниями фигуры льва.

— Я вижу,— проговорил старик, подходя с Долорес к заманчивому тенистому месту,— что эта гостиница принадлежит к богатым владениям молодого герцога Медины, на гербе которого изображен лев.

— Это не тот ли веселый герцог, что появлялся иногда при дворе?

— У него на левой щеке шрам от дуэли, на которой он дрался из-за девушки еще в то время, когда воспитывался в Мадриде.

— Так я видела его,— прибавила Долорес,— неужели он так богат.

— Все деревни и села на пять миль в округе принадлежат ему,— пояснил старый Кортина, опускаясь на скамейку в тени цветущих гранатов.— Его замок Медина находится посреди его владений.

Между тем из гостиницы вышло несколько пьяных погонщиков мулов, громко разговаривающих между собой. Проходя к своим навьюченным мимо скамейки и заметив на ней старика и красивую молодую девушку, они отпустили по их адресу несколько весьма оскорбительных замечаний.

Долорес заметила, что отец ее побледнел от гнева.

— Оставь их, прошу тебя, не обращай внимания на их слова,— успокоила его девушка, наклонясь к самому уху своего отца.

Погонщики, видя, что могут безнаказанно дать волю своему языку, продолжали издеваться над стариком и подошли к Долорес.

Мануэль Кортина, выведенный из терпения дерзким поведением погонщиков, вскочил с места.

— Ступайте своей дорогой, негодяи,— грозно произнес он,— и оставьте в покое эту девушку, не то узнаете меня!

— Ого, ты, старый нищий! — вскричали в один голос в свою очередь задетые за живое погонщики мулов,— мы свернем тебе шею, если посмеешь сказать еще хоть слово! Чего ты привязался к девушке, старый дурак?

— Не трогайте ее, или узнаете, с кем имеете дело!

Дикий хохот раздался в ответ на угрозу старого Кортины.

— Столкни его со скамейки, Лоренцо,— закричали они, обращаясь к своему товарищу, плечистому молодому парню, густая черная борода которого придавала ему вид разбойника.— Вот еще дерзкий старик! Отдай нам девушку, старый негодяй!

Долорес была в отчаянии, видя, что пьяные погонщики бросаются на ее отца; помощи неоткуда было ожидать, так как кругом не видно было ни души, а хозяин гостиницы, следивший за этой сценой из своего сада, только улыбался, потирая руки от удовольствия.

Плечистый погонщик, которого товарищи называли Лоренцо, был, как казалось, их главарем. Он уже собирался, по-видимому, кинуться с кулаками на Мануэля Кортину.

— Будьте милостивы, сеньор,— вскричала девушка, вся дрожа от страха,— сжальтесь над моим бедным отцом!

— Так ты должна поплатиться за него, красавица,— возразил Лоренцо,— наказания вы не минуете!

— Будьте милостивы, сеньор, отец мой стар и слаб!

— Но он дерзок! Нет, милая, не защищай его, ты должна идти с нами!

— Пресвятая Дева, спаси нас! — воскликнула Долорес в отчаянии, так как погонщик уже схватил ее своей сильной рукой, что привело в дикий восторг остальных его товарищей.

— Прочь, негодяи! — изо всех сил крикнул Мануэль Кортина, бросаясь на Лоренцо, который, отпустив девушку, с яростью накинулся на седого старика.

Еще мгновение, и сильный кулак погонщика опустился бы на голову старого зрителя замка. Долорес испустила крик отчаяния и бросилась между Лоренцо и отцом, но она была не в силах защитить его.

В это время послышались громкие удары кнута, и на проселочной дороге показался изящный легкий экипаж, запряженный прекрасными лошадьми. Хозяин, завидя его, испуганно стал кричать на погонщиков мулов, которые с громкими ругательствами окружили старика и его дочь.

— Не слышите разве, назад! — повторил он еще громче, с заметным страхом, — сам герцог едет! Негодяи эти не видят ничего, ну, вот он и остановился.

Хозяин с обнаженной головой почтительно подбежал к экипажу молодого герцога, который полюбопытствовал, что происходит перед гостиницей.

Погонщики, не слыша и не видя ничего вокруг, с пьяной яростью нападали на беззащитных, которые не в состоянии были отразить удары, падающие на их головы.

Положение хозяина гостиницы становилось незавидным, так как это приключение могло лишить его доходного места.

Герцог Медина, молодой человек с бледным лицом, изящно закрученными усами, со шрамом на левой щеке, возвращался из Мадрида в свой замок. Увидев неравный бой перед дверью гостиницы, он послал своего ливрейного лакея разузнать, в чем дело.

— Что там случилось? — гневно произнес он, обращаясь к хозяину гостиницы. — Чего хотят эти люди от старика и девушки?

— Это не больше, чем шутка, ваше сиятельство, — пояснил хозяин с улыбкой, желая придать возможно меньше значения разыгравшейся сцене, — они поспорили о чем-то друг с другом...

— Вы называете это шуткой? Разве вы не слышите крика о помощи? — возразил герцог, обнажая свою шпагу и выходя из экипажа, так как ясно видел, что погонщики не слушают его лакея.

— Как, ваше сиятельство, вы хотите сами?.. — спросил удивленный хозяин.

— Разумеется, я сам своей шпагой прогоню этих дерзких людей, если вы не позаботились о том раньше! Ведь девушка и старик беззащитны! Клянусь всеми святыми, не будет от меня пощады этим злодеям!

Хозяин, в отчаянии ломая руки, поспешил вслед за разгневанным герцогом к тому месту, откуда продолжали доноситься дикие возгласы пьяных, не замечающих приближения герцога.

Долорес, увидев внезапную помощь, как бы посланную им в минуту отчаяния самим небом, собрав все силы, вырвалась из рук Лоренцо и вся дрожа, бросилась навстречу герцогу, который с обнаженной шпагой подходил к погонщикам мулов.

— Назад, негодяи, — грозно крикнул он, — или, клянусь именем Пресвятой Девы, вы дорого поплатитесь! Старик, иди сюда под мою защиту! Пять таких сильных злодеев напали на двух беззащитных!

При этих словах хозяин с силой оттащил Лоренцо от совершенно ослабшего Кортины, громко объясняя, что приехал сам герцог. Известие это сразу отрезвило обезумевших от ярости погонщиков: за минуту до того свирепо кричавшие, они при виде дона, у которого находились в услужении, бросились перед ним на колени, как кающиеся грешники.

Эта быстрая перемена была так смешна, что герцог, наверное, прерывительно захохотал бы, если бы вид растерявшегося старика и дрожащей от страха девушки не возбудил в нем глубокого сострадания.

— Не показывайтесь мне на глаза, негодяи! — гневно произнес он. — Теперь-то, разумеется, они так покорны и смиренны, как будто никому на свете не в состоянии причинить вреда! Диего, запиши имена этих погонщиков и прикажи смотрителю сегодня же вычисть половину из их жалованья в пользу этого пострадавшего старика! Такое наказание будет для вас наиболее ощутимо, и горе вам, если до моих ушей еще раз дойдет жалоба на вас, вы меня знаете!

Погонщики стали просить пощады.

— Мое слово неизменно! Благодарите небо, что сегодня так легко отделались, — произнес герцог и затем обратился к Долорес и ее отцу, который узнал его с первого взгляда и горячо благодарил за избавление от злодеев.

— Как, это поразительное сходство или вы в самом деле смотритель мадридского замка? — проговорил, глядя на старика, молодой Медина. — Да, это вы, я узнаю вашу прекрасную дочь. Каким образом попали сюда?

— Примите нашу сердечную благодарность за вашу помощь, ваше сиятельство, — проговорил старый Кортина, почтительно кланяясь герцогу, с улыбкой глядевшему на Долорес. — Вас удивляет наше присутствие здесь? Я лишился места, господин герцог, и потому отправился искать, где мог бы с моей дочерью приклонить голову.

— Как же это случилось, почтенный старик? Вы, кажется, всегда добросовестно исполняли свой долг и были верным слугой королеве, — спросил герцог.

— Это удар судьбы, ваше сиятельство, я не ропщу. Дочь моя, Долорес, полюбила дону Олимпио Агуадо...

— Предводителя карлистов, который, говорят, ускользнул?

— Она любила его с детства и потому содействовала его бегству; теперь мы бездомны, ваше сиятельство, и, как обыкновенно бывает с бедными и незащищенными людьми, можем подвергнуться любым оскорблениям, как вы сейчас имели случай убедиться; я обязан вам спасением моей жизни.

— Вы были нашим избавителем, ваше сиятельство, — не замедлила прибавить Долорес, — позвольте же выразить вам нашу душевную благодарность.

— Не стоит, прекрасная Долорес, я охотно помогаю всем, если только дозволяют средства. Но подойди ко мне и дай твою руку; я и не знал, что твое юное сердце уже познало любовь. Глаза твои не предадут тебя, они выражают чистоту и непорочность! Я часто

видел твою прекрасную головку с розами, которыми было увито твоё окно, и вот встречаю тут,— проговорил герцог, ласково протягивая молодой девушке руку, затянутую в изящную белую перчатку. Вдруг герцог о чём-то задумался и затем обратился к Мануэлю Кортине.

— Послушайте, что я хочу предложить вам,— продолжал он,— я, разумеется, не могу сделать вас смотрителем моего замка, так как нельзя же мне лишить места старика, который служил ещё при моем покойном отце. Но у меня свободно место сельского старосты Медины. Согласны ли вы занять это место?

— Я не ожидал такой милости, ваше сиятельство!

— Вы можете быть уверены в том, то обязанности ваши будут нетрудны.

— Не знаю, чем я заслужил такую милость,— произнес Мануэль Кортина, тронутый великодушием герцога.— Вот мы опять богаты, Долорес!

— Так вы согласны?

— Я от души рад, ваше сиятельство, и благодарю Пресвятую Деву за то, что она привела нас сюда,— воскликнули почти в один голос отец и дочь.

— В таком случае поезжайте со мной, так как до Медины еще далеко, а вы утомлены.

— Как, ваше сиятельство, вы хотите поехать в одном экипаже с бедным смотрителем замка и его дочерью? — с удивлением спросил Мануэль Кортина.

— А почему же нет, старик? Я тут везде в окрестности, как дома, и могу делать все, что захочу! Почему же мне не подвести вас и вашу прекрасную дочь в моем экипаже? Вы можете гордиться своей Долорес, почтенный старик, такой девушки вы нигде не найдете! Да, да, не опускай своих глаз, ты поистине можешь гордиться своей красотой.

Хозяин гостиницы, стоявший на почтительном расстоянии, с возрастающим удивлением видел, как гордый, богатый герцог, потомок старинного знатного рода Испании, садился в один экипаж со стариком и молодой девушкой.

— Ага,— пробормотал он про себя, как бы разъяснив себе все дело,— красота сеньоры прельстила его.

Герцог поместился внутри кареты, между тем как Мануэль Кортина с дочерью заняли места на заднем сиденье изящного экипажа. Лакей сел к кучеру на козлы, и в следующую минуту четверка андалузских лошадей с легкостью понесла экипаж по проселочной дороге.

Поселяне и работники, мимо которых мчался экипаж, кланялись герцогу чуть не до земли, как владетельному князю.

Экипаж несся по цветущим полям и лугам, где всюду кипела жаркая работа.

Они миновали несколько деревень, чистенькие домики которых производили довольно приятное впечатление, пока, наконец, вдали стал виден замок Медина, громадное, серое, похожее на крепость

здание, стоявшее на горе и окруженное несколькими башнями с множеством амбразур.

У подножья горы помещались конюшни и хозяйственные постройки, а поодаль располагались жилища работников, старостой которых был назначен Мануэль Кортина.

Великолепная каштановая аллея вела с проселочной дороги к замку герцога. Между деревьями были установлены старинные каменные статуи, а в конце аллеи стояло под крышей, с которой спускались гирлянды больших душистых роз, изображение Богоматери.

Долорес и ее отец были поражены окружавшей их роскошью.

При въезде в тенистый парк стоял смотритель замка Медины, отставной воин и, как оказалось, старый товарищ Кортины. Лицо последнего осветилось улыбкой удовольствия; он стал разглаживать свои седые усы, чтобы не представлять собой разительного контраста в сравнении со смотрителем замка, тщательно выбритым и одетым в богатый мундир. У широких ворот, украшенных сверху вазами с площом, стояли две громадные бронзовые фигуры, изображавшие рыцарей в полном вооружении.

Экипаж, несясь по хрупкому песку мимо пышных кустов и пруда с роскошным фонтаном посредине, приближался к старинному замку, с убранством которого мы познакомимся в одной из последующих глав.

В портале стояли лакеи, к которым присоединился и старый смотритель замка, после того как первым поклонился своему повелителю при въезде его в парк.

Взоры всех с удивлением обратились на странных гостей его сиятельства.

— Я привез с собой сельского старосту для Медины, — произнес герцог, обращаясь к своему смотрителю, который, узнав Кортину, довольно улыбнулся, — пусть управляющий проводит его после в назначенное для него жилище и представит работникам, а теперь надо принять старика и его дочь в замке! Но ты, как я вижу, знаком с новым старостой, — отметил герцог, — это меня радует; Медина в таком случае будет наслаждаться миром и спокойствием.

До сих пор между смотрителем и старостой происходили постоянные ссоры, последствия которых часто отражались даже на герцоге, и потому он с истинным удовольствием смотрел, как по-братски обнялись старики при неожиданном свидании.

В то время как герцог отправился в свои покои, Оливьеро, смотритель замка Медины, повел отца и дочь в свои комнаты, чтобы накормить их после дальней дороги.

Свидание старых товарищей было поистине трогательным, и прекрасная Долорес безмерно радовалась счастью своего отца.

Кортина рассказал своему старому другу, каким образом он лишился места, и Оливьеро утешил его тем, что он будет вполне доволен своим новым положением.

— Мы будем жить в ладу, — сказал он, протягивая руку своему бывшему сослуживцу, — а если тебя когда-нибудь что-либо затруд-

нит, скажи мне, и мы постараемся вместе устроить все к лучшему! Но какая же у тебя красивая дочь! Признаюсь, и во мне, уже отжившем старике, такая красота рождает охоту к жизни!

— Ты, как я вижу, остался холостым?

— Пора любви для меня миновала, а теперь, когда поседели волосы, мне кажется, что уже поздно думать о женитьбе,— ответил Оливьеро,— ты поступил умнее меня! Иногда мне делается ужасно скучно в своей квартире, но ничего не поделаешь! Приходится поневоле сидеть одному, как его сиятельству, господину герцогу. Но я надеюсь, что ты будешь навещать меня, так как работы у тебя будет немного, и она не особенно стеснит тебя.

В это время лакей внес на серебряном подносе вино и богатую закуску для Кортины и его прекрасной дочери. Смотритель усердно угощал их, восхваляя гостеприимство герцога.

— Его сиятельство прекрасный, благородный человек,— рассказывал он, в то время как отец и дочь утоляли голод.— Покойный герцог постоянно был угрюм и всем недоволен, этот же добр и щедр! Только одно мне не нравится в нем,— тихо прибавил доверчивый старик,— но какой же человек без недостатков — герцог очень любит молодых красивых девушек! Поэтому береги свою Долорес! Ты удивляешься, Мануэль, но я желаю вам обоим добра. Обещай же мне никогда, ни в коем случае не выдавать твоего друга и старого сослуживца. Герцог такой добрый человек, каких мало, но в своей страсти он неузнаваем! Поэтому-то я иногда благодарю небо за то, что не имею жены и дочерей! Но вот и управляющий,— вдруг прибавил Оливьеро, заметив в окно приближавшегося человека лет тридцати пяти, державшего в руках длинный хлыст.— Смотри, Мануэль, старайся угодить этому Эндемо — он правая рука герцога.

— Как он дурен собою! — невольно проговорила Долорес, взглянув в окно.

Эндемо, управляющий, показался в дверях и несколько минут пристально смотрел на старого Кортину и его дочь.

У него были рыжие жесткие волосы, неприятно пронизательный взгляд и густая рыжеватая борода. При входе в комнату он даже не снял своей остроконечной шляпы, тогда как Оливьеро почтительно поклонился ему.

Долорес почувствовала какое-то необъяснимое отвращение к вошедшему человеку, в то время как он внимательно осматривал ее; ей почему-то казалось, хотя она видела его только в первый раз, что он станет ее злым демоном.

— Вы староста Кортина? — спросил вошедший хриловатым голосом.

— Да, сеньор, его сиятельство назначил меня на это место! А это моя дочь, Долорес! Жены у меня уже нет,— отвечал Кортина.

— Тем выгоднее для вас! Чем больше родственников, тем больше дармоедов,— заметил Эндемо.— Следуйте за мной; яведу вас в назначенный для вас дом и представлю работникам. Но предупреждаю вас, старик, особенно не распоряжайтесь сами, а к самому герцогу —

ни ногой! Если вам что-нибудь надо спросить, обращайтесь ко мне, и я распоряжусь по своему усмотрению!

— Мануэль Кортина все будет исполнять в точности,— уверял Оливьеро, добродушный смотритель замка,— он мой старый товарищ по службе!

— Да? Ну, увидим,— проговорил управляющий и сделал знак Кортине и его дочери следовать за ним.

Оливьеро, пожал руку Мануэля, проводил его до портала, простился с ним и долго глядел вслед старику и его дочери, спешившим за Эндемо по парку, пока они не скрылись за деревьями.

— Мать Божия, сохрани эту девушку,— пробормотал он про себя,— если бы только она не была так дивно хороша!

Кортина и Долорес следовали за управляющим; они миновали ворота, конюшни, дома и достигли, наконец, часовни с образом Богоматери. Долорес, исполненная благодарности за чудесное спасение от нужды, опустилась на колени перед образом Пресвятой Девы.

— Это что такое? Не воображаете ли вы, что я стану ждать вас,— проговорил Эндемо, увидя, что и старик опускается на колени,— вы, вероятно, тоже принадлежите к тем лентяям, которые отдыхают перед каждым образом? Вот глупость-то! Это не более чем удобный случай полениться!

Долорес, не слушая слов управляющего, продолжала свою тихую молитву.

Это, казалось, вывело из терпения рыжего Эндемо — он побледнел и с явным нетерпением взмахнул хлыстом.

— Не придти ли мне поднять вас? — громко произнес он.— Вы уже с первого дня начинаете лениться! От этого мы отучим вас в Медине! Вперед!

Старый Кортина не осмелился противоречить и встал, Долорес же бросила на управляющего взгляд, полный горького упрека, но он, взмахивая хлыстом, спокойно пошел по направлению к домикам работников.

Была обеденная пора, и все они собрались в деревне; Эндемо подвел к ним нового старосту и сообщил его имя.

Они робко посмотрели на старика и девушку, как бы прося их о заступничестве. На управляющего, как заметила Долорес, они смотрели с явной неприязнью, иные даже с ненавистью.

— Вот ваше жилище, Кортина,— сказал управляющий, остановившись перед маленьким домиком, крытым соломой и стоявшим посреди деревни.— Ваша обязанность состоит в том, чтобы содержать все селение в порядке и спокойствии! Это не так легко, как вы думаете! Между работниками много злых людей, на вас лежит вся ответственность за их действия, и потому смотрите в оба! Земля эта принадлежит к вашему дому. Жалованье вы будете получать, как и работники, от меня в замке каждую неделю.

Эндемо ушел, и старый Кортина вошел с Долорес в низенькую маленькую хижину, которая должна была стать их новым домом.

МАТАДОР МИГУЭЛЬ И ГРАФИНЯ

Прежде чем мы вернемся к трем офицерам Дона Карлоса в уединенный монастырь, бросим взгляд на Мадрид, где в это время должно было происходить одно из любимейших народных празднеств — бой быков.

Для бедных и богатых, молодых и старых это кровавое представление представляло высшее удовольствие. Не было ничего, что так сильно занимало и привлекало бы испанцев, как эти бои, на которых присутствовали даже сами королевы.

Скажем еще более! Безнравственность достигла таких громадных размеров в высших кругах общества, что матадорам, победителям быков, не только бросали на арену лавровые венки, но даже знатные дамы не гнушались затевать любовные интриги с этими, по большей части грубыми, необразованными, но сильными и прекрасно сложенными мужчинами, и вышивали золотом и украшали красные платки, которыми матадоры дразнили быков.

Так, говорили, что герцогиня Альба, невестка молодого герцога, обручившегося с Марией Монтихо, своими прекрасными белыми руками вышила золотом для матадора Пегилло красный плащ и передала его ему при тайном свидании.

Обстоятельство это касается героини нашего рассказа потому, что и Евгения, как и молодая королева, находила большое удовольствие в боях быков, а мать ее, графиня Теба де Монтихо даже не скрывала, что обожает матадора Мигуэля, необыкновенно отважного героя арены; как рассказывали, он победил более двух тысяч быков и потому был любимцем народа.

Скажем еще, что Мария-Христина пожаловала этому матадору те высокие ордена, которые украшали ее генералов, и которые тот гордо носил напоказ.

Этот убийца быков был человек исполинского роста, имел необычайно сильные мускулы и резкие черты лица, которые для иного вкуса были весьма привлекательны. У него была длинная окладистая черная борода, вызывающая осанка, и он, как говорили, играл важную роль у красивых маньол с улицы Толедо.

Он совершал, пользуясь своим положением, такие поступки, за которые всякий другой поплатился бы головой. Например, однажды матадор Мигуэль поспорил на площади Педро из-за красивой девушки с известными всему Мадриду бандитами, и прежде чем те успели напасть на него, с такой силой схватил их своими мощными руками и столкнул головами, что у одного из них полилась кровь из носа и рта, а другой через несколько дней умер от сотрясения мозга.

Судьи хотели привлечь матадора к ответственности, но его покровительница, графиня Теба де Монтихо выпросила для него прощение у королевы-матери, и он отделался небольшим денежным штрафом, уплаченным, разумеется, из кармана богатого лорда Кларендона.

Народ молчал, зная, как необходим Мигуэль в Колизее де-лос-Торос.

Этот амфитеатр, находившийся близ Прадо, представлял собой огромное круглое, открытое сверху здание с бесчисленными скамейками, спускавшимися в виде лестниц вниз, к арене.

Колизей де-лос-Торос вмещал более десяти тысяч человек, но, несмотря на это, перед каждым представлением еще тысячи любителей подобных кровавых сцен вынуждены были возвращаться назад, так как не могли получить мест.

За несколько часов до начала боя народ и экипажи длинными рядами теснились около подъездов Колизея и нередко случалось, что детей и женщин затаптывали до смерти в толпе. Но это не останавливало других, рвавшихся вперед, чтобы занять внизу обитые красным бархатом дорогие места, а наверху — простые жесткие скамейки.

Для двора и знатных особ были устроены над самой ареной ложи, которые заполняли гранды и богато разряженные дамы.

В этот день, как и всегда, когда в ложах появились королевы со своей свитой, раздались громкие звуки музыки.

За стулом Марии-Христины стоял герцог Риансарес, а подле молодой королевы — принц Франциско д'Асси, в честь которого давалось сегодняшнее представление. В свите Изабеллы находились маркиза де Бельвиль и графиня Евгения Монтихо, в богатых, изысканных костюмах, с цветами на голове и на груди.

Имя графини Марии, по желанию ее матери, было только что вычеркнуто из списка придворных дам; она сидела с герцогом Альба подле матери, для которой преданный лорд Кларендон купил ложу напротив королевской.

Графиня была в светло-желтом атласном платье, на которое ниспадала с головы белая прозрачная мантилья. На груди красовался букет из прекрасных центифолий, и играя своим драгоценным веером, она разговаривала со своей дочерью и ее внимательным женихом.

Евгения, улыбаясь, поклонилась матери и заговорила с королевой Изабеллой, которая созналась, что ничто не доставляет ей такого удовольствия, как бой быков.

Шествие на арене, после которого обыкновенно начиналось представление, приковало к себе взоры всех присутствующих.

Под громкие звуки труб вошли сперва королевские альгвазилы; за ними следовали нотариус и герольд; последний громким голосом прочел королевское предписание, которым запрещалось, под страхом строгого наказания, выходить на место боя и мешать представлению.

Затем появились лица, участвующие в представлении, в пестрых праздничных костюмах. Впереди шел матадор Мигуэль; он поклонился сперва королевам, потом графине и громко приветствовавшему его народу; графиня Монтихо бросила ему душистые цветы, которые держала в руке, и благодарный матадор поднял их концом своего блестящего меча. На нем был надет красный, шитый золотом плащ,

подаренный, как говорили, герцогиней Терезой Альба, и он был так красив в этом костюме, что графиня Теба не могла оторвать от него глаз.

За матадором следовали пикадоры, в древнеиспанских рыцарских костюмах, с копьями в руках. Все они были не менее крепкого сложения и представляли живописную картину в своих пестрых плащах, коротких панталонах с развевающимися лентами и шляпах, украшенных перьями.

За ними вышли на арену бандерильеры — знаменосцы, молодые ловкие испанцы, в таких же коротких плащах и панталонах; они держали в руках небольшие копыя, украшенные пестрыми знаменами.

Театральное шествие замыкало несколько мулов, которые должны были вывозить с арены убитых быков и лошадей.

Герцогу Риансаресу королева-мать назначила в этот день раздавать призы. Бойцы поклонились ему и публике, и герцог велел бросить предводителю альгвазилов ключи от помещения быков — знак, что представление начинается.

Раздалась музыка и на арене остались только пикадоры, ожидая на своих лошадях появления быка.

Это была минута всеобщего напряжения.

Вдруг из дверей выбежало огромное, дикое животное.

Быка приветствовали громкие, единодушные крики, между тем, как он, с наклоненной головой, взрывая копытами песок, выбежал на середину арены и остановился. Крики, окружавшие его стены и бесчисленное множество народа раздражали его и он с глухим ревом стал озираться кругом.

Этой минуты, казалось, только и ждали всадники, вооруженные копьями. Они со всех сторон бросились на быка, чтобы поразить его своим оружием. Животное обратило свирепо сверкающие глаза на своих врагов, и бездействие его продолжалось только минуту. С бешенством бросился бык на одного из пикадоров, но тот ловко повернул свою лошадь в сторону.

Громкие крики одобрения наградили пикадора за его ловкий маневр, но тут же к быку приблизились другие пикадоры и начали колоть его копьями; он снова бросился на одного из них, но последовал тот же ловкий скачок лошади в сторону.

В эту минуту два пикадора быстро и слишком близко подъехали к быку, но лишь одному из них удалось так же быстро отступить назад, при виде другого здание Колизея огласилось криками ужаса: лошадь и всадник, казалось, погибли; разъяренное животное ринулось на них, струя крови окрасила песок. Рога быка пронзили грудь лошади, но пикадор не потерял присутствия духа, быстро соскочив на землю, он избежал гибели, так как взбешенный бык еще раз вонзил свои длинные острые рога, на сей раз в живот упавшей лошади, и начал топтать ее ногами.

Вид крови еще более разъярил животное, и оно бросилось на пикадора, лишившегося лошади, а тот продолжал бой как ни в чем не бывало, пока его не сменили другие бойцы.

После короткой паузы снова раздались звуки труб, на арену вышли отважные и ловкие бандерильеры, которые без всякого оружия, только с небольшими, украшенными знаменами копьями в руках, окружили быка.

Их положение гораздо опаснее положения пикадоров, сидящих на лошадях, и только ловкость и точная рассчитанность движений помогают им спастись от смерти, угрожающей им каждую минуту.

Бык вскочил, когда одному из бандерильеров удалось вонзить в его спину украшенное знаменем копые, и, увидев перед собой новых врагов, бросился к ним навстречу, но бойцы с изумительной ловкостью уклонились от его нападения, а один из них снова подбежал к громко ревушему от боли животному и воткнул другое копые в его тело. Зрители, с напряжением следившие за этой сценой, затаили дыхание — казалось, на этот раз смельчак не избежит смерти, так как раздраженное животное сделало быстрое движение вперед, на которое, как видно, не рассчитывал бандерильер. Но опытный борец, схватив животное за гриву, мгновенно вскочил к нему на спину.

— Да здравствует Пухета! — закричали тысячи громких голосов. — Такого мы еще не видели!

Между тем дико ревуший бык, почувствовав на своей спине неожиданную ношу, вдруг остановился и повалился на землю, чтобы освободиться от всадника и поднять его на рога.

Это была минута смертельной опасности, и даже королевы, восхищенные последовавшей за этим сценой, громко аплодировали смелому бойцу, который при падении быка успел соскочить с его спины на землю и, поклонившись публике, последовал за другими бандерильерами, блестяще исполнив, таким образом, свое назначение.

Теперь наступила пауза, в продолжение которой взбешенное животное, поднявшись с земли, напрасно искало своих врагов, а публика оживленно обсуждала увиденную только что сцену.

Графиня Теба де Монтихо с нетерпением ожидала матадора Мигуэля, которому Пухета, по-видимому, готовился стать соперником. Графиня Мария разговаривала с герцогом Альба, а ее сестра, прекрасная Евгения — с доном Олозаго, который, к великому неудовольствию маркизы, очень ухаживал за ней.

Изабелла также вмешалась в их разговор, и Евгения сообщила ей, что герцог Медина намеревается через некоторое время устроить в своем замке празднество, на котором, вероятно, будет очень весело, так как герцог обычно не жалеет ничего, чтобы с волшебной роскошью принять у себя августейших гостей.

Вдруг снова зазвучали трубы в знак продолжения боя — на арену вышел матадор Мигуэль, держа в правой руке свой широкий меч.

Увидев нового врага, бык с бешеной яростью бросился на него.

Мигуэль, стоя в эффектной позе, подчеркивающей его атлетическое сложение, ожидал ринувшегося на него быка, и вонзил меч ему в голову, когда тот подбежал достаточно близко.

Он исполнил свою задачу хладнокровно и точно, и его наградили неистовыми аплодисментами; графиня Теба сняла со своей груди букет из драгоценных центифолий и бросила их смелому герою.

Убитый бык и затоптанная лошадь, превратившаяся в какую-то бесформенную массу, были вывезены с арены на мулах, и началось новое зрелище для удовольствия народа: зрителям, разгоряченным представлением, был отдан в распоряжение другой бык, в борьбе с которым они могли испытывать свои собственные силы.

Королевы и окружающая их свита уехали из Колизея де-лос-Торос, на арене которого раздавались теперь неистовые крики толпы, и более знатные зрители обычно пользовались этой минутой, чтобы также вернуться к своим экипажам и отправиться в город.

В богатой карете графини Теба де Монтихо сидел рядом с ней матадор Мигуэль, который с гордым видом вышел вместе со знатной донной из цирка и был радушно принят в ее доме, где провел вечер, следовавший за боем быков.

XVI

НОЧНОЕ НАПАДЕНИЕ

В келье монастыря Санта-Крус спали глубоким сном три храбрых офицера Дона Карлоса.

Этого только и ждал монах, оставленный ими при себе в качестве заложника. Он неслышно встал со стула и осторожно прошел мимо Олимпио — тот не шевельнулся; снотворный порошок, всыпанный в мальвазию, оказал свое действие.

Переодетая девушка, счастливо избегнувшая всех опасностей и предавшая своих врагов в руки королевских воинов, потушила горевшую на столе лампу и подошла к двери кельи, не разбудив спящих офицеров. Тихо отворив дверь, она вышла в темный коридор.

Жуана торжествовала — ей удалось привести к гибели ненавистного Филиппо вместе с его друзьями!

В коридоре, казалось, не было никого. Но не успела она затворить за собой дверь, как из-за колонн появились привратник и другой монах.

— Они крепко спят,— сказала Жуана, которая так отлично сыграла роль немого монаха, что ни один из трех карлистских офицеров не почувствовал серьезного недоверия к ней,— сообщите это немедленно аббату и ожидающему у него генералу Нарваесу.

— Не лучше ли запереть на замок дверь кельи? — спросил привратник.

— Этот монах и я останемся здесь сторожить, пока вы приведете сюда генерала,— отвечала девушка.

— Вы забываете, что если они проснутся и захотят бежать, то вы и брат Кузебио вряд ли сможете удержать их,— возразил старый монах.

— Но как запереть дверь, не разбудив их?

— Об этом не беспокойтесь! Они спят как мертвые, напившись вина! К тому же дверь устроена, как в монастырской тюрьме: ее можно запереть снаружи, не произведя ни малейшего шума,— сообщил привратник.

— Так сделайте так, а я поспешу в аббатство к генералу.

— Клянусь именем святого Бенедикта, я был бы счастлив, если бы эта ночь скорее прошла,— проговорил старик-привратник, приближаясь к двери кельи, между тем как Жуана поспешила дальше, а другой монах расхаживал взад и вперед, тревожно озираясь по сторонам.

Привратник вскоре отыскал из связки нужный ему ключ и осторожно приблизился к двери; дрожащей рукой вложил он ключ в маленькое отверстие, затем, прислушавшись, тихо запер дверь на замок.

Исполнив это, он глубоко вздохнул, как будто освободился от тяжелой заботы, и сказал монаху, что ему вовсе не по сердцу опасности этой ночи.

— Они сильные, храбрые люди,— прошептал он,— к чему эта измена? Что нам за дело до карлистов и королевских войск? Лучше всего не вмешиваться в эти распри, потому что неизвестно, чья партия победит. Карлисты подожгут наш монастырь, если узнают, что трое из их предводителей переданы нами в руки королевских.

— Мне тоже не нравится эта затея,— так же тихо отвечал монах,— но все это происходит оттого, что генерал родственник аббата.

— Не лучше ли нам отпустить их? — спросил привратник.

— Чтобы навлечь на себя беду? Пусть они делают, что хотят.

— Но если они отомстят нам?

— Не нам, а аббату.

— И нас не пощадят, брат Кузебио.

— Этот незнакомый монах на наше несчастье пришел сюда.

— Он не монах,— прошептал старик,— под рясой скрывается девушка.

— Девушка? — повторил брат Кузебио,— ты точно знаешь это?

— Это тайна. Мне доверил ее адъютант генерала.

— Клянусь всеми святыми, я не знал этого! Почему же она переоделась монахом?

— Наверное, есть причина. Я знаю только то, что она во что бы то ни стало хочет погубить этих трех карлистов,— отвечал привратник.

В эту минуту послышалось громкое ржание лошади.

Оба монаха остановились, как вкопанные, испуганно глядя друг на друга; они чувствовали, что этот звук не останется без последствий, потому что спавшие в келье непременно проснутся от шума, несмотря на действие снотворного порошка.

Монахи были правы. Олимпио поднялся; он не сразу понял, где находится и что разбудило его, голова его была тяжела и мысли путались; он хотел было снова лечь, но чувство беспокойства взяло верх.

— Черт возьми, ведь мы в монастыре! — пробормотал он.— Но что со мной? Неужели я опьянел от двух стаканов вина или...

Олимпио вскочил, в голове его мелькнула мысль об измене, но он в бессилии снова повалился на стул.

— Пресвятая Дева, тут дело неладно! И лампа потушена! Эй, монах!

Не так-то легко было победить сильную натуру Олимпио, и мало помалу к нему вернулось самообладание и присутствие духа, восстановились его силы и память, и он сообразил всю опасность, грозившую ему и его друзьям.

Олимпио быстро поднялся, чтобы убедиться, уснул ли вместе с ними и благочестивый брат. Он наощупь нашел стул, на котором сидел немой монах, но руки его напрасно искали — стул был пуст!

— Черт возьми, теперь я припоминаю, меня разбудило ржание лошади, я помню это как сквозь сон — уж не увели ли одну из наших лошадей? Эй, Клод, Филиппо! Вставайте! Вы спите, точно медведи! Вероятно, нас вчера с намерением напоили допьяна! Монаха нет, лампа погашена — черт возьми, дело неладно!

— Что такое? — спросил Филиппо, протирая свои заспанные глаза, и опять повалился на постель.

— Черт возьми, придите же, наконец, в себя! — произнес Олимпио, понижая голос. — Я слышу шаги за дверью! Немой ускользнул!

При этих словах маркиз вскочил. Но и он чувствовал сильную тяжесть в голове, хотя выпил всего только один стакан предложенного вина, и долго не мог придти в себя.

— Немой ускользнул, — повторил Клод, — кто же погасил лампу?

— Не я! Вставайте же. Мы должны быть готовы ко всему, — прошептал Олимпио.

— Но ты же сторожил, — проговорил Филиппо, — как же проклятому монаху удалось ускользнуть?

— Сон пересилил меня, чего никогда со мною не бывало, вероятно, в вино было что-то подмешано, — отвечал раздосадованный Олимпио, понимая, что сам виноват в исчезновении немого монаха.

— Ты прав, Олимпио, и моя голова невыносимо тяжела, — прибавил маркиз, — нужно немедленно уходить из монастыря!

Филиппо быстро поднялся с места и схватил ружье, лежавшее подле него, и пока Клод собирался с силами, Олимпио с ружьем в руке бросился к двери, чтобы вместе с товарищами покинуть келью.

Они еще не подозревали об угрожающей им опасности, но в следующую же минуту поняли свое безвыходное положение.

Олимпио схватился за ручку и хотел отворить дверь, но она не поддавалась.

— Черт возьми, — пробормотал он с нескрываемым гневом, — плохо наше дело! Дверь заперта снаружи!

Маркиз и Филиппо, подбежав к нему, убедились в справедливости его слов.

— Немой монах завлек нас в западню, — тихо произнес маркиз, — но они узнают нас!

— Притворимся спящими, и попытаемся разгадать их намерения, — прошептал Филиппо.

— Выломаем дверь,— гневно произнес Олимпио, сжимая кулаки.— Горе немому монаху, если он попадется мне в руки!

Маркиз схватил Олимпио за руку и тихо отвел его от двери.

— Обсудим спокойно, как нам теперь поступить. Мы не знаем еще, что замышляют против нас, и потому было бы преждевременным принимать какие-либо меры. Я советую обождать в этой келье до наступления утра!

— Я согласен с тобой, Клод,— прошептал итальянец, указывая рукой на дверь, за которой послышался какой-то шорох.

Олимпио и маркиз также ясно услышали приближающиеся тихие шаги. Они притаили дыхание, чтобы не выдать свое пробуждение. Вдруг они услышали звук вставляемого в замок ключа.

— Ага,— прошептал Олимпио с торжествующей улыбкой,— мышь идет в ловушку!

И он неслышно подошел к двери с ружьем в руке. Филиппо и маркиз также приготовились отразить нападение, ибо не оставалось более сомнений, что к ним идет со злыми намерениями. Олимпио стал за дверью так, чтобы никем не замеченный, сам хорошо мог видеть входящих. Держа над головой ружье за приклад, он с нетерпением ожидал решительной минуты. Гнусное предательство до того возмутило его, что он от злости скрежетал зубами и напрягал свои крепкие мускулы.

Ключ осторожно повернулся в замке. Если бы ржание лошади не разбудило Олимпио, он не услышал бы этого легкого шума.

Дверь стала тихо и осторожно отворяться.

Олимпио с первого взгляда узнал на пороге адъютанта генерала Нарваеса, но не мог различить, сколько человек стояло за ним; видя явную измену и опасность, угрожавшую ему и его друзьям, Олимпио, не задумываясь, спустил курок ружья, и пораженный в голову адъютант упал без движения на пол.

В ту же минуту раздался голос:

— Сдавайтесь, во имя королевы!

Трое карлистов узнали голос Нарваеса.

— Назад, во имя Дона Карлоса,— отвечал Олимпио, выходя из своего укрытия и стараясь затворить дверь, от которой со страхом отступили солдаты при падении адъютанта,— назад, или вы все погибнете! Это гнусная измена! Горе виновным!

— Вперед, они не должны уйти от нас! — вскричал Нарваес, приближаясь с обнаженной шпагой к Олимпио. Солдаты по пятам следовали за своим генералом, между тем как стоявшие позади монахи в отчаянии ломали руки.

— Первый, кто переступит порог, падет на месте,— раздался грозный голос Олимпио,— прицеливайтесь, господа, нападение не удалось!

Нарваес заскрежетал зубами, видя, что ружья трех карлистов уже направлены на его шестерых солдат, совершенно растерявшихся при виде труп адъютанта. Генерал королевы еще за минуту был уверен в том, что с легкостью овладеет пленниками. Ведь он не мог вернуться в Мадрид, не сдержав слова, данного королеве.

— Вперед,— крикнул генерал своим солдатам,— я сам заколю того, кто промедлит хоть минуту!

Уже рассветало, мерцающий свет проходил в келью сквозь узкое окно и освещал это сражение в стенах мирной обители. Казалось, даже сами сражающиеся были подавлены каким-то странным настроением духа; что-то роковое висело над ними.

Шесть солдат Нарваеса прицелились.

— Сдайтесь силе, господа,— сказал, обращаясь к карлистам, генерал королевы,— вы мои пленники, иного выхода нет!

— Стреляйте,— крикнул Олимпио, обращаясь к своим.

Раздался грохот, окна маленькой монастырской кельи задрожали, страшное эхо повторило эти громовые раскаты и понесло их по коридорам монастыря. Тотчас последовали ответные выстрелы солдат Нарваеса, и пули ударили в белую стену полуосвещенной кельи.

Когда рассеялся дым, Нарваес увидел, что двое из его солдат тяжело ранены, между тем как три карлиста остались невредимыми.

— Или вы, или я! — закричал он в страшном гневе, скрежеща зубами.— За мной, ребята! — и с этими словами Нарваес, обнажив свою шпагу, бросился в келью. Четыре солдата храбро последовали за генералом, хотя один из них был тяжело ранен,— они шли на верную смерть, разве могли они одолеть трех знаменитых предводителей войск Дона Карлоса!

Филиппо и Клод отбросили в сторону ружья и взялись за сабли — так сражались они против наступающих солдат, движения которых были стеснены в небольшом пространстве кельи.

Маркиз старался только ранить своих врагов, чтобы сделать их неспособными сражаться, Филиппо бросался на своих противников с необузданным гневом.

Олимпио же наслаждался, сражаясь прикладом своего ружья. Из-за сильного натиска Нарваеса он не мог обнажить шпагу, а может быть, у него не было возможности перезарядить ружье. Однако при этом он удачно парировал искусные и меткие удары генерала своим оригинальным оружием, которое в его сильных руках казалось не тяжелее легкой сабли.

Нарваес смело наступал на своего противника и уже казалось, что Олимпио начал отступать, как вдруг сабля Нарваеса задела за высокое распятие, стоявшее на столе.

Это было только мгновение, но его достаточно было для Олимпио — приклад его ружья опустился на голову противника, и Нарваес, который, скрывая свою прежнюю рану, временно снял повязку со лба, пошатнулся под сильным ударом.

— Я умираю за королеву — почитите ей мой труп, я исполнил свое обещание,— проговорил он отрывисто.

Олимпио же, увидев, что его друзья тоже освободились от своих противников, склонился над Нарваесом.

— Вы герой, генерал,— признал он,— я хотел бы лучше быть вашим другом, чем врагом!

— Все кончено, вражды больше нет, смерть моя близка,— прошептал Нарваес.— Пресвятая Дева, помилуй меня.

Олимпио осмотрел при свете уже наступившего дня рану победенного и утешил его.

— Вашу руку, генерал, заключим мир,— сказал он.— Это была плохая штука — заманить нас в монастырь, и немой монах должен получить по заслугам. Мы покончили наши счета. Я никогда уже не подниму против вас своего меча, где бы мы ни повстречались.

— Благодарю вас за эти слова, вы доблестный воин,— тихо ответил Нарваес, и с чувством глубокой благодарности слабо пожал руку Олимпио, который бережно уложил его на стоявшую в келье постель. Между тем Клод и Филиппо принудили сдаться солдат Нарваеса.

Олимпио приказал им остаться около раненного генерала, а сам вышел в коридор монастыря, где стояла полнейшая тишина. Ни одного монаха не было видно поблизости.

— Струсил,— сказал Олимпио,— однако я найду того, кого ищу.— Маркиз помогал ему в поисках, между тем как Филиппо остался возле сраженных и раненых.

— Они, наверно, все скрылись в церкви,— сказал Клод де Монтолон.

В это время Олимпио раскрыл келью привратника и увидел, что тот молится, стоя на коленях.

— Ого, здесь наш радушный слуга, напоивший нас снотворным напитком! Вставай, старый негодяй, ты не думал, что мы так скоро вернемся,— вскричал Олимпио.

— Смилуйтесь, милостивые господа,— простонал, дрожа всем телом привратник,— я ни причем, я не виновен.

— Вы, наверно, все станете уверять, что не причастны к делу, где же виновные?

— Чужой монах, он насыпал порошок в мальвазию.

— Черт возьми, так пусть же моя сабля заставит его сказать всю правду. Где он? Клянусь, мы сожжем ваш монастырь, если вы не дадите нам этого негодяя,— сказал Олимпио.

— Смилуйтесь! Он убежал, он не принадлежал к ордену бенедиктинцев. Поверьте моим словам, клянусь именем нашего патрона!

— Но, однако, ты действовал с ним заодно, нечестивец, как же это случилось, что ты был с ним в заговоре, когда он привел нас сюда? Ты открывал ворота? И не сказал ни слова о том, что он не принадлежит к вашему ордену,— проговорил маркиз.— Не лгите, мы вам ничего не сделаем, если только вы откроете нам всю правду.

— О, жальтесь,— монах простирает руки к Клоду,— вы милосерднее, я вам все скажу: адъютант генерала приказал мне впустить чужого немого монаха.

— Как приказал? — переспросил Олимпио.— От кого же исходил приказ?

— От аббата!

— Ого, наконец, я понимаю в чем дело, и разгадка ясна.

Нарваес заручился разрешением аббата! Вызови его сейчас же сюда, в коридор,— приказал Олимпио.

— Аббата? — переспросил пораженный монах.

— Сейчас же позови его сюда, аббат должен быть тут, на этом месте, понимаешь? Иди.

Маркиз не мог удержаться от улыбки при виде неопишуемого удивления, выразившегося на лице привратника при повелительных словах Олимпио.

— Благочестивый отец в аббатстве,— осмелился возразить старик,— его преподобие изволят спать.

— Если он не проснулся от грома выстрелов, значит он притворяется, слышишь, старый плут? И если ты сию же минуту не пойдешь за его преподобием, ты узнаешь меня! Вот это поможет,— грозно произнес Олимпио,— благодарите Бога за то, что я не потребовал от вас военной контрибуции в сто тысяч реалов.

Привратник вышел из кельи и со страхом направился в аббатство.

— Эта история могла бы плохо кончиться для нас,— проговорил маркиз,— так как она была подготовлена весьма искусно.

— В первый раз в жизни я заснул в то время, когда надо было быть настороже, это просто позор!

— Утешься, Олимпио, вино всему причина.

— В таком случае и я накажу их вином,— проговорил, улыбаясь, карлистский офицер, выходя с обнаженной шпагой в руках вместе с маркизом из кельи привратника в портал,— без наказания я их не оставлю.

— Аббат заставляет долго ждать себя, я думаю, нам нельзя терять времени, друг мой,— проговорил Клод, видя, что минуты бегут.

— Если мне придется за ним идти самому, то гордость его еще больше пострадает! Клянусь честью, я не шучу.

— Но вот и он,— вдруг прошептал маркиз.

Действительно, из-за угла показалась длинная фигура аббата, одетого в черную рясу; он шел, наклонив голову и со скрещенными на груди руками. За ним следовали привратник и два старых седых монаха.

Оба офицера, ожидавшие его в портале, слышали, как аббат с горечью говорил сопровождавшим его монахам о тяжелом испытании, poslanном монастырю.

Подойдя к ожидавшим его офицерам, аббат поклонился.

— Вы аббат монастыря Санта-Крус? — спросил Олимпио.

— Да, и к сожалению, как я должен теперь прибавить, милостивые государи, мирское мое имя Томас, граф Маторо!

— Вы знаете, что случилось здесь в прошедшую ночь, господин граф, и, вероятно, не забыли старого военного обычая предавать огню место, где произошло предательство.

— Святой Бенедикт, мое предчувствие оправдалось,— проговорил аббат,— но вы должны расследовать дело! Я не принимал участия в заговоре против вас и не думаю, чтобы хоть один из монастырской братии знал о нем прежде!

— Вы, господин граф, виновны в том, что укрывали у себя в аббатстве королевских солдат,— сказал Клод.

— Но вы не так строго осудите меня, если я вам скажу, что Нарваес мой близкий родственник.

— Прекрасно, и потому вот вам наш приговор: мы приказываем вам немедленно отправиться вместе с вашим близким родственником, который тяжело ранен, в Мадрид. Как вы сами убедитесь, опасное положение его требует заботливого ухода.

— Я могу послать его в столицу с надежнейшим из монахов! Зачем же мне ехать с ним самому?

— Мы приказываем вам ехать самому, господин аббат. Вы повезете раненого в Мадрид и доложите королеве обо всем случившемся! Но не думайте, что вы сможете избежать исполнения этого поручения, поскольку мы будем далеко от вас. Мы все узнаем, и тогда вам придется ответить за это,— сказал Олимпио, один вид которого внушал должное уважение к нему. — Повторяю, мы все узнаем и всегда являемся туда, где требуется наше присутствие.

— В этом я убедился, милостивые государи! Но если вы освободите меня от путешествия в Мадрид, я готов дать за себя выкуп по моим средствам,— возразил аббат.

— Вы богаты, это мы тоже знаем, господин граф,— проговорил Олимпио,— и потому даже порядочный выкуп не был бы для вас должным наказанием! Притом же мы не принадлежим к числу тех людей, которые не гнушаются обогащаться при каждом удобном случае. Да и, кроме того, инфант Дон Карлос не нуждается в ваших деньгах. Итак, остается справедливым наше первое предложение: вы проводите вашего родственника в Мадрид и доложите обо всем случившемся здесь королеве! Теперь еще одно.

— Еще...— пробормотал аббат, испытывая сильное волнение, но сохраняя почтительный и смиренный вид.

— Ваш привратник вместе с каким-то чужим немым монахом, который также не уйдет от нас, подал нам вино, в которое был всыпан снотворный порошок! Это была злая шутка!

— Так накажите чужого монаха,— возразил аббат,— он заслужил это.

— Но и вы не меньше его! Завтра вечером кавалеристы Дона Карлоса явятся к Валлоне по ту сторону гор близ Дуэро, чтобы получить от вас двадцать бочек вашей лучшей мальвазии! Слышите, господин граф, самой лучшей, и потому не забудьте сегодня же дать приказание вынести эти бочки из вашего погреба.

— Двадцать бочек! — воскликнул аббат, всплескивая руками.— Не думаю, чтобы у меня нашлось такое огромное количество! Двадцать бочек! Милостивые государи, умерьте ваше требование! Каким же образом мы успеем доставить эти огромные тяжелые бочки до Валлоны в такое короткое время?

— Ну, это уж ваше дело, господин аббат! Завтра вечером кавалеристы Дона Карлоса придут за вином! Они привезут с собой телеги для перевозки бочек. Да, и притом заметьте, что вино должно быть доставлено никем иным, как вашими же монахами.

— Покоряюсь силе,— отвечал аббат с выражением отчаяния на лице.

— Вы легко отделались, господин граф, но потрудитесь поторопиться, мы хотим видеть, как вы отправитесь с генералом,— проговорил Олимпио.

Обратившись к сопровождавшим его монахам, аббат отдал несколько распоряжений и затем направился к своему роскошному дому.

Через некоторое время из монастыря вышли двенадцать монахов, из которых четверо несли носилки для раненого генерала, чтобы таким образом спуститься с ним с гор.

Нарваес был бледен, как мертвец, однако Олимпио уверял, что рана не смертельна.

Оба пленных солдата оставались в монастыре, а их генерала положили на носилки. Филиппо приказал затем отнести убитых на кладбище, находившееся позади аббатства, и похоронить их.

Отдав нужные приказания насчет доставки вина в назначенное место, аббат подошел к толпе, собравшейся вокруг его тяжело раненого родственника, еще раз горячо помолился и вместе с раненым и монахами отправился в далекий путь.

Олимпио был доволен тем, что богатому и знатному господину придется пешком спускаться до самого подножия гор.

— Когда вы будете при дворе, кланяйтесь от меня прекрасной графине Евгении Монтихо,— прокричал он вслед аббату,— скажите ей, что она увидит нас раньше, чем думает.

— Какой ты шутник! — смеясь, заметил маркиз.

— Нет, Клод, я вовсе не шучу, так как у меня нет никакого желания провести веселое время карнавала в каком-нибудь гнезде Кастилии или Наварры, я думаю отправиться в Мадрид.

— Гм... а твоя Долорес, прекрасная дочь смотрителя замка? — тихо проговорил маркиз с некоторым укором.

Олимпио призадумался.

— Я увижу тогда и Долорес! Под масками мы совершенно безопасно сможем разгуливать по Мадриду. Ах, черт возьми, Клод, весела наша военная жизнь!

XVII

В ДОМЕ КОРТИНЫ

Олимпио и не подозревал, что из-за него Долорес принуждена была оставить Мадрид и что ей предстояло еще много тяжелых ударов судьбы.

Убежище, которое отец и дочь нашли у герцога Медины, не замедлило представиться им в своем настоящем свете.

Насколько заманчиво было предложение герцога и радостна встреча со старым товарищем, настолько же грустное и тяжелое время настало для отца и дочери вскоре после их прибытия на новое место.

Управляющий, которого смотритель замка Медины называл правой рукой герцога, не внушал к себе симпатии, уже одна его внешность производила отталкивающее неприятное впечатление. Его пристальный недобрый взгляд, рыжие волосы, жесткая рыжеватая борода и выходка у образа Богоматери в первый же день их приезда возбудили в Долорес отвращение к нему, хотя старый Мануэль Кортина всегда убеждал дочь не судить о людях по первому впечатлению.

Жилище сельского старосты, находившееся посреди селения Медины, было немного выше хижин работников; земли возле него было больше и сад был обширнее.

Но несмотря на то, что герцог был хозяином этого селения, Эндемо, его управляющий, распорядился всем по своему усмотрению и успел внушить к себе страх и ненависть. Рассказывали, что он, выведенный из терпения постоянными ссорами между прежним старостой и смотрителем замка Оливьеро, убил старосту, но дело это было замято и скрыто, так как герцог не мог обходиться без Эндемо. Говорили, однако, будто после этого между герцогом и управляющим произошла бурная сцена, и Диего, камердинер герцога, слышал, как Эндемо в ответ на упреки герцога возразил, что и он, как и сам герцог, из рода Медина.

Диего, у которого была связь с молодой поселянкой, как-то открыл ей эту тайну, которую она обещала свято хранить, но как часто бывает, она под строжайшим секретом рассказала эту интересную историю своим подружкам. Таким образом, она стала известна по всей окрестности и переходила из хижины в хижину, разумеется, со всевозможными прибавлениями, пока, наконец, местные жители не вывели заключения, что Эндемо — побочный брат герцога Родриго Медины.

Этот вывод считали тем более вероятным, что никто не мог понять, почему герцог предоставляет всю власть своему управляющему, никогда не спорит с ним, не возражает ему и даже, как замечали некоторые, побаивается его.

Теперь дело казалось вполне ясным: Эндемо, пользуясь родством, забрал власть в свои руки и прекословил даже воле герцога.

В замке и не подозревали о том, что тайна эта известна всему селению; даже Оливьеро, смотритель замка, по-видимому, не верил в нее; считал все просто ложными слухами и сердился, если о них упоминали в его присутствии.

Кортина же скоро заметил, что Оливьеро были известны все обстоятельства прошлого, но смотритель был верным и преданным слугой и свято хранил тайны своего повелителя.

После темной истории с прежним старостой Эндемо сделался еще угрюмее и суровее; он стал еще более притеснять работников, сделав их рабами своей воли; он не терпел возражений, хотя приказания его часто невозможно было исполнить.

Между тем как герцог мало заботился о своих обширных владениях, а предавался веселью, охоте и наслаждался обществом прекрасных дам, Эндемо злоупотреблял своей властью, порабощая

работников, их жен и дочерей. Поэтому на его жизнь неоднократно делались покушения, хотя всем было известно, что он никогда не выходит из дому без оружия. Незадолго до приезда Кортины кто-то выстрелил в него из-за куста, когда он ехал по лесу, но пуля пролетела мимо, над головой жестокого управляющего.

Это еще более ожесточило Эндемо. Он не сказал никому о случившемся, но стал жестоко притеснять двух работников, на которых пало его подозрение. Он заставлял их работать день и ночь, вычитывал часть из их скудного вознаграждения и беспощадно наказывал за малейший промах.

Жестокость Эндемо поразила честного, добродушного Кортину, который не мог равнодушно слышать жалоб притесняемых работников и решил заступиться за них. Но старик не знал еще управляющего.

— Полноте, друзья,— говорил он работникам,— не теряйте надежды! Будьте мужественны! Герцог благородный, добрый человек, я это испытал. Он не допустит долее такого обращения с вами!

— Но слово управляющего значит здесь более воли самого герцога,— возражали они ему на это,— перестаньте и думать о том, чтобы ходатайствовать за нас перед ним, иначе не избежать вам участи вашего предшественника!

— Успокойтесь, друзья! Ступайте спокойно на работу и приходите ко мне, если с вами что-нибудь случится. Я обещаю вам говорить за вас до тех пор, пока дело не дойдет до самого герцога!

Слова Кортины успокоительно действовали на работников, и они снова принимались за свои занятия.

Как-то раз Эндемо проезжал мимо пруда, у которого трудились те два ненавистные ему поселянина. Остановив лошадь и осмотрев произведенные ими за последние дни работы, он приказал засыпать некоторые с трудом вырытые ими места, оказавшиеся будто бы ненужными, причем упрекал их в лени и грозил наказать по своему усмотрению.

На беду случился тут в это время Кортина.

— Позвольте, сеньор Эндемо,— вмешался он,— вы совершенно обезоруживаете работников своими вечными порицаниями. Я слышал сам, как три дня тому назад вы приказали им вырыть ямы именно в этих местах, и они в точности исполнили ваше приказание, а теперь вы же их браните.

— Как, это новый староста! — воскликнул Эндемо, презрительно посмотрев на старого Кортину.— Как смеешь ты возвышать голос против меня, негодный! Что я приказываю, то должно быть исполнено!

— Прекрасно, сеньор, в этом никто не сомневается! Но вы не должны каждый день отдавать противоречащие друг другу приказы. Вы назначили именно эти места!

— Ты лжешь, старый негодяй! Вот еще выскочка! Не думаешь ли ты, что имеешь тут много значения, потому что у тебя красивая дочь?

— Извините, сеньор Эндемо, дочь моя не имеет никакого отношения к этому делу,— коротко и серьезно ответил Кортиня.

Рыжий Эндемо побледнел от злости.

— Погоди же, я проучу тебя вместе с дочерью! Ты не первый, кого мне удалось безоговорочно подчинить себе.

— Вам не удастся переделать меня, сеньор Эндемо, и я всегда буду стоять за правду, хотя бы вам это не нравилось! Я ничуть не боюсь вас! Вы так же, как и я, служите герцогу Медине!

— Ого, негодяй! Этим-то ты хочешь отделаться от меня! Погоди, ты узнаешь меня! — воскликнул управляющий, понизив голос.— Я отомщу и твоей гордой маньоле, которая осмелилась указать мне сегодня на дверь.

— Вероятно, Долорес имела на то основание, сеньор Эндемо! Она всегда ласкова, добра и любезна со всяким человеком!

— Ну, об этом еще поговорим когда-нибудь, староста,— отрезал управляющий.— Итак, остается в силе мое приказание. Знай же, что только мое слово имеет здесь значение! Если я еще раз услышу от тебя жалобу на мои распоряжения, ты узнаешь меня!

С этими словами он дал лошади шпоры и ускакал в поле.

Старый Кортиня с грустью покачал головой.

— Ну, вот вы и убедились сами, староста,— заметили ему на это бедные работники.

Однако Кортиня еще утешал их надеждой положить конец жестокости и несправедливости Эндемо.

— Он сегодня озадачил меня, друзья,— спокойно сказал он,— но кто знает, может быть что-то вывело его из терпения! Он до того занят делами по управлению владениями герцога, что не следует взвешивать каждое слово, сказанное им всердцах! Ступайте же и исполняйте в точности его приказания. Но чтобы вы при вашей бедности не терпели нужды из-за вычетов значительной части из вашего жалованья, я поделюсь с вами скудным вознаграждением, получаемым мною еженедельно, и дело будет улажено!

— Пресвятая Дева, вы добрый человек, староста,— в один голос воскликнули работники,— но от денег ваших мы отказываемся!

— У тебя, Лоренцо, восьмеро детей, а у тебя, Фернандо, большая жена — вам деньги нужнее, чем мне.

— Да благословит Господь вашу дочь Долорес! — воскликнул Фернандо.— Она каждый день приносит жене моей часть своего обеда.

— Это хорошо с ее стороны, я об этом и не знал! Так послушайтесь моего совета и исполняйте вашу работу.

— Мы исполним ее охотно ради вас и вашей Долорес,— проговорил Лоренцо, с лица которого все еще не сходило мрачное, суровое выражение,— да сохранит вас Господь, староста!

Видя, что работники возвратились к прерванным занятиям, Кортиня направился к своему дому. Он считал своей обязанностью утешать угнетенных, но тайком и сам тяжело вздыхал.

— Поселяне правы, Эндемо злой человек,— пробормотал старик про себя,— как пристально смотрит он человеку в лицо! Сохрани,

Господи, чтобы и я когда-нибудь не вышел из себя! Но мне кажется, что я могу совершенно равнодушно выносить вспышки.

И занятый этой мыслью, староста дошел до своего домика.

Долорес уже успела украсить цветами его маленькие окна и всеми силами заботилась о том, чтобы отец полюбил свой дом. Запущенный прежде садик ожил, дорожки были тщательно выметены, и небольшие скамейки служили местом отдыха в тени пышных деревьев.

Старый Мануэль Кортина от души радовался, видя, как заботливо ухаживает за ним его горячо любимая дочь, и сегодня, когда он подходил к своему дому, лицо его сияло улыбкой удовольствия, а сцена с управляющим как бы исчезла из памяти. Он весело переступил порог домика, поражавшего своей аккуратностью и чистотой, несмотря на весьма бедную обстановку.

Долорес стояла за плитой в передней и готовила для себя и отца простой обед, часть которого доставалась и бедным поселянам. На ней было темное короткое платье, из-под него виднелись красивые маленькие ножки, обутые в простенькие башмачки, белый передник обрисовывал чудный стан, а с головы спускалась кокетливо приколота шаль, эта необходимая принадлежность туалета каждой испанки. Погруженная в глубокое раздумье, Долорес не заметила отца, вошедшего в хижину.

Старый Кортина с первого взгляда увидел, что лицо ее было бледнее, чем обычно, и какая-то забота тревожит ее сердце, но приписал эту грусть ее любви к Олимпио, о котором они давно ничего не слышали. Кортина никогда не упоминал о нем в присутствии своей дочери, но, имея большой жизненный опыт, подозревал, что непостоянный молодой человек совершенно забыл о ней, тогда как она любит его так же горячо, как и в то время, когда расставалась с ним.

Поэтому добрый старик никогда не спрашивал дочь о причине ее тайной грусти: ведь он не мог утешить ее, говоря то, в чем не был убежден сам.

— Фернандо просил меня передать тебе искреннюю благодарность, Долорес,— проговорил он, наконец,— ты совершила доброе дело!

— О, об этом не стоит и упоминать, я исполняю только свой долг,— краснея, отвечала девушка, подходя к отцу и протягивая ему руку.— Бедная Санна! Если б можно было только пригласить доктора! Здоровье ее ничуть не поправляется!

Отец с дочерью вошли через маленькую, низкую дверь в комнату. Простые плетеные стулья, большой старый стол, образ, висевший в углу,— все здесь ласкало взор.

По стенам на полках была расставлена посуда, над столом висело деревянное распятие, а окно украшал густой вьющийся плющ. В стороне помещалась бедная, но опрятная постель Мануэля Кортины. Долорес отгородила себе маленький уголок у задней стены, где стояла ее постель и старый, полуразвалившийся стул. Вот и все убранство хижины, которое даже не считалось собственностью старосты, а за которое он должен был выплачивать понемногу из своего скудного жалованья.

Но старик уже привык к своему новому жилищу, сжился с ним. Долорес не думала, что он так быстро забудет замок и свою удобную, богатую квартиру, и свыкнется со своим новым убогим домом.

Долорес не хотела огорчать отца и потому не сказала ему ни слова о том, что произошло в его отсутствие и вызвало бледность на ее прекрасном лице — она знала его слишком хорошо. Стоило ей только заикнуться о происшедшем, чтобы старый Кортина сразу же разлюбил свою новую родину.

Они молча вошли в комнату; Долорес, быстро накрыв стол, подала обед отцу, который, проголодавшись после ходьбы, ел с довольно хорошим аппетитом, Долорес же рассеянно глядела вдаль.

— Ого,— смеясь, заметил старик,— ты, вероятно, так много проговорила за плитой, что уже там наелась досыта!

— Я потом, может быть, поем, не сердись на меня,— проговорила Долорес, потупив глаза.

— Или ты думаешь о детях Лоренцо? Ты совершаешь, поистине, доброе дело, честь и хвала тебе за это, но, друг мой, не следует совершенно забывать и себя.

— Не слышал ли ты каких-нибудь новостей в замке? — спросила девушка.

— Да, я совсем забыл тебе рассказать. Оливьеро заглянул в газеты прежде, чем отнес их герцогу, и он поджидал меня у ворот, чтобы сообщить радостную весть. Карлисты опять потерпели поражение и оттеснены до Пиренеев; говорят, битва была жестокой и кровопролитной.

— О, Матерь Божия, Олимпио принимал в ней участие, а о нем нет и вести!

— Оливьеро полагает, что скоро войне будет конец! Она продолжается так долго и опустошила уже множество провинций!

— А сколько несчастных ранено и убито! — прибавила Долорес со слезами на глазах.

— Лучше бы скорее заключить мир, ведь Дону Карлосу не поможет война! Я наперед знал, что победа останется на стороне королевских войск, хотя между карлистами и найдется немало храбрых героев! Если бы дон Олимпио и его друзья перешли в королевское войско, они бы скоро дослужились до генеральского чина!

— Ах, да, это было бы хорошо,— согласилась Долорес, однако после краткого раздумья прибавила, понизив голос: — но если он будет таким важным господином, то совершенно забудет меня. Но нет! Олимпио так добр и верен, тайный голос говорит мне, что он любит меня по-прежнему!

Старый Кортина с сожалением посмотрел на свою дочь, лицо которой сияло счастьем при одном воспоминании о горячо любимом ею человеке, но не возражал ей.

— Ты никогда не упоминаешь о нем, отец,— прошептала Долорес с легким укором в голосе.

— Уповай на Бога, и все решится к твоему благу,— отвечал старик, подходя к окну, так как на дворе послышался какой-то шум.

— Что это? — вдруг воскликнул он.— Сюда бежит дочь бедной поселянки.

— Лусита? — с удивлением спросила Долорес, бросаясь к окну.

— Ее босые ноги едва касаются земли, волосы распустились, она протягивает руки, как будто ищет защиты от преследователей.

— О, Боже, бедная девушка, лицо ее выражает отчаяние, глаза полны слез. Что с ней случилось? — воскликнула Долорес, выбегая из комнаты в переднюю.

— Что с ней? Она утомлена, пот течет по ее лицу,— бормотал старик с невыразимым удивлением, идя вслед за дочерью.

— Лусита, что с тобой? — бросилась к девушке Долорес.— Не умерла ли твоя бедная слепая мать?

— Нет, нет, но укройте меня, ради Бога, спрячьте меня, он следует за мной по пятам! — еле произнесла пятнадцатилетняя девушка, едва держась на ногах от утомления.

— Пресвятая Матерь Божия, кто же преследует тебя? — спросила Долорес с глубоким участием, так как всегда чувствовала искреннюю привязанность к дочери бедной слепой вдовы.

— Эндемо, управляющий,— с трудом произнесла Лусита.— Скорее укройте меня, он называет меня воровкой и говорит, что я украла золотой обруч, украшавший голову его лошади, который она потеряла дорогой. Клянусь честью, я не брала его обруча!

— О, Боже, я верю тебе, бедная Лусита,— воскликнула Долорес, тронутая горем бедной девушки.

— Он не верит мне, несмотря на все клятвы, этот Эндемо не верит ничему! Он преследует меня, еще минута, и он прискачет сюда.

— Не бойся, Лусита, он не тронет тебя,— твердым голосом произнес старый Кортина, обращаясь к плачущей девушке,— я возьму тебя под свою защиту.

— Не делайте этого, умоляю вас, он так взбешен, каким я никогда не видела его, лучше спрячьте меня поскорей, а то мы все погибли!

— Ну, до этого дело не дойдет,— спокойно произнес Кортина.— Я тут староста, и моя хижина должна быть убежищем для тебя! Пусть он только придет сюда, Лусита, ты клялась, что невиновна в этом деле, твоя совесть чиста, стало быть, нам нечего бояться.

— Сжалось, отец Кортина, вы не знаете его, спрячьте меня, умоляю вас!

— Пойдем, Лусита,— проговорила Долорес и повела дрожащую от страха девушку мимо хижины в маленький тенистый сад.— Вот тут за домом в кустах ты будешь в безопасности. Все остальное предоставь нам, он не причинит тебе никакого зла! Но как ты дрожишь, бедная Лусита! Я боюсь за твою мать, она, вероятно, очень беспокоится о тебе! Заберись в самую глубь куста и будь совершенно спокойна!

Только что обе девушки успели скрыться за хижинкой, как на дороге, ведущей от часовни Богоматери прямо к хижине Кортины, показался Эндемо, скакавший на лошади во весь опор. Глаза его неестественно сверкали, и он с яростью погонял взмыленную лошадь.

— Святой Бенито,— воскликнул староста, стоявший в дверях своей хижины,— он мчится, как будто спасается от злого демона! Из-за золотого украшения он готов до смерти загнать лошады!

— Эй,— крикнул Эндемо, подскакав к хижине старосты,— где эта змея? Сюда бежала воровка! Где Лусита, дочь слепой поселянки, эта негодная тварь?

— Успокойтесь сперва, сеньор Эндемо, зачем вам нужна эта девушка?

Управляющий соскочил с лошади, между тем как Долорес, выйдя из сада, подходила к дверям своего дома.

— Где воровка? Она украла золотой обруч моей лошади!

— Извините, сеньор Эндемо, дочь слепой поселянки не видела даже вашего обруча,— твердо и спокойно возразил старый Кортина.

— Почему вы говорите с такой уверенностью? Я говорю вам, что обруч у нее!

— Лусита невиновна в краже, сеньор, она свято клялась, что не поднимала обруча, даже никогда не видела его.

— Вы сами выдаете себя! Вы, значит, видели ее, вы укрываете ее у себя! Но, клянусь честью, я не допущу, чтобы безнаказанно покровительствовали проклятым поселянам! — вскричал управляющий.

— Вы очень взволнованы, сеньор Эндемо, если бы я, действительно, укрывал у себя бедную Луситу, я ни в коем случае не решился бы сейчас выдать ее вам!

— Как, вы смаете мне возражать, негодный человек! Ваш предшественник поплатился за подобную дерзость жизнью, вас же я накажу кнутом, если вы посмеете еще раз мне противоречить! Выдайте воровку, или вы узнаете меня!

— Лусита не воровка, сеньор,— произнесла Долорес, став между управляющим и отцом,— я же подозреваю вас в том, что вы преследуете бедную девушку так, как осмелились преследовать и меня!

— Что ты говоришь, Долорес? — с удивлением спросил старый Кортина.

— Я хотела умолчать об этом, отец, но теперь должна сказать тебе, что этот сеньор в твое отсутствие был здесь, в нашем доме! Я подозреваю, что он желает выместить на Лусите потерю золотого обруча своей лошади именно потому, что бедная девушка скорее пожертвует своей жизнью, чем отдастся этому негодяю!

Управляющий побледнел от злости, губы его дрожали, руки сжались в кулаки.

— Негодная,— вскричал он,— как ты смеешь так говорить! Но в эту минуту я имею дело не с тобой, а с этим старым злодеем, который осмеливается мне возражать! Ты укрываешь воровку в своем доме! Выдай ее, или ты пожалеешь об этом!

— Я не боюсь вас, сеньор Эндемо,— с невозмутимым спокойствием возразил старый Кортина, входя в переднюю комнату своей хижины, вокруг которой собрались уже поселяне, сбежавшиеся вдруг со всех сторон.

— Я требую выдачи воровки, проклятый старик,— продолжал кричать Эндемо, направляясь в хижину вслед за старостой,—

или, клянусь честью, ты и твоя гордая дочь дорого заплатите мне за это!

— Придите в себя, сеньор, вернитесь назад и оставьте мой дом. Я бы ни за что не осмелился обойтись с вами так резко, но раз вы пользуетесь моим отсутствием для нежелательных посещений, я должен попросить вас никогда не переступать более порога моего дома. Долорес добрая, честная девушка, а Лусита не брала обруча вашей лошади! Этого довольно! Опомнитесь, сеньор Эндемо, вам нечего искать здесь!

— Как, негодяй, ты осмеливаешься указывать мне на дверь! Вот тебе ответ на твои дерзкие слова! Ты такой же раб, как и все другие, и горе тебе, если ты вздумаешь читать мне нотации!

При этих словах управляющий поднял хлыст и в бешенстве ударил по лицу сельского старосты, который испустил ужасный крик и закрыл глаза руками.

Долорес громко вскрикнула и бросилась между отцом и дьявольски ухмыляющимся Эндемо, который сейчас же поспешил в другую комнату, ища Луситу.

При виде бедного, оскорбленного отца кроткой Долорес овладел непреодолимый гнев. Подбежав к комнате, где находился Эндемо, она, прежде чем тот успел выйти из нее, быстро затворила дверь на задвижку.

Управляющий оказался заключенным в темной комнате, в которую воздух и свет проходили только через маленькое отверстие в двери.

Между тем, к дому сбежались на крик старика все поселяне.

— Идите сюда, добрые люди,— вскричала Долорес, запыхавшись,— сюда, сюда, вы, бедные, преследуемые труженики! Взгляните на животное в клетке! Посмотрите через это отверстие! Это проклятие Медины! Соблазнитель ваших жен и детей, убийца предшественника моего отца, который, посмотрите, корчится от боли!

Долорес была ужасно взволнована, она не думала о последствиях этого часа, а отдавалась в эту минуту только влечению своего возмущенного сердца.

Поселяне с презрительными словами и ругательствами смотрели через отверстие двери в комнату, где был заключен Эндемо, бледный от негодования и чувства бессилия. Дрожащими губами он клялся страшно отомстить той, которая сделала его предметом насмешек народа.

Лусита тоже вошла в переднюю комнату хижины.

Старик Кортина тем временем настолько собрался с силами, что удержал поселян от нападения, которое стоило бы управляющему жизни.

Но напрасно старый Кортина остановил толпу, не давая совершить расправу над жалким сейчас Эндемо, это было бы лучше для него и Долорес!

Взбешенный управляющий, изо всех сил пытаясь выломать дверь и выйти из заточения, забыл о своем кармане, из которого при его неосторожных движениях вдруг выпал и покатился по полу золотой обруч, из-за которого он преследовал дочь бедной слепой поселянки.

— Вот,— вскричали поселяне,— он сам вор! Вот золотой обруч! Смерть обманщику! Долой злодея!

Долорес и Кортина не могли более удерживать разъяренную толпу, которая, выломав дверь, бросилась на управляющего; долго сдерживаемая ненависть достигла предела, с огромным трудом старосте удалось вырвать обессиленного управляющего из рук взбешенного народа и с помощью дочери отвести его в замок.

— Горе вам! — яростно шипел дорогой избитый Эндемо.

XVIII

МАСКАРАД

Наступило время карнавала.

Празднества в Мадриде проходили не только при дворе, но и во дворцах грандов. Даже на площадях устраивались разного рода представления, и различные маски разгуливали по Прадо, Пуэрто-дель-Соль и Алькальдской улице.

Все предавались наслаждениям карнавала, с еще большей радостью оттого, что после продолжительной кровавой войны и пережитого тяжелого времени войска Дона Карлоса были, наконец, отброшены назад и в скором времени ожидали заключения мира.

Февраль и март, обычно самые суровые месяцы в Мадриде, были в этом году умеренными и даже теплыми, весенние бури в этом году давно прошли и в садах набирала силу южная роскошь цветов и деревьев.

Кто хотя бы однажды видел праздник карнавала, тот, наверно, никогда не забудет впечатления, произведенного этим своеобразным торжеством народа. На нем лежит неизгладимая печать юга; северяне никогда не поймут этого удивительного настроения, этой свободы движений и безумного избытка удовольствий. Все и вся присутствуют на карнавале. Вы видите днем разодетого арлекина, разгуливающего по улице рядом с каким-нибудь гордым грандом Испании, бедного подле богатого, крестьянина и дворянина, старика и юношу, служанку и госпожу, толпу детей, бегущих с криком и гамом за масками. Все это вместе взятое представляет чрезвычайно любопытное и редкостное для северянина зрелище.

Но высшей своей точки веселье достигает вечером. Все вооружаются пестрыми фонарями, даже к каретам привешены китайские фонарики, распространяющие яркий свет, а там и сям какой-нибудь крез бросает в толпу серебряные монеты, любуясь борьбой и даже дракой, производимой его деньгами.

Улицы полны масок, только изредка можно встретить человеческое лицо, обычно монаха или монахини, и даже нищие, обыкновенно занимающие углы улиц и подъезды у богатых домов, смеша-

лись с толпой и присоединились к торжеству народа. Не слышно их привычной просьбы: «Una limosna por clamor de Dios!» *. Все веселятся, даже слепые музыкантши со скрытыми вуалью лицами, зарабатывающие на пропитание игрой на мандолине на улицах, бросаются в пеструю толпу, чтобы еще раз вкусить радость потухающей жизни.

Говор тысячной толпы носится по улицам Мадрида.

На Большой площади, этой обширной, великолепной площади испанской столицы, наплыв масок и экипажей был особенно велик. Громкие возгласы веселья заглушали крики кучеров и форейтеров, старающихся сквозь шумную, веселящуюся толпу проложить своим экипажам дорогу к дворцам, ярко освещенные окна которых показывали, что в них происходят приемы богатых, знатных гостей. На балконах горели многочисленные пестрые лампочки и фонари, драгоценные ковры были вывешены из окон, а звуки барабанов, труб и флейт, раздававшиеся по улицам, производили невыносимый шум.

Три домино, в изысканно нарядных и дорогих костюмах, пробирались по улице, держась ближе к домам.

Один из них был в черном шелковом плаще и остроконечной шляпе, украшенной дорогим черным пером; за ним на небольшом расстоянии следовали еще двое, один необыкновенно высокого роста широкоплечий мужчина, в темно-красном шелковом плаще, другой в белом и с таким же пером на шляпе.

Лица их были прикрыты маленькими черными масками, шляпы наведены на лоб.

Мужчина в черном домино остановился под колоннами одного из домов, чтобы избегнуть волны нахлынувшей толпы, и стал дожидаться двух своих провожатых.

— Нужно постараться как можно скорее достигнуть дворцовой площади, там мы сможем переговорить о своем плане,— сказал он им, когда они приблизились, понизив голос.— Что с тобой, Олимпио, куда ты так пристально смотришь?

— Он смотрит на дворец лорда Кларендона,— отвечал человек в белом домино,— там какие-то дамы садятся в экипаж.

— Клянусь загробной жизнью, прелестная наядя, которая садится в карету, графиня Евгения,— проговорило темно-красное домино.— Не сердись на меня, Клод, я должен, используя в этом случае свой высокий рост, полюбоваться ее маленькой ножкой, которую она ставит на ступеньку экипажа.

— Мне кажется, ты любишься матерью, вместо дочери, Олимпио,— отвечал маркиз шутливым голосом.

— Мы должны отправиться туда во что бы то ни стало,— вскричал тот, кого называли Олимпио, не замечая, что позади них, за колоннами, появилась фигура монаха.

— Так поспешим же,— возразил Клод де Монтолон, закутываясь в свой плащ и теснясь сквозь толпу.

* Подайте, ради Христа.

— Пусти меня вперед, Клод, я проложу вам дорогу,— прошептал Олимпио, чья могучая фигура давала им самый лучший шанс на успех.

— Как ты усерден, влюбленное красное домино, твой плащ недаром такого цвета,— сказал, улыбаясь, маркиз, между тем как Филиппо, заглянув под маску проходившей рядом прекрасной собирательницы винограда, быстро познакомился с нею, воспользовавшись свободой карнавала.

Олимпио шел впереди, за ним следовал маркиз, и только Филиппо, занятый разговором с прелестной собирательницей винограда, совершенно забыл, что не должен был терять из виду своих друзей.

Клод уже через несколько секунд заметил, что густая масса народа отделяет от Олимпио, и успел только крикнуть увлечемому итальянцу:

— У образа Богоматери на дворцовой площади!

— *Bonissimo, segnogo, bonissimo **,— отвечал тот, улыбаясь, и продолжал путь с прелестной маской, нашептывая ей пламенные слова любви.

Черный монах, не замеченный им, шел по пятам за Филиппо и наблюдал за каждым его движением, но толпа, которой он не мог сопротивляться, все более и более отделяла его от белого домино и маленькой собирательницы винограда, которой, как видно, очень нравились слова ее спутника.

Наконец, монах, казалось, совершенно отказался от преследования, зная, что ему не следовало обращать на себя внимания окружающих — благочестивые братья и сестры не пользовались особенным расположением в Мадриде.

Потеряв белое домино из виду, монах направился к находившейся неподалеку дворцовой площади, к которой уже со всех сторон приближались богатые экипажи, подвозя придворных гостей к portalу замка, в прекрасных залах которого должен был состояться блестящий бал-маскарад.

Стройный, ловкий монах, пройдя другой, менее оживленной улицей, достиг, наконец, дворцовой площади и остановился под тенью домов, чтобы посмотреть, у которой из двух каменных икон, находившихся на другой стороне площади, сойдутся преследуемые им домино.

Он увидел, что двое из них уже ожидали третьего у широкой иконы, стоявшей ближе к замку. Вокруг нее царил мрак. Ослепительный свет больших канделябров в портале замка не доходил до каменного образа, перед которым горела лишь маленькая тусклая лампа.

— На этот раз вы идете на верную гибель,— прошептал, прокрадываясь туда, монах,— Жуане не наскучит преследовать вас! Да, она сегодня еще решительнее и ненависть ее сильнее, чем прежде! Вы все должны погибнуть, потому что вы друзья Филиппо, клянусь той святой иконой, перед которой вы теперь стоите!

* Хорошо, сударь, хорошо.

Тихо и осторожно спешила девушка, покинувшая родительский дом и исполненная жажды мести, к месту, где стояли ее враги; они не видели ее, и она была уверена в успехе. Ненависть, как и любовь, делает человека смелым и изобретательным. Точно так же, как Жуана умела прежде обманывать родителей, чтобы тайком встретиться с Филиппо, теперь она ловко и хитро обманывала и подслушивала его. Неслышно достигла она места, где стояли маркиз и Олимпио, они не заметили черного монаха, который ловко скользнул в тень находившегося за образом куста.

Но скоро Жуана убедилась, что не могла с этого отдаленного места слышать произносимых шепотом слов офицеров Дона Карлоса; поэтому она тихо прокралась к высоким, густым кустам, росшим сразу за иконой.

Теперь она начала прислушиваться и улыбка удовольствия скользнула по ее бледному лицу.

— Я сгораю от нетерпения,— сказал Олимпио, притопывая ногой,— взгляни на эту массу карет и народа в портале — теперь самое благоприятное время. Черт возьми, Филиппо испортит нам все удовольствие!

— Ты слишком нетерпелив, Олимпио,— отвечал, успокаивая его, маркиз,— мы успеем вовремя! Ведь ты знаешь, что разгар маскарада наступает только после полуночи. И на нашу долю хватит еще удовольствий!

Немного вытянув шею, Жуана увидела, что предположение ее оправдалось, и пока оба друга ожидали итальянца, в голове ее сложился план, превосходивший отвагой предприятие трех карлистских офицеров.

— Вот он идет, наконец,— вскричал Олимпио,— он пробирается между каретами...

— Его белое домино видно уже издали, он спешит...

— Сюда, Филиппо,— звал Олимпио,— долго же ты задерживался!

— Извините! Если бы я не обещал вам принять участие в вашем плане, вы бы, наверное, не увидели меня более сегодня! Эта маленькая собирательница винограда прелестнейшая сеньорита!

— Избавь нас от твоих уверений, для тебя каждая девушка богиня, пока она не поддается твоим любовным речам! Мы хотим посетить придворный маскарад.

— Это не так-то легко,— отвечал Филиппо,— есть ли у вас карты?

— Клод позаботился об этом,— прошептал Олимпио,— все препятствия устранены.

— Как вы это устроили? О, догадываюсь, при помощи смотрителя замка.

— Ошибаешься, друг,— прервал его маркиз,— разумеется, я намеревался прибегнуть к помощи прекрасной Долорес, но я ждал напрасно, она исчезла. Затем я подкупил старого, жадного камердинера Сантьяго, с которым встретился на дворе замка и который принял меня за Жуана Прима. Он принес мне три карты, которые должны быть отданы при входе.

— Превосходно! — воскликнул Филиппо. — На чье они имя?

Маркиз подал карты итальянцу, который подошел к маленькой лампаде, горевшей перед образом. Олимпио тоже взглянул через плечо Филиппо.

— Граф Клаудио Сентина — это годится для маркиза, — сказал Олимпио. — Дальше! Генерал Альмудес — это для Филиппо, а третью карту — на имя дона Антонио Луса — я возьму себе. Если эти господа пошлют теперь за своими картами, их места уже будут заняты.

— Что с тобой, Клод? — спросил Филиппо, увидев, что маркиз вдруг торопливо сделал несколько шагов в сторону.

— Мне показалось, что здесь, в кустах, что-то зашевелилось, — отвечал он шепотом.

— Пусть шевелится, маркиз! Парадный экипаж, несколько бриллиантовых украшений от золотых дел мастера на Пуэрто-дель-Соль, ливрейный лакей на запятках и несколько стаканов шампанского до бала — больше нам ничего не надо, — сказал Олимпио, — вот будет веселая ночь!

Он повлек за собой обоих друзей через дворцовую площадь, и долго еще раздавался издали его громкий смех.

Не успели они завернуть в одну из боковых улиц, как черный монах быстро вышел из-за кустов и на минуту остановился в раздумье — он не знал, на что решиться: преследовать ли карлистов дальше, или тотчас же поспешить в замок, чтобы подготовить их арест.

Он остановился на последнем.

Плотно закутавшись в рясу, перешел он площадь, потом направился не к главному portalу, но, чтобы скорее и легче достигнуть цели, к маленькому двору замка, где находились задние ходы.

Стража не задержала его, так как монахи часто приходили в замок.

Таким образом, он без всяких затруднений достиг маленького портала.

Здесь он увидел множество разговаривавших между собой лакеев и камердинеров, которые спросили, куда он идет.

— К благочестивому патеру Маттео, — отвечал монах.

— Вы знаете, куда идти, благочестивый брат? — спросил один из лакеев и взялся проводить монаха, — но вы вряд ли застанете благочестивого патера дома, он, кажется, вышел из замка.

— Я должен вам сознаться, любезный, — прошептал монах, обращаясь к лакею, — что хотел только узнать от патера Маттео, к кому мне обратиться с важным тайным сообщением, касающимся сегодняшнего праздника и королев?

— Не измена ли это или покушение на жизнь? — спросил испуганный лакей.

— Тише! Не так громко, любезный! Да, что-то похожее! — прошептал черный монах.

— Пресвятая Дева! В этом благочестивый Маттео не может помочь вам более меня. Я сведу вас тотчас же к генерал-интенданту, Конде Энграносу.

— Хорошо, любезный! Вы получите за это вознаграждение.

— Следуйте за мной, благочестивый брат.

Лакей повел монаха к флигелю инфанты Луизы, в котором находилось интендантство замка.

Поднявшись по лестнице наверх, он ввел его в полутемную переднюю и попросил подождать там, пока он доложит о нем генерал-интенданту.

В этот вечер в комнатах интендантства, по-видимому, не ожидали ни подателей прошений, ни аудиенций, так как нигде не были зажжены большие канделябры и не видно было лакеев. Все были заняты предстоящим маскарадом, а старый генерал-интендант Энгранос, на место которого поступил впоследствии дон Марфори, готовился надеть свой древнефранцузский костюм и накрыть свои седые волосы напудренным париком.

Поэтому монаху пришлось ждать в полутемной комнате долее, чем ему хотелось.

Наконец, открылись высокие двери и на пороге появился Энгранос в богатом костюме древнефранцузского камергера; недоставало только маски.

— Кто здесь? — спросил генерал-интендант, останавливаясь в дверях.

Черный монах сделал шаг вперед.

Но его превосходительство, вероятно, не ожидал такой непривлекательной личности.

— Валентино, Луис! — вскричал он, зовя своих камердинеров. — Кто этот человек?

— Монах, который принес дону Энграносу очень важное тайное известие, известие, которого никто не должен слышать!

— А! вот что, — сказал генерал-интендант с милостивой улыбкой, — скажите, благочестивый брат, что вы имеете сообщить мне?

— Королевам угрожает опасность, сеньор Конде, три офицера карлистов достали билеты на маскарад и в эту минуту, возможно, уже находятся в залах замка.

— Что вы говорите? А вдруг это ложное известие, или может быть это маскарадная шутка? — проговорил изумленный интендант.

— Ваше превосходительство, поверьте моим словам, — возразил монах. — Три карлистских офицера, из которых один дон Олимпико Агуадо, бывший уже в заточении по приказанию королевы, находятся в числе масок.

— Но, благочестивый брат, ведь на каждой карте выставлено имя королевского гостя — как могли те господа войти в залы?

— Они раздобыли такие карты.

— Пресвятая Дева, ведь это неслыханный случай, — сказал генерал-интендант, — но что же делать? Как найти этих господ в числе масок?

— Они в домино, ваше превосходительство?

— Боже мой, там будет более сотни домино! Я могу ошибиться и оскорбить настоящих гостей, да и, кроме того, не имею права устраивать празднество.

— Значит, карлистские офицеры могут безнаказанно присутствовать на придворном балу и выполнять свои изменческие планы?

— Вы видите меня в сильнейшем смущении, благочестивый брат. Я в самом деле не знаю, что теперь делать. Ведь это неслыханный случай, я получу строжайший выговор, если нарушу придворное празднество.

Но подождите! Необходимо во что бы то ни стало найти выход. Не согласитесь ли вы сами отправиться в боковые комнаты и указать маски, тогда, может быть, представится случай раскрыть их.

— Я сделаю все, что вы прикажете, сеньор Конде, чтобы предать опасных офицеров Дона Карлоса в руки стражи.

— Только прошу вас быть как можно осторожнее, чтобы не произвели ни малейшего шума.

— Я понимаю все, ваше превосходительство, и поступлю согласно вашему желанию. Ведь моя обязанность — пожертвовать всем, чтобы предать в руки правосудия этих трех карлистов, имеющих, без сомнения, изменнические намерения. Положитесь вполне на мою осторожность и хитрость, сеньор Конде.

— Хорошо, благочестивый брат мой! Вы знаете теперь мое намерение — поступить так, чтобы не было ни малейшего шума! Если бы можно было арестовать их в парке! Не удастся ли вам заманить туда эти три известные вам маски — в таком случае, устроить это будет нетрудно! Известие, сообщенное вами, сильно взволновало меня. В самом деле, неслыханная вещь — не пощадить даже придворного празднества! Следуйте за мной! Я сведу вас в раковинную ротонду, откуда вы сможете наблюдать за преследуемыми масками.

— Я готов, сеньор Конде.

Генерал-интендант велел своим камердинерам, с удивлением смотревшим на монаха, подать две маленькие черные атласные маски — одну для себя, другую для благочестивого брата. Затем оба вышли из комнат интендантства и, пройдя длинными коридорами, очутились в раковинной ротонде, которая вела в обширную Филиппову залу.

Генерал-интендант оставил здесь монаха, не обратившего на себя внимания среди множества замаскированных гостей, и отправился в залу, где уже появились королевы со своей свитой, все в самых дорогих, изысканных костюмах.

В Филипповой зале, так же как и в зале аудиенций, находилось бесчисленное количество всевозможных масок, разряженных в шелк и бархат, увешанных богатыми бриллиантовыми украшениями. Фонтан посреди залы распространял прохладу и благоухание, шампанское рекой лилось в устроенных кругом буфетах.

Парк был залит светом разноцветных огней, и генерал-интендант, осматривая все, с удовлетворением отметил, что его приготовления произвели чудеса.

Везде царствовали волшебная роскошь и всеобщее веселье.

ХІХ

СФИНКС

— Позволь мне предложить тебе руку, прекрасная маска,— сказало шепотом темно-красное домино необыкновенно высокого роста, обращаясь к прелестной наяде в легком белом газовом платье, украшенном бриллиантами, лицо которой скрывала маленькая изящная черная маска.— Высшее наслаждение моей жизни — идти рядом с тобой и чувствовать твою очаровательную руку в своей.

— Кто ты, красное домино? — спросила прекрасная донна, оглядывая своего провожатого с ног до головы и принимая его приглашение, между тем как молодая королева с голубой бархатной маской на лице шла рядом с доном Серрано и вполголоса говорила с ним о Нарваесе, который уже начал выздоравливать.

— Ты никогда не узнаешь, кто я, прекрасная маска,— прошептало красное домино,— пусть будет достаточно того, что я знаю, кого веду под руку.

— Докажи мне, что ты узнал меня, маска!

— Дай мне твою прелестную маленькую ручку. Вот, взгляни сюда!

И красное домино написало буквы Е. М. на ладони поданной ему руки.

— Верно ли я угадал? О, зачем спрашивать! Ведь я узнал тебя, прекраснейшая из женщин, как только вошел в залу.

— Я, кажется, тоже узнала тебя, маска.

— Это странно, говори скорее — я сгораю от нетерпения! Вот моя рука, очаровательная Евгения.

Прекрасная графиня — это, действительно, она шла подле донна Олимпии Агуадо — схватила руку своего любезного кавалера и начертила на ней буквы Г. Р., подразумевая герцога Риансареса.

Олимпии, смеясь, покачал головой.

— Нет, нет, прекрасная маска, ты не узнала меня.

— Мне кажется, вы не желаете, чтобы вас узнали, ваше сиятельство,— прошептала графиня, уверенная, что подле нее шел герцог, который походил на Олимпио ростом и телосложением.

— Вспомни, прекрасная маска — или лучше не спрашивай, кто я. Я люблю тебя! Этого пусть будет довольно! Часы праздника очень коротки, а завтра мы уже более не увидимся.

— Не было ли на вас прежде черного камзола, ваше сиятельство? Я подозреваю, что вы переменили костюм.

— Чтобы служить моим наклонностям, думаешь ты, прекрасная маска? Но не называй меня ваше сиятельство, а просто маска или дон.

— Вы ведете меня в залу аудиенций...

— Подальше от толпы масок; за нами наблюдают и подслушивают, а мне бы так хотелось поговорить с вами наедине, Евгения.

— Нас заметят, красное домино...

— Поэтому мы и удалимся, прекрасная графиня. Вы должны знать, что я люблю вас, люблю пламенно!

— Вы говорите так странно, благородный дон,— проговорила шепотом Евгения, краснея под маской.

— Мои губы следуют только влечению сердца. Извините, если они выдадут все, что оно чувствует к вам. Ваш прекрасный, обольстительный образ грезится мне наяву и во сне; ваш звучный голос слышится мне, где бы я ни был!

— Тише, маска,— перед нами идет маркиза с доном Олозаго,— она узнала меня и станет наблюдать за нами!

— Так выйдем на террасу и променяем тяжелый жаркий воздух залы на прохладу благоухающего парка. Посмотрите, как дивно украшены и освещены кусты и клумбы, как отражается луна в брызгах фонтана — пойдете, спустимся туда! Звуки музыки, как бы замирая, доносятся в аллеи парка! Или, может быть, вы боитесь?..

— Нет, нет, благородный дон, но...

— Вы удивлены, Евгения, вы не хотите принести маленькой жертвы, хотя тот, кто просит вас об этой милости, не остановился перед опасностью, чтобы пробраться сюда и видеться с вами!

— Вы поступаете неосторожно, красное домино,— прошептала графиня, погрозив пальцем,— королева может узнать вас — опомнитесь!

— Я не боюсь ничего, моя горячая любовь придает мне смелость,— отвечал Олимпио с сильно бьющимся сердцем,— что бы за этим ни последовало, ничто не в состоянии омрачить блаженства этого часа.

Они сошли с террасы в парк, где по отдаленным аллеям, освещенным бледным светом луны, прогуливались никем не наблюдаемые одинокие пары.

— Мы слишком удаляемся от террасы, благородный дон,— проговорила, наконец, Евгения, испуганно озираясь кругом.

— Вы под моей защитой, положитесь вполне на меня! Вам нечего опасаться похищения, как тогда в парке Аранжуеса.

— Отчего вы мне это напоминаете? — прошептала вдруг Евгения, останавливаясь, но затем, улыбаясь, продолжала.— Знаете ли, благородный дон, вы напоминаете мне в эту минуту того смелого, высокого карлистского офицера, который похитил меня.

— Я очень рад этому, графиня. Я бы желал, чтобы мне можно было еще раз...

— Я подразумеваю дону Олимпио Агуадо, бежавшего из подземной темницы.

— Как он вам понравился, дорогая графиня?

— О, он очень милый и любезный кавалер, который умеет обходиться с дамами.

— Не послал ли он вам недавно розу, Евгения?

— Откуда вы это знаете, благородный дон?

— Я знаю все ваши тайны, да, да, прекрасная графиня, вы смелы, но я уже представил вам маленькое доказательство. Вы все

еще не знаете, как горячо я вас люблю, Евгения! О, удостойте меня милости сесть рядом с вами на эту скамейку!

— Только на несколько минут, здесь очень тихо и уединенно,— проговорила графиня.

— Поэтому мне бы и хотелось здесь, вдали от шума и блеска придворных удовольствий, преклонить перед вами колени, Евгения. О, снимите маску, скрывающую ваши прекрасные черты и доставьте мне блаженство полюбоваться вами. Вы так прекрасны! Мое сердце бьется так сильно при виде вас! О, вы добры, Евгения!

Графиня опустила на зеленую скамейку, окруженную клумбами цветов и густыми деревьями, сквозь ветви которых проглядывала луна. Это было уединенное, очаровательное местечко.

Олимпю, упоенный сознанием того, что находится наедине с прелестной графиней в парке, вдали от любопытных взоров, стал перед ней на колени и горячо прижал ее маленькую руку к губам. Кругом царил такая тишина, что слышно было легкое дуновение ночного ветра.

Вдруг за скамейкой, в кустах, погруженных во мрак, послышался тихий голос, произнесший имя: «Долорес».

Евгения, испуганная и бледная, вскочила со скамейки и прижалась к своему защитнику.

— Вы ничего не слышали? Мне показалось, что кто-то произнес вдали какое-то имя? — прошептала она в волнении.

— Звук этот доставил мне счастье, Евгения, так как он побудил вас искать у меня защиты,— отвечал Олимпю.

— Вернемся к террасе.

— Еще минуту, Евгения, доставьте мне это великое счастье — остаться здесь рядом с вами. Снимите эту ненужную маску, скрывающую ваши прелестные черты. Исполните мою просьбу. Позвольте мне еще хоть мгновение полюбоваться вами,— шептал Олимпю.

Графиня вняла мольбе своего кавалера и снова опустила на скамейку.

Победив смущение, она сняла маску и попросила своего кавалера сделать то же самое.

Олимпю взглянул на прекрасное лицо молодой девушки; золоти-сто-белокурые волосы, темно-голубые глаза, нежная, прозрачная кожа, все это было так очаровательно, что он все более и более углублялся в созерцание. Щеки Евгении покрылись легким румянцем, шея была так ослепительно бела и нежна, как будто изваяна из мрамора; белый тюлевый шарф, покрывавший плечи, при быстром ее движении упал на землю, и она была так соблазнительно хороша в эту минуту, что Олимпю, в упоении страсти, обвил рукой ее божественный стан.

— Вернемся в замок, благородный дон,— просила шепотом молодая графиня.

— Останься, останься, здесь никого нет вблизи, никто не подслушивает нас! О, блаженство этого часа! Ты прекраснейшая из смертных!

— Вернемся скорее, в замке могут заметить наше отсутствие.

— Здесь никто не станет искать нас, подари мне еще несколько минут.

— С условием, маска.

— Говори, требуй! Я пожертвую всем для тебя!

— Вы должны снять маску.

Олимпио испугался, он не ожидал этого.

— Вы жестоки, графиня, если я сниму маску, блаженство этого часа пройдет!

— Что вы говорите! Мне страшно! — вскричала Евгения, быстро вставая со скамейки, — отведите меня назад! Но нет, сперва снимите маску, я этого требую, я приказываю!

— Если вы приказываете, графиня, я готов повиноваться, — отвечал Олимпио, — я наслаждался блаженным часом, я люблю вас, смотрите!

Он сорвал маску с лица.

Евгения громко вскрикнула и отшатнулась.

— Мое предчувствие, — проговорила она, — вы...

— Олимпио Агуадо, графиня, я должен теперь проститься с вами.

В эту минуту с террасы донесся какой-то глухой, непонятный шум.

Послышалось несколько голосов и, казалось, приближались равномерные шаги отряда солдат.

В ту же минуту кто-то громко позвал Олимпио; это был маркиз, его верный, добрый друг.

— Я должен во что бы то ни стало отвести вас назад к террасе, графиня Евгения.

— Ради всех святых, я вас умоляю: бегите! Ужасное предчувствие овладевает мною! В замке, вероятно, узнали о вашем присутствии, бегите! Иначе вы погибли!

— Ваш голос, ваш страх доказывают мне, что и вы меня любите, Евгения!

— Прочь! Скорее! Ради Бога!

Графиня была в сильном волнении, а дон Олимпио все еще не мог расстаться с нею, хотя опасность увеличивалась с каждой минутой.

Вернемся теперь в залу, чтобы посмотреть, что произошло во время отсутствия этой пары.

Черный монах, находившийся в раковинной ротонде, вскоре заметил оттуда трех офицеров Дона Карлоса в Филипповой зале. Он увидел, что красное домино, ведя под руку донну, спустилось с нею в парк; за этой парой на почтительном расстоянии следовал маркиз и на террасе также куда-то скрылся. Монах знал, что обе эти маски были друзья итальянца, которого он все еще напрасно искал в толпе замаскированных гостей.

Наконец, он увидел — белое домино стояло недалеко от него; монах должен был укрыться, так как Филиппо, без сомнения, узнал бы в нем своего таинственного преследователя, и тогда план монаха легко мог расстроиться.

Белое домино остановилось в ротонде; монах хотел проскользнуть мимо него, чтобы подать знак генерал-интенданту, стоявшему посре-

дине Филипповой залы, и затем подойти к Филиппо, чтобы также заманить его в парк, где, согласно желанию дона Энгранноса, решено было арестовать трех опасных карлистов.

Но в следующую же минуту непредвиденное обстоятельство изменило намерение Жуаны.

Филиппо заметил ее и видно было, что он сильно испугался; появление этого неприветливого монаха даже здесь, на придворном празднестве, произвело на него, по-видимому, неприятное впечатление.

Этим моментом воспользовался монах, чтобы исчезнуть в толпе масок, наполнявших раковинную ротонду.

Но Филиппо следил за ним взглядом.

Монах заглянул в оба грота, надеясь укрыться в одном из них, так как итальянец непременно узнал бы его, и тогда рушилась бы надежда на арест.

По приказанию молодой королевы в один из гротов была поставлена специально приготовленная для этого празднества большая статуя, может быть, для того, чтобы помешать подслушивать то, что говорилось в другом гроте.

Это была статуя сфинкса, пустая внутри и выкрашенная снаружи под цвет старого позеленевшего камня. Это чудовище с фигурой льва и лицом девушки покоилось на огромном, отделанном под мрамор пьедестале.

Монах счел ее в эту минуту лучшим предметом, за которым можно было спрятаться. Он быстро скользнул в сторону и, стоя за громадной статуей, скрылся от взоров гостей, так как пьедестал был почти так же высок, как и он сам.

Затем он осторожно высунул голову из-за статуи и убедился, что Филиппо поспешно прошел мимо нее.

Вдруг монах, взглянув на заднюю стену пьедестала, заметил на ней маленькую ручку.

Мастер, сделавший эту статую для придворного празднества, вероятно, знал, что ее используют для различных маскарадных шуток: монах, нажав ручку, вдруг увидел то, чего, кажется, никто еще не заметил — задняя стенка пьедестала раздвинулась и можно было войти в его внутреннюю часть.

Это открытие, при виде молодой королевы, шедшей под руку с доном Серрано, навело монаха на мысль, исполнение которой могло иметь самые важные последствия. Недолго думая, он вошел внутрь пьедестала и быстро затворил за собой маленькую дверь. Стоять здесь было удобно, тем более, что сфинкс и сверху был пуст.

Изабелла, весело разговаривая с любимым генералом, вошла с ним в раковинную ротонду, из которой, при входе королевы, мало-помалу стали выходить все маски, остановилась перед громадной статуей и начала осматривать ее.

И вдруг послышался голос, раздавшийся, по-видимому, изнутри статуи.

Изабелла сперва испугалась, но затем улыбнулась под своей маленькой, красивой маской.

— А! маскарадная шутка,— проговорила она, обращаясь к генералу Серрано,— сфинкс говорит. Послушаем, что он имеет сообщить нам.

— Королева,— сказал тот же голос,— в твоих залах находятся те три карлистских офицера, которые однажды похитили тебя и теперь также замышляют измену! Ты знаешь их, между ними находится тот дон Олимпио Агуадо, который бежал от заслуженного наказания!

— Что это значит? — прошептала Изабелла, обращаясь к Серрано.— Слышали ли вы эти странные слова?

— Карлистские офицеры, невозможно! — возразил генерал.

— Они прибегли к хитрости, чтобы пробраться в залы, и теперь находятся в числе гостей! Верь моим словам!

— Маскарадная шутка, без сомнения,— проговорила, смеясь, королева.— Нам хотят напомнить ту страшную ночь и, вероятно, мы увидим через несколько минут некоторых придворных кавалеров, одетых в костюмы трех известных нам смелых карлистских офицеров.

— Странная шутка! — отвечал, задумавшись, Серрано.— Мне кажется, что не мешало бы хорошенько осмотреть сфинкса.

— Нет, нет, дорогой генерал, не нарушайте веселья этой ночи! Не правда ли, ты не хочешь быть открытым, ты желаешь довести свою шутку до конца? — спросила Изабелла.

— Это не шутка, королева! Прикажи подать знак к снятию масок и занять страже входы в залы и парк, и ты увидишь, что я говорю правду. Не оставь моих слов без внимания, тогда ты захватишь этих трех отважных офицеров Дона Карлоса и предашь их суду!

Изабелла вопросительно взглянула на Серрано, который собрался подвергнуть статую тщательному осмотру.

— Отложите это, генерал,— прошептала королева,— мне почему-то кажется, что можно верить словам сфинкса. Полночь уже давно прошла! Мы подадим знак к снятию масок и прикажем страже занять все выходы.

— Мне кажется, что нас обманывают, королева: возможно ли, что эти всем ненавистные карлистские офицеры осмелились присутствовать на празднике!

— Я считаю их способными на все, дон Серрано, они отважны до безумия! Потрудитесь сообщить дону Энграносу мое желание, чтобы все гости сняли маски и чтобы придворная стража заняла выходы! Как превосходно было бы, если бы нам удалось найти между бесчисленных гостей тех трех предводителей карлистов, с которыми я бы охотно расплатилась за их навязанное мне радушие! Представьте себе, что даже Нарваес, несмотря на все его усилия, не мог захватить их. Возможно, хитрости и измене удастся то, что не удалось власти!

— Вы приказываете, королева, и я исполняю,— проговорил Серрано, понизив голос.

— Будьте осторожны, генерал, чтобы никто не мог заподозрить ваше намерение!

Проводив Изабеллу в Филиппову залу, Серрано быстро отправился к интенданту, чтобы сообщить ему приказ королевы.

Не подозревая об опасности, угрожавшей ему и его друзьям, Филиппо снова отправился в главную залу.

Жуана, совершенно уверенная в том, что три предводителя карлистов непременно будут арестованы, была весьма довольна собой.

Изабелла подошла к королеве-матери, которая беседовала с герцогом Риансаресом. Она искала глазами своих придворных дам — маркиза де Бельвиль прогуливалась по зале с почтенным магистром, под маской которого скрывался дон Олозаго; Евгении не было видно.

Серрано вышел из залы, чтобы приказать дворцовой страже занять все входы и выходы.

В эту минуту раздались звуки литавр, служившие сигналом к снятию масок.

Гости должны были безоговорочно покориться необходимости.

Стало заметно некоторое волнение, но никто не осмелился ослушаться приказания.

Сняв маску, Изабелла внимательно оглянулась кругом и заметила, как белое домино быстро направилось в узкую залу, разделявшую раковинные гроты.

Вдруг раздались равномерные шаги алебардщиков — высокие двери распахнулись, и в них показались блестящие латы рослых бородатых солдат. На лицах гостей выразилось неопишное удивление.

Конде Энграннос с некоторыми придворными адъютантами зорко выматривал кого-то в Филипповой зале.

Наконец, один из королевских офицеров заметил белое домино, которое, он снимая маски, казалось, искало выхода в раковинной ротонде, и бросился за ним, чтобы привести его к допросу.

Волнение в зале возрастало, так как разнесся слух о каком-то неслыханном происшествии.

Некоторые гости последовали за адъютантом в раковинную ротонду.

Человек в белом домино заметил, что за ним следят и что все выходы уже заняты стражей. Он достиг золотой галереи, находившейся за ротондой, не задумываясь, перепрыгнул через перила и, прежде чем последователи подоспели к этому месту, благополучно соскочил на перекресток больших коридоров.

Наверху раздался крик — кто-то попытался остановить смельчака и удержать его от прыжка, но напрасно!

Филиппо бросился уже в портал, чтобы убежать из дворца.

Именно этот шум и крики долетели до Олимпио и молодой графини.

Для них настала минута страшного смятения.

Что если станут обыскивать парк и найдут подругу и доверенную королевы подле преследуемого дона Олимпио! Евгения содрогалась при одной этой мысли — она решила спасти, укрыть своего провожатого, она должна была способствовать его бегству!

Вдруг она заметила, что несколько алебарщиков, сойдя с террасы, рассеялись по аллеям парка.

— Идите за мной,— прошептала прекрасная графиня,— вы не найдете ни одного выхода, так как все они заняты стражей. Ради Бога, идите скорее! Тут есть потайная дверь, которая выходит на пустынную улицу вдоль Мансанареса; королева пользуется этим выходом для прогулок! У меня есть ключ!

— Вы ангел, графиня!

В эту минуту из боковой аллеи вышел маркиз.

— Следуй за мной! Мы спасемся от преследователей, которые идут за нами по пятам,— прошептал Олимпио, направляясь по темным аллеям к высокому забору, в котором не было заметно двери.

Евгения быстро и неслышно отворила маленький потайной выход, и оба карлиста очутились на мрачной улице на берегу Мансанареса.

— Благодарю вас, моя прекрасная, дорогая графиня,— прошептал Олимпио.

— Идите скорее, прощайте! — проговорила Евгения.

Олимпио схватил маленькую руку графини и страстно прижал ее к губам.

Но Евгения, видя близкую опасность, быстро отняла руку и тихо затворила маленькую дверь в каменном заборе.

XX

ЖУАНА

После насилия, совершенного над Эндемо, в хижине Кортины водворилась томительная тишина.

Старик каждый день отправлялся по своим делам, Долорес занималась хозяйством.

Но веселость покинула их с того времени, как Эндемо оскорбил старого Кортину и был на месте наказан за свою дерзость и жестокость.

Известие об этом приключении привело в восторг всех поселян, и каждый мечтал о том, чтобы управляющий не перенес побоев, нанесенных ему восставшими работниками, и селение избавилось бы от его жестокости и несправедливости.

Эндемо долго не оставлял своих покоев после этого случая, и камердинер Диего рассказывал, что он слег в постель.

— Когда он сможет выйти,— сказал как-то Диего,— нам в замке будет привольно! Но горе вам, поселяне,— вам достанется от него, так как он уже теперь, едва услышит о вас, скрежетает зубами и сжимает кулаки!

— Это мы знаем,— возразили поселяне,— но если он еще раз попробует так обойтись с нами, мы сумеем заставить его замолчать навсегда!

Диего с удивлением смотрел на суровые лица работников.

— Не говорите и не поступайте так необдуманно,— серьезно произнес он.

— Ого, что он говорит! Необдуманно! Сообщите вашему господину управляющему, что мы давно обдумали и обсудили то, что сказали вам сейчас! Мы долго молча сносили его жестокость, теперь же наше терпение лопнуло!

Диего не сказал в замке ни слова о том, что слышал от поселян, так как знал, что управляющий не потерпит такой дерзости со стороны лакея. И притом его вовсе не касалась участь поселян, Диего заботился только о том, чтобы сеньор Эндемо пощадил молодую поселянку, которая пленила его сердце.

Кортина и его дочь, не говоря об этом друг другу, с ужасом ожидали дня, когда управляющий снова появится после болезни.

Они чувствовали, что им предстоит много горя, и утешали себя только тем, что не делали ничего такого, что бы могло возбудить неудовольствие Эндемо.

Староста без устали заботился о точном исполнении работ, и под его присмотром все как будто переродилось. Работники, посвистывая и напевая, весело принимались за работу, и выполняли ее с такой быстротой и аккуратностью, что староста не мог нарадоваться цветущему состоянию владений герцога.

Работники полюбили своего старосту, охотно выслушивали и исполняли его приказания, так что нельзя было и желать ничего лучшего.

Долорес попросила доктора, приехавшего каждый день из города в замок, хоть один раз навестить больную жену Фернандо. Он исполнил ее просьбу и вместе с доброй девушкой отправился к больной.

На другой день он привез из города лекарство, которое так помогло бедной женщине, что она вскорости могла уже встать с постели, а затем и приняться за работу. Она не знала, как благодарить доктора и Долорес за их старания.

Антонио, Лоренцо и прочие работники клялись, что готовы пожертвовать жизнью для старосты и его дочери.

К счастью поселян, болезнь управляющего была более продолжительна, чем они ожидали, но в сердце Эндемо с каждым днем росло озлобление против ненавистных ему работников и возрастала жажда мести. Сидя дома без занятий, он имел достаточно времени обдумать план своего мщения.

Как-то раз после обеда Долорес отправилась одна в ближайший городок, находившийся по дороге в Мадрид. Ей надо было закупить там несколько вещей для отца, который не мог отлучиться по причине болезни управляющего. Старый Кортина не боялся отпустить дочь одну, так как знал, что она была всеми любима и никто не причинит ей зла.

Через несколько часов Долорес достигла небольшого городка, находившегося по соседству с Мединой, и скоро исполнила поручения, данные ей отцом. Под вечер она отправилась домой по тропинке, которая вела через поля и довольно густой лес в ее деревню.

Держа на руках покупки, тщательно завернутые в платок, она задумчиво шла по цветущим и благоухающим полям.

Мысли девушки были заняты Олимпио: она представляла его себе то украшенным орденами за храбрость, то преследуемым неприятелем, то убитым на поле битвы, то он опять воскресал в ее воображении и являлся перед ней таким же, каким она видела его в последний раз.

Любит ли он меня по-прежнему, думает ли он обо мне в настоящую минуту, как я думаю о нем? — спрашивала себя Долорес. И тайный голос говорил ей, чтобы она не теряла надежды.

Солнце уже скрывалось за горизонтом, и на землю ложился мягкий полумрак. Густые деревья в лесу, по которому шла Долорес, только изредка местами пропускали слабые лучи заходящего солнца.

Пройдя не более двадцати шагов, девушка услышала тихий, сдавленный крик.

Она остановилась и стала прислушиваться. Вокруг в мрачном, болышом лесу не было ни души. Бедная девушка в эту минуту припомнила все рассказы донны Агуадо о лесных ведьмах, злых духах и т. п., и невольный страх овладел ею. От деревьев падали причудливые тени, и со всех сторон раздавалось потрескивание ветвей, шелест листьев и свист ветра.

Долорес подумала, что услышанный ею крик о помощи был не что иное, как завывание ветра в кустах, но жалобный стон раздался вдруг сильнее.

Не оставалось сомнения, что это крик о помощи.

Бедная девушка не знала, однако, откуда раздался этот раздирающий душу стон. Она собралась с духом и решила помочь этому несчастному.

— Кто зовет на помощь? — спросила она громко и стала прислушиваться с напряженным вниманием — напрасно! Ответа не последовало.

— Пресвятая Дева, — прошептала Долорес, скрестив руки, — сохрани и помилуй меня! Укажи мне того несчастного, которому я, может быть, могу помочь!

Невыразимый страх овладел ею при мысли о том, что в мрачном лесу ей угрожает опасность от руки злодея, который скрывается где-нибудь в кустах. И вся дрожь от волнения, с тревожно бьющимся сердцем, Долорес повернула в сторону.

Вдруг почти рядом с ней, совсем близко, раздался жалобный крик ребенка.

Долорес пошла в том направлении, откуда донесся этот звук.

В уже наступившей темноте она разглядела в трех шагах от себя в густой, высокой траве что-то белое.

Долорес нагнулась, жалобный звук повторился.

— Ребенок! — воскликнула она с удивлением. — Пресвятая Дева, новорожденное дитя! Каким образом ты попало сюда, бедное маленькое, такое слабое существо? Я возьму тебя с собой; ты мог бы погибнуть, если бы я не оказалась тут в эту минуту! Но кто же бросил тебя

в траву и оставил одного? Где твоя мать, покинувшая тебя на произвол судьбы?

С этими словами Долорес подняла с земли несчастного ребенка, завернутого в белый платок.

И в эту минуту раздался вблизи тот самый крик, который только что так испугал бедную девушку. Отойдя на несколько шагов в сторону, Долорес увидела беспомощную женщину, закутанную в темный монашеский плащ; она лежала на земле, прислонившись к стволу громадного дерева.

— Спасите моего ребенка, руки мои не в силах больше держать его, меня же предоставьте моей судьбе,— едва слышно прошептала несчастная. Долорес нагнулась к ней, откинула назад капюшон, покрывавший ее голову, и с глубоким участием взглянула в бледное изможденное лицо. Это была Жуана. Только мрачно сверкающие глаза и легкое подергивание губ свидетельствовали о том, что жизнь еще не совсем угасла в ней. Черные густые волосы распустились по ее плечам, руки бессильно повисли.

— Я умру тут,— шептала она,— это для меня лучше, тогда прекратятся мои страдания! Если хотите совершить доброе дело, будьте милостивы, спасите этого бедного ребенка! О, вы уже взяли его на руки, вы хотите помочь ему!

— Я хочу помочь и ему и вам, бедняжка! Кто вы и откуда идете? — спросила Долорес с участием.

— Не спрашивайте меня, я изгнана, проклята, покинута Богом и людьми.

— О, не говорите так, я с радостью готова помочь вам!

— Сжальтесь над моим ребенком, для меня одно спасение — смерть,— прошептала бедная женщина.

— Я поведу вас с ребенком в наш дом! Он мал и невзрачен, но вы ни в чем не будете нуждаться, я буду заботиться о вас.

— Не принимайте меня к себе, вы оказываете помощь благодарной! Жуана не смеет пользоваться таким счастьем, она должна бродить без крова и родины до тех пор, пока смерть не явится к ней как избавление!

— Когда вы выздоровеете и совершенно оправитесь, я не стану вас удерживать, бедная Жуана! Только сжальтесь над собой и пойдите со мной в наше жилище! Это недалеко отсюда. Я понесу ребенка, попробуйте, сможете ли вы тихонько пройти несколько шагов; вот вам моя рука, опирайтесь на нее! О, как я благодарю небо за то, что подоспела к этому месту вовремя, чтобы вам помочь!

— Вы слишком добры, бедная Жуана не заслуживает такой милости,— прошептала девушка, взяв руку Долорес.

— Пойдемте со мной! Я не оставлю вас тут в лесу на сырой траве! Уже близко! Я хотела бы позвать кого-нибудь из деревни, кто бы мог донести вас, но никто не должен знать о том, что я беру вас и ребенка к себе, так как наш управляющий злой и жестокий человек и строго накажет нас, если узнает об этом! Попробуйте, может быть, вы сможете пойти со мной!

Жуана с трудом поднялась, опираясь на руку Долорес.

— Из-за меня вы подвергаете себя опасности, это благородно с вашей стороны, но я не стою такой милости,— с трудом проговорила Жуана, еле держась на ногах, затем стала осыпать поцелуями ребенка. Сострадательная Долорес не могла удержаться от слез, видя эту трогательную сцену.

— Опирайтесь на меня, мы тихо дойдем до дому! К тому же теперь ночь, никто нас не увидит! Отец мой охотно примет вас, он добрый человек! Как вы дрожите, бедная Жуана, вы больны, но я надеюсь, что вы у нас скоро поправитесь, я заботливо буду ухаживать за вами. Несчастье ваше тронуло меня, и я с первого же взгляда почувствовала расположение к вам.

Жуана со слезами благодарности на глазах посмотрела на молодую девушку, которая вела ее под руку и несла ее ребенка. На душе ее стало легче, она уже не ощущала себя более покинутой, оставленной всеми людьми, встретив такое сочувствие и любовь этой доброй девушки.

— Как вас зовут? — спросила Жуана слабым голосом.

— Имя мое Долорес, и я веду вас в хижину Кортины. Отец мой староста Медины.

— Долорес, Долорес,— повторяла Жуана,— имя это больше подходит мне, чем вам! * Вы живете без забот с отцом. Не знаете скорби и печали, ваша участь достойна зависти, и я от всей души желаю вам всего хорошего в жизни, Долорес! Но не привязывайтесь ни к какому мужчине! Не верьте ни одному из них!

— И вы тоже говорите мне это! — прошептала Долорес.

— Я несчастна, я погибла из-за любви! Я обманута, и душа моя не знает покоя — ребенок этот, бедное, маленькое существо! О, скажите, Долорес! Будете ли вы его любить?

— Вы так странно спрашиваете, Жуана, вы дрожите! Успокойтесь, иначе вы нес скоро поправитесь!

— Поправиться — да, вы правы, мне нужна еще сила,— проговорила Жуана, подходя с Долорес к деревне.

Ребенок заплакал, и мать, взяв его на руки, стала утешать его.

Они достигли хижины старого Кортины, который, сидя у окна, поджидал свою дочь. Он уже стал беспокоиться, как вдруг увидел ее в сопровождении другой девушки, которую сначала принял за поселянку.

Но вскоре он убедился, что Долорес привела с собой чужую женщину и после краткого рассказа дочери обо всем случившемся приветливо протянул руку незнакомке.

— Войдите,— ласково проговорил он,— вы найдете здесь радушный прием! И чтобы никто не подозревал о вашем присутствии, я отделил для вас маленький угол моей комнаты, где вы сможете пробыть в безопасности столько времени, сколько нужно для того, чтобы ваше здоровье совершенно поправилось.

* Dolores — по-испански означает скорбь.

— Вы так же добры, как Долорес, ваша дочь,— отвечала Жуана, входя в дом,— но мне недолго придется пользоваться вашим гостеприимством.

Старый Кортиня вскоре убедился из слов Жуаны, что она много страдала за свою столь короткую жизнь, и радовался доброте Долорес, которая неумоимо заботилась о несчастных.

Бедная девушка заняла постель старосты, и Долорес неустанно ухаживала за матерью и ребенком. Никто не знал о присутствии в хижине Кортини этой женщины, так как поселянам Медины было строго запрещено доставлять убежище чужим. Долорес и ее отец отказывали себе во многом, прилагая все старания, чтобы несчастная мать поправилась и окрепла.

Таким образом проходили недели, и Долорес все еще не отходила от постели больной женщины.

— Ты все узнаешь, Долорес,— сказала Жуана как-то вечером, причем на лице ее отразились все страдания наболевшей души,— ты скоро получишь разъяснение всего, что кажется тебе во мне странным и отталкивающим! Сознайся, что я иногда кажусь тебе страшной, я знаю это! Иначе и не может быть, но когда ты узнаешь все о моей печальной судьбе, ты сумеешь хоть сколько-нибудь понять мои невыразимые страдания.

— Успокойся, бедная Жуана! Взгляни на твоего ребенка и будь счастлива!

— О, нет, добрая Долорес, я не могу быть такой счастливой, как другие матери, при виде моего ребенка страдания мои увеличиваются! Я всей своей душой люблю это невинное существо, но при взгляде на него в моем сердце снова закипают озлобление и жажда мести, чего ты, счастливая, не понимаешь! Не смотри на меня с таким удивлением, Долорес, ты все поймешь и узнаешь! Я должна высказаться, наконец! Садись на край моей постели! Но не смотри на меня — я открою тебе свое сердце! Повернись ко мне спиной и слушай!

— Ты опять волнуешься, Жуана, и этим наносишь вред своему здоровью.

— Не бойся, благодаря твоему попечению, я чувствую себя гораздо лучше! Искренне благодарю тебя за доброту и внимательный уход за мной и моим бедным ребенком! Но от того, что терзает мое сердце, меня может избавить только смерть!

— И у меня есть заботы, и я томлюсь глубоким горем,— возразила Долорес,— но я не отчаиваюсь.

— Глубокое горе! Это ничто в сравнении с обманутой любовью, с изменой — это такие страдания, которыми душа томится вечно! Слушай! Ты узнаешь мое прошлое, я все расскажу тебе, и тогда ты подумаешь: теперь я понимаю тебя, Жуана, ты погибла безвозвратно!

Мои родители жили в Алкале, где отец мой, человек почтенный и богатый, был губернатором. Он и мать, уже пожилые люди, очень любили меня, своего единственного ребенка. Мы жили мирно и счастливо, ни в чем не нуждаясь. Когда я подросла, молодой офицер королевского войска прислал у отца моей руки, мать уговаривала меня не отказывать этому вполне достойному человеку.

Но тут, к моему несчастью, хрисиносы были оттеснены, и карлисты заняли Алкалу. Отец, опечаленный этим грустным событием, вынужден был принять в свой дом одного из предводителей неприятельского войска. Имя его было Филиппо Буонавита, он был итальянец, вступивший в ряды карлистов и заслуживший себе славу своим героизмом.

Я часто видела его — он не обходил меня вниманием, и, наконец, улутив минуту, когда мы остались наедине, поклялся в своей безмерной любви ко мне.

Сердце мое было свободно, я никогда еще не слышала подобных слов и клятв, не видела ни разу таких пламенных взоров, и потому скоро почувствовала непреодолимое влечение к Филиппо! Я любила его страстно, пламенно, как человек способен любить только раз в жизни.

Первая вина моя состояла в том, что я скрыла от родителей эту свою любовь к врагу отца и королевы. С трепетом ожидала я приближения часа, когда он поджидал меня где-нибудь в парке или в лесу, и тайком убегала из дому.

Казалось, будто сверхъестественная сила приковывала меня к этому человеку и сделала меня рабой его воли; я так безоглядно привязалась к Филиппо, что забыла родителей и не думала об опасности!

— Утешься, Жуана, и у меня одинаковая с твоей участь,— перебила ее Долорес,— настанет время, когда он не будет врагом твоего отца; тогда ты смело и без боязни сможешь принадлежать ему.

— Ты утешаешь меня, не дослушав до конца моего рассказа. Слушай! — продолжала Жуана.— Родители мои и не подозревали о наших свиданиях, которые происходили все чаще и чаще. Филиппо клялся мне в любви и верности, обещал сделать меня своей женой, и я, не в состоянии противостоять его пламенной страсти, отдалась ему всецело.

Я была счастлива и не подозревала, что сделаюсь жертвой гнусного обмана.

Отец мой узнал о наших тайных свиданиях — он застал нас врасплох и с яростью вырвал меня из объятий Филиппо, который замахнулся на него шпагой! Я стала между ними, чтобы предотвратить убийство, и тут же объявила отцу, что страстно люблю Филиппо и ни за кого другого не выйду замуж.

Отец мой догадался обо всем — он проклял меня и отрекся от своей несчастной дочери! Я оставила отцовский дом, проклятие родителей сопровождало меня всюду. Вне себя, с распущенными волосами бежала я ночью к Филиппо! Я была уверена, что он примет меня, изгнанную родителями, и вознаградит своей любовью за все страдания, которые достались мне на долю. Ради него я в состоянии была вынести проклятие отца, так как утешала себя надеждой, что вместе с ним предстану перед родителями и испрошу у них прощение за причиненное им горе.

Я явилась к нему и со слезами на глазах рассказала о случившемся, а он испугался! Этот гнусный изменник посоветовал мне возвратиться к родителям и покорно просить у них прощения!

— Как,— воскликнула я в отчаянии,— ты гонишь меня от себя, не принимаешь меня к себе в дом?

Изверг этот замялся, извинялся, говоря, что война мешает ему жениться и что он не может оставить меня у себя в лагере. Тут только я поняла, что обманута им, что в нем не осталось ни искры любви ко мне!

Я была близка к помешательству.

— Как, изменник,— воскликнула я,— ты гонишь меня, лишив всего, что я имела, ты разрушил мое счастье и счастье родителей, нашу безмятежную жизнь!

Он пытался утешить меня всевозможными обещаниями, но я больше не верила ему и, вырвавшись из его объятий, с проклятием бросилась бежать от него! Я долго еще слышала его голос, звавший меня, но он потерял свою власть надо мной...

Покинутая и проклятая родителями, оставленная человеком, которому я пожертвовала всем, бродила я ночью по глухим, пустынным местам; любовь моя, некогда столь пламенная, искренняя, превратилась в глубочайшую ненависть. Наболевшее, раненое сердце мое жаждало мести.

— Бедная, бедная Жуана,— прошептала Долорес,— но не была ли ты несправедлива к Филиппо?

— Я подслушивала его несколько раз и убедилась, что он со всеми поступает так, как со мной! Я следовала за ним по пятам и благодаря мне он трижды попадал в руки неприятеля, но каждый раз ему удавалось ускользнуть! Затем я решилась преследовать его, чтобы собственной рукой утолить жажду мести.

— Как, Жуана, ты хотела...

— Убить его, Долорес! Ты испугалась, ты с ужасом смотришь на меня, но я поклялась отомстить ему и свято сдержу свою клятву! Я готова была снова преследовать его, как вдруг ощутила нестерпимую боль. В отчаянии я бросилась в сторону, сама не зная куда, я хотела укрыться от людей, страх объял меня, теряя сознание, я бродила между деревьями, пока, наконец, не упала в изнеможении.

Не знаю, сколько времени я лежала без памяти, а когда пришла в себя, меня окружал непроглядный мрак. Но я поняла, почувствовала, что дала жизнь маленькому существу. Я завернула мое дитя в платок и кое-как поднялась с земли, но так ослабела, что не в силах была держать ребенка, он выпал из моих рук; в отчаянии я призывала смерть и, пройдя два шага, без чувств повалилась на землю на том месте, где ты меня нашла.

— Само небо привело меня туда!

— Ты спасла меня, Долорес, но с возвращением здоровья во мне с прежней силой заговорила ненависть! Теперь ты знаешь все, не пугайся же, когда выражение моего лица кажется тебе странным, ты знаешь мое отчаянное положение!

Долорес с глубоким участием взяла за руку несчастную молодую женщину.

— Останься у нас и постарайся забыть свое горе,— умоляла она.

— Не требуй от меня невозможного, Долорес!

— Подумай о своем ребенке, посмотри, Жуана, как он протягивает к тебе ручонки.

Жуана закрыла лицо руками, слезы полились из ее глаз, но в следующую минуту руки ее опустились и бледное лицо снова приняло решительное, суровое выражение.

— Если я умру,— прошептала она,— этот бедный ребенок найдет в тебе вторую мать, Долорес, и эта мысль успокаивает меня! Ты же простишь мне все, Долорес, добрая, благородная душа! Не правда ли?

— Я обещаю тебе это, Жуана,— проговорила Долорес, со слезами на глазах целуя ребенка.

— Теперь я совершенно спокойна, ты облегчила мои страдания! Благодарю тебя за все, что ты сделала для меня, и Матерь Божия да вознаградит тебя за то, что ты обещаешь сделать для моего ребенка!

— Возвратись к своим родителям, они уже, наверное, простили тебя,— уговаривала ее Долорес.

— Мать моя умерла с горя, а отец, чтобы избавиться от позора, переселился на остров Кубу. Ты ищешь для меня утешения и спасения, Долорес, но для меня уже все погибло, и везде, куда я ни взгляну, вижу только непроглядный мрак. Такова уж моя судьба. Молись за меня!

Долорес, тронутая рассказом Жуаны, поняла, что происходит в сердце несчастной, и содрогалась при мысли, что, может быть, и ей самой предстоит подобная участь, что Олимпио забудет ее, изменит ей, нарушит свою клятву, как это сделал Филиппо. Ни одно известие о нем не приходило в Медину, но она успокаивала себя мыслью, что ему неизвестно ее теперешнее местопребывание, или что письма от него попали в руки нового смотрителя замка.

Тем временем Эндемо, управляющий, уже выздоровел, и вскоре все почувствовали последствия насилия, совершенного над ним. Наказать поселян по закону он не смел, так как герцог, признав в этом деле виновным самого управляющего, даровал им общую амнистию.

Тяжелое время снова настало для работников и поселян. Эндемо был взбешен, что не находил причины излить свой гнев на работников, так как под присмотром старосты все работы выполнялись точно и быстро, за что Кортиня удостоился похвалы самого герцога. Зная это, управляющий с досады стал непомерно увеличивать свои требования, грозя при малейшем неповиновении строгим наказанием.

Ненависть Эндемо к старосте возрастала с каждым днем.

Старый Кортиня избегал всякой встречи с управляющим, но если это оказывалось невозможным, он коротко и так спокойно отвечал ему на вопросы, как будто между ними ничего не произошло.

Эндемо все еще не терял надежды когда-нибудь овладеть прекрасной Долорес. И вскоре возникло обстоятельство, которое увеличило его затаенную пламенную страсть.

Как-то вечером проезжая мимо домика Кортины, герцог услышал мягкий, звучный девичий голос. Остановив лошадь и прослушав восхитительную песню, которую пела дочь старосты, он подъехал к окну и выразил ей искреннюю благодарность за доставленное удовольствие.

Долорес была вне себя от испуга при внезапном появлении герцога, тем более, что держала на руках ребенка Жуаны.

Молодой Медина, приписав испуг Долорес ее стыдливости, сказал, что вскоре попросит ее спеть в замке при знатных гостях.

И с этими словами он уехал.

Заметив любезность Медины в обращении с прекрасной Долорес, ревнивый и завистливый Эндемо решил разрушить надежды герцога и раньше его овладеть девушкой. Эндемо всеми силами старался расположить к себе дочь старосты, желая вместе с тем устранить старого Кортину. Планы его на этот счет, как мы увидим в следующих главах, были мастерски подготовлены. До сих пор никто не подозревал, что Кортина укрывает у себя чужую женщину, о Жуане и впоследствии никто не узнал, так как в одно прекрасное утро Долорес и ее отец не нашли несчастную у себя в доме. Она скрылась, быть может, бросилась искать смерти. Поцеловав своего ребенка, она положила его на постель Долорес, уверенная, что добрая девушка не оставит его.

Настал день, когда, как и предсказывала Жуана, Долорес пришлось исполнить свое обещание — сделаться второй матерью ее ребенку.

Куда же отправилась несчастная Жуана? Жива ли она еще? Не последовала ли за тем человеком, которому перед смертью хотела отомстить?

Старый Кортиня долго стоял в задумчивости и с грустью смотрел на покинутое дитя.

— Мы не оставим его, не отдадим никому и будем беречь, как родного ребенка, — наконец, проговорил он.

— Благодарю, дорогой мой отец, я это обещала бедной Жуане! Матерь Божия благословит нас за то, что мы приютили у себя сироту. Я так полюбила этого бедного ребенка!

— Сохрани Бог, чтобы кто-нибудь увидел его теперь, при первом же случае я попрошу у герцога разрешения оставить малютку в моем доме, и он не откажет мне в моей просьбе.

Долорес и не подозревала, что любовь к этому ребенку еще повлечет за собой тяжелые испытания.

С заботливостью нежно любящей матери она ухаживала за мальчиком Жуаны, и он радостно улыбался при виде ее и протягивал к ней ручонки. Долорес так искренне полюбила малыша, что не отдала бы его никому на свете. Она боялась только, что Жуана когда-нибудь возвратится и потребует своего сына. Но другая опасность угрожала Кортине и его дочери.

Мучимый неутоленной страстью Эндемо часто бродил ночью вокруг хижины старосты, надеясь овладеть Долорес. Темные планы роились в его голове; человек этот, покончивший с прежним старостой без зазрения совести, готов был устранить таким же способом и ста-

рого Кортину, если бы это оказалось необходимым для достижения его целей. Красота Долорес пленила его до такой степени, что он часто вскакивал ночью с постели и отправлялся к дому сельского старосты, чтобы незаметно наблюдать за прекрасной девушкой.

Однажды, простояв так довольно долгое время, он заглянул сквозь щель в оконных занавесках внутрь дома. Он увидел старого Кортину, спавшего на постели, и вдруг услышал крик ребенка.

Эндемо вздрогнул — не обманул ли его слух? Неужели эта по видимости кроткая, невинная Долорес скрывала новорожденного ребенка? Неужели герцогу удалось уже овладеть дочерью старосты?

Вопросы эти жгли мозг Эндемо, глаза его сверкали, руки сжались в кулаки.

— Дьявол,— пробормотал он,— я добьюсь истины! Но они не должны подозревать, что открыл их тайну, пока не настанет время!

Едва слышно переступая по хрустящему песку, Эндемо отправился за домик. Тонкая стена отделяла его от того места, где спала Долорес, он приложил ухо к стене.

Из груди его вырвалось восклицание: он ясно услышал снова плач ребенка и затем тихую песню Долорес, убавкивающей, как он воображал, своего ребенка.

— Ого, ты невинная, кроткая девушка,— прошептал он, заскрежетав зубами,— ты уже имеешь любовника и потому пренебрегаешь мною! Герцог лучше управляющего, хитрая, расчетливая красавица! Эндемо знает теперь все! Ты заявила мне, что презираешь и ненавидишь меня, но когда-нибудь ты будешь моей, берегись, прекрасная Долорес! Ты не подозреваешь, что я открыл твою сокровенную тайну, что я так близко от тебя! Ты отдалась тому, кто владеет золотом! Теперь, наконец, должна настать и моя очередь!

Искаженное лицо управляющего свидетельствовало о страшном возбуждении. Тихо отошел он от дома Кортины, строя в голове ужасные планы, успеху которых радовался заранее.

XXI

ИСПАНСКИЙ БАНКЕТ

При мадридском дворе тем временем произошли большие перемены.

Мария-Христина настояла на том, чтобы мешавший ей Эспартеро уступил свое место Нарваесу, которому был пожалован титул герцога Валенсии и который, как генерал-капитан испанской армии, поселился в замке.

Молодая королева вышла замуж за принца д'Асси, хотя сердце ее по-прежнему принадлежало дону Серрано, которого она обыкновенно называла «своим красивым генералом».

Но главнейшую роль играли при мадридском дворе иезуиты.

Патеру Маттео, духовнику королевы-матери, удалось привести в исполнение свой план относительно принца д'Асси, находившегося совершенно во власти иезуитов. Он также ловко сумел всецело подчинить себе и молодую королеву, сблизив ее с обманщицей, монахиней Патрочинио, которая, искусно разыгрывая роль сомнамбулы, все более и более завлекала королеву в свои сети. Мы не можем заниматься в этом романе описанием всех интересных подробностей этих странных отношений Изабеллы и монахини, а отсылаем наших благосклонных читателей и читательниц к роману «Тайны Мадридского двора», где они найдут самые точные сведения об этом предмете.

Нарваес, заняв свое новое, высокое положение, прежде всего заботился о том, чтобы победить внешнего врага, не трогая пока не менее опасного внутреннего в лице инквизиции, дворец которой находился на улице Фобурго. До тех пор, пока он не выступил открыто против иезуитов, они ему не вредили, зная, что этот неустрашимый герой лучше всех сумеет устранить беспорядки, причиняемые войной; но когда они увидели, что он стал их соперником и, подобно им, стремится к неограниченной власти, они погубили его!

Однако мы забегаем вперед.

Герцог Валенсии, убедившись в безнадежности своей любви к Изабелле, вышедшей замуж за принца Франциско д'Асси, но не скрывавшей привязанности к генералу Серрано, стал добиваться теперь только почестей и славы, подобно графине Евгении, также обманутой в своей первой, горячей любви.

Нарваес был холодный, честолюбивый человек. Он не только навел железный порядок в войске, но своей властью создавал новые полки, так что армия Дона Карлоса должна была уступить огромному превосходству его сил. Она располагалась у Бургоса, но была до того обессилена, что генерал Карбера согласился на предложенное ему перемирие и переговоры с королевой.

В военном совете, происходившем в присутствии Дона Карлоса, парламентарями были избраны три отважных офицера — Олимпио Агуадо, Филиппо Буонавита и маркиз Клод де Монтолон, которые тотчас же отправились в Мадрид для начала переговоров.

Офицеры имели двойное поручение. В случае заключения мира они были уполномочены на дальнейшее ведение дел, в противном случае им было приказано раздобыть точные сведения о позициях королевских войск, о их планах и дальнейшем образе действий, и надо признать, что для выполнения такого поручения не было более надежных людей, чем эти три офицера, уже не раз доказавшие на деле свою изумительную ловкость и неустрашимость.

Олимпио, Клод и Филиппо были встречены в Мадриде со всеми военными почестями, а Нарваес, который, как мы знаем, был лично знаком с ними, принял их с таким радушием, какого в нем не привыкли видеть. Особую симпатию и чувство искренней дружбы он питал к Олимпио, и это обстоятельство, казалось, могло значительно облегчить переговоры.

И все-таки они не увенчались желаемым успехом.

Маркиз де Монтолон, введенный со своими друзьями в тронную

залу, объявил в присутствии двора условие Дона Карлоса — назначить старшую дочь от брака королевы Изабеллы с принцем Франциско д'Асси в супруги своему сыну, чтобы, таким образом, престол перешел к потомкам Дона Карлоса.

Мария-Христина была не против этого предложения, но королева Изабелла и министры объявили, что не примут его ни при каких условиях.

В таком положении находились дела, когда двор решил отправиться в замок Эскуриал и принял приглашение герцога Медины, пользовавшегося расположением королев, по дороге туда заехать к герцогу, чтобы присутствовать у него на празднестве.

По просьбе королевы-матери три офицера Дона Карлоса также получили приглашение на этот пир; она хотела объявить на банкете свое намерение представить предложение Дона Карлоса на обсуждение кортесов и тем сделать возможным соглашение между враждующими партиями.

Роковой день, когда должен был решиться этот вопрос, настал, и тогда как три офицера Дона Карлоса поскакали в Медину на лошадях, королевы и их свита отправились в путь в удобных дорожных экипажах, которые должны были отвезти их затем в Эскуриал.

Придворная прислуга получила приказание отправиться вместе с багажом прямо в Эскуриал, чтобы приготовить все к приему королев.

Генерал-интендант Энграннос поехал в Медину раньше, чтобы известить герцога о приезде королев и двора. В Медине все это время происходила такая суета, какой там никогда еще не было.

Повара были выписаны из Парижа, в парке делались приготовления к блестящей иллюминации, аллеи должны были быть усыпаны лавровыми ветками и цветами, на башнях замка развевались флаги в честь королев.

В залах были накрыты столы, лестницы устланы новыми прекрасными коврами, и герцог сам, не останавливаясь ни перед какими издержками, распорядился устройством банкета.

Галерея столовой, где сидели музыканты, приглашенные из Мадрида, была украшена шитыми золотом флагами испанских национальных цветов; в одной из боковых зал был сервирован стол для придворных, другая, превращенная бесчисленным множеством тропических растений в садовый павильон, должна была служить местом отдыха и беседы после обеда.

Герцог Медина приложил все усилия, чтобы самым блестящим образом принять августейших гостей, и в сопровождении генерал-интенданта и шталмейстеров отправился в путь, чтобы приветствовать королев на границе своих владений.

В первой подъехавшей к нему карете, запряженной шестерней, сидели Изабелла и ее маленький супруг, во второй — Мария-Христина и герцог Риансарес, в третьей карете ехали придворные дамы Евгения де Монтихо и Паула де Бельвиль, а в четвертой — фрейлины королевы-матери. Генералы и адъютанты образовали блестящую свиту, в которой находились также три офицера Дона Карлоса в парадных мундирах карлистов.

Герцог Медина соскочил с лошади, подошел к каретам королев и поблагодарил их за милость, которую они доставляют ему своим посещением. Мария-Христина была с ним чрезвычайно любезна, Изабелла дала ему поцеловать свою руку, а прекрасная Евгения, с которой разговаривал Олимпио, скакавший возле ее экипажа, радостно приветствовала герцога.

Затем экипажи направились к разукрашенному мединскому замку, и королева-мать отметила с довольной улыбкой, что дорога, по которой они ехали, была усыпана цветами.

Изабелла охотнее разговаривала с герцогом, ехавшим возле ее кареты, нежели с своим скучным супругом, общество которого всегда было для нее мучением.

У входа в парк стояла многочисленная прислуга, начиная от смотрителя замка до конюхов, в парадных ливреях, и под колоннами портала герцог сам отворил дверцы королевских экипажей и помог королевам выйти.

Эндемо, низко кланяясь, стоял на почтительном расстоянии и ждал минуты, когда и он будет подведен к их величествам и представлен им.

Мария-Христина и Изабелла обратили милостивое внимание на прекрасный парк и сделанные в честь их приезда украшения из цветов, и в то время как генерал-интендант вводил королев в назначенные для них будуары, устроенные со всевозможной роскошью, герцог Риансарес, к которому присоединился и супруг королевы, посетил образцовые конюшни герцога Медины, чтобы осмотреть их устройство и прекрасных лошадей.

Управляющий Эндемо повел придворных дам, освобожденных на этот раз от обязанностей камеристок, в парк и старался занять их и доставить им удовольствие.

Наконец, королевы закончили свой туалет; генерал-интендант поспешил доложить об этом герцогу Медине, и через несколько минут гости заполнили залы.

Садовый павильон, из которого вела терраса в парк, оставался пока незанятым. Мужчины и дамы, составлявшие свиту, поместились в боковой зале, а королевы с некоторыми из придворных и герцогом Мединой сели за стол, сервированный в главной зале. Бесчисленные канделябры и люстры заливали все вокруг ослепительным светом, с галереи раздавались звуки музыки, и лакеи в парадных ливреях разносили разнообразные дорогие кушанья. Мы могли бы заполнить целые страницы, если бы стали описывать изысканные блюда и напитки, подававшиеся на этом банкете.

Там были, между прочим, пучеро из черепах, дичи и форели, птичьи гнезда и соусы из устриц, приготовленные на испанский лад, рагу из дичи и рыбьих языков; к ним подавались французские и испанские вина, искусно приготовленные печения и восточные лакомства, шампанское, мороженое в разных формах и прекрасные фрукты.

За главным столом сидели королевы с супругами, три уполномоченных офицера Дона Карлоса и герцог Медина.

Разговор был очень оживлен, и в боковой зале, казалось, все были также в наилучшем расположении духа, так как генералы и

адъютанты, по приглашению Эндемо, усердно пили шампанское и угощали своих дам.

В заключение был подан душистый кофе в маленьких китайских чашках, и затем молодая королева встала из-за стола.

Изабелла попросила герцога Медину отвести ее в прилежавший к зале прохладный садовый павильон, и так как по знаку, поданному королевами, и свита встала из-за стола, графиня Евгения с доном Олимпио Агуадо, маркиза с Эндемо и другие придворные мужчины и дамы также отправились в маленькую, прекрасно декорированную боковую залу, чтобы поболтать и насладиться прохладным свежим воздухом парка, сидя в креслах под сенью пальм и апельсиновых деревьев.

Тем временем солнце уже успело зайти, и приятный полумрак распространялся над парком Медины, лакеи зажгли лампы и разноцветные фонари, которыми были украшены деревья и клумбы цветов, так что весь парк представлял собой волшебную картину.

Королева-мать осталась со своим супругом и маркизом де Монтолоном в главной зале и выразила свое мнение о предложении Дона Карлоса, тогда как молодая королева, расхаживая под руку с герцогом Мединой, говорила ему, что это празднество доставляет ей большое удовольствие.

— Мы должны сознаться, — сказала она со своей обычной очаровательной улыбкой, — что этот парк гораздо красивее нашего, господин герцог. Вы имеете в своем распоряжении все, что радует и возвышает душу — одного лишь недостает вам.

— Я от души сожалею, что ваше величество недовольны своим покорнейшим слугой.

— Мы были бы неблагодарны, многоуважаемый герцог, если бы не сознавали, что вы приняли нас с королевской роскошью. Но должны сказать вам, что предпочитаем пение музыке.

— Извините, ваше величество, что я, как невнимательный хозяин, не подумал о придворных певцах. К несчастью, этой ошибки нельзя уже поправить. Но не удовольствуется ли моя королева прекрасным, чистым голосом девушки из народа...

— Конечно, дорогой герцог. Мы предпочитаем народную песню разным ариям и операм, которые так часто приходится слышать. Мы с нетерпением ждем вашу певицу.

— Я спешу исполнить приказание вашего величества, — сказал, низко кланяясь, герцог, который, услышав желание королевы, вспомнил о прекрасном голосе сельской девушки. Он хотел тотчас же приказать позвать ее в замок и попросить спеть под аккомпанемент мандолины чудесную песню, которую слушал однажды у ее окна.

Изабелла, обменявшись несколькими словами со своим супругом, села в одно из кресел под пальмами, вокруг нее расположились графиня Евгения с Олимпио и маркиза с доном Эндемо, а мужчины и дамы, составлявшие свиту, стояли в глубине залы.

Королева сообщила окружающим о предстоящем необыкновенном концерте, и Эндемо тотчас же догадался, кто была та певица, которую герцог велел позвать в замок.

Он сперва побледнел, потом отвечал графине де Монтихо на ее вопрос так тихо, что Олимпио не услышал его слов, что певица — Долорес, дочь сельского старосты, бывшего когда-то смотрителем мадридского замка.

Глаза графини сверкнули, и она украдкой взглянула на Олимпио. Евгения торжествовала — ведь она знала, что Олимпио, который теперь ухаживал за ней, прежде любил Долорес.

До сих пор она ни разу не напоминала ему об этом, но это обстоятельство не было забыто ею. Теперь она хотела удостовериться, действительно ли девушка из народа могла быть ей соперницей. Одна мысль о такой возможности так оскорбила ее гордость, что она побледнела.

«Олимпио не подозревает, кто такая ожидаемая певица, и потому появление ее должно будет произвести на него сильное впечатление», — подумала прекрасная Евгения. Но если ее предположение подтвердится, если она своим пронзительным взором прочтет измену на его лице, она жестоко отомстит ему за это унижение.

Эндемо, казалось, догадывался о намерении графини, он чувствовал, что имеет в ней союзницу для того, чтобы уничтожить Долорес, и его решение не упустить этого случая стало еще тверже, когда он увидел Долорес, появившуюся на террасе вслед за герцогом.

Дочь сельского старосты сначала отказывалась явиться к таким знатым гостям, но старый Кортина уговорил ее взять мандолину и последовать за Оливьеро, посланным от герцога.

Скрепя сердце, Долорес повиновалась. Ей казалось, будто она идет на гибель. Она не боялась молодой королевы, которая в прежнее время при встречах ласково заговаривала с ней, на какое-то другое, неопределенное чувство беспокойства овладело ее сердцем, и она шла за другом своего отца в замок, дрожа от страха.

— Не бойтесь ничего, — сказал старый смотритель Медины, — и что важнее всего — будьте смелее, иначе будете плохо петь. Дайте своему голосу полный простор, точно так, как вы это делаете, когда поете в своем домике.

— Страх так сжимает мое сердце, дядя Оливьеро, — отвечала девушка слабым голосом.

— Что с вами, Долорес? Вы так бледны и у вас такой испуганный вид, как будто вас ведут на эшафот? Вот, возьмите эти розы и приколите их к волосам. Будьте смелее! Я останусь на террасе, вблизи вас.

— Вы так добры ко мне, дядя Оливьеро, это меня поддерживает.

— Возьмите эти цветы, дитя, и украсьте ими свои волосы, тогда вы можете смело войти в залу в своем простом платье; свежие прекрасные розы заменят все украшения. Но вот идет его сиятельство — смелее, милая, смелее!

Старый Оливьеро отступил на несколько шагов и затем последовал за герцогом и дочерью Кортины на террасу.

Родриго Медина, которому очень нравилась прелестная Долорес, ласково взглянул на нее.

— Эти розы — прекрасное украшение,— сказал он,— следуй за мной наверх, в залу. Я хочу, чтобы ты спела нам ту песню, которую я недавно слышал, проходя мимо домика твоего отца. Но мне кажется, ты дрожишь?

— Это уже прошло, ваше сиятельство. Если вы удовольствуетесь моим слабым пением, я охотно исполню ваше приказание!

— Вот это мне нравится! Твои щеки опять покрываются румянцем. Тебе нечего бояться! Спой нам эту песню, и я щедро вознагражу тебя,— сказал герцог, входя в слабо освещенную залу.

Королева разговаривала с Эндемо о владениях герцога Медины, а Олимпио был до того углублен в беседу с прелестной Евгенией де Монтихо, что не заметил вошедшей певицы.

— Соловей нашего селения, ваше величество,— сказал Эндемо насмешливым тоном, указывая на Долорес, которая, скромно потупив глаза, низко поклонилась, войдя в залу. Она держала в руке небольшую мандолину. В ее волосах красовались живые розы, а на шею и на плечи была накинута простая, но ослепительно-белая вуаль.

Королева не узнала дочери бывшего смотрителя своего замка — она уже давно забыла ее. Милостиво отвечая на поклон красивой девушки, она подала рукой знак начать песню.

Долорес ободрилась, взяла на мандолине несколько аккордов, которые тихо разнеслись по зале и своим чистым, прекрасным голосом начала песню, которую просил ее спеть герцог Медина.

Олимпио, взглянув на певицу, не мог скрыть своего удивления, увидев ее поразительное сходство с Долорес. Мучительный упрек поднялся в его сердце вместе с воспоминанием о прежней любви, и когда он услышал ее голос, когда все более и более начал всматриваться в черты ее лица, ему показалось, что это действительно та Долорес, которую он любил и забыл в своей бурной жизни и в блеске двора, та, которой он поклялся в вечной любви и которой принадлежало его сердце.

Певица, начав второй куплет, взглянула на гостей — и увидела Олимпио! Звуки замерли на ее губах; она побледнела и, вскрикнув, пошатнулась.

Королева встала, последовало всеобщее волнение. Олимпио хотел подбежать к Долорес, которая, видимо, также узнала его.

— Что случилось с девушкой? — сказала королева, которую так неприятно поразило это происшествие, что она хотела выйти с своим супругом из залы.

Оливьеро, быстро подбежав, подхватил Долорес, лишившуюся чувств.

Эндемо с дьявольской улыбкой смотрел то на певицу, то на герцога, который был в сильном смущении.

— Что вы делаете, дон Олимпио? — проговорила графиня Евгения, увидев, что он готов бежать к Долорес.— Предоставьте лакеям позаботиться об этой женщине! Вашу руку!

Она сказала это ледяным, повелительным тоном — она наслаждалась борьбой, происходившей в его сердце!

— Вашу руку, дон Олимпио,— повторила графиня,— мы должны последовать за королевой!

В ту минуту, как зала совершенно опустела, Эндемо подошел к герцогу Медине.

— Эта девушка не успела еще оправиться от родов,— сказал он, понизив голос и указывая на Долорес, которую смотритель замка на руках выносил из замка.— Ведь вы это знали и могли избежать подобной сцены. Зрелище это не годилось для праздника знатного герцога Медины!

— Что ты говоришь?

— В домике Кортины появился новорожденный ребенок — мне кажется, я сообщаю вам не новость. Не волнуйтесь, господин герцог! Прерванное празднество должно быть доведено до конца.

— Жалкий человек! — проговорил герцог и поспешил в большую залу, чтобы извиниться перед королевой за происшествие, которое, очевидно, так неприятно подействовало на нее.

Лакей Диего был прав, рассказывая в селении, что управляющий Эндемо родственник его сиятельства, иначе он не позволил бы себе тех слов, с которыми только что обратился к герцогу.

— Отчего ты стоишь выше меня? — проговорил Эндемо ему вслед, и выражение глубочайшей ненависти исказило его бледное некрасивое лицо.— Отчего ты носишь герцогскую корону, между тем как я только простой дворянин? Отчего ты называешься герцогом и владеешь миллионами? Ведь и я имею право на них! Ты долго наслаждался ими — теперь пусть настанет моя очередь! Ведь мы сыновья одного отца. Да, твоя мать была инфанта, а моя — простая служанка из Англии. Но говорят, что моя мать была прекраснее твоей, и отец наш любил ее более своей законной жены! Поменяемся же теперь ролями, тогда, с миллионами, Долорес также будет моей! Мне наскучило быть твоим слугой.

XXII

ВОССТАНИЕ

Прошло несколько недель после празднества.

Долорес все еще не вставала с постели; лихорадочные сны тревожили ее — перед ней постоянно являлся образ Олимпио, которого она так неожиданно увидела в замке. Она все время возвращалась к горькому воспоминанию — как горячо любимый ею человек вместе со всем двором оставил замок, не обменявшись с ней ни словом и не взглянув на нее...

Когда Оливьеро в тот злополучный вечер привел старому Кортине больную дочь, бедный отец не мог понять причины внезапной перемены, происшедшей в ней, но услышав повторяемое Долорес в лихорадочном бреду имя Олимпио, он догадался обо всем случившемся и горячо молился за свою бедную дочь.

Казалось, она начала поправляться. Наступил глубокий сон.

Во время болезни дочери старый Кортина заботливо ухаживал за ребенком Жуаны, хотя у него было для этого мало свободного времени, так как жестокий Эндемо своими непомерными требованиями как будто специально испытывал терпение старосты и работников.

Кортина решился явиться к герцогу и рассказать ему всю правду откровенно находившегося у него в доме чужого ребенка. Оливьеро доложил о нем его сиятельству — герцог же велел передать Кортине, что он узнает решение тогда, когда бесчестная дочь его оправится после болезни.

Эти слова до того поразили старика, что он поклялся никогда не переступить порога замка.

Оливьеро старался утешить своего старого товарища, но Кортина, мрачный и с поникшей головой, удалился. Слова герцога глубоко оскорбили честь доброго старика и его дочери.

Но каким образом бедный староста мог требовать отчета в нанесенном оскорблении от герцога, своего повелителя? Кортине оставалось лишь терпеливо переносить причиненное ему горе.

Проснувшись после глубокого, продолжительного сна, Долорес с удивлением оглядывалась кругом — она только что видела себя в своей квартире в мадридском дворце и говорила с горячо любимым Олимпио.

Горькая действительность так быстро сменила этот отрадный сон, что она со слезами на глазах снова упала на постель и закрыла лицо руками.

В памяти ее опять воскресли картины недавнего прошлого, она видела себя в замке в тот злополучный вечер, видела Олимпио, стоявшего подле графини Монтихо, слышала оскорбительные слова Эндемо, и сердце девушки при этом воспоминании готово было разорваться от боли. Она громко зарыдала.

Старый Кортина, с ребенком Жуаны на руках, молча подошел к постели дочери; увидев Долорес, мальчик с улыбкой протянул к ней ручки.

Долорес прижала малыша к груди, она хотела забыть свои страдания и жить только ради этого мальчика, покинутого даже родной матерью. Бедная девушка, за минуту до этого желавшая умереть, чтобы скорее избавиться от своего горя, теперь чувствовала в себе достаточно силы, чтобы перенести его.

Долорес поняла, что Олимпио был для нее потерян, что она забыла им, и клятва, данная им при расставании, давно нарушена. Она же по-прежнему любила его, все также принадлежала ему, все также свято хранила клятву.

На душе ее стало так грустно, что она решила добраться до образа, стоявшего на перекрестке дорог, чтобы испросить у Пресвятой Девы подкрепления сил. Зная, что отец не позволит ей выйти из дому сейчас, когда здоровье ее еще не восстановилось, она хотела дожидаться ночи, чтобы уйти тайком.

Наступила ночь. Утомленный старик лег в постель, но сон не смыкал его глаз. Мысль об оскорблении, нанесенном ему и его дочери герцогом, не давала ему покоя; кроме того, в этот день он по выражению работников догадался, что они решились на отчаянный шаг, и это также сильно тревожило Кортину.

Он долго беспокойно ворочался в постели, и Долорес прислушивалась к его движениям. Наконец, усталость взяла свое, и старик заснул. Малыш тоже крепко спал.

Долорес, стараясь не шуметь, с трудом поднялась с постели, и тут только почувствовала, как была еще слаба. Колени ее дрожали, когда она, накинув на себя платье, выходила из комнаты; на пороге она на минуту остановилась, чтобы обдумать свой поступок.

— Я не могу, — прошептала она, — я не в силах остаться тут; я должна помолиться перед образом твоим, Пресвятая Дева!

Держась одной рукой за стену, она неслышно переступила порог комнаты и, тихо отворив дверь, очутилась на дороге.

Прохладный ночной воздух хорошо подействовал на Долорес, она жадно вдыхала его. Но не успела пройти несколько шагов, как поднялся сильный ветер, предвещавший грозу.

Непроницаемый мрак окружал бедную девушку, густые черные тучи заволокли небо.

С трудом переступая по песку, она дошла до перекрестка дорог; вдруг в стороне послышался легкий шелест.

Девушка на минуту остановилась, затем, перекрестившись, пошла дальше, по направлению к густому кустарнику, у которого находился образ Богородицы. Вдали послышались первые удары грома. Долорес овладел невольный страх, и она, скрестив руки, опустилась на колени перед образом; она молилась долго и горячо, между тем как страшные раскаты грома приближались и ослепительные молнии ежеминутно освещали всю местность.

Когда Долорес, помолвившись, пробиралась между кустами на возвратном пути домой, в стороне послышался громкий шелест, однако, не испугавший ее, так как она чувствовала себя под защитой Пресвятой Девы.

Вдруг она ощутила прикосновение чужей-то руки, но в кустах царил такой непроницаемый мрак, что Долорес сперва не могла различить, кто приближается к ней.

Бедная девушка задрожала от страха и не могла двинуться с места. И тут она увидела после себя фигуру человека.

Ужас овладел ею, она бросилась бежать, но приблизившийся человек преградил дорогу и уже обхватил ее рукой.

— Кто вы? — вскричала Долорес. В эту минуту молния осветила кусты, Долорес испустила крик отчаяния: Эндемо обвил рукой ее стан и притягивал ближе к себе свою жертву. Несчастная девушка уже чувствовала на своей щеке прикосновение его пылающих губ, и невыразимый ужас овладел ею.

— Прочь! — повторяла Долорес, стараясь освободиться из рук ненавистного ей человека. — Прочь, оставьте меня, я принадлежу другому!

— Погоди, красавица! Ты должна принадлежать мне одному, и если станешь обороняться, я удержу тебя силой! Ни с места! Ты моя!

— Сжальтесь, пустите меня,— кричала девушка в отчаянии, видя себя совершенно во власти этого злодея.

Эндемо прижал ее к своей груди и потянул к скамейке.

Глубокий мрак окружал их, вокруг не было ни души, никто не слышал крика молодой девушки, раскаты грома заглушали ее голос.

Видя себя совершенно во власти Эндемо, Долорес в отчаянии совершенно обессилела, дыхание ее прерывалось, грудь сильно вздымалась, она чувствовала, что будет побеждена этим злодеем, если само небо не спасет ее.

Эндемо, уверенный в победе, уже привлек Долорес к скамейке и осыпал поцелуями ее холодные руки, как вдруг бедная девушка почувствовала в себе сверхъестественную силу. Быстрым движением она вырвалась из рук Эндемо и бросилась к образу Богоматери, выступающему из глубокого мрака. Опустившись перед ним на колени и обвив его правой рукой, Долорес протянула левую руку, защищаясь от преследователя.

— Сохрани меня, Мать Божия! — воскликнула она.

Эндемо с яростью бросился к ней, но сверкнувшая молния до того ослепила преследователя, что он отшатнулся и отступил на несколько шагов, но тут же с еще большим остервенением готов был броситься на свою жертву, как вдруг приостановился — вдали ясно послышался шум приближающихся шагов. Заскрежетав зубами от злости, Эндемо стал озираться кругом. В отдалении он увидел несколько человек; дрожа от гнева, он направился к замку и через несколько секунд скрылся во тьме.

Долорес без чувств лежала у подножия образа.

Башенные часы Медины глухо пробили полночь.

Гром не умолкал, молнии все еще сверкали, но ветер уже заметно стихал.

Вскоре на перекрестке собралось несколько человек, к которым с каждой минутой присоединялись другие.

— Muerte,— произносил каждый раз, когда новый человек приближался к собравшимся, один из них, по-видимому, предводитель этой толпы.

— A tiranos *,— отвечали стекавшиеся со всех сторон их товарищи.

— Это ты, Фернандо? — спросил первый.

— Да, я, и со мной еще двадцать человек, Лоренцо!

— Так, значит, мы почти все тут; нас более сорока человек!

— Ночь эта вполне благоприятствует нам: вокруг такой непроницаемый мрак, что я не вижу вас в двух шагах,— проговорил Фернандо.

— Все ли вы вооружены? — спросил Лоренцо.

— Те, кто не успел запастись ружьем, захватили с собой косы,— раздалось со всех сторон.

* Смерть тиранам.

Лоренцо осмотрел оружие поселян, к которым еще подходили запоздавшие союзники.

— Кто поведет нас? — спрашивали голоса из толпы. — Мы утлим, наконец, жажду мести! Смерть Эндемо и всем в замке!

— Лоренцо поведет нас, — отвечали собравшиеся в один голос.

— Да, вы правы, друзья, ему больше всех доставалось от жестокости Эндемо, — проговорил Фернандо, — пусть Лоренцо станет во главе нас.

— Теперь для всех в замке настал последний час! Мы никого не пощадим! Клянусь честью, они все должны умереть, — произнес Лоренцо!

— Кортина должен быть пощажён, — раздалось из толпы.

— Горе тому, что осмелился тронуть старосту и его дочь, — проговорил Лоренцо. — Мы не сообщили ему о нашем заговоре только потому, что знали, что он, по бесконечной доброте своей, постарался бы не допустить нас до такого отчаянного шага.

— Вперед! Мы хотим видеть замок в огне, — вскричали работники. — Смерть Эндемо!

— Тише, друзья, — проговорил Лоренцо, — мы должны быть очень осторожны, дело идет о решении нашей участи. Во-первых, нам надо со всех сторон окружить дворцовую стену. Вас поведет в замок Фернандо, вас Антонио, а остальные останутся при мне. Таким образом, мы приступим к делу сразу с трех сторон. Убивайте всех, кто попадется на дороге, только управляющего пощадите, он не должен умереть. Но мы все должны насладиться зрелищем предсмертных мук Эндемо.

— Да здравствует Лоренцо! — раздалось в толпе.

— Вперед, — приказал он, и три колонны бесшумно двинулись к замку, чтобы окружить его с трех сторон. Озлобленные и выведенные из терпения жестокостью и несправедливостью Эндемо работники Медины, не думая о последствиях, решили отомстить за все, что пришлось им перетерпеть в мучительные годы рабства...

При последних словах заговорщиков Долорес очнулась.

Она встала, опираясь на образ, и стала прислушиваться с напряженным вниманием.

Прошло несколько минут, пока бедная девушка припомнила все случившееся...

— Это был он — Эндемо, этот ужасный человек, — прошептала она. — Я все еще дрожу, дождь намочил мое платье... но что значит этот шум подле меня? ведь теперь еще ночь... Я слышала восклицание: да здравствует Лоренцо, затем приказание вперед!.. Но ведь это, Пресвятая Дева! Вдали раздаются шаги... что я вижу! Поселяне пробираются к замку. Ужасное предчувствие наполняет меня...

И закутавшись плотнее в шаль, Долорес быстро вышла из кустов.

Гроза утихла, тучи рассеялись, и луна на мгновение выглянула из облаков.

Долорес внимательно озиралась кругом, желая убедиться, не обманывает ли ее предчувствие. Дыхание ее прерывалось, грудь неровно вздымалась.

Она ясно увидела приставленную к стене замка лестницу, по которой взбиралось двадцать человек, каждый с оружием в руках. Долорес сразу узнала Лоренцо с поселянами. Ее предчувствие оправдалось: работники составили заговор против Эндемо и напали на замок.

Но Долорес понимала, что отчаянные поселяне шли на верную гибель, так как прежде чем они успеют справиться с вооруженными слугами замка, на помощь к Эндемо явится отряд солдат, который положит на месте всех заговорщиков.

Долорес видела уже, как несчастных жен и детей поселян безжалостно выгоняют из хижин, как они в отчаянии ломают руки — и все из-за Эндемо, этого ужасного человека, проклятия всего населения.

— О, Боже,— прошептала она,— что мне делать! Я не смогу удержать их, необходимо догнать их и умолять отказаться от своего намерения, я разбуду герцога.

Видя наперед гибельные последствия этого восстания, Долорес с невероятной быстротой добежала до каменной стены замка и стала кричать изо всей силы — никто не отвечал. Поселяне уже спустились на двор замка и сняли за собой лестницу.

Бедная девушка бросилась к воротам и постучалась — напрасно! Никто не отзывался.

— Матерь Божия! — воскликнула Долорес, ломая руки.— Они все погибли, что мне делать!

Вдруг лицо ее просветлело, она решила бежать к отцу, который имел влияние на поселян.

— Скорее, скорей! — шептала она, мчась по направлению к своему дому, ноги ее едва касались земли, она более не чувствовала слабости.

Но не успела она отворить дверь своей хижины, как в герцогском замке раздался первый глухой выстрел.

Долорес вздрогнула.

— Поздно, они погибли,— вскричала она, падая в изнеможении подле постели отца.

— Спаси их,— с трудом проговорила она,— отец, они штурмуют замок!

XXIII

ЗАЛОЖНИК

Работники и поселяне Медины благополучно перебрались через высокий каменный забор, окружавший парк, замок и герцогские конюшни, и, не замеченные никем, добрались до главного здания, как вдруг встретили первое препятствие.

Большие собаки сторожа громко залаяли, но старик не обратил на это внимания, так как они лаяли и ворчали при малейшем шорохе и движении.

Однако видя, что собаки не унимаются, а с глухим ревом бросаются во все стороны, сторож отправился в чашу парка, держа в руках копье, чтобы защищаться от ворвавшихся злодеев.

— Что тут за шум, кто вы такие? — произнес он, обращаясь к людям, стоявшим под деревьями.

— Молчи, старик, — отвечал Лоренцо.

— Muerte a tiranos! — прибавило множество голосов из толпы.

— Назад! Чего вам надо? — воскликнул сторож, видя стекавших со всех сторон еще новых лиц.

— Мы ищем мести! Выдайте нам управляющего, — грозно произнесли поселяне.

— О, Боже! — воскликнул сторож. — Злодеи приближаются со всех сторон!

Он хотел броситься к порталу, чтобы звонком разбудить слуг.

— Стой, старик, или мы положим тебя на месте, — грозно произнес Лоренцо.

Но сторож не слушал его, порываясь исполнить свой долг и известить жителей замка об угрожающей им опасности.

— Так ты не слушаешь нас, — вскричал рассвирепевший предводитель, и мгновенно прицелившись, убил старика наповал.

Выстрел этот, услышанный и Долорес, послужил сигналом для бунтовщиков. Разъяренные поселяне с яростью ринулись на замок.

Дикий крик толпы разбудил жителей замка.

Рассвирепевшие заговорщики, выломав окна первого этажа, бросились в портал, прокладывая себе дорогу с оружием в руках. Через несколько минут все жители замка были на ногах.

Оливьеро, подойдя к разбитому окну своей комнаты, старался уговорить поселян отказаться от расправы, но они, ворвавшись через окно в его комнату и нанеся ему несколько ударов, открыли себе таким образом путь в покои замка.

Со всех сторон стекались бунтовщики и с ужасающими криками «Мести! Долой Эндемо! Смерть тиранам!» — бросались в замок.

Герцог, в испуге поднявшись с постели, несколько минут не мог придти в себя; затем он изо всех сил дернул звонок, чтобы узнать у слуг о причине ужасного шума.

Слуги замаялись, не осмеливаясь сказать правды, пока, наконец, Эндемо не явился в покои герцога.

— Работники восстали, — произнес он, — им слишком хорошо жилось! Не шадите их! К оружию, друзья! Следуйте за мной! Стреляйте в них беспощадно, куда попало!

— Восстание, — повторил герцог, — так прикажите Оливьеро вызвать на помощь из города отряд солдат!

— Теперь уже поздно! Заговорщики со всех сторон заняли замок, — проговорил Эндемо, — сторож убит, смотритель ранен, теперь нам надо самим защищаться.

— Клянусь честью, они узнают меня! — вскричал Родриго Медина, быстро снимая оружие со стены. — Вооружайтесь скорее и стреляйте в злодеев! За каждого убитого бунтовщика вы получите сто реалов.

Слова эти произвели желаемое действие. Вооружившись в один миг, слуги последовали за взбешенным герцогом и управляющим.

Покои нижнего этажа были совершенно разрушены ожесточенной толпой. Редкостные картины валялись на полу в клочьях, драгоценные вазы и статуи были разбиты вдребезги.

Более сорока работников под предводительством Лоренцо и Фернандо с зажженными факелами в руках бросились вверх по лестнице, ведущей в покои герцога.

На верхней площадке встретил их сам герцог с вооруженными слугами. Эндемо только что хотел спустить курок своего ружья, направленного на Лоренцо, как герцог остановил его.

— Чего вам надо, разбойники? — воскликнул он, обращаясь к толпе. — Назад, или я велю расстрелять вас всех!

— Мести! Долой Эндемо, это проклятие Медины! Смерть его защитникам! — кричала рассвирепевшая толпа.

— Вы еще медлите стрелять в этих бунтовщиков! — вскричал управляющий со сверкающими от гнева глазами. — Если вы боитесь их, то отступайте, они бросятся на нас прежде, чем мы успеем взяться за оружие.

— Выдайте нам этого злодея, или замок ваш через несколько часов превратится в груды пепла, — воскликнул Лоренцо, с трудом удерживая своих разъяренных товарищей.

— Оставьте замок и обождите моего решения! Силой вы ничего не добьетесь, так как я могу уничтожить вас, если захочу, — отвечал герцог.

— Мы ищем смерти и не боимся ее! Мы скорее готовы умереть, чем доле находиться в Медине во власти этого изверга! Выдайте Эндемо! — раздавалось в толпе бунтовщиков.

— Назад, или я велю стрелять в вас!

— Ого, как он защищает своего брата, — произнес Лоренцо.

Число бунтовщиков, собравшихся на лестнице, увеличивалось с каждой минутой, между тем как защитников замка было не более двенадцати человек, на помощь которых нельзя было особенно рассчитывать, так как они сами ненавидели Эндемо и желали его смерти.

Эндемо, дрожа от гнева, видя значительное численное превосходство заговорщиков, первый выстрелил из ружья. Еще секунда — и началось страшное кровопролитие!

Перевес, разумеется, остался на стороне бунтовщиков, и часть защитников замка превратилась в изувеченные трупы.

И тут в портале раздался голос человека, о котором в эту минуту не думали ни заговорщики, ни обитатели замка.

— Горе вам, несчастные, что вы делаете! Прочь с лестницы. Долой оружие! — произнес этот человек так грозно и повелительно, что поселяне невольно отступили.

Старый Кортина, бледный и в белой одежде, появился в портале, в волнении простирая руки к восставшим поселянам.

— Не мешай нам! Мы хотим, наконец, отомстить! — вскричал Лоренцо. — Ты знаешь, что мы перенесли, иди прочь, чтобы твои слова не смягчили нас!

— Я приказываю тебе, сельский староста, отправиться за солдатами, чтобы эти бунтовщики не избегли наказания! — приказал герцог, увидев Кортину.

— О, Боже! Ведь я ничего не знал об этом бунте! Назад, люди! Что вы делаете? Подумайте о ваших женах и детях! — вскричал от отчаяния Кортина, пробираясь между поселянами. — Сжальтесь, ваше сиятельство! Не приказывайте стрелять в них!

Сельский староста благополучно добрался до места, где стоял герцог, он находился теперь между взбешенными поселянами и жителями замка, готовыми к защите; еще минута — и он пришел бы слишком поздно!

— Пусть первый же выстрел убьет меня! — вскричал Кортина, обращаясь к заговорщикам. — Оставьте замок! Я переговорю о вас с его сиятельством.

— Не надо! Давайте нам Эндемо! — раздалось снова в толпе.

— Скажите, имеете ли вы доверие ко мне?

— Да, Кортина, мы питаем полнейшее доверие к тебе! Но не верь им, они все одинаковы! — вскричал Лоренцо. — Ты ничего не сможешь изменить. Мы хотим отомстить за все страдания, перенесенные нами!

— Но только умертвив меня, вы проникнете в замок, клянусь именем Всевышнего! Вы слышите? Я хочу спасти вас, хочу поговорить с его сиятельством, и, может быть, дело еще можно поправить! — возразил сельский староста. Герцог, мрачно смотревший на него, считал появление старосты заранее условленной комедией, и предположение его укрепилось, когда Эндемо прошептал:

— Соглашайтесь на его предложение! Когда эта старая лисица будет в нашей власти, а те собаки выгнаны из замка, тогда предоставьте мне позаботиться обо всем!

Заговорщики, не смотря на то что Кортина имел большую власть над ними, в этот раз, казалось, не обращали внимания на его слова, они ворчали и готовились поднять оружие.

— Лоренцо, Фернандо, вы отвечаете за них! Что вы делаете, безумцы? Неужели вы не слушаете более старого Кортину, который желает вам добра? Насилие вы можете употребить потом, позвольте мне сперва попытаться покончить дело миром!

— Давайте нам проклятого Эндемо! Если мы уйдем отсюда, все опять будет потеряно. Долой Эндемо! — услышались снова грозные голоса.

— Я отстою ваше право, клянусь именем Пресвятой Девы! Идите с Богом! Оставьте замок! Пойдите в парк и ждите там моего возвращения. Обещаю вам принести хорошие известия, так как его сиятельство, господин герцог, справедлив.

— Ради вас, староста, мы это сделаем! — сказал Фернандо. — Мы останемся в парке перед замком и будем ждать его там.

— Пусть будет так, но ведь герцог не сказал нам ни слова, — возразил Лоренцо.

— Пока вы, как бунтовщики, находитесь здесь в замке, моим

ответом служат вот этот порох и свинец! Если вы хотите узнать мое решение, уходите прочь! Я выслушаю сельского старосту!

Кортине удалось, наконец, заставить восставших уйти из замка. Он запер высокую дверь портала, не подозревая, что его считают соучастником заговора и сделают заложником, чтобы усмирить восставшую толпу.

Его поразило то, что Эндемо подошел к двери, чтобы убедиться, действительно ли она заперта на замок, и приказал лакеям стеречь нижний этаж.

— Так, старый негодяй,— вскричал он, обращаясь к Кортине,— теперь иди наверх! Ты сам сверг себя в западню! Где же твоя хитрость?

Сельский староста взглянул на управляющего, как бы не веря своим ушам, но не счел нужным отвечать на слова этого низкого человека.

Он направился к герцогу, Эндемо следовал за ним.

Старый Кортиня вошел в комнату герцога, на стенах которой горели канделябры, и почтительно поклонился.

Герцог, бледный и взволнованный, стоял у кресла и грозно смотрел на сельского старосту. Но совесть и намерение честного старика были так чисты, что он не заметил его мрачного взора.

— Мне любопытно узнать, до чего дойдет твоя наглость и наглость этой жалкой толпы,— сказал герцог почти беззвучным голосом.

— Я поклялся несколько времени тому назад, ваше сиятельство, не переступить более порог замка,— начал старик,— вы, в несправедливом гневе, назвали мою дочь бесчестной, и этот позор пал и на меня...

— К чему это предисловие, или ты, удалив из замка бунтовщиков, намерен говорить о себе? — спросил герцог.

— Этот хитрый старик, как кажется, хочет разыграть роль вашего избавителя,— вмешался Эндемо с язвительной усмешкой.— Вы поступите лучше всего, если прикажете тотчас же посадить его в одну из комнат подвала. Входы и окна нижнего этажа охраняются прислугой, таким образом повторение прежнего разбойничьего нападения невозможно.

— Удостоите ли вы меня, ваше сиятельство, милости, высказаться вам, или мне следует обращаться к этому человеку, виновнику всего случившегося? — спросил Кортиня все еще спокойным голосом.

— Говори, что ты имеешь сообщить мне?

— Я поклялся никогда более не являться в замок, но когда час тому назад услышал, что тут случилось, то подумал, что Пресвятая Дева простит мне нарушение клятвы.

— Ты хочешь этим сказать, что ничего не знал о бунте? К чему же ты сельский староста?

— Притесняемые рабники уже давно вынашивают мятежные планы, но мне до сих пор удавалось раскрывать и расстраивать эти замыслы, ваше сиятельство. Но в этот раз поселяне действовали

так тайно, что я ничего не узнал бы о нападении, если бы мне не сказала моя дочь, Долорес.

— Значит, твоя дочь соучастница?

— Это более, чем вероятно,— вмешался Эндемо,— я видел, возвращаясь поздно в замок, дочь этого хитрого старика, которая стояла у образа Богородицы и ждала!

— Я прикажу расследовать это! — проговорил герцог в сильном волнении.— Но пока ты остаешься в замке в качестве заложника.

— Как, ваше сиятельство, вы хотите арестовать меня, беззащитного старика, по обвинению управляющего, которому хочет отомстить толпа?

— Да! Меня доводят до этого! Сообщите бунтовщикам,— крикнул герцог, обращаясь к Эндемо,— что при первых же враждебных действиях с их стороны сельский староста будет убит! Они дорого заплатят за свое нахальство! Клянусь загробной жизнью, этот позор не падет безнаказанно на замок моих предков!

— Вы ослеплены, ваше сиятельство! Бунт направлен не против вас, а против вашего управляющего, который измучил народ! Сжальтесь же и будьте справедливы!

— Прочь отсюда, негодяй! Бросьте его в подземную темницу замка! — вскричал взбешенный герцог, обращаясь к лакеям, которые обступили старика Кортину.

— Вы идете на верную гибель, ваше сиятельство!

— Посмотрим, на чьей стороне будет победа! Я жестоко накажу виновных!

— Не трогайте меня, люди! Старый Кортин добровольно последует за вами в темницу! Заточение не страшит меня, но глубоко огорчает награда, которую я получаю за все мои услуги! Опомнитесь, ваше сиятельство! Вы действуете по наущению этого злого человека, и придет время, когда вы раскаетесь в этом! Он — проклятие Медины!

Герцог отвернулся, он не слушал слов старика, который без страха отправился в темницу.

Родриго Медина подошел к своему красивому, резному письменному столу и написал коменданту ближайшего города письмо, в котором просил прислать в Медину отряд хорошо вооруженных солдат. Письмо он передал своему камердинеру, приказав ему как можно скорее доставить его по адресу.

В это время Эндемо подошел к одному из окон нижнего этажа и убедился, что замок может быть защищен вооруженными шталмейстерами, егерями и лакеями.

Работники группами стояли в парке, не отводя мрачных глаз от замка и дожидаясь возвращения Кортини.

Долорес, бледная и встревоженная, вышла из дому и направилась к замку, чтобы узнать, удалось ли отцу склонить герцога в пользу несчастных поселян.

В эту минуту в одном из окон нижнего этажа появился Эндемо, окруженный четырьмя егерями, которые держали в руках заряженные ружья.

— По приказанию его сиятельства герцога Медины сообщая вам,— начал он громким голосом,— что тот, кто в продолжение десяти минут не сложит здесь своего оружия, будет казнен как мятежник! Через несколько часов сюда прибудет отряд солдат, и при первых же враждебных действиях сельский староста Мануэль Кортина, сидящий теперь в качестве заложника в темнице замка, будет расстрелян!

Четыре егеря подняли ружья, чтобы убить тех, кто направит свое оружие против Эндемо.

Пронзительный крик раздался после слов управляющего: Долорес, слышавшая ужасный приговор, испустила этот вопль отчаяния. Мертвая тишина наступила в толпе, угроза Эндемо подействовала, на минуту заговорщики невольно опустили руки.

— Зачем он вмешался, зачем поверил им? — снова раздалось из толпы.— Не складывайте оружия! Мы должны опустошить замок прежде, чем придут солдаты!

— Отомстим! Отомстим! — неистово кричал Лоренцо.— Следуйте за мной, друзья! Мы во всяком случае не избежим смерти, и потому должны отомстить прежде, чем погибнем.

— Смерть тиранам! — раздалось в толпе, и ожесточенные заговорщики с яростью готовы были снова кинуться на замок.

Но в эту минуту Долорес собралась с силами. Полная решимости спасти отца, бледная, с выражением отчаяния на лице, она бросилась на колени перед поселянами.

— Сжальтесь, сжальтесь,— умоляла она дрожащим голосом,— отец мой погибнет, если вы не отступите от вашего решения!

— Мы все погибнем, Долорес! Прочь с дороги,— отвечали ожесточенные люди.

— Горе вам, неблагодарные! — вскричала Долорес в невыразимом отчаянии.— Услышьте же мои мольбы! Не убивайте отца, который хотел спасти вас!

Даже ожесточенный Лоренцо остановился в нерешительности, так ужасен был вид несчастной девушки, умолявшей пощадить отца! Тронутые горем Долорес, поселяне заколебались.

При виде этого бедная девушка перевела дыхание.

Но многие из поселян были ожесточены до такой степени, что отчаяние Долорес не заставило бы их отказаться от решения, если бы их не остановило непредвиденное обстоятельство: Фернандо удалось поймать камердинера, спешившего за помощью в город с письмом герцога, и толпа с громкими торжествующими восклицаниями вела его по парку.

— Мы поймали его, вот письмо к начальнику! Не оставим замка до тех пор, пока нам не выдадут Эндемо! — раздалось в толпе, и все бросились читать письмо.

Долорес, одна на площадке перед замком, с ужасом ждала, что бунтовщики снова пойдут на замок, и тогда бедному отцу ее не миновать смерти.

Дрожащей рукой откинула она спустившиеся на лоб волосы, глаза ее лихорадочно блестели.

Громкие крики заговорщиков доносились из парка.

Вдруг Долорес бросилась бежать к дому. Быстро и не обращая внимания на вопросы и крики поселянок, мчалась она по дороге; достигнув, наконец, своего жилища, мучимая смертельным страхом, она поспешно отворила дверь, схватила спящего ребенка, закутала его и побежала с ним обратно к замку.

Все с удивлением смотрели ей вслед, никто не понимал, что происходит, и что она задумала.

Долорес с ребенком на руках поднялась по лестнице в замок и постучала в высокую дверь.

— Отворите,— крикнула она,— я дочь сельского старосты.

— Что вам надо? — спросил лакей.

— Я хочу видеть моего отца, скажите управляющему Эндемо, что у него будет два заложника вместо одного, скорее!

За дверью послышались поспешные шаги и голоса.

— Слава Пресвятой Деве,— воскликнула Долорес, когда дверь отворилась и она вошла в замок.— Теперь убейте нас всех, ведите меня к моему отцу!

— В темницу ее! — послышался голос Эндемо, и дверь снова затворилась.

XXIV

ТРИ КАРЛИСТА

Радостные дни, наставшие для испанского двора в замке Эскуриал, были непродолжительны.

Мария-Христина получила согласие молодой королевы, правящей теперь самостоятельно, на свое намерение представить предложение Дона Карлоса на обсуждение кортесов, однако решение большинства голосов было неблагоприятно. Военные действия должны были начаться снова и продолжаться до тех пор, пока одна из сторон не уступит, но терпение королевской партии было исчерпано, и надо было положить конец войне во избежание грозившего восстания. Народ не хотел более терпеть несчастную войну, а волнения были в Испании средством, перед которым не останавливались ни войска, ни граждане.

Изабелла среди шумных удовольствий и не думала о серьезном положении дел в государстве, и только королева-мать настаивала на том, чтобы немедленно вернуться в Мадрид и добиться прекращения войны, используя приезд трех послов Дона Карлоса, либо одним сильным ударом уничтожить неприятельские войска, словом, во что бы то ни стало добиться заключения мира.

Герцогу Валенсии советом министров было поручено при содействии его генерального штаба, к которому принадлежали лучшие офицеры королевских войск, тотчас же разработать планы и не жалеть никаких усилий и жертв, чтобы все было подготовлено к уничтожению карлистов прежде, чем три посла успеют выехать из Мадрида.

Перемирие кончилось. Последняя аудиенция трех офицеров Дона Карлоса постоянно откладывалась с тем, чтобы все было готово раньше, чем они смогут вернуться в свою главную квартиру. Всем было известно, что карлисты сильно пострадали из-за последних потерь, и что Карбера сам посоветовал инфанту, за которого он сражался, предложить мир, следовательно, долгого сопротивления с их стороны нельзя было ожидать.

Главная квартира Дона Карлоса находилась по ту сторону города Бургос, в горах, на расстоянии тридцати миль, и дорога туда на лошадях занимала три дня. Этим временем и хотели воспользоваться в Мадриде.

Но члены военного совета упустили из виду то обстоятельство, что имели в трех знакомых нам карлистах не обычных противников.

Маркиз, подкупив придворного лейб-егеря, выяснил, что в военном кабинете, находящемся на Гранадской улице, составляются какие-то особенно тайные планы, из чего Клод заключил, что уже делаются приготовления к продолжению войны, хотя он и его друзья еще не получили окончательного ответа правительства.

— Если с нами так поступают, — сказал он, обращаясь к Олимпио и Филиппо, — то мы будем действовать подобно им! Сегодня вечером нам сообщат в замке, что переговоры кончились не в пользу мира, и тогда мы, прежде чем выедем из Мадрида, посетим дворец на Гранадской улице и постараемся добыть верные сведения о составленных уже планах.

— Твоя мысль мне нравится, Клод, — проговорил Филиппо, — но выполнить это очень трудно! Дворец Генерального штаба строго охраняется, и двери залы, в которой находятся тайные документы, вероятно, хорошо защищены.

— Все это не остановит нас, мы должны перехитрить здешних господ. Предоставьте мне позаботиться обо всем! Если б я только знал, что случилось с нашим Олимпио на празднестве в Медине! Мне кажется, прекрасная графиня Евгения де Монтихо говорила, что ей нужен каждый месяц новый обожатель, недаром она так много смеялась на последнем придворном вечере в обществе принца Жуанвильского, — сказал маркиз, тогда как Олимпио, делавший вид, что не слышит его слов, расхаживал взад и вперед по комнате.

— Per Dio, она это делала только для того, чтобы позлить Олимпио! Впрочем, преклоняюсь перед твоим вкусом! Графиня — редкостная красавица! Такие мечтательные голубые глаза, такой нежный цвет лица и такие очаровательные формы встречаются нечасто! К тому же роскошные светлые волосы, которыми так гордится графиня, и маленькие прелестные руки и ноги, которыми она так кокетничает! Но не слишком увлекайся ею, друг Олимпио!

— Черт возьми, избавь меня от твоих советов, — проговорил Олимпио, — у меня другое горе на сердце!

— Говори, Олимпио, — сказал маркиз — Я подозреваю, что ты напрасно искал прекрасную Долорес в замке! Знаешь ли ты, из-за кого она вынуждена была уехать со своим отцом?

— Знаю, Клод, я знаю все с тех пор, как мы побывали в Медине!

— В Медине,— повторили друзья,— что случилось там? Мы ничего не знаем.

— Вы не были в павильоне, когда молодая певица, которую герцог, по желанию королевы, ввел в залу, лишилась чувств!

— Мы слышали мимоходом об этом в главной зале.

— Эта певица была Долорес.

— Как, Кортиня и его дочь в Медине?

— Час спустя после этого происшествия мы уехали, и я не видел более Долорес.

— Бедная, милая девушка,— сказал маркиз с глубоким сожалением.— Олимпио, ты забыл это верное сердце. Небо ниспослало тебе счастье снова увидеть ее в замке.

Клод схватил друга за руку и, взглянув в его глаза, увидел, что в душе Олимпио происходит борьба.

— Я поступил дурно, Клод, увлекшись роскошью и красотой графини Евгении. Ее блеск заставил меня забыть мою Долорес.

— Ты еще можешь все исправить, друг мой, я наблюдал за тобой и вижу перемену в тебе! Забудь графиню и помни, что Долорес живет только для тебя.

— О, достоин зависти человек, для которого бьется верное женское сердце,— продолжал маркиз серьезным, взволнованным тоном,— не все могут похвалиться таким сокровищем! Если я говорю, что дружба — высшая степень человеческой любви, то привел меня к этому убеждению опыт, стоивший мне больших душевных страданий. Не спрашивайте меня о прошлом, я только одно скажу вам в эту минуту: мне не досталась в удел искренняя, верная любовь женщины! Я стал в ряды ваших войск, чтобы легче перенести то, что произошло со мной, и хотя твердая воля помогла мне преодолеть хаос мук и воспоминаний, но все-таки совсем забыть прошедшее я не могу... Пусть будут для тебя предостережением эти немногие горькие слова, Олимпио! Мне бы хотелось избавить тебя от тех укоров совести, которые, без сомнения, мучают ту, что обманула меня в моей любви! Я хочу избавить тебя от раскаяния, которое невыразимо тяжело.

Филиппо с потупленным взором слушал слова маркиза. Не произошло ли и в нем воспоминание о том неблагородном поступке, который он совершил, не думая о его последствиях?

Он молчал, между тем как Олимпио положил свою руку на плечо Клода.

— То, что ты мне говоришь, я испытал уже и сам,— проговорил он вполголоса.— Но благодарю тебя за твои слова. Пусть Долорес не считает меня недостойным! Я и сейчас люблю ее всем сердцем.

— В таком случае все еще можно исправить! Когда мы поспешим обратно в нашу главную квартиру, Медина будет влево на расстоянии полмили от дороги! Ты сможешь заехать к Долорес и сказать ей о своей любви! Олимпио, умеешь ценить сокровище, которым ты владеешь! Поверь мне, Долорес так же благородна в своих чувствах, как королева.

— Час, в который нам назначено явиться ко двору, уже настал,— прервал разговор Филиппо.

— Я наперед знаю, что мы услышим там, друзья,— возразил маркиз,— наши лошади готовы и мы живо прискачем туда, но необходимо потом справиться в Гранадской улице о планах христианосов. Мы отдохнем немного в Медине, а затем помчимся в Бургос. Пусть Дон Карлос не скажет, что выбрал в послы недостойных людей! Мы привезем ему известия о тайных планах, составляемых в Мадриде против нас, и при дворе никто не догадается о нашем предприятии.

Предсказание маркиза сбылось.

Три офицера Дона Карлоса получили около полуночи ответ королевы, что трон не соглашается на требования противника и предоставляет решение дела оружием — это значило, что военные действия должны начаться со следующего же дня. Три карлиста, несмотря на вежливое и чрезвычайно любезное обращение с ними, сочли своей обязанностью тотчас же известить об этом генерала Карберу и инфанта; они простились с королевами и уехали из замка, чтобы, как думали при дворе, сразу же сесть на лошадей и поскакать обратно в Бургос.

В то время как все предавались радостному настроению, считая, что все готово к нанесению последнего удара неприятельским войскам, карлистские офицеры еще оставались в стенах Мадрида. Никто не подозревал, что они направились в Гранадскую улицу; напротив, думали, что они уже скачут по проселочной дороге, спеша к главной квартире Дона Карлоса.

Глухой темной ночью вышли три друга на Гранадскую улицу. Сторожа, стоявшие перед домами, прятались за колонны подъездов от резкого ночного ветра, нередкого в Мадриде, балконы дворцов, на которых несколько часов тому назад сидели под тенью тропических растений богатые жители улицы, погрузились в глубокий мрак, двери домов были заперты и улица совершенно опустела. Кругом царила могильная тишина. Изредка только спешил мимо домов запоздалый прохожий, да раздавались равномерные шаги караульных, расхаживающих по тротуару перед зданием военного кабинета.

— Предоставьте мне заглянуть в карты и планы,— прошептал маркиз, обращаясь к своим друзьям,— а сами останьтесь тут, внизу. Только один человек может проникнуть во дворец, и, как видите, я готов к этому.

Тут Клод снял плащ и передал его своим товарищам, которые с удивлением увидели на нем мундир генерала королевских войск.

— Черт возьми, откуда у тебя этот мундир? — спросил изумленный Олимпио.

— Он принадлежал убитому генералу О'Дурелло,— отвечал, улыбаясь, маркиз,— я присвоил его себе, предчувствуя, что он мне когда-нибудь понадобится. Не заботьтесь ни о чем, я проникну в генеральный штаб и прочту все, что нам нужно.

— *Per Dio*, ты старший из нас и самый опытный,— проговорил шепотом Филиппо.

— Ждите меня здесь! Через час мы должны быть далеко от Мадрида,— прошептал Клод, — если это предприятие нам удастся, мы окажем Дону Карлосу такую услугу, из которой он может извлечь громадную пользу.

— Да сохранит тебя Пресвятая Дева, мы будем ждать тебя здесь,— сказал итальянец и остался с Олимпио на улице, а маркиз твердым шагом подошел к portalу дворца, по обеим сторонам которого расхаживали солдаты с ружьями на плечах.

Увидев приблизившегося генерала, они стали во фронт.

Маркиз, слегка поклонившись им, подошел к высокой входной двери и постучал. Изнутри слышались шаги кастеляна.

— Кто там? — спросил он.

— Отворите — мне поручено королевой важное дело.

Старый кастелян отворил дверь и увидел на пороге военного в генеральском мундире.

— Следуйте за мной с ключами,— приказал маркиз.

— Сию минуту, ваше превосходительство,— отвечал кастелян,— я принесу лампу и ключи.

Клод стал расхаживать взад и вперед, делая вид, что очень спешит, и это придало ему еще более важности в глазах старика.

— Вот все, ваше превосходительство, но ключ от кабинета, как вам, вероятно, известно, находится у герцога Валенсии,— сказал кастелян, принесший лампу и связку ключей.

— Ключ у меня, господин герцог дал мне его.

— Отлично, ваше превосходительство, стало быть, все в порядке. Позвольте мне пройти вперед, я посвечу вам — наверху также темно.

Маркиз последовал за стариком по лестнице и дошел до высоких дверей присутственных комнат. Кастелян поставил лампу на стоявший в стороне стол и одним из принесенных ключей отпер первую дверь.

— Оставьте мне лампу и ключи,— сказал маркиз,— и возвратитесь в свою квартиру, через несколько минут я принесу вам все назад.

Как, неужели генерал сам затворит потом двери! Это поразило старого кастеляна. Он не осмелился противоречить, однако решил, когда незнакомый военный войдет в покои, отправиться в замок и справиться там, действительно ли у него есть поручение от королевы. Кастелян должен был как можно осторожнее приняться за дело и сознавал всю опасность положения, в котором он окажется, если генерал действительно был послан герцогом, но тем не менее он принужден был удостовериться в этом.

Старик передал маркизу лампу и ключи и быстро удалился.

Клод де Монтолон понимал угрожающую ему опасность, поэтому он быстро вошел в покои. Одного взгляда ему было достаточно, чтобы убедиться, что тайные планы, о которых шла речь, хранились не в этих покоях, а, безусловно, в кабинете, ключ от которого находился у Нарваеса. Не медля ни минуты, он подошел к двери, выломал ее с помощью меча, который всегда носил при себе, и вошел

в маленькую комнату, посредине которой стоял большой круглый стол.

С лампой в руке маркиз приблизился к нему и убедился, что он у цели. Здесь лежали описания маршей войск, корреспонденция генералов и планы наступления на карлистов. Клод должен был сознаться, что приготовления были превосходны.

Если бы маркизу не удалось заранее узнать об этих ловких операциях, ничто не спасло бы войска Дона Карлоса. Теперь во всяком случае был уничтожен план военного кабинета, так как Клоду и его друзьям, если они совершат свое путешествие в двадцать четыре часа, удастся сообщить о нем генералу Карбере. Даже если бы на следующее утро или еще раньше в Мадриде заметили, что планы открыты, то и тогда нельзя будет помочь беде, так как отдельные отряды войск, по предписанным правилам, уже выдвинулись вперед, и к тому же три карлиста, без сомнения, придут в главную квартиру раньше, чем гонцы Нарваеса успеют настигнуть их.

Клод вынул записную книжку из камзола и быстро вписал в нее все, что ему удалось открыть. Маркизу казалось, что он хорошо сыграл свою роль и кастелян ни в чем его не заподозрил. Но когда он сошел с лестницы, старика там уже не было. К нему навстречу вышла жена кастеляна, чтобы взять лампу и ключи, и, по-видимому, старалась задержать его. Он передал ей все, поклонился и только хотел отворить дверь, как послышались громкие голоса, между которыми он ясно различил голос герцога Валенсии:

— Арестуйте их! Измена! Ищите его!

Нарваес произнес эти слова, обращаясь к караульным, — Филиппо и Олимпио попробовали задержать герцога и его адъютантов, чтобы дать маркизу возможность вернуться назад.

— Per Dio, — раздался голос итальянца, — мы пока еще послы Дона Карлоса, а нас хотят арестовать! Это против военных законов! Назад!

В это мгновение Клод быстро отворил дверь и присоединился к своим друзьям. Странное смятение произошло на улице. Оба солдата не знали, что случилось, и не осмеливались подойти к дону, одетому в генеральский мундир, между тем как Нарваес и его провожатые, казалось, были убеждены, что их противникам не удалось проникнуть в помещение Генерального штаба.

Все случилось так неожиданно и быстро, что обе стороны не могли еще опомниться.

Кастелян обратил внимание герцога Валенсии на то, что господин, вышедший из двери и одетый в королевский мундир, присоединился к двум офицерам Дона Карлоса. Но Нарваесу в эту минуту изменила свойственная ему решительность, и карлисты беспрепятственно исчезли в одном из темных переулков. Сторожа не осмелились остановить их, не имея права вмешиваться в дела военных, а у Нарваеса и солдат на преследование и арест трех послых не было соответствующих полномочий. Потеряв их из виду, герцог Валенсии отправился наверх в комнаты, из которых только что вышел маркиз.

Прежде чем успели снова отворить их и Нарваес убедился, что дверь его кабинета взломана, три карлиста были уже далеко.

Легко можно представить себе гнев герцога Валенсии, когда он увидел, что тайные планы его открыты и теперь вместо пользы могут представить величайшую опасность.

И пока он в продолжение всей ночи готовил новые приказы, с которыми вестовые только под утро выехали из Мадрида, три офицера Дона Карлоса мчались с быстрой молнии по направлению к Бургосу. Они были такими превосходными наездниками и имели таких отличных лошадей, что настигнуть их было невозможно, хотя бы целая армия бросилась за ними в погоню.

Когда настало утро, три скакавших во весь опор всадника представляли странное зрелище — они мчались по деревням и городам, не останавливаясь ни на секунду; поселяне и горожане уступали им дорогу и с изумлением смотрели им вслед; никто не знал, что это значит, а некоторые принимали их за курьеров или за форпосты одного из отрядов войск.

Только через несколько часов, когда вестовой, примчавшийся на взмыленной лошади, начал расспрашивать, в каком направлении поскакали всадники, все поняли, что это были бежавшие карлистские офицеры.

Нарваес разослал трех надежных солдат по трем разным дорогам с приказами к генералам, так что если бы один или двое из них погибли в дороге, либо попали в руки карлистов, третий непременно должен был достигнуть цели. Но только один из этих солдат отправился той дорогой, которую избрали карлистские офицеры, остальные поскакали окольными путями.

Известие, о котором не мог умолчать герцог Валенсии, — что три карлиста открыли тайные планы военного кабинета, произвело сильнейшее волнение в Мадриде. Это было неслыханное происшествие! Оно обнаруживало такую необыкновенную смелость и могло иметь такие важные последствия, что министры и генералы, так же как и королева, пришли в бешенство. Три офицера Дона Карлоса были объявлены вне закона и за их головы назначили высокую награду. Но это было только бессильное выражение гнева, так как герои ставшего всем известным происшествия были уже далеко за горами.

Несмотря на всю опасность промедления, дон Олиmpiо решил завернуть в Медину, чтобы повидаться с Долорес перед возвращением в Бургос.

— Хотя это и опасно, ты непременно должен заехать, — подержал его маркиз, — мы воспользуемся этим часом, чтобы дать отдохнуть нашим утомленным лошадям.

— Во время твоего отсутствия мы не будем без дела, — прибавил Филиппо, — пока лошади наши будут отдыхать, мы проследим за перекрестком двух больших дорог, и попытаемся захватить посланного герцога Валенсии.

— Превосходно, — проговорил маркиз, — у нас будет приятное развлечение! Вот в стороне дорога в Медину, наступает вечер, теперь

самое удобное для тебя время! Кланяйся от нас прекрасной, доброй Долорес, Олимпио.

— Мы встретимся потом у моста на проселочной дороге,— проговорил Олимпио,— я вернусь через час.

— Ничего, если и через два часа,— прибавил Клод де Монтолон.

— Так, значит, встретимся у моста? — спросил Филиппо.— Мы привяжем лошадей к деревьям, а сами будем настороже. Черт возьми, вот было бы славно, если бы нам удалось наше дело! Я думаю, Нарваес сошел бы с ума от злости!

— До свидания, друзья,— проговорил Олимпио и, простившись со своими товарищами, поехал по направлению к замку и к деревне Медина.

Наступал вечер. Олимпио скакал во весь опор, лошадь его покрылась пеной. Вдали на возвышении уже виднелся величественный замок.

Сердце Олимпио забилося сильнее. Он хотел упасть к ногам старика и Долорес и испросить у них прощения за все причиненное им горе.

Не доезжая деревни, Олимпио соскочил с лошади и пешком направился к хижине Кортины.

В деревне стояла мертвая тишина, кругом не видно было ни души, маленькие, убогие хижины, видимо, были пусты.

Олимпио подошел к ближайшему дому и постучал в дверь — никто не отзывался.

— Черт возьми, неужели поселяне и их жены еще в поле, или все жители Медины вымерли? — пробормотал Олимпио и пошел дальше, оглядываясь по сторонам.— Вон там, кажется, перед дверью хижины сидит старушка, обращаюсь к ней!

И он быстро направился к этому дому.

— Кто идет? — спросила слепая поселянка, мать Луситы, услышав приближение шагов.

— Как видите, воин, матушка,— отвечал Олимпио.

— Я ничего не вижу, благородный дон, я слепа!

— Скажите же мне, куда скрылись жители вашей деревни?

— О, благородный дон, проклятие разразилось над Мединой. Большая часть рабочих и поселян арестованы, а те, кто избег этой жестокой участи, должны теперь работать с утра до поздней ночи!

— Как арестованы? — спросил Олимпио.— Каким же образом, расскажите!

— Вы, вероятно, нездешний, а то, наверное, знали бы о восстании, вспыхнувшем в Медине! О, Пресвятая Матерь Божия, вот ужасное время!

— Укажите мне дом Мануэля Кортины, мне надо видеть старика!

— Дом я могу указать вам, благородный дон, но он оставлен своими жильцами.

— Как, неужели Мануэля Кортины и его дочери Долорес нет более в деревне?

— О, это ужасное несчастье! Куда ни взглянете, везде вы встретите нужду и горе! Староста и его добрая дочь были для Медины благословением неба! Вы не поверите, как добра была прекрасная девушка! Она заботилась о больных с неутомимым усердием, бедные, угнетенные и сироты находили в ее доме убежище! Но вот настали дни несчастья и бедствий.

— Говорите скорее, матушка, я стораю от нетерпения! Где старый Кортина? Где Долорес?

— Не знаю, благородный дон,— проговорила старая поселянка, пожав плечами и скрестив руки на груди,— никто не знает о них! После того, как восстание утомили, сельский староста и его дочь были оставлены в замке как заложники! Но старому Кортине и доброй Долорес удалось вскоре освободиться из замка! Рассказывали, что они бежали, но никто не знает куда!

Олимпио стоял мрачный, погруженный в тяжелые думы.

— Когда это было? — спросил он, наконец.

— Несколько дней тому назад, благородный дон! А вчера скрылся и управляющий Эндемо! В замке теперь страшное смятение, так как подозревают, что управляющий, воспользовавшись восстанием, захватил все драгоценности и деньги и бежал.

— И никто не знает, куда отправился старый Кортина с дочерью? — спросил Олимпио.

— Иные говорят, в Мадрид, но я этому не верю! Лусита, моя дочь, полагает, что они бежали на север, к границе! За границей они будут в безопасности от управляющего Эндемо, который преследовал Долорес и мою дочь!

— На север, к границе, — повторил Олимпио, — тогда мне, разумеется, незачем отыскивать дом Кортины.

— Да, он пуст, благородный дон. А мне остается ждать смерти — без Долорес жизнь мне невыносимо тяжела!

— Но вы говорили, кажется, что у вас есть дочь?

— Она тоже постоянно плачет по Кортине и его дочери, которые заботились о ней! Вся деревня находила приют у доброго старика! Теперь все прошло, все изменилось!

— И вы думаете, что управляющий Эндемо преследовал Долорес?

— Это был злой дух Медины, благородный дон! Он и сейчас, вероятно, отправился вслед за этой прекрасной девушкой!

— Благодарю за все! Примите от меня этот небольшой подарок за вашу любовь к Долорес, — проговорил Олимпио, положив в руку слепой поселянки свой туго набитый кошелек. — Молитесь за нее, матушка, молитесь и за меня!

— О, мой благородный дон, чем же я заслужила такой щедрый подарок?

— Вы бедны и слепы, и потому пусть эта ничтожная сумма послужит вам облегчением в нужде... Долорес, значит, болсе нет!

— Скажите, благородный дон, вы родственник Кортины или любите благородную, прекрасную, добрую девушку?

— Я люблю Долорес и приехал повидаться с ней после долгой разлуки!

— Не вы ли тот офицер карлистов, о котором она говорила мне?

— Да, матушка!

— О, Пресвятая Матерь Божия, как жаль, что вы приехали так поздно! Она любит вас и не перестает о вас думать. Бедная девушка тайком проливала горькие слезы, не получая от вас известий!

— Она недавно видела меня, но мне не удалось говорить с ней. Я приехал сегодня для того, чтобы уверить ее в моей любви и привязанности к ней, и вот...

— Поздно,— прибавила старушка, грустно покачав головой.— Бедная Долорес! Как жаль мне вас обоих!

— Слушайте, если Кортина и его дочь возвратятся...

— Этого никогда не будет, благородный дон, никогда! Они сильно страдали и много натерпелись здесь, хотя не делали в своей жизни ничего, кроме добра!

Олиμπиио на минуту задумался.

— Я должен отыскать их,— пробормотал он, между тем как уже совершенно стемнело.— Прощайте, матушка, благодарю вас за все!

— Да сохранят вас все святые, благородный дон, и укажут вам путь к Долорес! — проговорила старушка.

Еще раз окинув взором деревню, Олиμπиио поспешно воротился на то место, где оставил лошадь.

В эту минуту несколько выстрелов раздалось в том направлении, где остались маркиз и Филиппо.

— Что это такое? — подумал Олиμπиио.— Неужели гонцы Нарваеса настигли нас? Матерь Божия да сохранит мою бедную Долорес и ее старого отца, пока мне удастся отыскать их! Я не нахожу себе покоя! Я более не вправе поднять шпагу за Дона Карлоса до тех пор, пока не освобожу Долорес от ее преследователя! Я должен отыскать их! Клод и Филиппо останутся верными мне! Я готов исходить все части света, чтобы отыскать след Кортины и его дочери!

Олиμπиио быстро сел на лошадь, прохладный ночной воздух освежил его, и он бодрее стал погонять своего коня.

Прибыв к мосту, у которого, как было условлено, он должен был встретиться со своими товарищами, Олиμπиио был поражен неожиданным известием. Маркизу и Филиппо удалось захватить посланных Нарваеса и после короткого сопротивления отнять у них депеши.

— Ты уже вернулся? — с удивлением спросил Клод.— Но что я вижу, Олиμπиио, ты так грустен?..

— Долорес и ее отец принуждены были оставить Медину, чтобы освободиться от преследования гнусного человека! Они бежали!

— Так мы отыщем их и освободим от этого негодяя,— твердо произнес маркиз.

— Ты поистине мой верный друг,— прошептал Олиμπиио, пожимая руку Клода.

Филиппо в это время наблюдал за пленными.

После краткого совещания было решено приобрести из соседней деревни лошадей для пленных. И вскоре три карлиста с пленными снова мчались по дороге с невероятной быстротой. Они узнали, что Нарваес послал еще третьего гонца, который поехал такой дорогой, что его невозможно было захватить. Но друзья были уверены, что им удастся сообщить намерения христиносов Дону Карлосу раньше, чем этот гонец прибудет к королевским генералам.

Ночью карлисты прибыли в Бургос и через несколько часов подъезжали к главной квартире Карберы.

В благодарность за важную услугу инфант Дон Карлос произвел их в генералы.

XXV

ПРИНЦ ЖУАНВИЛЬСКИЙ

Графиня Монтихо и лорд Кларендон в это время присутствовали на свадьбе герцога Альба и графини Марии, происходившей в Антиохской церкви. Мария сделалась герцогиней, а что же предстояло любимице лорда, прекрасной Евгении, которая соединила в себе красоту англичанки и испанки?

Обманутая в своей первой любви, она, как мы говорили, стала искать развлечений и находила особое удовольствие в том, что покоряла сердца знатных донов.

После непродолжительного романа с доном Олозаго, о котором мы услышим еще впоследствии, прекрасная Евгения начала благосклонно принимать любезности молодого и богатого принца Жуанвильского.

Знатный дон этот, занимавшийся живописью, сказал как-то графине, что она по своей красоте может служить оригиналом для изображения Венеры. Это так польстило молодой придворной даме, что она согласилась на просьбу принца позировать для портрета и, действительно, скоро исполнила свое обещание, показавшись пришедшему в полный восторг принцу в costume античных стай.

Принц Жуанвильский после этого свято уверовал в любовь к нему молодой графини, и не допускал даже мысли, что Евгения когда-нибудь предпочтет ему другого.

Прекрасная Евгения с очаровательной улыбкой выслушивала страстные объяснения в любви молодого принца.

Графиня любила только раз в жизни — генерала Нарваеса, затем чувствовала расположение к дону Олозаго, Олимпио Агуадо тоже был в числе тех знатных донов, которых она желала видеть у своих ног. Ей доставляло удовольствие покорять сердца, и при каждой новой победе она говорила с иронической улыбкой, что власть женщины и сила красоты так могущественны, что все должно поклоняться перед ними.

— Любовь надо оставить в стороне, если стремишься к чему-нибудь высокому,— сказала она когда-то дону Олозаго,— любовь лишь препятствие на пути ко всему великому!

А молодой принц льстил себя надеждой, что он горячо любим прекрасной Евгенией.

Но надежда эта рушилась раньше, чем он мог ожидать. За легковерие свое он был наказан так жестоко, что пламенная любовь его превратилась в глубокую ненависть, последствия которой вскоре почувствовала гордая графиня.

Принц Жуанвильский имел некоторое влияние при дворе, и месть его поэтому была не так безопасна, как воображала Евгения.

Молодая графиня была превосходной наездницей, и внимательный лорд Кларендон, исполнявший все желания прекрасной Евгении, подарил ей пару таких великолепных лошадей, какими не могли похвастать даже королевские конюшни. Они стоили громадных денег, но богатому лорду ничто не казалось слишком дорого для молодой графини.

Евгения стала явно тяготиться обществом скучного принца Жуанвильского и потому приказала слугам по приезде принца сказать, что ее нет дома.

Все вышло так, как она ожидала. Экипаж принца подъехал к дворцу графини, и докладывавший лакей вернулся к нему с известием, что молодая графиня уехала, между тем как она, выглядывая из окна своего будуара, самодовольно улыбалась.

Евгения намеревалась в этот день участвовать в веселой кавалькаде в обществе пюжилого герцога Оссуну, превосходного наездника, молодого герцога Беневенто и других знатных господ.

Окончив туалет и сев на свою великолепную лошадь, Евгения в сопровождении герцога Оссуну только что отъехала от замка на Пуэрто-дель-Соль по направлению к Прадо, где ожидало их остальное общество, как мимо них промчался экипаж принца Жуанвильского.

Ответив любезно на поклон принца, Евгения быстро схватила руку своего провожатого.

— Ах,— прошептала она,— это ужасно! Я велела объявить принцу, что меня нет дома, а теперь он видел, как я с вами, господин герцог, оставила дворец.

— В таком случае принц догадается, что его посещения неприятны и скучны для вас, моя дорогая графиня,— проговорил Оссуну,— и на будущее время избавит вас от своих частых визитов.

— Мне неловко,— проговорила Евгения, но уже в следующую минуту улыбка просияла на ее прелестном лице, и, держа золоченые поводья своей резвой лошади, она в сопровождении герцога помчалась к Прадо.

Принц Жуанвильский был до глубины души оскорблен поступком графини и задумал отомстить ей самым чувствительным образом, сделав так, чтобы ей запрещено было являться ко двору.

Он приказал кучеру поехать на Прадо и убедился, что графиня в сопровождении герцогов Оссуну, Беневенто и остального

присоединившегося к ним общества ехала по дороге, весело разговаривая со своими спутниками.

Обманутый принц побледнел от гнева. Он тотчас отправился к своему брату и расспросил его обо всех подробностях происшествия, случившегося во время маскарада в парке королевского замка. Принц Жуанвильский задумал использовать это обстоятельство, занимавшее тогда всех, для осуществления своей мести.

Злоба кипела в нем так сильно, что вечером следующего же дня он поехал во дворец и велел доложить о себе королеве-матери.

Мария-Христина, беседовавшая в своей великолепно убранной гостиной с герцогом Риансаресом и патером Маттео, любезно раскланялась с принцем и пригласила его садиться.

Разговор перешел на трех офицеров-карлистов, которые так ловко избегли преследования и разрушили планы Нарваеса.

Принц Жуанвильский был очень доволен направлением разговора. — Надо будет удвоить вознаграждение за головы трех офицеров, — проговорила Мария-Христина, — а то эта несчастная война может продлиться не недели, а месяцы!

— Я никак не могу понять, почему не удалось настигнуть этих карлистов, — заметил герцог.

— Говорят, что они достигли Бургоса не более чем за двадцать часов; это почти невероятно, — прибавил духовник.

— Но ведь эти три офицера присутствовали на маскараде, данном нашим величеством во время карнавала. Как легко можно было тогда захватить их, — заметил принц.

— Вследствие недостатка энергии генерал-интендант и лишился места, но этим мы нисколько не исправим сделанной ошибки, — проговорила Мария-Христина. — Конде Энграннос был слишком стар для своей должности.

— Извините, ваше величество, если я возьму под защиту генерал-интенданта, ввавшего в немилость, — сказал принц Жуанвильский. — Конде не был виноват в бегстве карлистов. Он все подготовил заранее, чтобы захватить их, и алебардчики, занимавшие выходы, пришли бы во время, если бы другое обстоятельство не выручило из беды этих храбрецов!

— Вы, кажется, знаете такие тайны, принц, о которых мы и не подозреваем. Расскажите же, какое это обстоятельство, — попросила королева-мать, с нетерпением ожидая услышать разгадку этого все еще непонятого происшествия.

Принц Жуанвильский достиг своей цели, но ему надо было вести себя очень осторожно, чтобы присутствующие не угадали его цели.

— Но теперь мы все равно уже не можем поправить дела, — задумчиво произнес он.

— О, вы уклоняетесь, принц, вы не хотите открыть нам тайны, но так нельзя, — проговорила Мария-Христина, — вы подстрекнули наше любопытство и потому должны рассказать все, даже если бы дело касалось известных нам личностей! До сих пор всем непонятно,

как удалось бежать трем храбрецам. Я вижу, что вам эта тайна известна, и потому вы непременно должны открыть ее нам.

— Если моя королева приказывает, я должен повиноваться, хотя мне будет очень неприятно открыть эту тайну.

-- Да, я это вижу по вашему лицу, принц, но делать нечего. Принесите в жертву свои интересы интересам государства и двора, с которыми вы связаны родственными узами.

Принц Жуанвильский должен был повиноваться.

— Три карлиста под масками смело вошли в залы вашего величества, — начал он, — затем, пока один из них оставался в залах, дон Олимпио Агуадо в сопровождении очень молодой и очень красивой наяды оставил залу аудиенций и вышел в парк. Третий, маркиз де Монтолон, следовал за ними в некотором отдалении, оставаясь поблизости в качестве усердного стража.

— Мы так и предполагали, что оба эти опасных карлиста находились в парке, откуда и нашли случай бежать, — подтвердила королева-мать.

— Прекрасная наядка направилась со своим провожатым к скамейке в уединенной части парка. И тут, как говорят, благородный дон объяснился ей в любви; когда же он, по ее желанию, снял с себя маску и она узнала его, было уже поздно уйти от него или вместе с ним возвратиться в залы, так как в эту минуту алебардчики заняли террасу и входные двери.

— Ужасное положение наяды, — заметил герцог Риансарес.

— Мучительное! Она подверглась опасности быть обнаруженной в парке в обществе врага их величества, и это ни в коем случае не послужило бы в ее пользу.

— Вы все более разжигаете наше любопытство, принц! Как же наядка поступила в столь опасном положении? — спросила Мария-Христина.

— В сказках говорят, что феям известны такие пути и средства, которые скрыты от смертных. Нельзя было терять ни минуты, так как алебардчики уже начали обыскивать парк. Маркиз присоединился к своему товарищу, также ища защиты у наяды. Прекрасная волшебница повела обоих офицеров по густым и темным аллеям к маленькой двери, выходящей на мрачную улицу вдоль Мансанареса.

— Как, — с удивлением перебила королева-мать рассказ принца, — но та дверь постоянно заперта на ключ!

-- Для феи не существует препятствий, ваше величество, дверь отперлась по мановению ее руки.

— Но кто же была эта фея? — спросила королева-мать, и небольшие черные глаза ее блестели от нетерпения.

Рассказчик колебался...

— Принц в неловком положении, — заметил герцог Риансарес.

— Мы убедительно просим вас снять маску с той прекрасной феи, — серьезно проговорила королева-мать.

— Прекрасная фея, которая избрала это средство для избавления себя от опасности, была графиня Теба!

Мария-Христина поднялась, теперь глаза ее засверкали от гнева.

— Молодая графиня Теба, — повторил герцог, — вот дело и объяснилось! У донны Монтихо есть ключ от потайной двери.

Принц поднялся с места.

— Благодарим вас за сообщение этого важного известия, принц! Вероятно, уже весь двор знает разгадку этой тайны, тогда как нам она до сегодняшнего вечера оставалась неизвестной, — проговорила королева-мать дрожащим от гнева голосом. — Доложите о нас нашей августейшей дочери, — приказала она вошедшему адъютанту, — и скажите, что мы желаем видеть ее величество одну. Еще раз примите искреннюю благодарность, мой принц. Надеюсь, что на будущих карнавальных праздниках прекрасные феи не станут более творить своих волшебств, которые могут иметь весьма серьезные последствия.

Простившись с принцем, Мария-Христина направилась в покои Изабеллы.

Последствия этого вечера не заставили себя ждать.

Через несколько месяцев, в продолжение которых Евгения оставалась во дворце своей матери, как говорили по болезни, обе графини в сопровождении герцогов Оссуны и Беневенто отправились в Спаа, курортный городок, расположенный в романтической долине Бельгии.

В списке прибывших в Hotel de Flandres в Спаа 28 июня значилось:

1. Графиня Монтихо с дочерью графиней Теба из Мадрида.
2. Их сиятельства герцоги Оссун и Беневенто.

XXVI

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПЛЕННЫХ

Вернемся теперь в Медину, чтобы увидеть исход вспыхнувшего здесь восстания.

Герцог, видевший из окна, как заговорщики захватили его доверенного камердинера и отняли у него письмо, побледнел от гнева и не знал, что делать в таком затруднительном положении. Ему никогда не приходилось управлять своими обширными владениями, ведь заведывание всеми его делами было предоставлено Эндемо, который, действительно, как подозревали многие, был связан с ним родственными узами.

Покойный герцог имел только одного сына от брака с инфантой, на которой он женился не по любви, а по желанию своих родителей, назначивших ему эту невесту, когда он был еще мальчиком. Поэтому понятно, что герцог искал развлечения вне дома и после смерти родителей предпринимал далекие путешествия, явно тяготясь обществом своей большой супруги. Герцог был богат и мог позволить себе исполнять все свои желания.

Во время пребывания в Лондоне он, при посредстве хитрого, усердного камердинера, познакомился с очень красивой молодой

англичанкой, девушкой низкого происхождения. Сара Родлоун пленила сердце герцога и скоро сумела сделаться ему необходимой.

У нее родился сын, Эндемо. Преданный камердинер, получив порядочную сумму денег, согласился жениться на Саре Родлоун.

Скоро после возвращения в Медину прекрасная англичанка умерла; герцог взял Эндемо к себе и дал ему воспитание, мало чем уступающее воспитанию Родриго. Герцогиня, знавшая об отношении мальчика к герцогу, также умерла вскоре после приезда герцога в Медину.

Старый герцог часто просил своего законного сына жить в дружбе с Эндемо; в последнем рано проявился практический ум и замечательная расчетливость, так что управление владениями перешло в его руки, тогда как Родриго наслаждался в Мадриде веселой столичной жизнью.

Видя приближение последнего часа, герцог призвал к себе обоих сыновей и, открыв им тайну их родства, просил разделить между собой управление Мединой.

По закону он не мог уделить части владений незаконнорожденному сыну и потому просил молодого герцога Родриго навсегда позволить своему брату жить в замке и пользоваться некоторыми правами.

Родриго свято обещал умирающему отцу исполнить его последнюю просьбу; он не знал еще характера Эндемо, так как все время жил в Мадриде. По смерти старого герцога, за которым вскоре последовал и его камердинер, натура Эндемо стала мало-помалу проявляться, но Родриго, чтя память отца, не решался положить конец его жестокости в обращении с работниками, хотя не был связан с ним никаким письменным договором.

Напротив, он дал Эндемо неограниченную власть распоряжаться всем по своему усмотрению, но слабость и доброта герцога имела губительные последствия.

Мы уже были свидетелями восстания поселян, вызванного жестоким обращением Эндемо. Он мучил работников, как будто находил в этом особое удовольствие, и преследовал их жен и дочерей.

Поэтому понятно, что внезапное восстание поставило добродушного герцога в крайне затруднительное положение.

Выступить открыто против Эндемо он не решался, и потому излил свой гнев на несчастных работников, хотя сознавал, что у них не было другой возможности избавиться от жестокосердия Эндемо.

Страстная любовь управляющего к прекрасной Долорес, как мы видели, возрастала с каждым днем, а прекрасная, чистая девушка глубоким презрением отвечала на все его домогательства, попытки его овладеть ею остались безуспешными. Ревность мучила Эндемо: всеми силами своей злой и испорченной души он ненавидел Родриго; он так был уверен, что ребенок, виденный им в хижине Кортины,—сын Долорес и герцога, что ничто на свете не могло разубедить его в этом. Несмотря ни на что, этот человек, демон в своих страстях и раб своих мелких и грязных чувств, не терял надежды когда-нибудь овладеть прекрасной девушкой.

Когда дочь сельского старосты с ребенком на руках явилась в замок, где томился в заточении ее отец, на лице Эндемо появилась торжествующая улыбка. Долорес променяла свой дом на темницу! Эндемо подумал, что на этот раз никто не помешает ему овладеть Долорес, даже если придется убить ее старого отца.

Он не боялся больше мести поселян, так как слуги замка были хорошо вооружены и со всех сторон охраняли замок. Если бы бунтовщики, думал Эндемо, напали на замок еще раз, они бы погибли,— победа должна остаться на его стороне! Всех осмелившихся поднять против него оружие он задумал, по усмирении восстания, на целые годы заключить в темницы замка, а предводителей приговорить к смертной казни.

Камера, куда поместили старого Кортину, находилась в одной из угловых башен, недалеко от конюшен. Вход в нее был со стороны замка, маленькое решетчатое окно, пропускавшее слабый свет, выходило в парк.

Слуги, бросившие старика по велению Эндемо в темную и сырую комнату, крепко заперли дверь. Они боялись, чтобы узник не ушел от них, так как в этом случае они поплатились бы собственной головой. Они принесли ему воды и хлеба. Бедный староста был подавлен этой черной неблагодарностью жителей замка. Он в изнеможении опустился на солому. Душа его была полна страданием, особенно терзал и томил его страх за участь дочери. Деревянный стол, полуразвалившиеся стул и кровать, старое распятие на стене составляли все убранство этой подземной кельи. Всегда честный, Кортина любил только правду, ложь и лесть были чужды его сердцу — и вот он сделался жертвой того негодяя, который еще недавно полоснул его кнутом по лицу. Зачем он не задушил его собственными руками, теперь он был бы свободен, а тот изверг, Эндемо, был бы безвреден!. Разве это не было признаком его замечательного самообладания? Раньше никто не осмелился бы безнаказанно его оскорбить — не удерживал ли он рабочих, не уговаривал ли их? — И что было наградой за верную службу? Темница!

Он был заточен, он, который спешил сюда, чтобы спасти жизнь обитателям замка.

Бедный Кортина, лежа на кровати, в отчаянии ломал руки; никогда в жизни он не думал, что ему предстоит такой ужасный конец, что с ним, честным, добросовестным человеком, поступят как со злейшим преступником, после того как он, подвергая опасности свою жизнь, хотел спасти замок от полного разорения. Бедный старик метался на своей убогой постели, и мысль о бедных поселянах, которым грозила неминуемая гибель, тоже страшно тревожила его.

Тем временем шум стал утихать. Уж не усмирились ли бунтовщики, подумал Кортина, и лицо его осветилось радостью при одной этой мысли.

Вдруг неподалеку от башни раздался дикий крик. Кортина вскочил от испуга: это радовались бунтовщики — им удалось поймать камердинера герцога.

Несчастный старик вздрогнул; яростное нападение на замок грозило повториться с новой силой, и тогда бедному Кортине предстояла неминуемая гибель.

Старик трепетал при мысли о бедной Долорес и принятом ими ребенке, которым после его смерти грозила нищета.

В эту минуту за дверью подземной кельи послышались приближающиеся шаги.

Старый Кортина с удивлением поднялся на ноги.

Дверь быстро отворилась — Долорес с ребенком на руках показала на пороге; с выражением отчаяния на лице она бросилась в объятия своего отца и громко зарыдала.

Старый Кортина тоже не мог удержаться от слез...

— Я пришла к тебе,— плача, прошептала Долорес,— чтобы умереть вместе с тобой.

— Горе нам,— проговорил старик дрожащим от волнения голосом,— мы погибли! Но не станем отчаиваться, Долорес, дочь моя, будем надеяться на милосердие Бога и спокойно ждать решения нашей участи; совесть наша чиста.

— О, какое тяжелое испытание послано нам Богом, дорогой мой отец! Все мои надежды рушились, будущность моя мрачна, и я охотно иду с тобой на смерть.

— Ужасное несчастье постигло нас, тяжелым испытаниям нет конца, мое бедное дитя! Я не боюсь смерти, для меня она — желанная избавительница от страданий. Ты же, моя бедная Долорес, хотя уже много перенесла в своей жизни, должна быть мужественной! Неизвестно, может все это к лучшему, даже то, что изменник нарушил свою клятву. Он недостойн тебя.

— Я опять боролась, отец,— ты или он, но теперь ты, мой дорогой отец, одержал верх. Я пришла к тебе, прижми меня к своей груди и скажи, что ты доволен мною.

Старый Кортина горячо поцеловал свою дочь; свидание с ней так взволновало его, что он в изнеможении опустился на свою убогую кровать.

— Будем спокойно ожидать решения нашей участи, отец,— проговорила Долорес,— будем надеяться на милосердие Пресвятой Девы, и все кончится к нашему благу.

Тишина воцарилась в подземной келье. Старик, сидя на кровати, задумчиво смотрел вдаль, Долорес прислушивалась к малейшему шуму в парке. Ребенок спокойно спал на ее руках.

Так прошло несколько часов. Бедная Долорес все еще надеялась на освобождение из темницы, ей казалось, что герцог произнесет приговор в их пользу, и отец ее будет спасен. Мысль эта оживила ее, даже улыбка появилась на ее бледном, измученном лице.

Она твердо решила, если их освободят из этой ужасной темницы, оставить с отцом и мальчиком Медину; она готова была бежать, не отдыхая, день и ночь, чтобы избавиться от Эндемо, которого боялась как самого опасного врага.

Наступал вечер. И вдруг в парке снова раздались крики бунтовщиков, которые, окружив замок со всех сторон, вновь напали

на него. С яростью бросились они на стены, стремясь утолить свою жажду мести.

Выстрелы глухо отзывались в огромном парке.

Старый Кортина, услышав доносившееся в камеру бряцание оружия, в отчаянии опустился на колени — приговор над ними был произнесен.

Долорес вскочила в ужасе; голоса смешивались с выстрелами; казалась, разразилась кровопролитная битва.

Бедная девушка в отчаянии ожидала появления Эндемо в дверях подземной камеры.

С каждой минутой она теряла надежду на освобождение, на избавление от опасности.

Кортина горячо молился, Долорес едва переводила дыхание от трепетного ожидания. Положив ребенка на постель отца, она неслышно подошла к двери и, прислушиваясь, приложила ухо к замочной скважине,— в коридоре все было тихо.

Отдаленные крики, звон оружия и громкие выстрелы возрастали в парке с каждой минутой. Ночная темнота усугубляла ужас происходящего.

Нападение поселян было так стремительно, что защитники замка не успели вывести заложников из подземелья и убить их на глазах рассвирепевших бунтовщиков. Но Эндемо уже держал в руках ключ от дверей темницы, он сам хотел совершить это кровавое дело.

Однако ему помешал Лоренцо, бросившийся на него в этот момент с толпой отчаянных храбрецов. Эндемо замешкался, чтобы сделать несколько выстрелов в нападающих.

В парке уже валялось множество трупов поселян, между ними лежало и несколько убитых защитников замка. Озлобление обеих сторон достигло высшей степени; сам герцог стрелял в бунтовщиков.

Боясь, что разъяренная толпа может поджечь замок, Родриго с помощью Эндемо собрал драгоценности, золото и серебро и сложил их в одну комнату, чтобы иметь возможность спасти их, если бунтовщики подожгут замок.

Затем герцог вышел и с яростью стал стрелять из окна в наступающих поселян.

Старый Кортина и его дочь с трепетом ожидали в темнице появления палачей; они совершенно приготовились к смерти и уже простились друг с другом. Долорес держала на руках ребенка, которому также грозила гибель.

Несчастные пленники, затаив дыхание, слушали не умолкавшие в парке крики и выстрелы.

Вдруг Долорес увидела за решеткой маленького окна камеры голову человека; луч надежды озарил ее, она сразу поняла, что кто-то явился к ним на помощь в минуту этой величайшей опасности.

Долорес не осмеливалась еще привлечь внимание отца, старый Кортина сидел на краю своей постели, погруженный в глубокую думу, и ожидал решения своей участи.

Вдруг из оконца камеры раздался тихий голос.

Кортина вострепнулся и с удивлением стал озираться, пока, наконец, не увидел за решеткой окошка темные очертания головы человека.

— Староста, — слышались слова, — вы здесь?

— Да, кто меня зовет? Голос ваш кажется мне знакомым.

— Ваша дочь тоже с вами?

— Да, мы ожидаем нашего печального конца в этой тюрьме. Но скажите — это вы, Фернандо?

— Вы угадали, Кортина, я пришел освободить вас, пока я выломаю эти железные прутья, Лоренцо постарается задержать наших врагов там, в передней части замка. Они не смогут насладиться своей победой, вы избежите назначенной ими вам участи и спасетесь. Сколько раз вы защищали нас, дорогой Кортина, за вашу справедливость и доброту мы полюбили вас и вашу дочь, многие женщины нашего поселка обязаны ей жизнью. Я тоже, наверно, лишился бы своей жены, если бы не ваша добрая Долорес!

Я не находил покоя, придумывая средства к вашему освобождению. Посмотрите, сможете ли вы пролезть через это окно?

— Да, да, Фернандо, — поспешно ответила Долорес, снова оживая при надежде на спасение, — мы подставим стол под окно, чтобы было легче добраться до него.

— А я снаружи помогу вам. Я думаю, что вам ничего не видно, ведь у вас в камере полнейший мрак, я стою на лестнице у окна, по ней вы сойдете вниз. Но только одно условие, Кортина!

— Говори, Фернандо!

— Вы не должны медлить ни минуты в Медине, когда выйдете на свободу, — ни одной минуты, слышите! Сейчас же отправляйтесь в путь. Еще до рассвета все жители поселка покинут его после того, как будет совершено мщение. Куда мы пойдем, мы и сами не знаем, но оставаться здесь, как вы понимаете, нам невозможно.

— И в такую минуту вы подумали о нас, — сказал старый смотритель, — благодарю вас, да наградит вас праведное небо!

— Я никогда не перестал бы укорять себя, если бы не попытался спасти своих благодетелей, да и жена отравила бы мне всю дальнейшую жизнь, — сказал Фернандо, и с этими словами нанес мощный удар молотом по старым заржавленным прутьям, еще закрывавшим окно камеры. Раскатистое эхо повторило этот удар, но шум сражения в передней части замка заглушал все остальные звуки и никто ничего не заметил.

Долорес положила ребенка на солому и сама свободно и легко, как будто новые силы влились в нее, подставила стол под окно, к стене.

— Еще четверть часа, — проговорил Фернандо, — и путь будет свободен, только бы этот негодяй Эндемо не пришел раньше.

— Скорей, ради Бога, скорей, — шептала бедная девушка, — не то все погибло. — И она с мольбой простерла руки к Фернандо.

Фернандо спешил; удар за ударом наносил он по старому, но с трудом поддававшемуся железу. Уже внизу все три прута были выломаны из стены, оставалось только освободить их наверху.

С невероятными усилиями стал Фернандо прижимать к стене один из трех железных прутьев.

— Дело идет,— сказал он, давая заключенным надежду, и снова застучал молотом. Когда и второй прут был сорван и Фернандо всецело занялся третьим и последним, вдруг вдали, в передней части замка, все стихло, замолкли крики и шум, и зловещая тишина воцарилась кругом.

Что если кто-то в замке обратил внимание на шум, производимый Фернандо?..

Уже старый Кортина с помощью дочери взобрался на стол и помогал Фернандо отгибать последний прут, уже Долорес взяла на руки ребенка, чтобы последовать за отцом.

И тут она услышала далекий звук, прозвучавший так, как будто кто-то поспешно захлопнул за собой дверь.

— Пресвятая Дева,— закричала бедная девушка,— они идут!

Побледнев от страха, Долорес сказал Фернандо:

— Я слышу шаг!..

— Проклятие,— прошептал он, стиснув зубы, и, собрав все силы, налег на последний прут. О, счастье — он поддался, проход был свободен. Уже старый Кортина начал пролезать в отверстие, как вдруг в коридоре раздались шаги, и за дверью послышался голос Эндемо.

— Открывайте,— обращался он к слугам,— вытащите старика. Я посмотрю, как будут стрелять проклятые мятежники в своего защитника!

Долорес с ужасом слушала Эндемо, но, взглянув на окно, убедилась, что отец спасен.

— Благодарение Святой Деве,— прошептала она,— он спасен. Зазвенели ключи.

Девушка прижала к себе мальчика и быстро вскочила на стол. Дверь отворяли.

Долорес быстро передала ребенка Фернандо, и сама выскочила в окно.

В эту минуту Эндемо распахнул дверь, яркий свет нескольких факелов осветил темницу, и он обвел глазами пустую камеру.

— Их нет, их спасли! — закричал он в дикой злобе.— Туда, туда, догоните их, они ускользнут!

В это время Долорес уже была на руках у Фернандо, а Эндемо подскочил к столу, на котором еще за минуту до этого стояли пленники. Он не мог смириться с мыслью, что упустил свою добычу и скрежетал зубами от душившей его злости. Слуги стояли неподвижно.

— Ружье, ружье мне,— закричал Эндемо,— чтобы я мог пробить голову этому мерзавцу, вырвавшему у меня добычу!

Но пока бежали за ружьем, которое не взяли с собой в темницу, пленники успели скрыться.

Наконец, когда принесли ружье, и Эндемо вскочил на стол, чтобы послать беглецам вдогонку пулю, ничего уже не было, ночная мгла надежно укрыла беглецов.

Непроницаемый мрак окутал весь замок. Старый Кортин и его дочь счастливо избежали уготованной им участи.

Эндемо выходил из себя! Он не имел возможности даже преследовать пленников, так как замок был еще занят бунтовщиками! Злоба его перешла все границы.

Кортин и Долорес могли беспрепятственно искать спасения.

В это время в голове управляющего созрело решение — отчаянное решение, проклятое решение, вынужденное ему самим сатаной...

Страсть к Долорес и бешеная злоба кипели в его душе, он решил овладеть бедной девушкой, даже если это будет стоить ему жизни.

Восставшие добрались до Эндемо, он это знал, значит, жизнь в замке все равно оставалась опасной. «Что же я медлю,— думал он,— скорей за ними, пусть мой сиятельный брат сам расправляется с мятежниками».

Эндемо решил преследовать Долорес! Но отправиться с пустыми карманами ему не улыбалось — это была тщетная попытка.

— Ведь ты имеешь право на сокровища герцога Медины,— твердил ему внутренний голос,— возьми их, это будет способствовать твоей удаче, и беги! Какое тебе дело до Родриго? Возьми то, что можешь взять, и уходи! Тебе удастся настигнуть Долорес! Скорее! Приведи в исполнение свой план сию же ночь!

Смятение в замке благоприятствовало ему!

Герцог и предположить не мог, какие мысли роились в голове Эндемо, когда тот подошел к нему и попросил на время принять на себя защиту замка. Он думал, что Эндемо хочет попытаться догнать бежавшего Кортину и его дочь.

Эндемо, между тем, опять подстрекнул егерей и лакеев стрелять в бунтовщиков, чтобы втянуть обе стороны в бой и, незаметно захватив сокровища, скрыться через маленькие задние ворота, ключи от которых находились у него.

Снова раздались выстрелы и усилился шум голосов.

Родриго был внизу и, не подозревая намерений управляющего, ободрял своих людей. Была полночь, густой мрак покрывал парк.

В это время Эндемо спешил в комнату, в которой хранились громадные сокровища герцога, заключавшиеся в ценных бумагах, золоте и драгоценных камнях. Вскоре он нашел несколько ценных пакетов и драгоценных карманы камзола деньгами, взял тяжелую шкатулку с драгоценностями, таким образом, овладел кладом, который должен был обеспечить ему исполнение всех его желаний.

Сумма, которую украл Эндемо, была очень крупной, он лишил герцога большей части его состояния. Быстро спрятав ключ в карман, он вышел из комнаты, чтобы отдаленными коридорами пробраться к заднему фасаду замка.

С радостью убедившись, что сражение все еще продолжается, он поспешил к маленьким воротам, ведущим в парк.

План его удался, случай благоприятствовал его низкому замыслу: дойдя до ворот, он увидел, что бунтовщиков нет в этой части парка — все они участвовали в сражении.

«Долорес!» Его бледные губы невольно произнесли это имя, когда он вышел в парк, запер ворота и выбросил ключ.

— Ты должна попасть в мои руки, ты должна сделаться моей! Я всюду последую за тобой, без тебя я проклинаю жизнь!

В глубокой тишине ночи Эндемо еще раз взглянул на покидаемый им замок и затем, осторожно озираясь, приблизился к выходу.

Но в ту минуту, как он вынул ключ и хотел открыть выход из парка, он увидел, что впопыхах схватил не тот.

Эндемо остановился в раздумьи: он измерил взглядом высоту стены, окружающей парк; но нечего было и думать о том, чтобы перелезть через нее, так как тогда нужно было бы бросить половину сокровищ.

Необходимо было еще раз вернуться в замок, но тут Эндемо вспомнил, что выбросил ключ от маленьких ворот.

Исполненный гнева на самого себя, он поставил шкатулку, которую держал в левой руке, под дерево, поспешил к тому месту, где бросил ключ, стал обыскивать траву и мох, и, наконец, нашел его. Быстро отворив ворота, никем не замеченный, он достиг комнаты, где хранились ключи.

С лихорадочной поспешностью схватил он ключ, тихо, как преследуемый преступник, прокрался снова в аллеи парка, ведущие к воротам, и на этот раз не позаботился даже затворить их.

Беспрепятственно достиг он выхода, схватил шкатулку, оставленную под деревом, отпер дверь и выбежал вон. Здесь, за стеною парка, все было тихо, сюда не доносились даже звуки борьбы перед замком, будто она прекратилась вовсе. Эндемо опрометью бросился бежать и через несколько минут исчез в темноте ночи.

Между тем озлобление поселян стало мало-помалу утихать. Число убитых и раненых из них достигало двадцати пяти человек, и это заставило их, наконец, уступить.

Фернандо напомнил, что еще было время бежать.

Женщины и дети со слезами на глазах собирали свои пожитки. Они прощались с хижинами, в которых провели столько лет; мужчины копали могилу, чтобы схоронить в ней убитых, раненые и несколько жителей, которых удерживали болезни и другие обстоятельства, остались в Медине. Все остальные собрались за деревней, чтобы с рассветом покинуть эти места и искать новую, более счастливую родину за океаном, в Бразилии.

Когда жители замка увидели, что заговорщики удалились, то подумали, что они сделали короткий перерыв, может быть, для того, чтобы переговорить и посоветоваться о дальнейших действиях, но через несколько часов все убедились, что сражение действительно кончилось.

Герцог приказал искать управляющего, которого нигде не было видно, но его не нашли.

Родриго все еще не подозревал о предательстве Эндемо, он даже опасался, не убит ли его управляющий или не попал ли он в руки поселян. Но когда он вошел в комнату, где хранились его

богатства, когда увидел дверь отворенной и не нашел значительных сумм, когда, наконец, лакеи доложили ему, что задние ворота отперты, герцог не сомневался более, что долгое время все доверял самому низкому, подлому человеку...

Он, однако, не стал преследовать Эндемо, своего побочного брата, а решил оставить ему похищенные им богатства, затем он послал своего камердинера в деревню и велел сообщить поселянам, что хочет выслушать их.

Какая перемена произошла теперь с герцогом, но слишком поздно!..

Поселяне были уже за пределами его владений и направлялись к одному из портовых городов; только немногие оставшиеся в деревне получили известие о прощении. Они не подверглись никакому наказанию, но несмотря на это, в опустевшей деревне господствовали уныние и грусть. Герцог велел своим слугам отправиться вслед за Кортиной и его дочь и позвать их обратно, так как понял теперь, что не в хижинах, а в собственных покоях надо было искать причину несчастных событий.

Но сельский староста и Долорес исчезли бесследно.

Другие работники поселились в деревне Медина.

XXVII

КОРАБЛЬ КОНТРАБАНДИСТОВ

По узкой тропинке, ведущей к большой проселочной дороге, через несколько дней после описанных событий в Медине, брели старик и прекрасная молодая девушка, державшая на руках маленького ребенка, головка которого покоилась на ее плече.

— Бедная Долорес, — проговорил старик, опиравшийся на толстую палку, — тебе тяжело, позволь, я понесу ребенка.

— О нет, милый отец, я и не чувствую, то он у меня на руках. Будем благодарить всех святых за то, что мы невредимо дошли сюда!

— Я до тех пор не успокоюсь и не буду благодарить небо, пока мы не перейдем границы Испании. Предчувствие говорит мне, что Эндемо преследует нас. Пока мы здесь, на родной земле, нам все еще надо опасаться его. Я хочу переселиться в чужую страну, чтобы найти покой и убежище для тебя и ребенка.

— Тебе будет трудно, очень трудно, дорогой отец. Но мы найдем новую родину, где нам ничто не будет угрожать.

— Да услышит Пресвятая Дева слова твои! Я чувствую, что дни мои сочтены, но не хотел бы умереть до тех пор, пока не найду пристанища для тебя и мальчика.

— Ведь во Франции есть такие же добрые люди, как и у нас, отец. Только злой рок свел нас с тем управляющим, без него мы нашли бы в Медине покой и счастье, насколько это возможно. Будем

надеяться, что в чужом краю мирно потечет наша жизнь. Сердце мое спокойно, хотя я навсегда покидаю страну, в которой живет мой Олимпио.

— Долорес, я знаю, что ты все еще любишь этого вероломного человека и не забудешь его до тех пор, пока не перестанет биться твое сердце.

— Ты прав, отец. Я всегда буду любить Олимпио, но не ропщу более на судьбу, которая разлучила меня с ним. Образ его ни на минуту не покидает меня, но я чувствую, что мы никогда больше не увидимся.

— На то воля Божия, дочь моя. Но знай, я не надеюсь, что встреча с ним принесет тебе счастье! Время могущественно, оно изменяет человеческое сердце, и Олимпио также может стать другим. но я не думаю, что доживу до того времени.

— Не думай о смерти, дорогой отец, если бы ты знал, какие страдания причиняют мне твои слова!

— Приучай себя к этой разлуке, которая рано или поздно неизбежно наступит, Долорес. Ты хорошая дочь! Только в заточении я оценил тебя, только там вполне узнал твою душу, мое дорогое дитя! Я должен сознаться, что часто был несправедлив и слишком строг, это наследство моей прежней солдатской жизни. Не сердись на меня, Долорес! Ведь в душе я глубоко ценил тебя и всегда был любящим отцом.

— Твои слова, отец, глубоко западают в мою душу,— и девушка, схватив его руку, покрыла ее поцелуями,— ты изменился.

Действительно, прежде он никогда не обсуждал с дочерью таких вещей, теперь же не проходило дня, чтобы он не заговаривал о вечной разлуке. Долорес не хотела и думать о том, что смерть разлучит ее с отцом, ее последней опорой. Она любила его горячо и нежно, и сердце ее обливалось кровью, когда он говорил о последних минутах своей угасающей жизни.

— Ты добрая и честная натура, Долорес, я не боюсь, что ты утратишь свою душевную чистоту, когда я покину эту грешную землю и переселюсь в другой, чистый и светлый мир — мир покоя и вечного счастья. Я знаю, что ты останешься верна заветам твоего отца и никогда не запятнаешь его честное имя, которое всегда, все долгие годы жизни было безупречным. Какое счастье иметь спокойную совесть и чистое сердце! Но поверь, мое дорогое дитя, искушения часто слишком велики и сильны для нашей слабой воли, многие и даже большинство людей поддаются им, делаются рабами своих страстей и идут прямо к пропасти, которая поджидает их. Я не могу привести тебе примеров таких искушений, потому что даже если бы и хотел это сделать, перечислить их невозможно. У каждого человека свои слабости и свои грехи. Сохрани свое чистое сердце, моя дорогая Долорес! Вспоминай в минуту тяжелых испытаний и злых искушений слова твоего отца, его заветы, сказанные сегодня! Будь сильна! Молись, чтобы ты не впала в грех и не пошла бы ложной дорогой. Тогда тебе, как и твоему отцу, никогда не придется испытать горькое раскаяние, с чистой совестью будешь

ты смотреть на небо, а когда преодолеешь искушение, с благодарностью вспомнишь заветы своего отца.

— Отец, твои слова всегда будут сопровождать меня,— твои слова и моя любовь к Олимпио,— отвечала девушка и молча, как бы задумавшись над сказанным, продолжала шагать рядом с отцом по дороге.

Уже река Дуэро осталась далеко за ними, они спешили в Бургос, там они хотели узнать, можно ли при настоящих позициях неприятельских войск отправиться проселочной дорогой во Францию или лучше, пробравшись в один из портовых городов, совершить оттуда путешествие морем.

В полдень, когда жара стала невыносимой, достигли они гостиницы на проселочной дороге и остановились передохнуть, так как идти далее не было никакой возможности.

Долорес принесла отцу свежие фрукты, напоила ребенка. Разговаривая с хозяйкой, она узнала, что ночью останавливался здесь какой-то богатый дон и расспрашивал, не приходили ли сюда старик и молодая девушка.

— Я думаю, что этот господин подразумевал вас. Но вы опоздали, он теперь, наверное, далеко отсюда.

— Слава Пресвятой Деве,— сказала Долорес.

— Как, сеньора, богатый дон очень интересовался вами, мне кажется, вы пренебрегаете своим счастьем.

— Не было ли у проезжего рыжей бороды? — спросила девушка.

— Да. Он очень спешил.

— Да защитят нас святые и впредь от него, он нас преследует!

— Гм,— проговорила хозяйка, искоса поглядывая на ребенка, которого Долорес держала на руках,— он, вероятно, имеет на то причину. Вы, девушки, нынче очень ветрены! Богатый дон, кажется, очень любит вас. Но он некрасив, и вы предпочитаете ему какого-нибудь смазливое молокососа, который скоро бросит вас! Подумайте о своей судьбе, сеньора, вы не всегда останетесь такой красивой и молодой, как сегодня! И вас не пощадят морщины и складки, а годы быстро проходят!

Долорес не сочла нужным рассказывать говорливой и любопытной хозяйке о том, что случилось с нею. Она ничего не сказала об этом разговоре отцу, не желая его тревожить. Старик, утомленный путешествием, заснул в жасминовой беседке.

Долорес долго смотрела на его худое старческое лицо, на глубоко запавшие глаза и щеки — старый Кортина походил на мертвого. Но Долорес не верила, что смерть скоро похитит его у нее. Она заботливо отгоняла мух от его лица и сама вскоре заснула подле него. Во сне Долорес нашла то счастье, которого ей не суждено было испытать в действительности: она видела себя подле возлюбленного и с невыразимым блаженством внимала его словам и клятвам.

— И ты не предпочтешь мне ту гордую донну,— спрашивала она его,— молодую графиню, которая с таким презрением бросила мне розу?

— Я твой навеки, мы скоро увидимся, Долорес,— отвечал Олимпю,— будь мужественна, я скоро возвращусь к тебе!

— Почему же ты не хочешь теперь уже остаться со мной!

Но образ возлюбленного исчез — Долорес проснулась; она находилась подле отца в жасминовой беседке. Солнце уже заходило, и нужно было продолжать путь.

Отец и дочь оставили гостиницу, чтобы воспользоваться вечером и ночью для бегства. Долорес надеялась, что Эндемо, не получив от хозяйки никаких сведений, будет искать их по другим дорогам.

Наконец, Кортина и его дочь достигли города Бургоса, где и остановились для отдыха. Они узнали, что дорога через Пиренеи очень опасна, там легко попасть в руки разбойничьих шаек, бродящих ночью по дорогам и укрывающихся днем в чаще леса. Поэтому они решили пройти гористой местностью к северу и из портового города Сантандера отправиться морем во Францию, где надеялись, наконец, оказаться в безопасности от коварного Эндемо.

Дорога, проложенная в диких высоких скалах, соединяла порт со внутренней частью Испании. Сантандер — громадная крепость, расположенная близ моря на возвышении и окруженная, как и вся Испания, черными, суровыми скалами. В гавани ее постоянно находится множество кораблей.

Шум и гам не умолкают тут с утра до ночи. На узких, мрачных улицах — множество лавок и таверн, откуда непрерывно раздаются пение и крики матросов и женщин.

Наступал уже вечер, когда старый Кортина и Долорес пробирались по прибрежной улице Сантандера. Шум оглушал их, ребенок на руках прекрасной девушки плакал, старик был изнурен далеким путешествием.

Долорес просила отца завернуть в одну из таверн, где бы они могли отдохнуть и подкрепить свои силы. Наконец, он исполнил ее просьбу, и они вошли в большую, наполненную дымом комнату, где за длинными деревянными столами за кружками вина сидели полупьяные матросы и женщины.

Долорес почувствовала невольное отвращение, услышав дерзкие остроты, посыпавшиеся в их адрес, когда она с отцом и ребенком на руках проходила мимо столов, чтобы занять в заднем углу единственное свободное место.

В клубах густого дыма едва можно было различить человека в двух шагах.

Хозяин таверны, по требованию Кортины, принес им закуску и вино и протянул руку за деньгами.

Большинство посетителей внушали к себе мало доверия. Пока старик утолял голод, Долорес робко осматривала лица гостей. Гром-

кий смех полупьяных женщин, сидевших на скамейках или лежавших в объятиях матросов, шепот подозрительных людей и таинственное перемигивание монахов,— все возбуждало в Долорес невыразимый страх.

Матросы, сидевшие за одним из столов, запели удалую песню, причем чокались с такой силой, что стаканы разбивались вдребезги. Хозяин таверны, боясь убытка, быстро подошел к их столу, и тут между ними завязалась драка, которая ожесточалась с каждой минутой. Шум сделался совершенно невыносим.

Привыкшие к таким схваткам матросы, образовав две партии, с яростью нападали друг на друга; бутылки и стулья летели в головы, ножи заблестели при свете ламп и раздавались выстрелы. Полилась кровь, и стоны смешивались с дикими криками расвирепевших пьяных гостей.

Долорес с плачущим ребенком на руках в ужасе забилась с отцом в угол комнаты. Хозяин таверны, желавший водворить спокойствие, был ранен так тяжело, что жена и плачущие дети его на руках вынесли его из комнаты. Монахи, пробираясь вдоль стен, с беспокойством приближались к двери, подозрительные личности вмешались в толпу, чтобы во время всеобщего смятения очистить карманы матросов.

Долорес только хотела попросить отца уйти из таверны, как вдруг в дверях показались два человека. Один из них, судя по одежде, был капитан, другой был закутан в широкий плащ, из-под полей его низко надвинутой шляпы виднелась рыжеватая борода, закрывавшая всю нижнюю часть лица.

Долорес, дрожа от ужаса, шепнула отцу имя Эндемо.

И это, действительно, был он, управляющий Медины. Густой дым, наполнявший комнату, скрывал старого Кортину и его дочь от глаз вошедших, все внимание которых, впрочем, было обращено на дерущихся матросов.

Долорес была в отчаянии: они находились в страшной опасности.

Капитан повел Эндемо к столу, стоявшему на другом конце комнаты. Старый Кортина и Долорес с ужасом убедились, что лишены теперь возможности уйти из таверны, так как Эндемо, сидя недалеко от двери, мог видеть выходивших. Да и, кроме того, шум драки стал заметно утихать, и Эндемо мог обратить внимание на других присутствующих.

Эндемо, наполнив стаканы только что принесенным ему вином и оживленно беседуя с капитаном, незаметно вручил ему порядочную сумму денег.

Долорес с возрастающим ужасом наблюдала за ними.

Старый Кортина собрался с духом.

— Мы должны выйти из таверны,— шепнул он дочери,— мы не можем оставаться тут, так как он обязательно заметит нас. Если бы нам только удалось выйти на темную набережную, где можно будет укрыться от глаз его.

— Он последует за нами, отец, мы погибли!

— Будь мужественна, Долорес! Пресвятая Дева охранит нас! Мы должны уйти отсюда!

— Поспешим на какой-нибудь корабль, который отплывает в эту ночь! Я боюсь этого злодея больше самого опасного врага.

— Пока он опомнится, мы уже будем далеко отсюда. На берегу множество разных закоулков, где можно укрыться. Или, может быть, нас возьмет с собой какой-нибудь отплывающий корабль!

— О, на море я вздохну свободнее и горячо буду благодарить небо за спасение!

— Иди за мной, мы должны пробраться до двери вдоль стены; может быть, он нас не заметит, так как с увлечением беседует с моряком. Крики матросов тоже благоприятствуют нам; через несколько минут будет уже поздно. На улице совершенно стемнело.

Кортиня поднялся с места, не спуская глаз со стола, за которым сидел Эндемо; Долорес собралась с духом.

Сердце ее трепетало, когда она проходила вслед за отцом мимо столов. Эндемо продолжал разговаривать с капитаном.

Кортине оставалось до выхода всего несколько шагов; он быстро подошел к двери; Долорес следовала за ним по пятам, искоса поглядывая на Эндемо.

Но в ту минуту, как они выходили уже на темную прибрежную улицу, Эндемо, взглянув на дверь, вскочил со своего места; капитан с удивлением посмотрел на него.

— Ждите меня тут,— проговорил Эндемо,— я только посмотрю...

Слова его были заглушены все еще не умолкавшим криком...

Он бросился к двери, в которую за минуту перед тем вышли Кортиня и Долорес. Отец и дочь, мучимые смертельным страхом, бежали от глаз жестокого преследователя.

Эндемо, быстро идя вдоль домов, озирался по сторонам. Он твердо решил на этот раз не упустить своих жертв и отрезать им путь к узким, мрачным закоулкам, где они могли бы укрыться от него.

Долорес и ее отец были в отчаянии. Если они продолжают путь вдоль набережной, Эндемо непременно заметит их. Вдруг Долорес быстро схватила руку отца и указала на шхуну, которая готовилась к отплытию. Хотя вид матросов на ней не внушал к себе доверия, однако она, не задумываясь, повлекла за собой отца в ту сторону, где стояла шхуна.

Матросы с удивлением посмотрели на странную пару, вступившую на палубу в ту самую минуту, когда они уже отвязывали веревки; капитан обратил внимание на пассажиров только тогда, когда шхуна уже отошла от причала на довольно значительное расстояние.

— Это что такое? — вскричал он.— Черт возьми! Что вам надо?

— Сжальтесь, сеньор,— отвечала Долорес, в отчаянии протягивая руки к капитану,— возьмите нас с собой! Мы отдадим вам все, что имеем!

— Нельзя, сеньора, невозможно! — вскричал высокий, широкоплечий капитан.— Мой «Паляр» не пассажирский корабль.

— Везите нас куда хотите,— проговорил старик,— мы погибли, если вы велите нас высадить, так как на берегу находится наш преследователь.

— Ого, так вы беглецы? Какое же преступление совершили вы?

— Никакого, сеньор, человек этот преследует мою дочь.

— Сжальтесь,— умоляла Долорес, бросаясь на колени перед капитаном,— спасите нас! Возьмите нас с собой! Вот весь наш капитал!

— Черт возьми! Я не нуждаюсь в ваших шести или восьми реалах; я говорю вам, что нельзя! Я не могу брать пассажиров.

— О, Пресвятая Матерь Божия, мы погибли! — воскликнула Долорес, закрывая лицо дрожащими руками.

Шхуна между тем все более удалялась от берега; матросы, не обращая внимания на эту сцену, усердно работали, чтобы скорее выйти из порта. Ночная тьма окружала их; через час им надо было оставить далеко за собой молы и выйти в открытое море. Они исполняли свое дело быстро и как будто таясь, словно боялись обратить на себя чье-либо внимание.

Капитан на минуту задумался; лицо его было сурово.

— Я велю связать вас и бросить в трюм за вашу неслыханную дерзость,— вскричал он, топнув ногой,— высадить вас на берег я не могу, так как опоздаю из-за этого на целый час.

— Бросайте нас в трюм, поместите нас в какой-нибудь угол вашего корабля,— просила Долорес со слезами на глазах,— только, ради Бога, не высаживайте!

— Вы в таком страхе, что я не могу отказать вам в помощи. Хорошо, я возьму вас с собой. Давайте ваши деньги, я разделю их между матросами. Я высажу вас во Франции!

— Благодарю вас, сеньор,— воскликнула Долорес,— вы спасли жизнь моему бедному отцу!

— Но молчите и не удивляйтесь тому, что увидите в эту ночь! Так как вы сами преследуемые беглецы, то мне нечего вас опасаться.

Долорес вздрогнула при этих словах: ужасное подозрение мелькнуло в ее голове.

— Делайте все, что вам угодно, и не обращайтесь на нас, сеньор, мы всю жизнь будем вам благодарны за то, что вы помогли нам в нужде,— проговорил Кортина.

Один из матросов повесил на переднюю мачту фонарь, между тем как другие с помощью длинных шестов ускорили ход шхуны. Берег мало-помалу скрывался от глаз спасенных, которые горячо благодарили небо за избавление от опасности.

В ту минуту, как «Паяро» приближался к суживающейся части порта, где кончались укрепления Сантандера, от небольшого здания морского караула отчалила весельная лодка, на которой при свете фонаря можно было ясно различить несколько офицеров.

Долорес в ужасе схватила руку отца; ей показалось, что Эндемо, подкупив портовую стражу, велел арестовать шхуну, готовившуюся выйти в море.

Она хотела просить капитана не выдавать их никому, но было поздно, лодка уже приблизилась к шхуне.

Беглецы были в отчаянии...

— Стой! — раздался голос с лодки.— Вы что, забыли о досмотре! Ваши бумаги!

— Избавьте меня от труда, сеньоры,— отвечал капитан,— на «Паяро» нет груза, и поэтому ревизия не нужна.

— Нет груза? Странно,— послышалось в ответ.— Куда же вы направляетесь?

— В Байонну, чтобы взять новый груз шелка.

— Свободны! — сказал офицер.

Раздались удары весел, и лодка поплыла назад, по направлению к караульной будке.

Беглецы вздохнули свободнее, последняя опасность была преодолена, так как «Паяро», оставляя за собой укрепления, быстро двинулся к молам, освещенным красным светом маяков; еще час, и они, потеряв из виду берег, качались на волнах необозримого открытого моря.

Старый Кортина сидел на палубе, угрюмый и безмолвный; он смотрел в ту сторону, где лежала его родина, которую он должен был покинуть, чтобы основать для себя и своей дочери новый очаг в чужой, совершенно незнакомой стране. С пустыми руками, без всякого имущества отправлялся он, беспомощный, слабый старик, в неизвестный ему край, где должен был привыкнуть к новым людям, новому языку, новым обычаям. Кортина чувствовал, что смерть скоро избавит его от всех забот, но мысль, что станется тогда с Долорес, не давала ему покоя.

Долорес подошла к нему, ласково положила руки на плечи и взглянула в глаза: она прочла на лице отца, что происходило в его сердце, и желая утешить и ободрить его своей любовью и благодарностью, поцеловала в исхудалую щеку.

— Не грусти,— сказала она своим мягким голосом,— и не опасайся за нашу будущность. Время забот и опасностей лежит за нами! Будем надеяться на лучшее! Я могу работать, отец, и на новой родине понадобятся прилежные руки! Будь мужествен, покажи, что ты любишь свою дочь, тогда мне все, все будет легко!

Старик взглянул в лицо дочери, сиявшее новой надеждой, и на губах его появилась улыбка.

— Это было последнее прощание,— проговорил он,— не удивляйся, что я с такой грустью смотрел на берега, которые мы покидаем навсегда. И я, так же как и ты, привыкну к чужой стране, но только переход будет мне, старику, нелегко. Прочь воспоминания! Ты права, Долорес, моя милая дочь, мы должны благодарить Бога и надеяться на него.

Пока на корабле не происходило ничего, что удивило бы беглецов; когда берега и молы исчезли вдаль, «Паяро» как будто сбросил маску и принял свой настоящий вид: большой фонарь, горевший на верхней мачте, был спущен и потушен, глубокий мрак царил на палубе, и судно в тишине, как черный призрак, мчалось по волнам темного моря.

Раздалось приказание капитана поднять паруса и переменить ход корабля. «Паяро», описав полукруг, поплыл обратно по направлению к Испании. На палубе делались приготовления для обороны.

Кортине понял, что они находятся на корабле контрабандистов. «Паяро» отплыл из порта Сантандер без груза и возвращался теперь к уединенному месту на берегу, чтобы нагрузиться товарами, которые постоянно держались там наготове.

Торговля эта была очень выгодна, так как позволяла избежать значительных пошлин, тем более, что контрабандисты, выгрузив во Франции привезенные из Испании вещи, снова закупали здесь шелк и шерсть, с которыми возвращались назад. Чтобы не возбудить подозрения чиновников порта, «Паяро» из предосторожности время от времени выгружал в Сантандере менее ценные товары, надеясь таким образом отвлечь от себя подозрение таможенных служб, и до сих пор это ему всегда удавалось. Он уже более ста раз совершал такие выгодные путешествия из Испании во Францию и обратно, и никогда еще не был задержан. Но несмотря на это, капитан никогда не забывал принимать все меры предосторожности, чтобы обмануть чиновников и ускользнуть от таможенных судов, стоявших в порту.

Теперь старику Кортине и его дочери стали ясны слова, с которыми владелец корабля обратился к ним, решившись, наконец, взять их с собой. Он не боялся этих пассажиров, так как они были беглецы, и к тому же был смел и самоуверен.

Когда «Паяро» мчался обратно к берегу, который в окружающем мраке был почти не отличим от воды, вдаль блеснул вдруг яркий огонек, вероятно, зажженный сообщниками капитана, и корабль направился прямо к нему.

— Свести пассажиров в каюту! — послышался голос капитана.— Кристоаль, запри их! Они будут мешать на палубе!

В то время как «Паяро» приближался к скалистому берегу, темные очертания которого уже обрисовывались довольно ясно и на котором при свете огонька можно было разглядеть несколько человеческих фигур, один из матросов подошел к Кортине и Долорес.

— Идите за мной,— сказал он низким, грубым голосом и по узенькой лестнице направился вниз, к каюте. Остальные матросы спустили на воду, неглубокую в этих местах, большую спасательную лодку.

Старик и девушка, не говоря ни слова, последовали за матросом и оказались в маленькой, темной комнатке. Дверь за ними затворилась на замок.

Начали погрузку. На судно перевозили с берега положенные близ шеста, на котором висел большой фонарь, многочисленные ящики и тюки. Спасательная лодка тоже стояла наготове.

Кортинга и Долорес слышали, как перетаскивали ящики, тюки и бочки и спускали их в трюм подле каюты; работа, казалось, быстро подвигалась к концу, как вдруг на палубе засуетились и забегали взад и вперед.

— Виден корабль! — вскричал матрос, сидевший на марсе в качестве караульного. Надо было во что бы то ни стало скрыть всякий след корабля.

Фонарь, висевший на шесте, немедленно был потушен, и даже лампы на «Паяро» вдруг исчезли, лодки подплыли к берегу, и корабль контрабандистов приготовился к бегству.

— На корабле также потушили фонари,— сообщил матрос, сидевший на марсе,— это, кажется, пароход, я слышу, как вертятся колеса.

— У таможенных катеров нет машин. Пароход этот, стало быть, метит не на нас, он не помешает нам,— вскричал капитан, глядя в ту сторону, куда указывал ему матрос.

Но в ту минуту, как он услышал шум колес, стали видны и очертания парохода, мчавшегося по направлению к «Паяро».

— Черт возьми,— пробормотал капитан,— что это значит?

— Нао,— послышался голос с быстро приближающегося парохода,— сдавайтесь, вы грузите корабль контрабандой!

Капитан взбежал на мостик и приказал поднять паруса.

— Отвечайте, или «Паяро» будет пробит насквозь!

— Ого, за мортиры мы расплатимся с вами! — отвечал капитан корабля контрабандистов, который, оставив лодку, готовился под покровом ночи ускользнуть от парохода.

— Сдавайтесь, вы окружены таможенными катерами! — и как бы в подтверждение этих слов вокруг «Паяро» сразу в четырех местах засветились красные огоньки.

Капитан заскрежетал зубами, увидя себя в ловушке. О бегстве и обороне нечего было и думать, так как против трех катеров и парохода один корабль ничего не мог поделать.

— У вас на борту находятся два беглеца, старик и молодая девушка,— снова послышался голос с парохода,— выдайте их, это облегчит ваше наказание!

— Черт возьми, ведь предчувствовал же я, что навлеку на свою голову беду из-за этих проклятых беглецов! — вскричал капитан.—

Прочь их отсюда, гоните их на пароход! Они виноваты в этом несчастном происшествии!

Пароход подошел вплотную к «Паяро», и на его борт был перекинут трап.

Один из матросов спустился в каюту, где сидели Кортин и Долорес, бледные от страха, так как до них долетали обрывки разговора, происходившего наверху.

— Идите на палубу,— кричал взбешенный матрос, выгоняя их из каюты.— Из-за вас мы все подвергаемся опасности! Пароход требует вашей выдачи! Я убью вас, если вы не погоропитесь! Старый негодяй притворяется, что не может встать с места, я заставлю тебя бежать, проклятый мошенник!

Долорес, ведя под руку отца, стала подниматься по узкой лестнице, но матрос нетерпеливо схватил старого Кортину и с такой силой толкнул его вперед, что он ударился головой о железную крышу, находившуюся над входом в каюту и упал без чувств. Долорес громко вскрикнула и вне себя от бешенства бросилась на матроса, но в эту же минуту почувствовала, что ее схватил на руки какой-то человек и быстро, не дав ей времени опомниться, вместе с ребенком потащил на пароход.

Бесчувственного старика понес на пароход тот самый матрос, который так бесчеловечно поступил с ним.

Три таможенных катера подошли к «Паяро»; капитан непрерывно сыпал ругательствами, но о сопротивлении при таком численном превосходстве противника нечего было и думать.

Пароход снял трап, когда старик был перенесен на палубу и Долорес упала подле него.

Бедная девушка еще не знала, в чьих руках она находилась и кому принадлежал пароход, который преследовал «Паяро» только для того, чтобы овладеть ею.

Со слезами на глазах стала она на колени подле отца, у которого из раны на голове текла кровь и лицо было бледно, как у мертвеца.

— Он умирает, помогите, спасите моего отца! — кричала в отчаянии девушка, обнимая безжизненное тело старика.— Сжальтесь, спасите моего отца!

К ней приблизились два человека.

— Посмотрите, доктор, что со стариком,— раздался голос, заставивший Долорес вздрогнуть.

Она боялась поднять глаза — это был голос Эндемо... Она взглянула на стоявшего перед ней человека, и вопль отчаяния вырвался из ее груди: перед ней действительно стоял Эндемо с торжествующей улыбкой на своем отвратительном лице.

Это было слишком для измученной девушки: испустив глубокий вздох, она упала на пол.

Доктор подошел к старому Кортине и поднял его голову, чтобы осмотреть рану.

— Рана опасная,— сказал он,— у него поврежден мозг; пульс слабеет и через несколько часов у нас на борту будет покойник.

Пароход отчалил от «Паяро», чтобы продолжить свой путь. Эндемо нагнулся к Долорес и старался приподнять ее, взяв у нее из рук плачущего ребенка.

— Теперь ты моя,— прошептал он, между тем как умирающего Кортину понесли в каюту,— полностью моя, прекрасная Долорес! Теперь ты больше не ускользнешь из моих рук!

Пароход Эндемо направился в Англию.

I

ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА МАРИЯ ГАЛЛЬ

Густой туман стелился по лабиринту улиц Лондона. На расстоянии пяти шагов нельзя было различить предметы. Тротуары были мокры от сырости, и пешеходы прилагали все усилия, чтобы не поскользнуться. Кругом царил мрак, и даже свет фонаря можно было различить, только подойдя к нему очень близко. Человек, не знакомый с Лондоном, или бедняк, не имеющий денег, чтобы нанять кэб (четырёхместный кабриолет), легко мог заблудиться, даже если и расспрашивал о дороге. Еще неприятнее было переходить главные улицы в такую темень, всякий мог считать себя счастливым, если возвращался домой целым и невредимым, так как бесчисленное множество самых разнообразных экипажей делали переход через улицу почти невозможным.

По тротуарам же сновало столько пешеходов, что нужно было обладать большой ловкостью, чтобы не столкнуться со встречным, а также с мошенником...

С нами, немцами, такие столкновения случаются особенно часто, потому что мы легко привыкаем к лондонской суете и нам трудно, встретясь с кем-нибудь на тротуаре, обходить его слева, а не справа, как это принято у нас.

Впечатление, которое Лондон производит на иностранцев, в том числе и на тех, кто бывал в Париже и Берлине, весьма неприятное. Огромное пространство, занимаемое городом, вечный шум экипажей и толчея на улицах производят неприятное впечатление, еще усиливающееся от коротких и резких ответов, которые получаешь, обращаясь с вопросом к обитателям этого многолюдного города. В Лондоне, заговорив с кем-нибудь на улице или в публичном месте, нельзя быть уверенным, что говоришь не с мошенником, такое множество их в городе. Во избежание этого благоразумнее обращаться с вопросами к полисмену, которого всегда можно найти как в больших, так и в маленьких улицах.

В тот туманный вечер, о котором мы говорим, какой-то человек, накрывшись плащом от дождя и низко надвинув шляпу на лицо, шел вдоль длинной стены Тауэра, неся что-то в руках.

Проходя мимо Тауэр-Хилла, он юркнул в улицу, идущую вдоль Темзы до Лондонского моста. Это квартал Сити, который сам по себе образует огромный город.

Улица, в которую вошел незнакомец, была еще очень оживлена. Несмотря на сильный туман, всюду, в особенности перед таможенной, сновали люди, входя и выходя из многочисленных экипажей.

Человек в плаще, поспешно пройдя вдоль домов и дойдя до угла улицы, повернул на мост, лежащий несколько влево.

Здесь суеты было еще больше, и никто не обращал внимания на пешехода, с опаской озиравшегося вокруг.

У одного из фонарей, которых всегда много в оживленных местах, стоял, прислоняясь к нему, полисмен, наблюдавший за всем, что происходило вокруг, и не упускавший из виду ни одного прохожего.

Полиция Англии обладает способностью видеть все и везде, в то же время сама оставаясь незамеченной.

Боязливые взгляды, которые незнакомец бросал вокруг, заставили полисмена заподозрить, что он что-то скрывает.

Он проворно нагнал прохожего и дотронулся до его плеча.

— Позвольте спросить, — учтиво обратился он к незнакомцу, подзывая его к свету фонаря, — что у вас под плащом?

— Что за странное желание, — отвечал незнакомец по-английски, но с акцентом, выдающим иностранца, — почему вы спрашиваете меня об этом?

— Извините, сударь, меня вовсе не удовлетворяет такой ответ, и я могу отправить вас в полицейский участок, поэтому избавьте себя и меня от этой неприятности и скажите, что вы так заботливо причесаете?

— Ну, смотрите, если уж вам так хочется это знать.

Незнакомец распахнул плащ, причем полисмен в это мгновение успел заглянуть ему под шляпу.

— Да это ребенок, — сказал он, — кажется, мальчик.

— Точно так! Ему холодно, и он боится такого множества народа, поэтому я завернул его в плащ.

— Это ваш ребенок? — спросил полисмен.

— Чей же, как не мой? Разве я стал бы возиться с чужим ребенком?

— Не обижайтесь на мой вопрос, это моя обязанность.

Незнакомец снова укутал в плащ дрожащего от холода двухлетнего мальчика и смешался с толпой пешеходов.

Он шел быстро, будто радуясь, что так счастливо отделался от неприятного допроса. Полисмен не был поражен наглою самонадеянностью незнакомца. Он не раз убеждался, что виновные, чтобы отвести подозрение, прибегают к нахальству. Поэтому он поспешил оставить свой пост и пошел за незнакомцем, не теряя его из виду.

Темза в этом месте очень широка. Незнакомец с ребенком и полисмен должны были пройти порядочное расстояние от одного конца моста до другого.

Полисмен еще более утвердился в своем подозрении, когда увидел, что, дойдя до конца моста, незнакомец приостановился, оглядываясь кругом.

Что он хотел сделать с дрожащим от страха ребенком? Неужели мальчик дрожал не от стужи, и отец завернул его в плащ не для того, чтобы защитить от холода?

В Лондоне в холодное время года почти каждую ночь совершаются убийства детей. Официальные донесения говорят, что нередко родители от нужды бросают в Темзу своих голодных детей. Неужели и этот человек имеет подобное намерение?

Полисмен старался отогнать от себя эту мысль; он заметил, что рука незнакомца была обтянута шегольской перчаткой, конечно, тот, кто может позволить себе эту роскошь, не бросит свое дитя в воду.

Но направление, по которому пошел незнакомец, заставило полицейского продолжать следовать за ним. Место было довольно пустынное и отдаленное, особенно на берегу Темзы, куда направился незнакомец.

Он свернул на улицу Тополей, в которой было очень мало домов и пешеходов, и вдруг скрылся из глаз полисмена.

Полисмен мог позвать на помощь своих товарищей, но не сделал этого, не желая поднимать скандал. Он осторожно стал следить за незнакомцем и увидел, что последний повернул на узкую улицу, ведущую к Темзе, на каменной набережной которой стояло несколько больших, красивых зданий.

В Лондоне всякий полисмен знает все дома своего участка и даже каждого жильца в доме, что с первого раза поражает иностранца. Это избавляет жителей от справок для приезжих, как полицейский живой реестр.

Но когда незнакомец вошел в один из домов на набережной, полицейский догадался, в чем дело.

— Это дом Марии Галль, — рассуждал он, — значит, мальчика отдают ей на воспитание. Вероятно, это поверенный какой-нибудь знатной леди, которая не хочет или не может держать у себя дитя. Мария Галль получит за его воспитание значительную сумму. Должно быть, она зарабатывает своей профессией большие деньги, потому что когда она выезжает летом в Гайд-парк со своим любовником, то можно подумать, что это какая-нибудь герцогиня или графиня. Эдуард Фультон, живя с нею, сколотил себе капиталец, но прошлое его очень темно; впрочем, какое мне дело до этого! Вот он стучится, отворяет старая служанка. Надо подождать, пока он выйдет из дома, и узнать о нем у Марии Галль.

В ожидании полисмен снова прислонился к фонарному столбу.

Дом, в который вошел незнакомец, отличался от других веселым, красивым фасадом; он был двухэтажный, с широкими и высокими окнами, снаружи выкрашен светлой масляной краской. Внутри было

освещено несколько комнат, подъезд, по обыкновению Лондона, крепко заперт.

Когда незнакомец постучал в дверь, за ней раздался голос, спрашивающий, что ему надо.

— Мне нужно немедленно переговорить с мистрис Галль, я очень спешу,— лаконически отвечал незнакомец.

— Мистрис не может принять вас, она пьет чай,— ответил писклявый голос за дверью.

— Она ждет меня, отворите!

— А, это вы, светлейший герцог,— сказала старая, худая служанка, проворно отворяя двери,— простите, милорд, пожалуйста, простите.

— Хорошо, возьми этот соверен и поскорее доложи мистрис,— сказал незнакомец.

— Тысяча благодарностей, милорд. Пожалуйте в залу,— кланяясь, говорила старуха.

Незнакомец шел за ней по широкой, великолепной лестнице.

У дверей квартиры Марии Галль слышался слабый визг детей.

— Это деточки,— пояснила старуха слащавым, ласковым голосом.

Не знакомый с заведением Марии Галль счел бы его за самое благоустроенное; эта хитрая обманщица, с которой мы сейчас познакомимся, уже двадцать лет обманывала полицию Лондона, пока, наконец, обнаружилась ее бесчестная профессия, и она получила достойное возмездие.

В этот дом принимали детей, преимущественно грудных младенцев, которых родители не могли держать у себя или из стыда, или желая им смерти. Да, в Лондоне есть множество матерей, поощряющих таких преступниц, как Мария Галль.

Бедняки напрасно искали помощи и совета в этом богатом доме! Мария Галль была безжалостна к сиротам, которые не имели богатых родственников, и внимательна только к тем, за которых ей платили хорошие деньги. Ее дом, прекрасный снаружи, был настоящим вертепом преступлений.

Старая служанка проводила гостя в ярко освещенную, роскошно убранную гостиную, которая походила на приемную доктора или адвоката. По стенам висели дорогие эстампы, в простенках — большие зеркала, на окнах — тяжелые шелковые драпировки.

В этой комнате Мария Галль принимала герцогиню, графиню, даже принцессу, и гордилась этим; здесь, на покрытом темно-зеленой скатертью столе, ей отсчитывались громадные суммы.

Незнакомец посадил мальчика на стул и снял плащ и шляпу, рыжеватая борода, наполовину скрывавшая его узкое худое лицо, мало отличалась по цвету от воротника плаща; глаза имели беспокойное, неприятное выражение, в лице заметна была странная смесь аристократических черт с чертами простолюдина.

Дрожащий ребенок сидел на стуле, боясь пошевелиться, и наконец заплакал. Видно было, что он боялся незнакомца, но старался скрыть это.

— Тетя Долорес, тетя Долорес,— кричал он по-испански,— я хочу к тете Долорес! — и стал так горестно рыдать, что всякий сжалился бы над бедным ребенком. Из его больших темных глаз потоком лились слезы, которые он вытирал грязными ручонками.

Но рыдания мальчика не разжалобили незнакомца: он не обращал на него никакого внимания. Когда же ребенок стал звать тетю Долорес, он наклонился к нему и прошептал:

— Молчи, или я прибью тебя.

В эту минуту вошла воспитательница.

— Передай мистеру Эдуарду Фультону, что через полчаса я буду ждать его в моей комнате,— сказала она, обращаясь к стоявшей у двери служанке. Затем поклонилась гостю и окинула его внимательным взглядом.

Мария Галль была высокая, стройная женщина двадцати четырех лет, с грубыми чертами лица, светлыми, заплетенными в косы волосами и серыми навывкат глазами. На ней было туго стянутое темно-зеленое платье, на плечи накинут большой шелковый платок. Вся наружность этой женщины, как и ее дом, носила отпечаток солидности; с первого взгляда она даже могла внушить доверие.

Судя по внешности, можно было подумать, что она хорошая хозяйка и сама входит во все мелочи, касающиеся малюток, отданных ей на воспитание.

Но под этой спокойной, представительной наружностью скрывались демон корыстолюбия и трусливая кровожадность гиены, нападающей по ночам на спящих и безоружных.

— Вы оказываете мне честь своим визитом, господин герцог,— сказала она холодным, сдержанным тоном, по которому было заметно, что она привыкла говорить со знатью,— прошу садиться! О, какой маленький мальчик! — вскричала она, подходя к рыдавшему ребенку,— дай мне твою маленькую ручку, дружочек! Понимает ли он, что ему говорят?

— Нет, мистрис, он еще не понимает по-английски,— отвечал герцог.

— Говорят, герцог, что вы родились в Англии? Прошу садиться!

Мария Галль указала ему на стул около стола, покрытого темно-зеленой тканой скатертью.

Эта мегера, казалось, очень любила зеленый цвет.

— Я пришел спросить вас, мистрис, можно ли поместить к вам в заведение этого мальчика? — спросил герцог, пристально смотря на нее.

— Размеры помещения моего института не позволяют удовлетворить все требования, с которыми так часто обращаются ко мне. Но, несмотря на это, я надеюсь.

— Не истолкуйте неправильно моих слов, мистрис, мальчик этот мне дорог, а потому прошу вас позаботиться о том, чтобы он не умер.

— Очень хорошо, герцог; все порученные мне дети пользуются внимательным уходом и обладают цветущим здоровьем.

— Повторяю, мистрис, мальчик не должен умереть; я буду изредка навещать его! Сделайте одолжение, примите тысячу фунтов на временные издержки.

— Извините, герцог, порядок требует соблюдения некоторых формальностей,— сказала Мария Галль.

Говоря это, она взяла с маленького столика большую книгу и тяжелую серебряную чернильницу, которую поставила на зеленый стол.

Незнакомец с недоверием смотрел на реестр и гладил свою взъерошенную рыжую бороду.

Мария Галль открыла книгу и достала перо.

— Как зовут мальчика, господин герцог?

— Пишите Жуан Кортина, мистрис.

— Так это маленький испанец; скоро в моем институте будут дети всех наций. Ваше местожительство, господин герцог Медина?

— Оксфордская улица, дом 10, мистрис... но...

— Вы не хотите вписывать сюда ваше имя, но это необходимо, в случае внезапной болезни мальчика я дам вам знать.

— Лучше запомните мой адрес! Там мой дворец. В случае чего дайте знать мне или моему камердинеру Джону, но не остальной прислуге!

Мария Галль холодно улыбнулась.

— Ваше желание будет исполнено, господин герцог,— сказала она твердым голосом,— в этом случае я так же строго держусь слова, как и в отношении тайны. Мои уста еще никогда не раскрывались, чтобы выдать доверенную мне тайну, это мое первое правило! Дом мой — могила! С этой минуты дитя поступает в мое полное распоряжение, и имя Кортина никогда не будет произнесено! Жуан Галль, так будут звать мальчика, пока он у меня.

— Прекрасно, мистрис, но помните: он не должен умереть; он мне очень дорог и незаменим.

— Ваше приказание будет исполнено в точности, господин герцог.

Когда герцог стал одеваться, ребенок громко заплакал и опять стал звать тетю Долорес.

Воспитательница приласкала его. Герцог еще раз поклонился. Мария Галль проводила своего знатного гостя до лестницы. Читатель, конечно, узнал в нем бывшего управляющего Эндемо. Проводив герцога, Мария Галль вернулась в гостиную и позвонила. Старая служанка тихо отворила дверь и заглянула в комнату.

— Отведи мальчика в отделение для старших,— приказала воспитательница,— пришел ли мистер Фультон?

— Мистер Эдуард только что вернулся и пьет чай,— отвечала старуха и, взяв мальчика за руку, вышла с ним из комнаты.

— Мне кажется, этот герцог Медина — таинственная личность,— сказала про себя Мария Галль,— если это его мальчик и если он только искатель приключений! Но у него манеры герцога! Он хорошо заплатил и еще заплатит! В судьбе этого ребенка скрывается какая-то большая тайна!

С этими словами Мария Галль вышла.

Было уже очень поздно, но ей нужно было переговорить об очень серьезном деле со своим поверенным Эдуардом Фультоном, которого все считали ее любовником. Она нашла его в зале за чайным столом.

Эдуард Фультон был мужчина лет тридцати четырех. На его лице с темно-русой бородой видны были следы буйно и беспорядочно проведенной молодости. Тусклые впавшие глаза, выдающиеся скулы на отекшем лице, лоб с лысиной, входящей до темени, так что волосы оставались только на затылке — все черты его носили отпечаток грубости и непреклонной решимости. Что-то пробормотав в ответ на поклон вошедшей хозяйки, он продолжал прихлебывать из стакана чай.

— Ты был у леди Мортон? — тихо спросила она, подходя к столу.

— Да, был. Она заставила долго ждать себя, держу пари, что в это время у нее сидел принц. Я слышал, как она расспрашивала обо мне в передней.

— Может быть, она боится возвращения лорда! Ну а какой ответ она тебе дала?

— Я обещал ей в эту же ночь избавить ее от страха, она дрожала, боялась этого, но более она не будет дрожать!

— В эту ночь! А сколько она заплатит тебе за то, что ты избавишь ее от ребенка?

— Две тысячи соверенов, половину она уже заплатила, — отвечал сообщник воспитательницы.

— Я пошлю спать старую Боб. Отчего ты так молчалив, Эдуард?

— У меня предчувствие, что это дело принесет нам с тобой неприятности. Цена недостаточно высока, тем более, что это ребенок принца.

— Нужно было потребовать большую сумму, я знаю, что леди согласилась бы дать больше; она ведь в наших руках!

— Завтра она придет сюда рассчитываться. Мы потребуем от нее большей суммы. Не вечно же мы будем заниматься нашим ремеслом.

— Мне кажется, ты стал трусить! — сказала Мария Галль с легкой усмешкой.

— Пустяки, совсем не трушу. Я был в Сутенде.

— Ты был у гадалщицы?

— Да, старая колдунья предсказала мне смерть на виселице, если мы не будем довольствоваться малым и не прекратим вовремя наше занятие.

Мария Галль громко засмеялась, но смех ее казался принужденным.

— И ты веришь тому, что сказала тебе старуха за твое щедрое вознаграждение?

— Все равно, верить или не верить, — мрачно проговорил Фультон, вставая, — пошли спать старую Боб, я пойду в детскую.

Большие стальные часы пробили полночь, когда Мария Галль вышла из комнаты.

Оставшись один, Фультон стал рассказывать взад и вперед по комнате; он слышал, как отворялись и запирались двери, как скрипели ступени лестницы, ведущей в спальню детей.

— Это, наверное, старуха Боб,— подумал Фультон,— я еще не совсем в безопасности; хотя извесь и съедает трупы, но все-таки не так скоро, чтобы внезапная ревизия не могла застать меня врасплох; однако это удобное и самое надежное средство.

Он тихо отворил дверь в коридор и прислушался. Там было темно, мертвая тишина стояла во всем доме.

Вдруг снизу раздался голос Марии Галль:

— Поди сюда и захвати с собой фонарь!

Фультон побежал в комнату и схватил лампу; она была маленькая, легкая и устроена так, что можно было быстро закрыть ее свет. Фультон зажег лампу и стал сходить по лестнице.

Мария Галль ждала его в коридоре, освещаемом лишь слабым светом фонаря.

Они пошли по направлению к двери против подъезда. Мария отворила ее маленьким ключом, и они вышли на темный, с четырех сторон закрытый мощный двор. На стороне фасада и у задней стены дома были устроены перегородки и стойла. В правом углу двора плотно лежали черные, тяжелые доски, как будто закрывая яму от любопытных взоров. В левой стороне двора был колодец, тоже закрытый досками. В переднем здании были окна, в заднем — только небольшие отверстия для воздуха. Прежде заднее здание служило сараем, но Мария Галль купила и отделала его.

Она устроила залы, выкрасила стены и двери, поправила лестницу, чтобы обстановка не производила дурного впечатления на родственников, посещающих детей. Мария Галль и Фультон подошли к заднему строению. Оттуда слышался писк и визг множества детских голосов, на что воспитательница, по привычке, не обращала внимания. Они отворили плотно запертую дверь — жалобные, слабые стоны больных и голодных детей раздались явственнее.

Мария Галль и Фультон вошли в темный коридор, по обе стороны которого были двери спален детей старшего возраста. Сюда старая Боб привела Джона, который, оказавшись в темной комнате, на белой кровати, стал плакать и кричать вместе с другими детьми.

Эдуард Фультон отправился наверх, а Мария Галль зашла к детям, обещая строго наказать малюток, если они не перестанут кричать.

Большинство несчастных детей были отданы воспитательнице их родителями, которые по какой-либо причине не могли держать их у себя. На изможденных лицах детей ясно выделялись следы так называемой английской болезни; все дети казались старше своих лет. Многие, благодаря крепкой природе, спали глубоким сном, забыв голод и холод. Соломенные подушки их были прикрыты одеялами, но какое кому было дело, что бедняжки лежали в холодной нетопленной комнате.

Перед сном старуха Боб поправила одеяла, дала каждому из детей по несколько картофелин, обнесла всех кружкой с водой и вышла.

Это место было убежищем смерти; если здоровая натура ребенка сопротивлялась ей — Фультон, не медля, принимал свои меры.

Мы уже сказали, что он отправился наверх, где находилось отделение для грудных детей. Несчастные малютки лежали в тесной комнате на соломенных постелях; над каждой постелью висел номер.

Дурной спертый воздух обдал Фультона, когда он вошел в комнату. Жалобный плач несчастных существ, которых кормили один раз в день скверным молоком, как крик зверей в зверинце, заполнял комнату. И у большинства этих несчастных были знатная мать или богатый отец.

Эдуард Фультон ходил между рядами детских кроваток, ища ребенка мисс Мортон. Это был ребенок крепкого сложения, его сильная натура противилась голоду и холоду.

Трехмесячный мальчик спал здоровым сном. Злодей схватил спящее дитя, одетое в тонкую, но грязную рубашонку, — ребенок не проснулся. Бедное невинное создание должно было поплатиться жизнью за грехи своих родителей.

Преступление, совершенное Фультоном, было так бесчеловечно, что перо отказывается описывать его. К несчастью, все, о чем мы говорим здесь, — правда. Сейчас обнаружилось преступление этих двух извергов. Чтобы доказать читателям, что все это не выдумка, мы в точности проследим весь ход дела. Мария Галль и Эдуард Фультон — реальные, действительно существовавшие личности, в нашем рассказе нет ни капли вымысла.

Эдуард Фультон взял на руки спящее дитя, вышел из комнаты и, спускаясь с лестницы, крепко сдавил шею ребенка своими железными руками. Послышался хрип, жизнь недолго боролась со смертью, и дитя из сна перешло в вечность.

«Не запрещайте детям приходить ко мне, потому что им принадлежит царствие Божие», — говорит Евангелие. Может быть, злодей оказал ребенку благодеяние, избавив его от страданий и бедствий земной жизни...

Мария Галль, эта малодушная, кровожадная гиена, ждала Фультона внизу.

— Ты нашел его? — тихо спросила она.

— Уже кончено, — отвечал Фультон, держа в руках мертвое дитя.

Мария вздрогнула, но не от жалости, причиной был холод, царивший в коридоре. Этой злой женщине было чуждо чувство сострадания, присущее обычно женской натуре. Это была женщина-изверг, не отступающая ни перед чем, для нее не представляло затруднения задушить и собственными руками маленькое беззащитное существо.

Быстро схватила она лампу из рук Фультона и, бросив любопытный взгляд на мертвого младенца, пошла вперед по коридору, освещая путь своему сообщнику-злодею.

Нужно было немедленно скрыть преступление, к чему заранее были сделаны приготовления, — обычное дело в этом страшном вертепе.

Мария Галль спокойно шла по коридору. Если бы полиция узнала о их преступлении, то могла бы обвинить их только в незаконном зарытии трупa, так как Фультон не оставил на шее мальчика ни

малейшего следа своих железных рук. Кто мог обнаружить все лишения, которым подвергались несчастные малютки! Бедного ребенка можно было похоронить даже на кладбище.

И тем не менее Эдуард Фультон потерял свое обычное хладнокровие. Неужели предсказание гадалщицы в Сутенде было причиной его страха? В словах колдуньи была доля правды — он душил невинные существа и должен был умереть такою же смертью на виселице.

Мария Галль и Фультон вошли на темный двор. Пропустив своего поверенного, воспитательница крепко заперла дверь.

Фультон подошел к черным доскам, лежавшим в углу двора. Он хотел передать ребенка Марии Галль, но та боялась запачкаться. Поэтому Фультон положил маленький труп на камни и поднял две доски. Открылась яма, в которой сохранялась известь для побелки дома.

Фультон вынул несколько кусков негашеной извести. Мария Галль светила ему.

Еще несколько минут — и великое преступление будет совершено. Злодей уже нагнулся, чтобы взять трупик, как вдруг раздался сильный громкий стук в двери у подъезда.

Фультон побледнел и отшатнулся от трупа, но Мария Галль не потеряла своего хладнокровия.

— Скорее спускай его в яму! Кто бы это мог так сильно стучать? Верно, какой-нибудь посетитель; он может постучать еще раз,— сказала она.

Фультон схватил маленькое тельце, затер ногой оставленные им следы, опустил его в яму и засыпал известью.

В одну минуту доски были положены на прежнее место. Снова раздался стук в двери, на этот раз такой сильный, что даже старая Боб, спавшая наверху, услышала его.

Мария Галль поспешно отворила дверь, ведущую в коридор. Фультон проворно и тихо взбежал вверх по лестнице. Мария отворила подъезд и невольно испугалась.

— Кто это так громко стучит? — сердито спросила она.

— Отворите, мистрис, это полисмен.

— Ночью-то! К чему это ночное посещение,— сказала Мария Галль, не торопясь впускать полисмена, чтобы дать время своему соучастнику лечь в постель.

— Что случилось?

Полисмен вошел. Мария Галль заперла за ним дверь.

— Извините, мистрис, мне нужно предложить вам вопрос, не требующий ни малейшего отлагательства,— да вы, я вижу, до сих пор хозяйничаете в доме?

— А как же,— отвечала воспитательница, уже совершенно собравшись с духом,— я всегда обхожу комнаты детей прежде чем лягу спать. Что привело вас ко мне в такую позднюю пору?

— Здесь не место для объяснений, мистрис, пожалуйста, проводите меня в комнату, я не задержу вас очень долго: вы, наверное, утомились от дневных трудов?

— Твой труд неплохо оплачивается,— подумал про себя полисмен, идя за хозяйкой в гостиную.

— Почему вы так думаете? — спросила воспитательница.

— Я имею на то свои причины. Скажите, мистрис, Фультон еще не ложился?

— Он уже давно спит, войдите,— сказала она с гордым пренебрежением, отворяя дверь в освещенную гостиную.

Полицейский вошел, Мария Галль повесила лампу на лестнице и вернулась.

— Сегодня вечером здесь был один джентльмен, мистрис,— обратился к ней полисмен.

— Так что же из этого?

— Он принес к вам мальчика.

— Как хорошо вы знаете все подробности!

— Будьте так добры, позвольте мне посмотреть в список, чтоб я знал, кто он такой.

Марию Галль поразило это требование; она вопросительно посмотрела на полисмена.

— Признаюсь, меня очень удивляет ваше посещение,— сказала она.

— Может быть, мистрис. Но, пожалуйста, скажите мне имя джентльмена, который принес вам ребенка.

— Я не помню его имени, он испанец. Не думайте, что я что-нибудь скрываю от вас! Вот книга.

Мария Галль раскрыла книгу. Полисмен прочел последнее вписанное в нее имя.

— Джон Кортинга,— прочел он про себя.

— Да, это имя незнакомца. Он говорил мне, что мальчик — его сын. Он должен уехать из Лондона, и так как у него нет здесь знакомых, которым он мог бы поручить воспитание мальчика, он отдал его мне.

— Кортинга,— задумчиво повторил полисмен,— а где живет незнакомец?

— Видимо, в какой-нибудь гостинице. Не мое дело спрашивать его об этом.

— Не слишком ли вы доверчивы, мистрис,— сказал полисмен, бросая испытующий взгляд на Марию Галль, которая уже совершенно вошла в свою роль и спокойно выдержала этот взгляд.

— Вы ошибаетесь,— отвечала она,— джентльмен заплатил почти за три года вперед и сказал, что вряд ли останется столь долгое время на континенте и, наверное, раньше приедет за мальчиком.

— Ну, а если он забудет о ребенке?

— Тогда Мария Галль даст мальчику воспитание на свой счет.

— Вы очень бескорыстны, мистрис. Дай Бог, чтоб все воспитательницы походили на вас,— сказал полисмен,— но скажите, что означают эти кресты в последней графе журнала.

— Смерть ребенка.

— Однако их очень много. В вашем заведении, мистрис, смертность очень велика.

— Разве вы не знаете, что дети более всего умирают в этом возрасте? Прочитайте статистические сведения, из которых видно, что смертность особенно велика в младенческом возрасте. Пансион мой славится лучшим по уходу за детьми и число просьб о поступлении в него увеличивается с каждым днем. Надеюсь, этого доказательства вполне достаточно,— сказала Мария Галль, и с гордостью отложила книгу,— если вам нужно узнать что-нибудь подробнее, можете обратиться к доктору Брауну, куратору моего заведения; я устала и не могу объясняться с вами; скажу без хвастовства, что безукоризненно веду свои дела.

— Я вполне уверен, что вы говорите правду, мистрис. Простите, что побеспокоил вас,— сказал, вставая, полисмен.

— Вы исполняете ваш долг, и я глубоко уважаю вас за это,— отвечала Мария Галль, провожая его.— Покойной ночи!

Она крепко заперла за ним двери и отправилась в спальню, где ее ожидал Эдуард Фультон.

II

ДОМ НА БЕРЕГУ МОРЯ

Сутенд — местечко при устье Темзы, с пристанью, далеко вдающейся в реку. Оно лежит в шести милях от Лондона и сообщается с ним железной дорогой. Жители Лондона летом часто совершают прогулки в Сутенд и в Маргате, лежащей по другую сторону Темзы. Здесь много дач, принадлежащих богатым деловым людям, которые приезжают сюда вечером отдыхать после дневных трудов в конторах Сити.

Зимой в Сутенде очень холодно, от близости моря. С ревом швыряет оно на берег свои волны; рыбаки редко решаются пускаться в море, и местечко имеет пустынный и унылый вид.

В то время, о котором идет наш рассказ, на берегу моря стоял дом, представлявший что-то среднее между хижинкой рыбака и городским домом. Он был деревянный, на каменном фундаменте, с низкими дверями и маленькими окнами, выкрашенный грязной белой краской, словом, имел очень непривлекательный вид.

Все обыватели Сутенда и его окрестностей знали этот дом. Он принадлежал старой, горбатой Родлоун, которую все звали тетушкой. Но несмотря на это прозвище, все боялись сближаться со старухой и избегали встречи с ней, потому что она пользовалась недоброй славой. Простой народ считал ее колдуньей, и, действительно, она очень походила на нее с виду. В среднем сословии она слыла отличной гадалщицей на картах, а в высшем кругу — сводницей, готовой за хорошие деньги сделать все на свете. Она всегда была на стороне того, кто ей лучше платил. В ее маленьких блестящих глазах отра-

жалась вся иудейская душа ее, когда она обдумывала какой-нибудь новый план.

Ростом она была около четырех футов и казалась еще меньше от огромного горба; невозможно было определить, была ли она когда-нибудь хороша собой или всегда отличалась безобразием. Ей было около шестидесяти лет.

Ее длинный горбатый нос, широкий, впалый рот, огромные уши — все говорило, что она была безобразна и в молодости. Известно, что безобразию сохраняется лучше красоты. Маленькие, раскосые глаза старухи напоминали китайский тип. Одевалась она очень странно: пестрое, короткое платье наполовину скрывало большие ноги, обутые в валенки; большой старый серый платок прикрывал ее горб. Волосы у нее были густые и темные. На голове она носила белый чепчик с оборкой, точно рама, окаймлявший ее широкое лицо. В костлявых жилистых руках она держала костыль.

Домик старухи стоял особняком, только на расстоянии тысячи шагов от него была рыбацья хижина; к нему вела узкая тропинка, большая же дорога, или, как мы назовем, улица деревни шла в противоположную сторону, к городскому шоссе; вдоль дороги росли деревья и встречались зеленые луга.

Старуха Родлоун любила тишину, царившую около ее домика, особенно зимой.

Справедливо это или нет, но говорят, что горбатые люди всегда злы. Может быть, безобразное телосложение возбуждает в них ненависть и злобу к людям, которых щедро одарила природа, или сознание своего безобразия раздражает их, так как они сознают, что никогда никого не смогут привлечь — всякий бежит при встрече с ними. Так или иначе, но старуха Родлоун ненавидела и презирала людей, особенно женщин.

— Все люди не стоят и шиллинга! — кричала она, размахивая своей костлявой рукой. — Самые красивые всегда самые хитрые. Разве они не знают, что нет мужчины, который бы не склонился перед смазливим личиком? А знают ли мужчины, что красавицы, которые желают понравиться, долгое время стоят перед зеркалом, проверяя перед ним разные улыбки и телодвижения, чтобы сильнее очаровать мужчину и завладеть им всецело? Все у людей основано на расчете да плутовстве!

Но несмотря на ее ненависть к людям, домик ее всегда был открыт для них. В зимние вечера перед дверьми одинокого домика часто стояли экипажи, уезжавшие только утром; летом же у домика Родлоун останавливались лодки из Лондона, и в ее парадной комнате с опущенными красными занавесками на окнах происходили дела, которые мы не беремся описать.

Направо от приемной комнаты была спальня старухи; наверху, если верить рассказам жен рыбаков, жила девушка замечательной красоты.

Часто они видели в верхнем окне лицо красавицы, печально и задумчиво смотревшей на море, и жалели, что старая Родлоун лишает света это ангельское создание.

Если девушка захочет познакомиться с добрыми людьми или даже с детьми, то старая Родлоун наведет на нее болезнь, которая испортит ее красоту,— говорили между собой жены рыбаков.

Суеверие это так укоренилось, что стар и млад старались обходить домик колдуньи и издали смотрели на него со страхом и недоверием. Когда Родлоун выходила на берег или на лужок, все сворачивали в сторону и даже скот старались держать подальше от нее. Рыбаки и лодочники, отправляясь на промысел, не надеялись на удачу, если встречали или даже издали видели старуху. Казалось, колдунье был по сердцу внушаемый ею страх; она злобно смеялась и издали грозила людям своею клюкой, будто говоря: «Берегитесь меня; я вас ненавижу и рада всякой возможности сделать вам зло!»

Старуха считала себя в большей безопасности, чуждаясь людей. Хотя страх жителей Сутенда был преувеличен и даже несколько смешон, но он имел основание. Домик и его владелица были действительно окружены какой-то таинственностью. Присутствие в нем молодой красавицы напоминало сказку об очарованной принцессе или злой волшебнице и прелестных дочерях короля.

Никогда никто не видел девушку на берегу или у порога дома, старуха берегла ее от чужого глаза и никуда не отпускала. Бедняжка сидела, точно птичка в клетке. В лунную ночь рыбаки видели, как она стояла у окна, простирая к морю руки и напевая тихую, грустную, чудную песню на непонятном для них языке. Однажды в летнюю ночь, когда все было тихо в домике старухи, молодой рыбак услышал тихий, жалобный стон. Он подъехал ближе и увидел прекрасную незнакомку, освещенную лунным светом. Она тоже заметила рыбака и поманила его своей белой рукой, но когда он, пристав к берегу, хотел подойти к ее окну, раздался злой, крикливый голос старухи, которая оттащила девушку от окна и крепко заперла его.

В холодную пору, когда море, теряя свой прекрасный голубой цвет, становится темно-серым, прекрасный голос умолкал, окно было закрыто, но грустное лицо девушки по-прежнему смотрело сквозь стекло на темное, бурное море.

Наступила зима. Дерн на лугах стал вялым, коричневым, осыпались листья деревьев, поднимался туман, волны с шумом ударялись о берег, и суша и море имели мрачный вид. Буря сильно и жалобно ревела над одиноким домиком и окружающими его деревьями. Дни стали коротче, ночи темнее и дольше.

Какую пытку терпела бедная пленница старухи, как мучительно отдавались в ее душе рев бури, шум и плеск моря и вой ветра! Она проводила без сна бесконечные зимние ночи. Шум стихий всегда тяжело отзывается в душе человека, но особенно тяжело было выносить его бедной затворнице, одинокой, лишенной всякого утешения.

Темные, холодные ночи неприятны и для городского жителя, но для прибрежного они положительно невыносимы. Прибрежные жители испытывают двойное мучение. Природа, летом такая роскошная и величественная; море, дающее им пропитание; дороги, такие удобные и веселые летом,— все зимою становится невыносимым. Рыбаки плетут

сети, чинят свои лодки и хижины, а вечером сидят при свете тусклого ночника в низких комнатках, нередко служащих одновременно кладовыми и курятниками.

Жены и дети рыбаков садятся по вечерам у каминов и у прялок, на огне кипят почерневшие от долгого употребления горшки с картофелем; в трубе развешена сушеная рыба — почти единственная зимняя пища бедняков. Они не встречаются с друзьями, не имеют даже известий от них. Ничто не нарушает спокойствия местечка. Мертвое молчание и безжизненная пустота царствуют вокруг; дни, как и ночи, тянутся бесконечно долго.

Был вечер. Тишина нарушалась только однообразным плеском волн; туман застилал дороги и луга; на небе не видно было ни одной звездочки; серые тучи висели над берегом, предвещая снег.

Дверь маленького домика старухи Родлоун отворилась и из нее высунулась ее голова в белом чепце; старуха прислушивалась к чему-то, придерживая чепчик своей костлявой рукой.

Казалось, тьма и шум моря отнимали всякую возможность услышать или увидеть что-нибудь; но старая колдунья привыкла к ним с самого детства, и они нимало не мешали ей.

— Сегодня он что-то долго не едет,— ворчала она про себя,— не слышать и звука кареты! Этот герцог, сын дочери моей сестры, хотел сообщить мне что-то очень важное. Никто и не воображает, что у меня такое знатное родство! Сарра сумела вскружить голову старику! Ловкая была, шельма! Жаль, что умерла так рано! Но никак я слышу ржанье лошади, верно, это едет он. Что он находит хорошего в этой девке? Она никогда не будет второй Саррой, и он ничего не дождетя от нее. Он думал, что, отняв у нее ребенка, заставит ее отдаться ему, но с нею ничего не поделаешь, наверно, в голове у нее сидит другой. Дура она, если противится богачу-герцогу!

Старуха не прислушивалась более, она ясно увидела приближающийся экипаж. Лакей соскочил с козел и отворил дверцы богатой кареты. Из нее вышел человек в длинном плаще и калабрийской шляпе. Оставив на дороге экипаж и лакея, он пошел по тропинке, ведущей к домику. Старуха встретила своего знатного гостя у дверей дома.

— Добрый вечер, тетушка,— сказал он.— Какой страшный холод! Что делает Долорес?

— Что ей делается, сын мой,— приветливо отвечала старуха, забирая за гостем дверь,— она была и будет дурой, какой еще не бывало на свете!

— Я не теряю надежды, что она образумится; в противном случае, она насильно станет моей, терпение мое истощилось!

— Ага! — засмеялась старуха.— Да ты не на шутку влюблен в деву! Охота тебе так возиться с нею!

— Молчи, старуха! Ведь я тебе плачу за все очень исправно!

— О, мой друг! Я только думаю, что у других мужчин меньше терпения, чем у тебя. Зачем ты возишься так долго с этой дрянью? Не надо показывать ей свою страсть, она пользуется этим и отталкивает тебя, брось ее!

— Молчи, старуха!

И с этими словами Эндемо вошел вслед за горбуньей в большую комнату с темно-красными занавесками на окнах. Старомодные кресла и диваны заполняли комнату, на столе стоял старый тяжелый подсвечник с нагоревшей свечой.

Старуха засуетилась, сметая с дивана пыль и приглашая гостя сесть. Бросив шляпу на стол, Эндемо сел на мягкий диван. Волосы его были растрепаны, рыжеватая всклокоченная борода подчеркивала бледность и худобу его лица, черные глаза сверкали из-под густых ресниц, лоб бороздили морщины.

— Гадала у тебя, сегодня или вчера, знатная дама? — быстро спросил он.

— Вчера вечером у меня были две дамы, — отвечала старуха.

— Старая и молодая?

— Эге! Да ты, кажется, образумился, обратил внимание на другую! Но сдается мне, что та, о которой ты спрашиваешь, еще не была у меня. Обе вчерашние посетительницы — очень молодые и знатные дамы, потому что при них был ливрейный лакей.

— Как их зовут?

Старуха пожала плечами.

— Они не сказали мне своего имени; кажется, они сестры, чуть ли еще не дочери одного лорда в Сутенде.

— Довольно! Значит, графиня с дочерью еще не была у тебя! Слушай, на этих днях к тебе придет дама, высокая, красивая, с золотыми волосами. Говорит она ломаным английским языком — она испанка.

— Эге, эта тоже испанка! — дружески засмеялась старуха. — И что находишь ты в них хорошего?

— Слушай, она войдет к тебе одна и попросит погадать о будущем. Говори ей все, что тебе взбредет на ум!

— Я буду говорить только то, что скажут карты, сын мой. Старая Родлоун гадала королям и принцам, и предсказания ее всегда исполнялись.

— Но ты должна оказать мне услугу.

— Охотно, сын мой, ты знаешь, что я на все готова для тебя!

— Ни в коем случае не произноси перед ней моего имени, не упоминай обо мне. Скажи ей, что в такой-то день вечером она найдет того, кого любит, на мосту в Челси, который ведет к парку Ватерлоо. Она попросит тебя описать его наружность, скажи, что он очень высок и силен; чтобы угодить ей, скажи, что этого человека зовут дон Олимпио Агуадо! Ты будешь помнить, что надо говорить?

— Хе, хе! Что тут спрашивать, сын мой! У старухи Родлоун отличная память!

— Еще одно! Этот Олимпио Агуадо, как говорил мне мой камердинер, знает, что у тебя наверху живет девушка.

— Как? Неужели и он любит ее? Милосердное небо! Так это-то и сводит тебя с ума!

— Но он не знает, где ты живешь. Несмотря на это, я требую, чтобы ты была осторожна. Ни под каким видом не выдавай нашей

тайны, помни, я никогда не прощу тебе этого! Хорошенько запирай двери и никого не впускай ночью, несмотря ни на какие просьбы! Олимпио подойдет сюда шпиона; он не остановится ни перед каким средством, лишь бы отыскать Долорес!

— Ого! Понимаю тебя, сын мой! Ты хочешь заставить его отказать от Долорес, устроив ему встречу с прекрасной донной, которая приедет ко мне гадать!

— Не открывай ночью дверей ни нищему, ни богачу! Берегись, старуха! Вот, возьми это в награду за новую услугу, я могу дать тебе гораздо больше, чем он, хоть он и будет обещать тебе большие деньги! — сказал Эндемо, бросая на стол сверток золотых.

— Ты ведь страшный богач, тебе ничего не стоит дать столько денег! Одно жаль, что за все твои деньги ты все-таки не достигаешь своей цели! Что ты скажешь, если мы употребим в дело любовный напиток — хлороформ? — тихо спросила старуха, подойдя к нему и глядя его руку.

— Сегодня я предложу ей последнее средство, — отвечал Эндемо, — если и это мне не удастся, тогда я обращусь к тебе за помощью. Она должна быть моею во что бы то ни стало! Я не знаю ни сна, ни покоя! Она свела меня с ума!

— Хе, хе, это перешло к тебе от твоей покойной матери, Сарры; она была такой же пылкой и одержимой этой же дикой страстью! В тебе сидит сатана! Привести тебе ее? Она плачет о ребенке.

— Это хорошо! Может быть, желание видеть его заставит ее согласиться на мое предложение. Принеси вина, старая, и приведи Долорес; только запи хорошенько дверь этой комнаты и вход. Она не решится выскочить из окна!

— Еще бы, у нее не хватит на это ни силы, ни храбрости! Можешь забавляться с нею, никто не помешает тебе! Хе, хе, хе! Да ты побледнел! — сказала, смеясь, старуха и отправилась в погреб за вином.

Ей часто приходилось подавать его в красную комнату, за что, конечно, хорошо платили.

Она взяла несколько бутылок шампанского; это вино всегда предпочитал Эндемо и платил ей за него очень дорого. Поставив на стол бутылки и стаканы, она пошла наверх.

Эндемо был в волнении. Он то подходил к окнам, чтобы убедиться, хорошо ли они заперты, то к дивану, то опять к окнам, приподнимая занавески и выглядывая на улицу: не едет ли кто-нибудь. Была ли его страсть любовью или только упоением чувств? Он купил корабль и привез Долорес в Англию, где поместил ее к старухе Родлоун, родственнице своей матери, бывшей когда-то любовницей старого герцога Медины. Лучшей соучастницы он не мог и желать!

Старый Кортина, получив рану в голову, умер раньше, чем мог предполагать. Он скончался в каюте Эндемо, не зная, что Долорес находится в руках его смертельного врага.

Девушка, рыдая, стояла на коленях перед умирающим отцом — ей предстояло жить без его любви и поддержки и к тому же в опасности, которой она еще не осознавала, стоя у смертного одра старика.

Убитая горем, Долорес закрыла глаза своему обожаемому отцу, и когда плотник принес гроб, в который его положили, сердце ее надрывалось от горя и печали.

Старый Кортин подал на то безграничное кладбище, которое служит местом вечного упокоения морякам, — его опустили в эту общую могилу, раздался плеск, море приняло новую добычу и похоронило старика в своих голубых волнах. Матросы обнажили голову и молились. Долорес без чувств лежала на палубе, у борта, откуда только что опустили в волны прах ее дорогого отца.

Прийдя в себя, бедняжка поняла весь ужас своего положения. Она была на корабле Эндемо — в его власти! Куда он повезет ее?..

По прошествии нескольких дней корабль пристал к берегам Англии; они бросили якорь в Сутенде.

Ночью Эндемо с помощью слуги высадил Долорес на берег и утром, переговорив со старухой Родлоун, поместил ее у этой горбуни.

Беспомощная девушка терпеливо переносила все неприятности, обегая дитя и стойко сопротивляясь своему похитителю.

Бедная Долорес была в таком положении, при котором у любого человека опустились бы руки. У нее отняли все, даже сильная вера ее начала колебаться. Она видела, что зло постоянно одерживает верх над добром, и молитвы ее не доходят до Бога.

Не удивительно, что у нее уже не было более ни слез, ни молитвы, ни надежды, — перед ней лежало темное, непроглядное будущее...

Приведя бедную девушку к старухе Родлоун, Эндемо поместил ее в комнату наверху, не разлучая с мальчиком, из-за которого ей еще предстояло перенести немало горя. Ребенок был сильно привязан к девушке и, несмотря на всевозможные лишения во время долгой морской поездки, выглядел совершенно здоровым.

Мало-помалу Долорес свыклась со своим положением. Старуха Родлоун исполняла все ее желания, приносила ей все необходимое и стелила постель. Время летело, месяц проходил за месяцем. Эндемо все упорнее преследовал ее своими предложениями, а она так же твердо стояла на своем и отсылала ему все его подарки.

Часто стояла она у окна своей тюрьмы и грустно смотрела на море, будто ожидая Олимпио, которого она все еще не переставала любить и от которого ждала помощи.

Но каким образом он окажется в Англии? Как может он найти ее в домике на берегу моря? Нет, все это — несбыточная мечта!

Проходили дни, месяцы и, наконец, прошел год. Эндемо приходил в бешенство, видя полное к нему отвращение бедной девушки. Всевозможные средства изобретал он, чтобы добиться ее расположения, но все напрасно.

Тогда негодяй решил разлучить ее с ребенком. Он знал, как Долорес любит мальчика, и думал, что она решится на все, только бы не трогали ее любимца. Безумный стал угрожать ей смертью ребенка, если она не покорится ему.

Долорес просила, умоляла, но он предложил ей ужасный выбор.

— Так бери же у меня мое последнее утешение! Ты и так уже все отнял у меня!

— Подумай, ведь волей или неволей ты все равно будешь моей! Ты больше не увидишь мальчика!

— Да будет воля Божия! Я не могу поступить иначе,— вскричала несчастная девушка.

Разъяренный Эндемо вышел, унося с собой ребенка.

Долорес ломала руки, у нее отняли последнее, что привязывало ее к жизни! Теперь она совершенно одинока и оставлена всеми.

Она не думала, что Эндемо исполнит свою угрозу, хотя знала, что он способен на все и что нет преступления, перед которым остановился бы этот изверг, чтобы достигнуть своей цели, и все-таки до последней минуты сомневалась, что Эндемо исполнит свою угрозу.

Но вот она услышала его удаляющиеся шаги — и хотела бежать к нему, умолять его отдать ей ребенка.

Однако дверь ее темницы была заперта на ключ. Он уехал и увез мальчика с собой.

Неужели злодей убьет мальчика, чтобы выместить на нем свою злобу?

Да, он был в состоянии сделать такое гнусное дело! Долорес умирала от страха и неизвестности. Она более не услышит голоса ребенка, зовущего тетю Долорес, его маленькие ручки не обовьются вокруг ее шеи; в ее комнате тихо, точно в могиле.

Прошло много тяжелых, безрадостных дней; о ребенке не было никакого известия. Обращение с ней старой Родлоун изменилось, теперь она постоянно и грубо бранила Долорес.

Однажды вечером девушка услышала на лестнице чьи-то шаги, кто-то поднимался вверх. Она стала прислушиваться — это идет к ней; может быть, она услышит что-нибудь о мальчике — жив ли он? Или злодей Эндемо убил его?

Долорес содрогнулась при одной только этой мысли. Дверь ее комнаты отворилась, и на пороге показалась безобразная фигура старухи Родлоун.

— Хе! Девственница! — заговорила она, насмешливо улыбаясь и размахивая своей костлявой рукой.— Можешь на час оставить твою комнату. Образумься, брось свои капризы, если этот знатный господин предложит тебе руку и сердце, не отказывайся, а благоразумно соглашайся на его предложение!

— На предложение Эндемо! Ступай к нему сама, я не могу видеть его, я его ненавижу!

— Дура! Ты не понимаешь своего счастья! Ступай к нему сейчас же, или я потащу тебя силой!

— А возвратит он мне мальчика?

— Думаю, что возвратит; сойди скорее вниз — он ждет тебя! Если он и не отдаст тебе ребенка, то, по крайней мере, скажет о нем что-нибудь!

— Неужели это правда, неужели я услышу о нем! О, если бы он был жив! — вскричала Долорес по-испански. До сих пор она говорила только по-английски.

— Убирайся ты со своим испанским языком! Ступай скорее вниз!

Старуха схватила девушку за руку и повлекла ее за собой; Долорес не сопротивлялась, надеясь услышать что-нибудь о своем питомце.

Старая колдунья и девушка сошли вниз. Старуха втолкнула ее в комнату и заперла за нею дверь.

Долорес очутилась наедине со своим мучителем, страсть которого при виде девушки вспыхнула с новой силой.

Красота Долорес, несмотря на ее душевные муки, казалось, сделалась еще ослепительнее. Похудев, она стала стройнее, лицо, выражавшее страдание, казалось еще прекраснее. Тоска не уменьшила блеска ее глаз. Бледность лица выступала ее резче от черных волос, грудь порывисто поднималась от волнения, глаза искали в затемненной комнате мальчика! Но увы! Его здесь не было, она была одна в руках своего смертельного врага!

— Где ребенок? — тихо спросила девушка.

— Если ты согласишься быть моей, я возвращу его тебе, моя красавица! — вскричал Эндемо, обнимая ее.

— Прочь от меня! Я вас презираю!

— От любви до ненависти и от ненависти до любви — один шаг. Твои слова ободряют меня! У меня появилась надежда на твою любовь. Ты знаешь, как я люблю тебя!

— Прочь от меня! Отпустите меня в мою темницу!

— В которой ты сидишь для одного меня! Не забывай этого, ты не минешь моей руки! Сядь рядом со мною! Ты должна узнать то, чему не верила до сих пор! Ты будешь моей, ты должна стать моей! Я убью тебя, если ты будешь мне противиться!

— Убейте меня! Вот мое сердце! — вскричала Долорес, разрывая платок на своей груди.

Эндемо бросился к ней, покрывая ее грудь страстными поцелуями, она с силой оттолкнула его.

— Ты будешь моей, иначе мне нет покоя! Ты должна быть моей, или я убью тебя! Ведь ты принадлежишь одному мне!

— Никогда! Несчастный! Прочь, или я задушу тебя! Сердце мое навсегда отдано другому!

— Я это знаю! Я привезу тебе его труп! Он не будет обладать тобой! Я убью твоего Олимпио!

— Бесчестный человек! Ты отнял у меня отца, вырвал из моих рук ребенка, теперь хочешь убить любимого мною человека!

— За то, что ты любишь его! Я не позволю ему жить! Нам двоим тесно на свете!

— Я вижу безумие в твоих глазах! Матерь Божия, спаси меня от этого изверга!

— Сядь подле меня на диван! Ты должна со мной выпить! — вскричал Эндемо. — Ты не уйдешь от меня сегодня, все двери заперты, ты в моей власти.

— Убей меня! Я предпочитаю смерть твоим объятиям! Если ты убьешь Олимпио, я тоже не хочу жить!

Долорес с силой вырвалась от Эндемо и бросилась к двери, но дверь была заперта. Долорес вскрикнула от ужаса — Эндемо схватил ее за платье, она вырвала его из рук безумца и забилась в угол комнаты. Но могла ли она защититься от него?

Началась борьба. Долорес спряталась под большой стол, Эндемо, задыхаясь от страсти, бросился за нею и опрокинул стол, на котором стояли свеча и бутылки с вином. Свеча погасла, в комнате стало совершенно темно. Эндемо схватил девушку и с силой привлек на диван. Несчастливая была в его руках, и неоткуда было ждать ни помощи, ни спасения! Она неистово закричала, чувствуя, что слабеет. Безумец торжествовал! Никто уже не вырвет у него жертву! Она чувствовала его горячее дыхание на своих щеках, его губы покрывали поцелуями ее уста!

— Ты моя! — повторял он.

Его дрожащие руки уже обнимали ее тело; еще мгновение и ей не избежать насилия! Несчастливая собрала последние силы и оттолкнула его от себя.

Эндемо увидел, что она еще сильна. Он с яростью выхватил кинжал, над Долорес блеснуло лезвие. В комнате раздался ее отчаянный крик.

Старуха предвидела борьбу и стояла у двери, готовая броситься на помощь герцогу и заставить девушку покориться... Вдруг раздался громкий стук в двери, Эндемо бросился к Долорес и зажал ей ружьей рот.

Старуха Родлоун отворила дверь комнаты и стала на пороге.

Стук повторился.

Старуха пошла отпираться. Долорес была спасена. Эндемо выпустил ее из рук. Он подбежал к окну, приподнял красную занавеску и стал смотреть на улицу. Долорес воспользовалась этим мгновением, чтобы убежать из комнаты. Эндемо узнал, кто приехал, и хотел удержать ее, но было уже поздно!

Между тем старуха отперла двери. Эндемо поспешил спрятаться, чтобы не быть замеченным.

Вошла стройная дама в черном платье с длинным шлейфом. Сопровождающая ее служанка осталась ждать у входа, экипаж стоял в стороне, на большой дороге. Появление знатной гостьи в доме старухи не было редкостью. Она рассказывала, что даже наследный принц приезжал к ней гадать о будущем.

При входе знатной дамы Долорес бросилась ей в ноги.

— Спасите меня! Сжальтесь надо мной! Освободите меня! — кричала бедная девушка, ломая руки.

— Извините, миледи, — сказала старуха, грубо поднимая Долорес с колен и запирая двери, — это ведь дурочка!

Бедняжка вскрикнула и закрыла лицо руками.

Старуха провела свою знатную гостью в приемную комнату, а Долорес с угрозами потащила наверх.

Нарядная гостья начала расспрашивать старуху о девушке, лицо которой показалось ей знакомым. Старуха сказала ей, что это ее безумная дочь.

Эндемо покинул Сутенд, чтобы на некоторое время оставить в покое Долорес, и возвратился в Лондон.

Несчастливая девушка в отчаянии опустила на постель в своей темнице.

III

ОЛИМПИО АГУАДО

Трое офицеров Дона Карлоса, оказав последнюю услугу инфанту тем, что удивили и возмутили двор, решили во что бы то ни стало отыскать, спасти и защитить дочь Кортины.

Олимпии объявил своим двум друзьям, что не успокоится, пока не найдет Долорес. Когда они узнали, что бедная девушка бежала со своим преследуемым отцом, то объявили, что готовы исходить весь свет, чтобы отыскать их.

Дон Карлос и Кабрера были неприятно поражены известием, что трое храбрецов, оказавших им столько услуг, оставляют Испанию. Они предложили им почетные места и чины. Олимпии отверг все.

К тому же маркиз и Филиппо имели еще другую причину для этого. Они хотели показать инфанту, что преимущества, которые дало карлистам открытие планов християносов, не были использованы ими, что предводители карлистов предпочли праздновать, а не принять немедленно необходимые меры, и следствием этой постыдной беспечности было то, что вместо успеха они понесли новые потери. Клод де Монтолон прямо сказал инфанту, что дело его будет проиграно.

Слова эти скоро оправдались. Через несколько месяцев после отъезда наших трех друзей, армия Кабреры потерпела поражение, Дон Карлос с семейством бежал во Францию, войска его разбежались по Испании.

Маркиз был опытным офицером. Если раньше он ревностно защищал дело карлистов, то когда узнал, что офицеры пьянствовали и кутили, пока они с друзьями подвергали свою жизнь смертельной опасности, пришел к справедливому заключению, что дело проиграно.

Когда друзья переехали границу Испании и ступили на землю Франции, Олимпии обернулся назад, чтобы в последний раз взглянуть на свое отечество; тайный голос говорил ему, что он расстанется с ним надолго.

Филиппо был мрачнее обыкновенного, уж не мучила ли его совесть?

Клод де Монтолон, оглянувшись назад, сказал:

— Бедная, прекрасная страна! Много крови прольется на твоей земле, пока ты достигнешь благоденствия!

Вечером они приехали в один из пограничных городов и остановились ночевать в довольно грязной гостинице.

Им прислуживал оборванный испанец, которого все звали Валентино. Это был дегина примерно двадцати лет, очень высокий и очень

худой. Добродушное лицо его вместе с тем выражало лукавство. Он понравился Олимпио. Узнав, что Валентино круглый сирота и готов следовать за ними хоть на край света, Олимпио взял его в должность слуги. Валентино скоро приобрел доверие и любовь наших друзей, а Олимпио так привязался к нему и проникся таким доверием, что даже рассказал о цели своего путешествия.

Валентино был тронут его рассказом и вскоре доказал свою преданность.

Они прибыли в Байонну, чтобы оттуда проехать в Париж, справляясь повсюду о старом Кортине и его дочери. Но нигде не могли ничего сообщить о них, и Олимпио стал сомневаться, что они найдут беглецов во Франции.

Валентино также старательно расспрашивал всех. Однажды вечером он зашел в гостиницу, где за одним из столов сидели матросы. Это были испанские моряки; разговор их заинтересовал слугу Олимпио.

Они рассказывали, что на корабле «Паяро» вывозили контрабанду и долгое время получали значительные суммы, но несколько недель тому назад попали в руки таможни. На вопрос, как это могло случиться, когда «Паяро» всегда был готов идти на бой, один из матросов отвечал, то это произошло оттого, что капитан взял на борт старика с молодой дочерью, которые бежали из Испании, из-за них-то и схватили корабль.

Валентино стал прислушиваться и, наконец, вмешался в разговор, велел подать на свои деньги вина. Последнее оказало свое действие, матросы разговорились, беседа стала приятельской.

Между тем Олимпио ждал своего слугу и уже начинал думать, не сбежал ли он, хотя платье и ценные вещи были нетронуты. Клод и Филиппо были на стороне Валентино и защищали его перед Олимпио, который вскоре и сам убедился в несправедливости своих подозрений.

В полночь Валентино явился домой. Он был заметно навеселе.

— Ого, да ты, кажется, порядком выпил! — сказал Олимпио, встречая его. — Что с тобой случилось, ты скоро потеряешь равновесие!

— Простите меня, дон Агуадо! Правда, что я немного пьян, но без этого нельзя было обойтись, — отвечал Валентино и так лукаво улыбнулся, что господин его невольно засмеялся.

— Да были ли у тебя деньги на вино? — спросил он.

Вместо ответа Валентино вытащил из кармана кожаный кошелек и повертел им во все стороны, показывая, что он пуст.

— В нем было как раз столько денег, чтобы угостить матросов и заставить их разговориться! Дон Агуадо, теперь я счастливейший человек в мире!

— Я это вижу, — отвечал Олимпио.

— Я попал на след!

— На след? На чей же след?

— На след Кортины и его дочери!

— Ты пьян, Валентино! Ступай спать!

— Клянусь, я говорю правду, хоть я и выпил, поверьте, благородный дон! Я счастливейший человек на свете! Цель ваша близка, я напал на след!

— Так говори же, где этот след?

— Точный, верный след, дон Агуадо! Один матрос видел их в Сантандере! Старику можно было дать лет шестьдесят, сеньоре — двадцать! Они искали корабль, на котором могли бы уехать из Испании!

— Ты говоришь правду, Валентино?

— Слушайте дальше, мой добрый господин! Вы увидите, что я счастливейший человек в мире! Сеньора держала на руках ребенка!

— Ребенка! Значит, это не Долорес!

— Клянусь, это была она! В Сантандере они сели на корабль «Паяро», чтобы избавиться от преследований какого-то господина! Незнакомец купил другой корабль и на следующий же день, вечером, «Паяро» снова вернулся в Сантандер; но на нем уже не было беглецов: этот господин пересадил их на свой корабль!

— Хорошо, Валентино! Все это очень может быть! Но что за ребенок был у сеньоры?

— Я объясню вам, только слушайте меня! За бутылкой вина матрос рассказал мне все, что нужно было узнать. Незнакомец, купивший корабль,— герцог Медина.

— Черт возьми! — вскричал Олимпио.— Теперь твой рассказ начинает становиться связным! Герцог Медина! Рассказывай дальше!

— Я кончил мой рассказ! В Сантандере более не слышали ни о корабле, ни о беглецах!

— Ты не спрашивал, куда отправился корабль?

— Матросы говорили, что он поехал на северный берег Франции или в Англию!

Олимпио был сильно взволнован рассказом Валентино. Он переходил от сомнений к надежде. Разбудив своих друзей, он повторил им все, что только что услышал от своего слуги.

Маркиз сомневался, чтобы это были староста с дочерью; Филиппо же настоятельно требовал немедленно отправиться в дорогу и останавливаться во всех гаванях Франции, расспрашивая о старике и его дочери.

— Но что это за ребенок? — размышлял Олимпио.— Старая крестьянка говорила мне, что их преследует не сам герцог Медина, а его управляющий!

— Это можно объяснить таким образом,— сказал маркиз,— что плут-управляющий для большего успеха взял себе имя и титул герцога. Но мне тоже кажется невероятным то обстоятельство, которое заставляет тебя сомневаться, Олимпио.

Клод был так деликатен и так убежден в невинности девушки, что не хотел даже назвать то обстоятельство, которое могло породить в них сомнение.

— Не сомневайтесь, это, наверно, они! — сказал Филиппо.— Мы должны немедленно ехать на поиски, а то будет поздно.

Слова Филиппо произвели на друзей желаемое действие. Олимпио был убежден, что староста и его дочь попали в руки того злодея и надо как можно скорее освободить их. Рассказ же о ребенке Олимпио приписал красноречию матроса.

Валентино очень обрадовался, когда ему сказали, что они немедленно отправляются в путь. Забыв о сне и напевая веселую песенку, верный слуга стал проворно укладывать вещи и седлать лошадей. Олимпио, который рассчитывался с хозяином, предложил в награду своему слуге несколько золотых, но Валентино отказался, взяв только деньги, потраченные им в таверне на угощение матросов, чтобы и в другой раз было чем угостить нужных людей.

— Ты добрый, честный малый, — сказал Олимпио.

Когда Валентино подвел лошадей маркизу и Филиппо, те тоже не преминули от души поблагодарить его.

Через несколько минут наши друзья были уже в дороге.

Ни в Нанте, ни в Бресте они не смогли узнать что-либо о Кортине и его дочери. В Шербурге им сказали, что корабль герцога Медины несколько недель или даже месяцев тому назад закупал в доках уголь, которого ему не хватало. Но никто не мог сказать, куда он потом направился; предполагали, что корабль поплыл в Англию.

Известие это не было особенно важно, и друзья наши поехали дальше.

Однако Валентино успел узнать у одного матроса, что корабль зовут «La flecha» — «Стрела». Он стал расспрашивать, не видал ли кто этого испанского корабля. Но и его поиски были напрасны. Нигде не сказали им ничего нового.

Продолжая разыскивать Кортину и его дочь, наши путешественники через Кале отправились в Англию. С каждым днем надежда отыскать беглецов становилась все слабее: казалось, след их совершенно исчез.

Прибыв в Дувр, они перевезли лошадей пароходом на материк и поспешили отправиться в Лондон, справедливо предполагая, что там мнимому герцогу было легче всего спрятать свою добычу. В Лондоне всего труднее разыскать его, тем более, что никто из наших друзей не знал его настоящего имени!

Путешественники сняли великолепную квартиру на Оксфордской улице и, зная, что им придется долго прожить в Лондоне, обзавелись полным хозяйством. Валентино очень подружился с хозяйкой дома и старательно учился у нее английскому языку. Он был способный юноша и скоро стал объясняться по-английски, что весьма забавляло Олимпио и Филиппо.

Валентино был отличный слуга, и наши друзья очень ценили это. Всегда веселый и довольный, он был вполне убежден, что рано или поздно они отыщут сеньору и ее отца.

Вскоре после их приезда в Лондон в Виндзоре были назначены большие конные скачки, на которые съезжалась вся знать. Маркиз и Филиппо решили ехать на скачки не ради удовольствия, а чтобы осмотреть трибуны. Клод надеялся набрести там на след герцога. В этот же день было назначено и представление в театре «Her Majesty».

Друзья разделились, чтобы наблюдать за публикой и в театре и на скачках.

Валентино остался дома, но просил позволения отлучиться ненадолго, чтобы расспросить кое-кого об их общем деле. Конечно, он получил такое позволение и вместе с ним кошелек с золотом. Мы увидим, что он имел успех в этот вечер.

Он ходил по Сити, затем отправился к домам, с удивительным терпением расспрашивая повсюду об испанском корабле «Стрела». Он был убежден, что судно стоит где-нибудь в доке и заговаривал с матросами в гостиницах и кабаках.

В конце концов Валентино, отчаявшись узнать что-нибудь и утешаясь мыслью, что не всегда все удается, хотел уже возвратиться домой, чтобы приготовить ужин своим господам, как вдруг случайно увидел в одном из доков испанское судно.

— У меня еще достаточно времени, чтобы поговорить с матросами,— рассуждал он, отправляясь осматривать трехмачтовое судно,— хотя уже начинает смеркаться, но можно еще наверстать потерянное время.

Валентино получил позволение взойти на корабль.

Поговорив со штурманом об Испании, он спросил у него, стоят ли в настоящее время в Лондоне какие-нибудь испанские корабли? Штурман отвечал, что их здесь довольно много.

— Мы даже видели стоящий в гавани испанский пароход,— сказал один из матросов.

— Испанский пароход? Где же он стоит?

— Близ Сутенда! — отвечал матрос, показывая в сторону Сутенда.

— Не знаете ли, как он называется?

— Нет, не знаю. Он разоснащен и, кажется, будет зимовать в Лондоне.

Валентино поблагодарил матроса и поспешил домой, дав себе обещание не говорить ни слова о своем новом открытии, но при первом удобном случае хорошенько разузнать самому обо всем слышанном сегодня.

Воротясь домой, он нашел дону Агуадо в кабинете, где тот занимался.

Скоро пришли маркиз и итальянец. Клод явно был взволнован, а Филиппо не мог ничего взять в рот за ужином.

Когда Валентино вышел, Олимпио не выдержал:

— Говорите скорее, что с вами случилось?

— Ты ничего не узнал о старосте и его дочери? — спросил его маркиз.

— Нет, я надеялся на вас,— отвечал Олимпио.

— Per Dio! — сказал Филиппо.— Мы не можем тебе сообщить ничего приятного.

— Мой ответ лучше! — воскликнул Клод де Монтолон.— Я дерусь на пистолетах!

— С кем? Надеюсь, не с герцогом Мединой? — спросил Олимпио.

— Нет, нет, мой друг! Не с герцогом Мединой, а с герцогом Оссуной! Слушай! Наши сегодняшние похождения очень интересны! При-

ехав на скачки в Виндзор, я заметил вдали экипаж, в котором сидели прекрасная графиня Монтихо с матерью.

— Так она здесь, эта придворная дама Изабеллы? — прервал Олимпио своего друга.

— Она в настоящую минуту живет в Лондоне; кажется, с нею же приехали герцог Оссуна и Беневетто.

— Оссуна! — повторил Олимпио. — Не тот ли это Дон-Кихот, посланный франт?..

— Он самый, — отвечал Филиппо, осушая стакан вина.

— Мы были очень удивлены, встретив здесь прекрасную графиню; мы заговорили с нею и сели к ней в экипаж. Это очень не понравилось благородному герцогу, но мы не обращали на него внимания и продолжали разговаривать. Графиня весьма интересуется тобой, ее первый вопрос был о тебе.

— Много чести, — равнодушно сказал Олимпио.

— Вопросы о тебе еще менее понравились герцогу, чем наш приход. Едва мы подошли к местам, устроенным у арены, как он стал искать случая придаться ко мне в присутствии обеих дам! Я не слышал его первых вопросов!

— Per Dio, я удивлялся твоему хладнокровию и терпению, Клод, — сказал Филиппо, — у меня очень чесалась правая рука.

— Я ведь тебя знаю, мой рассудительный друг, — сказал Олимпио, положив руку на плечо Клода.

— Наконец, когда герцог, ободренный моим хладнокровием, стал говорить о малодушии, которое выгнало нас из Испании, кровь моя закипела, точно в меня влили яду! Я проводил дам в ложи и, схватив герцога за руку, сказал ему: «Вы, бездельник, еще можете поносить честных людей? Но мы не из рода Оссуна!»

— Bravo! Bravo! — вскричал Олимпио. — Славная пощечина для Дон-Кихота.

— Он побледнел, как полотно, — радостно вскричал Филиппо.

— Вы мне дадите удовлетворение за ваши слова, — закричал герцог.

— Вам остается назначить время и место, — ответил я.

— А каким оружием мы будем драться? — спросил он.

— Я предоставляю вам выбирать его.

— Прекрасно, мой дорогой Клод, — воскликнул восхищенный Олимпио. — А графине известна ваша ссора?

— Глупец, вероятно, рассказал ей об этом происшествии; я видел это по ее глазам, когда мы вошли в нашу ложу, находившуюся против их ложи. Маленький Беневетто пришел ко мне и пригласил через десять дней явиться к воротам Виктории, у Гайд-парка. Оссуна выбрал пистолеты и назначил десять шагов расстояния.

— Вот сумасшедший! Ты ведь убьешь его.

— Он будет везде хвастаться своим вызовом, — сказал Филиппо, — но в последнюю минуту непременно откажется от него.

— Ну, этому я не очень верю! Мы будем на месте вовремя, — продолжал маркиз. — Во всяком случае, я ему дам знать о себе. Этот

бессовестный, пустой человек добирается до графини Монтихо, что вовсе не делает ей чести.

— Графиня предпочитает его другим! Она хочет, чтобы второй ее зять тоже был герцог,— сказал Олимпио.— Я не одобряю вкуса графини... Так вот как! Евгения де Монтихо в Лондоне! Ну, а о Долорес вы узнали столько же, сколько и я...

— Мы везде высматривали и ничего не видели, хотя я все еще не теряю надежды; какой-то тайный голос говорит мне, что бедная девушка находится в Лондоне,— продолжал Олимпио.— Ну, друзья мои, наполним стаканы! За то, чтобы Клод проучил дерзкого герцога и за достижение моей цели!

Три друга выпили свое вино и разошлись по спальням, пожелав друг другу покойной ночи.

Валентино же всю ночь не мог заснуть. Новость, сообщенная ему штурманом, не давала ему покоя. Он был готов сейчас же идти в Сутенд, чтобы увидеть испанский пароход и убедиться, что он и есть тот самый, который они разыскивают. Ему казалось, что, отыскав «Стрелу», можно скорее достигнуть цели.

Через несколько дней друзья получили от лорда Амингтона приглашение на охоту, и Валентино, к своей радости, остался дома. Охота, конечно, продлится долго, и господа его вернутся домой поздно вечером. Валентино самодовольно потирал руки при мысли, что может целый день употребить на поиски.

Он отдал хозяйке ключи от квартиры и поручил ей передать дону Агуадо, если тот вернется раньше его, что он отправился в Сутенд по весьма важному делу и будет дома только к вечеру.

Положив в карман кошелек и накинув на плечи свою старую шинель, он отправился в путь. Чтобы скорее добраться до Сутенда, он поехал по железной дороге.

К полудню Валентино был в городке и, позавтракав в гостинице, пошел на берег моря, горя нетерпением скорее попасть в гавань. Наконец, он увидел мачты и трубы. В гавани было около шести пароходов. Их нетрудно было сосчитать, так как они стояли близ бастиона.

Валентино, у которого было хорошее зрение, стал читать названия пароходов; первые два были французские; он пошел дальше и вскрикнул от радости, прочитав на третьем пароходе «La flecha!» Так вот где пароход герцога Медины! Оставалось разрешить сомнение, точно ли сеньора и отец ее в Лондоне.

И куда герцог поместил свою пленницу? Как разузнать это?

Вопросы эти так озадачили преданного слугу, что он, как изваяние, застыл у парохода. Может быть, старик с дочерью живут на корабле? Каюта на нем такая уютная, так роскошно отделана! А может, они живут в самом Лондоне? Но не зная, где живет герцог, можно ли разыскать Долорес?

Валентино решил только выяснить, что сеньора и ее отец находятся в Лондоне, и ни слова не говорить своему господину, пока не удастся основательно разузнать обо всем, что касается Долорес.

Хотя на пароходе была мертвая тишина, Валентино был уверен, что найдет там кого-нибудь. Вероятно, на нем есть караульный.

Прикинувшись туристом, который из любопытства желает осмотреть пароход, он взшел на корабль, соседний со «Стрелой». В окно каюты он увидел двух матросов, которые собрались играть в карты. Это было для них лучшее средство убить время.

Матросы заметили постороннего человека. Из дверей каюты высунулась довольно непривлекательная физиономия и отрывисто поинтересовалась, что ему надо.

— Видишь ли, любезный друг,— сказал Валентино, указывая на «Стрелу»,— я радуюсь, что нашел своего земляка. Кому принадлежит этот пароход?

— Герцогу Медины,— отвечал матрос.

— Герцог живет в Лондоне?

— Не знаю.

— Есть ли кто-нибудь на его корабле?

— Не знаю.

— Э! Да он хочет отвязаться от меня! Я ведь помешал ему играть! Вероятно, он выигрывает. Не знаете ли, у кого я могу узнать, где живет герцог? Меня это очень интересует! Я сам испанец.

— Слышал, только оставьте ваше любопытство! Здесь никто ничего вам не скажет. Ступайте немного подальше; там вы встретите рыбацьи хижины.

— И что из того?

— Я слышал, что герцог, хозяин того корабля, часто посещает хижины рыбаков,— сказал матрос, быстро захлопнув дверь.

Глаза Валентино заблестели: «Здесь что-то скрывается! Глупец! Он ничего не хотел сказать мне, а проговорился о самом важном! Однако скорее в путь! До хижин недалеко, а до сумерек остается еще целый час, и я вовремя возвращусь домой! Вперед!»

Валентино сошел с корабля и направился по берегу моря, с нетерпением ожидая, когда покажутся рыбацьи хижины. Но до них оказалось гораздо дальше, чем он предполагал. Солнце уже село, когда Валентино увидел вдали луга, деревья и хижины рыбаков. Кругом не было ни души.

Но Валентино был уверен, что сегодня узнает все, что ему нужно! «Если бы удалось найти сеньору, думал он, как бы хорошо сегодня же принести моему господину эту радостную весть».

Эта мысль заставила его прибавить шагу. Скоро он подошел к низким хижинам рыбаков. У дверей первой из них пожилая женщина стирала толстое белье. Валентино поклонился. Женщина едва взглянула на него и слегка кивнула головой.

— Вы, верно, знаете всех здешних жителей? — спросил Валентино.

Женщина пожала плечами, показывая, что не понимает его. Положение Валентино было не очень приятным, но он нимало не огорчился. Вынув из кошелька три доллара, он повторил вопрос.

Деньги произвели желаемое действие. Женщина стала сговорчивей и начала понимать его слова.

— Да, милорд, я состарилась здесь и знаю всех,— отвечала она, стараясь выразиться как можно понятнее.

— Вот вам за труды,— сказал Валентино, подавая ей три доллара,— скажите, не здесь ли живет молодая сеньора со стариком отцом?

Женщина покачала головой.

— Сеньора со стариком отцом,— повторила она, давая этим знать, что поняла его слова,— я ничего не слышала про них.

— Приезжают ли к вам экипажи?

— О да, милорд, много экипажей! Они приезжают к старухе Родлоун.

— К старухе Родлоун? — повторил Валентино.

— А, понимаю, чего вам надо! — вскричала женщина.— Вы, верно, хотите пробраться к старухе, у которой живет в заточении прекрасная молодая девушка? Но про старика я ничего не слышала.

— Кто такая старуха Родлоун?

— Не доверяйтесь ей, милорд; ей нельзя доверять, хотя много знатных гостей приезжает к ней за советом. Никто не знает, что она делает с девушкой. Некоторые из наших рыбаков слышали, как девушка поет на чужом языке.

— Спасибо тебе, добрая женщина! Где же дом старухи Родлоун?

— Ступайте все по берегу моря и как раз увидите слуховое окно домика старухи.

— У этого окна иногда можно видеть девушку?

— Да! Но смотрите не попадитесь старухе!

Валентино еще раз поблагодарил женщину и пошел дальше.

Все сообщенное ему женщиной не оставляло в нем никакого сомнения, что он отыщет сеньору. Скоро все объяснится.

Уже стемнело, когда он приблизился к домику старухи.

Из-за деревьев виднелось слуховое окно. Валентино осторожно подошел к домику.

— Если эта сеньора, которую старуха держит взаперти, действительно та, которую отыскивает мой господин,— думал Валентино,— то я должен быть очень осторожен, потому что если меня заметят, герцог ночью же спрячет свою пленницу в другую тюрьму.

Валентино хотел только удостовериться, что Долорес действительно здесь, а потом предоставить ее освобождение своему господину, логично рассудив, что тот сможет сделать это лучше, чем он.

Он был рад туману, который подымался с моря и мешал различать предметы.

Валентино взобрался на дерево, откуда мог ясно видеть весь дом.

В слуховом окне не было и следа человеческого присутствия.

Валентино поднял с земли несколько еловых шишек и осторожно стал бросать их мимо окна, надеясь, что если в комнате есть кто-нибудь, то, наверное, заметят его уловку.

Действительно, через несколько секунд в окне показалась женская головка.

Валентино, не слезая с дерева, стал кланяться, но девушка, казалось, не замечала его пантомимы.

Подойти ближе? В нижних окнах, задернутых красными занавесками, ничего не было видно.

Наконец, Валентино решился слезть с дерева. Девушка различила его фигуру и прислонилась к стеклу. Валентино снова поклонился; она открыла окно.

— Позвольте спросить,— тихо сказал он,— не вы ли сеньора Кортина?

Девушка боялась отвечать. Она приняла высокого Валентино за Олимпио, иначе кто здесь мог узнать ее имя! Сердце ее наполнилось неизъяснимой радостью и надеждой. Олимпио пришел освободить ее, спасти ее! Но как ответить, ведь старуха может услышать их разговор! Она сделала знак Валентино подождать.

Валентино был уверен, что это та сеньора, которую ищет его господин. Она, казалось, хотела что-то передать ему.

Между тем, совершенно стемнело, и Валентино мог смело подойти к окну, не будучи никем замеченным.

Раздался легкий стук; Долорес давала ему знать, чтобы он был внимателен. Перед ним что-то упало сверху. Он нагнулся и поднял толстый лист алоэ, на котором девушка за неимением бумаги написала ответ.

В темноте нельзя было различить букв, нацарапанных на листе иглою. Валентино наклонился по направлению окна и пошел дальше. Он нарочно шел по берегу моря, хотя была более близкая дорога.

Добравшись до города, он поспешно подошел к фонарю, вынул из кармана лист кактуса и прочитал следующее:

«Спаси меня, мой Олимпио! Здесь действительно заключена твоя Долорес!»

Валентино ужасно обрадовался. Жалея, что у него нет крыльев, чтобы он мог скорее принести своему господину эту радостную весть, он сел в вагон железной дороги. После долгих напрасных усилий он достиг такого успеха, но в последнюю минуту, несмотря на то, что он считал это невозможным, вынужден был отказаться от результата своих исканий.

В следующей главе мы узнаем, как это случилось. Возвратимся на время к тому вечеру, в который к старухе Родлоун приехала знатная дама и который положил начало интриге герцога Медины.

Первым следствием этой интриги было следующее обстоятельство. Пока Валентино путешествовал в Сутенд и Лондон, его господину пришло письмо. Когда Олимпио вернулся с охоты домой, ему подали душистую записку. Он сломал печать. Письмо было написано по-испански красивым, тонким почерком. Вот что он прочел:

«Мой благородный дон! Одна равнодушная к вам особа просит Вас в будущую субботу в одиннадцатом часу вечера прийти на мост в Челси. Она сообщит Вам радостную и интересную новость. Ступайте от моста прямо к парку Ватерлоо.»

Записка была без подписи.

— Странно,— пробормотал Олимпио, рассматривая изящный женский почерк.

— Насколько я помню, это очень отдаленное, безлюдное место, — заметил маркиз.

— Я начинаю догадываться, от кого эта записка; от этой записки сердцу Олимпио угрожает опасность, — пошутил итальянец.

Олимпио осведомился, где Валентино. Хозяйка дома передала ему слова слуги. Напрасно ждали его — он не являлся. Друзья наши начинали думать, что с ним случилось какое-нибудь несчастье.

IV

ЕВГЕНИЯ У ГАДАЛЬЩИЦЫ

Заперев двери за Эндемо и закрыв Долорес в ее комнате, колдунья вернулась к знатной леди, которая ждала ее в слабоосвещенной комнате, расположенной направо от входа.

— Что вам угодно, миледи? — спросила Родлоун, которой Эндемо успел сообщить, что это и есть та дама, о которой он говорил ей.

Прекрасная незнакомка приподняла вуаль, казалось, на нее неприятно подействовала незатейливая обстановка комнаты. Широкая кровать с балдахином, большой шкаф, круглый старый стол и четыре или пять стульев составляли все ее убранство. К досаде своей, старуха не могла принять знатную гостью в парадной комнате, где на полу валялись разбитые бутылки и стаканы. Знатная леди не ожидала, что ее примут в такой грязной, тесной комнате, и уже раскаивалась, что последовала совету своих знакомых погадать у старухи о будущем.

— Извините, миледи, — продолжала колдунья, — что моя комната невесела и темна — зато тем светлее вы будете видеть ваше будущее! Не обращайте внимания на внешнюю обстановку, садитесь вот здесь. На этом старом стуле сидел герцог Гамильтон, принцесса Кумберледская, лорд Пальмерстон и еще более высокие особы, — приговаривала она, прибирая лоскуты со знаменитого стула и придвигая его к столу.

При этом перечислении имен знатнейших лиц лондонской аристократии знатная леди иронически улыбнулась.

— Я пришла к вам за тем же, за чем приходили все названные господа, — сказала она довольно дурным английским языком. Голос ее, однако, был мягкий, ласкающий. Она откинула с лица вуаль своею маленькой, красивой рукой, обтянутой элегантною перчаткой. Роскошные золотистые волосы ее были собраны под щегольской шляпкой. Эту гордую красавицу звали графиня Евгения де Монтихо. Нежный, как бы прозрачный цвет кожи, большие голубые глаза, маленький пурпуровый рот и удивительная пропорциональность фигуры — все в ней поражало глаз. Красоту Евгении справедливо называли гордой: ее лицо и осанка выражали нечто такое, что невольно заставляло каждого употреблять этот эпитет. Но при всей грации дви-

жений ее наружности недоставало той прелестной невинности нетронутого волнениями сердца, которая делает женщину очаровательным цветком и которую не могут заменить ни красота, ни кокетство. Несмотря на свою молодость, графиня утратила эту невинность. В минуты, когда она думала, что на нее не смотрят, лицо ее становилось властным и холодным, как мрамор. Она обманулась в своей первой любви, и место доверия и невинности заняли у нее тщеславие и властолюбие.

Она опустила на указанный старухой стул.

— Вы хотите погадать о будущем, миледи,— сказала старуха, вынимая колоду карт.— Не так давно в Лондоне был обманщик, которому верили многие знатные особы; он показывал образы людей, заставляя всех смотреть в вогнутое стекло, и вызывал духов. Но обман его открылся, и он был изгнан. Старая Родлоун не будет вызывать духов, но расскажет вам ваше прошедшее, настоящее и будущее. Я не буду спрашивать ни о чем, хотя и не знаю вас. Я буду говорить только то, что скажут карты. Готовы ли вы слушать и хорошее и дурное?

— Не скрывайте от меня ничего! Начинайте! — отвечала графиня.

— Снимите перчатку с левой руки и разложите эту колоду карт на три кучки.

Евгения исполнила, что говорила старуха. При этом она показала белую руку, тонкие пальцы которой были унизаны драгоценными кольцами.

— Покажите мне вашу левую ладонь, миледи, и так как сердце лежит в левой стороне, я могу прочесть на ней все, что в нем происходит.

Евгения не без отвращения положила свою нежную руку на жесткую ладонь старухи. Но волей-неволей она должна была исполнять все, что говорила колдунья.

— Хе! хе! — засмеялась та, разглядывая линии ладони графини.— Сколько тут перемен, дорог и бурь! Но вы достигнете высокой цели ваших стремлений! Линия вашей жизни долга и сильна. Отец и мать ваши еще живы! Не противоречьте мне, миледи! Несмотря на разнесшийся слух о том, будто вы потеряли вашего отчима, ваш родной отец еще жив! У вас есть сестра, но она живет очень далеко от вас! Да, в линиях много написано! Есть ли у вас сын? Ну так он будет у вас! Мне кажется, что он уже родился! Знакомы ли вы с каким-либо принцем, которого ожидает корона? Нет? Так вы с ним познакомитесь! Вы сами увидите это на картах!

Пока старуха говорила, Евгения вместо ответа кивала головой.

Старуха разложила на столе первую кучку карт. В раздумье смотрела она на картинки и числа.

— Я вам сказала правду, миледи, отец ваш жив! Ваша сестра замужем за знатным господином. Вы росли возле коронованной особы — вам предстоит много корон и много чинов! Да, очень много! У вас была несчастная любовь, но в утешение вам скажу, что тот, кого

вы любили, несчастлив, хотя и носит богатый мундир. Он не женат и тоже не любим женщиной, которую любит.

— Вы меня удивляете,— сказала Евгения.

— Все это написано в картах, миледи! Вы приехали сюда издалека и никогда более не увидите вашей далекой родины! Но все это было прошедшее. Перейдем к настоящему!

Старуха разложила вторую кучку карт.

— Хе! хе! Много у вас поклонников, и все знатные господа,— с хитрой усмешкой говорила старуха,— мать ваша охотно принимает этих знатных богачей! В предстоящую субботу, на мосту Челси, в одиннадцатом часу, у вас будет свидание с человеком, который вас давно знает и любит!

— На мосту Челси,— повторила Евгения,— кто же этот господин?

— Вы слишком много требуете от меня, миледи. Я не могу называть имен, но уж для вас сделаю исключение. Этот человек носит имя горы, на которой в древности жили боги.

Евгения вздрогнула и нетерпеливо повернулась на стуле.

— Олимпиио! — выговорила она, побледнев.

— Вы считаете себя первой красавицей, миледи,— продолжала старуха, делая вид, что не замечает ее волнения,— но у того господина есть знакомая леди, которая еще прекраснее вас! Но он в разлуке с нею.

По холодной улыбке, появившейся на губах графини, можно было угадать, что тщеславие ее оскорблено.

— Все это написано в картах, миледи! Я не могу ничего изменить или перетолковать! На вашей дороге лежит кровь! Вы услышите о поединке, или о чем-нибудь подобном, но не будете присутствовать при этом.

— Матерь Божия! Дуэлы! — вскричала Евгения.

— Все это было настоящее — теперь увидим, что скажет нам будущее! — продолжала старуха, раскладывая третью, самую большую кучку карт. Взглянув на них, она всплеснула руками и посмотрела на образа.

— Господи,— вскричала она,— что это такое? Таких карт я еще никогда не открывала! Вы будете носить славную корону, но она будет так тяжела, что раздавит вас. Я повторяю — не знакомы ли вы с каким-нибудь принцем? Нет, вы еще не знаете его! Он приедет к вам по недалекой дороге. Вы не останетесь в Лондоне, судьба занесет вас в другой могущественный город, где на охоте вы встретитесь с принцем. Встреча эта принесет вам корону. Боже мой! Все будут у ваших ног! Все ваши желания исполнятся! Но будьте умерены! Я вижу поле сражения. Вам угрожает опасность! Потом в картах все становится черным, как будто вы погибнете. Берегитесь одного орла, который могущественнее вас. Через двадцать лет он низвергнет вас с высоты.

Графиня с жадностью внимала словам колдуньи — и действительно, в них было столько чудесного, что это поневоле поражало.

Старуха долго смотрела на карты, будто ища разрешения всему, что должно было случиться, и, наконец, сказала:

— Здесь написано все точно так, как я вам говорила. Берегитесь орла, а не то он похитит вашу корону. Оставьте кичливость и безумные желания, иначе вы падете с высоты. Орел, который вас низвергнет, черный и носит корону меньше той, которая предназначена вам, но берегитесь его, а не то он лишит вас венца и ввергнет в пропасть.

— Очень вам благодарна за гаданье,— сказала графиня, поднимаясь с места.— Вы мне сообщили многое из того, что мне хотелось знать. В ваших словах есть доля правды! Примите награду за труды!

Старуха протянула свою длинную, костлявую руку, и Евгения положила в нее несколько золотых.

— Кажется, вы мне сказали, что девушка ваша дочь? — спросила она, оборачиваясь.

— Да, миледи, это мое собственное дитя! — жалобно отвечала старуха.

— Прощайте, благодарю вас! — произнесла графиня, выходя из комнаты.

Старуха Родлоун отворила дверь, за ней ждала графиню служанка, в сопровождении которой она пошла к стоявшей поблизости карете.

Заперев дверь за своей знатной гостьей, старуха пошла приводить в порядок комнату, где происходила борьба между Эндемо и бедной Долорес.

— Никогда еще я не раскрывала таких карт,— бормотала она, подбирая осколки стаканов и бутылок,— кто стоит очень высоко, может упасть очень низко, вот что было написано в них.

Убедившись, что верхняя комната крепко заперта, старуха улеглась в постель. Вытащив из-под подушки кошелек с золотыми монетами и кредитными билетами, она дрожащими от радости руками положила в него заработок сегодняшнего вечера.

Старуха прислушивалась: нет ли какого-нибудь шума в доме. Она вспомнила предостережение Эндемо. Она была беззащитна в своем одиноком доме. Если кто силой вломится в дверь, она погибла!

Эти мысли и боязнь, что Долорес может убежать, не давали ей спать целую ночь, лишь к утру ей удалось заснуть. Натура ее, несмотря на старость, была так крепка, что бессонница не могла ослабить ее сил, только иногда дыхание ее стеснялось, что часто случается с горбатыми.

Прошло несколько дней.

Бедная Долорес терпеливо переносила грубое обращение старухи, которая не могла простить ей то, что она осмелилась отвергнуть предложение Эндемо, но еще больше то, что она бросилась на колени перед знатной дамой, умоляя о помощи. В наказание старая колдунья не давала ей ни пить, ни есть. Сперва было старуха не обратила внимания на то, что графиня осведомилась о ее пленнице, но когда она во второй раз спросила о ней, ей пришлось на ум, что между ними могла существовать какая-то связь. Но она и не догадывалась, как тяжело стало Долорес, когда она узнала надменную графиню. Евгения Монтихо когда-то бросила Долорес розу, ее видела она

в саду герцога Медины с горячо любимым ею человеком, эта гордая графиня разлучила с ним Долорес, причинив ей глубокое горе.

Старуха Родлоун, как аргус, следила за своей пленницей. Эндемо не скупился в плате за ее попечение о девушке, потому она и запомнила так хорошо его предостережение. Однако все ее наблюдения были безрезультатны, она пришла к заключению, что опасения герцога напрасны.

Вечером того дня, когда Валентино бродил под окнами дома старухи, сама она сидела в красной комнате у окна и смотрела на улицу, немного приподняв занавески.

Стемнело. Старуха уже хотела отойти от окна, как вдруг разглядела в тумане шедшую по берегу человеческую фигуру. Она стала наблюдать за нею. Человек приближался и подошел к ее дому.

Появление незнакомца в этой глуши, около ее уединенного дома показалось ей подозрительным. Если бы это был слуга или поверенный какого-нибудь знатного господина, или переодетый любовник какой-нибудь леди, то ему незачем было избирать эту уединенную дорогу.

Незнакомец остановился у деревьев и стал прислушиваться, осматриваясь по сторонам и, наконец, скрылся между деревьями.

Старуха немного испугалась: пожалуй, где-нибудь прячутся участники незнакомца, они могут осадить дом и силой ворваться в него. Ведь она не сможет сопротивляться!

Она пристально вглядывалась в вечернюю темноту, но все было тихо и на берегу моря не было ни души.

Значит, незнакомец пришел один. Темнота мешала ей видеть его, да и из этой комнаты нельзя было разглядеть деревьев. Она проворно побежала в комнату налево, где могла свободно видеть всю группу деревьев, но и там было совершенно темно.

Старуха подбежала к последнему окну и осторожно подняла угол занавески. Тогда она ясно увидела сидящего на дереве человека, который пристально глядел в слуховое окно.

Старуха не сомневалась, то это слуга или поверенный того господина, о котором говорил ей герцог Медина.

Она видела, как он кланялся, слышала, как он что-то говорит, но не могла разобрать слов.

Старухе было очень любопытно знать, что будет делать Долорес; она прислушивалась, не пробует ли девушка выломать дверь своей комнаты; еще, пожалуй, незнакомец передаст ей веревочную лестницу или что-нибудь подобное.

Эндемо говорил ей, что Олимпио Агуадо подойдет своего слугу. Наверно, это на самом деле он, так как до сих пор не было никаких признаков того, что Долорес хочет убежать. Но вот она открыла свое окно и осторожно постучала.

Хитрый герцог не мог выбрать себе лучшей поверенной. Старуха сторожила свою пленницу внимательнее Цербера. Она была вся внимание, ничто не ускользнуло от ее глаз.

Что-то упало из окна Долорес, наверно, она что-нибудь бросила человеку, который подошел к ее окну.

Пока он нагибался, она успела, выше приподняв занавеску, взглянуть на упавший предмет. Долорес бросила лист кактуса. Старуха догадалась, то она написала на нем несколько слов своему любовнику.

— Хитрая змея! — прошептала Родлоун.— Он поднял лист и спрятал его. Я вам этого не спущу! Если записка дойдет до Олимпио, я потеряю источник, который должен еще долго снабжать меня деньгами! Нет,— злорадно шептала она,— вам не перехитрить старуху Родлоун!

Она гневно грозила кулаком вслед уходившему слуге Олимпио.

Подумав несколько минут, старуха побежала в свою комнату, накинула на голову большой старый платок, заперла двери и поспешно вышла из дому.

В голове ее возник чудесный план, который позволит оставить без последствий свидание Долорес с Валентино. И как мы дальше увидим, старой колдунье прекрасно удалось выполнить задуманное.

V

ДУЭЛЬ В ГАЙД-ПАРКЕ

Накануне дуэли вечером, герцог Оссун и молодой Беневенто отправились к графине Монтихо.

Хотя о таких событиях, как дуэль, сообщают только лучшим друзьям секундантам, герцог, желая порисоваться своей храбростью, отправился к графине с намерением рассказать ей о предстоящей дуэли.

Он дал понять Евгении, что дуэль эта связана с ней и что он или умрет за нее, или одержит блестящую победу.

Герцог, которого наши три друга прозвали фатом с головы до ног, действительно, делал мало чести дворянству. Он принадлежал к тем героям, которые способны на все, чтобы скрыть свою потерянную честь.

Графиня де Монтихо разыграла из себя преданного друга, стараясь, насколько возможно, помешать дуэли. При этом герцог проявлял на словах геройскую храбрость, тогда как на деле трусость его с каждым часом возрастала по мере приближения поединка.

Евгения вслух удивлялась рыцарской храбрости герцога, жертвующего жизнью для дамы своего сердца, но в душе смеялась над ним. Некоторое время он был первым поклонником ее красоты, первым кавалером и обожателем, но она нимало не интересовалась им. Одно слово, один взгляд Олимпио Агуадо были ей в тысячу раз дороже всех клятв герцога.

Слова старухи Родлоун возбудили в графине надежду на любовь Олимпио.

Дуэль была назначена на следующее утро.

Мы сомневаемся, что благородный герцог Оссуна заснул в эту ночь. Он боялся, и хотя старался сам обмануть себя, не сознаваясь самому себе в трусости, но после разговора с графиней совсем потерял уверенность в благоприятном для него исходе дуэли. Противник его был один из самых прославленных карлистов, владевший пистолетом так же хорошо, как и шпагой. Благородный герцог в молодости своей мало занимался фехтованием и стрельбой в цель и хотя более или менее усовершенствовался в этом на охоте, но никогда не был на войне. Одним словом, ему было далеко до того совершенства, с каким владели оружием три его противника.

Бесчестный по самой своей природе, герцог считал позволительными все средства, лишь бы они вели к цели. Он надеялся поладить с секундантами, на обязанности которых был выбор оружия, и повернуть дело в свою пользу, поскольку маркиз де Монтолон никак не мог заподозрить их в пристрастии к герцогу. Пистолеты были коротки и так неверно просверлены, что пуля при полете брала на дюйм выше цели, так что если бы маркиз целил герцогу в лоб, пуля пролетела бы мимо, едва задев его волосы; поэтому сам он решил стрелять противнику в грудь.

Пока герцог Беневенто спал крепким, беззаботным сном юности, Оссуна, которому оставалось еще четыре часа до утра, написал несколько писем. Дуэль была назначена в восемь часов, а в семь противники должны были быть на местах около ворот Виктории в Гайд-парке. Одно из ночных посланий герцога было следующего содержания:

«Дорогая моя Евгения! Когда Вы будете читать эти строки, судьба моя уже будет решена. Я уверен, что иду на смерть, а между тем я спокоен, я даже счастлив, так как из-за Вас я жертвую своей жизнью и иду навстречу роковой случайности! Примите же последнее прощанье от меня, который принадлежал Вам всецело, который и в этот последний час хочет еще раз повторить слова о своей безграничной и преданной любви и заочно покрывает самymi страстными поцелуями Ваши маленькие ручки и Ваши дивные ножки! Прощайте! Когда пуля пробьет мое только для Вас одной бьющееся сердце, я умру спокойный, довольный и благословляющий Вас! Но сама смерть не убьет во мне моей любви к Вам. Мертвый, я все-таки останусь тем же безгранично любящим Вас

Оссуной».

Остальные письма выражали волю герцога относительно его имущества. Кончив писать, он разбудил свою прислугу и стал одеваться. Этот пустой франт, даже идя на смерть, не забывал о своем туалете.

Беневенто тоже проснулся и стал одеваться. Было около семи часов утра, когда к подъезду подкатил экипаж; это приехал один из секундантов Оссуны, барон Кенильворт, который привез с собой доктора.

Оба герцога, надев шинели, сели в экипаж, который повез их по пустынным улицам в Гайд-парк.

На улицах было пустынно и тихо, все еще спало, только изредка попадались им навстречу обозы со всевозможными продуктами, развозящие их по лавкам и кладовым, да рабочие, идущие на работу. Главные же улицы были совершенно пусты. Богачи, живущие там, далеко за полночь вернулись домой из клубов и театров и спали в своих домах с закрытыми окнами. Даже слуги еще не вставали. Поэтому герцог и его спутники не могли встретить дорогой никого из своих знакомых.

В аллеях тенистого Гайд-парка тоже не было ни души. Обе стороны решили стреляться около озера, в месте, менее всего посещаемом публикой.

Экипаж подъехал к воротам парка с северной стороны.

Здесь находится колодезь для питья, вырытый каким-то индийским князем. Теперь на этом месте поставлен Albert Memorial, один из великолепнейших памятников в Лондоне.

У главного входа в парк построены три мраморные, со скульптурными украшениями, арки. Слева находится Роттен-Роф, а рядом — дорога для езды, названная Леди-Миль, которая ведет прямо к берегу озера, выложенному камнем при королеве Королине, супруге Георга II. Эти две дороги служат сборным пунктом для всей лондонской аристократии. По бокам стоят железные скамейки, с которых любопытные могут рассматривать богачей Лондона.

Маркиз и его секунданты были уже на месте, когда экипаж герцога Оссуну подъехал к воротам парка.

Все поспешно вышли из экипажа; доктор захватил с собой необходимые инструменты.

Оссуну казался страшно взволнованным, был ли это страх за свою жизнь или что-то другое, мы не знаем, но благородному герцогу, по-видимому, было очень не по себе; однако он старался казаться спокойным и вел себя развязно, когда Беневенто и Кенильворт по дороге, от души смеясь, рассказывали о своих похождениях.

Противная сторона была в совершенно другом настроении.

Маркиз медленно прогуливался по дорожке парка со своими секундантами Филиппо и Олимпио и доктором. Вся компания вела серьезный разговор. Клод совершенно спокойно говорил с Олимпио, который ходил, заложив руки за спину. Филиппо же толковал с доктором о смертных случаях в Лондоне, о которых сообщали статистические сведения.

Маркиз первым заметил приехавшего противника и подошел представить ему своих секундантов. Обе стороны церемонно раскланялись. Барон Кенильворт, хорошо знакомый с расположением парка, вызвался проводить общество к месту дуэли. Он уже в третий раз был секундантом в Гайд-парке.

Герцог Оссуну и маркиз де Монтолон более не сказали друг другу ни слова. Через несколько минут оружие решит их судьбу. После вызывающего поведения герцога не было никакой возможности примирить противников, так что секунданты и не стремились делать этого.

Два доктора, раскланявшись друг с другом, последовали за всеми.

Все дошли до длинной тенистой аллеи, идущей вдоль пруда. Барон Кенильворт объявил, что это самое уединенное и самое удобное для дуэли место в парке. И действительно, аллея как нельзя лучше соответствовала условиям дуэли: она была ровная и широкая, секунданты могли удобно расположиться по обеим сторонам у окаймляющих ее кустов.

Утро было светлое. Солнце сквозь листву деревьев уже освещало тенистый парк. Кругом было тихо, и ничто не нарушало дивную гармонию природы. И теперь эта торжественная тишина должна была нарушиться кровавым боем, осуждаемым и Богом, и людьми. Человек, лучшее создание Бога, направляет оружие на своего же брата, отнимает у него жизнь из-за того только, что в минуту глупой вспышки тот бросил ему оскорбительное слово, чтобы заслужить расположение прекрасной дамы. Наказание, как следствие подобного безрассудства и чванства, должно было одинаково подействовать и на оскорбившего и на оскорбленного. Какую большую несправедливость представляет дуэль! Кажется, одной этой несправедливости достаточно, чтобы отказаться от этого устаревшего обычая, этого фарса, оскверняющего все божеские и человеческие законы, достойного всеобщей насмешки и презрения.

К счастью, в новейшее время дуэли встречаются все реже, и можно надеяться, что это кулачное право, эта постыдная драка скоро совсем будет вычеркнута из летописи нашего столетия.

В данном случае, не защищая маркиза де Монтолона, скажем все же в его оправдание, что он был доведен до крайности наглым искателем приключений, и все это происходило двадцать лет назад, т. е. в то время, когда гуманность и цивилизация не имели еще такого обширного распространения, как в наше время.

Ничего не подозревая, Олимпио и Филиппо согласились принять пистолеты, привезенные Оссуной. Как честные люди, они не думали подозревать кого-либо в мошенничестве, но если бы они внимательно посмотрели на герцога, то, может быть, о чем-то и догадались.

Он не мог скрыть торжествующей улыбки, он знал, что пуля маркиза минет его.

Клод де Монтолон поручил секундантам выбрать оружие и отмерить расстояние. Красивое лицо его выражало полное спокойствие. Он подошел к барону Кенильворту, чтобы сообщить ему, что о примирении не может быть и речи, но что он прощает герцогу его опрометчивость.

Противникам дали пистолеты, отмерили расстояние и поставили их друг против друга. Секунданты и доктор отошли в сторону, но на такое расстояние, чтобы можно было видеть все происходившее.

Филиппо и Беневенто спросили противников, можно ли начинать и, получив утвердительный ответ, скомандовали «Стрелять!».

Одновременно раздались два выстрела. Но оба они остались без действия, герцог и маркиз стояли на своих местах.

Клод де Монтолон прицелился в руку своего противника, чтобы лишить его возможности стрелять. Этот благородный человек, прицелившись герцогу в грудь, при верности своей руки мог убить его

наповал. Он стрелял в руку, но так как ствол пистолета был просверлен неверно, то пуля пролетела на несколько линий мимо руки.

С маркизом никогда еще не случалось подобного происшествия, и он был очень удивлен: вероятно, пистолет был плохо заряжен или в нем чего-либо не доставало. Маркиз стоял неподвижно, но содрогание его левого плеча говорило, что он получил рану. Герцог Оссуня прицелился в грудь своего противника, но рука его дрогнула, и пуля попала в плечо.

Секунданты, стоя с правой стороны, не заметили, что маркиз ранен.

Оба в один голос воскликнули: «Еще раз!»

Секунданты снова зарядили пистолеты и, переменяв их, подали дуэлянтам. Но могло ли это помочь Клоду?

Маркиз, разумеется, не подозревал, что новый пистолет имеет то же свойство, что и первый.

Секунданты снова отмеряли расстояние и в один голос скомандовали: «Стрелять!»

На этот раз противники долго целились друг в друга. Герцог выстрелил первым. От волнения дрожь пробегала по всему его телу, отчего прицел не был верен, и пуля даже не оцарапала маркиза, но из раны, полученной при первом выстреле, обильно потекла кровь.

Легкая презрительная усмешка появилась на губах маркиза — пистолет его снова осекся.

— Черт возьми! — вскричал Олимпио, подходя к нему, чтобы взять у него пистолет. — Что это случилось с тобой, Клод?

— Противник мой ранен, — сказал Оссуня, увидя струившуюся из плеча маркиза кровь.

— Это только легкая царапина, — спокойно отвечал маркиз, — я требую третьего выстрела!

Беневенто и Филиппо в третий раз зарядили пистолеты и скомандовали: «Стрелять!»

На этот раз маркиз прицелился вернее. Раздалось два выстрела.

Оссуня побледнел и зашатался, он был сильно ранен в правую руку.

Доктора вынули пулю из руки герцога, перевязали рану и поспешили оказать помощь маркизу, который не обращал ни малейшего внимания на свою рану.

Когда перевязали плечо, маркиз, поблагодарив докторов, направился с Филиппо к своему экипажу.

Доктор и барон, не замеченные полицейскими чиновниками, перенесли раненного Оссуню в карету по боковой тропинке.

Молодой же герцог Беневенто остался на месте поединка, чтобы убрать пистолеты, и потом хотел также отправиться по большой дороге к воротам Виктории.

Но через несколько секунд он увидел себя окруженным полицейскими, вежливо просившими его последовать за ними в окружающую полицию, чтобы там составить протокол о происшествии. Он должен был исполнить их требования, что было для него весьма неприятно. Между тем, маркиз и его друзья возвратились в свой отель.

VI

ГОРБУНЯ

Теперь мы вернемся к тому месту, где оставили горбунью, когда она поспешила вслед за Валентино.

Старой Родлоун необходимо было известить герцога Медину о случившемся и постараться обезвредить слугу Олимпио.

Мы уже знаем, что Валентино нашел Долорес и собирался сообщить об этом своему повелителю.

Старой горбунье достаточно было однажды увидеть человека, чтобы потом она всегда могла узнать его. Эту способность можно назвать не только хорошей памятью, но даже талантом. Родлоун, побуждаемая корыстолюбием и постоянно общающаяся с разными людьми, мгновенно запоминала черты их лиц и при встрече узнавала тотчас же. Ее ничто не могло испугать, она не знала не только стыда, но и страха, и решалась на все, если это ей было выгодно. При этом она могла молчать, если было необходимо, и быть глухой и слепой. Но если требовалось, выказывала удивительную, почти юношескую силу и быстроту, была изобретательна и хитра, если видела возможность получить приличное вознаграждение.

Из этого короткого описания можно понять, что знатные люди охотно пользовались ее услугами, а она — получаемыми от них доходами.

Старуха не делала ни одного шага без соответствующего вознаграждения, но она честно исполняла свою обязанность и можно было рассчитывать на ее услуги, если она получала плату вперед или была уверена, что получит ее, как получала от Эндемо.

В этом отношении она была, как выражаются купцы, честной, а говоря языком дворян — бесценной личностью.

Нет сомнения, что мнимый герцог и без согласия горбуни в этот вечер добрался бы до девушки, которую он ей поручил! Но если бы Валентино счастливо бы добрался до дома своего повелителя, Долорес на другой же день была бы освобождена, хитростью или силой, из сетей Родлоун и похищена у сеньора Эндемо. Олимпио употребил бы все средства, чтобы освободить бедную, перенесшую такие тяжкие испытания девушку, которую он со своими друзьями так долго искал!

Но в то время, как он не имел о ней никаких известий, он вдруг получил раздушенную записку, присланную с намерением снова обольстить его сердце и сбить с толку. К тому же через несколько дней Клод, его добрый друг, был ранен Оссуной и должен был лечь в постель; хотя рана была невелика и неопасна, все-таки необходимо было остерегаться. Для Долорес эти несчастные происшествия имели тяжелые последствия, продлившие ее заключение.

Мы увидим в следующей главе, что мнимый герцог будет прилагать все усилия, чтобы устранить своих соперников и лишить Долорес всякой надежды на спасение. Все более казалось, что это бедное

прекрасное существо действительно должно достаться презренному авантюристу.

Понятно, что горбунья не могла в тот же вечер призвать на помощь герцога и известить его о случившемся. Но она была чрезвычайно хитра и нашла средство удалить Валентино и в то же время известить Эндемо о случившемся.

Она хотела воспользоваться для этой цели самим Валентино, и сумела привести в исполнение свой хитроумный план, хотя слуга Олимпио не был ни глуп, ни слишком доверчив.

Старуха явилась в Сутенд на станцию почти на полчаса раньше Валентино и использовала это время, чтобы написать письмо, взяв необходимые письменные принадлежности у одного чиновника за золотой. Она знала наперед, что все издержки возвратятся ей вдесятеро сыном ее племянницы!

Письмо гласило:

«Любезный герцог! Податель письма и есть слуга Олимпио! Он явится к тебе, чтобы получить дальнейшие приказания!

Годмотер Родлоун»

Написав эти строки своим довольно неразборчивым почерком, горбунья внимательно осмотрела его, чтобы убедиться, не может ли оно возбудить какое-либо подозрение. На наружной стороне она написала: *«Улица Оксфорд, № 10»*, потом поблагодарила чиновника и, осторожно оглядываясь по сторонам, чтобы Валентино не заметил ее на станции, отправилась к кассе, где взяла билет в Лондон.

Она намеревалась уже войти в один из вагонов и сесть в темный уголок, как вдруг увидела Валентино у двери, ведущей к кассе.

Поспешно и ловко вмешалась она в толпу, чтобы, оставаясь незамеченной, следить за ним и не сесть с ним в один и тот же вагон.

Валентино не должен был видеть ее в Сутенде и во время дороги. Маленькой горбунье нетрудно было скрыться в толпе, и хотя ее толкали из стороны в сторону, она не обращала на это внимания. Она не сводила глаз с Валентино, который так торопился, что локтями пытался пробить себе дорогу к кассе. Он возвышался над окружающими, что было очень удобно для Родлоун, старавшейся не потерять его из виду.

Локомотив уже свистел и пыхтел, как будто выражая свое нетерпение и желание двинуться скорее, раздался звонок, а Валентино все еще не получил билета. Казалось, могла выйти неприятная для старухи история. Если бы он не поехал, то и она должна была бы остаться до следующего поезда, но ее деньги были уже истрачены, и это ее в высшей степени беспокоило. Кроме того, горбунью мучила мысль, что Долорес, несмотря на принятые предосторожности, все-таки может заметить ее отсутствие. Что если она воспользуется этим и убежит?..

— Она боязлива и не отважится на это, я ведь ее знаю, — успокаивала себя горбунья.

В эту минуту Валентино получил билет — он бросился в ближайший вагон, кондукторы уже начали закрывать дверцы; Родлоун поспешила в другой вагон и уже стала садиться, как кондуктор потребовал у нее билет: «Вы должны выйти из этого вагона и пересесть в один из передних, которые отправляются в Лондон, этот же идет дальше,— сказал он удивленной старухе.— Поспешите — вот туда следует вам идти!»

И он указал на вагон, в котором сидел Валентино. Родлоун не успела опомниться, как кондуктор втолкнул ее в одно из купе, и едва она села, как поезд с треском и шумом пришел в движение. Горбунья увидела, что Валентино сидел в другом отделении и смотрел в окно. Хотя он ничего не замечал, она все же села к нему спиной, пригнувшись, чтобы высокая спинка скамьи совершенно скрыла ее. Дорога до Лондона занимала не более получаса. Она осторожно держала письмо под старым платком, боясь смять или запачкать его и исподтишка по временам поглядывала на слугу Олимпио, который не мог ее видеть, да и не смотрел в ее сторону. Вагон был слабо освещен, но зоркие глаза старой Родлоун ясно различали лица людей, сидевших вокруг.

Мерно постукивали колеса, будто напевая унылую песенку, мелькали станции, и, наконец, наши путешественники достигли Лондонского вокзала, находившегося недалеко от улицы Ватерлоо.

Горбунья проворно вышла и пробралась через толпу к выходной двери. Здесь она остановилась, держа письмо в руках и глядя на проходящих.

Когда же Валентино приблизился к ней, она воскликнула:

— Слуга милорда Агуадо! Где слуга Агуадо?

Проходящие смотрели на маленькую горбунью и не видели ничего подозрительного в поведении этой женщины, которая в такой тесноте зывала громким, низким голосом,— как же иначе она могла найти того, кого искала?

Валентино остановился у самой двери, услышав имя своего господина, и увидел кричавшую совершенно незнакомую ему женщину, которая держала в руке письмо.

— Где слуга Агуадо? — громко послышалось снова.

— Что вам нужно от него, матушка? — спросил Валентино, подходя к старухе.

— А, слава Богу! Это вы! Это вы! Я узнаю вас по описанию! — воскликнула старуха и потащила Валентино в сторону.

— Однако скажите, что вам нужно, вы видите, я тороплюсь!

— Вам не нужно идти, не нужно, я для этого, собственно, и пришла! Милорда Агуадо нет дома! Хозяйка прислала меня сюда с этим письмом, видно, она знала, что вы приедете из Сутенда.

— Конечно, она знала это, но что нужно сделать с этим письмом, которое вы принесли сюда?

— Слушайте только, я ужасно устала, потому что торопилась, боясь вас пропустить! Это письмо было передано хозяйке и должно попасть в руки вашего господина раньше полуночи! Милорд же Агуадо

находится теперь во дворце на улице Оксфорд, № 10,— вот здесь хозяйка написала адрес!

— Странная, однако, история! — сказал Валентино.

— Вы и не предполагаете, до чего она странна! Хозяйка сказала мне, чтобы вы как можно скорей исполнили это поручение, так как письмо, без сомнений, содержит важное известие. Милорд Агуадо находится у герцога Медины, на улице Оксфорд, № 10.

— У герцога Медины? — удивленно переспросил Валентино.— По какому же случаю?

— Хозяйка думает, что это, вероятно, тайна. Слуга же, который принес это письмо два часа тому назад на улицу Ватерлоо, сказал ей, что милорд Олимпио должен во что бы то ни стало получить его до полуночи, так как оно содержит известие о личности, из-за которой милорд и поехал на улицу Оксфорд, № 10!

Наконец, дело, которое до сих пор казалось Валентино сомнительным, разъяснилось. По-видимому, пока он был в Сутенде, разыскивая Долорес, его господин узнал адрес герцога и поспешно решил, как он обыкновенно поступал в таких случаях, отправиться в замок герцога, чтобы добровольно или силою получить от него сведения о Долорес! Хозяйка же, которая знала, как важно это письмо, послала старуху на станцию, чтобы Валентино не пошел напрасно на улицу Ватерлоо.

Все это крайне удивило Валентино, но все-таки не возбудило в нем ни тени сомнения. План старой колдуньи, как мы видим, прекрасно исполнился.

— Ему совсем не стоило бы ехать к герцогу,— пробормотал, размышляя, Валентино и взял письмо,— все уже и так устроено.

— Однако спешите, чтобы скорее явиться к милорду Агуадо,— уговаривала его, между тем, старуха,— я же вернусь на улицу Ватерлоо сказать, что мне удалось вас найти.

— Еще один вопрос! Почему маркиз не распечатал письмо и не прочитал его?

— Маркиз ведь уехал вместе с милордом на улицу Оксфорд, № 10,— отвечала с уверенностью горбунья.

— В самом деле, теперь мне все ясно.

— Торопитесь же,— повторяла старуха, внутренне ликуя от того, что задуманное ею так хорошо исполняется.

Она вышла со станции вместе с Валентино, осматривавшим письмо со всех сторон, у ближайшего переулка рассталась с ним и пошла мимо Темзы по дороге к улице Ватерлоо, тогда как Валентино направился к улице Оксфорд. Сделав не более двадцати шагов, горбунья осторожно обернулась, возвратилась на угол, у которого рассталась со слугой, и уже не увидела его — он, надо полагать, спешил в замок герцога Медины!

Горбунья торжествовала и мечтала о золотых монетах, которые она получит за эту услугу!

Валентино шел, не предполагая обмана, ведь до сих пор все ему превосходно удавалось. Очень может быть, что этот успех и под-

толкнул его исполнить поручение: он хотел поскорее увидеть своего господина, чтобы сообщить ему радостное известие!

В то время как старуха шла к вокзалу, Валентино почти бежал по улицам. Путь, который ему предстояло проделать, был довольно далек. Приближалась полночь, а дон Олимпио должен был получить письмо, как говорила старуха, раньше полуночи.

Все совершилось так неожиданно и быстро, что Валентино до сих пор еще не обдумал это приключение.

Горбунья торопила его, и в спешке ему и в голову не пришло, что это может быть обман, тем более, что он был опьянен успехом, которого добился сегодня вечером.

Пройдя же большую часть дороги и повернув на улицу Оксфорд, он вдруг остановился, как будто что-то удерживало его, потом преодолел невольный страх и поспешно направился к указанному дворцу.

По обеим сторонам улицы, которая прежде вела к виселице, возвышались ряды великолепных дворцов. Валентино перешел площадь цирка и вскоре нашел дом № 10. Он осмотрел здание, высокие окна которого были освещены. Горели фонари еще и у подъезда. Экипажа вблизи дворца не было видно, но, может быть, кучер тихонько выезжал вспотевших лошадей по переулку, чтобы потом опять возвратиться к дворцу. Валентино предполагал, что встреча его господина с герцогом Мединой не может быть приятной. Он хорошо знал дона Олимпио: насколько он был добросердечен и ласков с людьми, настолько же мог быть вспыльчив и энергичен! Да, его гнева следовало бояться, так как иногда он мог употребить свою могучую силу, хотя потом и раскаивался в этом.

Итак, узнав местопребывание ненавистного герцога, он поспешил к нему и, надо думать, между ними произошла очень неприятная сцена. Одно только обстоятельство успокаивало слугу, а именно то, что, как утверждала горбунья, его сопровождал маркиз Монтолон.

Валентино остановился у подъезда, отворил высокую стеклянную дверь и вошел в ярко освещенную галерею, украшенную прекрасными статуями.

Швейцар подошел к нему.

— Будьте так любезны, доложите сейчас же обо мне дону Агуадо, — сказал Валентино, — который в настоящую минуту находится у герцога.

— Дон Агуадо? — повторил с удивлением швейцар.

— Разве вы не проводили двух мужчин наверх к вашему господину? — спросил Валентино.

— В зале есть несколько мужчин.

— Так прошу вас, не медлите, доложите господину, который носит имя Агуадо, что я имею к нему важное дело! Скажите ему, пожалуйста, что Валентино должен передать ему в руки письмо.

— Подождите немного здесь, — возразил швейцар, — я сейчас принесу вам ответ.

Несколько слуг, одетых в богатую ливрею, бегали взад и вперед, недоверчиво поглядывая на Валентино. Его темный поношенный плащ не выдавал в нем слугу знатного дона. Валентино совсем не за-

ботился о своей внешности. Ему казалось, что вся цель его — по возможности действовать быстро и честно, исполняя свой долг, и потому он нисколько не думал о плаще, который придавал ему вид подмастерья, имеющего дурные намерения.

Швейцар долго оставался в комнатах наверху, но Валентино успокаивал себя тем, что не так скоро можно вызвать господина из общества, и в особенности в том случае, когда ведется разговор, без сомнения, более чем живой.

Увидев обращенные на него взоры и услышав насмешливые замечания слуг, он пробормотал: «Глупые, неопытные куклы».

По его мнению, это были не слуги, как он представлял себе эту должность, а скорее лакеи, умеющие только подавать устрицы и раскупоривать бутылки с вином, то есть существа, на которых Валентино смотрел как на бездушные предметы, которые хотя и нужны, но в глазах мыслящего человека не имеют никаких достоинств.

Наконец, возвратился швейцар; он спустился по лестнице, усталанной ковром, и пригласил Валентино следовать за ним.

— Слава Богу, часы только что пробили полночь, — бормотал слуга Олимпио, поднимаясь по лестнице вслед за стражем дома.

Поднявшись наверх, они вошли в переднюю, и швейцар обратился к нему.

— Дайте мне письмо, любезный друг, я его отнесу, ответа же вы можете подождать здесь, — сказал он таким простодушным тоном, что Валентино не отважился отказать.

Он отдал письмо швейцару, который положил его на серебряный поднос и понес в соседнюю комнату.

В это время Эндемо находился в обществе нескольких мужчин, которые кормились за его счет и распивали с ним вино до глубокой ночи. Полученное письмо доставило ему такое удовольствие, что он громко рассмеялся и пробормотал похвалу Годмотер Родлоун, теребя при этом свою бороду. Он тотчас понял, что должно сообщить ему письмо, как и вопрос швейцара о доне Агуадо! Это был слуга последнего, который отыскал Долорес и был послан к нему горбуньей, чтобы он обезопасил его. Этот замысел так хорошо удался старухе, что Эндемо пришел в самое веселое расположение духа. Доверенный Олимпио не должен был ускользнуть из его рук. Если он, следуя намекам старухи, заключит его во дворец, Олимпио ничего не узнает об открытой его слугой тайне. Через несколько дней наступит тот вечер, в который дон Агуадо должен будет посетить мост в Челси, от нем все уже решено, и теперь только необходимо, чтобы доверенный до тех пор не встретился с господином. Это нетрудно было сделать, если держать слугу в заключении, чтобы он не мог вредить.

У Эндемо был камердинер англичанин, в подобных случаях достаточно решительный и изворотливый. Джон был уже не молод, но зато опытен, и отличался большой физической силой и удивительной хитростью. Он походил на бульдога, широкий, длинный нос хотя и безобразил его, но придавал лицу дикое, решительное выражение. Джон был во многом похож на своего господина — ничто не могло его остановить, и он всегда был готов выполнить то, что ему

поручено, не думая о последствиях. Ему и хотел Эндемо поручить слугу Олимпио.

Он извинился перед гостями, сделал знак парню с огромным носом и вышел с ним из залы, чтобы пройти в переднюю.

— Вы слуга дона Агуадо? — с важной снисходительностью спросил он Валентино, который в ответ поклонился.— Так идите за моим камердинером. Ваш господин останется еще несколько минут в зале. Джон, угости твоего товарища в комнате около кухни, пока благородный дон Агуадо не оставит дворец!

Камердинер Эндемо тотчас же понял требование.

— Прочитал ли мой господин письмо? — спросил Валентино.

— Без сомнения, любезный! Он приказал вам подождать его,— сказал Эндемо и шепнул стоявшему возле него Джону.— Смотри, чтобы этот парень не ускользнул. Замани его вниз, в комнату около кухни, и запири там!

Мнимый герцог возвратился к своим гостям, а его камердинер попросил Валентино последовать за ним. По дороге он в шутовском тоне сказал, что они могут выпить бутылку вина, поскольку господа наверху пьют уже десятую.

Валентино несколько удивили эти слова, так как он не мог себе представить, что его господин вдруг подружился с герцогом Мединой, и в голове у него мелькнуло подозрение. «Что-то здесь неладно»,— подумал он и решил быть настороже.

Он спустился с Джоном, не производящим на него приятного впечатления, по задней лестнице и прошел вслед за ним через кухню в комнату, которая тоже ему не очень понравилась.

Хотя камердинер объяснил, что эта комната предназначена для прислуги и в ней она обедает, но Валентино нашел, что она скорее походит на тюрьму, чем на комнату для прислуги.

Однако он должен был принять веселый вид, хотя подозрения его возрастали, и опять был обманут, потому что когда он спросил, находится ли его господин дон Агуадо все еще в зале и не уедет ли он без него, Джон ответил, что все мужчины сидят наверху и не думают отправляться домой.

— Должно быть, наверху очень весело,— проговорил он, ставя лампу на стол,— присаживайтесь! Вот бутылка, которая должна нам понравиться, за это вино я готов отдать свою жизнь!

Валентино смотрел, улыбаясь, на слугу с лицом бульдога, который, откупорив бутылку, поспешно принес стаканы и наполнил их. Валентино должен был сознаться себе, что отродясь не встречал такого неприятного лица.

— Да здравствуют наши лорды! — воскликнул Джон, усаживаясь удобнее на жестком деревянном стуле. Он снова наполнил стаканы, и держа двумя пальцами стакан, по примеру английских джентльменов, продолжал:

— Да здравствуют наши лорды, и если вы согласны со мной — выпейте!

— За этим дело не станет,— ответил Валентино, который охотно пил хорошее вино.— Однако скажите, маркиз также в зале?

— Маркиз, дон, герцог и еще несколько лордов — все еще наверху, — воскликнул Джон.

Мы увидим, что этот Джон был весьма опасной, хотя и жалкой личностью, каких немало среди прислуги в Лондоне.

Пугающая наружность этого человека, как бы предостерегала от него, словно природа поставила на этом лице штамп подлости.

Но для целей благородного сеньора Эндемо, мнимого герцога, был необходим такой решительный и подлый человек. Валентино инстинктивно чувствовал, что ему грозит опасность и решил всеми силами ей сопротивляться.

Скоро он понял, что слуга герцога пытается его спойть. Однако, Валентино был достаточно осторожен и умен. Он нашел способ выливать вино из стакана, когда заметил, что не следует больше пить.

Джон про себя удивлялся выносливости своего гостя; он неумоимо наполнял стаканы и должен был остановиться, потому что почувствовал на себе действие вина, хотя выпил вполовину меньше Валентино.

— Он опьянеет, — думал про себя Джон, — во всяком случае, я исполнил приказание господина, привел слугу дона Олимпио в комнату, которую легко превратить в тюрьму, так как она не имеет окна, и дверь крепко запирается. Кроме того, эта отдаленная комната находится в подвальном этаже дворца, так что если еще запереть двойную дверь, то Валентино и думать не сможет о бегстве. Можно быть уверенным, что тайна, известная ему, будет похоронена вместе с ним!

Между тем, подозрения Валентино все более возрастали, но он не мог объяснить себе цель такого коварства и еще менее понимал, каким образом посланная хозяйкой старуха могла узнать так точно все имена и подробности, если ей все это не рассказали.

Джон, казалось, заметил беспокойство Валентино и объявил, что согласен отправиться наверх, узнать, не собираются ли уже господа разъезжаться.

Выходя из комнаты, он попросил позволить ему взять лампу.

Таким образом, Валентино остался в совершенно темной комнате. Мрачные мысли бродили в его голове, но он все еще не догадывался, что попал в западню.

Слуга Эндемо затворил дверь, и Валентино услышал, что ее тихонько замкнули; он вскочил и начал стучаться, требуя, чтобы его выпустили, но ответом ему была глубокая тишина.

Напрасно Валентино старался сломать дверь, она была тяжела и крепко заперта. Только теперь ему стало ясно, что он попал в западню и сидел в тюрьме. Упреки, которые он делал себе, не могли освободить его из заточения, и он напрасно надеялся спастись.

Эндемо громко рассмеялся, узнав, что Валентино надежно заперт и теперь не сможет открыть своему господину убежище прекрасной Долорес.

VII

ПАДЕНИЕ В ТЕМЗУ

Рана, которую герцог Оссуна получил на дуэли, имела дурные последствия, так как силы его уже были истощены той жизнью, которую он вел. Несмотря на все усилия докторов, хотя им и удалось залечить рану, из нее постоянно выделялся гной и следовало опасаться гнойной лихорадки, которая могла привести к смерти.

Молодой Беневенто на официальном допросе рассказал о ходе дуэли, но отказался назвать имена ее участников, поэтому маркиза де Монтолона даже не потревожили. Графиня Монтихо с дочерью настоятельно требовали, чтобы им ежедневно сообщали о состоянии здоровья герцога, и первая даже считала своей обязанностью посылать раненому всевозможные лакомства, между тем как ее прекрасная дочь была занята мечтами и надеждами, которые открыла перед ней старуха гадалщица. Она рассказала о своем визите к ней матери и лорду Кларендону, который все еще находился при них.

Главное она скрыла и хотя иногда сомневалась в исполнении предсказаний, но были минуты, когда она, казалось, верила им. Она решила, чтобы удостовериться в истине слов гадалки или их важности, отправиться в следующую субботу, которая уже приближалась, на мост Челси и посмотреть, кого она там найдет.

Евгения постоянно думала об Олимпио Агуадо, и после того придворного праздника, на котором она разочаровалась в Нарваесе, питала к Олимпио чувство, которое можно было назвать любовью. Ей казалось, что он один был в состоянии осчастливить ее и удовлетворить ее страсть. Для него приехала она из Бельгии в Лондон, когда узнала, что он там со своими друзьями. Он произвел на нее сильное впечатление и внушил уважение к себе. Очень может быть также, что эти чувства поддерживала мысль, что она вытеснила из его сердца любовь к другой женщине. Любить в истинном значении этого слова такая испорченная натура не могла. Но большим торжеством для ее тщеславия было отбить кого-нибудь от соперницы, к какому бы званию та ни принадлежала, и привлечь его к себе.

Евгения не подозревала, что вечером назначенного дня должна завершиться интрига, вследствие которой Олимпио угрожала опасность быть убитым. Эндемо хотел отделаться от него во что бы то ни стало, боясь, что он отнимет у него Долорес, и исполнителем этого намерения он избрал своего слугу Джона, принадлежавшего, как мы говорили, к тем личностям, которые берутся за любое дело, если надеются получить за него хорошее вознаграждение.

Удачный план старухи Родлоун побудил мнимого герцога принять самые решительные меры, так как если бы заключенному слуге удалось бежать, тайное жилище Долорес сделалось бы известным, и смелый испанец не замедлил бы отнять у него ту, которую он так страстно любил.

Если же дон Агуадо будет убит и брошен в Темзу, тогда устранится всякое серьезное препятствие, и Долорес будет принадлежать

ему одному, никто не спросит, куда девалась молодая девушка. С Валентино же Эндемо надеялся уладить дело с помощью могущественного золота или каким-либо другим образом. В крайнем же случае он мог вместе с Долорес покинуть Лондон, и отыскать уединенное место в Америке, где бы они были в безопасности.

Клуду де Монтолону стало лучше, и доктора объявили, что через несколько недель он совершенно поправится.

Филиппо завел уже в Лондоне с поистине удивительным проворством несколько любовных интриг, над которыми Олимпио смеялся от всей души.

Он предсказал итальянцу, что тот рано или поздно пострадает из-за своего неукротимого нрава, хотя хорошо знал, что он неисправим — страсть к любовным приключениям была его второй натурой.

Олимпио не обсуждал с друзьями полученную им записку, однако когда наступила суббота, и он в сумерки собрался в Челси, они знали, куда он направляется.

Олимпио часто вспоминал о Валентино, которого до сих пор не отыскивали, несмотря на то, что он обратился даже к помощи полиции и предпринимал все, чтобы напасть на его след. Казалось, что осторожный, умный и честный слуга его поддался искушению, которое нетрудно встретить в Лондоне. О нем осведомлялись и в Сутенде, но безуспешно. Наконец, в полицейском бюро дону Олимпио дали весьма неутешительный ответ, а именно, что его слуга, как это часто бывает, стал жертвой какой-нибудь публичной женщины, а такой случай может разъясниться только со временем. Благородный дон и не подозревал, что его верный слуга сидит из-за него в заточении. В субботу вечером, когда Олимпио собирался отправиться на мост Челси, явился полицейский. Олимпио надеялся, что этот чиновник принес ему, наконец, сведения о Валентино и потому сейчас же велел просить его к себе. Вежливо поклонившись, полицейский сказал:

— Извините меня, милорд, что я вам помешал! Сегодня рано утром, в переулке Вапинга*, нашли труп мужчины, которого, вероятно, убили в одну из прошедших ночей в туннеле Темзы. Может быть, это и есть ваш слуга, потому я хотел просить вас отправиться со мною на Вапингскую станцию для опознания покойника.

— Убит в туннеле Темзы,— повторил Олимпио.— Это очень возможно, Валентино должен был проходить мимо него, идя с вокзала. У меня есть несколько свободных часов, и я охотно пойду с вами. Отправимся через туннель Темзы.

— Я согласен, милорд, так как это ближайшая дорога к Вапингу,— ответил полицейский и вышел с Олимпио из дома. Они направились в улицу Штамфорд, прошли через Блекфриарсрод и вскоре вышли на длинную узкую улицу Толей, вблизи Темзы.

По пути полицейский рассказывал своему спутнику, что в туннеле часто совершаются кровавые преступления и в последние годы много убийц было из Вапингского квартала. На противоположном берегу Темзы возвышался величественный квадратный Тауэр,

* Вапинг — квартал, населенный матросами и рабочими доков, вблизи Темзы.

виднелся купол церкви Св. Павла, и сотни кораблей оживляли эту часть широкой реки, хотя уже начало смеркаться.

Олимпио и полицейский дошли до улицы, которая вела к туннелю.

По левую сторону они увидели колокольню Ротерхит, на противоположной стороне — бесчисленные корабельные мачты лондонского дока, который Вапингом отделялся от реки. Туннель Темзы соединяет Ротерхитский квартал с этой частью города.

Прежде чем мы войдем с Олимпио и полицейским чиновником в туннель, необходимо сказать несколько слов об этой замечательной лондонской постройке. Каждый, кто вступает в нее, знает, что он отправляется под русло реки. Некоторые из архитекторов, строивших этот туннель, поплатились жизнью.

В городе, расположенном на обоих берегах Темзы, необходимо было провести соединяющую их дорогу, которая не препятствовала бы прохождению по реке кораблей. Первая тщетная попытка соединить оба берега проведенной под Темзой дорогой была предпринята еще в прошлом столетии, но не удалась. Смелый подрядчик, инженер Дад, был убит при этом. То же самое случилось при второй попытке, в начале нынешнего столетия. Между тем при возрастающем населении столичного города такая дорога была необходима.

Англичанин настойчив! То, что раньше не удалось одним, другие надеялись достигнуть лучшими средствами и с помощью инженеров, за труды которых было обещано большое вознаграждение.

И в этом грандиозном предприятии человек взял за образец природу, она помогла ему осуществить постройку великого туннеля. Некто Бруннель заметил на кораблях, стоящих в верфях Чатама, корабельного червя, работа которого показала ему весьма поучительной. Этот червь, весьма вредный для кораблей, действуя своей головой, как буравом, пробивал себе путь в деревянной обшивке корабля во время его плавания. Проходы, сделанные им, червь защищал от воды известью, которую он накапливал и таскал за собой.

Этот, предложенный природой, образец и положил Бруннель в основу колоссального сооружения, передняя часть которого затоплялась, а в задней, изолированной от воды камере работали рудокопы и каменщики, вывозившие оставшуюся известь.

Работы начались в феврале 1825 года, и уже в октябре лестница ротерхитского дома высотой в сто и шириной в пятьдесят футов была готова. Тогда же начали прорывать туннель. Под руслом реки хотели провести прямую улицу. Два раза (в 1827 и 1828 году) пробивали перекрытие воды Темзы, как будто она не желала сносить этого подкопа, уже проведенного на шестьсот футов. Многие из работников утонули, сам Бруннель едва избежал гибели, и работы прекратились до 1835 года.

Последователь Бруннеля, инженер Пай, завершил эту грандиозную постройку. Ему удалось преодолеть все трудности, и в марте 1863 года туннель был открыт. В 1860 году открыли второй туннель, по которому проходил омнибус.

В тот год, о котором мы рассказываем, произведена была колоссальная постройка, соединяющая Ротерхит с Вапингом.

Олимпио и полицейский приблизились к входу, к которому спешили вместе с ними несколько рабочих. Они заплатили небольшую пошлину за вход и спустились по широкой винтовой лестнице, довольно ярко освещенной.

Через несколько минут Олимпио и полицейский дошли до самого туннеля, который имел вид подземного прохода со сводами. Он состоял из двух дорог, разделенных толстыми столбами, каждый четырнадцать футов в ширину и восемнадцать в высоту. Туннель же, освещенный, подобно улице, довольно тусклыми фонарями, простирался на тысячу двести футов.

Невольный страх, который чувствует каждый, ступив первый раз в туннель, при мысли, что он находится глубоко под водой, охватил и нашего героя, но вскоре был забыт.

В нишах между столбами стояли, сидели и лежали мужчины и женщины весьма подозрительного вида.

Полицейский шепнул своему спутнику, что эти люди довольно часто здесь и ночуют, если не имеют другого убежища.

— Даже зимой мы находим под мостами подобных лиц разного возраста. Большею частью это совершенно обедневшие люди, или рабочие и ремесленники, опустившиеся из-за пьянства и других пороков,— объяснил он.

— Черт побери, да разве в Лондоне нет ночлежных домов, в которых эти бесприютные могли бы найти убежище? — спросил Олимпио.

— Бесчисленное множество, милорд. Во-первых, есть Sleepings Rooms, Srelunken, в которых каждый за один пенни может получить ночлег; потом приют в Филд-Ланэ, в Провиденс-Роу, в улице Фарингдон, где, кроме постели, можно получить еще ужин и завтрак; но все эти оборванцы и нищие избегают этих мест. В Sleeping Rooms они не ходят потому, что жалко пенни, который они охотнее снесут в кабаки; в приютах же нужно соблюдать порядок, спокойствие и трезвость, а такие условия им очень не нравятся. Потому они предпочитают ночевать здесь либо под мостами в парках.

Разговаривая, Олимпио и полицейский приблизились к винтовой лестнице противоположного берега и начали подниматься по ней. Наконец, они добрались до Вапингского квартала. Улицы здесь были узкие, воздух нечист; в нижних этажах домов, большей частью маленьких и низких, находились всевозможные лавки и кабаки, откуда раздавались дикие крики бродяг и их подруг. Разврат предстал здесь, не скрываясь, во всей своей страшной наготе.

По улицам слонялись, большей частью пьяные, матросы, рабочие доков, бранящиеся женщины в изодранных платьях, таинственно перешептывающиеся воры, а также замаскированные полицейские.

Чиновник посоветовал Олимпио идти около домов, чтобы избежать нападения грабителей, но тот уверял, что если какая-нибудь шайка приблизится к нему, он сумеет с ней справиться. На это полицейский заметил, что хоть и признаёт его геркулесову силу, однако

перевес будет все равно на стороне воров и их товарищей, потому что они немедленно воспользуются ножами и призовут на помощь приятелей, всегда готовых совершить грабеж, особенно если можно избежать наказания. Нашему атлетически сложенному дону это, однако, казалось маловероятным.

Так, беседуя, они достигли большого дома окружной полиции, и Олимпио провели в покойницкую, где лежали на деревянных столах несколько утопленников и трупов убитых. Воздух в комнате, несмотря на то, что она постоянно проветривалась, был так тяжел, что в ней невозможно было долго оставаться. Вид утопленников, которые нередко по целым неделям остаются в воде, прежде чем их найдут, был страшен даже для Олимпио, видевшего в сражениях немало обезображенных трупов. Он содрогался, видя страшное действие воды на человеческое тело, и, может быть, в глубине души смутно ощутил угрожающую ему в эту ночь опасность.

Полицейский подвел его к трупу, который на первый взгляд мог показаться похожим на Валентино.

Покойник был необыкновенно высок ростом и одет в странную одежду. На его теле зияли ножевые раны, вследствие которых он, должно быть, и умер. Борьба и боль, которую он испытывал в последние часы, страшно исказили черты его лица.

— Будьте добры, милорд, рассмотрите этот труп.

Олимпио, который уже было поверил, что перед ним лежал убитый Валентино, и страшно опечалился, так как любил своего верного слугу, приблизился к трупу.

— Нет, слава Богу,— пробормотал Олимпио,— это не тот, кого я разыскиваю. Хотя фигура и одежда некоторым образом напоминают его, но по чертам лица я убедился, что это не труп Валентино.

— В таком случае прошу прощения, милорд, а мы думали, что, наконец, нашли его. Теперь же этот бедняга, который стал жертвой подлого убийства, будет похоронен, никем не признанный,— это часто случается.

— Простите, милорд, что я напрасно отнял у вас время, которое дорого каждому, а у нас в Англии — в особенности,— сказал полицейский, вежливо поклонившись.

Олимпио простился с чиновником и отправился в обратный путь.

У него не было никакого желания совершать пешком далекий путь от Вапинга до Бридж-Роуда, который оканчивается мостом Челси (бывшим тогда еще деревянным, а теперь большим городским цепным мостом), поэтому он нанял кэб. Было уже довольно поздно;

Олимпио щедро заплатил извозчику, и карета быстро катилась по улицам Лондона.

Назначенный час уже наступил, когда они достигли Бридж-Роуда.

Олимпио вышел из кэба и только окинул взглядом безлюдные и мрачные окрестности моста Челси, как вдруг заметил экипаж, приближающийся из улицы Гросвенор; Олимпио поспешил к нему. В открытом окне кареты видна была женская головка. Это была гра-

финя Евгения Монтихо, он узнал ее тотчас же! Значит, письмо было от неё, это она желала встретиться с Олимпио и поговорить с ним.

Между тем, карета проехала по мосту. Он стоял несколько минут в нерешительности, не зная, последовать ли за ней. Может быть, она остановится в парке, который простирался вдоль противоположного берега Темзы?

Евгения собиралась что-то ему сообщить. Должен ли он выслушать ее?

Долорес! При мысли о ней он вздрогнул, как будто ее добрый дух в это мгновение коснулся его. Олимпио колебался, но преодолел себя и поспешил за каретой, которая скрылась в тени деревьев. Перед ним возникло прекрасное лицо Евгении, ему казалось, что он непременно должен последовать за ней, найти ее, ведь ему было назначено это ночное свидание; она любила его, она хотела его видеть, говорить с ним, и он должен узнать, что она хотела ему доверить!

Он забыл о Долорес, и сам бросился в искусно расставленную Эндемо сеть — Джон уже ждал свою жертву под деревьями парка. Этот негодяй со своим длинным уродливым носом был похож на животное, подстерегающее из засады добычу!

Мнимый герцог недаром доверился этому человеку, который был силен, смел и способен на любое преступление. Он был достоин своего хозяина, изверга Эндемо.

Олимпио показалось, что карета Евгении остановилась на другой стороне моста в тени деревьев. Но это был обман слуха, так как по ту сторону улицы не были вымощены и проезжающие экипажи не создавали шума.

На противоположной стороне моста было пусто и тихо. Слева проходила малонаселенная улица, прерывающаяся прудами, справа раскинулся столь же мало посещаемый парк с озером посередине.

Олимпио решил удостовериться, не вышла ли Евгения в парке — ему показалось, что ее рука делала ему знаки из кареты. Поспешно дошел он до конца моста, еще раз прислушался, но нигде не слышно было ни звука.

Безрассудно было бы кричать или как-то иначе дать знать о своем присутствии. Впрочем, это и не понадобилось — через несколько секунд у дерева показалась фигура слуги.

— Без сомнения, это доверенный графини, — подумал Олимпио. Слуга подошел к нему.

— Извините, милорд, — кланяясь, тихо сказал он, — не имею ли я чести говорить с испанским дворянином доном Олимпио Агуадо?

— Конечно, любезный друг, но что вы желаете?

— Благородный милорд должен позволить мне исполнить поручение.

— Говорите, я, кажется, знаю, кто вы!

— Тем лучше, милорд! Не будете ли вы так добры последовать за мной к реке по тропинке, где вас ожидает одна дама, моя госпожа, которая желает с вами говорить о важном деле.

Олимпио не сомневался более, что это Евгения прислала к нему слугу, выражение лица которого, однако, показалось ему подозрительным.

— Идите вперед,— сказал он,— я последую за вами.

Слуга Эндемо торжествовал, считая, что уже близок к цели.

Несколько мгновений он обдумывал, вести ли Олимпио, могучий вид которого наводил на него страх, к озеру или на берег Темзы, чтобы внезапным нападением столкнуть его в воду. Одинаково пустыми и уединенными были берега и озера и реки, окруженные деревьями и кустарником. Как в том, так и в другом месте не было перил. Однако у озера берег был плоский, а у Темзы — круто спускающийся к воде, которая в настоящее время вследствие прилива была очень глубока.

Поэтому Джон отправился по дороге, которая вела к реке.

Олимпио следовал за ним.

Он внимательно оглядывался по сторонам, надеясь каждую минуту увидеть платье донны Евгении. Образ Долорес совершенно исчез из его головы, одна Евгения занимала место в его непостоянном сердце...

Подойдя к самой реке, слуга остановился в притворном удивлении, поджидая Олимпио.

— Странно,— бормотал он, когда дон Агуадо подошел к нему,— здесь хотела гулять графиня, однако я ее не вижу, а ведь уже стемнело.

Олимпио также начал осматриваться кругом, не подозревая о преступных намерениях слуги. Да и как мог бы он догадаться об искусно задуманном плане Эндемо и его слуги!

Темный густой кустарник отделял дорожку от берега Темзы, и Джон хотел принудить Олимпио пройти через этот кустарник.

— Позвольте мне сделать предложение, милорд,— сказал он,— будьте добры подождать здесь, пока я отправлюсь туда, чтобы отыскать графиню!

— Хорошо, любезный друг,— согласился Олимпио, не думая о том, что река так близко. Считая, что за кустарником проходит дорога, он раздвинул ветки, надеясь увидеть Евгению. В этот момент Джон внезапно обернулся и воспользовался тем, что Олимпио шагнул в кустарник.

Все, что случилось потом, было делом нескольких секунд.

Олимпио нагнулся, чтобы лучше разглядеть, что находится впереди, и в тот же миг, когда он увидел, что стоит над самой водой, почувствовал неожиданный сильный толчок и, потеряв равновесие, полетел вперед. Он успел еще ухватиться во время падения за кусты, но они не могли удержать его тяжелое тело и, вырвавшись из мокрой земли, вместе с ним упали в темную бездну, зияющую вниз.

Ни одного слова, ни одного звука не успел произнести Олимпио — таким неожиданным был толчок, в который слуга вложил всю свою силу.

Глыбы земли, камни и сучья сопровождали Олимпио в его падении. Раздался громкий всплеск, и снова воцарилась мертвая тишина.

— Джон несколько минут стоял, прислушиваясь и осматриваясь.

Казалось, никто не мог заметить этого коварного злодейства. Все мирно спало под покровом наступившей ночи. Вблизи не было ни одного человеческого существа. Никто не видел и не слышал, что произошло здесь, пусто было и на деревянном мосту, который виднелся вдали между деревьями.

— Сделать это было даже легче, чем я предполагал, — бормотал доверенный Эндемо. — Теперь он уничтожен, и если найдут его труп, подумают, что он сам упал в воду.

Осторожно раздвинув ветки, Джон насколько возможно было, не подвергаясь опасности, продвинулся вперед, чтобы посмотреть вниз и послушать, не удалось ли Олимпио каким-нибудь образом спастись.

Обрыв в этом месте был так крут, что невозможно было и думать вылезть по нему наверх.

Джон смотрел на темную воду, внизу было тихо — дело превосходно удалось.

Улыбаясь от удовольствия, он накинул на плечи свое пальто и направился к мосту, чтобы возвратиться в улицу Оксфорд и уведомить своего повелителя, что ему нечего больше бояться дона Олимпио Агуадо!

По дороге он хотел зайти в одну из гостиниц, где мог бы отдохнуть и подкрепить себя стаканом вина, как будто совершил работу, достойную высокой награды.

Между тем Олимпио от быстрого падения глубоко погрузился под воды Темзы, и волны накрыли его. Проклятие сорвалось с его губ, он понял, что сделался жертвой обмана и покушения на его жизнь. В одну минуту он пришел в себя, собрав все силы, чтобы бороться за свою жизнь с мощной стихией. В воображении его возникли обезображенные трупы, которые он видел сегодня вечером, и это воспоминание удесятерило его силы.

Он всплыл на поверхность. Ни лодки на воде, ни человека на берегу — все было пусто вокруг. Олимпио поплыл, направляясь к ближайшему берегу, с которого был сброшен, надеясь найти там удобное место, чтобы хотя временно на чем-нибудь удержаться.

Ему удалось добраться до берега, но ужас овладел им, когда он увидел этот скользкий, круто возвышающийся обрыв. Здесь невозможно было спастись из воды. Соскользнув с глинистого берега, он снова погрузился в волны.

Еще раз удалось ему достигнуть поверхности. Издав громкий, далеко разнесшийся крик о помощи, Олимпио лишился чувств и опустился на дно. Он, который вышел невредимым из стольких опасностей, которому никогда не изменяло военное счастье, должен был найти свою смерть в темных волнах Темзы! Казалось, не было ни малейшей надежды на спасение — в третий раз опускался он под воду, над которой простирался ночной мрак. Как видно, злодейскому замыслу Эндемо суждено было осуществиться...

Волны закрутились над тем местом, где исчезло тело Олимпио.

VIII

ВАЛЕНТИНО

Подвал герцогского замка, куда так ловко заманили Валентино, вполне заменял тюрьму. Мы уже видели, что в этой подвальной комнате не было ни одного окна, и вся мебель состояла из стола и нескольких стульев, дверь же запиралась самым тщательным образом.

Первую ночь Валентино был очень зол и нетерпелив; он яростно топал ногами и изо всех сил ломился в запертую дверь, но видя, что все усилия его напрасны и ни к чему не ведут, он постепенно успокоился.

Усевшись на один из стульев и устремив глаза в темноту, он погрузился в мрачные размышления. Хотя и смутно, но все-таки он сознавал, кому обязан своим несчастьем. Ничего не могло быть хуже и постыднее этой ловко расставленной ему ловушки. Понемногу он стал понимать обстоятельства, при которых попал в нее.

— Проклятье! — бормотал он. — Сиди теперь, сложа руки, в этой поганой западне! Старуха, без сомнения, пирует вместе с герцогом. Но как она узнала, что именно тогда я покинул Сутенд... Ага, видно эта ведьма не кто иной, как старуха Родлоун! Недаром предостерегала меня от нее рыбачка! Она увидела меня из окна своего дома и подготовила эту подлую ловушку. Но нет, это невозможно! Как могла она потом очутиться у ворот станции. Что-то тут не так! Однако же, как ни размышляй и ни разбирай это дело, а результат тот, что меня засадили. Так называемый герцог, пронюхав, что я отыскал сеньору Долорес, приказал запрятать меня, но это не так-то легко сойдет с рук его длинноносому слуге, Джону! Но ведь он может отравить меня, значит, нужно отказаться от обеда.

— Клянусь всеми святыми, ни разу не попадал я в такое критическое положение, — вскричал Валентино, быстро вскакивая и бегая по темной комнате, — но и ни разу в жизни не был я таким простофилей, как сегодня. Следовало предвидеть такой исход дела, ведь во мне давно копошилось подозрение... проклятая горбунья! Есть старая, чрезвычайно умная поговорка, что необходимо остерегаться того, кого Бог чем-то физически отличил от других людей. Как бы убедиться, действительно ли эта старушенция и есть Родлоун? И я непременно узнаю это, если только выйду невредимым из погреба.

Что-то подумает благородный дон? Его верный Валентино не возвращается. Ничего не может быть отвратительнее моего положения, и, главным образом, меня смущает мысль, что дон Олимпио, маркиз и дон Филиппо сочтут меня бесчестным человеком. И они имеют на это полное право, в их глазах я должен быть подлецом, изменником, хотя Пресвятая Богородица видит, что я безвинно и против воли попал в эту мерзкую трущобу. Ни кровати, ни постели, ни свечи, ничего решительно. Скоро доведут меня до того, что я пере-

ломаю стулья и перебью вдребезги все бутылки. Но разве это поможет или хотя бы несколько улучшит мое положение?

Мало помалу Валентино успокоился и снова сел на стул, не зная даже, какое было время дня, так как лучи солнца не проникали в его подземелье.

Вскоре ему принесли обед и лампу, чтобы, как сострил длинноносый Джон, он не пронес пищу мимо рта. Валентино так проголодался, что, пренебрегая опасностью отравиться, быстро опорожнил все тарелки. Бывают минуты отчаяния и неизвестности, когда человеку не на что рассчитывать и негде искать исхода. Такие именно минуты переживал наш Валентино; он ничего не боялся, ни на что не надеялся и ел с опасностью отравиться, но думал при этом, что, вероятно, у герцога другие замыслы, раз слуга Олимпио пока жив и здоров.

Снова принялся он топтать и бить кулаками в дверь, но все его действия вызывали только насмешки Джона.

Так прошло несколько суток, и Валентино все еще оставался в заточении. Он решил терпеливо ждать помощи самой судьбы, не переставая, однако, усиленно размышлять в поисках выхода. Он сделался гораздо спокойнее и все время проводил, строя разнообразные планы бегства. Как бы дорого ни обошлась ему свобода, она была положительно необходима, главным образом, для того, чтобы передать своему господину весть об отысканной им сеньоре Долорес. Он готов только назвать дону Олимпио местопребывание Долорес, а потом хоть навеки остаться в заточении. Но как устроить это? Выход был только один — силой или хитростью добиться освобождения.

Ежедневно принося ему специально для него приготовленные блюда, Джон держал в руке заряженный револьвер, которым угрожал при малейшем подозрительном движении Валентино. Нападение на слугу герцога казалось безумием, так как в коридорах было множество лакеев, которые сбежали бы при первом зове Джона. Валентино должен был дорожить своей жизнью, чтобы сообщить дону Олимпио тайну, открытие которой стоило ему таких трудов и лишило его свободы.

Поэтому Валентино решил разыгрывать роль человека, совершенно подчинившегося навязанным ему условиям и терпеливо ожидающего решения своей участи. И Джон поверил тому, что слуга дона Олимпио сдался.

Настала суббота, день, в который Олимпио также сделался жертвой вероломного предательства.

Валентино, конечно, и предполагать не мог, что господин его попал в ловушку, несравненно худшую, чем та, в которой оказался он сам. Правда, им овладело какое-то беспокойство и тягостное предчувствие именно в ту минуту, когда Олимпио угрожала неизбежная смерть, но он приписал это своей неволе и страстному желанию освободиться.

Мысль о необходимости принять какие-то решительные меры не давала ему покоя. В конце концов он пришел к мысли, что следует

воспользоваться первым удобным случаем, внезапно напасть на своего тюремщика и силой добиться свободы. Только осуществление такого отчаянного плана могло спасти его. Колебаниям не могло быть места, оставалось два выхода — смерть или свобода!

Дверь не подавалась его ударам — в этом он уже убедился, какого-либо орудия с помощью которого можно было бы выломать ее, у него не было. Он решил, как только Джон войдет в комнату, вырвать револьвер и оглушить его прежде, чем он успеет даже вскрикнуть, и тотчас обратиться в бегство. Но даже если это удастся, он все равно подвергнется опасности встретить в коридорах или на лестнице кого-нибудь из многочисленных слуг, которые тут же задержат его.

Но как раз в субботу ночью произошло одно неожиданное и благоприятное для него обстоятельство.

Возвратясь в замок после совершенного им преступления, Джон отдал отчет герцогу, который до того обрадовался гибели Олимпио, что сразу же щедро наградил слугу и позволил ему вдоволь напиться. Уже без того приложившийся к пиву, Джон не замедлил воспользоваться разрешением посетить герцогский винный погреб и задумал угостить всю прислугу замка. Притащив великое множество бутылок в комнату привратника и собрав всех лакеев, он, с одной стороны, думал залить вином некоторые угрызения совести, которые все-таки ощущал, а с другой — отпраздновать таким образом достигнутый им постыдный успех.

Герцог, успокоенный и обрадованный устранением Олимпио, решил не мешать пьянству прислуги и дал ей полную свободу. В ту же ночь он хотел отправиться в Сутенд, но одно непредвиденное обстоятельство, о котором мы скажем после, помешало ему.

Около полуночи Джон, раскрасневшееся лицо которого сделалось еще отвратительнее, быстро встал и оставил общество совершенно охмелевших лакеев — ему давно пора было нести обед своему пленнику. Этот ежедневный ритуал доставлял ему удовольствие, потому что он мог безнаказанно издеваться над Валентино. Теперь он задумал рассказать ему о гибели его господина и насладиться произведенным впечатлением, ведь он хорошо знал о привязанности слуги к Олимпио. Взяв лампу и поднос с тарелками, он с насмешливой улыбкой двинулся по направлению к подземелью.

Так как руки его были заняты, а голова кружилась от вина, он совсем забыл о револьвере. Предвкушая удовольствие, спускался он с лестницы, улыбаясь, как если бы совершенное им в этот вечер дело было достойно похвалы и одобрения. Побагровевший длинный нос его блестел, маленькие серые глаза затуманились, толстые, вывернутые губы пылали; с трудом удерживал он в руках посуду — хмель расслабляет даже самых сильных людей.

Дойдя до коридора, ведущего в кухню, он заметил, что повара и кухарки затворили двери и уже давно улеглись спать.

— Ага,— пробормотал он, ухмыляясь,— уже попрятались! Не в меру, верно, хватили! Хотя и способны выпить больше, чем все другие люди!

Джон позаботился и о поварах, он прислал на кухню несколько бутылок крепкого вина, чтобы и они приняли участие во всеобщей радости, что те, недолго думая, тотчас же и исполнили.

Джон приблизился к двери темницы Валентино, который уже узнал походку своего тюремщика.

— Сиди себе в этой клетке,— бормотал негодяй,— твой господин покоится теперь в водах Темзы, ты счастливее его, сиди, сейчас насладишься моим рассказом,— думал Джон.— Хитрая, однако, он лисица, открыл-таки местопребывание молодой леди! Но плохо придется ему за это усердие!

Поставив лампу и тарелки на пол, он достал ключ, чтобы отомкнуть двери, и хотя качался на ногах, но был не настолько пьян, чтобы не отыскать замочной скважины. Не надеясь, однако, на свои силы, он боялся, чтобы посуда не выскользнула у него из рук, пока он будет отпирать дверь.

У Валентино был тонкий, великолепный слух, и он тотчас догадался, что Джон не в своей тарелке.

Этот последний, отворив дверь, наклонился, чтобы поднять лампу и поставить ее на стол, сделав при этом такую физиономию, что Валентино сразу понял, что он сильно пьян и решил, пользуясь случаем, немедленно бежать.

— А, вы все еще сидите здесь, старый приятель? Нравится ли вам эта даровая квартира? Я намерен угостить вас превосходным обедом! Вам здесь тепло и спокойно, стало быть остается благодарить милосердного Бога. Что случилось бы с вами, если бы герцог был менее добр и лишил вас дарового стола и квартиры? Хе! хе! А вы и не подозреваете, что приключилось с вашим доном... Но не пугайтесь и утешьтесь! Говорят, что вашего дона уже нет на свете, говорят, что он погиб, умер...

— Умер,— повторил Валентино, пристально глядя на слугу,— опять вы принялись за ваши прежние шутки!

— Кто знает, может, я говорю серьезно! Хотя в настоящую минуту я как нельзя более склонен к шуткам,— проговорил Джон, ставя на стол лампу, и так искренне, от души расхохотался, как будто никогда в жизни не совершал злодеяния.

Джон снова направился к выходу и наклонился, чтобы поднять тарелки. Луч надежды блеснул в голове Валентино — другого такого удобного случая не представится, у Джона ведь даже не было с собой револьвера!

Медлить было некогда — Джон выходил в дверь, и Валентино неслышно поднялся со стула. Наступила решительная минута!

Но когда он поднимал стул, свое единственное орудие, то не мог не произвести легкого, едва слышного шума. Джон, который только что хотел наклониться за тарелками, быстро обернулся.

Заметив в руках пленника стул, он сразу понял его намерение и быстро схватился за пояс, думая вырвать револьвер. Крик ужаса

готов был уже сорваться с его губ, как стул с силой опустился на его голову. Он попытался сбить Валентино с ног, но тот, метко прицелившись, рассек ему голову и плечо. Джон без чувств упал на пол.

— Хорош удар! — похвалил себя Валентино. — Едва ли удастся тебе, негодяй, собрать раздробленные твои члены! Прочь скорее из этого проклятого погреба! Теперь настала твоя очередь сидеть здесь взаперти; лампу же я возьму с собой, чтобы ты не сразу догадался, где находишься!

Валентино прислушался — все было тихо. Казалось, по всем коридорам царила мертвая тишина, ни звука не было слышно. Сказались следствия попойки. Быстро схватив лампу, он бросился к двери; ключ, торчавший в замке, без труда повернулся, и, отбросив его в сторону, Валентино побежал по коридору к выходной двери. Если бы навстречу ему попался кто-нибудь из лакеев, он думал ошеломить его своим неожиданным появлением, и пока тот приходил бы в себя, выбежать из дома. Пока все способствовало его бегству, ни одна душа не попала ему навстречу, все двери в коридоре были плотно заперты и ему ни на минуту не приходило в голову, что и последняя, ведущая на свободу дверь тоже могла быть затворена. Поставив лампу, бросился он в противоположный конец коридора, чтобы пробраться на галерею. Он уже радовался своему освобождению, был счастлив мыслью снова увидеть своего господина! С трепещущим сердцем, задыхаясь от волнения, схватился он за ручку, чтобы отворить дверь, но все старания его оказались напрасны — она была заперта на ключ! Валентино замер на месте, обезумев от отчаяния.

Оставался только один выход на галерею — через прихожую герцога, ведущую в его залу и кабинет, где, без сомнения, заседало еще целое общество. Между тем, Джон ежеминутно мог очнуться и закричать, в прихожей могли находиться лакеи, а Валентино даже не знал, какая именно дверь вела в покои герцога. Мысли его путались; неожиданное препятствие к почти уже достигнутой им свободе страшно ошеломило его! Бежать через комнаты герцога — значило подвергнуться еще большей опасности и окончательно погубить себя. Но даже в эту минуту его не оставляла надежда — с помощью хитрости или ловкости, но он должен был ускользнуть от могущей встретиться ему прислуги. Валентино не колебался: быстро решился очт прибегнуть к этому последнему и единственному средству. Да и могло ли что-нибудь быть хуже его прежнего положения! Оставив двери, бросился он назад по коридору по направлению к роскошному входу в прихожую.

Пробегая мимо комнаты, где за несколько минут перед этим он находился в заточении, Валентино на мгновение остановился и прислушался, но все было тихо, значит, Джон не успел еще очнуться.

Было уже за полночь. С трепетом приблизился он к высоким, разукрашенным дверям, ведущим в прихожую, чувствуя, как бьется его сердце, но не останавливаясь, — пусть будет, что будет, через минуту решится его судьба! Твердой рукой он решительно открыл дверь — в комнате не было ни души. При матовом свете лампы

он разглядел, что из прихожей было два выхода, завешанных тяжелыми портьерами. Он не знал, которым из них нужно воспользоваться. И вдруг услышал какой-то шепот, как будто разговор двух человек, находящихся на очень близком от него расстоянии. Медлить было нельзя! По мягкому ковру, заглушавшему его шаги, направился он к левой портьере, приподнял ее и убедился, что она вела в роскошные приемные герцога. Следовательно, надо было воспользоваться вторым выходом, ведущим прямо на лестницу. Тихо отошел он от первой двери и повернул ко второй — шепот сделался явственнее, значит, разговаривающие находились как раз за второй портьерой. Очень осторожно Валентино приподнял ее настолько, что мог увидеть комнату, расположенную позади прихожей; брошенный им взгляд убедил его, что на этот раз он попал на верную дорогу.

Перед ним была прихожая. Но на противоположном ее конце находился вход в залу, двери которой были растворены и тяжелые портьеры не совсем плотно закрыты — как раз за ними сидели разговаривающие. Если бы Валентино сделал хоть один шаг в прихожую, по направлению к выходу на лестницу, его бы сразу заметили и схватили.

Вокруг не видно было ни одного лакея, всюду пусто — ни души! Из залы до его слуха долетело несколько более громко произнесенных слов, и он тотчас узнал оба голоса: разговаривали старая горбунья, вручившая ему письмо, хотя он только однажды слышал ее голос, но не мог ошибиться, и герцог.

Валентино не видно было горбунии, но он ясно разглядел плечи герцога, который при малейшем произведенном им шуме мог его заметить. Но бежать нужно было во что бы то ни стало! Валентино хотелось также убедиться в личности горбунии. Портьера мешала ему ясно слышать разговор, необходимо было проникнуть в прихожую, и хотя это было безумно рискованно, Валентино не колебался ни минуты! Тихо опустился он на пол и стал ползком перебираться через порог на мягкие ковры прихожей, которая тускло освещалась одной матовой лампой, тогда как в зале горело множество канделябров. Ползком пробираясь по ковру, Валентино надеялся, что не привлечет внимания герцога или старой горбунии. Он намеревался подслушать разговор и в то же время медленно добраться до выхода. Благополучно переполз он через порог комнаты и, устремив пристальный взгляд на дверь залы, замер на месте.

С жадностью ловил он каждое слово и убедился, что с герцогом разговаривает та самая горбунья, которая вручила ему письмо и заманила в западню.

— Целые дни проводит она у окна и нетерпеливо смотрит во все стороны,— говорила, между тем, горбунья,— без сомнения, она узнала слугу и воображает, что он снова явится к ней.

— Пусть себе ждет и смотрит! Как господин, так и слуга, оба попали в ловушку,— отвечал герцог.

— Хе! Хе! Стало быть, и дон Олимпио также в наших руках. Поручение ваше относительно молодой леди в точности мной исполнено!

— Он уже не помешает нам более, и Долорес тщетно будет ожидать его! Через несколько дней поднесу я ей документ, свидетельствующий о его смерти, и тогда, клянусь, она будет смотреть на все совершенно другими глазами.

— Отменно хорошо! — засмеялась старуха. — Все препятствия, значит, устранены! Не забудьте захватить с собой побольше подарков — золотую цепочку, кольца, ожерелье и тому подобное; ей как и всем другим, понравятся эти безделушки. Старайтесь развлечь ее, приведите гостей, и я ручаюсь, что прежнее настроение ее изменится.

— Последую и этому совету, Родлоун, хотя я мало надеюсь на его успех. По-моему, неожиданное известие о смерти подействует сильнее и быстрее смягчит ее. Она увидит, что неминуема должна быть моею! Горе ей, если снова вздумает она сопротивляться! Теперь уже не удастся ей ускользнуть из моих рук так легко, как в первый раз, когда помешал неожиданный приход графини.

— Хе! хе! хе! Наделала же она вам тогда хлопот! Но будьте уверены, сын мой, что теперь вы добьетесь вашей цели. Чем дольше, упорнее сопротивление — тем сильнее наслаждение! Маленький бесенок очень хорошо знает это, стало быть, вы ничего не потеряете. Но во всяком случае она ваша! Годмотер Родлоун строго следит за ней и зорко наблюдает, чтобы ни одна чужая рука не смела до нее дотронуться.

— Ты уже доказала мне! Но поспеши в Сутенд — ты оставила ее там без присмотра и защиты!

— Ни одна душа не подозревает, что меня нет дома, — возразила старуха, — если же кто и зайдет, то, даром постучавшись, снова завернет ко мне завтра. Старой Родлоун все это хорошо известно, и она знает что делает!

Валентино, все время неподвижно лежавший на ковре прихожей, услышал, что горбунья стала собираться домой. С него было вполне достаточно — он узнал, что господин его приговорен к смерти, хотя и не мог поверить этому страшному известию. Тихо пополз он по полу, добрался до места, освещенного яркой полосой, проникающей из залы, и в ту же минуту герцог поднялся с кресла.

Валентино затаил дыхание. Что если он взглянет в его сторону? Между ними завязалась бы борьба, пагубная для слуги Олимпио, потому что горбунья немедленно всполошила бы весь дом.

Но герцог направился к письменному столу, стоявшему в глубине залы, и это была счастливая удача для Валентино. Он услышал звон золотых монет и, пользуясь благоприятной минутой, быстро пополз к выходу. Старуха, догадываясь о намерении герцога, вся обратилась в зрение и повернулась спиной к портьеру.

— Подожди ты у меня, ведьма! — бормотал Валентино, теперь уже уверенный в своем освобождении. Его страшно тревожила мысль, что дон Олимпио сделался жертвой этих презренных негодяев, он готов был убить их, злоба кипела в его груди.

В то время как герцог давал деньги горбунье, собиравшейся оставит залу, Валентино был уже возле двери.

Но что если она вела не к выходу, а в другие комнаты?! Мысль эта, подобно молнии, блеснула в его голове, когда он быстро и решительно поднялся на ноги.

Старуха вошла в прихожую. Валентино спрятался за портьерой, скрывавшей дверь, и неожиданно она растворилась настежь. Произведенный им шум был услышан в зале, но не обеспокоил герцога и горбунью, считавших, что это ходит кто-то из слуг замка.

Валентино очутился в ярко освещенном коридоре, ведущем на мраморную лестницу. Нигде не было видно никого из прислуги.

Быстро сбежал он вниз, в галерею, где тоже было совершенно пусто, и минуту спустя находился уже под окнами привратника, все еще пировавшего с лакеями, которые, услышав поспешные шаги и увидев Валентино уже возле последнего выхода, и подумать не могли, что это бежавший пленник герцога. Вскоре на лестнице показалась горбунья и медленно начала спускаться; долгого отсутствия слуги Джона, казалось, никто не заметил.

Валентино торжествовал, благополучно добравшись до улицы; без оглядки бежал он мимо домов, спеша узнать о судьбе своего господина. Нанять кабриолет ему было не на что, и он скоро заблудился в бесконечном лабиринте лондонских улиц. Тщетно спрашивал он у редких прохожих дорогу к улице Ватерлоо — ему отвечали вскользь и непонятно. Наконец, после часовой беготни, добрался он до Темзы, пошел по ее берегу до моста и разыскал угловой дом, где жили три его господина. Увидев Валентино, хозяйка всплеснула руками.

— Наконец-то воскресли вы из мертвых! — вскричала она. — Где же это вы запропалились вместе с доном Олимпио?

— Разве его нет дома? — спросил Валентино, делая вид, что ничего не знает о судьбе своего господина.

— Он ушел сегодня вечером и до сих пор не вернулся!

— Только сегодня вечером? Значит, можно вздохнуть свободнее!

— Что вы сказали, мистер Валентино?

— Клянусь всеми святыми — я думал, что он, подобно мне, пропадает уже целую неделю.

— Но где ж это вы так долго гостили? — с упреком проговорила хозяйка, давно уже добывающаяся расположения Валентино.

— Это моя тайна, мистрис, вы и представить себе не можете, как было мне хорошо и весело, так весело, что позабыл я даже о возвращении домой!

— Молчите! — проговорила хозяйка недовольно. — Было бы вам хорошо, так не явились бы вы сюда с такой постной физиономией. Признаюсь, вы так запылены и грязны, как будто не раздевались в продолжение нескольких дней.

— Что же, может и правда! — засмеялся Валентино, страшно довольный, что вернулся домой и узнал о недавнем уходе своего господина; он утешал себя надеждой, что разговор старухи с герцогом был неправдоподобен. Он радовался, что вырвался на свободу и может сообщить своему господину о его Долорес. Но где он найдет его — эта мысль невольно приводила его в смущение.

— Гм... Вы как будто побледнели и похудели за эти дни, мистер Валентино,— с некоторой насмешкой произнесла хозяйка.

— Это неизбежное следствие того, что побываешь в когтях неприятеля, мистрис.

— Ну да, легкомысленные птички и есть ваши главные неприятели; бьюсь об заклад, что заташили они вас в свое гнездо. Садитесь, мистер Валентино! Дон Олимпио уже давно считает вас дурным человеком; что касается меня, то я тоже скоро перемену составленное мною о вас мнение.

— Вы все шутите, мистрис, но извините, мне некогда,— поспешно проговорил Валентино, желая прервать столь интимный разговор.

Хозяйка, сооротив огорченную мину, с упреком посмотрела вслед слуге Олимпио, быстро скрывшемуся в комнатах.

Он застал там маркиза и Филиппо, которые немало удивились его неожиданному появлению.

— Валентино,— вскричал Клод де Монтолон,— откуда это вы являетесь к нам ночью?

— Извините, господин маркиз,— от герцога Медины!

— Так это вы у него пробыли столько времени?

— Он никак не мог расстаться со мной; он почувствовал ко мне необыкновенное влечение с той минуты, как открыл я местопребывание сеньоры Долорес,— громко смеясь, проговорил Валентино.

— Так вы разыскали дочь старого смотрителя замка?!

— О старике ни слуху, ни духу, но молодая сеньора отыскалась. Если бы только мой господин поскорее вернулся! Я узнал кое-что, касающееся моего благородного дона, и разговор, подслушанный мною во дворце герцога, беспокоит и мучит меня. Я боюсь за жизнь дона Агуадо!

— Что такое, рассказывайте! — вскричал Филиппо, вскакивая.

— Говорят, что жизнь благородного дона находится в опасности,— проговорил Валентино,— и это чрезвычайно тревожит меня.

— Олимпио в опасности! — прервал его Клод де Монтолон.

— Недаром просил я его не доверять этому таинственному приглашению,— сказал итальянец, глаза которого метали молнии.

— Ты знаешь, друг мой, что приглашение было написано дорогой ему рукой! Готов биться об заклад, что это письмо Евгении.

— Но если это постыдный обман, ловко расставленная ловушка! — перебил дон Филиппо маркиза.

— Уже второй час, а он все не является! Как вы думаете, что случилось с Олимпио? — спросил Клод, обращаясь к Валентино.

— Я думаю, что если благородный дон не умер, то, наверное, осужден на смерть; подслушанный разговор очень встревожил меня и заставил поспешно бежать из дома Медины.

Маркиз не отвечал, молча соображая что-то.

— Необходимо начать серьезные розыски,— проговорил он, наконец.— К несчастью, мы, иностранцы, имеем очень мало прав в Англии.

— Я отправляюсь на мост Челси,— решительно вскричал Филиппо.— Идемте со мной!

IX

ЯДОВИТЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Все старания Филиппо, Клода и Валентино напасть на след Олимпио были бесплодны. Рано утром, вернувшись домой, они узнали, что дон Агуадо еще не возвращался.

Злая судьба, казалось, начала преследовать трех друзей и Валентино; после благополучного возвращения последнего, как нарочно, пропал без вести его господин.

Хотя причина долгого отсутствия Олимпио была неизвестна, но сведения, сообщенные его слугой, вселяли в друзей самые мрачные опасения.

Стало очевидно, что бедный Олимпио попал в западню, но как они ни старались определить, в чем состояла эта ловушка, все их попытки и догадки ни к чему не приводили.

Вернувшись, они собрались вместе и принялись советовать, как помочь горю. Решено было, прежде всего, отыскать графиню. Клод де Монтолон взял на себя это шекотливое поручение, которое на следующий же день, если не вернется Олимпио, он намеревался привести в исполнение. Филиппо же должен был обратиться за помощью к полиции, хотя с этой стороны плоха была надежда на успех, что доказали недавние поиски Валентино. Лондонская полиция в высшей степени неповоротлива, когда речь идет об иностранцах, и не сделает для них ни одного лишнего шага без повеления английского начальства. Англичане вообще скрытны и недоверчивы к иностранцам, и этими же качествами заражена их полиция; она деятельна и расторопна только для государства, а на все остальное смотрит равнодушно и с полнейшим пренебрежением.

Открытие заговора, о котором сообщил Филиппо, подтвержденное Валентино в присутствии полицейского чиновника, вызвало у него только безмолвное пожатие плеч, ведь не было свидетелей и письменных доказательств, а начинать дело без этого он не брался. Видя полнейшее нежелание чиновника оказать им помощь, Филиппо хотел удалиться, но рассвирепевший Валентино, не помня себя, закричал по-испански:

— Клянусь всеми святыми, дон Филиппо, что Лондон этот в миллион раз гаже Мадрида! Чиновники его как будто подавились и не могут произнести ни слова.

— Тише, Валентино,— строго проговорил итальянец, думая, что кто-нибудь из присутствующих может знать испанский язык,—

вы еще более повредите нам и испортите все дело. Теперь остается только одно — положиться на свои собственные силы. Но я не теряю надежды разыскать Олимпио, как несколько дней назад не терял надежды увидеться с вами,— прибавил Филиппо, выходя в сопровождении Валентино. Но не успели они выйти на улицу, как увидели, что к подъезду подкатил роскошный экипаж, из которого вышла стройная дама с закрытым густой вуалью лицом.

Был вечер, почти стемнело, и леди, казалось, пристально посмотрела на вышедших ей навстречу итальянца и Валентино.

В экипаже сидел ее переводчик, которому она по-испански приказала удалиться вместе с коляской, говоря, что прийдет за ней завтра утром. Переводчик, казалось, очень удивился, но тем не менее тотчас исполнил приказание, в то время как леди повернулась к входу в окружное управление полиции. В подъезде она опять остановилась и, проводив глазами экипаж, обернулась в сторону удалявшегося Филиппо.

— Это он,— прошептала она, и долго скрываемое волнение заставило ее затрепетать;— судьба бросила его на мою дорогу. Благодарю тебя, Бог мести! Благодарю за то, что ты помог мне отыскать его! Горе тебе, Филиппо, близок час искупления — дни твои сочтены! Именем нашего ребенка клялась я отомстить тебе — и свято сдержу эту клятву. Без молитв, без покаяния погибнешь ты, умрешь от моей руки! Жуана обязана отомстить за отца и мать, должна удовлетворить свою ненависть и затем умереть! Пока не достигнет она своей кровавой цели, не будет ей на земле покоя. Я было уже потеряла надежду отыскать предателя, но теперь, о счастье, сама судьба посылает тебя в мои руки!

Закутанная в плащ дама быстро последовала за итальянцем, который у моста Ватерлоо расстался с Валентино, так как хотел сообщить маркизу результат своих переговоров с чиновником.

Было почти совершенно темно, когда Филиппо дошел до низкого подъезда своего дома и нагнулся, чтобы войти в него, как вдруг легкие, торопливые шаги поразили его, и в ту же секунду чья-то рука дотронулась до его плеча. Филиппо поспешно обернулся и увидел даму, лицо которой под вуалью казалось ему совершенно незнакомым. С минуту молча стояли друг перед другом эти два некогда так горячо любивших друг друга существа.

Филиппо старался догадаться, кто бы могла быть эта донна, пристально смотрящая на него; ему и в голову не приходила мысль о Жуане, да и как можно было предполагать, что она явится разыскивать его в Лондон!

Жуана, казалось, онемела, неожиданно оказавшись возле чело- века, некогда беспредельно ею любимого, которому пожертвовала она родиной, отцом и матерью и которого ненавидела теперь так глубоко и сильно, что пренебрегала всеми опасностями, связанными с его преследованием. Ей удалось, наконец, напасть на след итальянца, за которым бросилась она в Лондон, и поселилась там, чтобы продолжать свои розыски. То, что другим могло казаться безумием и глупостью, сделалось ее главной целью, для достижения которой

она жертвовала всей своей жизнью. Жуана ничего не страшилась, все испробовала, чтобы узнать о местопребывании Филиппо. Она была во всех полицейских управлениях Лондона, справлялась у уличных полисменов, но все было безрезультатно. В этот вечер она отправилась к последнему полицейскому чиновнику, и счастливое стечение обстоятельств столкнуло ее, наконец, с Филиппо, которому и в голову не приходило, что перед ним стоит Жуана, давно забытая им девушка из Алкалы, что она искала, нашла его и вынашивала план мести.

— Что вам угодно, леди? — спросил он на ломаном английском языке, когда Жуана приблизилась к нему.

— Неужели ты не узнаешь меня, Филиппо? — проговорила она в ответ на его родном языке. — Посмотри, взглядишь в меня! Или, может быть, я так подурнела и постарела, что ты не в состоянии узнать меня? Но нет, зеркало говорит мне, что все старания мои сохраниться к этому часу были далеко не бесплодны.

— Ты, Жуана! Здесь, в Лондоне! — вскричал пораженный Филиппо, страшно побледнев при этом открытии.

— Слова твои необыкновенно холодны, — произнесла Жуана, снова опуская вуаль, — северный климат, видно, сильно изменил тебя. Но Жуана напомнит тебе южную негу и сладострастие, она приехала, чтобы еще раз быть твоею!

— И для этого ехала ты из Мадрида в Лондон?

— Тебе теперь это кажется непонятным! Ты неприятно удивлен этой встречей, я так рада, а ты, между тем, стоишь, как приговоренный к казни! А помнишь ли — прежде, мой Филиппо, когда я дорожила своей честью, когда добродетель не позволяла мне отдаться своей любви, помнишь, как ясно и естественно казалось тебе все это! Да, после бесплодных поисков в Париже и по всей Франции приехала я в Лондон, чтобы отдаться тебе, еще раз быть твоею и — умереть без сожаления!

Жуана произнесла эти слова так горячо и страстно, как будто вся ее ненависть разбилась о вновь проснувшуюся любовь, как будто ее наполняла одна мысль, одно желание: еще раз увидеть своего Филиппо, услышать его пылкие речи, вволю насмотреться в его глаза и потом умереть с ним вместе, лишит жизни и себя, и его, чтобы хоть в последнюю минуту принадлежал он ей одной, принадлежал безраздельно! Что должно было испытать это страстное, любящее создание, прежде чем пришло к этому ужасному решению! Как должна была страдать и мучиться эта женщина, прежде чем она решилась бросить ребенка, пожертвовать им для преследования того, кто нагло посмеялся над ее чистой юной любовью! Какие пытки должна была она испытывать теперь, когда, наконец, после долгих лет очутилась лицом к лицу с этим прежде самым дорогим ей на свете человеком!

Она затрепетала при мысли о том бесконечном счастье, которое он мог подарить ей, если бы был верен и искренне любил ее.

Но холодное выражение его лица заставило ее опомниться, вернуться к действительности!

— Странно,— бормотал он,— все это так неожиданно! Родители твои также приехали с тобой?

— Мои родители,— повторила Жуана, и невыносимая боль и ирония звучали в ее голосе,— мои родители... Да, да, ты их увидишь, и они простят тебя!

Что-то странное послышалось Филиппо в том, как произнесла она эти слова. Молча и пристально взглянул он на Жуану, пытаясь по выражению лица узнать, что творилось в ее душе. Для него пре небрегла она всеми опасностями, отваяжилась на это длинное путешествие, чтобы еще раз с ним увидеться; все, что она говорила, невольно трогало его.

— Я не могу еще опомниться и объяснить себе всего этого,— проговорил он, наконец, после долгого молчания.

— Пойдем, проводи меня! Я живу очень близко. У меня дома узнаешь ты все подробнее. Но ты колеблешься? Я понимаю, ты не любишь меня более, ты в этом уже не раз сознавался! Но проводи меня только сегодня; сегодня только пожертвуй мне несколько часов, слышишь? Мне и нашим воспоминаниям! Помнишь, как ты клялся в вечной и пламенной любви — прошло много лет после того, как часто повторял ты эти клятвы... Но не сердись, я говорю это только для того, чтобы еще раз напомнить себе, что ты больше не любишь. Но все же ты можешь принести мне эту небольшую жертву во имя прошлого! Пойдем, Жуана умоляет тебя... Исполни один раз ее просьбу, дай ей миг счастья после такой долгой разлуки!

— Да, я пойду, конечно, мне необходимо поговорить с тобой,— сказал Филиппо, на которого эта неожиданная встреча и мольба Жуаны невольно произвела глубокое впечатление. Давно не вспоминал он о самом существовании Жуаны, другие имена и лица вытеснили ее образ из его памяти. И вдруг явилась она так неожиданно, осыпала его нежными, пламенными словами, предстала во всем блеске своей красоты, которая — Филиппо должен был сознаться себе в этом — сделалась еще роскошнее. Жалость вместе с жадной наслаждений вспыхнула в нем.

Люди легкомысленные и страстные бывают необыкновенно великодушны, хотя это качество и не согласуется с их обычно очень эгоистичной натурой.

Филиппо принадлежал к числу людей пылких, у которых чувственность стоит на первом плане и заглушает все остальные душевные качества. Пусть такие натуры считаются пустыми и ничтожными, мы не разделяем этого мнения, хотя также не соглашаемся и с изречением Спинозы, что «ни один человек не может отвечать за свои поступки». Мы считаем только, что к нравственным недостаткам необходимо относиться так же снисходительно, как и к физическим, что слабости и бесхарактерность нужно считать столь же простительными, хотя и достойными сожаления, как, например, слепота и глухота.

Филиппо сверх меры отдавался чувственности; будь у него больше твердой воли, он мог бы владеть собой и ограничить свою пылкость;

но изменить характер, уничтожить природные качества не менее трудно, чем излечиться от физических недостатков.

Как следствием неизлечимой болезни бывает гибель, так и нравственные недостатки неизбежно наказываются смертью; только в первом случае гибель называют следствием, в последнем же считается она искуплением, наказанием за природные душевные слабости.

Страстность Филиппо, доходящая до безумия, должна была погубить его! Его дни были теперь сочтены, недаром Жуана искала его, недаром горела она жаждой мщения. Она отомстила. Судьба Жуаны, ее падение, любовь, превратившаяся в ненависть, страшные жертвы, принесенные ею, все это должен был он искупить своей смертью. Несчастливая хорошо сознавала это и осудила как себя, так и своего обольстителя на смерть. Сердце ее болезненно сжалось, когда Филиппо согласился следовать за ней. Он и не подозревал, что шел на смерть, шел искупать свои поступки!

Странное свадебное шествие представляла эта пара! Ложе любви должно было стать их могилой, смертельный яд заменит им шампанское!

Жуана влекла некогда любимого ею человека к гибели. Мысль разделить его судьбу одушевляла и утешала ее. Она давно уже подготовила все необходимое для их общей гибели.

Сердце осмеянной и оскорбленной девушки было полно муки и радости. Ее поиски после долгих и тяжелых странствований увенчались успехом. Филиппо в ее руках и теперь уже не уйдет от нее. Задумчиво шел он рядом с ней по мрачным улицам Лондона, она вела его к себе, чтобы опьянить негой и сладострастием и вместе с ним умереть в этом чудном упоении. Неумоимо преследовала она эту цель и теперь была так близка к ней! Жуана улыбалась при мысли о своем могуществе, о возможности растопить, разнежить сурового Филиппо.

— Куда ты ведешь меня? — проговорил он тихо.

— Ко мне домой. Иди, я уверена, ты не будешь раскаиваться, — таинственно отвечала она.

— Все это кажется мне сном, — прошептал Филиппо.

— Мне тоже. Еще раз воскреснет золотое прошлое, снова я буду твоей, а затем ты свободен, свободен от данной мне клятвы!

— Отчаянная, страстная Жуана!

— Такая же, как и тогда, когда ты погубил меня. О, чудная ночь под миндальными деревьями, никогда я не забуду ее! Знаешь ли, Филиппо, мне казалось тогда, что я вечно буду счастлива, вечно буду твоею, но я была молода, безумна, неопытна! Я не сомневалась в тебе и доверилась всецело. Мне хотелось принадлежать только одному тебе! Видишь, Жуана не клялась и осталась верной, Филиппо клялся — и изменил ей! Тише! Ни одного упрека более не сорвется с моих губ. Ты не должен раскаиваться в том, что последовал за мной. Я искала и нашла тебя, чтобы еще раз насладиться встречей. Это будет последняя, чудная, божественная и вместе с тем дьявольская ночь!

Филиппо бросил взгляд на шедшую рядом с ним молодую женщину. Невольная дрожь пробежала по его телу; отчего же это? Может быть, он почувствовал ее злые намерения?

Жуана была хороша; в своей необычной таинственности она казалась особенно очаровательной, и Филиппо невольно следовал за ней. Они шли по темным улицам, среди толпы прохожих, и Жуана прильнула к своему спутнику, как бы желая полнее насладиться его близостью.

— Скажи мне,— прошептал Филиппо,— прежде чем мы войдем в дом, где теперь ребенок?

— О каком ребенке ты говоришь? — спросила Жуана, насторожившись. Значит, он догадался?..

— О нашем,— возразил он тихо, как будто новая, забытая в волнениях жизни забота воскресла в его уме.

— Он в хороших руках, но может быть и умер, не знаю! Разве я, неумоимо разыскивая тебя день и ночь, могла таскать с собой это нежное маленькое существо? Он бы не вынес этих мучительных странствований. Я буду благодарить Пресвятую Богородицу, если она возьмет его к себе, но сама не хотела бы присутствовать при его кончине! Согласись, разве может быть счастливым создание, у которого нет никого на свете, нет даже родителей?

— Нет родителей! — вскричал Филиппо.— Но ведь мы живы, и я взял бы его к себе!

Жуана неестественно громко расхохоталась.

— Ты! — вскричала она.— Ты любил бы его?

— Неужели ты сомневаешься в этом?

— Ты, может быть, любил бы и его настолько, насколько меня, а потом он сделался бы тебе в тягость. Невинное дитя могло назвать тебя отцом в то время, как прелестные сирены ухаживали за тобой, и это поставило бы тебя в неловкое положение. Тебя бы подняли на смех. Жуана не хотела этого, она не могла доверить тебе, а тем более им своего ребенка и оставила его на родине в хорошо известных ей руках!

— Скоро ли мы придем? — спросил Филиппо. Слова Жуаны терзали его сердце, тяжелое предчувствие томило его.

— Скоро, очень скоро,— произнесла она с ударением.

Они дошли до Сити. Многочисленные кареты двигались здесь потоком, создавая такой шум, что продолжать разговор было невозможно. Да и что было говорить? Филиппо чувствовал какое-то никогда прежде не испытанное волнение. Может быть, это было предчувствие ожидающей его участи? Жуана своими словами пробудила в нем прежнюю страсть, которая казалась ему теперь глубокой и сильной любовью. В то же время в уме его возникло опасение: он вообразил, что Жуана помешалась. Таинственные слова, произнесенные ею странным голосом и с необыкновенным ударением, заставили его серьезно взглянуть на нее. Она любила, но ему казалось, что любовь эта обратилась в безумие. Или предстоящее, давно ожидаемое блаженство близости так действовало на нее? Он дал себе слово через час убедиться в этом. Жуана остановилась, наконец,

перед роскошным домом, который она занимала в течение нескольких месяцев вместе со своей горничной. Комнаты, казалось, были освещены, слабый свет струился сквозь опущенные гардины. Вместе со своей спутницей дошел Филиппо до запертой двери дома; она позвонила, и до его слуха донеслись чьи-то легкие торопливые шаги.

Крепко сжала Жуана руку Филиппо, как бы боясь, чтобы он не вырвался от нее.

Служанка, та самая девушка, которая искала защиты в хижине Кортины, быстро отворила дверь и с удивлением взглянула на свою госпожу и ее спутника.

— Все ли, Люсита, приготовлено в моем будуаре? — спросила Жуана.

— Каждый вечер он убирается согласно вашему желанию, и сейчас все расставлено в нем, как вы приказывали, мадонна!

— Хорошо; иди к себе, Люсита, и не мешай нам! — повелительно проговорила Жуана и собственноручно тщательно заперла дверь.

Служанка тотчас же ушла.

— Я чувствовала, дорогой, что скоро встречу тебя и потому каждую ночь мой будуар был готов принять дорогого гостя, — смеясь, сказала Жуана, — раздевайся и следуй за мной! Ты у своей невесты, будь весел и непринужден, как дома!

Широкий коридор, обставленный красивой мебелью, скорее мог назваться комнатой. Приятная теплота, нежный аромат и неяркий свет дополняли впечатление. Из комнаты вела вверх широкая лестница. Жуана перебросила мантилью через перила и Филиппо машинально последовал ее примеру, не отрывая удивленного взгляда от молодой красавицы, оставшейся в роскошном шелковом платье. Казалось, она приготовилась к какому-то необыкновенному торжеству. Вуаль, так долго скрывавшая ее шею и волосы, упала на пол и теперь только явилась она во всем блеске и обаянии своей царственной красоты. Высокий рост, роскошные черные волосы, темные, страстные глаза — все это вновь поразило Филиппо, который должен был сознаться, что никогда еще Жуана не была так ослепительно хороша. Дорогое платье искусно обрисовывало роскошные формы молодой женщины.

Черные волосы густыми локонами ниспадали на ее плечи, грудь вздымалась, глаза из-под длинных ресниц смотрели на Филиппо страстным, демоническим взглядом. Медленно подняла она руку, белеющую сквозь прозрачный рукав, и сделала Филиппо знак следовать за собой. В эту минуту она походила на Лорелею, влекущую на смерть свою жертву, невозможно было устоять перед ее обольстительной красотой.

Филиппо, опьяненный чувственностью, не сводил с нее глаз. Поднимаясь по лестнице, она бросала на него чарующие взгляды, манила за собой, и он шел за ней, как Тангейзер за Венерой, к своей гибели. Она сияла от радости, видя, как неотступно, без малейших колебаний следует он за ней, как прикованы к ней его взоры.

Предстоящее наслаждение не могло смягчить ее; решительнее, чем когда-либо, готова была она сдержать свою клятву. Умереть в его объятиях! Этим удовлетворит она и свою любовь, и свою ненависть.

Филиппо не отрывал глаз от красивых ног Жуаны, быстро переступающих по ступенькам лестницы: левой рукой она манила его за собой, а правой приподнимала тяжелое шелковое платье, приоткрывая таким образом свои маленькие ножки. Филиппо забыл обо всем на свете, весь поглощенный ожиданием блаженства, к которому оба, казалось, летели как на крыльях.

— Жуана,— лепетал он,— я был сам себе врагом, не сдержав данной тебе клятвы; нигде, никогда не встречал я существа лучше, очаровательнее тебя!

Она звонко смеялась, оставаясь твердой, как камень, в своем намерении; ничто не могло поколебать ее решения и изгладить из памяти долгих, казавшихся ей бесконечными, лет, проведенных в одиночестве.

Она ступила на ковер, разостланный на верху лестницы; Филиппо протянул к ней руки; но она, быстро растворив двери, проскользнула в роскошно обставленную комнату, встретившую их тишиной, ароматом амбры и таинственным неярким светом.

Все дышало здесь негой и роскошью!

Но Филиппо не видел ничего вокруг, следя за каждым движением Жуаны.

Она подошла к портъере, закрывающей вход в будуар, где все было приготовлено для этой ночи, и, подняв ее, пропустила в него Филиппо. Она пропустила его вперед, чтобы увидеть впечатление, которое произведет на его чувственную натуру эта комната, убранная с восточной пышностью, потом вошла сама. Тяжелая портъера опустилась, жертва Лорелеи была в ее полной власти!

Будуар Жуаны, действительно, был достоин удивления. Четыре лампы разливали таинственный розоватый свет, драгоценные ковры покрывали пол и стены, тропические растения украшали мраморные статуи, размещенные в углах. У стен стояли мягкие, удобные диваны, перед ними — мраморные столики, с хрустальными бокалами и фруктами в вазах. Громадное зеркало висело на стене, под ним располагались кресла и стулья с золотой резьбой. Повсюду благоухали свежие цветы. Тяжелая шелковая драпировка отделяла будуар от спальни, где группа амуров, держащих раковины, наполненные выющимися растениями, приподнимала эту драпировку, на камине стояли роскошные золотые часы, стрелки которых показывали полночь; по сторонам часов стояла пара тяжелых подсвечников.

Посередине этой чудной комнаты стоял накрытый стол, на котором были расставлены самые дорогие и изысканные яства и напитки, возле стола — два кресла, приготовленные для Жуаны и Филиппо; окна были завешены густыми, непроницаемыми гардинами; никто не должен был мешать им! Этот убранный с царственной роскошью будуар напоминал о султанском гареме и одалисках, получающих громадное содержание.

Жуана подошла к камину, ее белая рука остановила стрелку часов: «Счастливые не должны наблюдать времени!» — отвечал ее смеющийся взгляд на вопросительное выражение лица Филиппо. В это мгновение в комнате раздались чудные звуки музыки. Все здесь было принято во внимание, все чувства должны были быть удовлетворены и очарованы.

Жуана пригласила гостя занять против нее кресло у накрытого стола.

— Мы сами будем прислуживать себе, чтобы никто не мешал и не наблюдал за нами,— проговорила она.— Выпьем шампанского! Станем пировать, как пируют после свадьбы в первую брачную ночь! Ты удивляешься, Филиппо, тебя изумляют мои странные, непонятные речи? Забудем все, будем жить настоящим мгновением!

И прелестная Геба наполнила бокалы шипучим вином.

— Уже близка наша цель,— лепетали ее губы,— выпьем за нашу будущую вечность!

— Согласен! — отвечал Филиппо.— Минуты нашего свидания должны быть вечны, как вечно наше будущее счастье!

— Ты трогает, очаровываешь меня этими словами,— проговорила Жуана, выпивая свой бокал,— ты тоже радуешься, наслаждаешься нашей встречей! Да, Жуана сумеет осчастливить тебя, и союз наш будет бесконечен!

Она угощала его дорогими кушаньями, но взволнованный ее красотой и волшебством этого часа, Филиппо ни до чего не дотрагивался, только пил вино и ел остающиеся от нее кусочки опьяняющих фруктов и восточных сластей. Аромат цветов, звуки музыки, близость прекрасной женщины—все это совершенно лишало его самообладания.

Жуана видела, как лихорадочно горели его глаза, как трепетал он от желания привлечь ее к своему сердцу, как побелели его губы от неудовлетворенной страсти, и она наслаждалась этим зрелищем! Давно ожидаемый час приближался, брачная ночь их настала! Они должны были отдаться друг другу, чтобы никогда уже не расставаться!

Снова наполнила она, по его просьбе, оба бокала, и они разом осушили их. В глазах у нее потемнело, нега на мгновение охватила ее, но и в эту чудную минуту не забывала Жуана о своей мести.

Она медленно встала, Филиппо тоже поднялся и привлек ее к себе на грудь. Он чувствовал быстрое биение ее сердца и прижался к ее губам, но они были холодны, как лед; он обнял ее, все крепче и сильнее прижимая к себе.

— Ты сопротивляешься,— тихо проговорил он,— и не отвечаешь на мои поцелуи!

— Я буду отвечать, отвечать на них без конца,— шептала она со сверкающими глазами,— подожди секунду —туда, в мою спальню. отведу я тебя и замучаю своими поцелуями!

— Ты терзаешь меня этими словами,— прошептал Филиппо.— скажи, что ты замыслишь?

— Скоро ты узнаешь все, все решительно! Скоро буду я принадлежать тебе вечно и наслаждение наше продлится без конца!

Жуана высвободилась из объятий Филиппо и приблизилась к зеркалу, перед которым на мраморном столике лежали миртовые цветы. Быстро начала она убирать ими свои черные волосы. Воскликнув, что она еще очаровательнее в этом украшении, Филиппо подошел к ней и стал помогать прикалывать цветы к роскошным волосам, упавшим на ее грудь и плечи. Он не предчувствовал, что в последний раз смотрит на эту красоту, и что завтра его померкшие глаза уже не увидят мира и земных наслаждений. Наступал итог его жизни...

Жуана с помощью Филиппо надела брачный венок.

Кончена взаимная работа, Жуана сияла царственным величием. Расстегнув платье, опустилась она в объятия возлюбленного, которого ненавидела!

Казалось, любовь и страсть сломили эту железную волю; покоясь на груди Филиппо, Жуана забыла свою месть...

Но ненависть и жажда мести мгновенно воскресли в ней с новой силой, она очнулась от сладостного опьянения. В воображении ее ожили родители, погибшие из-за ее падения и измены Филиппо, она снова услышала произнесенные им слова, которые никогда не переставали звучать в ее ушах: «Я не могу осчастливить тебя, я должен ехать!»

Теперь это ему не удастся, теперь, прижимая ее к своему сердцу, он умрет, и очарование этой минуты останется вечным.

— Только тебя, Жуана, одну только тебя я люблю, — лепетал Филиппо, сжимая ее в объятиях.

Эти давно забытые им слова повторял он несколько лет назад, как хорошо она помнила их!

И воспоминание это укрепило ее пошатнувшуюся было волю. Жажда мести заглушала наслаждение и радость от близости Филиппо, выражение лица ее изменилось, взгляд блеснул твердой решимостью.

Филиппо не понял значения ее взора и внезапного холодного выражения лица. Вполне отдавшись своему чувству, он не думал об опасности, а если бы даже и предвидел ее, все равно не отступил. Ведь он принадлежал к тем людям, которые бесстрашно идут на гибель и за минуту наслаждения готовы отдать свою жизнь, а ему предстояла смерть в объятиях возлюбленной, и лучшего конца его страстная душа, вероятно, и не желала.

Жуана вырвалась из его объятий и поспешила в спальню, Филиппо последовал за ней.

На маленьком мраморном столике в изголовье кровати стоял граненый флакончик с быстродействующим ядом — одной капли его было достаточно, чтобы умертвить человека. Жуана приберегла его для этой ночи и поставила возле постели. Филиппо не должен был знать о существовании яда, она хотела отравить его своим поцелуем — в то время, как губы их сольются, он встретит смерть, наказание за свою измену.

Мысль, что поцелуй их и объятия будут бесконечны, доставляла ей неизъяснимое наслаждение.

Филиппо, ослепленный страстью, любуясь ее божественным телом, горел нетерпением поскорее опуститься вместе с ней на шелковые подушки, на брачную постель, которая должна была стать их общей могилой.

Жуана быстро подошла к столику, открыла флакон и смочила ядом губы, потом страстно обняла Филиппо. В эту минуту она прощлась с ним и со всем миром.

Красивый пузырек выскользнул из ее пальцев и упал на ковер — Филиппо не обратил на это внимания; не замечал он и взора прелестной женщины, горящего торжеством. Взяв Жуану на руки, понес он ее на постель, а она обнимала его, лепеча сладостные слова:

— Ну целуй же меня, целуй меня, Филиппо, теперь я отдаюсь тебе навеки!

В полумраке комнаты, в розовом свете матовой лампы Жуана, которую Филиппо опустил на мягкую постель, была невыразимо прекрасна.

Наклонившись над ней, Филиппо покрывал поцелуями маленькие ноги и все прелестное тело Жуаны, она не сопротивлялась и только смеялась, отдаваясь его ласкам. Но яд, коснувшись ее языка, уже начал действовать — она содрогнулась, обвила руками своего возлюбленного и быстро притянула его к себе.

— Тебе, только одной тебе, дорогая моя, я буду принадлежать всегда,— шептал Филиппо...

Его слова замерли, заглушенные долгим, горячим поцелуем, который запечатлела на его губах Жуана, страстно обняв своего возлюбленного. Вся ее любовь и вся ненависть слились в этом поцелуе.

— Да, ты вечно будешь моим,— лепетала она слабеющим голосом, но не размыкая объятия, соединяющего их.

Вдруг лихорадочная дрожь пробежала и по телу Филиппо. Он увидел, что глаза Жуаны померкли, пальцы сильно и судорожно сжали его руку; он хотел поцеловать ее, но сам почувствовал невыносимую боль во всем теле, мысли его начали путаться, в глазах потемнело. Крепко сжал он в объятиях умирающую возлюбленную, повторяя ее имя, как будто хотел удержать ее в этом мире.

И Жуана в последний раз открыла глаза.

— Мы умираем вместе,— едва слышно прошептала она,— ядовитый поцелуй соединил нас.

Филиппо понял эти слова.

— Ничто не может быть лучше такой смерти,— беззвучно произнес он, но Жуана услышала и последним усилием прижалась к тому, кого с такой твердостью отравила.

— Да простит нас Бог,— шептал Филиппо,— и да защитит он наше дитя.

Руки его безжизненно опустились. Ледяная рука смерти оставила биение их сердец. Счастье, которое отворачивалось от них на земле, пришло к ним и осталось с ними навечно...

ПРАЗДНИК В ДОМЕ ГРАФИНИ МОНТИХО

Лондон в то время был излюбленным пристанищем не только политических беглецов и государственных преступников, но также всевозможных мошенников и искателей приключений.

Всем этим личностям Англия давала свободное убежище, а столица ее, Лондон, представляла громадное поле деятельности для авантюристов и вообще людей, любящих разнообразие.

Вследствие этого Англия скоро лишилась прежнего уважения, а Лондон превосходил другие города по числу преступлений. Чтобы не быть окончательно затопленным потоком эмигрантов, было решено умерить гостеприимство Англии и оказывать его только политическим изгнанникам.

К числу этих последних принадлежал принц Людовик Наполеон Бонапарт, сын прелестной Гортензии Богарне, которую император Наполеон выдал замуж за своего брата Людовика Бонапарта, короля голландского. Говорят, будто император любил свою падчерицу гораздо более, чем супругу свою Жозефину, но так как у нас нет доказательств, то мы не будем распространяться об этом.

У Гортензии было двое детей, из которых один умер еще ребенком, а другой, Людовик Наполеон, о котором мы будем говорить ниже, предался бурной и веселой жизни после смерти своей матери, скончавшейся в 1837 году. В голове его начала созревать мысль свергнуть с французского престола Людовика Филиппа и предъявить свои права на корону в качестве единственного наследника императора Наполеона I.

Следует признать, что мысль эта была необыкновенно смела, тем более, что принц промотал все свое состояние и жил в крайней бедности.

Уже в 1836 году, поддерживаемый приближенными своего дяди, задумал он произвести переворот в Страсбурге и сделал первую попытку лишить короны добродушного Луи-Филиппа, чтобы водворить знамя Бонапартов на французском престоле.

Известно, что эта попытка не имела успеха, и Луи-Филипп, считая ее глупым вольнодумством и ребячеством, ограничился тем, что отослал молодого человека в Америку.

Скоро, впрочем, раскаялся он в своем добродушии, когда, вернувшись из Америки, принц очутился в Булони и сделал новую попытку свергнуть трон Луи-Филиппа. Но и на этот раз потерпел он фиаско и поплатился долгим заключением в замке Гама, откуда ему удалось спастись удачным бегством. Луи-Филипп не принимал никаких решительных мер, чтобы избавиться от своего соперника: уверенность его в прочности французского престола была так велика, что он отважился перенести с острова св. Елены останки Наполеона I и поместить их в соборе Дома инвалидов.

Понятно, что поступок этот, совершенный вследствие излишнего добродушия и желания польстить национальному честолюбию, был

более чем нерасчетлив и необдуман. Уверенность же Луи-Филиппа в прочности престола доказывает только, что он очень плохо знал историю французского народа.

Вскоре последовала расплата за столь необдуманный поступок.

Принц Людовик Наполеон удалился в Англию, где во время долгого своего пребывания собрал все необходимые ему сведения, скрывая свою бедность, сблизился со знатными домами Лондона и завязал отношения с сильными и богатыми людьми столицы. Все-таки он был принцем, хотя и без всяких средств к существованию, а в Англии нашлось бы немало буржуа — миллионеров и лордов, желающих иметь своим зятем принца.

Но Людовик Наполеон, казалось, вовсе не намерен был жениться на какой-нибудь английской леди; мысли его заняты были другим — он проводил политику выжидания. Как мы увидим далее, он совершенно верно рассчитал, что июльский трон рано или поздно непременно рухнет. Принц был умен, отличался большой сообразительностью и еще ребенком удивлял окружающих хитростью и лукавством. Хотя мы и не намерены утомлять читателя анекдотами, но все же приведем небольшой пример злокозненной хитрости Наполеона III.

В городе Эльбинге еще и по настоящее время живет кузнец Вейер, которому и обязаны мы этим рассказом. Достойный кузнец этот, имевший прежде мастерскую близ Арененберга, пришел однажды в комическое столкновение с принцем Людовиком, бывшим тогда еще ребенком. Часто прогуливаясь мимо кузницы, принц заметил, что Вейер, всегда занятый работой, закуривал свою трубку от раскаленного железного прута.

Однажды утром, выждав минуту, когда кузнец положил трубку и снова взялся за молот, прокрался он в мастерскую и повернул железный прут, употребляемый Вейером вместо спичек, раскаленным концом к кузнецу.

Шутка вполне удалась! Вейер страшно обжег руку, между тем как юный принц, издали наблюдавший эту сцену, от души забавлялся его мучениями, пока взбешенный кузнец не отыскал его и изо всей силы не отколотил кулаками.

Вместе с принцем росла и его хитрость, его планы и намерения. Он постоянно находился в тайных сношениях с приближенными своего дяди, у него были даже друзья при парижском дворе, которые сообщали ему самые мельчайшие придворные новости.

Кроме Наполеона, в Лондоне находилось множество других беглецов и искателей приключений с громкими именами, большинство которых мы встретим в гостиной графини Монтихо. Но прежде чем ввести туда читателя, необходимо сделать некоторые пояснения, связанные с дальнейшим ходом нашего рассказа.

Дуэль в Гайд-парке между герцогом Оссуней и маркизом де Монтолоном не имела для последнего особенно важных последствий, так как рана его залечилась очень быстро. Полиция, узнав о смертельной ране герцога, немедленно составила протокол, а так как об имени противника они не догадывались, то рядом с фамилией графини Монтихо поставили маленький крестик.

Событие это было не известно дамам. Беневенто отправил тело умершего Оссуну в Испанию, а в доме графини все шло своим чередом, как будто ничего особенного не случилось.

По-прежнему собирались там гости, давались балы, проводились вечера карточной игры; в Лондоне, как и в Мадриде, дом графини сделался сборным пунктом всевозможных гуляк, искателей приключений, ловких кавалеров и даже чиновников, разыгрывавших роль богачей и обкрадывавших для этой цели вверенные им кассы.

Общество графини оказывало магическое влияние на каждого, кому хоть однажды удалось попасть в него. Было ли это следствием пикантного тона, царившего в гостиной, или поразительной красоты Евгении — неизвестно; только праздники эти были настоящим магнитом для всех.

Однако лорд Кларендон не принимал уже более в них никакого участия. После многократных и бесполезных попыток водворить порядок в доме, где царствовали женщины, он убедился, что госпожа Монтихо не способна к спокойной жизни, что ей нужны вечные удовольствия, быстро меняющиеся наслаждения. Графиню можно было сравнить с Марией-Христиной, королевой Испании, на которую она походила не только тем, что сохранила моложавую внешность, но также многими душевными качествами и недостатками. Мать прелестной Евгении не чувствовала ни малейшей склонности к тихой семейной жизни; напротив, соперничая с дочерью, она стремилась привлечь все новых поклонников, сегодня герцога, завтра графа, потом принца, а на четвертый день или, скорее, на четвертую ночь, — щедрого гражданина, будь он даже чиновником самого низкого происхождения. Это была очень страстная натура, больше всего в жизни любившая разнообразие. Она не выносила повторения, и каждый ее день должен был быть непохожим на другой.

Все это в конце концов оттолкнуло лорда Кларендона от графини. Он изредка еще помогал ей, присылая, преимущественно Евгении, богатые наряды и драгоценности, но старательно избегал общества обеих. Однако подарки его можно было сравнить с каплями воды, падающими на горячий камень.

Жизнь и обстановка госпожи Монтихо стоила громадных денег и могла разорить и миллионера. Но там, где десять миллионеров, или по крайней мере кажущихся такими, приносят бесчисленные жертвы, дела еще могут идти довольно сносно, хотя поощрение таких жертв бросает отнюдь не благоприятный свет на принимающего их.

К числу постоянных посетителей графини и ее дочери принадлежал один служащий банка по имени Генрих. Он был кассиром — одно это слово объясняет нам источник огромных сумм, которыми он снабжал графиню Монтихо; последняя, принимая деньги и подарки, не осведомлялась, откуда он брал их — какое ей было до этого дело? Она видела только, что он один из щедрых друзей ее дома, и потому охотно и радушно принимала его.

У Генриха была старая мать, которая жила с ним вместе и отказывала себе во всем, только бы сын ее не прикасался к вверенной ему кассе. Но с некоторого времени он начал роскошно одеваться

и проводил целые ночи вне дома; мать не догадывалась, что творит ее Генрих. Это продолжалось, впрочем, недолго и вскоре все объяснилось.

Генрих страстно влюбился в Евгению и, не отдавая себе отчета в том, что она никогда не будет принадлежать ему, был счастлив одной улыбкой, которой она отвечала на подносимые им подарки, покупаемые за счет разворованной им кассы. Маленького жалования Генриха едва хватало на содержание его самого и старухи матери, и, конечно, у него не было никакой возможности делать тысячные подарки и давать ужины, из которых каждый превышал по стоимости его полугодовое жалованье. Но им владела одна только мысль, одна только цель — добиться расположения Евгении, а там он надеялся с помощью какой-нибудь выгодной спекуляции снова пополнить опустошенную им кассу. Кончил он тем, чем кончают все несчастные, сделавшие шаг к падению и хватающиеся за надежду, как утопающий за соломинку. Безумная любовь к Евгении заставила его забыть все, пожертвовать честью, матерью, своей будущностью и привела к бездонной пропасти, в которой и до него погибли многие.

В тихие часы, проводимые им с матерью, сердце его часто сжималось от ужаса, угрызения совести начинали мучить его, но на следующую ночь при взгляде на околдовавшую его своей красотой Евгению исчезали все страхи и размышления, все они сводились к мысли, что он лишит себя жизни, когда разрушатся его сладостные мечты и надежды.

Графиня очень часто нуждалась в деньгах и, не стесняясь, говорила об этом Генриху, который, дорожа ее доверием и не подозревая хитрости, немедленно выручал ее. В награду госпожа Монтихо развешивала перед ним картины блестящей будущности, манила его новыми надеждами.

Евгении, конечно, неизвестны были подобные источники доходов ее матери — по крайней мере, согласимся с этим из уважения к ее личности. Мы думаем, что если бы она знала, как ловко и нагло ее мать опустошает чужие карманы, то сочла бы своей обязанностью разуверить Генриха, сказав ему, что он ни за какие блага в мире не может надеяться на ее руку. Евгения была настолько тщеславна и высокомерно правдива, что сделала бы это при всем обществе.

Бедный Генрих! Бедная мать, столько вытерпевшая, пока воспитала своего сына! Но что за дело тем, чьими жертвами вы стали, до ваших мучений, до вашей смерти. Не замечая вас, несутся они в вихре радостей и наслаждений. Вас заменят другие ослепленные, погибнут и они, а вихрь этот будет еще яростнее и никогда не прекратится. Для них нет личности, нет человека. Исчезните вы — найдутся другие, найдутся новые! Они только посмеются над другими, жертвующими им своей честью, будущностью, счастьем и самой жизнью. Чтобы удовлетворить их, недостаточно разворованной кассы, недостаточно графства или баронского титула. Им нужна корона, королевская корона, которую предсказали прелестной Евгении. Как приятно мечтать о такой блестящей будущности. Да, королевская корона! А этот Генрих, этот Беневенто, этот лорд Сунфловер, этот Карл

Мальборо, этот министр Вулков и прочие поклонники Евгении, разве могли они рассчитывать на что-нибудь подобное?

Она выслушивала их комплименты, принимала подарки, награждая их улыбкой, позволяла целовать свою руку и только в крайнем случае удостаивала партией в шахматы с глазу на глаз в маленькой ротонде.

Хитрая мать, завлекая к себе богатых, знатных посетителей, одобряла упорство дочери, называя его причудами молодости и намекая, что причуды эти со временем исчезнут, и Евгения будет принадлежать тому, кто сумеет заслужить ее расположение.

Однажды вечером, когда назначен был один из праздников в доме госпожи Монтихо, ей доложили о приходе маркиза де Монтолона, обычно не посещавшего ее кружок. Дамам было известно, что он принадлежал к числу трех друзей — офицеров дона Карлоса, игравших видную роль при дворе; кроме того, графиня вспомнила, что маркиз был не только изящным кавалером, но и обладал большими средствами, а потому она приказала немедленно принять его, думая, что великодушная судьба посылает нового обожателя ее дочери.

Так как маркиз желал увидеть Евгению, старая графиня тотчас же удалилась, ссылаясь на хлопоты, связанные с приготовлениями к предстоящему празднику.

Евгения была удивлена этим приходом Монтолона и решила, что он явился к ней по поручению Олимпии. Олимпии один только мог заслужить ее внимание и отчасти любовь; ему одному пожертвовала бы она всеми этими господами и, может быть, даже согласилась бы назвать его своим мужем, так велика была ее симпатия. Он представлял в ее воображении, как олицетворение счастливого прошлого, как замена несчастной любви ее к Нарваесу.

Маркиз вошел в комнату и вежливо поклонился прелестной графине, которая жестом пригласила его сесть.

Клод де Монтолон был бледен и расстроен; он поднял свои большие карие глаза и пристально взглянул на Евгению.

— Очень рада видеть вас, маркиз,— проговорила графиня мягким, приятным голосом,— но чему я обязана вашим посещением? Оно живо напоминает мне мою далекую родину.

— Извините, мадонна,— перебил ее маркиз,— но я думаю, что из нас троих не я первый напомнил вам Испанию. Позвольте мне задать вам один вопрос; на встречали ли вы несколько дней назад дону Олимпию Агуадо?

Этот внезапный вопрос страшно взволновал Евгению; но видя, что маркиз пристально следит за ней, она быстро овладела собой.

— Действительно, несколько дней назад мне показалось, что я встретила дону Олимпию на одном мосту; впрочем, возможно, это был и не он — в этом громадном городе так легко ошибиться, такая масса народу — я думаю, что ошибка возможна, маркиз!

— Вы встретили его в субботу, около десяти часов вечера?

— Совершенно верно,— сказала удивленная Евгения.

— На мосту Челси?

— Не помню точно. Я проезжала в экипаже.

— И вышли из него в парке, мадонна?

— Нет, не останавливаясь ни на минуту, я поехала домой.

— Это очень нескромный вопрос, но вы извините его, узнав причину моего посещения, — проговорил маркиз по-испански. — И вы ни одним словом не обменялись с Олимпио на мосту или в паркѣ?

— Слова ваши в высшей степени удивляют меня. Я видела дон только мельком, ни о каком разговоре не могло быть и речи!

— Ну, значит, дон Олимпио Агуадо погиб, потому что приглашенный на свидание запиской, написанной вашей рукой, он до сих пор не возвратился!

— Свидание, записка? — повторила Евгения, отшатнувшись от маркиза. — Здесь, господин маркиз, какое-то недоразумение! И дон Олимпио до сих пор не возвратился? Вы поражаете меня, я ничего не понимаю!

Теперь настала очередь маркиза удивляться: неужели, думал он, она притворяется? И, поборов себя, снова обратился к ней:

— Не скрытничайте, графиня, будьте откровенны — дело идет о жизни человека! Я человек честный и умею уважать и хранить тайну! Скажите, вы писали это письмо Олимпио?

Клод достал из кармана маленькую раздушенную записку, полученную им незадолго до его свидания с бесследно исчезнувшим товарищем. Записку эту он передал удивленной Евгении.

— Клянусь всеми святыми, господин маркиз, что я не писала ни одного слова дону Олимпио! — уверяла графиня.

— Даже этих строк, написанных женской рукой?

Евгения схватила письмо и посмотрела на почерк.

— К счастью, я могу доказать вам, что это вовсе не моя рука! Пожалуйста, господин маркиз, подойдите к этому столу и раскройте альбом, куда я записываю мои любимые стихи — вот мой почерк, потрудитесь сравнить его с вашей запиской!

— Тогда я совершенно не понимаю, что случилось, но необходимо решить эту трудную задачу.

— А я тем более, — проговорила Евгения, желая скрыть слова ворожеи, по совету которой отправилась она на мост Челси.

— Без сомнения, это чья-то злая мистификация, — сказал Клод. — Непонятнее всего то, что дон Олимпио с того самого вечера исчез положительно без всякого следа.

— Значит, с ним случилось несчастье! — проговорила Евгения с живейшим участием. — Боже мой, это ужасно!

Маркиз видел, что графиня, несмотря на все старания, не в силах скрыть душевного волнения.

— Я явился к вам, мадонна, с целью получить хоть какие-нибудь сведения. Теперь же я почти убежден, что несчастный друг мой сделался жертвой чьей-то ненависти. Но что всего более удивляет меня, так это странная встреча Олимпио с вами, которую он, после получения записки, надеялся видеть на мосту.

— В самом деле, маркиз? — вскричала Евгения, просяив от удовольствия при этих словах.

— Я принес вам доказательство, без которого не осмелился бы явиться к вам.

— Но я уверена, что дон Олимпио вернется; он настолько храбр и силен, что отразит всякое нападение,— говорила Евгения. Какая это, однако, странная встреча. Она думала, что письмо, полученное доном, передано было ему ворожеей, но только как та могла знать о ее знакомстве с Олимпио?

— Предположения мои подтверждаются тем обстоятельством, что слуга Олимпио также стал жертвой ненависти одной особы, преследующей его за то, что он открыл убежище дочери смотрителя Мадридского замка.

— Разве Долорес, та молодая девушка, тоже в Лондоне?

— Да, и, вероятно, недалеко от вас.

— Ну так советую вам, господин маркиз,— проговорила Евгения с плохо скрытой насмешкой,— советую вам там разыскивать дона Олимпио. Надо полагать, он находится у молодой сеньоры, которая однажды хвасталась мне его любовью.

— Не может быть, мадонна, так как Олимпио неизвестно было, где именно скрывается Долорес.

— О, не беспокойтесь! Он без вашего ведома и совершенно другими путями мог напасть на ее след и теперь наслаждается ее обществом! Говорят, что любовь слепа, на деле же часто выходит иначе! Дон Олимпио, встретясь со мной на мосту Челси, отправлялся, вероятно, к молодой сеньоре! Но это нисколько не удивляет меня — на свете случаются и не такие вещи!

Выслушав экзальтированную речь графини, Клод де Монтолон слегка усмехнулся: он почувствовал, что здесь замешана ревность — графиня до сих пор любила Олимпио.

— Зачем, не имея доказательств, допускаете вы скорее худшее, чем лучшее, мадонна? Я бы на вашем месте поступил совершенно иначе.

— Извините, господин маркиз, но если придерживаться вашей теории относительно мужчин, то уж очень часто придется разочаровываться,— смеясь, проговорила Евгения.

— Сожалею о том, над кем производили вы эти опыты.

— И я тоже сожалею! Но докажите мне, что я не права и ошибаюсь!

— Это не очень-то легко, мадонна, так как у меня нет под рукой примера!

— Стало быть, вы предполагаете, что задушевный друг ваш скорее послужит доказательством моей теории, чем вашей?

— Олимпио — честный человек. И если в сердце его происходит борьба, то нисколько не виноват в этом. Он любит Долорес и будет принадлежать ей, хотя в то же самое время он готов пожертвовать своей жизнью для вас — если только вы пожелаете. Что делать, но сознаюсь — это правда!

— Время покажет! Ну а вы, господин маркиз?

— Про себя я скажу то же самое. Доверьте мне какое-нибудь дело и вы убедитесь в моей преданности.

— Слова ваши удивляют и трогают меня, хотя в настоящее время я не могу дать вам возможности доказать мне их на деле.

— И это покажет будущее, мадонна! Но прежде всего мне необходимо отыскать Олимпио.

— Едва ли это удастся вам сегодня вечером. От имени моей матери, графини, приглашаю вас на сегодняшний праздник,— проговорила Евгения, на которую обещание маркиза произвело очень приятное впечатление; какое-то предчувствие подсказывало ей, что помощь и дружба таких людей будут ей впоследствии необходимы. Прежде всего,— продолжала она,— ловлю вас на слове — пожертвовать мне всем, если я этого потребую! Это очень смелое требование, но обещание еще смелее!

— Я обещаю вам это, мадонна!

— И принимаете мое приглашение, господин маркиз?

— Да, пусть это будет первым доказательством моей преданности. От души сожалею, что Филиппо и Олимпио не могут разделить со мной приглашение.

— Итак, отправимся в залу! Там уже собрались, вероятно, некоторые гости, так как разговор этот, для меня чрезвычайно важный, задержал нас. Вашу руку, господин маркиз!

Клод де Монтолон тотчас же исполнил требование Евгении, которая, проходя мимо зеркала, должна была признать, что он очень строен и они составляют прекрасную пару.

Графиня была несколько удивлена, увидев свою дочь, царицу бала, под руку с маркизом, но, благодаря привычке маскировать свои чувства, ничем не выказала своего удивления и поздравила маркиза с приездом в Англию.

Роскошная зала госпожи Монтихо разделялась на три части: сначала входили в приемную, затем в столовую и, наконец, в гостиную, где стоял превосходный рояль, на котором Евгения изредка играла для гостей; кроме того, здесь было множество игорных столов, за которыми после ужина обычно восседали мужчины. Была еще одна маленькая, круглая комната, тяжелой портьерой отделенная от столовой и известная под названием шахматной комнаты. На мягком диване, стоявшем под роскошной картиной, могли поместиться только двое. Мраморный камин, стол с шахматной доской и два стула — больше ничего не было в этой уютной комнате, да ничего и не нужно было более. Ковер на полу, красивая лампа с матовым абажуром, создававшим таинственный полумрак, придавали ротонде особый уют, манивший сюда тех, кто хотел отдохнуть от шума и побыть наедине. Шахматная игра служила только предлогом, скрывавшим интимные сцены, разыгрывающиеся за этой портьерой.

Когда Евгения и маркиз вошли в залу, там находились уже Карл Мальборо, Генрих и министр Вулков; минуту спустя все комнаты заполнили важные, изящно одетые гости. Позже всех и не обратив на себя ничьего внимания приехал лорд Сунфловер с принцем Наполеоном, которого он ввел и представил. Занятые разговорами гости, казалось, не особенно заинтересовались принцем, который, со своей стороны, беседовал в основном с графиней и министром Вулковом. Многие важные сановники Англии приезжали сюда, чтобы отдохнуть и насладиться лицезрением красоты графини Евгении.

В стороне от гостей Клод де Монтолон издала внимательно наблюдал все общество. Не вмешиваясь в разговоры, он решил посвятить этот вечер наблюдению, чтобы составить себе понятие о кружке, среди которого вращалась Евгения. Это удалось ему как нельзя лучше! После роскошного ужина он случайно подслушал разговор между дочерью и матерью; разговор этот был немногословен, но произвел на него самое тягостное впечатление.

— Любезная Евгения,— прошептала графиня, когда оживленно беседующие гости отвлеклись от них, и один только Клод слышал этот разговор.— У меня есть к тебе небольшая просьба.

— Что желает дорогая моя мать? — тихо спросила Евгения, приближаясь к графине.

— Добрый сеньор Генрих,— проговорила хитрая госпожа Монтихо по-испански, чтобы никто не понял ее слов (лишь немногие были знакомы с этим языком),— только что оказал мне новую услугу! Он необыкновенно любезный кавалер, хотя и мещанского происхождения.

— Я знаю, что ты предпочитаешь его всем другим! Но скажи, пожалуйста, что случилось с этим Генрихом? — спросила Евгения.

— Он жалуется на твою холодность!

— Это очень странно! Не могу же я оказывать ему большее расположение, чем другим гостям. Мне кажется, я со всеми одинакова!

— Совершенно верно, любезная Евгения, ты умна и искусна! Но мне бы очень хотелось, чтобы сегодня вечером ты сыграла с Генрихом партию в шахматы. Он убедительно просил меня об этом. Не знаю, что именно он желает сообщить тебе, но во всяком случае, вероятно, что-нибудь очень важное, и мне не хотелось бы отказать ему в этой ничтожной просьбе.

— Ты знаешь, что я свято исполняю все твои желания,— ответила Евгения,— и согласна сыграть с Генрихом партию в шахматы.

Графиня быстро пожала руку дочери и, поговорив недолго с Вулковым, сделала многозначительный знак рукой Генриху, с напряженным вниманием издала следившему за разговором дочери с матерью. Поболтав немного с лордом Сунфловеном, Евгения в сопровождении всего общества двинулась в столовую.

В то время как она играла на рояле какое-то сочинение Мальборо, слуги расставляли столы. Графиня руководила всем с достойной удивления предусмотрительностью.

Но вот звуки музыки смолкли; Генрих повел Евгению в столовую, откуда, не замеченные гостями, прошли они в шахматную комнату.

Клод де Монтолон следил и наблюдал за всем; он видел, что большинство знатных гостей, не довольствуясь вистом и преферансом, принялись за азартные игры. Громадные суммы выигрывались и проигрывались; некоторые гости, явно игроки по профессии, держали банк, и маркиз издала заметил, что играли фальшиво; сначала он не поверил своим глазам, но при дальнейшем наблюдении ему стало ясно, что не только красота Евгении притягивает сюда посетителей, но что здесь расставлены хитрые сети, в которые ловят богачей

Лондона. Под этими балами и вечерами скрывается притон азартной и шулерской игры.

Со всех сторон стекались к столам многочисленные гости; лакеи разносили вина, золото переходило из рук в руки, целые состояния проигрывались и выигрывались здесь.

— Ужасно, — бормотал Клод, намереваясь незаметно ускользнуть из залы, — какое странное и разношерстное общество собирается в этой зале. Необходимо спасти Евгению от этой обстановки! Я даю слово, что во что бы то ни стало вырву ее из этого кружка! Олимпио и Филиппо не откажутся, конечно, помочь мне в этом.

Никем не замеченный, оставил он дом графини и отправился в свою квартиру на улице Ватерлоо. Он не узнал ничего об Олимпио и не предугадывал страшной судьбы Филиппо, погибшего так бесславно на груди своей любовницы. Но Жуана отомстила...

XI

ПАРТИЯ В ШАХМАТЫ

Теперь посмотрим, что делалось в маленькой шахматной комнате после ухода маркиза.

Генриху было 25 лет. С сильно бьющимся сердцем, с отчаянием, которого, наверно, не испытывал ни один из блестящих поклонников Евгения, переступил он порог уютной маленькой комнаты.

Положение Генриха было самое критическое, он почти окончательно растратил кассу и дрожал при мысли, что не сегодня, так завтра преступление его будет открыто. Его поддерживали сумасбродные планы, которые он строил, и только одна надежда — надежда на руку и сердце прелестной Евгении. Для нее готов он был всем пожертвовать — матерью, родиной, честью! Если бы она согласилась разделить с ним свою судьбу, он надеялся вместе с ней бежать на ту сторону океана и там насладиться новой жизнью.

Несчастный ослепленный глупец и не подозревал, как далеко от него Евгения, которая мечтала быть королевой!

Он нарочно выбрал этот вечер, в который должна была решиться его судьба. Через неделю произойдет ревизия опустошенной кассы, и преступление его будет открыто!

В боковом кармане его находился заряженный револьвер, отчаяние его было беспредельно: если Евгения не согласится принадлежать ему, он сделает то, чего никто не ожидает на этом веселом празднике. Позволение вести Евгению в шахматную комнату показалось ему благоприятным знаком; худое бледное лицо его слегка порозовело. Он дрожал, чувствуя прикосновение руки графини, она же ничего не замечала. Генрих имел для нее так мало значения, что, идя рядом с ним, она думала о чем угодно, только не об этом человеке и шахматной партии, на которую согласилась по просьбе матери. Генрих приподнял портьеру, Евгения первой вошла в

маленькую слабоосвещенную комнату, в которой он еще ни разу не был. Лампа распространяла магический свет, благоухающие цветы стояли возле камина, над диваном висела прекрасная картина, изображавшая битву Геркулеса со львами. На овальном столике лежала шахматная доска с красивыми, мастерски вырезанными фигурами. Генрих опустил портьеру и остался наедине с Евгенией. Наконец-то настала так давно ожидаемая минута! Сердце его, казалось, перестало биться от волнения, от любви и страха, он не знал, что говорит, будто губы его свела судорога и они больше не повиновались ему.

Вероятно, немало кавалеров преклоняли колени перед этим диваном, и недаром графиня предназначила эту ротонду для игры в шахматы, при которой необходимо сосредоточиться, быть спокойным или, по крайней мере, казаться таким. Кто хочет одержать победу, не должен находиться в возбужденном состоянии, которое ослепляет людей и делает их неосторожными; кто занят более глазами прелестной партнерши, чем шахматными фигурами, тот едва ли в состоянии выиграть партию. Именно это происходило с несчастным Генрихом.

— Наконец-то настала блаженная минута,— проговорил он, когда Евгения опустила на один из стульев,— когда я могу быть наедине с вами.... О, графиня, вы не знаете, с каким страстным нетерпением ожидал я этого часа! Но нет, вы должны были знать, должны были заметить...

— Нельзя ли без предисловий, мистер Генрих,— насмешливо проговорила Евгения,— я верю наперед всему, что вы намерены сказать мне. Садитесь, пожалуйста, и расставляйте фигуры. Я не очень искусна в шахматной игре и опасаясь, что партия наша продлится недолго.

— Я бы желал, чтобы она длилась вечно,— возразил Генрих глухим голосом, устанавливая шахматы.

— Вечно, да ведь это ужасно, мистер Генрих! Нисколько не стесняясь, вы начинаете высказывать мне такие комплименты, которые...

— Вы уже так часто слышали.

— О нет, напротив,— засмеялась Евгения,— которые нельзя назвать комплиментами. Пожалуйста, начинайте. Но, Боже мой, вы необыкновенно бледны, мистер Генрих, вы дрожите! Что с вами?

— Ничего, графиня, я здоров, совершенно здоров, а дрожание рук у меня часто бывает.

— О, это должно быть неприятное положение для писца. Ведь вам, вероятно, приходится очень много писать, мистер Генрих?

Намеревалась ли графиня охладить молодого гражданина этими словами, чтобы избавиться от объяснения, которого она так опасалась, или же хотела уколоть Генриха его низким происхождением? Скорее последнее. Но она не достигла своей цели, потому что тот, к кому относился этот вопрос, не обратил на него того внимания, которого следовало ожидать, если бы он не был в столь отчаянном, критическом положении.

Генрих даже не расслышал этих слов, он приготавливал фигуры к битве, думая в то же время о другой битве и другом нападении; он глядел на шахматную доску и соображал, как бы удобнее приступить к объяснению.

Он все еще надеялся, что, тронутая его любовью, Евгения протянет ему свою нежную маленькую руку, которая играла теперь роскошным веером. Она смотрела перед собой, думая об Олимпии, о словах Монтолона и о том, сдержит ли он свое обещание. Если бы эти три друга действительно сделались ее спасителями! Она думала о предсказаниях ворожей и все сильнее и сильнее овладевала ею мысль о близкой и необходимой помощи трех отважных испанцев. Что значат в сравнении с ними эти герцоги, лорды, бароны и другие вельможи, посещающие их дом? Они не что иное, как пустые, ничтожные куклы в сравнении с ее испанскими друзьями.

Когда Генрих дрожащими руками расставил шахматные фигуры, то точас же начавшаяся игра показалась ему насмешкой, бесплодной тратой дорогих и так трудно доставшихся ему минут, игрой на жизнь и смерть! Но ему не хотелось умереть, не достигнув своей цели.

Он поднял глаза на Евгению, которая, как всегда, была чудно хороша. Он чувствовал, что не в состоянии жить без нее, что даже если бы не его растрата, он все равно лишил бы себя жизни, если бы знал, что она будет принадлежать другому.

Несчастный юноша находился в лихорадочном возбуждении. Нет, он не мог пережить потерю графини Евгении.

Как она была прекрасна! Голубое атласное платье, охватывавшее стройный стан, подчеркивало ее гордую осанку и необыкновенно шло к нежному цветку ее лица и роскошным золотым волосам. Точно из мрамора выточенная шея, великолепные плечи, красивый профиль испанки — прямой, с небольшой благородной горбинкой нос, рот с изящно очерченными яркими губами и темно-голубые глаза, обрамленные длинными ресницами — это сочетание южной красоты черт с изысканными светлыми красками англичанки, сочетание гордости и нежности, было так очаровательно, что вызывало восхищение каждого, кто видел ее.

Наконец, Евгения заметила, что Генрих закончил все приготовления к игре.

— Начинайте, предоставляю вам первый ход, — проговорила она, делая небрежный знак рукой.

Недорогая награда за все принесенные ей жертвы! Вольно же ему шутить и разоряться, какое до этого дело графине!

Генрих сделал первый ход, она отвечала. Он играл, не размышляя, она видела это и смеялась.

— На что же мы играем, мистер Генрих? — спросила она, наконец.

— На мою душу, графиня.

— О, пожалуйста, не принимайте меня за демона! Признаюсь вам, я не знала бы, что сделать с вашей душой.

— Души могут любить друг друга, графиня.

— Вы шутите, мистер Генрих! Но шутка эта совсем неуместна.

— Евгения, я не шучу! — вскричал несчастный, вскакивая из-за стола и бросаясь на колени перед графиней.— Да, именно мою душу продал я для вас, слышите ли, для одной вас, Евгения!

— Осторожнее, мистер Генрих — вы разоряли все шахматные фигуры.

— Прочь их, я не в силах больше скрывать то, что чувствую! Выслушайте меня и произнесите потом ваш приговор.

Евгения быстро поднялась.

— Это вовсе не относится к партии в шахматы, которую согласилась я играть с вами,— произнесла она холодно и сурово.

— Давно уже проиграл я свою жизнь, Евгения, сегодня ночью должно все решиться, медлить больше невозможно! Будьте моей, Евгения, я не могу жить без вас!

— Вы пьяны, мистер Генрих!

— Да, я пьян твоей красотой, опьянен желанием обладать тобою! Будь моей! Ради Бога, будь моей, Евгения, и ты спасешь меня от смерти,— страстно молил несчастный юноша бездушную красавицу.

— Вы пугаете меня, мистер Генрих, я позову слуг, если вы не встанете.

— Зови всех, ты не устроишь и не поднимешь меня с колен. Неужели ты думаешь, что любовь моя так слаба, что испугается этой угрозы? Из-за нее делал я и не такие вещи, она заставила меня стать преступником. Выслушай меня! Сжался надо мной, Евгения! Бежим со мною в другую часть света! По ту сторону океана найдем мы убежище, где будем наслаждаться жизнью! Люби меня! Бежим вместе.

Евгения весело расхохоталась.

— Как, дорогой мой мистер Генрих, вы желаете, чтобы я разыграла с вами робинзонаду? Или хотите изобразить Павла и Виргинию? Ха-ха-ха! Да вы превосходно разыгрываете комедию! Но во всяком случае, мистер Генрих, было бы глупым ребячеством поселиться с вами на уединенном острове, ха-ха-ха! Время подобных сказок давно прошло! Надеюсь, мистер Герних, что вы шутите!

— Твой смех убивает меня, Евгения, не доводи меня до крайности! Бежим в Америку и вместе будем блаженствовать там! Я потерял все, что у меня было, моя честь поругана и мои средства истощились! Поедем вместе! Я понесу тебя на руках! Я люблю тебя так пламенно и безумно, что мне остается только два выхода — бежать с тобою или умереть у твоих ног.

— Замолчите, мистер Генрих, или я позвоню!

— Сжался надо мной, Евгения! Я люблю тебя! Не смейся так дьявольски презрительно — я за себя не отвечаю, я способен на все!

Слова и движения несчастного юноши испугали Евгению. Его лихорадочно блестящие глаза, дрожащие руки, его безумная речь заставили ее опасаться худшего. Он обнимал ее колени, он молил ее. Но что могла она дать бедному маленькому чиновнику? Она про-

тянула руку к колокольчику, стоявшему на столе, и медленно проговорила:

— Итак, вы принуждаете меня к этому?

— Евгения, подожди! Подожди минуту! Ты не хочешь быть моею, не хочешь бежать со мной?

Графиня положительно не знала, что делать, так как не подозревала всю глубину отчаяния Генриха. Она думала, что в нем говорит оскорбленное самолюбие, и насмешками хотела привести его в чувство и обратить все это событие в шутку! Не могла же она допустить, чтобы история с Генрихом сделалась предметом всеобщего разговора!

— Бегите сначала вы,— смеялась она,— прелестный Тристан! Изольда последует за вами! Вместе будем мы удить рыбу на обед и смывать пот с лица в волнах океана!

Генрих взглянул на Евгению — он видел, что она издевалась над ним! Долго, пристально вглядываясь он в ее черты, потом мгновенно выхватил револьвер из бокового кармана, и прежде чем графиня успела вскрикнуть или схватить звонок, оружие блеснуло в его руках — несчастный приставил его к своей груди.

— Прощай, Евгения! Прощай, милая моя мать!

Прогремел выстрел, Генрих упал к ногам испуганной, растерявшейся графини.

ХИ

МИСС ГОВАРД

Вернемся теперь к тому вечеру, когда Олимпио сделался жертвой хитрого слуги Эндемо.

Возвратясь во дворец своего господина, Джон сообщил ему, что его противник уже не существует. И действительно, темные волны Темзы поглотили Олимпио. Только чудо, какой-то необыкновенный случай могли спасти его. Но Олимпио не суждено было погибнуть от происков Эндемо, ему предстояла другая будущность, и смертный час его еще не пробил, судьба, видимо, хранила Олимпио для чего-то важного.

Как мы помним, неожиданно сброшенный в воду, Олимпио отчаянно боролся с волнами, но снова погружался он в воду и, выплывая, пытался вскарабкаться на скользкий крутой берег. Он захлебывался; в глазах его потемнело, он лишился чувств, и руки его бессильно распростерлись по воде. Он умирал, не увидав Долорес, не зная, кто привел его к гибели, но смутно сознавал, что это связано с Эндемо и его преследованием Долорес. Ее образ возник в его угасающем сознании, она, как живая, простирала к нему руки, будто взывая о помощи.

Этот образ сопровождал его в темную бездну. Но судьба улыбалась Олимпио.

Случилось, что после обеда в субботу некто мистер Элиас Говард, занимавший должность управляющего доками, поплыл в лодке в доки с целью неожиданной ревизии.

Мистер Говард был еще не стар, крепок и здоров, очень добр к подчиненным, если они были добросовестны, но строг и неумолим при малейшем упущении. В то же время, несмотря на эту строгость, он помогал деньгами тем, кто по его милости лишился должности. В этих случаях настоящим ангелом-хранителем была его супруга, употреблявшая все свое влияние на мистера Говарда. Она происходила из богатой семьи, была хороша собой и весьма добродетельна.

Единственным ребенком этой почтенной пары была девушка 18 лет, мисс Софи Говард, которую мы скоро узнаем довольно близко. Но должны заметить, что душевными качествами своими она не походила на мать, была скрытна и склонна к фантазиям, направленным в дурную сторону. Этот недостаток, не известный родителям Софи, скоро достиг крайних пределов и повлек за собой тягостные для семьи последствия.

До этого времени Софи была доброй девочкой, немного избалованной, что почти неизбежно, когда ребенок один в семье, немного упрямой и скрытной, но полной любви к своим родителям.

Мистер Говард, охотно проводивший свободные часы в обществе своей семьи, предложил жене и дочери поехать вместе с ним в лодке, а так как погода после обеда была превосходна, те с радостью согласились. Подобная прогулка вниз по Темзе всегда была очень приятна и доставляла всему семейству много удовольствия и развлечений.

Софи была тиха и сосредоточена; отец, занятый рассмотрением окрестных кораблей, не обратил на это внимания; что касается матери, то она хорошо знала тайную причину душевного состояния дочери.

За несколько дней перед этим друг Говарда, сир Вильям Аллан, ввел в их семью нового гостя, который произвел сильное впечатление на Софи. Этот охотно принимаемый Говардом гость был принц Людовик Наполеон, племянник императора, умершего на острове Св. Елены.

Принц отличался не только красивой наружностью, но также весьма умной головой и умением располагать к себе людей, так что заслужил расположение не только Софи, но и самого мистера Говарда.

Расположение Софи к Людовику росло и скоро обратилось в безумную любовь. Она готова была пожертвовать ему всем, что было ей прежде так дорого и свято. Все ее существо рвалось к нему, и бесконечная радость овладевала ею, когда он находился вблизи.

Не будем распространяться о том, любил ли и принц когда-нибудь Софи. Его отношения и последующие поступки ясно докажут нам это. Во всяком случае, ему было приятно видеть возрастающую склонность к нему молодой, прелестной девушки, встречать в доме

ее родителей гостеприимство, которое в то время было ему необходимо и за которое впоследствии он заплатил такой неблагодарностью, что она вечным позорным пятном легла на всю историю его жизни. Он принадлежал к числу людей, уважающих других только до той поры, пока те им нужны, потом он бросал их как лишнюю, негодную вещь, не заботясь о том, что она разобьется вдребезги.

Мистрис Говард скоро заметила, что ее единственное дитя оказывает принцу больше внимания, чем остальным гостям их дома, но по сердечной доброте своей скрыла это открытие от супруга, опасаясь, что он стеснит любовь Софи каким-нибудь строгим бесповоротным решением. Непреклонный мистер Говард счел бы, конечно, своей обязанностью образумить дочь и безжалостно разрушил бы ее девические мечты. Он заглушил бы любовь в зародыше, если бы видел, что она ничего не может дать его дочери, кроме несчастья. А это последнее было неизбежно, так как он хорошо сознавал возможность того, что принц Наполеон овладеет французским престолом, доверить же своего единственного ребенка человеку, претендующему на корону, было, по его справедливому мнению, верхом безумия. Он сам говорил, что еще одно возмущение народа, и Луи-Филипп не устоит, престол Орлеанского дома рухнет, а принц Людовик — единственный наследник французской короны. Действительно, девушка стояла на краю гибели, не подозревая этого.

Мистер Говард так ясно и решительно высказал свой взгляд по этому поводу, что супруга его потеряла всякую надежду изменить когда-либо его взгляд. К тому же принц не произнес пока ни одного серьезного слова, касающегося Софи. Он был внимателен, любезен, но что касается любви, то на нее не было ни малейшего намека.

Итак, в тихое семейное счастье Говардов вторгся элемент, который при некоторых обстоятельствах мог окончательно разрушить его.

Положение принца в это время было критическое. Материальные средства его совершенно истощились, так что все друзья и старые знакомые отвернулись от него, давая понять, что не намерены более снабжать его деньгами.

В таких стесненных обстоятельствах обратился он к богатому мистеру Говарду, и этот честный человек, не сказав ни слова жене и дочери, одолжил принцу огромную сумму, которая спасла и выручила его.

Софи получила превосходное образование и больше всего любила музыку; она пела и виртуозно играла на рояле, развлекая по вечерам небольшой кружок знакомых. С принцем она разговаривала о Германии, Франции и Америке, слушала его рассказы о театре и литературе, и с каждым днем все более привязывалась к этому умному, образованному молодому человеку.

В таком положении были дела, когда мистер Говард с женой и дочерью отправился в доки. Мистрис Говард была задумчива; Софи, сидя рядом с родителями, мечтала о принце; она чувствовала, что любовь ее обратилась во всепоглощающую страсть, что она готова всем пожертвовать для него.

Ревизия дока, удавшаяся как нельзя лучше, скоро кончилась, и мистер Говард находился в отличном расположении духа. Его опасения относительно каких-то неисправностей оказались неосновательными, а это было для него самым радостным событием.

— Все в порядке! — вскричал мистер Говард, снова садясь в лодку.— Я всегда счастлив, когда дела идут гладко, как по маслу. Ну, двинемся теперь в обратный путь!

Наступил вечер. На прибрежных улицах зажглись фонари, монотонный говор корабельных работников смолк; там и сям сновали лодки; изредка слышалась матросская песня да раздавались с кораблей оклики часовых. Мистрис Говард и Софи, занятые своими мыслями, не обращали внимания на окрестности, только когда Говард снова вошел в лодку и гребцы дружно налегли на весла, они прислушались к замечаниям, которые он делал, стоя на носу лодки и обозревая окрестности. Говард интересовался жизнью на воде, много знал и любил рассказывать.

Лодка быстро скользила по волнам; нужно было пройти порядочное расстояние до улицы Кинг, где находился дом Говардов. На Темзе уже стало тихо и пусто, темнота усилилась, они миновали множество мостов, проехав между их сводами.

В этой оживленной части города, в особенности на мостах, был страшный шум и толкотня. С середины реки виднелись только контуры берегов и мерцавшие вдаль, подобно звездам, огни фонарей.

Когда лодка Говардов доехала до поворота, который образует Темза возле моста Ватерлоо, большая часть пути была уже пройдена. Проехав Вестминстерский и Ламбетский мосты, они увидели вдаль темную массу деревянного моста Челси. Когда лодка уже подходила к этому мосту, сидящие в ней услышали вдруг отчаянный крик о помощи; это был хриплый, захлебывающийся голос утопающего.

— По ту сторону моста гибнет человек! — вскричал мистер Говард.— Живо, ребята! Поспешим на помощь к несчастному!

На лице мистрис Говард выразилось сострадание, Софи также была взволнована.

Гребцы последовали указанию Говарда, и лодка стрелой полетела под мост, по другую сторону которого царил непроходимый мрак, так как берег Темзы там уже не освещался фонарями.

— Ничего не видно,— проговорил мистер Говард,— а между тем голос слышался как раз отсюда! Ни лодки, ни человеческой души поблизости, и ко всему такая страшная темнота!

Лодка приблизилась к месту, где за несколько минут перед этим Олимпио погрузился в воду; если бы мистер Говард подоспел минутой ранее, то, без сомнения, спас бы испанца, теперь же на это плоха была надежда, так как Олимпио снова погрузился в волны.

— Там, о Боже мой! — вскричала неожиданно Софи, показывая рукой на чернеющую в отдалении точку,— там что-то плывет по волнам, скорее!

Взглянув на место, указанное дочерью, Говард разглядел руку, распростертую по воде, он дал направление лодке, и она помчалась вперед.

Мистрис Говард была в страшном волнении, она боялась, что муж ее, спасая несчастного, сам подвергнется страшной опасности, потому что он, стоя на носу лодки, уже перегнулся через борт, хватая утопленника за руку.

— Элиас, ради Бога! — вскричала она, закрывая лицо руками.

— Отец! Несчастный гибнет! — раздался одновременно крик Софи.

Говард с опасностью для жизни, перегнувшись через борт и загребая руками воду, которая снова поглотила Олимпио, схватил его за платье; лодка под тяжестью утопающего резко накренилась.

В эту критическую минуту у мистрис Говард дух захватило от ужаса, а Софи бросилась к отцу, чтобы чем-нибудь помочь ему.

— Стой! — скомандовал Говард, и лодка остановилась на месте. — Я держу его! Он чертовски тяжел, но я его все-таки не выпущу! Скорее два человека на помощь, чтобы втащить его в лодку!

Софи старалась успокоить мать, в то время как два гребца поспешили к Говарду, который едва удерживал тело. С помощью сильных гребцов его с трудом подняли в лодку. Он положительно походил на мертвеца! Неподвижный, в мокром платье и с мокрыми волосами лежал несчастный на дне лодки.

— Может, удастся спасти его, — проговорил мистер Говард, и гребцы согласились с ним. — Это он просил помощи, и мне кажется, его можно будет привести в чувство!

— Но каким образом попал этот несчастный в Темзу, — спросила Софи. — Одежда показывает, что он знатного происхождения! Ведь еще так недавно проезжали мы под мостом Челси!

Мистер Говард наклонился, внимательно осматривая утонувшего.

— Он высок и тяжел, неудивительно, что не мог долго держаться на воде, такие тела никогда не всплывают. Вперед, ребята! Я возьму спасенного к себе в дом! Там, надеюсь, нам удастся привести его в чувство! Мне уже показалось, что он шевельнулся; во всяком случае, мы исполним свой долг!

Исполнять свой долг было принципом жизни Говарда. Будь на месте знатного Олимпио простой нищий, он с такой же готовностью спасал бы и его, да еще, кроме того, если бы тот пришел в чувство, снабдил его значительной суммой денег. Отец Софи был человек, не разбирающий чинов и званий, оказывающий каждому помощь, какую только в состоянии был оказать.

Мистрис Говард тоже наклонилась над Олимпио, взглянула на него и сострадательно промолвила:

— Несчастный человек! Возьмем его к себе в дом. Хорошо еще, что мы подоспели вовремя! Но какой у него жуткий вид, боюсь, что наши старания возвратить его к жизни окажутся бесплодными.

— Не беспокойся, — возразил ее супруг, услышав эти слова, — нам это удастся. Положись на меня, я достаточно опытен! Довезти

бы его только до дому, а там с помощью всевозможных средств мы приведем его в сознание.

Лодка тронулась, чтобы доставить в улицу Кинг семейство Говардов и неожиданного беспомощного гостя.

Между тем Олимпио не проявлял ни малейших признаков жизни, казалось, он никогда уже более не проснется.

Лодка достигла, наконец, пристани. Два матроса поспешно перенесли утопленника в дом мистера Говарда. Там его положили на постель и с помощью призванных врачей начали использовать все средства, к которым прибегают в подобных случаях.

Мистер Говард, действительно, готов был на все, только бы возвратить несчастного к жизни. Старания его, наконец, увенчались успехом. Олимпио открыл глаза и спросил, где он находится.

Но не успели задать ему вопрос об его имени, как он снова впал в забытие, которое казалось всего опаснее. На скорое выздоровление незнакомца Говарды не могли надеяться. В платье его, которое сняли, закутывая его в шерстяные одеяла, не нашли никаких бумаг, свидетельствующих о личности. Казалось, незнакомец впал в тяжелую болезнь, потому что на следующий день у него началась горячка, он бредил на иностранном языке, в котором мистер Говард узнал испанский. В этом бреде первую роль играли имена Евгении и Долорес; он называл их поочередно, воображал себя то в монастыре, то в борьбе с христиносами, то в темных, холодных волнах реки.

Имена Филиппо и Клода тоже часто повторялись в бреде, но они были не известны никому из окружающих и ничего не могли объяснить им.

Олимпио пользовался в доме мистера Говарда отличным уходом и был окружен заботой. Положение его все еще оставалось опасным, и хотя он избег смерти в воде, жизнь его висела на волоске.

Между тем Олимпио тщетно разыскивали маркиз и Валентино. Они не могли напасть на его след, когда же отыскиали труп Филиппо, то решили, что и Олимпио, возможно, сделался жертвой чьей-нибудь мести.

Положение Клода де Монтолона было весьма трудным: не найдя Олимпио, он не мог ничего предпринимать для спасения Долорес, потому что боялся повредить ей. Валентино же был неутешен и беспрестанно уверял, что Олимпио Агуадо стал жертвой происков Эндемо.

Смерть Филиппо произвела тяжелейшее впечатление на маркиза. Когда похоронил он своего друга вместе с несчастной Жуаной, им овладело тоскливое чувство одиночества. Сколько сражений и опасностей перенесли они, но всегда были вместе, никогда не были так страшно разъединены, как в эту минуту. Клод дал себе слово, что как только разыщет Олимпио, тотчас же оставит этот проклятый Лондон. Тогда легко будет спасти Долорес и забрать ее с собой. Куда именно поедут они, решат Олимпио и графиня Евгения, которую он также намечервал вырвать из отвратительного кружка ее матери. Маркиз проклинал Лондон и Эндемо, которого он, как и Валентино, считал причиной всех несчастий. Филиппо умер; оставалась одна надежда —

найти Олимпио, но и эта надежда была совершенно беспочвенной, так как о нем не было решительно никаких известий.

Мистер Говард считал честью для своего дома ухаживать за спасенным им чужестранцем. Употреблены были все возможные средства, чтобы победить его болезнь, которая оказалась чрезвычайно опасной и продолжительной.

Скоро в великоприимном доме мистера Говарда все вошло в обычную колею. К величайшей радости мисс Софи, снова явился принц Наполеон и по-прежнему принимал участие в разговорах, обедах и еще старательнее завлекал молодую девушку. Отец скоро тоже заметил склонность своей дочери к принцу и решил переговорить по этому поводу с супругой, которая занималась воспитанием Софи.

Когда дочь удалилась в свою спальню, между супругами произошел следующий разговор.

— Элиас, ты не захочешь, конечно, разрушить надежды и счастье нашего ребенка! Софи любит принца Людовика и решительно объявила мне, что не может жить без него.

— Ребячество,— проговорил Говард серьезно,— и я не буду придавать ему значения! Не выдавая меня, ты должна сказать Софи, что я не ожидал от нее таких мыслей, не думал, что она по легкомыслию причинит нам горе. Не может жить без принца! Никогда не соглашусь я на брак Софи и не сделаю для него ни малейшего шага.

— Ты черств и холоден, Элиас; девочка наша молода и неопытна. Что случилось бы с Софи, если бы она слышала твои жестокие слова! Она так пылко, так горячо любит принца.

— И она обязана заглушить эту любовь, потому что он никогда не протянет ей своей руки.

— Он беден, а у нас есть значительное состояние! Я готова пожертвовать им для счастья нашего ребенка; если мы предложим принцу большую сумму в приданое, он, не колеблясь, сделает Софи принцессой. Слышишь, Элиас, дитя наше может быть принцессой!

— Никогда еще не была ты так близорука, как на этот раз,— с удивлением проговорил мистер Говард.— Неужели ты не понимаешь, что брак с принцем влечет за собой неминуемую гибель Софи? Если даже принц согласится назвать ее своей женой, в чем я, впрочем, сомневаюсь, то разделяющая их пропасть, которую не в состоянии заполнить никакие суммы денег, рано или поздно непременно раскроется. Нет, нет, я не согласен губить нашего ребенка, и ты, вероятно, тоже не захочешь этого! Ты моя добрая, верная жена! Помоги мне победить эту девичью страсть Софи. Неужели ты думаешь, что я стал бы противиться истинному счастью нашего дитяти? Ты всегда была так осмотрительна и предвидела все последствия своих поступков, а теперь не хочешь понять, что брак этот пагубен для Софи. Я вполне понимаю, что тебя прельщает титул принцессы, я бы и сам охотно породнился с важным лицом, но на этот брак не соглашусь никогда и ни за что на свете — это мое решение.

— Элиас, помилуй! — вскричала мистрис Говард.— Ты погубишь Софи и сделаешь ее несчастной!

— Пусть будет несчастна она теперь, эти несколько месяцев, чем потом, когда мы, пожертвовав всем состоянием, приготовим ей нищету и голод в будущем. Не старайся смягчить меня, я тверд и непоколебим в своем решении, так как знаю, что делаю! Софи не предвидит своего будущего несчастья. Прошу тебя, передай ей мое решение.

— Но оно убьет нашу дочь! Я знаю ее! Она до безумия любит принца.

— И она переборет эту безумную страсть из любви к нам,— твердо проговорил Элиас.

— Я вижу, что смягчить тебя невозможно,— отвечала мистрис Говард, которая обычно сперва противилась решениям своего супруга, но в конце концов всегда соглашалась с ним.— Ты всегда заботился о нашем счастье и на этот раз, вероятно, тоже совершенно прав! Я передам твою волю дочери и ни слова не намекну ей, что просила тебя за нее.

— Вот это умно! — вскричал мистер Говард, обнимая свою супругу.— Я счастлив, что имею такую спутницу жизни. Дай Бог, чтобы Софи походила на тебя и следовала по избранной тобой дороге, и чтобы она осчастливила своего будущего мужа любовью, как осчастливила ты меня, дорогая моя жена.

Мистрис Говард, превосходная мать и супруга, отвечала на поцелуй и объятия своего мужа.

Говард не сказал жене, что принц задолжал ему и что он вообще считает его человеком, не подходящим для его Софи. Он не хотел, чтобы она стала жертвой пустого громкого имени, он стремился к тому, чтобы она была не принцессой, а просто счастливой женщиной, и мистрис Говард вполне согласилась с ним.

Но Софи подслушала разговор своих родителей. Страшная злость овладела ею, когда она узнала окончательное решение своего отца.

— Даже если все вы будете против меня,— шептала она, сверкая глазами,— то и тогда намерение мое будет непоколебимо! Мне остается выбор между вами и принцем, и я с радостью протягиваю ему руку, даже если это причинит вам смерть! Я не могу иначе, а там будь, что будет. Пусть даже весь мир будет против, я не откажусь от принца!

Мистер Говард с супругой не подозревали, какой вихрь диких мыслей пронесся в голове их дочери. Они и представить себе не могли, что их до сих пор послушное и любящее дитя вынашивало страшные планы, от которых содрогнется наша душа, когда мы узнаем о них из последующих событий.

Софи готова была всем пожертвовать принцу Наполеону и, когда потом раскаялась она в этом, к несчастью, было уже поздно. Она жестоко пострадала за свою горячую, необузданную страсть, дорого заплатила за несколько минут блаженства, построенного на таком фундаменте, как горе ее родителей.

Безумная, она хотела купить любовь честолюбивого принца, надеялась овладеть им, как только вырвется из-под власти родителей, но не избежала искупления, железной руки справедливости, от которой часто не избавляет даже смерть.

ХІІІ

СВИДАНИЕ

Олимпио, после долгой борьбы между смертью и жизнью, начал поправляться.

Вначале он не мог вспомнить того, что с ним случилось, не мог даже понять, где он находится. Когда же мистер Говард осторожно объяснил ему, при каких обстоятельствах он оказался в его доме, Олимпио стал все яснее припоминать, что случилось с ним в тот ужасный вечер.

Он был очень благодарен мистеру Говарду и его супруге за их доброту и неустанные заботы о нем, но очень скучал по своим друзьям, которые должны были считать его погибшим.

Мистер Говард всеми силами старался развлечь своего гостя. Часто целыми часами, насколько позволяла его служба, просиживал он у постели выздоравливающего Олимпио.

По просьбе больного он извещил маркиза де Монтолона о том, что тот жив и просит его к себе. Маркиз в сопровождении Валентино тотчас приехал к своему вновь обретенному другу. Встреча их была чрезвычайно трогательной, друзья плакали от радости. Клод избегал сначала вопроса о том, что случилось в этот промежуток времени, о смерти Филиппо, но потом рассказал Олимпио об этом. Когда Клод поведал ему, как Валентино выяснил местопребывание Долорес, Олимпио пришел в восторг.

— Валентино, молодец! — воскликнул он, пожимая руку довольного слуги. — Черт побери, значит, каждый из нас более или менее пострадал.

— Во всем виноват мнимый герцог, — заключил Валентино, — это его слуга столкнул вас в Темзу!

— Мы ему за это отомстим! Я чувствую, как возвращается ко мне моя прежняя сила. Однако как мог узнать этот плут, что графиня Евгения назначила мне свидание у моста Челси?

— С этим письмом связаны странные обстоятельства, — рассказывал маркиз, — весь ход дела мне не известен, но я подозреваю, что и здесь замешан герцог! Я знаю, что донна Евгения не писала эту маленькую надушенную записку.

— Каким же образом ты это узнал, Клод?

— Я был у графини, и она дала мне слово, что не писала этой записки! Я почти уверен, что и она получила подобное письмо и решила, что это от тебя.

— Везде измена! — живо воскликнул Олимпио. — Достойный мистер Говард спас меня от смерти, чтобы я мог отомстить этому нашему врагу герцогу и его коварному слуге.

— Прежде всего мы должны вырвать Долорес из его рук, — сказал Клод де Монтолон, — а потом...

— Ты напоминаешь мне о моей священной обязанности, — прервал его Олимпио, — я с нетерпением жду, когда, наконец, увижу бедную милую девушку и освобожу ее из заточения. Теперь нас

осталось только двое, но двое верных защитников, готовых положить жизнь за нее.

Валентино не терпелось еще что-то сказать своему господину.

— Ого, я понимаю тебя и без слов,— сказал Олимпио, хлопнув по плечу своего честного слугу,— не беспокойся, и на тебя будут рассчитывать! Я согласен принять твою участие, ты этого достоин.

— Тем более, что требуется защита и помощь не одному, а двум существам,— проговорил Клод серьезным тоном.— Когда мы освободим сеньору Долорес, что, надеюсь, наконец, удастся нам, мы должны будем исполнить и другое обещание, которое я дал от своего и твоего имени, Олимпио!

— Скажи, старый друг, к кому относится это обещание? Кто тот человек, которому ты обещал нашу помощь?

— Я это сделал, надеясь, что кто бы он ни был, ты будешь согласен со мною,— сказал маркиз.

— Ты знаешь твоего Олимпио! Для меня твоё обещание так же свято, как и клятва, данная мною самим.

— Ну так знай же — графине Евгении Монтихо обещал я нашу помощь.

— Как, Клод, ты дал это обещание донне Евгении? — с удивлением воскликнул Олимпио.

— Да, мой друг, я имел случай убедиться, что она нуждается в благородных людях, поступающих честно, она окружена вредной атмосферой и мы должны вырвать ее из этого омута. Я считаю долгом чести быть на ее стороне! Она испанка! Мне кажется, что она опутана и поймана злыми стихиями!

— Твое обещание будет сдержано,— отвечал Олимпио.— Ты знаешь, что и я считаю главной задачей нашей жизни помогать притесняемым. Я читаю в твоих чертах напоминание, которое хорошо понимаю, мой верный, дорогой друг! Не бойся! Во время моей болезни, когда я был близок к смерти, я еще раз поклялся сдержать клятву, данную однажды Долорес, и не успокоюсь до тех пор, пока не исполню ее! Я люблю эту девушку, она имеет священное право на мое сердце и на мою руку! И будь уверен, останусь верным ей и вместе с тобой помогу графине, если она потребует этого.

Маркиз пожал руку Олимпио молча и выразительно, как будто хотел сказать:— «Я знаю, ты говоришь от всего сердца! Да поможет нам небо!»

Потом произнес вслух:

— Приятно защищать девушку с верно любящим сердцем, Олимпио! Это выше и благороднее всего на земле! Счастлив тот, который нашел такое! Я бы позавидовал любви к тебе Долорес, если бы не любил тебя, как своего брата, и не желал тебе всей душой самого большого счастья.

Бедная, несчастная Долорес — ангел, который осветит твою жизнь. Мне в этом блаженстве отказано! Настанет день, когда я объясню тебе эти слова и ты согласишься со мной, что верное, любящее сердце женщины есть высшая драгоценность.

— Ты расстроен, Клод!

— Дружба заменяет моей душе любовь, она возвышает и поддерживает меня; это она заставляет меня желать тебе судьбы лучше моей! Я опять с тобой, Олимпио! Подумай же, какую радость доставил мне этот час!

— К моей груди, Клод! Никто в мире не разлучит нас! С тобою, благородное сердце, хочу я жить и умереть, — воскликнул Олимпио, обнимая друга.

В эту минуту оба мужа представляли весьма трогательную картину; Валентино, стоя в стороне, видел слезы на их глазах, слышал их клятву в верности, которой еще большую силу придавало воспоминание о своем третьем, ушедшем друге...

Валентино, чувствуя сердечное волнение, решил в этот момент пролить свою кровь за этих благородных людей и никогда больше не разлучаться с ними. В это время вошел мистер Говард, которого оба друга принялись горячо благодарить за все, что он сделал для Олимпио.

— Не за что благодарить меня, милорды, — ответил он, — я исполнил только свой долг, и лучшей благодарностью и наградой для меня служит то, что мои небольшие усилия были успешны. Я уже едва надеялся на это. Пойдемте со мной в залу, чтобы выпить стакан вина, там я хотел представить вас нескольким друзьям.

Олимпио и маркиз приняли это дружеское предложение, и мистер Говард с такой любезностью проводил их в собравшийся маленький кружок, что вскоре они почувствовали себя в нем как дома. В числе гостей и в этот раз находился принц Наполеон, так как мистер Говард решил не препятствовать его встречам с Софи, а оставить все по-прежнему, чтобы его дочь сама отказалась от принца, узнав его ближе. Говард думал, что только полное разочарование исцелит его дочь от ее безрассудной любви, в противном же случае она найдет возможность видеться со своим возлюбленным, даже если отец и запретит ему вход в их дом. «Пусть сама убедится», — думал старый Говард.

В обществе не было дам, так как Софи объявила, что ей нездоровится, мать была с ней, а мистер Говард, который был превосходным хозяином, объявил, что хочет сегодня отпраздновать выздоровление своего гостя и угостить всех самым лучшим вином.

Между маркизом и принцем вскоре завязался довольно живой разговор, который, казалось, произвел очень хорошее впечатление на принца. Он изъявил большое желание ближе познакомиться с понравившимся ему маркизом. Умный Наполеон понимал, что таких людей нужно ценить. Он долго разговаривал также с Олимпио, прошлое которого его, по-видимому, весьма интересовало.

Но Клод в разговоре был осторожен, так как благодаря своей проницательности он лучше понял принца, чем полагал тот при всем своем дипломатическом поведении.

Олимпио, который был гораздо более доверчив и не так хорошо знал людей, как маркиз, возбужденный вином, откровенно говорил с Наполеоном, который укрепился в мысли, что эти два опытных и му-

жественных человека могут ему однажды пригодиться. Поэтому он запомнил их имена.

Олимпио и маркиз собрались уходить. Еще раз обменялись они искренними уверениями в благодарности и дружбе; мистер Говард был растроган до слез, когда Олимпио признался, что ему тяжело покидать дом, в котором он видел столько доказательств доброты и бескорыстной любви! Потом Олимпио поспешил к мистрис Говард, чтобы поблагодарить и ее, щедро одарил прислугу и, наконец, вместе с маркизом покинул гостеприимный дом, чтобы возвратиться в свое жилище на улице Ватерлоо.

Имя Говард навсегда запечатлелось у него в душе.

Так как Олимпио страшно беспокоился о Долорес и чувствовал себя совершенно здоровым, друзья решили на следующий же день отправиться в Сутенд. Валентино должен был быть их проводником. Они хотели вечером добром или силой проникнуть в уединенный дом у морского берега и освободить заточенную девушку. Валентино, кроме того, хотел еще воспользоваться случаем и дать маленькую пощечину старой ведьме в виде вознаграждения за те дни, которые он провел, благодаря ее посредничеству, в подвале дома на улице Оксфорд, № 10. Конечно, и он ликовал при мысли, что они, наконец, вырвут прекрасную сеньору из когтей Годмотер Родлоун.

Олимпио в нетерпении хотел сейчас же приступить к выполнению этого плана, но Клод просил его подождать до вечера, чтобы надежнее добиться успеха. День был теплый и ясный, и это радовало Клода, опасавшегося за здоровье Олимпио.

Экспедицию думали совершить следующим образом.

Оба друга в сопровождении Валентино решили перед вечером отправиться по железной дороге в Сутенд, там нанять карету, поехать на ней к морскому берегу и в ней же увезти девушку. Валентино предложил, чтобы незамеченными приблизиться к дому, выбрать дорогу, которая проходит у самого морского берега, тем более, что она была ему знакома и от нее легче было найти уединенный дом. При этом он прибавил, что старая ведьма, без сомнения, караулит шоссе, а не дорогу у берега. Оба же господина думали ехать по той дороге, которую выберет в Сутенде нанятый извозчик.

Поэтому Валентино просил, чтобы ему позволили одному отправиться по прибрежной дороге и сойтись с ними у самого дома. Они приняли это предложение: оно казалось им логичным, потому что таким образом обе дороги к одинокому дому будут в одно время заняты ими и, следовательно, никто не скроется от них, даже если захочет бежать из дома.

То, что сеньора Долорес все еще находится в своей темнице, Валентино знал наверное, так как несколько дней тому назад убедился в этом, побывав в Сутенде.

Дело, казалось, должно было удалиться, поскольку ни Эндемо, ни Родлоун не могли знать об их намерении. Они считали Олимпио мертвым и, как предполагали наши друзья, думали, что находятся в безопасности. Но они ошибались. Старая Родлоун своими свиными глазами увидела и узнала Валентино, когда он несколько дней назад

показался у морского берега. Она тотчас известила об этом мнимого герцога, который, кроме того, еще узнал, что Олимпио спасен!

Ему не удалось убедить Долорес в смерти Олимпио и привлечь ее к себе. Дочь Кортины не принимала его драгоценных подарков и не верила в смерть своего возлюбленного. Но если бы даже Эндемо действительно представил ей свидетельство о смерти, что он и обещал ей, все равно она никогда не ответила бы на его домогательства, скорее умерла бы, чем покориться ему.

Но внутренний голос говорил ей, что она еще увидит Олимпио, эта надежда поддерживала ее и она легко переносила все лишения. Она целые дни, а иногда и ночи напролет проводила у окна своей темницы, неотрывно глядя вдаль по направлению к морскому берегу; она надеялась, что когда-нибудь Олимпио появится там, Олимпио, которого она любила и который поспешит сюда, чтобы освободить ее. Затем, преклонив колени, молилась Пресвятой деве, чтобы Эндемо оставил ее в этом уединенном доме у морского берега, на след которого, как она думала, уже напал Олимпио. Бедная девушка только не могла понять, почему он медлит.

Проходили дни и недели, и новый вечер не приносил никакого известия об Олимпио. Она не могла объяснить себе, что могло задержать его! Перебирая в мыслях разные возможности, она то видела Олимпио в объятиях другой, то ей представлялась мучительная картина — он мертвый лежал на носилках, то предполагала она измену и тайное убийство, что-то из ряда вон выходящее должно было случиться, чтобы задержать его.

Долорес не верила, что Олимпио мог покинуть и забыть ее. Хотя графиня уже два раза вставала между ними, она все равно верила ему, вспоминала о клятве, которую он дал у гроба своей матери, о поцелуях, которыми он запечатлел их союз, и эти воспоминания вновь и вновь возрождали надежду и ободряли ее. Он был ангелом-хранителем ее жизни, к нему относились все ее желания, он являлся ей во сне; его образ поддерживал ее в минуты самых тяжелых испытаний. Может быть, поэтому она преодолевала испытания, которые убили бы других. Клод де Монтолон был прав, когда называл Долорес сокровищем, и считал такое верно любящее сердце самым благородным, что есть на земле.

Наступил день, когда, наконец, должна была осуществиться ее надежда, день, в который Олимпио со своим другом спешил в Сутенд, чтобы освободить ее.

Она как будто предчувствовала предстоящее ей блаженство, свидание с возлюбленным, сердце ее было исполнено радости и ожидания счастья, когда, подойдя к окну своей темницы, она снова устремила взор на шумевшую вдали стихию.

Она смотрела на море, синева которого блистала в ясных солнечных лучах, и на душе у нее становилось так хорошо, как будто эти лучи проникали в ее душу! Лицо ее прояснилось, а взгляд не отрывался от моря, как будто вечно катящиеся волны должны были сейчас доставить ей возлюбленного и долгожданное спасение из неволи.

Послышались шаги на лестнице: это старая колдунья несла ей обед.

— Она уже опять смотрит в окно и раскрывает свои объятия! Не думаешь ли ты, что твой рыцарь явится, дурочка? Ну, теперь ты довела до того, что мой источник золота иссяк и тебя потащат в другое место. Готовься! Сегодня вечером ты выйдешь из моего дома.

— Разве Олимпио явился к вам? Он увезет меня отсюда?!

— Олимпио, ты только и думаешь о своем Олимпио, безумная. Герцог увезет тебя отсюда. Ты еще вспомнишь, как тебе тут было хорошо и как глупо было с твоей стороны не угождать богатому дону! Ты ведь в его руках! Теперь он перевезет тебя в более уединенное место и спрячет еще надежнее.

— Что вы говорите — Эндемо хочет меня увезти?

— Конечно, кто же виноват в этом, как не ты сама! Ты будешь раскаиваться; на этот раз герцог привезет тебя в такое место, где он будет уверен в полной безопасности. Я бы тебя избила за твою глупость! Или ты думаешь своим упрямством постоянно воспалять этого человека? Смотри, как бы он не отвернулся от тебя! Если слишком натянуть тетиву — она лопнет. И может так сильно впиться в твое лицо, что изуродует тебя. Ты и без того уже не красавица, и я не знаю, что нашел в тебе герцог! Он может иметь гораздо лучших девушек, чем ты.

— Пресвятая Дева, он хочет увезти меня еще дальше, говорите вы? — со страхом переспросила Долорес.

— Да, и ты будешь раскаиваться. О, старая Годмотер хорошо знает, почему ты не хочешь ехать — ты надеешься, что дон Олимпио найдет тебя здесь! Ошибаешься, дурочка! Теперь ломай руки, я проклинаю тебя и твоих проклятых поклонников! Длинный, худой парень уже был здесь на берегу моря несколько дней тому назад, у старой Родлоун хорошие глаза!

Радость, только что озарявшая прелестное личико девушки, мгновенно исчезла.

Долорес закрыла лицо руками и горько зарыдала. Исчезла последняя надежда, потому что если Эндемо действительно увезет ее сегодня в другое место, тогда ее след опять будет потерян для Олимпио.

Старая Родлоун кричала и ругалась, потому что лишалась своего лучшего дохода.

Между тем оба друга с Валентино отправились на вокзал, находящийся около Сити, чтобы поехать в Сутенд. Может быть, они могли бы еще приехать вовремя, чтобы помешать Эндемо выполнить его план...

Валентино был очень беспокоен и торопил своих господ. Олимпио был весь поглощен мыслью, что, наконец, найдет свою Долорес.

Когда они добрались до Сутенда, солнце уже заходило за горизонт и начинало смеркаться. Маркиз и Олимпио, получив от Валентино подробное объяснение о расположении уединенного дома, наняли карету, а слуга торопился к берегу моря.

Быстро шагая, Валентино надеялся дойти до старухи Родлоун раньше Олимпио и маркиза или хотя бы одновременно с ними.

— Я не понимаю,— бормотал он про себя,— почему я чего-то опасаюсь, тогда как, собственно говоря, мне должно было бы быть весело! Дон Олимпио освободит прекрасную сеньору и в сущности он мне обязан тем, что нашел ее. Меня это должно радовать! Только бы нам удалось достигнуть дома, а там, если встретятся сторожа, мы справимся с ними! Вот если бы проклятый герцог и его больше-носый слуга оказались в доме! Они бы узнали наши кулаки! В моих хороших намерениях, право, нет недостатка. Однако что это значит? — воскликнул вдруг Валентино, остановившись и глядя на то место, где у причала еще несколько дней назад стояли четыре корабля, оснащенные на старый манер.— Ошибаюсь я или в самом деле там только три корабля! В самом деле, один пароход отплыл; неужели тот, что принадлежит герцогу? Это было бы неприятно, значит, негодяй преследует какую-то особую цель.

Валентино поспешил на то место берега и в полумраке наступающего вечера увидел, что догадка его верна — корабль «Стрела» покинул причал.

Слуга Олимпио, даже не расспросив матросов других кораблей, стремглав помчался к дороге.

Обогнув выступ берега, он увидел вдали сначала клубящийся дым, а потом и пароход, который, в чем он удостоверился, подбежав ближе, стоял на якоре вблизи уединенного дома, где жила Долорес.

Валентино разразился проклятиями.

— Там что-то случилось! Я готов поклясться, что проклятые мошенники собираются увезти сеньору на пароходе. Скорей, Валентино, может быть, тебе удастся расстроить план этого подлеца, мучителя прелестной сеньоры моего доброго господина!

— Во имя всех святых,— восклицал он, спеша вперед и ежеминутно оглядываясь на пароход, который все яснее вырисовывался перед ним,— вот они спускают лодку, она приближается к берегу, ведь пароход не может пристать к берегу, здесь слишком мелко. Проклятые Богом негодяи опередили нас; в лодке шесть матросов, она так и летит по волнам!

Валентино побежал еще быстрее, уже показались хижины рыбаков, несколько тысяч шагов отделяли его от того места, к которому причалила лодка. Он увидел у берега несколько человек, бегающих взад и вперед.

Задыхаясь, бежал он по берегу; он хотел кричать, грозить, во что бы то ни стало помешать похищению сеньоры!

На лодке, казалось, заметили его, потому что движения работающих на берегу людей сделались быстрее, а может быть, они заметили приближающуюся карету.

Так как Валентино, несмотря на сумерки, ясно различал, что происходит, он увидел, как несколько матросов и слуг вынесли что-то из дому: это герцог велел перенести Долорес в лодку, чтобы тотчас же отплыть в море.

— Все потеряно, Пресвятая Богородица, мы опоздали! Мошенники узнали о нашем намерении, и мы как раз поспеем на место, чтобы видеть, как они отплывают!

Валентино уже достиг деревьев у дома Родлоун. Горбунья стояла в дверях и злорадно смеялась, в то время, как Долорес несли в лодку, где находились герцог и Джон. Бедная девушка, по-видимому, лишилась чувств; матросы со своей добычей подошли к лодке вброд и передали ее Эндемо, потом сами забрались в лодку.

В эту минуту к ним подбежал Валентино.

— Назад, выходите с сеньорой, которую вы, мошенники, хотите похитить,— кричал он и, бросившись в воду, схватился за борт лодки, чтобы удержать ее...

— Там идут другие, отчаливайте, сбросьте этого парня,— кричал Эндемо матросам, которые уже взялись за весла и отчаливали от берега. Один из них замахнулся на Валентино, и хотя тот успел уклониться от удара, весло задело его руку, и этого было достаточно, чтобы рука бессильно опустилась. Лодка стала быстро удаляться от берега.

Тут Эндемо увидел на дороге Олимпио и маркиза, которые вышли из кареты с ружьями в руках, так как они ожидали сопротивления. Они тоже увидели лодку и бросились к воде. Но шесть пар весел быстро несли лодку, в которой увозили Долорес.

Очнувшись от своего оцепенения, она заметила и узнала Олимпио, он также увидел девушку, стоящую в лодке и протягивающую к нему руки; они увиделись, чтобы тут же потерять друг друга.

Долорес пыталась броситься в воду, но Эндемо удержал ее.

Ослепленный яростью Олимпио схватил ружье, но маркиз отклонил направление дула и пуля просвистела над морем: Эндемо, этот жалкий человек, привлек к себе Долорес, чтобы назначенная ему пуля попала в нее. Это и предвидел маркиз.

Между тем лодка уже скрылась в темноте, очертания ее сглаживались, и Долорес уже нельзя было разглядеть; лодка быстро приближалась к пароходу.

— Мы должны его преследовать, Клод, найдем пароход и отнимем Долорес у этого негодяя,— взволнованно говорил Олимпио.

— Это будет бесполезно,— возразил маркиз,— Эндемо готовится к отплытию раньше, чем мы отыщем пароход, и тогда исчезнет всякий след!

— Значит, Долорес потеряна для меня!

— Этого не может быть, Олимпио, мы ее найдем! Что нам удалось здесь, в Лондоне, будет для нас возможно и во второй раз! Посмотри туда, на Валентино, как он следит за пароходом, я думаю, что он уже видит, куда тот направляется. Не теряй мужества, мой друг,— Долорес должна быть спасена!

Оба друга и их слуга только ночью возвратились в Лондон. Тоска терзала сердце Олимпио, он выходил из себя от гнева и горя, только утешения маркиза немного успокаивали его.

Валентино, прежде чем последовать за своим господином, попытался добыть какие-нибудь сведения у горбунии. Он предложил ей несколько золотых монет, если она ему сообщит, куда увезена Долорес, надеясь, что старая сводня, которая теперь не имела никакой

выгоды от мнимого герцога, охотно примет деньги. Однако честная Годмотер Родлоун не изменила Эндемо, но лишь по той причине, что совершенно не знала, куда он направился. Эндемо, хорошо изучивший горбунью, скрыл от нее, где он собирается поселиться.

XIV

ЖУАН, ЛОНДОНСКИЙ УЛИЧНЫЙ МАЛЬЧИШКА

У ворот дома Марии Галль, хорошо уже нам знакомой, через несколько месяцев после того, о чем мы рассказывали, стоял благочестивый Браун, куратор превосходного института, основанного этой дамой.

Доктор Браун был мужчина лет 46, бледный, худой, с длинным совиным носом, серыми выразительными глазами, узкими бледными губами и в черном парике, концы которого выглядывали из-под широкой полый шляпы квакеров, которую он имел привычку носить, немного сдвинув на затылок.

Каждое воскресенье доктор дважды ходил в церковь: он был начальником всевозможных благочестивых обществ; в отношении себя он был как будто необыкновенно скромн, а для вдов и сирот служил источником великого страха, так как при своей благочестивости был строгим ревнителем нравов и упрямым человеком.

Куратор, одетый в черный длиннополый сюртук, взялся своими худыми пальцами за звонок.

Казалось, он был очень взволнован и бормотал про себя слова, совершенно не подходящие к его благочестивому виду.

Когда раздался звонок, старая Боб взглянула в окошко в двери; узнав куратора, она сейчас же поспешно раскрыла ее и подобострастным тоном пожелала ему доброго вечера.

— Благодарю вас, милая госпожа Боб,— отвечал доктор своим неприятным голосом, ласково протягивая старухе костлявую руку,— дома мистрис Галль?

— Я сейчас доложу о вас, господин доктор,— сказала старая Боб; опять запирая дверь,— мистрис будет очень рада вас видеть! Вы давно не посещали наш дом!

— Этого бы не случилось и сегодня, особенно в такой час, моя милая госпожа, если бы важный повод не заставил меня придти сюда.

— Голос господина доктора дрожит, разве случилось что-нибудь неприятное?

— Как видно, свет полон злобы, моя милая госпожа, в особенности это относится к молодым людям. Боже, спаси нас, к чему это приведет!

Браун поднял глаза и сложил руки, как будто всем сердцем желал исправления рода человеческого. Старуха одобрительно кивала голо-

вой, она уважала доктора — ведь он был не только ученым, но и набожным человеком, что было для нее очень важно.

— К сожалению, испорченный зародыш проник и в этот дом; он, подобно дурной траве, семя которой разносится ветром, старается при малейшей возможности распространиться, милая госпожа Боб. Счастлив тот, кто в состоянии не заразиться этим злом! Я буду рад видеть вас в воскресенье в церкви, там будет делиться наследство одной старой благочестивой дамы на маленькие ежегодные пенсии достойным женщинам, и я позаботился, чтобы и вас не забыли при этом.

— Очень вам благодарна, господин доктор, да вознаградит вас Бог! — воскликнула тронутая до слез старуха и схватила худую руку Брауна, чтобы поцеловать ее.

— Приятно заботиться о других, не думая о себе, милая госпожа Боб, — сказал благочестивый муж, хотя на деле доказывал совершенно противоположное, так как большую часть пособий, предназначенных для бедных, старался положить в свой карман. — Заботиться о других — главная задача моей жизни, — продолжал этот лицемер с добродетельным видом.

— Да вознаградит вас Бог, — повторила старуха, вытирая глаза истрепанным передником, — если бы только я могла доказать свою благодарность.

— Мне пришло в голову, что вы можете быть полезны, хотя правда не мне, но в нашем добром деле, милая госпожа Боб. Как зовут того мальчишка, который уже давно, я думаю, два или три года, находится в институте мистрис Галль, этот мальчишка с испанским именем?

— Господин доктор говорит о Жуане; ему теперь не больше шести лет, но он очень умен и способен для своих лет, и со мною постоянно очень ласков.

— Этот мальчишка хитер и лукав; он склонен ко всякому злу и через несколько лет, милая госпожа, его можно будет причислить к заблудшим овцам! Так он молод и так уже испорчен!

— Господину доктору это лучше знать, чем мне.

— Я вас уверяю, госпожа Боб, это ужасно. Вы желали быть полезной нашему делу, поэтому помогите мне спасти эту маленькую душу, которая скоро попадет в когти дьявола. Попробуем голодом исправить и обуздать этого мальчишку! Давайте ему ежедневно четвертую часть его порции! Это самое лучшее средство.

— На что только с радостью не согласишься, чтобы спасти испорченную душу человека, господин доктор, я точно исполню ваше предписание.

— Это хорошо, милая госпожа Боб, однако проводите меня к мистрис Галль.

В ту минуту, как глупая старуха со свечой в руках пошла к лестнице, чтобы провести благочестивого господина куратора в приемную, раздался звонок и послышался шум многих голосов.

— Подождите немного, вам некуда спешить! — крикнула старая Боб.— Это, верно, возвращаются старшие воспитанники нашего заведения.

Казалось, маленькая шайка на улице не слышала слов старухи, потому что звонок раздался опять и так громко, что доктор Браун заткнул уши и его лицо выразило сильное неудовольствие — он был очень слабонервен. Многие уверяли, что это оттого, что он никогда досыта не ел, другие же думали, что это было вследствие чрезмерных чувственных наслаждений, во всяком случае, он не мог переносить подобного шума.

Старая Боб поставила лампу на ступеньку лестницы и побежала к двери, причем на ее лице, из сочувствия к господину доктору, выразилось такое же неудовольствие.

— Будьте вы прокляты,— кричала она, отворяя дверь,— кто из вас опять так ужасно звонит?

— Это Жуан, это Жуан! — прокричали ясные голоса и в то же время показалось человек восемь детей от шести до восьмилетнего возраста.

Платья их показывали, что дети эти были нищими и у каждого из них, без сомнения, был свой способ пропитания, которым они вымаливали милостыню на улице; у девочек висели на груди корзинки с оставшимися букетами цветов, которые они, очевидно, продавали, чтобы не умереть от голода.

Некоторые мальчики носили в карманах щетки, они принадлежали к племени тех маленьких чистильщиков сапог, которые преследуют на улицах прохожих, чтобы за несколько бесполезных взмахов щетки получить монетку; у других же были маленькие ящички с конфетами и игрушками.

— Опять Жуан! Погоди, злой мальчишка, ты меня будешь знать!

Теперь можно было видеть, кого звали Жуаном, потому что в то время как другие спешили к воротам, чтобы как можно скорее получить свой скудный ужин, один из мальчиков, лет шести, остался у двери.

— Матушка Боб,— воскликнул он просящим голосом и протянул к ней свою маленькую ручку,— не сердись, что так громко позвонили, это не я!

— Как же ты смеешь врать, негодный мальчишка! Твои товарищи сказали, что ты! Если не ты, кто же тогда?

— Голод, матушка Боб,— смеясь и плача, отвечал Жуан.

Это был миловидный мальчуган с большими умными темными глазами; лицо его было бледно и даже немного желтовато, но если бы его лучше кормили и одели в красивое платье, он был бы чрезвычайно привлекательным. Это был бедный сирота, которого несколько лет назад принес к Марии Галль неизвестный человек; в свидетельстве он значился Жуаном Кортина.

— Это голод так стучался,— повторил он.

— Ты еще узнаешь, подожди! Ты так мал, что тебя еще можно исправить, бесполезный уличный мальчишка, а то скоро в Лондоне каждый будет смотреть на тебя с отвращением!

— Ты еще никогда не была так сердита на меня, матушка Боб,— заплакал Жуан, вытирая ручонками глаза,— я, право, ничего дурного не сделал.

— Ты будешь наказан, уличный мальчишка! Мне надоели вечные жалобы на тебя. Ведь это срам: вот и сегодня благочестивый человек должен был пожаловаться на тебя! Убирайся на двор, тебя ждет наказание.

Жуан, услышав эти слова, опустил руки; он до сих пор не заметил доктора Брауна, но, последовав за матушкой Боб, он увидел благочестивого господина.

— Так,— сказал мальчик,— он уже здесь. Теперь я знаю, почему ты так сердита на меня, матушка Боб; но не верь ему! В другой раз он не тронет маленькую Милли.

С этими словами Жуан и пошел во двор; старуха поднялась на лестницу, доктор пошел за нею.

— Какой скверный ребенок,— думал Браун, идя за старухой,— как мал, а уже испорчен до мозга костей.

Господин куратор, собственно, больше рассердился на последние слова Жуана, потому что они были сказаны с торжеством, которое и взбесило благочестивого господина.

— В другой раз он не тронет маленькую Милли,— прокричал Жуан еще раз, и доктор шипел от ярости, подымаясь по лестнице.

Когда старая Боб доложила мистрис Галль о посещении куратора, та была не особенно довольна его появлением. Фультон сидел возле нее на диване.

— Чего хочет этот старый проныра,— пробормотала она,— разве он еще недостаточно получил?

— Он ведь не посмеет придрататься к нам,— сказал соучастник Марии,— пусть его приходит и говорит. Долго церемониться мы с ним не будем; денег я ему также не дам; ведь он в наших руках с тех пор, как маленькая Жанна умерла у него. Презренный человек во всех отношениях, он возбуждает во мне отвращение!

— Но он нам нужен, Эдуард. Его аттестат избавляет нас от всяких забот, так как имя Брауна в некоторых кругах имеет большое влияние,— сказала Мария Галль и вышла в приемную, куда старая Боб только что проводила господина доктора, который одной рукой поддерживал свой парик, а другой снимал шляпу.

Теперь только благочестивый муж явился в полном своем блеске. Он был немного горбат; его пронизательные глаза окидывали все быстрым взглядом, лицо выражало решительность и твердость воли.

— Да поможет вам Господь в ваших добрых желаниях, мистрис Галль,— сказал благочестивый куратор, хотя давно считал ее детоубийцей, так как довольно часто замечал, что некоторые переданные ей новорожденные существа бесследно исчезали.

— Здравствуйте, любезный доктор,— сказала Мария,— сделайте одолжение, садитесь! Вы, кажется, немного взволнованы!

— Очень может быть, дорогая мистрис Галль. Я становлюсь все старше, а мир все хуже. Трудно жить человеку, который, как я, принимает в людях такое искреннее участие. Мне никогда не

освободиться от забот и трудов, за которые я большей частью получаю в награду неблагодарность,— отвечив господину Брауну, садясь на кончик бархатного стула, стоящего возле него.— Ведь это неслыханно! Мы должны ожидать конца света — в детях уже развиваются пороки! Каждый день я вижу такие возмутительные сцены, о которых даже не хочу говорить.

— Что случилось, говорите откровенно!

— Я должен вам сообщить о гнусном случае, милая мистрис Галль,— один из ваших питомцев оскорбил меня.

— Неужели, господин куратор! Как это возможно, чтобы ребенок шести или восьми лет, мог...

— Это злые существа, это маленькие люди, умеющие делать всякое зло, кому только пожелают, дорогая мистрис. Послушайте только! Действительно, это кажется, невероятным. С час тому назад я шел по дороге к церкви св. Георгия.

— Здесь, по большой улице Довер?

— Вот именно! Я шел по церковной улице, совершенно не замечая прохожих и не обращая на них никакого внимания, как вдруг заметил на углу несколько детей, которые вели между собою громкий разговор, хвастаясь своей хитростью! Маленькая девочка, лет десяти, говорила больше всех, она рассказывала, что умеет ради денег обманывать людей! Слушая ее, волосы у меня становились дыбом.

— Это вполне возможно в таком большом городе, как Лондон.

— К сожалению, дорогая мистрис, к сожалению, но это большое несчастье! Я остановился и стал прислушиваться. Девочка, довольно хорошенькая, торговавшая на улице морскими раковинами, рассказывала, как навязывала их проходящим. Я был глубоко поражен, видя такую маленькую и уже до того развращенную девочку, и потому подошел к ней, чтобы взять ее с собой, надеясь исправить ее моими увещаниями.

— Вы неутомимы в добрых делах, господин Браун,— сказала, смеясь, Мария Галль.— Господин доктор желал воспользоваться случаем, чтобы лишний раз удовлетворить своим страстям под маской благодеяния, как уже случалось не раз. Не правда ли?

— Неблагодарность — это награда света, милая мистрис; но все-таки, несмотря на мое горькое разочарование, я стараюсь исправлять детей, в особенности девочек! Подойдя к детям, я хотел увести маленькую развратницу, как вдруг ко мне подскочил мальчишка лет шести или семи, обругал и оцарапал меня, угрожая, если я не отпущу девочку, закидать меня грязью!

— Это ужасно,— сказала Мария Галль.

— Да, вы правы, мистрис. Это, действительно, было ужасно! Я хотел наказать дерзкого мальчишку, но он убежал, мне удалось только узнать его имя и где он живет!

— Надеюсь, что не у меня в доме?

— К сожалению, у вас.

— Как? — испуганно проговорила мистрис Галль.— А как его зовут?

— Это Жуан, и меня до некоторой степени утешает, что он не англичанин!

— Неужели Жуан Кортина? Извините меня на несколько минут, господин Браун.

Мария Галль позвонила.

— Приведи ко мне сейчас же этого негодяя Жуана,— сказала она появившейся в дверях старой Боб.— Я хочу на ваших глазах наказать его, чтобы внушить ему раз навсегда, как ему следует вести себя на улице! Вы, благочестивый человек, стали жертвой этого мальчугана!

— О, моя дорогая мистрис! До чего развращена вся настоящая молодежь! Действительно, ужасное время! Куда ни помотришь, везде видишь только страсть к нарядам, обман, лицемерие и корыстолюбие. Есть одно только место, где забываешь эти недостатки и болезни людей, это место — церкви! Вы все так же прилежно посещаете ее?

В эту минуту старая Боб привела в комнату маленького Жуана. Он казался совершенно спокойным. Смело смотрел он своими большими глазами то на Марию Галль, то на доктора в черном парике и длинном сюртуке.

— Знаешь ли ты этого господина, Жуан? — спросила воспитательница, показывая на Брауна.

— Да, мистрис.

— Прежде всего, как ты должен меня называть?

— Тетя Галль. Да, я знаю этого господина.

— Откуда ты его знаешь?

— Он хотел сегодня вечером дурно обойтись с маленькой Милли на углу церковной улицы. О, Милли так добра! Она всегда защищает меня, когда старшие воспитанники меня обижают, поэтому и я защитил Милли, заметив, что этот господин схватил ее!

— Ах ты неисправимый мальчишка!

— Я схватил! Схватил ребенка, да еще девочку! — воскликнул доктор Браун, покраснев от злости.— Я кротко привлек к себе ребенка!

— Милли кричала, она звала на помощь и я прибежал,— сказал мальчик, который, находясь постоянно в обществе детей старше себя, по умственному развитию казался очень развитым для своих лет,— мистер в длинном сюртуке схватил Милли и хотел ее увести с собою!

— Ты оцарапал этого благородного, благочестивого господина!

— Я разорвал бы его длинный сюртук, если бы он не выпустил Милли!

— Ты угрожал господину доктору, что забросаешь его грязью, и возмутил против него других уличных мальчишек, это правда?

— Я сделал это потому, что Милли очень плакала.

— Негодный мальчишка,— вскричала Мария Галль, которой во что бы то ни стало нужно было сохранить благосклонность куратора,— ты будешь наказан за дерзость, чтобы уважаемый господин не считал из-за тебя наш дом дурным заведением.

— Вы правы, дорогая мистрис Галль, еще есть время подавить злые побуждения,— сказал доктор Браун, радуясь тому, что воспитательница взяла хлыст, стоявший в углу комнаты.— Я помогу вам держать этого нечестивого мальчишку.

Экзекуция началась. Достопочтенный доктор схватил мальчика и держал его, а Мария Галль так сильно хлестала его, что Жуан, который сначала переносил боль без всякой жалобы, не выдержал. Его худенькое тело покрылось кровью.

Он дошел до остервенения. Он знал, что был прав, и потому наказание еще более возмущало его. В самом деле, он спас маленькую Милли от низких намерений Брауна, и хотя он не имел никакого понятия об этих намерениях, внутренний голос говорил ему, что этот человек с длинным носом, худыми пальцами и злыми глазами был смертельным врагом бедной девочки. Мария Галль все еще хлестала Жуана по спине.

— Продолжайте, продолжайте, он не умрет от этого! — кричал Браун, с трудом удерживая вырывающегося мальчика.

Жуан, обезумев от боли, не разбирая, хватался за своих мучителей. К несчастью благочестивого доктора, ему удалось так сильно дернуть Брауна за нос, что тот с криком бросил свою жертву и обеими руками схватился за обезображенную часть и без того некрасивого лица. Он увидел, что пальцы его в крови. Маленький мальчик отомстил ему.

— Ехидный злодей,— проговорил доктор сквозь зубы, вытирая кровь носовым платком, между тем Мария Галль оставила мальчика, чтобы помочь куратору.

— Меня ужасно расстроил этот случай,— сказала воспитательница и велела старухе Боб принести кувшин с водой для доктора, а мальчика запереть в темную комнату с решеткой.

Благочестивый доктор, опасаясь за свою жизнь, так как кровь не останавливалась, изъявил желание поехать к врачу. Старуха Боб, ломая руки, бегала взад и вперед. Красивый ковер элегантной приемной был как раз на самых видных местах закапан кровью. Мария Галль была взбешена и поклялась убить мальчишку — одним словом, весь дом находился в ужасном волнении.

Но еще хуже могли быть последствия этого происшествия.

Куратор, прикладывая мокрый платок к своему больному носу, вышел из дому взбешенный, и хотя Фультон утверждал, что он не может предпринять ничего серьезного, все-таки старый лицемер мог из-за ненависти к маленькому ребенку причинить большой вред заведению.

Понятно, что весь гнев Марии Галль и старухи Боб разразился над маленьким Жуаном, который в страхе сидел на корточках в углу комнаты с решеткой, куда его заперли. Эта комната находилась в отдаленной части дома, наверху, над помещением для грудных младенцев. Раньше в ней водилось бесчисленное множество крыс и мышей, бедные дети это хорошо знали. Поэтому можно себе представить ужас, который испытывал мальчик в страшной комнате.

Он плакал, кричал, потом опять прислушивался, и ему казалось, что крысы уже приползли сюда, что они шумят и пищат; он даже видел в своем возбужденном воображении вокруг себя сверкающие глаза страшных чудовищ!

Бедный малютка боязливо озирался кругом, рыдания теснили его грудь. Все его маленькое тело дрожало. Израненная спина причиняла ему страшную боль; он чувствовал, что решетка все больше давит на него, хотя он и старался менять свое положение. Старуха Боб не приносила ему не только поесть, но даже воды! Его ужасно мучила жажда.

Бедный ребенок был в отчаянном положении. Он желал смерти, которую ему часто приходилось наблюдать, когда умирали маленькие дети внизу. Невыносимый страх у такого маленького существа, действительно, мог легко повлечь за собой смерть. Хотя следует признать, что пребывание в заведении Марии Галль закалило его. Всевозможные лишения и постоянное пребывание как летом, так и зимой на улицах рано развили Жуана и сделали его суровым. Ему вдруг пришла в голову мысль, которая, если принять во внимание его лета, покажется удивительной: он решил во что бы то ни стало убежать из этой комнаты и из этого проклятого дома! Он не задавал себе вопроса, куда он отправится и где найдет себе убежище, только бы бежать! Жуан знал, что есть убежища, куда принимают бесприютных детей, часто на улице слышал он рассказы этих маленьких бродяг.

Собравшись на мосту или на площади, сидя на камнях, рассказывали они друг другу о себе. Некоторых из них посылали, как и Жуана, торговать каким-нибудь нищенским товаром — им жилось так же худо, как и ему. Других родители выгоняли каждое утро на улицу, к таким принадлежала и Милли, из-за которой он теперь томился в темной комнате за решеткой. Многие дети сбегали от своих корыстолюбивых благодетелей, стараясь самостоятельно заработать на улицах несколько пенни. Сначала они чистили проходим сапоги, а когда становились постарше, исполняли всевозможные поручения. Но большинство из них приобщались к преступному миру или становились рабочими в гавани.

Эти последние уличные товарищи, которые так рано становились самостоятельными и постоянно хвастались этим перед другими, всегда производили огромное впечатление на Жуана, и он просил их подробно рассказывать обо всем. Невероятно, до чего быстро развивается уличная жизнь в больших городах маленьких детей, в особенности если они совершенно предоставлены сами себе.

Рассказы маленьких бродяг были чрезвычайно притягательны для Жуана! Ведь и он был бедный сирота! Никто не любил и не воспитывал его! Мистрис Галль обращалась с ним сурово, мистер Фультон прибил его однажды до полусмерти за то, что он сказал другим мальчикам, что Фультон тайно принес ребенка и убил его. Одна только старуха Боб относилась к нему до сих пор довольно хорошо, всегда аккуратно доставляя ему его скудный обед. Бедный Жуан не знал ласки матери, с самых ранних лет терпел он лишения и побои. Трудно даже представить себе, что приходилось переносить

этому ребенку. Его ранние годы были полны горя и мучений. Бывали минуты, когда Жуан смутно вспоминал, что прежде ему жилось лучше, и уже почти забытое имя Долорес срывалось с его губ. Иногда он звал ее во сне; но в уличной жизни, между окружающими его одичалыми детьми, и в доме Марии Галль он почти никогда не вспоминал о ней.

Итак, Жуан решил бежать. Он твердо верил, что найдет добрый совет у своих товарищей и у доброй Милли; они хорошо знали все лазейки Лондона, а ночевали, как слышал Жуан, за полпенни в ночлежных домах. В этой же комнате он не мог более оставаться. Крысы уже то и дело бегали по его ногам, иногда даже кусая бедного мальчика, вторгшегося в их владения, и только его крик разгонял их на несколько минут.

Боб не появлялась. Она объявила ему, что вместе с господином доктором проучит его и теперь исполняла свое обещание! Жуан плакал от голода и жажды.

Заведение Марии Галль было таким позорным пятном Лондона, что можно только удивляться, как мог он беспрепятственно существовать в продолжение двадцати лет, убивая одних детей и превращая в преступников других. В доме этого чудовища, как полагают, умерло до тысячи грудных младенцев, другая тысяча населила тюрьмы! Этот результат, который можно назвать блестящим, принес честной воспитательнице довольно значительный капитал.

Когда утренний луч света проник в слуховое окно и немного осветил темницу маленького узника так, что он мог уже различить находившиеся в ней предметы, Жуан быстро подбежал к двери и рванул ее, но она была заперта. Бедный мальчик был в отчаянии, но вдруг заметил, что внизу одна из планок двери отстала, и он немедленно воспользовался этим. Он оторвал планку и попытался пролезть в образовавшийся узкий проход, который был тесен даже для его маленького худенького тела. Кое-как, однако, он начал протискиваться в него, очень уж ему хотелось убежать из этой ужасной комнаты, из этого страшного дома и увидеться с Милли. И даже на улице ночевать ему будет не так страшно, как здесь с крысами.

Протиснувшись в узкий проход до пояса, он почувствовал, что не может двинуться ни вперед, ни назад. Дыхание у него перестало, он мог даже закричать, но сделав последнее отчаянное усилие, он очутился на чердаке, из которого вела лестница вниз.

Надо было торопиться: он знал, что в это время из дому выходили старшие дети, получив от старой Боб вещи для продажи, и дверь оставалась открытой, так как старуха не могла отворять и запирать ее за каждым из ребят. Жуан хотел воспользоваться этим часом.

Из этого расчета видно, как умен был мальчик для своих лет. Ловко и быстро, как кошка, спускался он по ступенькам, чтобы прошмыгнуть через помещение грудных младенцев и добраться до лестницы, которая вела на двор.

С замирающим сердцем начал он спускаться с лестницы, которая временами тихо скрипела. Везде было темно, что немало благо-

приятствовало ему, потому что как раз в это время вышла старуха Боб, и если бы было светло, она непременно увидела бы маленького Жуана, который поспешно спрятался под ступеньку. Теперь же она слышала только какой-то неясный шорох.

— Проклятые крысы,— крикнула старуха и топнула ногой, чтобы разогнать их; это заставило Жуана рассмеяться, хотя он был голоден, избит и несчастен.

Потом она начала подниматься по лестнице, видимо, чтобы проверить, что подделывает наказанный, а может быть, и для того, чтобы побранить его, во всяком случае, еды и питья она ему не несла.

Старой Боб было тяжело взбираться по ступенькам, и она от всей души проклинала Жуана.

Жуан, несмотря на все свои беды, не мог отказаться от представившегося случая сыграть шутку со старухой, не подумав, что этим он может легко выдать себя. И вот когда она поднялась на ступеньку, под которой он сидел, он так сильно ущипнул ее своими маленькими пальчиками за ногу, что она громко закричала, решив, что ее укусила крыса.

Жуан давился от смеха, не думая, что на крик Боб могла придти воспитательница, в особенности если она находилась где-нибудь поблизости. Его забавляло, что старуха, высоко подняв поврежденную ногу, не решается идти дальше.

— Это тебе за голод и жажду, которыми ты меня морила,— прошептал он и поспешно сбежал с лестницы.

Последние из мальчиков только что вышли из дому, на дворе не было никого, путь был свободен! С быстрой молнии Жуан очутился у калитки и побежал по мостовой. В эту минуту старуха Боб напрасно искала его в комнате с решеткой, не понимая, каким образом удалось Жуану ускользнуть из своей темницы. Без сомнения, она решила, что он с помощью дьявола пролез сквозь замочную скважину.

Покинув дом Марии Галль, чтобы никогда больше в него не возвращаться, Жуан бежал по улицам и буквально свалился с ног на площади Св. Павла. Там он, как и надеялся, нашел маленькую Милли, и она поделилась с ним своим завтраком.

Мальчик вдоволь напился у ближайшего колодца, и ему стало так весело, как будто его ожидала прекрасная будущность.

Счастливое время детства, никакое горе не может поразить его слишком сильно, детская беспечность возьмет свое.

Бедный Жуан! Не имея ни крова, ни отца и матери, один, покинутый в огромном городе, он все-таки улыбался.

Все было теперь забыто: темница, холод, голод и снующие крысы, дух его снова ожил. Ему было весело, прошлое уже не казалось страшным, и он не думал, что будет с ним через несколько часов! Он не заботился о том, где ему придется ночевать. Ведь был еще день! Кто же думает о ночи, когда солнце светит! Счастливым возрастом, когда живут только настоящим! Как легко удовлетворить желания детей, развеселить их, как длинен для них день!

Жуану было о чем рассказывать. Он шел рядом с Милли и по-

казывал ей, чтобы придать больше веса своим словам, израненную спину. Милли, увидев эти раны, заплакала, а Жуан смеялся — ведь теперь все уже прошло!

— Но скажи мне, что ты будешь делать? — спросила, наконец, старшая и потому уже более благоразумная девочка.

— Что буду делать? Теперь, Милли, я свободен и никогда не возвращусь в тот дом!

Девочка смотрела на него с удивлением:

— Боже мой, но на что же ты думаешь покупать картофель* и хлеб, и чем заплатишь за ночлег?

Посоветовавшись, они решили, что Жуан станет чистильщиком обуви; хотя он был очень мал, но для этого промысла не требовалось больших сил.

Задержка была только за щетками и ваксой, но и здесь Милли помогла своему спасителю. Она достала и принесла ему две старые, но еще довольно сносные и годные щетки — радости Жуана не было границ, он горячо поблагодарил девочку и принялся за работу. На самых многолюдных углах улиц бросался он на колени перед господами и начинал, не спрашивая их желания, чистить их обувь своими щетками. Все смеялись и охотно бросали маленькому чистильщику несколько монет, удивляясь ловкости, с какой он исполняет свое дело.

Жуан ужасно обрадовался, когда в первый раз получил заработанные деньги и считал себя весьма богатым. Он благодарил Бога, что ему удалось так счастливо выбраться из дома Марии Галль! По вечерам он с другими мальчиками уходил в ночлежный дом, где за маленькую монету можно было переночевать. Эти дома, которых так много в Лондоне и в Париже, расположены большей частью в предместьях города и очень многие, не имеющие убежища, находят в них приют.

Тусклая лампа на потолке горит здесь в продолжение всей ночи. Пол в залах, отдельных для мужчин и для женщин, застлан соломой, и на ней расстилают одеяла, которыми укрываются ночные гости. Люди располагаются рядами друг около друга, и ряды разделяются досчатыми перегородками так, чтобы ноги одного не могли касаться головы лежащего в следующем ряду. Платье гости должны держать при себе; утром, когда раздается звонок, каждый может умыться и причесаться.

Полиция следит за этими ночлежными домами, и потому там редко встречаются преступники. Большой частью посещают их дети, оставшиеся без родителей, рабочие, которым негде жить, а также люди из зажиточных сословий, обнищавшие вследствие разных пороков, извозчики и матросы. В залах господствует обычно глубокая тишина, если же возникает спор из-за места или чего-либо другого, то достаточно предостерегающего звонка, чтобы опять восстановить спокойствие. Значение этого звонка известно каждому: если он

* Вареный картофель продавался на улицах Лондона и других больших городов Англии.

раздался, а порядок не восстановился, появляется полицейский, которого посетители очень боятся.

Хозяин ночлежного дома, получающий деньги, большей частью высокий и сильный мужчина, так что обычно достаточно бывает одного его слова, чтобы восстановить порядок и без полицейского.

В одном из таких домов ночевал и маленький Жуан. Нравилось ли ему это и какие последствия имела для него такая жизнь, мы увидим дальше, а сейчас мы должны вернуться в образцовое заведение Марии Галль и узнать, что там происходит, потому что в дальнейшем не будем иметь случая возвратиться к ней.

Только в 1870 году, когда старуха Боб умерла и на ее место поступила Матильда Бирст, удалось открыть детоубийства, которые совершала эта воспитательница и ее соучастник. Это открылось благодаря тому, что одна молодая девушка, жившая в гражданском браке с геометром по имени Лео, попыталась два раза выдать чужого ребенка за своего; вторая попытка почти удалась, так как Лео только через несколько недель после смерти первого ребенка узнал об обмане и сообщил об этом полиции.

Любовница успела вовремя убежать, но Мария Галль была арестована, так как она доставила этой девушке новорожденного ребенка! Благодаря этому случаю были открыты преступления воспитательницы и ее обвинили в умышленных смертоубийствах. Преступницу, которая много лет подряд вершила свои гнусные дела, наконец, схватили. К несчастью, Фультону удалось спастись, но и его постигло возмездие: в Нью-Йорке его задержали за воровство, и он умер в заключении.

Из следствия по делу Марии Галль открыли, по показаниям служанки Бирст, что большинство поручаемых ее попечению новорожденных младенцев бесследно исчезали.

Матильда Бирст показала следующее.

«В феврале 1869 года я поступила к подсудимой. Я была единственной служанкой в доме и спала с несколькими из старших детей наверху, где находились спальни. Спустя неделю после моего поступления, одна дама принесла грудного младенца. В ту же ночь я услышала, как бедный маленький ребенок кричал что было силы; во всем доме поднялась беготня. Я встала, чтобы посмотреть, что случилось, и увидела, как Мария Галль со свечой и Фультон с ребенком на руках вышли на двор. Они не предполагали, что я их вижу. Заперев за собой дверь, Фультон подошел к яме и бросил в нее ребенка. Возвратившись после своего ужасного поступка, он вытер руки платком и отправился спать с Марией Галль. На другое утро, проходя через двор, я увидела, что яма засыпана известью.

Через неделю явилась еще одна дама с новорожденным ребенком. Что ребенок был жив, в этом я была уверена. Когда же я на следующий день вошла в комнату грудных младенцев, этого ребенка там уже не было. Я сразу же оставила это место, так как страшно было жить в этом доме, и, кроме того, я не хотела больше стирать окровавленные пеленки».

Одних показаний служанки было достаточно, чтобы подвергнуть весь дом, а также яму тщательному исследованию. В извести нашли почти полностью разрушенные остатки человеческих костей.

Это дело произвело ужасное волнение в обществе.

Но о тех, кто приносил этой гиене своих детей, невозможно было ничего узнать, так как Мария Галль вовремя уничтожила все свои записи и не хотела назвать их имена.

Так как непосредственный убийца сумел убежать, то осуждена была одна воспитательница, которую приговорили к десяти годам тюремного заключения.

Однако и благочестивый доктор Браун, явившийся теперь как свидетель, не остался совсем безнаказанным. У него отняли все его должности и присудили к большому денежному штрафу, что для корыстолюбивого господина было очень чувствительным наказанием.

Существуют ли теперь подобные воспитательницы, которые занимаются таким же выгодным ремеслом, этого мы не знаем, но надемся, что никто из них не избежит справедливого наказания, как Мария Галль, которая едва ли в состоянии будет перенести свое долгое заключение. Она мало насладилась плодами своего преступного ремесла, потому что все ее деньги были конфискованы. Может быть, перед смертью она скажет имена тех, кто пользовался ее помощью, чтобы и эти люди не избегли мирского наказания.

XV

THE DARK MAN, WHO BIS *

Один англичанин, по имени лорд Шефтсбери, который в описываемое время часто бывал в обществе принца Наполеона и впоследствии также поддерживал это знакомство, называл его «темным человеком, который лжет».

Нет сомнения, что жизнь и промысел принца были темны; лгал же он всегда, когда это было ему полезно. Стремясь к перемене своих обстоятельств, он не гнушался ничем, чтобы привлечь людей на свою сторону. Он умел держать себя в каждом обществе и любом положении; он лгал в больших делах, так же как мы делаем это в меньшем, например, когда из любезности говорим человеку, которого терпеть не можем, «я очень рад», тогда как хотелось бы сказать: «и почему я должен его терпеть?»

Долгожданное событие, наконец, наступило для принца: в Париже вспыхнула революция, царствование Луи-Филиппа завершилось кровопролитием. Толпа рабочих, студентов и дерзких уличных мальчишек двигалась по улицам и площадям величественной французской столицы с криками «Долой министерство, не нужно нам этого

* Темный человек, который лжет (англ.).

правительства!» Париж был весь объят восстанием, народ не любил своего правителя, и трон его был поколеблен.

Число восставших с каждым часом увеличивалось. Линейные войска действовали осторожно, но национальная гвардия, как уверяет профессор Вебер, была на стороне народа. На многих улицах были построены баррикады, и борьба началась. Два дня свирепствовала эта страшная, всепожирающая революция; борющиеся партии сражались с все возрастающим ожесточением; на площадях лилась кровь; улицы были покрыты трупами...

Тогда Луи-Филипп потребовал прежнего министра Моле в Тюильри. Он старался окончить борьбу, каких бы жертв это ни стоило. Он распустил министерство Гизо и обещал народу избрать новое. Больше король не мог ничего сделать, слишком были все ожесточены правлением Гизо. Быстрее молнии разнеслась в народе эта весть, вызывая всюду ликование. С песнями и радостными восклицаниями шли по улицам толпы, баррикады исчезли, трупы были унесены, кровь смыта и дома освещены. Все обнимались на улицах, радуясь победе.

Но приверженцы темного человека, выжидающего в Лондоне, хорошо знали непостоянство и горячую кровь французов, в особенности парижан.

Когда же вследствие уступчивости короля плану принца Наполеона грозило крушение, произошел ужасный случай. В десять часов вечера толпа народа с факелами и знаменами, с песнями и шумом проходила по бульвару; она остановилась перед министерством иностранных дел и требовала, чтобы осветили здание.

В эту минуту послышался выстрел. Впоследствии рассказывали, что стрелял один из приверженцев темного человека, желая снова раздуть огонь восстания.

Если это верно, то мы должны сознаться, что это была ловко придуманная штука, которая привела к ужасающим последствиям.

Расположившееся в здании войско решило, что на него напали, поэтому в ответ раздался залп и 52 человека, пораженные пулями, упали на месте, убитые или раненые.

Ярость овладела народом. Положив трупы на носилки, их понесли при свете факелов по улицам столицы. Город представлял страшную картину. Везде раздавались крики: «К оружию! Нас убивают!»

В полночь на колокольне Notre-Dame ударили в колокола, и уже на утро весь Париж был уставлен баррикадами.

Напрасно пытался несчастный король сделать последний шаг, призвав людей, имеющих влияние, как, например, Тьер или Барош — теперь было уже поздно! Трон был обречен на гибель. Ничто не могло больше сдержать дикой ярости народа. Казалось, победа уже в его руках.

Национальная гвардия под начальством Ламорисьера отказывалась стрелять в народ.

Тогда только увидел Луи-Филипп всю опасность своего положения. Тогда только понял он свои ошибки, но было поздно. Он

отказался от престола в пользу своего внука, графа Парижского, назначив регентшей герцогиню Орлеанскую, но в полдень, видя, что это отречение не имело успеха, и бунтующая толпа угрожает уже Тюильри и Лувру, переодетый, бежал с инфантой через задние ворота Лувра.

Они направились к морю и несколько дней дожидались на берегу, прежде чем смогли безопасно добраться до Англии, куда после всевозможных опасностей прибыли затем и другие члены королевской семьи, обменявшись, таким образом, землями с принцем Наполеоном.

Герцогиня Орлеанская со своими двумя детьми с сопровождении Клаура, искала защиты в палате депутатов. Но появление вооруженной толпы и угрожающие крики: «Республика!» заставили ее обратиться в бегство.

Назначение временного правительства, которое Франция избрала и во время войны с Германией, было переходом к республиканскому государственному управлению. Старик Дюпон де Лер, Ламартин, Ледрю-Роллен, Араго, Гарнье-Паже, Кремье (почти все те же имена, которые и теперь опять всплыли) и Луи Блан были известными членами этого нового правительства.

Между тем народ захватил Тюильри; мебель и украшения были сожжены, трон перенесен на площадь Бастилии и разбит вдребезги у колонны Юлия. Одновременно толпа проникла в парадные комнаты дворца и украшала лоскутьями шитых золотом занавесей и гардин.

Достаточно оказалось несколько часов, чтобы низвергнуть могущественную монархию и обратить самого богатого короля в ищущего помощи беглеца. Казалось бы, это должно было служить роковым примером для его преемника и убедить его в непостоянстве французского народа, но он надеялся быть исключением. А между тем и он должен был пасть еще позорнее, нежели его предшественник.

Обо всем, что происходило в Париже, своевременно сообщали принцу Наполеону его французские друзья. Однако он пока оставался в Лондоне, как будто не решаясь покинуть свое верное убежище. Уже прибыли сюда изгнанный король и его семейство, но принц медлил — еще не настал его час. На этот раз он хотел явиться в Париж, уверенный в успехе. Нужно было взвесить сложившиеся обстоятельства, создать многочисленную партию, которая бы выбрала его. Довольно было неудачных попыток, принц не хотел снова потерпеть фиаско — и он выжидал.

Расчет принца оказался верным. У него было в Париже много влиятельных друзей, которые подстрекали легко возмущаемые рабочие классы, чтобы они захватили правление страной в свои руки. Вследствие этого через полгода произошло новое ужасное кровопролитие.

Этой-то минуты и ждал принц Людовик Наполеон Бонапарт!

Зверские, бесчеловечные злодейства восставших, приверженцев так называемой красной республики — все это, вполне возможно, исходило от принца и послужило сигналом к позднейшим убийствам.

Разъяренная толпа свирепствовала на улицах. Были убиты мужественный генерал Брэа и парижский архиепископ Афрэ, призывавшие к миру и согласию. Кажется, все зверства, совершенные когда-либо человечеством, бледнеют перед ужасом июльской революции.

Народное собрание, уstraшенное разгулом этой ярости, предоставило неограниченную власть генералу Кавеньяку, чтобы восстановить мир и спокойствие и наказать виновных.

Этот генерал, которого считали соперником принца Наполеона, после четырехдневного упорного сражения на улицах Парижа подавил восстание. Около пятнадцати тысяч человек были убиты. Некоторые улицы были совершенно завалены грудями человеческих тел. Семь генералов были тяжело ранены. Это было самое страшное сражение, когда-либо происходившее в стенах города.

Бедный принц, как называли Наполеона близкие ему люди Англии, надо полагать, с большой радостью читал парижские известия. Его час настал. Теперь он думал явиться Франции как освободитель и надеялся на вполне радушный прием своих соотечественников. Его расчет оказался верным! Тела убитых послужили ему ступенями к трону.

Это правило тянется кровавой нитью через всю последующую жизнь Людовика Наполеона. Он не ценил жизнь людей, для него ничего не значила смерть сотен людей, если это помогало ему достигнуть задуманной цели, которая, по его мнению, всегда служила и общественному благу.

Темный человек — мы находим это название вполне подходящим принцу Наполеону, готовился к отъезду. Но у него не было денег, необходимых для того, чтобы достойно вступить на почву Франции и заплатить жалованье своим приверженцам. Других же, которые не ждали от него денег, думал он сейчас же удовлетворить выгодным местом, так как рассчитывал, что уже через несколько месяцев он будет стоять во главе французской республики.

Ему нужна была очень большая сумма, и он напрасно ломал себе голову, раздумывая, где бы ее достать. Его друзья, хотя, может быть, и обладали достаточными средствами, боялись вкладывать свои капиталы в столь опасное предприятие. Наконец, мысль принца остановилась на одном существе, которое, если бы пожелало, могло предоставить ему необходимую сумму — это существо было Софи Говард, единственная дочь очень богатого человека.

Принц знал, что Софи любит его, этой-то любовью и задумал он воспользоваться, чтобы достичь заветной цели.

Но нужно было встретиться с ней без свидетелей. В доме ее родителей он не мог признаться Софи, так как был очень далек от мысли обручиться с ней. В его планы входило лишь воспользоваться ее пламенной любовью, на которую он не отвечал. Для человека, умеющего использовать в своих интересах каждое святое чувство, общественные нужды служат главным советником.

И в этом случае пером принца руководила нужда, когда он писал письмо богатой мисс Говард, влюбленной в него до безумия. Он при-

глашал ее на последнее свидание, чтобы проститься наедине; принц был уверен, что его письмо произведет желаемое действие на Софи, он прекрасно знал сердца девушек и что значит для них это слово — разлука.

Принц долго раздумывал, где бы назначить это последнее свидание, такое важное для его целей. В доме Говард это было невозможно, пригласить к себе — неучтиво, и по другим причинам принц избегал этого. И тут он вспомнил об уединенном домике на берегу моря в Сутенде, где многие из его знакомых назначали свидания и где он сам однажды участвовал в разгульной пирушке. Дом старухи Родлоун, находившийся вдали от Лондона, был очень удобен для подобных встреч. Софи не знала его, тем легче было для принца отпраздновать там свой прощальный вечер.

Своим письмом принц приглашал прелестную мисс Говард на последнее свидание, если та еще желает повидаться с ним, на следующий день в уединенный дом Готмотер Родлоун. Он отправил письмо со своим слугой, которому велел действовать как можно осмотрительнее.

Этот слуга, хитрый француз, не раз исполнял поручения подобного рода; улыбаясь, он обещал в точности исполнить возложенную на него задачу и, взяв письмо, вечером отправился к месту назначения. Между тем принц поехал в Сутенд предупредить старуху Родлоун о предстоящем свидании у нее в доме.

Дело с горбуньей было легко улажено, так как она всегда рада была заработать. Старая колдунья обещала приготовить для посетителей комнату с красными занавесками и спросила, не нужно ли приготовить что-либо для ужина. Принц отвечал отрицательно, но, чтобы смягчить старуху, вручил ей несколько золотых. Хитрая горбунья, казалось, при этом стала еще ниже, чем была в действительности.

Она называла Наполеона то принцем, то светлостью, то милордом, чувствуя, что имеет дело не с простым человеком, и ручалась, что никто не потревожит их свидания.

Итак, принц с успехом окончил свою миссию, но его слуге исполнить возложенное на него поручение было гораздо труднее. Он не смел ни войти в дом мистера Говарда, ни спросить мисс Софи, чтобы передать ей письмо, так как оно легко могло попасть в руки родителей.

Хитрый француз решил познакомиться с горничной мисс Говард, чтобы достигнуть цели, ему иногда уже приходилось прибегать к любовным интрижкам. Но для этого требовалось слишком много времени. Наступил вечер, а он должен был к ночи доставить ответ принцу. Кроме того, он даже по наружности не знал горничную мисс Говард, а потому легко могла произойти нежелательная ошибка. Не зная, на что решиться, ходил он напротив дома мистера Говарда, как вдруг у окна показалась женская фигура. Сообразительный слуга сейчас же понял, то это сама мисс Софи, так как она была молода, а сестер, он знал, у нее не было, и вот он решился на отчаянную попытку, которая превосходно ему удалась. Он поднял письмо вверх,

к окну, у которого стояла мисс Говард. Она сразу же догадалась, от кого оно, и послала горничную, чтобы она немедленно доставила ей письмо.

Распечатав нежное послание и прочитав его, она написала на листочке «Я приду» и отослала этот ответ посланнику принца.

XVI

СМЕРТЬ ДАЕТ ДОРОГУ

— Вы пришли, дорогая мисс! Я не знаю, как благодарить вас за ваше благосклонное внимание ко мне,— говорил принц Наполеон, встречая Софи, когда она входила в дом Родлоун. Он поцеловал ее руку и ввел в комнату, назначенную для свидания.

— Неужели вы сомневались, принц,— отвечала она, отбросив вуаль, и засмеявшись грустным смехом,— если б вы просили меня прийти в место, еще более отдаленное, чем это, я и тогда не отказала бы вам!

— Софи, вы знаете, зачем я просил вас придти?

— Я знаю все! О, прошу вас, не говорите об этом, принц! Страшная минута и без того скоро настанет. Вы уезжаете! Уезжаете навсегда! А я должна остаться здесь!

— Не навсегда, Софи!

— Ни слова об этом, принц! Я чувствую, мое сердце говорит мне, что мы расстанемся навеки,— воскликнула Софи, и ее лицо ясно выражало, как мучительна для нее неожиданная разлука. Она была так прелестна в эту минуту, что даже принц загляделся на нее. Мисс Говард была молода, прекрасно сложена и всякий, внимательно посмотрев на нее, наверно бы решил, что хотя она и не красавица, но обладает царственной осанкой и прелестными чертами лица. Обыкновенно Софи казалась несколько холодной, как вообще все англичанки, но сейчас лицо ее дышало страстью, которая выражалась не только в ее глазах, но в каждом движении. Она и не думала скрывать ее при этом свидании, на которое привела ее пылкая любовь, да если бы и хотела, то не могла бы подавить своих вырвавшихся наружу чувств, они были сильнее, чем внушенные ей воспитанием правила. В одно мгновение было забыто все — осмотрительность, необходимость самообладания, добрые советы любящей матери и уважаемого отца. Любовь к принцу смела все препятствия, как бурный поток прорывает весной плотины и несется, увлекая за собой дома и деревья. Так и она поддалась всепоглощающей страсти, не думая об ужасных следствиях, которые это повлечет за собой.

Мистер Говард и его супруга, которая была больна, не подозревали о поступке своей дочери, она прибегла ко лжи, чтобы быть свободной в этот вечер.

Впервые осталась Софи наедине со своим возлюбленным, в чужом месте, тем самым сделав первый шаг к открывшейся перед ней пропасти.

Принц видел выражение лица девушки, ее страстное стремление к нему.

— Не сердитесь на меня, Софи, мы должны расстаться; но мне не хотелось уехать из Лондона, не сказав вам, как тяжела мне эта разлука,— говорил он, все еще держа в своих руках руку мисс Говард.

— Если бы это была правда, принц!..

— Вы сомневаетесь в этом, Софи! Неужели вы думаете, что я, не любя вас, решился бы просить вас придти сюда? Я знаю, что вы любите меня, Софи, я давно прочел это в ваших глазах! Но мы не можем принадлежать друг другу.

— Почему же нет? Я готова на все!

— Будем рассудительны, моя дорогая! Ваш отец, которого я уважаю, никогда не согласился бы отдать мне вашу руку и я никогда не решился бы просить ее у него.

— Потому что вы меня не любите, принц!

— Нет, другая причина заставляет меня отказаться от вас, Софи. Я беден, вы знаете это. Это признание не тяжело мне, потому что бедность не порок.

— К чему этот довод, принц! Я богата, и, любя вас, я предлагаю вам, дорогой мой, свое состояние!

— Я не могу его принять, Софи, оно будет тяготить меня! У меня беспокойный дух — судьба зовет меня во Францию! Вы знаете, что там теперь делается. Я не имею права рисковать вами, дорогая мисс, я могу проиграть эту опасную игру.

— Я все сделаю для вас, Луи! Требуйте! Я люблю вас безумно!

— Ваши слова утешают меня, Софи, в этот горестный и тяжелый час разлуки...

— Мы увидимся. Я поеду за вами в Париж. Без вас моя жизнь пуста и одинока!

— Софи! Подумайте о ваших родителях.

— О моих родителях! Вы правы,— проговорила девушка и на глаза ее навернулись слезы,— они стоят между нами.

— Я уже и так неправ перед ними, пригласив вас сюда, Софи, но я не мог поступить иначе. Я не мог уехать, не простившись с вами.

— Вы неправы? Вы оказали мне благодеяние! Луи, хотите ли вы, чтобы я через несколько времени приехала к вам в Париж? — спросила Софи.

— Я благословлю тот день, в который увижу вас, не огорчая ваших родителей.

— Хорошо! Мое состояние с этого дня принадлежит вам. Вы можете располагать им.

— Эта жертва доказывает мне вашу любовь, Софи, но она слишком велика, чтобы я мог принять ее,— отвечал принц. В глубине души он ликовал, что цель его достигнута, но наружно казался совершенно спокойным.

— Не говорите о таких ничтожных вещах, Луи! Если б вы знали, что у меня теперь на душе, вы бы признали мою любовь и, может

быть, удивились бы ей. В эту минуту решила моя судьба. Она принадлежит вам, возьмите ее или оттолкните от себя! Я не могу иначе, моя судьба связана с вашей, я хочу или погибнуть вместе с вами, или возвыситься с вами. Когда вы думаете ехать?

— Я еще не решил, Софи; мне нужно устроить еще некоторые дела.

— Хорошо, принц! Через несколько дней вы получите от моего банкира, барона Литтона, триста тысяч франков. Я дам ему знать, и он незамедлительно выплатит вам эту сумму из моего наследства.

— Софи, вы благородная, чудесная девушка. Но если ваш отец узнает об этой жертве?

— Не бойтесь ничего, я сама поговорю с отцом. Я скажу ему, что люблю вас, и что я решила, не взирая ни на что, ехать с вами. Вы известите меня о дне вашего отъезда?

— Софи, вы хотите...

— Оставить родителей и поехать с вами! Но я спрашиваю вас, скажите правду, ради всего святого для вас, ради спокойствия вашей совести, любите ли вы меня?

— Зачем спрашивать об этом, Софи? Я не только люблю вас, я преклоняюсь перед вами! — отвечал темный человек, не краснея, его совесть была тиха, она вовсе не возмущалась его скверными поступками.

— Теперь начинается для меня счастливая жизнь. Я с радостью пойду за вами! О, Луи, если бы вы знали, как обрадовали и вдохновили меня ваши слова!

Наполеон поцеловал руку девушки; она со счастливой улыбкой положила голову на его плечо и позволила ему обнять себя.

— Софи, вы мой ангел-спаситель! — сказал он. — Я чувствую, что вы меня, действительно, любите, это сознание делает меня счастливым и способствует исполнению моих планов.

Он поцеловал мисс Говард в губы, трепет блаженства пробежал по членам ослепленной любовью девушки, она с жаром ответила на поцелуй принца и лежала в его объятиях, не сводя глаз с его лица. Этот поцелуй, первый поцелуй мужчины, был для нее залогом прекрасного будущего.

— Жить с тобой или умереть! — прошептала она. — В твои руки отдаю я свою судьбу. Я иду за тобой, возьми меня с собой. Не говори ни о чем, кроме твоей любви, а то я подумаю, что твое сердце не принадлежит мне. Позволишь ли ты мне ехать с тобой?

Софи задумала отчаянную вещь. Она решила ехать с принцем, оставить отечество и родной дом; она хотела пожертвовать для этого человека своим добрым именем и богатством; она предалась ему с безграничной любовью, и даже принц был тронут преданностью этой девушки, которая, как он знал, никогда не станет его женой.

— Перед моим отъездом я извещу вас, Софи!

— Какое счастье! Мое сердце горит нетерпением, — сказала девушка, освобождаясь из объятий принца с сияющими радостью глазами, — теперь мы воротимся в Лондон, я должна переговорить с отцом.

Принц помог ей надеть пальто и вуаль и проводил ее до ожидавшей внизу кареты. Он велел своему экипажу ехать пустым в Сутенд, а сам сел к мисс Софи, чтобы вместе возвратиться домой. Софи говорила о будущем, строила планы, воздушные замки и карточные домики, которые разлетаются от первого дуновения ветра, но она радовалась этим планам и надеждам.

Бедная Софи, отуманенная любовью, ты и не думаешь о том, что надежды эти — только обман. Безоглядно жертвуешь ты всем для этого человека, чтобы следовать за ним всюду, как в ужас ада, так и в блаженство неба.

Ты мечтаешь об идеальном счастье и надеешься, что достигнешь его. Бедная! Ты не встречалась еще с изменой и веришь людям. Ты ищешь идеал и не знаешь, что достигнуть его невозможно, что истинное счастье не дается людям, впавшим в ошибку. Любовь ослепляет тебя, а темный человек принимает твою жертву! Не он — ты одна искупишь ее! Не он — ты одна берешь на себя страшную ответственность за принятое решение. Что значит для него человеческая жизнь, если нужно достигнуть той цели, которую он себе поставил, ты погибнешь, а он, смеясь, уйдет, как будто не зная тебя.

Он признался тебе в своей любви, он поклялся тебе! Но вспомни слова лорда, который был его лучшим другом и разглядел его — это человек, который лжет! Ты идешь к пропасти, но не с ним, а одна! В последнюю минуту он столкнет туда тебя одну. У него иные цели, чем счастье человеческого сердца...

Оглянись, бедная Софи Говард, пока еще не поздно! Спаси себя и своих любящих родителей, подумай о них... Нет, она верила в него и не слушала предостерегающего голоса совести.

Принц довез Софи до дома родителей, поцеловал еще раз ее губы и руки...

В то время как Людовик возвращался домой, очень довольный собою, так как обещанных ему денег было достаточно не только для того, чтобы устроить дела в Лондоне, но и взять значительную сумму во Францию, Софи узнала от горничной, отворившей ей дверь, что болезнь ее матери очень усилилась. Несмотря на усилия докторов, которых мистер Говард позвал к своей жене, начавшее воспаление в горле грозило свести ее в могилу.

Мистрисс Говард еще узнала свою дочь. Она поцеловала и благословила ее и тихим голосом сказала, что смерть ее близка: Скоро больная не могла уже ни глотать, ни дышать, все средства были испробованы, но безрезультатно, и доктора объявили, что их наука не в силах спасти больную...

Мистер Говард сохранял спокойствие даже у смертного одра своей любимой жены, и только по выражению его лица можно было судить, как тяжел был для него этот удар.

Софи также плакала, стоя на коленях перед умирающей матерью, которая всегда была ее любящей заступницей. На другой день она стояла на коленях уже перед трупом.

Мистрисс Говард не перенесла болезни. Трудно было поверить, что еще недавно это была цветущая и полная сил женщина.

Софи была сильно потрясена этой утратой. Она много плакала, не подозревая, что и отец ее скоро последует за умершей, как будто небо исполнит ее преступное желание, внушенное любовью к принцу,— освободиться от родителей.

Покойницу провожала длинная и великолепная процессия. Олипио Агуадо, маркиз и принц тоже принимали в ней участие. Мистер Говард был тверд, но жизнь потеряла для него смысл. Он переносил несчастье с достоинством, которым всегда отличался, но в сердце его стало пусто и холодно с тех пор, как он потерял свою так искренне и верно любимую им жену. Удар поразил его так быстро и неожиданно! Бедному вдовцу казалось, что дом его сделался вдруг пустым, как будто жизнь здесь совершенно уахла. Целые дни проводил он в своем кабинете, глядя на портрет жены, висевший на стене.

Вся его любовь сосредоточилась теперь на Софи, оставшейся единственной его привязанностью. Этот честный человек и не подозревал, что между ним и его дочерью стоит чуждый ему человек, который может разлучить их навеки.

И уже вскоре он должен был перенести новый удар, слишком сильный даже для этого непоколебимого характера.

Прошло несколько недель после смерти мистрисс Говард. Принц получил от банкира деньги, и вскоре Софи получила от него извещение, что через несколько дней он уезжает в Париж.

Несмотря на свое горе, Софи не переменила своего решения — она хотела сопровождать принца.

Натуры, подобные мисс Говард, не отступают ни перед какими препятствиями. К тому же после смерти матери ей было гораздо легче оставить родительский дом. Потому она в один из последующих вечеров вошла в комнаты отца, чтоб сообщить ему о своем решении и попросить о деньгах. Она знала рассудительность, спокойствие и твердость духа своего отца, но до сих пор еще не испытала его гнева.

Он был готов всем пожертвовать для своей единственной дочери, если этого требовало ее счастье, но мог быть так же непреклонен, если видел, как случилось теперь, что ее ожидает несчастье.

Не подозревая о том, что привело к нему Софи, он радушно встал к ней навстречу, протянул руку и заговорил о последней воле умершей. Софи, отвечая ему, ждала, когда он спросит, что привело ее к нему.

Эта минута настала... Софи не думала, что борьба будет так тяжела.

Отдавшись своим обманчивым надеждам, она представляла себе все совершенно иначе, чем мистер Говард, человек, прошедший нелегкую жизненную школу.

— Папа,— сказала Софи,— я пришла сказать тебе, что хочу оставить Англию и попросить тебя выплатить мне часть приходящегося на мою долю наследства.

Мистер Говард онемел от изумления.

— Что с тобой, Софи? — вымолвил он, наконец. — Барон Литтон сообщил мне несколько дней тому назад, что ты, не сказав мне ни слова, взяла триста тысяч франков; это пятая часть моего состояния.

— Извини, папа, мне нужны были эти деньги, и так как я твоя единственная дочь, то я думала, что имею право взять их.

— Я тебе об этом ничего и не говорил, Софи, но ты сама вызвала мой вопрос, объяснив мне так внезапно по своему намерению оставить Англию. Что это значит? Я не спрашивал тебя, зачем тебе нужна такая огромная сумма, но теперь я должен спросить тебя: что с тобой, Софи, зачем ты хочешь оставить родительский дом и идти в незнакомый тебе мир? Скажи мне, что тебя влечет и почему ты оставляешь своего старика-отца одиноким?

Софи молчала...

— Мне кажется, я знаю, для кого ты взяла деньги, — снова начал мистер Говард, ласково пожимая руку дочери, — я не сердюсь на тебя, Софи. Ты последовала благородному влечению сердца. Ты сделала больше, чем была обязана. Но пусть это и ограничится деньгами. Чего ты ищешь на континенте? Куда ты хочешь ехать?

— В Париж, папа.

— В Париж! Я знал это, Софи, послушай родительского предостережения. Ты уже самостоятельна, но послушай мой совет — совет отца, который желает тебе только добра. Оставь свои безрассудные планы. Преодолей себя! Постарайся забыть этого человека, он не для тебя и с ним ты не можешь быть счастлива. Если ты перешибешь себя, ты сама вскоре поймешь, что для истинного счастья нужны другие условия. Принц не любит тебя, он не может сделать тебя своей женой; он стремится к престолу, а какую роль будешь ты тогда играть? Чтоб быть его супругой, ты слишком низкого звания.

— Принц любит меня, он поклялся мне в этом своим спасением.

— Поклялся! Если бы все клятвы мужчин исполнялись, милое дитя, свет не был бы так переполнен незаконнорожденными детьми! Я хочу предостеречь тебя, напомнив о таком конце! Поверь, твой старый отец лучше знает свет, чем ты, мечтающая о воздушных замках юности. Посмотри мне в глаза, Софи! Забудь принца, милое дитя! Я обещаю тебе, что через несколько лет ты будешь благодарна мне за это и найдешь истинное счастье своей жизни.

— Твои попытки отклонить меня от моего намерения напрасны, папа, — холодно отвечала Софи, — я все обдумала, все взвесила и пришла к убеждению, что могу жить только вблизи принца. Не мешай мне! Иначе я буду принуждена огорчить тебя тайным бегством.

— Софи, ты зашла уже слишком далеко?..

— Я не могу иначе, я должна ехать за принцем! Мы навеки принадлежим друг другу.

— О, Боже! — воскликнул отец, с ужасом глядя на Софи.— Неужели ты не понимаешь, какая участь тебя ожидает?

— Пусть будет, что будет, отец. Я должна ехать с ним, а о будущем я еще не думала.

— Софи, сжался! Подумай о моем честном имени! Ведь ты опозоришь его: мисс Говард будут называть любовницей принца. Зачем скрывать это, назовем вещи своими именами! Ты дрожишь? Да, любовницей, бесчестной женщиной, повторяю я тебе еще раз.

— Отец, это слишком! Ты считаешь себя вправе говорить подобные вещи, потому что ты мой отец! — вскричала Софи, выпрямляясь и дрожа от волнения.

— Ты думаешь, я боюсь твоего гнева? Я исполняю мою обязанность! Горе тебе, если ты не послушаешь моих слов. Подумай о твоей матери, Софи! Не позорь моего имени!

— Не бойся, отец, и не удерживай меня, твои слова напрасны!

— Несчастное дитя! Что ж, выбирай между им и мной! Выбирай, Софи, между твоим отцом и тем человеком!

— Моя участь уже решена, отец, я выбрала и решила всюду следовать за принцем, я люблю его.

— Так иди с моим проклятьем! — воскликнул старый Говард, оттолкнув свое единственное дитя.— Я проклинаю тебя! Скрой твоё честное имя! Пусть никто не говорит мне, что Софи Говард, моя дочь, любовница! Я убью того человека, который осмелится произнести при мне эти слова.

— Твое проклятье! — повторила Софи, закрывая лицо руками.— Твое проклятье! Сжался, возьми назад это слово!

— А ты жалеешь меня? Ты возьмешь назад слово, которое выманил у тебя тот человек? Софи, не оставляй твоего старого отца! Останься честной! Останься моим ребенком! Подумай, какое горе только что поразило меня! Я умоляю тебя именем твоей матери: спаси меня и себя от позора и гибели.

Но Софи была упряма и тверда. Она не колебалась ни одной минуты, ни малейшего признака борьбы или сомнения не появилось в ее душе. Она была непреклонна, но также непреклонен был и ее отец, предвидевший падение и несчастье своей горячо любимой дочери.

— Ты отказываешь мне в благословении и наследстве моей матери. Хорошо, я уйду без них, я никому не скажу, что у меня есть отец!

— Софи, неразумное дитя! Безумие говорит в тебе. Оглянись, ради Бога! Прошу тебя!

— Прощай, мы никогда не увидимся больше!

— Софи, подумай, еще есть время, разве тебе не жаль меня, рассуди, какую тяжелую рану наносишь ты моему и без того уже разбитому сердцу. Разве ты не мое дитя?

— Я была им. Ты сам разорвал связывающие нас узы.

— Так иди же с моим проклятием по твоему позорному пути, безумная! Горе тебе! Ты идешь к пропасти, не видя своей гибели. Горе мне, отцу такой женщины! Хоть бы небо призвало меня к себе и избавило от позора, которым это дитя покроеет честное имя Говарда.

Удрученный горем отец в изнеможении опустил в кресло. Он весь дрожал; таким взволнованным, таким слабым он никогда еще не был.

Он потерял свою жену! И теперь терял свое дитя, свое единственное дитя!

Софи, тронутая этим безутешным горем, подошла к отцу и хотела обнять его колени.

Но было уже поздно! Говард оттолкнул ее!

— Я уже не отец тебе,— произнес он невнятно.— Ступай к человеку, которому ты продала твою жизнь! Мы расстались навсегда!

Софи вышла.

Могла ли самая сильная любовь принца заставить ее забыть этот час и искупить эту жертву? Могла ли она отворотить проклятие любящего отца?

Темный человек не присутствовал при этой сцене, чем же он виноват, что мисс Говард была так глупа, что поверила его уверениям в искренней и вечной любви? Так говорил он себе, успокаивая поднимающиеся в нем порой упреки совести. Впрочем, скоро она умолкла и не упрекала его больше ни в чем.

А Софи, ослепленная дочь старого Говарда, оставила убитого горем отца, оставила родительский дом и родину! Падший ангел, она привязалась к его судьбе. Предостерегающие слова отца были забыты, она не боялась его предсказаний и доверяла чужеземцу больше, чем отцу. Она была счастлива, встретившись с ним на железной дороге, чтобы ехать в Дувр, и не подозревала, что делалось в это время в родительском доме.

Мистер Говард не вынес этого последнего удара, он заболел и вскоре последовал за своей женой. Второй удар был слишком силен даже для этой сильной натуры.

Софи узнала об этом, уже приехав в Париж, где наняла квартиру в роскошном доме в улице Ришелье. Принц Наполеон, занявший Рейнский отель, ласковыми словами утешил сердце легкой девушки, и она легко перенесла потерю отца. Только позже, через несколько лет, несчастная поняла, как велика была эта утрата.

В скором времени она стала обладательницей большого состояния и отдала его принцу, который воспользовался им. Она радовалась в гордом ослеплении, когда он 10 декабря 1848 года был выбран в президенты республики, и не подозревала, что чем выше он поднимается, тем ниже падает она. Она думала, что ее счастье возвышается вместе с его счастьем, и не замечала, как незаметно начинается падение в пропасть, предсказанное ее отцом.

ФАЛЬШИВАЯ РУКА

Все розыски Долорес, предпринятые Олимпио и маркизом, были напрасны, неустанные старания Валентино напасть на ее след тоже пропали даром. Только одно обстоятельство, которое Валентино узнал от матросов в Сутенде, могло несколько прояснить дело. Это обстоятельство было такого рода.

На пароходе «Стрела» рулевой был из Лондона, по имени Коннель. Кроме него и владельца корабля никто не знал, куда этот корабль направляется. Из объявления в таможне ничего нельзя было узнать, там было сказано, что он идет в Испанию, но ни Валентино, ни его господин не верили этому. Валентино узнал от матросов другого корабля, что у рулевого Коннеля был в Лондоне брат, который страшно пил. Чтобы спасти брата от порока, Коннель хотел взять его с собой на пароход, определил ему жалованье и сообщил место назначения. Тот согласился сначала на предложение, взял задаток, но в условленное время не явился, так что корабль ушел без него.

Теперь нужно было узнать, где живет этот пьяница, а это было совсем не легко. В конце концов Валентино удалось найти Коннеля, который проводил дни в известном кабаке, а ночи в ночлежках предместья.

Когда Валентино принес это известие, маркиз был дома и решил тотчас же начать поиски. Чтобы скорей достичь цели, он взял с собой большую сумму денег. Валентино получил приказание идти в кабак, а сам маркиз отправился в ночлежный приют, уже темнело, и они хотели успеть отыскать Коннеля в том или другом месте.

Клод завернулся в плащ, но не для того только, чтобы защититься от холода, а чтобы не выделяться своей внешностью. Он хотел явиться туда не джентльменом, а в костюме, больше подходящем для посетителя ночлежки. Поэтому маркиз и не нанял кэб, а сел в омнибус, который шел в ту часть города.

В своей старой шляпе и потрепанном плаще Клод походил на тех темных личностей, которые прежде знавали лучшую жизнь, теперь же не пренебрегают переночевать в ночлежных комнатах, платя по полупенни за вход.

Валентино не мог удержаться от смеха, увидев наряд маркиза, и уверял, что никто не сможет узнать Клода де Монтолона. Сам маркиз тоже с трудом узнавал себя и должен был сознаться, что на улице он с недоверием отступил бы от личности с такой внешностью.

Предстоявшее ему маленькое приключение радовало его: ему хотелось познакомиться с темными сторонами жизни английской столицы, и этот случай должен был отлично помочь ему в этом.

У моста Ватерлоо он расстался с Валентино и стал дожидаться омнибуса.

Эти большие кареты обеспечивают постоянное сообщение между отдельными частями города. Вечером они слабо освещаются одной

лампой; бедный народ чаще всего ездит в них, и пассажиры тесно сидят друг возле друга на длинных скамейках, поставленных вдоль всей кареты.

В омнибусах часто происходят кражи, вору, пользуясь теснотой, очень ловко опорожняют карманы своих соседей. Эти артисты, похожие по внешности то на рабочих, то на купцов, не пренебрегают ничем, они берут платки, сигары и, конечно, охотнее всего деньги. Они совершают свои операции так умело, что обокраденный обычно замечает потерю только выйдя из омнибуса, когда вор уже давно скрылся. И теперь эти дела происходят так же часто, как и в то время, о котором мы говорим.

Маркиз не был знаком с искусными проделками этих господ, хотя его часто предостерегали от ловких карманных воров, особенно мальчишек. Но, садясь в омнибус, он не думал об этих предостережениях.

В омнибусе было три пассажира: двое мужчин, которые сидели на некотором отдалении друг от друга и, казалось, были незнакомы между собой, и маленький мальчик напротив них на другой скамье. Это был Жуан, уличный мальчишка, который только что проводил Милли, и так как дела его сегодня шли особенно хорошо, сел в омнибус, чтобы достать место получше в ночлежной зале, в которой он всегда ночевал. Кто приходил раньше, мог выбирать себе ночлег, запоздавшие же гости должны были довольствоваться оставшимися местами.

Жуан сел в угол кареты и незаметно наблюдал оттуда за двумя сидящими напротив него мужчинами, которые не обращали на мальчишку никакого внимания, считая, вероятно, такого малыша совершенно неопасным.

Жуан, внимание которого ничем не было занято, стал прислушиваться к их разговору. Он не мог понять всего, но ему стало ясно, что они преследуют какую-то тайную цель и сердятся, что карета пуста.

В это время вошел маркиз и уселся на свободное место.

Тут же оба разговаривавших только что господина разошлись, как будто были незнакомы между собой и со всех сторон оглядели маркиза. Он сел недалеко от двери, напротив мальчика, которого сперва не заметил, а теперь стал внимательно разглядывать.

У Жуана был болезненный вид. Его темная курточка совсем протерлась и чтобы не мерзнуть на холодном сыром воздухе он засунул свои ручки в рукава и высоко поднял плечи, стараясь закрыть воротником шею и подбородок.

Бид мальчика тронул маркиза. Он говорил себе, что это бедное дитя, одно в большом бессердечном городе, наверно, обречено на гибель. Он хотел уже заговорить с ребенком, когда заметил, что тот внимательно смотрит на него и на его соседа слева.

Клод только теперь заметил, что этот человек сел к нему ближе, чем это было необходимо в пустой карете, и ему пришлось на ум, не задумывает ли он чего-нибудь. В это время подвинулся и гос-

подин, сидящий справа, вежливо объясняя, что так приказано садиться, чтобы для входящих были свободные места.

Это казалось естественным и послужило поводом к такому интересному разговору, что Клод перестал думать худо и о левом соседе, тем более, что тот положил на колени свои руки в черных лайковых перчатках. На нем был широкий плащ, как у маркиза, и он смотрел в окно, не вмешиваясь в разговор сидящих около него.

Жуан незаметно наблюдал за обоими, пока омнибус катился по улицам. До квартала, где находился ночлежный дом, было еще далеко, маркиз назвал кондуктору улицу, около которой хотел выйти. И тут ему показалось, что кто-то тронул его плащ. Он быстро посмотрел на своего соседа, но руки того неподвижно лежали на коленях, потом он встал, чтобы выйти из омнибуса.

В эту минуту мальчик, который все время сидел, не шевелясь, быстро вскочил и, бросившись на удивленного господина, схватил его за ноги, не пуская из кареты.

— Эй вы, посмотрите ваши карманы! Этот человек обокрал вас!

Эти слова относились к маркизу, который был очень удивлен смелым поступком маленького, болезненного ребенка.

Но прежде чем он мог осмотреть свой карман, его сосед справа тоже вскочил и, сильно ударив ногой мальчика, хотел освободить своего товарища.

Но Жуан крепко держался за ноги, хотя и кричал от боли. Задержанный им господин начал избивать его и наверное бы ушел, если бы маркиз действительно не убедился бы в потере кошелька.

— Вас обокрали, сэр, этот человек положил на колени фальшивую руку, а сам правой рукой очистил ваш карман, я видел это,— плача, кричал Жуан, между тем как на него продолжали сыпаться удары.

— Негодный мальчишка! — закричал правый сосед маркиза.— Бьюсь об заклад, что это он вас обокрал, мистер, в то время как вы входили в омнибус.

— Я не знаю, чего вы от меня хотите, как смеете вы задерживать меня! — заорал и левый сосед, принимая угрожающий вид.

— Позвольте, господа, мальчик прав, мой кошелек, действительно, пропал в омнибусе,— возразил Клод, и потому я должен попросить вас не оставлять кареты раньше, чем дело не разъяснится!

— Хорошо! Но вы обращаетесь не к тому, к кому следует с вашими подозрениями, сэр, и это может вам дорого стоить; я ручаюсь, что мальчик обокрал вас!

— Это, должно быть, действительно, верно,— вмешался кондуктор,— эти уличные мальчишки всегда сами виноваты и стараются выпутаться такими штуками. Позвольте, сэр, здесь что-то лежит на полу.— Кондуктор поднял кошелек маркиза; — видно, мальчишка бросил его, когда увидел, что дело плохо.

— Не бейте мальчика! — повелительно закричал маркиз левому соседу, который так яростно бил Жуана, что бедное дитя с воплем упало на пол.— Если бы мальчик был мошенником, он не задержал бы вас, а постарался скорее убежать.

— Как, так вы действительно думаете, милорд, что этот господин, которого я знаю, так как мы почти каждый день едем вместе, обокрал вас! — воскликнул другой, показывая увесистый кулак, чтобы придать больше веса своим словам.

— Мое дело с этим господином не касается вас.

— Я свидетель!

— Пойдемте со мной к полисмену! — продолжал левый сосед в сильном гневе. — Велите остановить карету!

— Я готов, — отвечал спокойно Клод, взяв на руки мальчика, у которого текла кровь из раны на голове. — Бедное дитя!

— До смерти нужно было избить этого проклятого мальчишку.

— Не трогайте его, — закричал маркиз, выпрямляясь, — мое терпение истощится, наконец.

В то время как omnibus останавливался, оба негодяя обменялись условными знаками и вышли из кареты вместе с маркизом, который нес на руках обессиленного мальчика. Они достигли предместья и шли по довольно уединенной улице.

Клод де Монтолон затерялся бы в этой местности, если бы не маленький Жуан, который понемногу пришел в себя, хоть кровь еще текла из нанесенной ему раны.

Едва прошли они двадцать шагов, как маркиз заметил, что человек, обвиненный мальчиком в воровстве, что-то украдкой бросил на землю. Он быстро нагнулся и прежде, чем оба мошенника могли помешать ему, поднял черную перчатку, набитую ватой, так что она очень походила на руку в черной перчатке. Фальшивая рука, как назвал ее маленький Жуан, которую кладут для того, чтоб скрыть движение настоящей в кармане соседа.

Этой находки было достаточно для обвинения.

Оба мошенника заметили, что маркиз нашел фальшивую руку, они указали ему узкую улочку, в которой якобы должна была находиться полиция.

Жуан наклонился к несущему его маркизу:

— Не идите с ними, там нет полиции, они хотят заманить вас в западню, сэр, — прошептал он.

— Я не боюсь этих мошенников, милый мальчик, — смеясь, тихо отвечал ему маркиз.

— Пожалейте себя. Вы не знаете силы этих людей. Еще десять шагов, и вы будете в узкой улице, где одного свистка этих мошенников довольно, чтобы на вас бросилась дюжина их товарищей.

— Благодарю, дитя. Ты так мал, и уже знаешь этих злодеев, — сказал удивленный маркиз и громко прибавил: — В этой улице нет полиции, я не пойду туда и попрошу вас лучше подождать тут на углу минутку.

— Как, вы хотите уйти? Это нельзя, — закричали в один голос мошенники, — вы должны идти за нами! Это может оскорбить каждого честного человека!

— Не приближайтесь ко мне, говорю я вам, — угрожающе проговорил Клод, — я убью первого, кто подойдет, мое терпение истощилось, мошенники!

— Как мошенники! Долой этого негодного иностранца,— закричали оба вора и пронзительный свист разнесся по улице.

— Пожалейте себя, вы погибли,— прошептал мальчик, которого маркиз поставил на мостовую, чтоб освободить руки для защиты. Он выхватил револьвер и направил его на обоих мошенников, которые поспрыгали в ожидании выстрела. Насколько они были храбры и наглы, думая одержать верх, настолько теперь сделались трусливы, завидя оружие.

— Еще слово, еще свист, и я сам распоряжусь с вами! Не думайте запугать меня, вы ошибаетесь! Вот ваша фальшивая рука, негодяи! Я возвратил свой кошелек, и потому не хочу входить с вами в полицейское разбирательство. Но не думайте, что вы можете грабить каждого иностранца и заманивать в ваши ловушки!

— Он уходит от нас! Долой этого иностранца! Смерть проклятому мальчишке! — завопили мошенники.

Жуан уцепился за маркиза; в отдалении на улице показалось множество темных личностей, но оба вора не осмеливались подступить ближе.

Мальчик изо всех сил тащил маркиза подальше от этой улицы.

В это время показалась знакомая мошенникам фигура полисмена, и они вместе с товарищами скрылись из виду с быстротой молнии. Улица мгновенно опустела.

— Теперь мы спасены,— сказал мальчик и благодарно прижался к маркизу, как будто тот спас ему жизнь.

— Они точно провалились сквозь землю,— отвечал маркиз, смотря на улицу и пряча в карман револьвер,— эти разбойничьи притоны не хуже, чем в Перинях. Пойдем, малютка, ты слаб и ранен. Где дом твоих родителей, я снесу тебя туда.

— Дом моих родителей! Бог ты мой! Да у меня нет родителей, сэр.

— Как, ты сирота? Куда же ты ехал спать ночью?

— В ночлежную комнату в Ольд-Кент!

— Я тоже ехал туда! Ты ночуешь в таком доме?

— Уже несколько месяцев. У меня никого нет на свете, сэр.

— Как же тебя зовут, мой дорогой? — спросил маркиз, подняв опять на руки обессиленного мальчика.

— Меня зовут Жуан, сэр.

— Жуан! Это имя не подходит к Лондону.

— Потому они и смеются все над моим именем, не могут его выговорить.

— И у тебя нет ни родителей, ни братьев, ни сестер?

— Я знаю только одну добрую Милли. Она всегда защищала меня и достала для меня щетки, которыми я зарабатываю каждый день несколько пенсов.

— И ты все-таки остался настолько честным, что готов был скорее дать прибить себя, чем оставить меня жертвой воровства?

— Конечно, сэр, даже если бы они до смерти прибили меня! Я видел, что злодей обкрадывал вас.

— Не хочешь ли ты лучше пойти со мной, чем в ночлежный дом?

— Я не знаю, сэр!

— А как ты посмотришь на то, если мы теперь вместе пойдем в ночлежный дом, а оттуда в мою квартиру?

— Как хотите, сэр, я во всем доверяю вам, как хотите!

— Ты славный мальчик! Твоя храбрость и честность тронули меня! Тебе очень больно?

— О нет, сэр, если бы вы только позволили обнять себя.

— Обними, Жуан! А теперь покажи мне дорогу в Ольд-Кентскую улицу! Мне нужно отыскать в ночлежной зале матроса Коннеля.

— О, знаю его, сэр! Он бывает там каждый вечер. Он почти всегда пьян.

— Так ты покажешь мне его?

— Конечно, сэр! Я часто по вечерам разговаривал с ним. Он очень добродушен, когда не пьян! Он рассказывал мне, что брат хотел взять его несколько времени тому назад на испанский пароход, но он не поехал.

— Его-то я и ищу!

— Нужно пройти через новую Кентскую улицу и потом направо мимо церкви Прибежища. Видите вы там большой одноэтажный широкий дом?

— С ярко освещенным подъездом?

— Да, сэр... я не знаю еще вашего имени,— сказал Жуан с детской доверчивостью.

— Называй меня дядя Клод! Значит, нам нужно зайти в тот дом?

— Может быть, позвать Коннеля сюда?

— Ты сам едва можешь идти, Жуан.

— О, если я вам только могу услужить! Я очень бы хотел помочь вам!

— Мы войдем вместе, и ты покажешь мне Коннеля.

— Хорошо, но тогда вам придется заплатить за вход. Вот мои полпенни.

Жуан вынул из кармана своей курточки маленькую монету и подал ее маркизу.

— Странное дитя,— сказал, улыбаясь, Клод,— зачем они мне?

— Без денег никого не впускают, дядя Клод, даже если нужно только отыскать кого-нибудь.

— И ты думаешь, что я возьму твои последние деньги, чтоб заплатить за вход?

— Извините, дядя Клод, у меня в кармане есть еще несколько полупенсов,— сказал с торжеством маленький Жуан, вытаскивая несколько медных монет.

— Оставь их у себя, Жуан,— отвечал маркиз с улыбкой, которая всегда появлялась у него, когда он слышал или видел что-нибудь очень приятное. Мальчик нравился ему все больше и больше. Он заплатил за него и за себя входные деньги и пошел, сопровождаемый Жуаном, в ночлежную комнату, атмосфера которой неприятно поразила его.

При свете коптящей лампы он увидел множество посетителей, лежавших под одеялами; иные уже храпели так сладко, как будто они

спали на пуховиках, а другие без лишних церемоний снимали с себя верхнее платье.

Маркизу показались стойлами эти постели, разделенные перегородками, и он подумал, что не хотел бы спать на соломе, на которой раньше спало множество других людей. Чувство брезгливости овладело им.

Жуан был хорошо знаком с посетителями. Одни приветливо кивали ему головой, другие дружески здоровались за руку, они шутили с ним и удивлялись, что он привел нового знакомого.

— Мы не останемся здесь,— воскликнул Жуан торжествующим тоном, который вызвал улыбку у маркиза,— мы заплатили входные деньги только затем, чтобы видеть Коннеля. Где Коннель? Он уже здесь?

— Вот он храпит,— отвечал мальчик немного старше Жуана.

— Хорошо! О, он опять напился,— сказал Жуан маркизу и подошел к матросу, который ничего не слышал, продолжая спать непробудным сном.

— Мы должны поговорить с ним,— прошептал маркиз,— постарайся узнать у него, Жуан, куда отправился пароход, на который брат хотел его взять.

— А больше ничего не нужно, дядя Клод? Это и я мог бы вам сказать, и мы бы сэкономили входные деньги. Пароход поехал в Гавр — Коннель говорил мне это.

— В Гавр. Это так же хорошо, как и Париж. Ты это, наверно, знаешь, Жуан?

— Если хотите, дядя Клод, я еще раз спрошу у Коннеля.

— Спроси, Жуан! Я хочу узнать самые точные сведения.

Мальчик подошел к храпевшему матросу.

— Эй, добрый Коннель! Проснись, Коннель! Послушай!

Матрос повернулся на другую сторону, издав какой-то невнятный звук.

— Что такое? А, это ты, Жуан! Что тебе нужно?

— Скажи, пожалуйста, добрый Коннель, куда хотел взять тебя с собой твой брат, рулевой?

— Черт его побери,— засмеялся Коннель,— в Гавр! Деньги я взял, но я не люблю уезжать из Лондона; мне здесь очень нравится, и я не мог с ним расстаться!

— Значит, в Гавр, добрый Коннель, ты точно это знаешь?

— Убирайся к черту, как же мне этого не знать! Я даже скажу тебе, как называется пароход,— отвечал матрос, приподнимаясь.

— А в самом деле, как он называется?

— «La flecha», мальчик,— «Стрела». Я получил 10 фунтов стерлингов в задаток. Они уже все потрачены,— и матрос для доказательства вывернул оба кармана своей куртки: — посмотри, больше нет ни одного шиллинга! Но Коннель сумеет выйти из беды. Они поехали в Гавр, а оттуда, кажется, в Париж!

Жуан посмотрел на стоящего около него маркиза, как бы желая спросить: «Все ли мы узнали, что нужно?»

— Дайте место! Ложитесь или сойдите с дороги,— закричал на маркиза и мальчика новый посетитель, которому те загородили проход.— Здесь место не для болтовни, а для сна.

Клод кивнул мальчику, он узнал все, что ему было нужно. Жуан подошел к нему, спрашивая, хорошо ли он выполнил свое дело, и маркиз, выйдя вместе с ним из комнаты, похвалил его.

Высокий человек, принимавший входные деньги, очень удивился, что находятся люди, которые так рано оставляют залу, и с недоверием посмотрел на мальчика и мужчину в длинном плаще. Но маркизу не было дела до него, он был рад выйти на улицу из темного и душного помещения.

— Ты славный, милый мальчик,— сказал он Жуану, ослабевшему от боли и потери крови; — ты всегда проводишь здесь ночи?

— А дни на улице,— прибавил Жуан.

— Больше этого не будет, бедное дитя! Сколько тебе лет, и кто был твой отец.

Мальчик пожал плечами.

— Я не знаю, дядя Клод,— ответил он чуть слышно.

Маркиз ощущал все большую симпатию к сироте, которого случай послал на его дорогу.

Он взял Жуана на руки, донес до первого кэба и нанял его, чтобы скорей доехать с мальчиком до улицы Ватерлоо.

XVIII

БРИЛЛИАНТОВЫЙ КРЕСТ

Смерть герцога Оссуны и самоубийство кассира Генри в доме графини Монтихо заставили лондонскую полицию обратить внимание на жилище этой женщины. После этих двух случаев, последовавших так быстро один за другим, власти, естественно, начали недоверчиво смотреть на иностранку. В очень вежливом тоне ей посоветовали оставить столицу Англии, и она тотчас же отдала приказание запаковать чемоданы.

Евгения ничего не знала о случившемся, и, по-видимому, новость об отъезде не особенно опечалила ее. Жизнь на севере не казалась ей привлекательной, и она согласилась с матерью основать в Париже свою резиденцию. Евгения и раньше мечтала об этом. Блестящий Париж с его приятною жизнью по нравам и обычаям гораздо более походил на ее родину, чем холодный Лондон, давно уже манил ее.

Мысли, волновавшие теперь графиню, нисколько не беспокоили Евгению; она никогда не спрашивала, откуда брались средства для подобного образа жизни и для великолепных нарядов; она едва знала, что для этого нужны деньги и даже довольно большие, а нежная матушка ни разу не дала почувствовать своей дочери, что после смерти Генриха она находилась в не особенно приятном положении.

Теперь нужны были новые источники, чтобы и в Париже жить на широкую ногу. К счастью, графиня принадлежала к числу тех натур, которые не слишком ломают голову из-за завтрашнего дня! Она рассчитывала на то, что и в будущем, вероятно, найдется немало благородных людей, желающих самым деликатным образом отплатить испанской графине за приятные часы, проведенные у нее.

Еще недавно какой-то русский сановный богач подарил любезнейшей графине великолепный букет, в котором она нашла несколько тысяч билетов лондонского банка; она приятно улыбнулась при виде такого внимания, за которое она могла не благодарить, так как благодетель уже уехал, и с материнской заботой постаралась скрыть от дочери это доказательство признательной дружбы.

И Карл Мальборо, не объявляя своего имени, прислал матери и дочери по драгоценному ожерелью; одно было усыпано бриллиантами и смарагдами, второе же, предназначавшееся для Евгении, все состояло из жемчуга, посреди которого блестел роскошный крест, осыпанный 32 большими бриллиантами.

Стоимость этих двух ожерелий была очень велика, но что значили для богатого графа эти тысячи, если благодаря им он мог доставить удовольствие дамам, с которыми проводил такие приятные вечера.

Лорд Кларендон тоже не забывал некогда любимую им госпожу Монтихо! Этот англичанин был умный и благородный человек, и если бы легкомысленные знакомства графини не заставили его совершенно отшатнуться от нее, он был бы и теперь ее верным и постоянным защитником. Этот просвещенный человек не мог видеть образа жизни графини, но как он ни увещевал ее, как ни просил, все было тщетно, его советы принимались графиней с такой иронической улыбкой, что он потерял всякую охоту вмешиваться в ее жизнь.

Он и теперь аккуратно высылал ей довольно значительные суммы, но их едва хватало на три или четыре дня. Для такой жизни, какую вела графиня Монтихо, необходимы были миллионы, жертва одного поклонника не могла удовлетворить потребности этого дома. Евгения, казалось, была здесь повелительницей, все преклонялось перед ней, что доставляло гордой девушке большое удовольствие. Она могла располагать всеми, кто только являлся в салоне ее матери; каждый старался не только сказать ей любезность, но и выразить свое горячее поклонение. Некоторые, действительно, поклонялись ей, покоренные ее поразительной красотой, другие же делали это просто по привычке и из любви к любовным похождениям, но ни те, ни другие не достигали цели: умная и кокетливая Евгения щедро одаривала их своей очаровательной улыбкой, а в душе смеялась над их глупыми надеждами.

Она была той опасной Дианой, которой предсказали, что один из принцев сломит ее гордость, но до сих пор этот принц не являлся.

В ту ночь, когда Евгения в мадридском замке услышала разговор Нарваеса с маркизой де Бельвиль, а затем была оставлена герцогом Альбой, она поклялась возвыситься над всеми, показаться в таком блеске, который ослепит всех, кто окружает ее, и эта клят-

ва полдерживала ее всюду, казалась ей высшей целью жизни; мать полдерживала и еще более укрепляла эти смелые надежды!

Чем прекраснее и воодушевленное был взгляд ее темно-голубых глаз, в которых, казалось, сверкало море любви и чувства, чем привлекательнее был ее звонкий голос, тем она была опаснее, потому что все, что выражали ее глаза и произносили ее губы, было рассчитано только на то, чтобы победить и подчинить окружающее силе женской красоты.

Евгения была избалована; повсюду она видела самое раболепное обожание и перестала сомневаться во всемогуществе своей красоты, она верила в себя. Ей никогда не приходило в голову, что кто-то может оставаться равнодушным при виде ее, а если она и замечала что-нибудь подобное, это выводило ее из себя; потому она, вероятно, и чувствовала живейший интерес к дону Олимпио Агуадо! Мучительное сознание, что он предпочитает ей другую, и что дочь простого зрителя может похвалиться его любовью, не давало ей покоя. В продолжение нескольких лет она ничего не знала о Долорес; по слухам, она находилась здесь, в Лондоне, но этим слухам Евгения не придавала никакого значения. Почему же дон Олимпио избегал салона графини Монтихо?

Она знала, что Олимпио интересуется ею, это доказала встреча на мосту Челси. Но гордой графине хотелось видеть славного донна у своих ног. Она не могла допустить, чтобы Олимпио любил другую. Со дня на день ее желание владеть им возрастало. Она хотела убедиться, действительно ли между ней и Олимпио стоит Долорес. Неужели эта бедная девушка осмелится соперничать с графиней Монтихо! Евгения подозревала это, и такое подозрение доставляло ей страдания. Она решила во что бы то ни стало увидеть Олимпио.

Ей казалось, что она любила этого мужественного человека, а теперь, когда он предпочел другую, любовь еще усилилась, смешавшись с завистью и стремлением к победе.

Она раздумывала, где бы ей с ним встретиться. Но судьба сама помогала ей. Она увидела его еще раз до отъезда из Лондона.

В это время в ковентгарденском театре выступила всемирная значимость, прекрасная Дженни Линд, которая привлекала всю лондонскую аристократию своим прекрасным пением.

Графиня Монтихо с дочерью также постоянно появлялись в ложе, возбуждая всеобщее восхищение. Красота и богатые наряды Евгении обращали на себя завистливое внимание гордых лондонских аристократок.

На третий вечер после своего решения Евгения увидела Олимпио в театре, в одной из соседних лож. Она решила осуществить свое страстное желание, более благоприятного случая могло не представиться, и прекрасная графиня торжествовала. Дон Олимпио поклонился, увидев своих соотечественниц, но напрасно надеялась Евгения, что он войдет в их ложу. Он казался сильно увлеченным музыкой и пением Линд, и во время всего представления ни разу не встал со своего места.

Евгения волновалась, она не могла перенести такого равнодушия к себе. Ее самолюбие было оскорблено. Однако гордая графиня не унывала. У нее было средство заставить Олимпио следовать за собой в Париж. Маркиз обещал ей исполнить ее просьбу, и этого обещания было совершенно достаточно, чтобы и Олимпио последовал в Париж.

За несколько минут до окончания спектакля обе дамы поднялись со своих мест. Евгения наблюдала за ложей донна Олимпио; она помедлила некоторое время и как только заметила, что он выходит из ложи, тотчас же направилась к выходу.

В коридоре было еще пусто; Евгения послала лакея за экипажем, а сама начала медленно спускаться по лестнице вслед за своей матерью.

Олимпио, надев пальто, тоже сходил с лестницы.

В это время Евгения быстро и сильно прижала кольцо ожерелья, намеренно уронив бриллиантовый крест, который упал на мягкий ковер, устилавший лестницу.

Чудесные камни блестели так ярко, что Олимпио, спускаясь, заметил прекрасный крест и поднял его.

Никто, кроме графини, не мог потерять этого драгоценного украшения, потому что только она одна спускалась сейчас по лестнице.

Олимпио заметил, что одного из камней не доставало и наклонился еще раз, но старания его были напрасны; зрители повалили в это время к выходу, и камень безнадежно затерялся. Он подумал, что Евгения уже заметила свою потерю и беспокоится; его обязанностью было тотчас же передать ей находку.

Он бросился вниз, но народа было так много, что он не мог догнать графиню.

У театрального подъезда, где разъезжались кареты, в нескольких шагах от себя он увидел Евгению, но толпа снова оттеснила его, и графиня уехала на его глазах.

— Черт побери,— пробормотал он, стоя некоторое время в нерешимости,— мне ничего не остается, как только ехать сейчас же к графине Монтихо. Я должен передать ей этот крест; когда она будет снимать свои драгоценности в будуаре, то немедленно заметит потерю, о которой она теперь, может быть, еще не знает.

Олимпио, не подозревая о намерениях прекрасной графини, приказал сидевшему на козлах Валентино ехать в отель госпожи Монтихо.

Он вошел в карету, держа в руках крест.

Валентино, несколько удивленный приказанием своего господина, повиновался.

Карета быстро покатила по улицам и скоро остановилась у красивого дома, от которого только что отъехала карета дам, живших в верхнем этаже.

Олимпио приказал немедленно доложить о себе, графине.

План Евгении блистательно удался. Она верно рассчитала, что Олимпио найдет крест и сам привезет его, чего только и добивалась Евгения. Изобразив удивление, она велела принять знатного донна в

своей приемной, сама же подошла к зеркалу в соседней комнате и искусной рукой придала растрепавшимся локонам кокетливый вид. Она имела полное право быть довольной собою, красота ее была соблазнительна. Прозрачная тюлевая отделка дорогого атласного платья с глубоким вырезом обнаруживала ее роскошные формы, беломраморная шея и чудные плечи, на которые падали густые локоны — все было выставлено с такой рассчитанной соблазнительностью и с таким блеском, что это сочетание природной красоты с искусством просто поражало.

И Олимпио стоял, пораженный красотой Евгении, не отрывая глаз от ее чудного лица. Никогда еще не казалась она ему такой красивой, как в этот ночной час. Роскошь приемной залы еще более способствовала этому впечатлению.

— О, мой дорогой дон, я думала, что ослышалась, когда мне доложили о вас, — сказала она с обворожительной улыбкой, которая всегда сияла на ее губах, когда она была уверена в победе; — неужели это вы? Как давно мы не виделись!

— Полчаса тому назад я имел честь поклониться вам в театре, донна, — заметил Олимпио и подошел ближе, чтобы прижать ее белую руку к своим губам.

— Ах, да, но я говорю не о встречах издали, дон Олимпио, — сказала она с тонкой иронией; — у вас, вероятно, были очень важные дела; впрочем, это сердечные тайны, в которые я не имею права вмешиваться! Я довольна, что ничем вас не огорчила, — потому что вижу вас у себя. Вы не можете себе представить, как мне приятны такие, я бы хотела сказать, дружеские посещения, напоминающие мою далекую прекрасную родину! Да, да, дон Олимпио, вы тоже принадлежите к этим избранным лицам, и если бы вы знали, какое удовольствие доставляет мне ваше посещение без приглашения, вы бы, вероятно... но разве не так? Вы странно улыбаетесь.

— Я должен возразить на ваши любезные слова, которые меня конфузят и в которых виден упрек, донна.

— Как я должна понять это? Вы, значит, и сегодня пришли не по внутреннему желанию, а...

— Остановитесь, графиня! Мне тяжело слушать вас, так как я чувствую себя виноватым.

— Ай, ай, мой благородный дон, я, значит, и в вас ошиблась — это мне очень больно. Знаете ли, дон Олимпио, что было время, когда я на вас очень надеялась и охотно называла своим кавалером. Теперь это время далеко и, кажется, все более отдаляется, но воспоминание об этом для меня очень дорого!

— Вы правду говорите, графиня? Теперь позвольте мне открыть вам причину, которая привела меня сюда!

— Садитесь, дон Олимпио, вы, следовательно, так далеки от бедной графини Монтихо, что приходите только тогда, когда на то есть причина, — произнесла Евгения с грустным выражением, — а я всегда думала, что соотечественники на чужой стороне ближе стоят друг к другу, но все дорогие мечты и надежды, которые я себе рисовала, все более уничтожаются; от прошедшего очарования и от

чудных слов, которыми украшаешь свою жизнь, остается холодная грубая действительность. Это грустно, дон Олимпии, пока сама не охладеешь и не привыкнешь к этой горькой правде.

— Евгения, неужели слезы блестят в ваших глазах? Неужели я не ошибаюсь? Я думал, что у вас ледяная кровь. Я вас обидел? О, тогда простите меня!

— Вы считали меня холодной, Олимпии? Я думала, что у вас нет для этого оснований! вспомните о том карнавале...

— На котором вы защищали и спасли меня и маркиза; мы всегда будем обязаны вам за это, и вы всегда имеете право обратиться к нашей шпаге.

— Вы не знаете, Олимпии, что это спасение было причиной самых отвратительных интриг в Мадриде; что та, которая открыла вам ворота, назвала изменницей, но не могла же я поступить иначе, Олимпии, хотя и подвергалась опасности и немилости.

— Требуйте моей жизни, графиня.

— Как часто мне приходится слышать эти чудные слова, мой благородный дон, — иронически засмеялась Евгения, — и как легко возбуждать и уничтожать такие надежды.

— Олимпии Агуадо никогда не обещал того, донна, чего он не исполнял, каждое его слово — правда.

— Докажите мне это, мой благородный дон, ответьте только на один вопрос: что заставляло вас держаться так далеко от Евгении? Я требую откровенности. Скажите, дорогой дон, неужели правда, что на нашей дороге стала Долорес, дочь смотрителя замка, пение которой мы слышали у герцога Медины? Она произвела на вас такое сильное впечатление? Она обворожила Олимпии и разлучила его с Евгенией? Я читаю ответ на вашем лице, мой благородный дон, все было так, как я думаю! Ну тогда, Олимпии, ступайте, нам лучше разлучиться; я не хочу быть соперницей той, у которой на руках ребенок.

— Евгения, — вскричал Олимпии, отступая в большом волнении, — разве я для этого пришел сюда? Браните меня, упрекайте самыми ужасными словами, но пощадите это создание, которое страдает из-за меня и, кажется, навеки для меня потеряно.

— Довольно, мой благородный дон, вы любите эту Долорес. Я не желаю разрушать чужого счастья и основывать свое на несчастье другого, я не желаю быть ее соперницей, — сказала Евгения ледяным голосом, от которого Олимпии вздрогнул. — Когда вы мне признавались в любви на карнавале, когда вы стояли на коленях предо мною, осыпая меня розами, тогда я мечтала о счастье и блаженстве, ослепленная любовью, я всегда думала, что могу считать вас своим верным другом, теперь мне все ясно — вы все забыли в объятиях Долорес.

— Я только раз видел ее мельком, графиня; она во власти одного подлеца.

— О, она сумела возбудить вашу жалость, родную сестру любви. Простите, что я не спросила раньше о причине вашего внезапного появления. Но что такое — я потеряла свой бриллиантовый крест!

— Позвольте мне возратить его вам, Евгения; я нашел его в театре.

— Так это и привело вас сюда, Олимпио? О, я желала бы, чтобы кто-нибудь другой нашел крест, мне бы тогда не пришлось пережить этого часа,— прошептала Евгения, закрывая лицо руками. Она с трудом играла свою роль и казалась сильно взволнованной; может быть, эта тяжелая роль была выше ее сил. Она надеялась торжествовать над Олимпио и сама попалась в свои собственные сети, потому что так естественно не может играть самая искусная актриса. Евгения чувствовала, что слабеет, что этот прекрасный дон, которого она теперь видела так близко, приобрел над нею больше власти, чем она это думала.

Олимпио подошел к ней, взял ее дрожащую руку, посмотрел в ее печальные глаза; она была так прекрасна, так восхитительна... Он почувствовал, что магическая сила притягивает его к ней. Слезы текли из ее глаз, лед, сковывавший ее сердце, быстро растаял. Можно было победить ее в эту минуту и заставить забыть страсть к господству, холодность и все ее честолюбивые планы. Казалось, что и эта интриганка была способна на глубокое чувство.

— Евгения,— прошептал Олимпио, привлекая ее к себе,— я не могу видеть ваших страданий! Позвольте мне осушить эти слезы.

— Прочь! Прочь,— отвечала она,— все погибло, все, и слезы еще сильнее потекли из ее глаз.

Олимпио, не в силах противостоять ее очарованию и ее слезам, обнял прекрасную женщину и стал поцелуями осушать слезы на ее щеках.

Она встала, как бы проснувшись от счастливого сна, еще чувствуя его горячие губы на своих щеках.

— Что вы делаете, Олимпио,— проговорила она, открывая свои глаза и пытаясь освободиться из его объятий.

— Я хочу прикрепить бриллиантовый крестик на прежнее место,— отвечал он тихо,— сделайте мне это одолжение, Евгения.

— Нет, пусть он останется у вас в память об этом часе, Олимпио, смотрите на него, как на амулет, на талисман! Покажите мне его, когда захотите напомнить об этом часе и моей любви, и я всегда, где бы ни была, отзовусь на это воспоминание! Я прошу вас, возьмите его! Я долго носила и любила его, и потому мне хочется, чтоб он был в ваших руках.

— Талисман?.. Благодарю, Евгения,— сказал Олимпио, глядя на блестящий крест в своих руках.

— Посмотрите,— прошептала Евгения, показывая на пустое место,— один камень потерян, неужели это предзнаменование?

— Я бы хотел взять с этим крестом все, что вас огорчает, Евгения! Я буду беречь его, как самое дорогое сокровище! В тяжелые минуты жизни я буду носить этот крест, чтобы он помогал мне в опасности, и еще тогда, когда мне нужно будет охранить вас от несчастья. Пусть служит он нашим хранителем, пусть безгласно говорит и напоминает вам: Евгения, подумай о твоём обещании, подумай о часе, когда ты сделала этот крест талисманом! И этот зов будет пред-

остережением, если мы будем стоять у пропасти, он будет проникать в самую глубину наших сердец. Я уеду, Евгения, но я беру с собой драгоценный залог! Вы уезжаете в Париж, говорил мне Клод де Монтолон; мы тоже хотим переехать туда в скором времени! Прощайте!

— Олимпио, с вами уходит от меня мой добрый гений; я чувствую это, этот час никогда не возвратится,— сказала Евгения. Кажется, она хотела удержатъ его около себя, как будто он возбудил в ней в эту ночь новую жизнь, новые надежды и стремления.

— Мы снова увидимся, Евгения, я буду вблизи вас, хотя вы не будете больше думать обо мне. Вы будете видеть свет талисмана, который вы мне дали! Прощайте!

Олимпио повернулся к выходу. Евгения стояла как околдованная и смотрела вслед. Он поклонился еще раз и исчез за портьерой.

Она беспомощно протянула руки ему вслед, губы ее чуть слышно произнесли его имя, но его уже не было. Она стояла одна в комнате, прекрасный сон исчез. В эту минуту она любила его и готова была пожертвовать своими честолюбивыми планами, лишь бы Олимпио любил ее, как Долорес.

Судьба разлучала их.

Еще долго графиня неподвижно стояла на том самом месте, где Олимпио поцелуями осушал ее слезы и она, как бы предчувствуя страшную будущность, дала ему талисман. Она провела рукой по лбу и глазам и медленно пошла в спальню, чтобы провести бессонную ночь.

Действительно, неисповедимы тайны человеческого сердца...

ХІХ

ПРИНЦ-ПРЕЗИДЕНТ

Прошло несколько лет после описанных событий. Пусть теперь благосклонный читатель последует за нами в современный Вавилон на берегу Сены — в шумные улицы Парижа. С нами он скоро почувствует себя там, как дома.

Париж — душа и сердце Франции; он разливает жизнь в отдаленнейшие части страны и даже далеко за ее пределы.

Пройдя великолепную аллею, ведущую от Триумфальных ворот к площади Согласия, доходишь до Елисейских полей, к ним прилегает маленький лесок из старых лип и вязов, устроенный Марией Медичи среди шумных улиц и любимый публикой за его красивое местоположение.

К этому лесу с севера примыкает парк Елисейского дворца, принадлежащего президенту республики принцу Людовику Наполеону. Фасад дворца с подъездом выходит на улицу Сент-Оноре и отличается величественной архитектурой.

Как и все другие дворцы, Елисейский пережил много превращений и часто менял своих обитателей. Когда-то в нем некоторое время жила мадам Помпадур, у которой собиралось знатное общество и преданные ей министры.

Впоследствии здесь поселился Наполеон во время ста дней, т. е. незадолго до своего падения. Веллингтон и император Александр оставались в нем, а позже жила герцогиня Берийская. Теперь же он выбрал как свою резиденцию принц-президент Людовик Наполеон.

Надежды принца сбылись самым блистательным образом. Единственным его соперником на выборах был генерал Кавеньяк, но этот храбрый и честный воин передал ему власть без всякого сопротивления, когда большинство голосов оказалось на стороне принца.

Наполеон достиг своего: он был во главе нации, его мечта начала мало-помалу осуществляться, и он шел прямо к намеченной цели, сбрасывая с дороги тех, кто, по его мнению, мешал ему. Но тщеславные люди, как известно, не могут удовлетвориться своим настоящим положением, они стремятся подняться еще выше и выше. Принц мечтал теперь о высших ступенях власти.

Он мечтал об императорской короне и не мог забыть своего дядю, умершего на острове Елены. Он хотел, как и тот, неограниченного господства над народом, который избрал его своим президентом.

«Темный человек» в последние годы разрабатывал планы для совершения этого смелого шага. Но время для него еще не пришло, приготовления были еще не закончены.

В один дождливый весенний вечер 1851 года множество экипажей подъезжало к подъезду Елисейского дворца. Из первого вышел человек с холодным, безжизненным лицом — это был герцог Морни, сводный брат Людовика Наполеона, незаконный сын прекрасной Гортензии и генерала Фланаута. Морни издавна пользовался весьма сомнительной репутацией в Париже, но с тех пор как его брат стал президентом, а он его доверенным лицом, никто не высказывал гласно своего мнения. Лакеи и камердинеры почтительно кланялись ему, когда он проходил по широкой лестнице, покрытой роскошными коврами, направляясь в покои президента.

Из второй кареты вышел человек несколько моложе первого; на нем был вышитый золотом мундир префекта полиции, на лице отражалась гордая уверенность в своем могуществе. Черные усы, которые вошли в моду потому, что такие были у президента, тщательно закручены, нос некрасив и длинен, глаза выражают какое-то беспокойство и раздражение... Человек этот был Карлье, начальник парижской полиции и потому почти ежедневный посетитель дворца. — Людовик Наполеон нуждался в помощи Карлье.

Из третьей кареты вышел генерал Персиньи, который, как и Наполеон, не останавливался ни перед какими средствами для достижения своих целей. Именно такие люди были нужны принцу. Он также прошел в комнаты президента.

Людовик Наполеон был в своем кабинете. Расхаживая по комнате, он диктовал письмо своему секретарю, сидевшему за большим круглым столом посреди комнаты.

Принц очень изменился к лучшему с того времени, как мы видели его в обществе мисс Софи Говард. В то время он выглядел бледным и грустным, теперь же стал красивым, довольно сильным человеком. Во взгляде его отражалась уверенность. На нем был статский сюртук, и на тонком жабо красовалась бриллиантовая булавка, подарок мисс Говард, которая до сих пор еще безумно любила его. Черные волосы принца, усы и эспаньолка блестели, тщательно приглаженные, полное лицо доказывало, что принц усердно заботился о сохранении своего здоровья. В глазах уже не светился, как прежде, огонек какого-то неудовольствия.

«Дорогой господин Фульд,— диктовал принц секретарю Моккуарду, изящному и скрытному человеку лет пятидесяти,— будьте добры вручить господину Фиеро, шефу генерального штаба национальной гвардии, немедленно по получении письма, сумму в десять тысяч франков, в которой он очень нуждается для одного частного дела».

Людовик Наполеон знал, что этой незначительной услугой он привяжет к себе человека, могущего впоследствии быть очень полезным.

Ему необходимо было любыми средствами добиться, чтобы армия была на его стороне и чтобы высшие военные должности занимали люди, чем-либо ему обязанные. Точно так же все места в префектуре были переданы лицам, на которых он мог вполне положиться. Все это он устраивал так спокойно и тихо, обдуманно и осторожно, что никто не замечал этих искусных приготовлений.

Моккуард подал ему письмо для подписи; Наполеон подписал свое имя и предоставил дальнейшие распоряжения секретарю, которому он вполне доверял. Моккуард был честнейший из всех приверженцев принца; этот секретарь служил верой и правдой тому, кто ему хорошо платил: он был в состоянии честно служить до конца жизни. При этом он умело пользовался доверием своего повелителя, из голодающего писаря он скоро сделался человеком, владеющим достаточным состоянием. Но разве можно строго судить его за это, когда он был постоянным свидетелем щедро раздаваемых подарков, за чем же ему было забывать самого себя?

Президент вышел из кабинета, оставив там секретаря, и отправился в приемную залу, роскошно убранную в стиле рококо.

Украшенная золотом, с большими зеркалами в простенках, с роскошной мебелью, ярко освещенная золотыми канделябрами, зала напоминала о временах Людовиков XIV и XV.

Кроме Морни, Карлье и Персиньи, здесь было еще несколько близких президенту лиц и генералов.

При появлении принца все встали и поклонились ему, некоторые пожали ему руку и потом собрались у стола, чтобы пить чай, поданный на золотых подносах.

Людовик Наполеон поговорил с Персиньи, которого он вывел в люди и который мог своими способностями оказать ему большие

услуги. Потом подошел к Морни и вместе с ним удалился в противоположный конец залы к мраморному камину.

Он облокотился на камин и завел с братом интимную беседу.

Когда оба сына королевы Гортензии были одни, они, разговаривая по-немецки, говорили друг другу ты; в общей же зале они употребляли более официальное обращение, даже если остальные гости и находились далеко от них и, казалось, были погружены в шумный разговор. Людовик Наполеон не отступал от этикета.

Герцог Морни находился теперь в очень стесненных денежных обстоятельствах, и Наполеон, хорошо зная, чем кончится разговор, посмеивался про себя. Морни был прежде всего человек удовольствий и до сумасшествия любил модные развлечения, в особенности игру. Охота, банкеты и любовницы обходились ему страшно дорого. Все еще помнили, как несколько лет тому назад Людовик Наполеон заплатил не только долги, но даже расходы на великолепные похороны этого «бескорыстного человека», как его тогда называли. Этим Морни во многом походил на отца, которого даже считают виновным в рождении Людовика; генерал Флакаут, любовник королевы Гортензии, был в молодости таким же легкомысленным и расточительным человеком, и никогда не имел денег! Теперь он был старым генералом у принца-президента — так играет иногда судьба со своими прежними любимцами.

— Я вчера провел славный вечер,— тихо рассказывал Морни,— лучше я бы и вам не мог пожелать, монсиньор.

— Не только славный, но и дорогостоящий вечер,— смеясь, заметил Наполеон.

— Разумеется, монсиньор,— приятная жизнь всегда требует расходов. За всякое удовольствие жизни, принц, надо платить. Маленький принц Камерата, испанец с горячей кровью, представил меня одной даме, при виде которой я узнал, что значит красота.

— Я думал, что вы достигли желаемого у графини Лехоно*.

— Вы меня неверно понимаете, монсиньор: общество, в которое меня ввел принц Камерата, в высшей степени интересно и привлекательно.

— Вы возбуждаете мое любопытство! Нельзя узнать, где находится салон, так восхваляемый вами? — спросил Людовик Наполеон.

— В улице Сент Антуан № 10, у графини Монтихо! Но я должен еще просить вас, монсиньор...

— Графиня Монтихо,— повторил принц-президент,— я уже слышал где-то это имя!

— Позвольте вам напомнить. Недавно произошла дуэль из-за графини Монтихо между полковником Сурвиллье и капитаном Флаксаулем! Первого преследуют и грозят строгим наказанием; вы можете прекратить это преследование, о чем я и хотел просить вас, монсиньор!

— Я понимаю, милый герцог, вас просили об этом, и вы обещали.

* Дама сомнительной репутации, была когда-то любовницей герцога Орлеанского.

— Как вы умеете угадывать, монсиньор! Действительно, все было так, вы правы.

— Следовательно, изменить обещанию нельзя, и я дам нужные распоряжения. Но я бы не хотел, чтобы вы часто давали такие обещания, милый герцог!

— Принц Камерата — любимец дам, — продолжал Морни, не обращая внимания на последние слова брата, — они также испанки, потому-то он и пользуется у них предпочтением. Мне бы ужасно хотелось, чтобы вы увидели графиню и ее не менее красивую мать.

— Для этого нужно найти случай!

— Без сомнения! Я об этом позабочусь! — поспешно прибавил Морни. — Позвольте вам сказать, что вы более чем равнодушны к мисс Говард, так мне кажется! Все знают об этих отношениях и...

— И что же? — нетерпеливо спросил Наполеон.

— И говорят об этом весьма неодобрительно! Вы знаете, монсиньор, что я откровенен. Это, может быть, мое единственное достоинство. Порвите лучше с этой англичанкой. Она, может быть, и прелестна, может быть, и любит вас, предана вам! Но вы не видели этой донны, тогда бы вы сказали: как мог я из-за такой любовницы быть предметом разговоров в Париже! Вы сердитесь на меня за то, что я вам говорю это. Но я обязан был сказать.

— Разве Говард называют моей любовницей?

— Давно известно, что тот, кого касаются такого рода сплетни, узнает их последним! Особенно если не имеешь друзей, которые бы передавали слухи. Разумеется, мисс Говард называют вашей любовницей, и кому от этого хуже, чем вам, монсиньор! Вам одному! И кто будет говорить так откровенно, как я!

— Я должен поблагодарить вас за это, герцог!

— Не могу не хвалить графиню Монтихо, вы должны ее видеть; позвольте мне... Да вот, кстати вспомнил, что через несколько недель будет большая охота в Компьене! Принц Камерата — в числе приглашенных. Там вы увидите прекрасную графиню!

— Как, разве графиня амазонка?

— Она испанка, и на бое быков привыкла видеть кровь! Она, несомненно, захочет присутствовать на охоте, и в лесу нетрудно будет найти подходящий случай для знакомства.

Людовику Наполеону давно надоело отношения с Софи Говард, но у него не хватало духу порвать их, так как он многим был ей обязан. Сообщение Морни о том, что ее открыто называют его любовницей, сильно обеспокоило его; нужно было избавиться от таких обвинений, чтобы хоть с этой стороны быть безупречным и не возбуждать толков — другие, более полезные для него разговоры должны были занимать публику, да и чем еще могла быть ему полезна Софи Говард?

— Я принимаю ваше предложение, милый герцог! Вы дадите мне случай увидеть на охоте вашу героиню, — сказал Людовик Наполеон, промолчав о Говард. Но про себя он в эту минуту уже решил окончательно порвать эту связь.

— Отлично! Я очень рад, что могу услужить вам, монсиньор, и знаю, что вы будете благодарны мне за это! Вот банкир Риколи, еврей, также бывает у госпожи Монтихо. Мне ужасно неприятно быть его должником.

— Гм,— засмеялся Наполеон,— сколько позволило ему его легкомыслие дать вам под расписку?

— Безделицу, монсиньор, даже смешно говорить об этом! Но я бы не хотел, чтобы он из такой безделицы выводил историю.

— Безделица эта кажется мне больше, чем вы ее представляете, иначе зачем так много лишних оговорок. Назовите мне долг, чтобы я поручил Фульду уплатить его.

— Вы в хорошем расположении духа, монсиньор, и я сумею отблагодарить вас. Я дал Риколи вексель в 120 тысяч франков.

— Надеюсь, что больше вы не дадите такого векселя, милый герцог,— заметил принц-президент тоном, отнюдь уже не шутивным.— Завтра вам не нужно будет стесняться Риколи!

Пока Морни благодарил брата, этот последний прекратил разговор, который обошелся ему так дорого, и обратился к другим гостям.

Разговоры продолжались за полночь. Герцог был в хорошем расположении духа. Наполеон с усмешкой вспоминал про себя о банкире и Морни, который умел так искусно приплести просьбу к разговору.

Когда все прощались, Морни нашел случай шепнуть принцу:

— Итак, на охоте в Компьене,— и с этими словами вышел вместе с Персиньи.

Остальные гости тоже раскланялись и вышли.

Когда Карлье подошел последним, чтобы проститься, Наполеон незаметно удержал его; президент хотел сообщить ему нечто, что не касалось других посетителей.

— Еще одно слово, милый Карлье,— сказал он, понижая голос. В улице Ришелье № 21 живет одна англичанка, Софи Говард, вы это, вероятно, знаете из списка. Мне необходимо избавиться от этой особы, но, понимаете, удалите ее под самым благовидным предлогом... Эта мисс не дает мне покоя и ставит безумные требования, надеясь, что силою обстоятельств я буду принужден исполнить их.

— Я имею честь знать эту даму,— заметил Карлье, почтительно кланяясь. Он знал об отношениях принца и англичанки.

— Между нами будь сказано, милый Карлье, мне бы хотелось избавиться от этой мисс Говард, которая возлагает на меня экзальтированные надежды и ставит безумные требования.

— Может быть, высылка? — тихо спросил префект полиции.

— Это будет слишком грубо и заметно, милый Карлье, мы должны найти другое средство для устранения этой дамы. Вы можете при своем уме и осторожности оказать мне в этом случае большую услугу.

— Положитесь на мою преданность, принц,— ответил префект,— я надеюсь в ближайшее время сообщить вам о выполнении вашего распоряжения.

Наполеон пожал руку человеку, получившему приказание освободить его от Софи Говард, от той самой Софи, которая, не задумываясь, пожертвовала принцу своим будущим, своей репутацией, честью и большей частью состояния, своим отцом и родиной. Так он отплатил ей за ее святое чувство и преданность.

XX

ПЕР Д'ОР

За парижской городской стеной, по дороге в Салблонвиль, у Булонского леса, уединенно стоял низенький домик. По виду он походил на трактир низшего разряда. Над кривой дверью висела вывеска с едва различимым изображением белого медведя и надписью «L'ours blanc». По обеим сторонам двери виднелись маленькие окна с грязными ставнями; перед домом гуляли куры, роясь в навозной куче, находящейся неподалеку. За домом виднелись еще более ветхие строения, служившие сараями и местом ночлега для бедных путников.

Хотя этот дом и походил на постоялый двор, но возле него очень редко останавливались экипажи. Внешний вид его был тщательно сохранен владельцем, который, видимо, имел на это основательные причины.

Трактир «Белый медведь» действительно имел иное значение, чем казалось на первый взгляд. Здесь не появлялись посетители, а только устраивались собрания тайных полицейских агентов.

Ни при одном государе тайная полиция не была так сильна и многочисленна, как при президенте республики, этот факт бросает достаточно мрачный свет на положение Франции, которая, как считалось, пользовалась свободой!

Владелец дома был когда-то вором и до сих пор вращался между людьми самого скверного пошиба. Это был хитрый, лицемерный человек лет 45, с круглым бритым лицом. Между преступниками он был известен под именем Pere d'Or — «Золотой папаша», это имя он получил после одного удачного воровства, благодаря которому он, как говорили, в золоте купался. И впоследствии он всегда находил средства для обогащения, а затем, просидев около десяти лет в тюрьме Мазас, стал шпионом. И хотя это не приносило больших доходов, зато давало спокойное и верное пристанище.

Полиция использовала этого человека, когда нужно было узнать о некоторых темных делах, так как он поддерживал знакомство со своими прежними товарищами и мог получить все необходимые сведения. Поэтому он и поддерживал прежний вид своего дома, стараясь, чтобы в нем останавливались на ночлег нищие, бедные путники и савояры, направляющиеся на заработки. Между ними, по большей части сомнительными личностями, он слыл добродушным человеком, не требовал большой платы за ночлег, и его сараи всегда были полны народом.

Пер д'Ор был в своем кругу очень уважаемым человеком и так искусно сохранял на своем лице добродушное выражение, что самые хитрые мошенники не думали о нем ничего дурного. Они удивлялись иногда, как это полиция узнавала об их планах прежде, чем они приводились в исполнение, но никому и в голову не приходило, что добродушный хозяин «Белого медведя» мог выдать их.

В один темный вечер, через несколько дней после приема президентом близких друзей в Елисейском дворце, свидетелями которого мы были, две странно одетые личности проходили по дороге, идущей на север от Булонского леса; они шли из улицы Сент-Оноре, где находится Пале-Рояль, с которым мы ближе познакомимся впоследствии.

Это были две нищенки, из которых одна казалась несколькими годами моложе другой. На ней был старый длинный коричневый платок, спускавшийся до земли, так что закрывал даже обувь. Старшая была одета в пальто, по виду которого можно была думать, что оно получено в подарок от знатной дамы или что нищая прежде вела иной образ жизни.

В столице часто встречаются люди, после величайшей роскоши впавшие в ужасающую нищету, к таким принадлежала и эта нищая. На голове у нее был шелковый платок, платье, хотя и вылинявшее, но из хорошей материи и со шлейфом! Нищая в платье и со шлейфом — по одному этому можно судить о пути, по которому пошла несчастная.

Шлейф, который прежде, может быть, был слишком короток, казалось, мешал ей теперь, и она подобрала его с такой легкостью и грацией, что, видя это, можно было представить себе, как когда-то она сияла в золоте и драгоценностях.

Уже было совсем темно, когда обе женщины проходили без всякого страха, по дороге. Вдалеке там и сям виднелись фонари, тусклый свет которых лишь едва-едва рассеивал ночную тьму. Нищие вели между собой оживленную беседу. Молодая рассказывала историю своей жизни; они встретились у ворот Пале-Рояля и успели завязать дружбу. Разговор их был достаточно интересен, чтобы послушать его, пока они дойдут до дома Пер д'Ор.

— Вы, говорят, маркиза? — спросила нищая в длинном платке.— Я же — дочь парижского палача. Теперь мы все равны, мне даже кажется, что мы страдаем за все человечество. И хорошо, что нас никто не знает и никто не спрашивает о нас.

— Дочь палача? Как, неужели он умер таким бедным?

— Он жив и совсем не беден, но он прогнал меня! Это коротенькая история и вы узнаете ее, пока мы дойдем до «Белого медведя». Это было шесть лет тому назад; тогда у меня были хорошие здоровые глаза, которые теперь скоро перестанут видеть. Родись я слепой, мне, может быть, не пришлось бы пережить такого горя, но прошлого не воротись. Я познакомилась тайком от отца с одним солдатом; он был уже немолод, но сумел обворовать меня, и я его страстно полюбила. Фиалин, так звали его, своими деньгами и нежными словами заставил меня совсем потерять голову. Отец часто

отправлялся в тюрьму Ла-Рокет, тогда я принимала Фиалина у себя. Он водил меня на танцевальные вечера и обещал жениться на мне.

— Добрый Фиалин! — заметила другая нищая с насмешливой улыбкой.

— Я верила ему; отец же, заставший меня однажды с солдатом, запретил мне видеться с ним. Он узнал, что Фиалин негодяй и хочет лишь оболгать меня. Но когда отец произносил эти ужасные слова, было уже поздно — я была привязана к Фиалину больше, чем к отцу. Я молчала и плакала, чего прежде со мной не бывало; Фиалин стал приставать ко мне, желая узнать причину моих слез. Наконец, я решилась передать, что сказал отец про него. Фиалин вспылил, хотел отомстить отцу за такие слова, но мне удалось уговорить его. Если бы у меня была мать, она бы уже давно заметила мое положение и предупредила ту страшную ночь, которую мне скоро пришлось пережить. Однажды была назначена казнь, а отец ночь накануне казни должен провести в тюрьме. Я предупредила об этом Фиалина, и он пришел сразу после ухода отца. Кроме меня, никого не было в доме. Я впустила его, он был пьян, что я скоро заметила, и страшно ругал отца. Я старалась успокоить его и после полуночи, вместо того чтобы уйти, он остался у меня. Я верила ему, любила его и поллюбила еще более страстно с тех пор, как почувствовала, что у меня под сердцем шевельнулся ребенок.

— Фиалин был порядочная шельма, — сказала старшая.

— Слушайте дальше! Когда я лежала в объятиях своего любовника, мне вдруг показалось, что кто-то идет по нашему двору. Я быстро вскочила, чтобы выпустить Фиалина, но, подходя к двери, уже услышала, как шелкнул ключ, еще минута — и отец стоял перед нами! В передней было темно.

— Стой, кто там? — грубо закричал отец. — Кто шляется здесь по ночам?

Отец был в бешенстве, это видно было по его голосу, он хорошо узнал нас впотьмах и, спрашивая, соображал, на что ему решиться! Фиалин ответил ему. Я не помню, что он говорил, он был пьян, и слова его только еще больше раздражали отца, который назвал его подлым мошенником, который хочет соблазнить его дочь.

— Хочет соблазнить? — вскричал Фиалин. — Старый дурак, вы ошибаетесь: он уже соблазнил ее.

И при этом он так засмеялся, что я содрогнулась и отступила в угол. Злая насмешка моего любовника вывела отца из терпения, он бросился на Фиалина, я думала, что он убьет его. Я хотела закричать, но дыхание замерло у меня в груди. Я увидела, как что-то блеснуло в воздухе — это была ужасная минута. Фиалин своей саблей ранил отца, который после этого бросился на него с еще большим остервенением. Фиалин был бы побежден, я знала силу отца, да к тому же противник его был пьян. Я кричала, просила, пробовала броситься между ними — все было напрасно! Отец сломал саблю солдата и собирался, кажется убить его ее обломком! Тогда я в отчаянии бросилась к отцу и вырвала из его рук оружие, спасая этим своего любовника.

— Беги, беги скорей,— кричала я,— умоляю тебя!

— И храбрый Фиалин бежал,— заметила другая нищая, угадывая конец.

— Он бежал, а отец выгнал и меня вслед за ним, тут же, ночью! Он проклял меня, сказав, что у него нет больше дочери. Он запретил мне когда-либо возвращаться к его дому, двери которого он навсегда закрывает для меня.

— Я просила, я умоляла его — все было напрасно! Он закричал мне, что я могу идти к тому, кого я защищала против него и кто обесчестил меня. Я видела, что мольбы мои напрасны и я должна была оставить отцовский дом, навсегда теперь потерянный для меня. О, как ужасны были дни и ночи, которые я провела после этого! Мой любовник бросил меня! Этот низкий человек назвал себя знатным именем и сделался авантюристом. Мне говорили, что он уехал из Парижа. Я осталась совершенно одна, без крова и каких-либо средств, была выброшена на улицу и обречена на нищету! Никто не принял участия в моей горькой судьбе. Да и какое дело людям до несчастий других...

— Каким же знатным именем назвал себя твой Фиалин? — спросила вторая нищая, когда они уже подходили к трактиру.

— Он называет себя Персиньи. О, теперь он знатный генерал, я видела его недавно в экипаже на улице Риволи вместе с президентом. Он не узнал меня, да и я бы его не узнала, если бы мне не сказали, кто это. Однако дайте мне кончить свой рассказ. Я родила мертвого ребенка в больнице для бедных, где назвала себя чужим именем, чтобы не компрометировать отца. После тяжелой и продолжительной болезни меня выпустили оттуда. Надзирательница дала мне работу, чтобы я могла уплатить за мое содержание во время болезни. Я шила день и ночь и еле зарабатывала на хлеб. От утомительной работы глаза мои слабели и отказывались служить. Доктор сказал мне, что я могу ослепнуть и запретил шить, чтобы хоть сколько-нибудь сохранить зрение. Тогда я впала в ужасную бедность, которая и заставила меня просить милостыню, чтобы не пойти дорогой разврата и не погибнуть окончательно в омуте этой проклятой городской жизни. Я не хотела сделаться женщиной, торгующей своим телом.

— И вы не пошли к отцу?

— Несколько лет назад, когда я оказалась под угрозой полной нищеты, я как-то подошла к дому отца. Как болели тогда мои бедные глаза от слез, которые я проливала у этого дома — это был дом палача, но и мой родительский дом, хотя его хозяин не называл больше меня своей дочерью! Отец как раз стоял у окна. Он увидел и узнал меня. Я с мольбой протянула к нему руки, но он отвернулся и не вышел ко мне, чтобы ввести в свой дом заблудшую дочь, он только отмахнулся от меня...

— Это было дурно с его стороны! Его кровавая работа сделала его жестокосердным.

— Не говорите так, он был прав, хотя и поступил со мной жестоко,— оправдывала нищая, которую звали Марион Хейдеман, своего

отца.— С этого времени я стала просить милостыню у прохожих. Фиалина же я ненавижу так сильно, что никогда не пойду к нему и не скажу о несчастьи, виновником которого он был.

В это время обе спутницы достигли трактира.

— У меня нет денег, чтобы заплатить Пер д'Ору, и я ничего не ела с утра,— сказала Марион.

— Идите, Марион, мы зайдем прежде к старику, у меня есть немного денег, и он даст вам поесть,— сказала старшая нищая и первой вошла в трактир.

Сегодня вечером здесь были необычные гости. Старый сгорбленный человек, похожий на цыгана, ввел в конюшню за домом трех усталых лошадей в сбруе, увешанной погремущками. На старике был плащ из желтоватой материи и большой тюрбан на голове.

Когда обе нищие вошли в низенькую дымную комнату постоялого двора, там уже сидели двое посетительниц, которые, должно быть, пришли вместе со стариком. Они сидели на деревянной скамейке в отдаленной стороне комнаты, у стены. Лица их были закрыты, по обычаю цыганок. На старшей был тюрбан, младшая же казалась очень молодой, хотя одежда бродяги и закрытое лицо при слабом свете лампы не давали возможности рассмотреть черты ее лица. Цыганки изредка перебрасывались между собой несколькими непонятными словами и сидели, опустив головы.

За буфетом стоял вечно улыбающийся, добродушный Пер д'Ор. Он повернул свое круглое бритое лицо к входящим, которые были его давнишними посетительницами.

Хозяин «Белого медведя» приветственно наклонил свою седую голову, как старый знакомый, и протянул руку, чтобы получить несколько су за ночлег.

Младшая, Марион, остановилась в стороне, старшая же, которую дочь палача назвала маркизой, подошла к буфету, так что лампа ярко осветила ее. Ей, казалось, было лет около сорока, но лицо ее, хотя и потрепанное от беспорядочной жизни, все еще носило следы замечательной красоты. Эта нищая, должно быть, когда-то была прекрасна! Черты лица были поразительно правильны, что, конечно, свидетельствовало о знатном происхождении, которое всегда можно ясно различить, внимательно взглядевшись в черты лица человека. В ее больших глазах с черными ресницами светилась грусть, волосы, видневшиеся из-под старого шелкового платка, были совершенно седые. Что-то роковое, по-видимому, случилось в судьбе этой женщины, что толкнуло ее на пагубный путь. Какое преступление совершила она, из-за чего пала так низко, что должна просить ночлега у Пер д'Ора?

Она была добра, как и все легкомысленные женщины. Она заплатила хозяину за Марион и за себя, спросила хлеба, мяса и стакан вина и предложила все это своей спутнице.

— Возьмите это и ешьте,— сказала она, принимаясь за небольшую порцию мяса, поставленную Пер д'Ором перед ней на стол, у которого они сидели.

Марион поблагодарила маркизу за доброту и стала есть.

В это время странный старик вошел в общую комнату. Черты его лица невозможно было разглядеть, так как они прятались в тени надвинутого на лоб большого тюрбана. Он казался очень старым.

Закрыв за собой дверь, он жестом поздоровался с хозяином и нищими и направился в отдаленный угол комнаты, где все также уныло сидели на скамье женщины, приехавшие с ним.

Сказав им несколько слов, старик подошел к Пер д'Ору, у которого, мешая французские и испанские слова, спросил хлеба и вина.

Хозяин «Белого медведя» посмотрел на иностранца, он, видимо, понимал по-испански и спросил старика, откуда он приехал.

— С юга,— ответил тот глухим голосом, показывая в сторону рукой.

— Поставили вы своих лошадей, сеньор, и где думаете провести ночь с вашими дамами?

— Там, где лошади,— коротко ответил старик и, повернувшись, направился к скамье, где сидели ожидающие его женщины. Он явно не желал поддерживать разговор.

Это трио представляло очень странную картину. Словно они пришли с востока, как беглецы или номады, кочующие из страны в страну. Странная одежда путников и их необычайная таинственность обратили на себя внимание старшей нищей.

— Они из Испании,— тихо сказала она Марион,— я помню немного их язык, который хорошо знала в детстве; должно быть, цыгане, не будем отходить от них.

Дочь палача согласно кивнула. Она не могла рассмотреть присутствующих и поэтому сидела безучастно. Горе и нужда сделали ее неразговорчивой, казалось, ничто уже не может порадовать, заинтересовать ее или привлечь ее внимание.

Когда старик и женщины выпили вино и съели хлеб, они встали и пошли друг за другом через комнату к двери. Как бы по предписанию этикета или какого-нибудь патриархального постановления сгорбленный старик прошел вперед, за ним последовала женщина, которая была старше, вероятно, его жена, и, наконец, молодая девушка замыкала это странное шествие.

Было что-то таинственное в этих трех личностях, что сильно заинтриговало Пер д'Ора. У старшей нищей тоже возникло желание познакомиться с ними поближе; ей казалось, что в жизни этих цыган есть нечто общее с ее жизнью, точно и их оттолкнуло от себя общество, они тоже были почти нищие.

Маркиза сделала знак сидевшей возле нее Марион, и они вышли из комнаты вслед за тремя путешественниками.

Если бы кто-нибудь увидел эти странные фигуры, проходившие через двор к сараям, то подумал бы, что это маскарад: нищая в длинном платье, замыкавшая шествие, имела не менее странную наружность, чем путешественники и вторая нищая, в платке. Шедший впереди старец отворил дверь, в которую недавно ввел лошадей, и вошел в конюшню — большой сарай, часть которого была устлана

соломой для ночлега путешественников, не желавших оставлять своих лошадей и вещи.

Старик подошел к лошадям, посмотрел, как они едят, и потрепал их по шеем, что тем, видимо, было приятно, так как они повернули к нему головы и стали махать хвостами.

Спутницы его прошли в другую сторону сарая, предназначенную для ночлега.

Когда вошли обе нищие, путешественники даже не посмотрели на них и устраивались, как будто были одни. Казалось, они привыкли к ночлегу в обществе.

Висевший на стене фонарь слабо освещал сарай.

Когда Пер д'Ор увидел из окна задней комнаты, что посетители вошли в сарай и закрыли дверь, он быстро воротился в переднюю комнату, погасил свечи и лампу и запер дверь. Было уже поздно. Гости, которых он ожидал и которые являлись обычно в такое позднее время, знали другой ход — через заднюю дверь дома, через которую прошел теперь и Пер д'Ор. Он слегка притворил ее, чтобы в его отсутствие гости могли войти в дом.

В дверях он остановился и стал прислушиваться. Было тихо, с шоссе не доносилось ни звука, все кругом погрузилось в глубокий сон. В сараях тоже стояла мертвая тишина, только изредка постукивали копытами лошади странных посетителей.

Хитрый хозяин внимательно огляделся еще раз, как бы желая убедиться, не видел ли кто его, направился через двор к строению, где спали пять посетителей. Он хотел еще раз посмотреть на них и подслушать, о чем они говорят, как он всегда делал, если кто-нибудь из гостей возбуждал его любопытство или подозрение.

Он привык подслушивать и, надо сознаться, делал это с удивительным искусством. Не раз посредством различных хитростей ему удавалось узнать проекты, которые обсуждали его ночлежники, не подозревая, что он так близко от них. Знакомые ему мошенники часто совещались в этом здании и не всегда пускали его в свое общество, тогда он подбирался потихоньку к стене сарая, подслушивал их и передавал все услышанное агентам тайной полиции.

Ему было приказано следить за всеми приезжими, которые покажутся ему подозрительными, но так, чтобы этого никто не заметил. И ловкий хозяин с честью исполнял возложенные на него обязанности.

В стене сарая он проделал маленькое отверстие; никто не мог заметить его, так как оно располагалось всего на дюйм от пола и с обеих сторон было прикрыто соломой.

Он тихо наклонился, осторожно отодвинул солому и лег на землю так, что ухо его почти касалось отверстия. Такие отверстия были у него устроены и в других сараях.

К своей радости он услышал, что женщины завели между собой разговор, и так как он во время своего заключения долго сидел вместе с одним испанцем, то он многое мог понять. Но солома, лежавшая у внутренней стороны отверстия, мешала ему хорошо разобрать, что говорили женщины. Разговор оказался гораздо важнее, чем думал

старый хитрец. Ему нужно было лучше слышать и больше видеть, так как он не мог отличить, кто из лежавших спрашивал и кто отвечал.

Тусклый свет фонаря, которому он нарочно не давал гореть светлее, еле освещал отдаленное место, где находилось отверстие. Он мог поэтому, осторожно просунув руку в дыру, отодвинуть солому, что ему обыкновенно довольно легко удавалось.

Те, кого он хотел видеть, лежали, по его расчету, на расстоянии не более пятнадцати футов от стены.

Искусной рукой вора он тихонько прижал солому так, что этого никто не заметил.

Пер д'Ор самодовольно улыбнулся, когда увидел всех лежавших и мог слышать каждое слово, произносимое ими.

Старик уже спал.

Он положил себе под голову плащ, тюрбан на его голове скрывал часть его лица, но теперь его все-таки лучше можно было рассмотреть. На лице этом запечатлелись следы старости и беспокойной жизни, однако было в его чертах что-то почтенное, честное, серьезное и властное, как будто он родился для того, чтобы управлять. Белая борода окаймляла его лицо, худые руки крепко держали образец, висевший на его шее, точно он заснул, молясь, может быть, за своих врагов!

Девушка лежала с открытыми глазами, и Пер д'Ор решил, что, насколько он мог разглядеть, она замечательно красива, хотя лоб, шея и голова ее были плотно закутаны покрывалом. Но открытая часть лица показывала ее молодость и красоту, несмотря на то, что кожа ее сильно загорела от южного солнца. Короткая, пестрая юбка, спускавшаяся складками, не закрывала маленьких ног, обутых в испанские ботинки из красной кожи. На шее также висел золотой образок.

Старуха, ставшая вдруг разговорчивой, полулежала и, сильно размахивая руками, говорила с нищей, называющей себя маркизой. Вероятно, эта старуха, сгорбившаяся от старости и забот и всегда молчаливая, как и другие, разговорилась теперь потому, что нищая обратилась к ней на испанском языке.

Маркиза легла на солому ближе к старухе и побуждала ее к рассказам, причем часто переспрашивала отдельные слова, казавшиеся ей непонятными, что было весьма удобно Пер д'Ору, который благодаря этому тоже лучше понимал их разговор.

Другая нищая спала, почти совсем закрытая соломой; сон позволял ей на несколько часов забыть свою горькую участь и страшную действительность. Она была несчастным человеком, без будущего, а погубивший ее отвратительный авантюрист наслаждался своим величием, мы видели его в приемной Елисейского дворца — его звали генерал Персини.

Маркиза забыла усталость в разговоре со странной путешественницей, но та говорила все короче и непонятнее и, наконец, легла и совсем перестала отвечать на вопросы.

В это время Пер д'Ор услышал стук в свою дверь.

Он разглядел, несмотря на темноту, кто стоял у двери.

Тихо и осторожно положил он опять солому изнутри и снаружи отверстия в стене, встал и прошел через двор к своему дому.

У задней двери ожидали его двое мужчин, которые не могли войти в темноте.

— Это вы, Пер д'Ор? — спросил один из них шепотом.

— К вашим услугам, господа, — так же шепотом ответил шпион, который через несколько времени стал играть весьма важную роль и имя которого было хорошо известно в Париже в 1852 году, — позвольте мне прежде всего запереть дверь и зажечь свечи.

— Вы, кажется, где-то караулили, — заметил один из гостей.

— Нужно было послушать кое-что, господин Грицелли, — засмеялся Пер д'Ор, входя в заднюю комнату, чтобы посветить поздним посетителям.

— Никого нет в доме? — спросил господин, который был меньше ростом.

— Никого, кроме нас троих, мой дорогой Монье, — ответил хозяин.

С этим агентом он был бесцеремоннее, чем с Грицелли.

Оба гостя вошли в освещенную комнату, где их с поклоном встретил Пер д'Ор; он придвинул стулья к большому, длинному столу, стоявшему посреди комнаты, окна которой были плотно занавешены, чтобы снаружи нельзя было подглядеть или подслушать.

Грицелли и Монье были одеты как молодые богатые люди из лучшего общества. Их белье и шляпы были безукоризненны, перчатки новые и дорогие, костюм дополняли тросточки хорошей работы, закрывавшие внутри острый кинжал.

— Мы пришли к вам сегодня с вопросом, который вас удивит, — сказал Монье, пока Грицелли садился, напевая какую-то известную народную песню.

— Скорей говорите, мой милый Монье, особенно если это что-нибудь интересное! Я вам тоже приготовил что-то очень хорошее, господа!

— Ну, короче говоря, Пер д'Ор, скажите, как ваше настоящее имя? — спросил его Монье.

— Гм! Разве вы забыли? Шарль Хотте.

— Верно, — сказал Монье, кивнув головой и записывая имя в свою книжку. — Мы пришли спросить у вас, хотите ли вы получить место комиссара тайной полиции. Вы человек, на которого можно вполне положиться; я рекомендовал вас и префект, господин Карлье, предлагает вам это место.

— Как, господа, вы говорите серьезно? Это очень хорошее и доходное место!

Грицелли засмеялся.

— Да, господа, я должен благодарить вас!

— Вы докажете свою благодарность тем, что будете аккуратно и старательно исполнять данные вам предписания. Это главное условие.

— Но позвольте, что будет с «Белым медведем», который иногда оказывает большие услуги? Еще в эту ночь...

— Вам об этом нечего беспокоиться, Пер д'Ор, здесь будет хороший наместник, который прошел такую же школу, как и вы,— возразил Монье.— Итак, вы соглашаетесь принять место! Дальнейшие распоряжения вы получите в скором времени. Через четыре недели вы будете введены в новую должность, а теперь перейдем к тому, что вы хотели нам сообщить! Говорите.

Монье сел у стола напротив своего сослуживца.

— Это странная история, господа,— начал Пер д'Ор важным и таинственным тоном.— Сегодня ко мне явились необычные путешественники, которые возбудили во мне подозрение. По их одежде и лошадям я принял их за цыган и потому решил разузнать о них подробнее.

— Значит, они иностранцы. Как они назвали себя?

— Я едва удержался от смеха, когда старик ответил мне на этот вопрос следующими словами на испанском языке: инфант Барселоны! Я посмотрел на него с удивлением, а он повторил: инфант Барселоны! Вот черт, подумал я, это или изгнанник, или сумасшедший.

— Инфант, принц из знаменитой семьи в трактире «Белый медведь»,— засмеялся Монье.— Это, действительно, очень странно! Что же дальше, Пер д'Ор, рассказывайте — не томите.

— Он устроился спать в том сарае на соломе.

— Быть не может! Над вами подшутили,— закричал Грицелли, вскакивая.— Но мы должны узнать, кто этот старик.

— Позвольте, господин Грицелли,— сказал Пер д'Ор тихо и с серьезным видом,— вы должны все узнать! Я несколько знаком с испанским языком, с давних пор...

— Я знаю, вы в Мазасе научились,— прибавил Монье.

— Потому я и отправился к сараю и стал прислушиваться. Они из Испании, их изгнали оттуда! Когда я увидел лежащего старика с закрытым лбом, я вспомнил одну историю, которую мне рассказывал испанец Венто, с которым я жил вместе несколько лет!

В Испании есть брат короля Фердинанда и Дон-Карлоса! Его долго держали взаперти в одном монастыре, потому что у него был какой-то знак на лбу. Испанцы называют его черной звездой. Венто говорил мне тогда, что этот инфант кочует, не находя покоя, с женой и дочерью, и я ставлю тысячу против одного, что это он; он пришел во Францию, чтобы обрести здесь приют, я клянусь всеми святыми, что это так!

Монье и Грицелли перекинулись вопросительными взглядами.

Агенты тайной полиции обычно работали по заданию префекта Карлье по двое, по системе иезуитов, чтобы один контролировал другого. Поэтому они могли заключать что-нибудь или решаться на что-нибудь только по обоюдному согласию.

Грицелли все время стоял перед Пер д'Ором и внимательно следил за каждым его словом.

— Странная история,— заметил он.— Вы должны задержать иностранцев еще на двенадцать часов здесь, у «Белого медведя», чтобы мы могли рано утром передать все господину Карлье и получить его распоряжения относительно дальнейшего.

— Уже далеко за полночь,— сказал Монье, вынимая золотые часы,— нам нужно два часа, чтобы дойти до префекта, а тогда будет поздно беспокоить его. Поэтому вы должны задержать иностранцев до завтрашнего полудня.

— Я сделаю все, что смогу, господа.

— Вот вам на всякий случай приказ об аресте, имя не проставлено,— сказал Монье, доставая из кармана один из множества находившихся в нем бланков и подавая его Пер д'Ору,— если будет необходимо, поставьте здесь: инфант Барселоны, затем фамилию, штемпель, узаконивающий приказ, здесь, внизу.

— Но используйте его только в крайнем случае, Пер д'Ор,— прибавил Грицелли.— Еще раз: до завтра иностранцы должны остаться здесь.

— Все будет, как вы считаете нужным, вы знаете, что я достаточно осторожен.

— И хитры... Господин Карлье оказывает вам доверие, предлагая такое хорошее место,— сказал Монье, после чего агенты оставили Пер д'Ора, пожав ему руку.

Благородный хозяин «Белого медведя» проводил гостей, запер заднюю дверь дома, внимательно осмотрел двор и лишь потом выпустил Грицелли и Монье, поблагодарив их еще раз.

Была темная ночь. Оба агента прошли на шоссе. Они должны были идти пешком в город, так как не пользовались экипажем и не ездили верхом, чтобы не обращать на себя внимания, хотя имели экипажи в своем распоряжении.

Шоссе было пусто, и они могли разговаривать, не стесняясь, о странных путешественниках и тайных сведениях, полученных ими.

Когда они пришли в Париж, часы на башне пробили два. До восьми часов нельзя было явиться к префекту, поэтому они употребили оставшиеся часы на посещение подозрительных кафе и зал, которые не закрывались на ночь. Там всегда можно было делать полезные наблюдения, и не раз тайные агенты получали в этой части города весьма важные сведения.

Под утро они отправились к большому зданию префектуры и попросили доложить о себе.

Префект был не слишком доволен, что его так рано обеспокоили, но так как у него были важные поручения к этим двум агентам, то он велел позвать их в свой рабочий кабинет.

Карлье в халате вышел к своим ранним посетителям, которые встретили его почтительным поклоном.

— Доброго утра, господа; что привело вас сюда так рано? — спросил Карлье, здороваясь с агентами, которые уже оказали ему немало услуг и которых он ценил.

Грицелли, как старший, заговорил первым.

— Мы были ночью у Пер д'Ора, господин префект.

— Он, разумеется, с радостью согласился занять место?

— Старый плут был до того обрадован, что не в состоянии был выразить всю свою благодарность.

— Нам следует использовать таких людей!

— Пер д'Ор передал нам удивительные известия об одном иностранце, остановившемся сегодня у него в трактире.

— Расскажите,— промолвил Карлье, садясь в кресло и закуривая сигару.

— Вечером к нему пришли старик с женой и дочерью и остались ночевать. Он принял их сначала за цыган, но когда спросил у старика его имя, тот назвал себя инфантом Барселоны!

— Гм, меня уже извещали об этом семействе с испанской границы,— равнодушно сказал Карлье, — однако продолжайте.

— Пер д'Ор уверяет, что он слышал, что этот старый принц — брат короля Фердинанда Испанского, отца королевы Изабеллы, что его называют Черной звездой; мы дали полномочия трактирщику удерживать инфанта и его семейство до полудня в случае, если вы прикажете арестовать его.

— Они безопасны и нет надобности их задерживать,— сказал Карлье,— я знаю, что они должны быть здесь около этого времени! Пер д'Ор ничего больше не сообщал?

— Нет. Вы больше ничего не прикажете, господин префект?

— Напротив, сегодня как раз у меня есть для вас очень серьезное поручение! Это дело шекотливое, но я надеюсь, что вы справитесь с ним так же искусно, как и всегда! Я уверен в вашей преданности и готовности служить мне, поэтому обращаюсь к вам.

Оба агента вежливо поклонились.

— Вы, милый Грицелли, должны зорко наблюдать за Елисейским дворцом, за всем, что там делается и в особенности должны извещать меня, где президент проводит вечера; это поручение — государственная тайна! Вы понимаете? Никто не должен заметить вас! Вы будете действовать с величайшей осторожностью. Передавайте ваши наблюдения тогда, когда вы добьетесь чего-нибудь, не делая упущений! Вы возьмете с собой агента Муеса, не говоря ему, в чем состоит ваше занятие.

— Я понял, господин префект,— ответил Грицелли и простился с Карлье.

— Ну, теперь вы, милый Монье,— продолжал Карлье, подходя к письменному столу и перелистывая какие-то бумаги.— К вам у меня еще более деликатное дело! Я не знаю, женаты ли вы?

— Нет, господин префект, мое жалованье не позволяет мне вступать в такие дорогие отношения,— заметил, улыбаясь, полицейский агент.

— Но, однако, вы не новичок в обращении с женщинами?

— Трудно сказать, господин префект! Во всяком случае, у меня есть некоторый опыт.

— Вот этого только мне и надо. Надеюсь, что вы уже не раз покоряли женские сердца и всецело овладевали ими. Не сумеете ли вы и теперь покорить сердце одной англичанки, оставаясь сами безразличным? Как вы думаете? Вы очень красивый мужчина! Попробуйте-ка свое счастье, эта дама живет в улице Риволи № 21.

— Это богатый дом, насколько я помню!

— Совершенно верно! Но не пугайтесь внешнего блеска! Во втором этаже этого дома живет одна англичанка, мисс Софи Говард. Если вам нужен кто-нибудь, кто мог бы представить вас, обратитесь к Моккуарду.

— Тайному секретарю принца-президента?

— Он позаботится, чтобы молодая англичанка встретила вас с любовью; Моккуард уже предупрежден.

— Какую цель я должен преследовать?

— Вы должны постараться, чтобы она вас полюбила и затем добиться от нее откровенного письма, которое свидетельствовало бы о том, что она состоит с вами в довольно близких отношениях. Постарайтесь.

— Я приложу все усилия.

— Этого недостаточно, мой милый! Вы непременно должны достигнуть цели. Мне поручено заплатить вам за письмо, из которого можно бы было заключить, что вы любовник мисс Говард, пять тысяч франков вознаграждения.

— Я передам вам такое письмо, написанное рукой этой дамы.

— Будьте как можно доверчивее и нежнее, милый Монье, в этом все дело,— сказал Карлье.— Я повторяю, это поручение возможно только для человека, умеющего покорять женские сердца! Я позволяю вам представиться мисс Говард в качестве дворянина. Войдите под именем де Монье, это произведет больше впечатления. Возможно, за вами будет оставлено дворянское достоинство. Надеюсь, вы понимаете насколько важно это поручение! Пять тысяч франков и дворянское достоинство!

— Вы можете вполне надеяться, господин префект, что я в точности исполню возложенное на меня поручение. Я постараюсь оправдать ваше доверие ко мне и через несколько времени эта дама будет в ваших руках.

— Мисс Говард, кроме того, очень любезная особа, мой милый Монье, поэтому вам не составит большого труда признаться ей в любви,— проговорил, улыбаясь Карлье, — господин Мотен будет вам помогать и проводит вас в улицу Ришелье. Вы можете воспользоваться от него известиями, не объясняя ему, само собой разумеется, настоящей цели вашего тайного поручения. Вы понимаете меня, мой милый Монье?

Агент почтительно поклонился любезному префекту, который особенно крепко пожал ему руку, и удалился.

XXI

ДОМ УМАЛИШЕННЫХ ДОКТОРА ЛУАЗОНА

Недалеко от Венсена, в Шарантоне, расположен известнейший в Париже дом умалишенных. Он построен на холме, занимает обширное пространство и служит образцом подобного рода зданий.

Но и в самом Париже существуют заведения для умалишенных,

находящиеся в руках алчных спекулянтов и часто скрывающие в себе страшные тайны.

В конце шоссе du Main, вблизи Орлеанской дороги, находился в 1851 году дом умалишенных доктора Луазона, одного весьма благочестивого и по манерам очень приятного человека.

Массивное, обширное здание, содержащее более трехсот палат, было обнесено высокой стеной, которая совершенно отделяла его, как монастырь, от внешнего мира.

Это, по словам доктора, было необходимо, чтобы вверенные ему больные не имели ни малейшего соприкосновения с уличной жизнью и никогда не думали о бегстве.

В стене были небольшие низкие ворота, всегда крепко запертые и отворявшиеся только для лиц, которые могли предъявить карточку от доктора Луазона; для посторонних и любопытных заведение было недоступно.

Спустя несколько дней после рассказанного в предыдущей главе, к стене подъехал изящный экипаж и остановился у ворот. Из кареты вышел худощавый господин лет пятидесяти, одетый в черное, с худым, бледным лицом.

Это был хозяин заведения, возвращавшийся с деловых визитов. На лице его сияла вечная улыбка, принимавшая гнусное выражение, когда доктор сердился, что случалось очень часто, так как он страдал желудочными болями и одышкой. Но улыбался он всегда, даже когда готов был лопнуть от ярости,— улыбался, посещая кельи заключенных, улыбался, когда нежные родственники предлагали ему новую жертву, улыбался, получая высокую плату за больных и делая вычеты из жалованья своих работников. Кроме улыбок он, казалось, знал еще только одно — молитву.

Если доктора звали на визитацию больных, то получали ответ: — Господин Луазон молится.

Если ему объявляли о каком-либо посещении не вовремя, или если грозила какая-нибудь неприятность — доктор молился!.. Точно своими молитвами он хотел изгнать злого духа, владычествовавшего над его больными.

Луазон подошел к воротам и позвонил; громкий звон колокольчика раздался в обширном здании, отделявшемся от стены садом.

Тотчас послышались торопливые шаги и привратник, старый поверенный доктора, открыл небольшую форточку, имевшуюся в середине двери.

Увидев, что приехал сам доктор Луазон, привратник быстро вложил ключ в большой крепкий замок и, отворив дверь, снял шапку.

Доктор, как всегда улыбаясь, поклонился старому тюремщику и пошел по каменным плитам, ведущим к главному входу дома. По обеим сторонам тротуара за высокими деревянными решетками находились сады, в которых в определенные часы должны были прогуливаться умалишенные.

Господин Луазон быстро окинул взором находящихся сейчас там своих больных, как бы желая убедиться, все ли в порядке. Казалось, все было в порядке. Некоторые из сумасшедших бегали бес-

престанно взад и вперед по дорожкам, заложив руки за спину, другие по целым часам стояли у решеток, скаля зубы и разговаривая сами с собой, третьи сидели, поджав под себя ноги, на скамьях, боязливо озираясь кругом.

С бедными больными, которые находились в этой лечебнице, обращались далеко не гуманно.

В самом деле, каждый, кто вошел бы в этот дом, потерял бы всякую надежду на выздоровление. Если бы даже он находился только в первой фазе умопомешательства, он потерял бы остаток разума в этой ужасной обстановке.

Рассказывали, что влияние этих больных и ежедневные сношения с ними были так опасны, что не только многие из больничных служителей, не обладавшие особенно крепкими нервами, сами сходили с ума, но что такие случаи происходили и с врачами. Причину этого видели в постепенном влиянии впечатлений, производимых на них умалишенными, что легко можно понять, если принять в соображение, что душа человека, подобно зеркалу, легко воспринимает образы, а при постоянном повторении способна сродниться с ними.

Доктор Луазон представлял похвальное исключение: он был более чем благоразумен. Прежде чем приняться за дело, он долго обдумывал и обдeldывал его не как врач. Это было выгодно в двух отношениях: он получал большие доходы и в то же время не подвергался опасному влиянию больных, так что ему нечего было опасаться.

Прежде чем мы бросим взгляд на различных больных в заведении доктора Луазона, в числе которых найдем одного знакомого, опишем коротко это заведение.

Обширное строение как снаружи, так и внутри походило на казарму с множеством маленьких окон, с низкими коридорами и многочисленными комнатами. Все окна были забраны железными решетками, так что при взгляде на здание невольно вспоминалась тюрьма и все, что с нею связано.

Вступивший в это заведение навсегда терял надежду покинуть этот дом, пока милые родственники платили гуманному доктору хорошую плату. Для несчастных доступен был только вход, но не выход, благодаря заботам благочестивого доктора, начертавшего у главного входа крупными буквами: «Господь да благословит твое вступлние!»

Покой господина Луазона помещались в нижнем этаже левого флигеля; правая сторона здания была предоставлена служителям и чиновникам, за исключением одной большой залы, которую можно было назвать адом — в ней претерпевали ужасные мучения несчастные, неистовствующие в припадках безумия. Смирительные рубашки, железные, прикованные к полу стулья и холодный душ, ожидавшие их здесь, были убийственны. Но организм умалишенных в большинстве случаев так закален и способен к сопротивлению, — что они, хотя редко бывали жертвами этого ужасного лечения, но зато усмирялись. И это-то последнее обстоятельство вместе с деньгами, получаемыми за них, составляло главное занятие доктора.

В глухой части запущенного сада гуляли больные, мужчины и женщины, помешанные на преследовании и повсюду видевшие врагов. Они не имели покоя, сидели на корточках или боязливо прятались за кусты, стараясь скрыть в их листьях свои изможденные лица с расширенными впалыми глазами.

Возможно, среди них находились и такие, которые до поступления в лечебницу многоуважаемого доктора были совершенно здоровы, но под влиянием своего горя и окружающих больных сами сошли с ума. Одни из них постоянно говорили доктору Луазону о своем наследстве и высчитывали огромные суммы по пальцам, недоверчиво глядя на всякого, кто к ним приближался. Надо полагать, что алчные родственники поместили сюда этих несчастных, чтобы беспрепятственно воспользоваться их капиталами.

В описываемое время в заведении находилась одна дама, которая мерными шагами ходила взад и вперед по дорожкам с зеленой веткой в руках, заменявшей ей веер, постоянно раздавая приказания своей невидимой свите; она считала себя герцогиней, говорила только о серебряной посуде, о фрейлинах и о своем великолепном салоне.

Подобная мания была у бывшего придворного портного Луи-Филиппа, считавшего себя китайским императором. Он отпустил длинную косу и общался только с сановниками своей «небесной империи». Он каждую минуту срубал головы и распарывал животы своим мандаринам и так важно прохаживался в своем шлафроке, как будто на самом деле был не в заведении доктора Луазона, а в собственном китайском дворце. Такого рода помешанные были менее всего опасны, так же как и помешанные на религии, которые не вставали с коленей и почти ничего не ели и не пили.

Гораздо труднее было справляться с теми, кто потерял рассудок из-за неумеренного учения и стремления к необъяснимому. Их приходилось тщательно охранять, потому что они постоянно, особенно в светлые, лунные ночи, пытались вырваться из своего заточения. Несколько лет назад один из таких больных напал с ножом, спрятанным им в постели, на уснувшего сторожа и убил его; он был астроном и в лунные ночи становился совершенно неукротимым.

Некоторые больные считали себя великими изобретателями, были уверены, что их держат в заключении, чтобы выведать их открытия, и готовы убить за это своих тюремщиков.

Один из них посвятил почти восемнадцать лет жизни изучению алхимии и потратил на свои исследования значительное состояние. Не добившись результатов, он потерял рассудок. Попав в дом умалишенных, он продолжал преследовать свою цель — варил, составлял и отбеливал на солнце свои смеси, составленные из песка или тайком взятой из сада земли. Он часто свирепствовал и кричал, что его держат в плену с целью выпытать его тайны, и лишь смиренная рубашка успокаивала его на несколько недель.

Теперь попросим читателя последовать вместе с нами за доктором Луазоном в его жилище, представляющее довольно большой интерес из-за своей таинственности. Сняв шляпу и пальто и одевшись

в поношенный сюртук, Луазон один, без провожатых, пошел в верхние этажи, неся с собой связку ключей, чтобы отпирать двери, закрывавшие каждый коридор и каждую лестницу.

Доктор шел очень тихо, так что его шаги не были слышны ни на ступенях, ни в коридорах: он крался, как кошка. Большинство палат пустовало, почти все больные гуляли в саду под присмотром сторожей. Луазон подошел к окну в коридоре, посмотрел в сад и заметил, что больной, которую он искал, не было между гуляющими. Видимо, она осталась в своей комнате. Он решил посетить ее там, и стал подниматься выше.

Достигнув второй лестницы, доктор запер за собой дверь коридора.

Это был длинный, узкий проход, скудно освещавшийся одним маленьким и высоко расположенным окном. По обеим сторонам коридора близко одна от другой лепились двери, в данный момент только притворенные, так как обитатели комнат находились в саду.

Луазон остановился в начале коридора — тихое пение донеслось к нему из одной палаты: это была грустная песня, которая могла тронуть каждого, кроме доктора; она звучала как замирающая песнь лебедя — нежная, тихая, заунывная... Но вдруг эти нежные звуки переходили в резкий хохот — ужасный и страшный контраст! Этот смех означал сумасшествие.

— Это Габриэль Пивуан,— прошептал Луазон, неслышно прокрадываясь по коридору к одной из запертых дверей.

В ней, как и во всех других дверях, была проделана форточка, которую можно было открывать снаружи, не производя ни малейшего шума.

Благочестивый доктор охотно подсматривал за такими хорошенькими женщинами, как Габриэль Пивуан и ее соседка, которую хотел посетить доктор, не удержавшийся, однако, от искушения посмотреть и на только что певшую больную.

Несчастливая девушка помешалась после того, как однажды в тревожный 1848 год принесли труп ее жениха. Габриэль Пивуан не выдержала этого горя и помешалась. Родственники вынуждены были поместить ее в заведение доктора Луазона, где она обречена была доживать свои годы. Целыми днями Габриэль разговаривала со своим Леоном, которого безумно любила. Он прощалась с ним, когда наступала ночь; пела грустные песни и вдруг смеялась, увидев входящего Леона, говорила с ним и целовала его. Она так радовалась, что можно было подумать, будто ее милый действительно с ней. А вскоре после этого снова горько плакала, пока сон не одолевал ее.

Доктор смотрел через отверстие в двери. Габриэль сидела на постели и выщипывала колосья из соломенного тюфяка, втыкала их в свои густые распущенные волосы, свободно падавшие ей на плечи,— она наряжалась к свадьбе и сухие желтые колосья были для нее миртовыми цветами. Глаза ее глубоко запали, и если ничто другое не обличало в ней безумия, то признаком его было ее поведение: она, —целомудренная, благовоспитанная девушка, совершенно обна-

женная беспечно сидела на кровати, и невозможно было смотреть на несчастную без сострадания и глубокой жалости.

Луазон же, напротив, раньше подолгу с удовольствием засматривался на это зрелище, когда никого не было вблизи. Теперь оно потеряло для него свою прелесть.

Теперь внимание доктора обратила на себя соседка Габриэли, которая незадолго перед тем была помещена в его заведение одним очень богатым неизвестным господином для излечения от некоторых ложных идей.

Незнакомец отсчитал доктору значительную сумму, поставив условием посещать девушку в любое время. Луазон согласился, потому что получил большую плату. Доктор родился в бедной провинциальной семье, прилежанием и показным благочестием достиг того, что приобрел это большое доходное заведение и хотя ровно ничего не понимал во врачебном искусстве, но зато овладел некоторыми знаниями, что позволило ему прослыть умным человеком. Например, Луазон говорил по-английски, по-итальянски и по-испански так же бегло, как на родном языке, что было ему очень полезно, так как в его заведении находились и иностранцы.

Молодая девушка, к которой потихоньку пробирался доктор, заглянувший предварительно в комнату бедной Габриэли, была испанка; она знала по-французски только несколько слов, но Луазон, как мы говорили, понимал по-испански.

Эта молодая заключенная уже довольно долгое время находилась в заведении Луазона. Целыми днями просиживала она в своей темнице, только изредка покидая ее, чтобы подышать чистым воздухом. Она, казалось, боялась общества сумасшедших людей, окружавших ее, и старалась, насколько возможно, меньше находиться в их обществе. И в эту минуту, когда доктор тихонько подходил к ее комнате, она сидела на стуле у окна, заделанного решеткой, ее бледное лицо и задумчивый взгляд красивых глаз говорили о глубоком тайном горе. Но бледность придавала этой девушке еще больше прелесть; она казалась жительницей рая, временно спустившейся на землю, до того было прекрасно ее грустное лицо. Ничто в ней не выдавало безумия, и было ясно, что она здорова и только в результате каких-то преступных происков томится в этом заключении. Часто ночью, когда ее никто не слышал, с ее губ срывалось дорогое ей имя человека, которого она любила и из-за которого терпела невыразимые страдания. Надежда до сих пор не оставила ее, она ждала, что скоро явится избавитель и, наконец, закончатся ее долгие мучения. Читатель, конечно, уже узнал в этой бедной узнице Долорес, знакомую нам страдальицу, которая все еще ждала Олимпио и терпеливо переносила свою участь.

Сколько она ни просила доктора Луазона выпустить ее, уверяя, что вполне нормальна, сколько ни клялась, что господин, привезший ее сюда, ее заклятый враг, Луазон оставался непреклонен, и бедная Долорес губила свою юность, сидя в тесной бедной келье, где, кроме кровати, были только стол, два старых стула, шкаф и большое распятие, данное ей по ее желанию доктором Луазоном.

Доктор отпер дверь принесенным с собой ключом и вошел в комнату. Девушка поспешно встала.

Луазон вежливо поклонился ей и прошел внутрь, заперев за собой дверь; он указал девушке на стул, приглашая ее сесть, а сам сел на другой стул возле нее.

— Сядьте, сеньора,— повторил он все еще стоявшей девушке тихим и мягким голосом, — дайте вашу руку.

Девушка села, Луазон придвинулся к ней почти вплотную и взял ее руку, чтобы проверить пульс.

— Мне надо поговорить с вами о серьезных вещах,— сказал он, положив между тем руки на ее талию, будто для того, чтобы, как подобает заботливому врачу, узнать, не худеет ли она. Ваш бескорыстный покровитель, приносящий для вас достойные удивления жертвы, несколько дней назад, посетив вас в вашей комнате, снова встретил враждебный прием. Вы звали на помощь и прогнали от себя благородного дона. Герцог глубоко возмущен вашим недостойным, дерзким поведением и вашей неблагодарностью.

— Негодяй хотел дотронуться до меня! Я не впущу его более, слышите? Я не желаю видеть этого изверга, довольно страданий, я и так уже перенесла больше, чем позволяют мои силы! Неужели же мне никогда не будет спасения?

— Тише, сеньора Долорес, успокойтесь! Ваш пульс и так уже учащен. Если такая сцена повторится, если вы еще раз увлечетесь до таких бешеных движений и слов, то я, как мне ни больно, должен буду прибегнуть к средству, могущему усмирить вас.

— Клянусь всеми святыми, я всегда буду от него защищаться! Он не должен приходить сюда, где держит меня в заключении! Я достаточно сильна, чтобы защититься от него! — вскричала Долорес и в глазах ее вместе с отчаянием отражалось смелое упорство.

— Ну, в таком случае я принужден буду во время его посещения надевать на вас смирительное платье.

— Ужасно! Вы не можете быть так жестоки! Он негодяй, который замучит меня до смерти!

— Здесь все говорят то же самое о тех, кому они обязаны благодарностью. Эта ложная уверенность — ваша болезнь, сеньора, и вы останетесь здесь, покуда не излечитесь от нее.

— Он выдал меня за помешанную для того, чтобы держать здесь, в заключении. О неужели никто не услышит моих клятв и моей мольбы?

— Вы все еще говорите о преследовании и тому подобном, сеньора! Это-то и есть заблуждение, от которого вас надо излечить; покой, величайший внутренний покой и сознание ложности ваших безумных идей, вот все, что нужно вам! О, среди моих пациенток вы ближе всех к выздоровлению.

— Клянусь святой Девой Марией, я так же здорова, как и вы, доктор! Всякое мое слово — истина, сеньор. Этот негодяй заключил меня сюда, чтобы разлучить с тем, кого я люблю и кто ищет меня.

— Вы часто рассказывали мне это; я знаю всю историю, выдуманную вами, сеньора; но откажитесь от этих созданий вашего во-

ображения, я убедительно прошу вас об этом. Посмотрите, каждый в этом доме имеет наготове подобный рассказ и в особенности те, кто помешались на преследовании. Поэтому вы можете судить, насколько я им верю,— сказал, улыбаясь Луазон, глядя на прелестное лицо девушки, пробуждавшее в нем те же желания, какие прежде возбуждала несчастная Габриэль.

— Неужели всякая надежда на спасение погибла, неужели я должна оставаться здесь всю жизнь, страдать и мучиться, как я уже так долго и мучилась и страдала,— проговорила Долорес, закрывая лицо руками.— Так я должна быть заживо погребена в этом доме! О, святая Мадонна, услышь меня! Освободи меня от власти этого ужаса... Голос мой замирает неуслышанным в этих стенах, в этой темнице, откуда ни один вопль не долетит к чувствующему человеку.

Долорес встала, ломая руки.

Доктор схватил их.

— Не волнуйтесь, сеньора, вы только вредите себе своими безумными припадками; я повторяю: вы принуждаете меня употребить силу, чтобы благородный дон спокойно и безопасно мог видиться с вами, когда он опять осчастливит меня своим посещением и найдет вас неистовствующей в вашей комнате.

— Сжальтесь надо мной, умоляю вас, сеньор,— вскричала Долорес, падая на колени перед Луазоном.— Услышьте меня! Я не помешанная, я в руках человека, пожираемого ужасной страстью, который хочет похитить у меня мое самое святое достояние, и вы помогаете ему! О, защитите меня, выпустите меня! Сжальтесь, сеньор, сжальтесь.

Но бедная девушка напрасно ожидала помощи от этого человека, она не подозревала, что Луазон действует заодно с Эндемо, за деньги купившим себе в лице доктора деятельного помощника, который, впрочем, и сам был непрочь завладеть этой прекрасной девушкой.

Это чистое создание не могло допустить возможность подобного заговора и, однако, она так запуталась в расставленных ей сетях, что нечего было и думать освободиться из них. Не было никакой надежды выйти из этого заключения...

Лжегерцог Медина, ловкий обманщик, обокравший своего брата, привез Долорес в Париж в надежде, что там сможет надежно спрятать свою добычу. Сразу увидев в докторе Луазоне именно такого человека, какой был ему нужен, он поместил в его заведение несчастную девушку с полной уверенностью, что теперь сможет назвать ее своей.

Луазон прекрасно понимал намерения человека, хорошо заплатившего ему, быстро согласился на его требования и признал, что у девушки развилась мания преследования.

И вот Долорес томилась, отрезанная от всего остального мира, в страшном заведении, откуда не было для нее никакого спасения. Никто не слышал ее жалоб, никто не мог найти ее здесь, за высокими толстыми стенами здания, укрепленного как тюрьма.

Эндемо, сжигаемый своей неистовой страстью, часто приходил к Долорес в камеру спросить, не согласилась ли она еще на его

гнусные предложения. Он обещал ей весь блеск жизни, потому что от украденной суммы оставалось достаточно, чтобы вести жизнь, полную наслаждений.

Но Долорес прогоняла его с гневом, который только еще больше распалаял Эндемо. Он пытался силой схватить ее в объятия, принудить ее отдаться ему, он был ослеплен горячим желанием, он дрожал от возбуждения, но все разбивалось о добродетель Долорес и ее любовь к Олимпио. И все-таки она была в его власти, потому что из ужасной тюрьмы, куда он заточил ее, не было выхода. Несчастливая гибла, все называли ее сумасшедшей, потому что уверения и просьбы не оказывали никакого действия, а жалобы на преследование могли только вызвать улыбку у слушающих, уверенных в ее душевной болезни. Участь бедной девушки была решена.

План Эндемо был хорош: Долорес будет в безвыходном положении и не сможет ему сопротивляться, если подкупленный доктор Луазон исполнит угрозу, то есть привяжет ее к кровати при первом появлении герцога.

Эта уверенность была ужасна. Бедная голубка попадала в когти хищного коршуна, ее отдавали соблазнителью, и он мог делать с ней все, что хотел.

Мольбы ее были напрасны — этот вечно смеющийся союзник Эндемо был непоколебим. Долорес изнемогала, обессиленная раздирающей ее сердце печалью. Ведь она была слабая женщина, ее телесные и душевные силы были на исходе, убийственная уверенность в своем поражении убивала ее.

Бедная Долорес! Другие на ее месте, может быть, давно уже положили бы конец своим страданиям, отказавшись от любви, приносящей только муки, и предпочли жизнь, полную наслаждений, этому мучительному существованию.

Но верное сердце Долорес не способно было на это. Она готова была умереть, но не изменить своей любви.

Бесчестный человек отнял у нее все — ее любимца, мальчика Жуана, родину, душевный покой, надежду на встречу с возлюбленным, но не смог сломить эту благородную душу.

Обращаясь с мольбой к своему главному тюремщику, лицемерному, алчному Луазону, Долорес в самом деле ожидала от него помощи; в голове у нее не могла даже возникнуть мысль, что он ничем не лучше ее смертельного врага, и взывать к нему бесполезно.

Луазон поднял лишившуюся чувств Долорес и отнес ее на постель. Прикасаюсь к телу прелестной девушки, обнимать ее было для него давно желанным наслаждением. Он уже рассчитывал, что в обмороке она не почувствует его ласк, которыми он щедро одаривал прежде бедную Габриэль и других хорошеньких молодых девушек, вверенных его попечениям. Но лишь только он приблизил свои губы к ее устам, лишь только его тихие прикосновения сделались смелее, как Долорес очнулась от обморока и в ужасе оттолкнула этого гнусного человека, но тут же снова потеряла сознание.

Невинность этого прекрасного создания была неприкосновенна. Казалось, само небо заботилось о ней в минуты тяжелых испытаний. В то мгновение, когда доктор, ослепленный страстью, хотел снова кинуться к ней, он услышал, что больные в сопровождении своих стражей возвращаются из сада.

XXII

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА ЕВГЕНИИ С НАПОЛЕОНОМ

Настал день, назначенный для охоты в Компьенском лесу, о которой Морни разговаривал с принцем-президентом.

В этой веселой охоте участвовали все находившиеся в то время в Париже знатнейшие вельможи. Великолепный лес с его густыми зарослями и бесчисленными укромными уголками манил их, как бы приглашая не только к охотничьим забавам, но и к любовным похождениям.

Компьен издавна был любимой резиденцией повелителей Франции. Замок, стоящий на опушке леса, был построен Людовиком XV; Наполен I значительно увеличил его пристройками и принимал в нем свою вторую супругу, Марию-Луизу. Он, однако, не любил охоты, так что только Карл X, собственно, ввел ее в Компьене.

Недалеко от Компьена есть старая, полуразрушенная башня, с которой связаны интересные воспоминания. Не обойдем их молчанием. Вблизи моста через Уазу есть развалины, поросшие мхом. У этих стен в 1430 году знаменитая Орлеанская дева попала в плен бургундцам. Здесь войска ее были осаждены герцогом, и она приняла против него смелую и удачную вылазку. Но когда с наступлением ночи она хотела возвратиться в Компьен, его комендант, завидя славе Орлеанской девы, велел опустить спускную решетку, прикрепленную к башне на мосту, и тем предал бесстрашную героиню в руки врагов.

И вот теперь на охоте в Компьенском лесу мы тоже видим неустрашимую девушку, несущуюся на великолепном белом коне. Скакун, по-видимому, вышел из-под власти всадницы, потому что он бешено несется вперед, и черное бархатное платье прекрасной амазонки так сильно развеивается по ветру, что заставляет опасаться несчастья. Напрасно смелая всадница хватается за двойную узду; напрасно кричит она, стараясь остановить словами дико несущегося коня; он неудержимо несется прямо на деревья, и уже не остается сомнений, что несчастная амазонка погибла.

Но за ней уже мчится молодой всадник, глубоко всадив шпоры в бока своего коня, и хотя нелегко обогнать понесшего скакуна девушки, ему удастся, наконец, опередить его и, соскочив с коня, схватить за узду.

Прекрасная всадница, однако, не потеряла присутствия духа и теперь, когда опасность миновала, смеялась от всей души, между

тем как лошадь ее, фыркая, стояла рядом с конем молодого всадника, явно озабоченного. С первого взгляда в нем можно было узнать испанца: желтоватый цвет лица, темные глаза и небольшая борода, резко обозначенные черты — все выдавало в нем южного жителя. Он еще молод, ловок и, кажется, очень заинтересован дамой, которую только что спас от смертельной опасности.

Пока она гордо смеялась, он старался, водя за узду свою лошадь, усмирить также и скакуна донны.

— Очень благодарна вам, принц,— вскричала прекрасная амазонка,— это была забава, какой мне еще никогда не приходилось испытывать!

— Вы необыкновенная наездница, графиня! Такая необыкновенная, что этот случай просто изумил меня!

— Нечего бояться, мой дорогой принц; позвольте мне рассказать вам, как было дело. Вы только что прискакали на ту сторону, чтобы повидаться с доном Олимпио Агуадо и маркизом де Монтолоном, как я, глядя на площадку, где вы встретили благородного дона, отпустила поводья, не обращая внимания на моего Кабалло. Вдруг, прежде чем успела я снова подобрать поводья, он сделал несколько скачков, и только что я поняла причину этих скачков, как он уже мчался вместе со мною. Я пробовала править поводьями, но это всегда такое кроткое животное как будто забыло вдруг всякую дрессировку и бешено несло меня, пока вы, мой принц, не последовали за мною и не спасли меня. Примите искреннюю благодарность, принц, я обязана вам жизнью,— говорила всадница, улыбаясь своей очаровательной улыбкой.

— Еще счастье, что я вовремя увидела несчастье, разговаривая с доном! — отвечал молодой человек — испанский принц Камерата.

— Но что же это за причина, которая сделала таким непокорным вашего Кабалло, всегда послушного каждому вашему движению?

Евгения прекрасно выглядела в своей амазонке из черного бархата, эффектно оттенявшей ее белоснежную кожу и спадавшей тяжелыми складками с левого бока коня. Қокетливо надета небольшая шляпа с развевающимся пером, глубокий, ловко рассчитанный вырез плотно прилегающего платья, роскошно убранный прозрачными кружевами, падающие на плечи золотистые локоны и смеющееся лицо красавицы-графини приковывали взгляд молодого принца, пользовавшегося в последнее время особенным благоволением Евгении.

— Послушайте, принц,— доверительно говорила она ему,— в то время, как вы спешили к дону Олимпио и маркизу, в кустах стояло несколько кабриолетов; я смотрела на вас и в первую минуту совсем не заметила всадников, показавшихся в стороне от нас между деревьями. Но мой Кабалло тотчас же увидел всадника на белой лошади, появившегося совсем близко в боковой аллее в сопровождении герцога Морни. Внезапное появление гордо фыркающей лошади и блеск охотничьей одежды, сверкавшей на солнце, так поразили моего Кабалло, что он неудержимо понесся, не оставив мне времени взглянуть на всадников, так же изящно одетых, как и вы, принц,

и, кроме того, в блестящих охотничьих шляпах. Но если глаза не обманывают меня, то вон они по той стороне приближаются к нам.

Принц посмотрел в том направлении, куда глядела Евгения, и действительно увидел двух статных всадников со свитой, приближавшихся к ним.

— Это принц-президент и Морни,— прошептал он, быстро вскакивая на лошадь.

Графиня была, казалось, очень обрадована предстоявшею ей честью. Она не отрывала своих прекрасных глаз от всадников, быстро приближавшихся к ней.

Президент ехал на статном и горячем белом коне, его сопровождал Морни на вороном, стоившем ему, без сомнения, не менее десяти тысяч франков, может быть, еще не выплаченных. На некотором расстоянии за принцем следовала его свита: шталмейстер Флери и некий Бацциоши, впоследствии главный казначей Тюильри, а теперь главный комиссионер принца.

Прежде чем мы проследим за встречей Людовика Наполеона с прекрасной графиней Монтихо, мы должны, пользуясь случаем, сказать несколько слов о Бацциоши, который будет со временем играть важную роль в государстве, будучи графом и имея ежегодный доход в сто тысяч франков.

На острове Корсике, около Бастии, жил в 1848 году у одного виноградаря некий авантюрист родом из Айяччо (месторождения Наполеона I), бежавший от своих кредиторов; это и был Бацциоши. Когда Людовик Наполеон сделался президентом республики, Бацциоши занял несколько сот франков у одного своего знакомого в Бастии, отправился в Париж и нашел Наполеона в Елисейском дворце, где представился ему как родственник. Принц, не желая даже входить в оценку этого родства, слишком мало почтенного, увидел в нем, однако, ловкого и пригодного для своих планов человека, хотя тот был даже неграмотен.

Почтенный родственник очень удачно пользовался предоставленными ему льготами. Это лучше всего доказывает миллионное состояние, которое он оставил после своей смерти.

Когда Бацциоши сделался графом и главным казначеем, родственник его, император французов, как повествует Густав Рош, облагодетельствовал его разными льготами; так, например, он поручил ему увеличение числа фиакров до пятисот, устройство дока и переустройство гавани Айяччо в арсенал, предоставил управление купальнями в Виши и устройство новой омнибусной линии в Париже.

Пока же Наполеон дал ему хорошее место и удержал при себе. Нередко Бацциоши исполнял довольно щекотливые поручения и, надо сознаться, с честью выходил из всякого затруднения. В известном процессе Мира узнали из книг банкирских домов, что главному казначею графу Бацциоши было выплачено не менее миллиона за услуги, оказанные им этому спекулянту при получении концессий на постройку железных дорог. За несколько лет перед смертью он

был сделан главным интендантом парижских театров и доставлял самых хороших фигуранток для придворного балета. Как комиссионер, он проявил в Елисейском дворце незаурядную ловкость.

Бацциоши привез с Корсики в Париж ребенка, рожденного от служанки бастийского садовника. Мальчик чистил его платье и выполнял все грязные работы. Но потом граф Бацциоши сделал его своим секретарем и рыцарем Почетного легиона.

Вот часть тех тайн, которые окружали влиятельнейших людей Тюильри. Виноградарь из Бастии тоже появился в Париже, главный казначей сделал его обер-инспектором театров, а человек, одолживший ему деньги для поездки в Париж, адвокат Карбучио, получил место президента палаты в Бастии.

О шталмейстере и впоследствии коменданте Флеримы расскажем в другом месте.

Эти-то господа и находились в свите принца-президента, когда он подъехал к площадке, где разговаривали Евгения и принц Камерата, вовсе не желавший этой встречи. Может быть, он угадывал, что она повлечет за собой печальные для него и неожиданные для графини последствия.

Наполеон выглядел красавцем на своем великолепном белом коне и в богатом охотничьем наряде; и кроме того, он был могущественнейший и первый во Франции человек, обстоятельство, которому Евгения придавала немало значения. Она не забывала предсказания старой горбуни.

На принце были темно-зеленый сюртук с вышитыми золотом обшлагами, белые рейтузы и высокие охотничьи сапоги. На голове красовалась заостренная спереди и сзади и обшитая галунами маршальская шляпа. Он с нескрываемым любопытством смотрел на смелую всадницу, которая незадолго перед этим исчезла из его глаз, уносимая своим прекрасным конем.

Морни на своем вороном скакуне ехал чуть-чуть позади принца и вел с ним какой-то таинственный разговор. В этот момент он казался Мефистофелем, нашептывающим свои злые советы.

Принц Камерата легким прикосновением шпор повернул свою лошадь, чтобы избежать требования этикета, предписывающего ему отдать честь Людовику Наполеону; последний, впрочем, не обратил никакого внимания на молодого испанца, а направился к графине, лошадь которой с высоко поднятой головой и раздувающимися ноздрями как будто рвалась вперед.

Евгения с улыбкой подобрала поводья. Принц-президент вместе с Морни подъехал к ней.

— Графиня Монтихо де Тэба, — представил Морни Евгению, грациозно склонившую голову в ответ на эти слова.

— Я страшно испугался, моя уважаемая графиня, видя, какой опасности вы подвергались. Ведь вы, кажется, были участницей нашей охоты, но ваша упрямая лошадь умчала вас в другую сторону от нас, — сказал Людовик Наполеон мягким голосом прекрасной амазонке, подвигаясь вместе с ней между деревьями.

— Действительно, монсиньор, я выпустила поводья,— призналась Евгения, с прелестным выражением опуская темно-голубые глаза.

— Герцог Морни только что рассказал нам о вашем необыкновенном искусстве верховой езды.

— И я имела несчастье перед вашими глазами доказать совершенно противное, монсиньор! Такие неприятности часто случаются со мной в жизни. Благодаря доброте принца Камерата я спасена и имею счастье теперь говорить с вами, монсиньор,— сказала Евгения, взглянув при этом на едущего близ нее молодого испанца, которого только теперь увидел Наполеон и холодно ответил ему на поклон.— Кабалло не мог уже больше мчать меня против моей воли.

— Каприз Кабалло очень понятен; он знает, какая очаровательная всадница доверилась ему,— сказал Наполеон вполголоса.

Морни в это время всячески старался занять принца Камерата, чтобы доставить своему брату удовольствие беспрепятственно беседовать с прекрасной амазонкой, продолжая путь.

Евгения не мешала своему спутнику рассматривать ее сбоку, но не отвечала на комплимент принца.

— Скоро мы присоединимся к остальному обществу охотников,— продолжал Людовик Наполеон,— окажите мне милость: позвольте мне видеть вас и говорить с вами позднее; теперь нам будут мешать, но я надеюсь увидеться с вами вечером. Вы знаете, моя милостивая графиня, что для этого прежде всего нужно ваше согласие, ваша благосклонность...

— Я сочту за великую честь быть в вашем обществе, монсиньор,— ответила Евгения, подъезжая рядом с принцем к открытой площадке в лесу, где дамы и кавалеры, разговаривая об охоте, на лошадях и в экипажах ожидали Наполеона.

— Итак, до свидания, моя милостивая графиня Монтихо! — сказал принц, обменявшись долгим выразительным взглядом с Евгенией, которая очаровательно поклонилась. Теперь он знал, что произвел впечатление на прелестную всадницу.

На площадке собралось многочисленное общество; здесь были генерал Персиньи, дон Олимпио Агуадо, господин Кармер, генералы Сент-Арно, Канробер, Эспинас и другие, маркиз де Монтолон и присоединившаяся к ним свита Наполеона: Морни, Флери, принц Камерата, Бацциоши и множество других господ в блестящих охотничьих костюмах.

Евгения подъехала к изящному экипажу графини, своей матери, которая, подобно многим другим знатым дамам, наблюдала охоту из своей кареты, издали. Со всех сторон раздавались приветствия принцу-президенту.

Олимпио и маркиз стояли недалеко от кареты графини и видели проехавшую мимо них Евгению рядом с Наполеоном.

Графиня отвечала любезной улыбкой на их рыцарский поклон. На груди Олимпио блестел бриллиантовый крест, точно талисман, часто носимый испанцами. Евгения, которая в это мгновение совсем не помнила о той ночи, тем не менее увидела и узнала сверкающий

крест. Ей показалось, что он светится еще ярче, еще лучистее прежнего, когда она ехала мимо двух всадников, раздумывая о словах принца Наполеона.

Раздался звук рогов; вдали откликнулось эхо; показалась свора охотничьих собак и блестящий поезд двинулся. Людовик Наполеон и Морни, окруженные несколькими лесничими и надежными стрелками, возглавляли охоту.

Скоро раздались первые выстрелы, два великолепных оленя, пронзенные многими пулями, замертво упали на мох, в отдаленных местах леса, куда их загнали сановные охотники. Общество стало оживленнее, веселее и громче шутили и смеялись, стреляли и скакали в различных направлениях участники охоты.

Наполеон искал кого-то в своей свите, Морни знал, кто ему нужен. Увидев графиню Монтихо вместе с Камератой, принц-президент спросил у своего сводного брата:

— Кто этот испанец с такими удивительно мрачными глазами? У него такой вид, будто он угрожает каждому, кто обменяется взглядом с его донной.

— Принц Камерата давно живет в Париже; он происходит из древней испанской фамилии и, кажется, богат; его постоянно встречают в салоне графини Монтихо,— отвечал Морни.

— Нельзя ли разлучить его с графиней, он, по-моему, сильно надоедает ей,— проговорил вполголоса Наполеон и тотчас же, как будто он поджидал не прекрасную всадницу, а некоторых господ из своей свиты, очень любезно поклонился маркизу и Олимпио.

Дон Агуадо, геркулесовская фигура которого выделялась из всей свиты и затеняла собою других, до сих пор бесплодно разыскивал Долорес. Неустанные поиски Валентино также оставались до сих пор безрезультатными. Могли ли они предположить, что дочь Кортино запрятана в обнесенном стенами заведении доктора Луазона, могли ли найти ее там.

Маркиз со времени переселения своего в Париж вместе с Олимпио и маленьким Жуаном, которого он воспитывал, как свое собственное дитя, был задумчив и часто погружался в себя. Может быть, все еще не мог избавиться от горестных воспоминаний... Олимпио не расспрашивал о причинах его мрачного настроения, он ждал, пока Клод все расскажет ему сам.

Принц-президент поздравил этих двух господ с приездом в Париж и выразил надежду, что в решительный день он найдет в них людей, готовых помогать исполнению его планов.

Исход охоты занимал сейчас всех. Согнанные с места загонщиками, на опушке показались два вепря, и в то время, когда Морни схватил одного из них, шталмейстер Флери убил другого для принца, желая доказать ему этим свое усердие. Флери получил легкую рану в бедро — несмотря на его искусное владение охотничьим ножом зверь в смертельной борьбе повредил ему ногу. Флери, получив благодарность Наполеона, улыбался, как будто с ним ничего не произошло, и хромая, в залитых кровью белых рейтузах, добрался до лошади.

Было убито еще множество косуль, которых егери отнесли в отдаленный участок леса, где под звуки forllorli * должны были быть собраны трофеи охоты. Олимпио и маркиз также убили несколько зверей. Общество забавлялось, преследуя косуль; веселье охоты становилось все свободнее. Камерата присоединился к двум своим приятелям и только через несколько часов поинтересовался, озабоченно оглядываясь по сторонам, где можно найти графиню Монтихо.

Но Евгении нигде не было видно.

Группы охотников рассеялись, выстрелы и крики слышались со всех сторон. Кареты дам-зрительниц тянулись длинной вереницей по большой дороге. Направо и налево в кустах гремели выстрелы, и только немногие пожилые господа из свиты принца-президента ехали, разговаривая, к отдаленному месту леса, где, как условились, должна была находиться граница охоты.

Час тому назад Наполеон увидел, что прекрасная графиня Евгения, оставшаяся несколько позади, вдруг повернула в боковую тропинку. Морни, заботливый братец, прискакал к Камерате, но скоро оставил его, видя, что он оживленно разговаривает с доном Агуадо и маркизом де Монтолоном, а принц-президент, сделав знак своей свите не следовать за ним, отправился вслед за Евгенией, которая помчалась на своем быстром скакуне к опушке леса, где она завидела молодого оленя, продиравшегося сквозь кусты. Казалось, графиня намеревалась убить его.

Евгения взяла предложенное ей одним господином из свиты небольшое двуствольное ружье. В Мадриде на боях быков она привыкла к убийству и виду крови.

Прелестная амазонка ехала, выжидая момента, когда олень, испуганный отдаленными выстрелами, приблизится к ней. Наполеон следовал за ней.

Хотела ли она, удалившись от остального общества, доставить принцу возможность встретиться с нею или думала исполнить высказанную им просьбу под видом преследования оленя?

Темнело. Заходящее солнце золотило своими лучами верхушки деревьев, и вся местность этой великосветской охоты казалась еще живописнее.

Кругом все затихло, смолкли даже выстрелы, и сейчас же чудные песни птиц, точно вечерняя молитва, вознеслись к небу. Легкий ветерок тихо колебал листья и что-то нашептывал им. Вдруг в этой божественной тишине раздался треск кустарника, производимый неистовым бегом оленя, приближавшегося к графине, которая резко остановила свою лошадь.

Увидев всадницу, животное стало, как вкопанное, а Евгения быстро вскинула небольшое, украшенное серебром ружье и в тот же миг раздался выстрел. Лошадь ее встала на дыбы, олень, казалось, был ранен; принц видел, как он сделал огромный прыжок, упал, вскочил опять и с минуту оставался с высоко поднятой головой, как

* Охотничья песнь, сигнал об окончании охоты.

будто выбирая путь спасения; потом, ослепленный болью, склонив к земле свои ветвистые рога, бросился на своего врага.

Раненое животное не хотело отдать свою жизнь без борьбы; оно грозно ломилось через кусты к Евгении, лошадь которой при виде оленя так сильно поднялась на дыбы, что смелая графиня не могла сделать другой выстрел и, умиряя лошадь, оказалась в неожиданной опасности.

Наполеон, увидев трудное положение всадницы, подскочил, чтобы помочь ей, но прежде чем он успел послать пулю в рассвирепевшего оленя, Евгения смелым грациозным движением соскочила с седла, а лошадь, почувствовав себя свободной, мгновенно умчалась от своей госпожи. Все это было делом одной минуты, и прежде чем принц успел помочь отважной охотнице, она послала уже вторую пулю в раненого, горевшего бешенством оленя. Животное повалилось, но несмотря на новый выстрел, сделанный принцем, все еще силилось подняться.

У Евгении не было больше оружия для защиты, и она, по примеру гладиаторов, хотела уйти от смертельно раненного зверя, оглашающего лес хриплыми криками.

Не теряя присутствия духа, храбрая амазонка, следя за движениями оленя, направилась в сторону, противоположную той, откуда примчался олень. Но не успела она сделать и нескольких шагов, как ее длинная амазонка запуталась в сучьях, и Евгения упала.

Принц быстро соскочил со своего коня и, бросив поводья за ближайшую ветку, поспешил на помощь прекрасной графине, которая, казалось, находилась в большом затруднении.

Действительно, его помощь была необходима, потому что животное, пронзенное пулями, хрипя, испустило последний вздох всего в нескольких шагах от Евгении.

Но вот опасный момент прошел, и принц, убедившись в смерти оленя, подошел к графине, чтобы подать ей руку.

— Ради Бога, — сказал он с озабоченным видом, — вы не ушиблись, моя милая?

— Нет, нет, мой принц, — отвечала Евгения, с улыбкой поднимаясь с земли. — Это не более, не менее чем обычное охотничье приключение: амазонка стала причиной моего падения... Взгляните, мох окрашен кровью животного.

— Вы в самом деле смелая охотница, графиня! Позвольте мне выразить вам мое удивление, я ужасно боялся за вас.

— В самом деле, принц?.. Это заставляет меня гордиться.

— Но вы пренебрегли моей помощью; я дорого бы дал, чтобы заслужить вашу благодарность.

— Ну так позвольте мне выразить ее вам — я ведь думала, что совершенно одна, потому что в пылу преследования не видела вас. Но мой бедный Кабалло! Он пропал! — продолжала Евгения, оглядываясь вокруг.

— Его поймают; я слышу, как он ржет в той стороне, — уверил графиню Наполеон, подводя ее к неподвижно лежащему оленю. — Вам принадлежит венец охоты — это гордое, прекрасное животное.

Но вы одержали еще одну победу, не подозревая ее и, может быть, даже не интересуясь ею,— тихо сказал принц, делая на этих словах ударение, не позволявшее сомневаться в их значении.

Он склонился и поцеловал руку Евгении.

— Вы делаете меня счастливой и заставляете гордиться, мой принц,— прошептала Евгения, очаровательно покраснев.— Чем же я могу быть еще так тронута, как не вашим одобрением.

— Восхитительно,— прошептал Наполеон, стоя перед прекрасной Юноной и любуясь ею, — эта охота останется для меня незабвенной, потому что она доставила мне случай сблизиться с вами. У меня есть к вам просьба, моя дорогая графиня!

— Говорите откровенно. Вы можете приказывать мне, принц, потому что я — ваша подданная,— сказала Евгения с улыбкой.

— Прелестная графиня, не вы моя подданная, а я, я смотрю на вас как на свою повелительницу, обладающую могучими чарами — красотой, величием и грацией. Разрешите, Евгения, мне снова увидеться с вами в салоне вашей матери-графини.

— Ваше посещение моя мать и я почтем за величайшую честь.

— За честь! Это звучит очень холодно и официально, моя дорогая графиня.

— Ну, так за радость, чтобы быть откровенной.

— Благодарю вас за эти теплые слова, графиня Евгения. Я не замедлю воспользоваться вашей добротой, потому что, признаюсь, вы, смелая охотница, ранили также и мое сердце. Это не светская болтовня, графиня Евгения, но истинное выражение моих чувств. Я слышу приближающиеся голоса, вероятно, выстрелы привлекли мою свиту или, может быть, испанский принц, сопровождавший вас перед этим, заметил ваше отсутствие.

— Принц Камерата? Это понятно,— весело отвечала графиня, увидев несколько всадников, показавшихся в той стороне, куда скрылась ее лошадь, — принц в самом деле очень внимателен и любезен. С ним дон Агуадо и маркиз де Монтолон; о, они поймали моего Кабалло и думают, конечно, что со мною случилось несчастье.

Наполеон взглянул в ту сторону, куда был обращен взор Евгении, и увидел трех всадников, въехавших в аллею и ведущих за собой убежавшую лошадь, с ними было несколько лесничих. Эти господа узнали Евгению де Монтихо и принца-президента и увидели лежащего на земле мертвого оленя.

— Мы обязаны графине самым лучшим трофеем этого дня! — вскричал Людовик Наполеон.— Смелая участница нашей охоты во время борьбы потеряла лошадь, которую, впрочем, как я вижу, возвращают ей.

Олиम्пио, сдерживая своего скакуна, бросил невольный взгляд на Евгению и принца, как будто догадываясь, что перед этим произошло между ними. Принц Камерата держал за узду белую разгоряченную лошадь Евгении. Соскочив с коня, он подвел фыркающего Кабалло к шедшей ему навстречу графине. Между тем, охотники приблизились к мертвому оленю, чтобы отнести его в ту часть леса, где складывались в кучу все охотничьи трофеи.

Евгения, опираясь на руку Камераты, вскочила на своего коня, незаметно наблюдая за принцем Наполеоном, не спускавшим глаз с нее и услужливого Камерату. Эта картина разжигала ревность в Наполеоне и еще более увеличивала его желание сблизиться с восхитительной графиней. Охотники между тем взвалили оленя на лошадь и поспешили к месту сбора трофеев.

Когда Евгения села на Кабалло и ласково потрепала его по шее, Наполеон также вскочил на свою лошадь, чтобы вместе с графиней и прочими охотниками явиться в назначенное место, где при его появлении затрубили в рога.

Охота кончилась, и царицей ее была, конечно, Евгения.

XXIII

ПРИНЦ КАМЕРАТА

Между доном Олимпио и молодым испанским принцем, жившим в Париже, завязалась скоро тесная дружба. Камерата, столь же любезный, как и храбрый, был благородным человеком.

Так же, как Олимпио и маркиз, владения которого в провинции доставляли ему ежегодно до миллиона франков, он был богат, но жил в Париже не столько для развлечений и удовольствий, сколько из-за своей пылкой любви к Евгении. Он обожал ее и лелеял надежду поведи ее к алтарю.

Олимпио, ставший таким же пронизательным, как маркиз, убедился со времени охоты в Компьене, что графиня Евгения предпочла благородному и доброму Камерате того влиятельного человека, который в это время занимал высшую должность во Франции и готовился захватить еще более высокую власть. Он понимал, что Евгения жаждет блеска и славы, что ее ненасытное честолюбие заглушает все движения сердца, и он предчувствовал также, что эта непреодолимая страсть готовит ей гибель.

Принц Камерата не думал об этом, он безумно любил Евгению, почти постоянно был около нее — аккомпанировал ей на мандолине, когда она играла на фортепиано, пел с ней испанские дуэты и считал себя счастливейшим из людей, когда мог, не отрывая глаз, смотреть на ее прекрасное лицо и забываться в этом созерцании.

Графиня, как все женщины, которых любят, знала, что принц боготворит ее и это нравилось ей, может быть, потому, что лестно было видеть такое поклонение, а может быть и потому, что это привлекало к ней новых поклонников. До сих пор она оказывала принцу большую благосклонность и, не давая никаких определенных обещаний, позволяла на все надеяться.

Олимпио и маркиз, видя Камерата постоянно с Евгенией, считали неприличной навязчивостью напоминать ей о том обещании, которое однажды дали ей; друг их принц постоянно был с нею, у них же оставалось свободное время для достижения других целей.

Маркиз любил и воспитывал как свое родное дитя Жуана, теперь уже десятилетнего, прекрасно развившегося, хорошенького мальчика. Не рассказывая никому о своих намерениях, он, по-видимому, тоже, подобно Олимпио, старался разыскать кого-то, кто некогда разрушил его счастье. Олимпио не пытался разгадать его тайну, но одно странное происшествие бросило на нее случайный свет.

Однажды вечером, возвращаясь с Елисейских полей, оба друга в сопровождении Жуана, проезжали по улице Сент-Оноре и поравнялись с Пале-Роялем.

В ту минуту, когда карета, задержанная большим стечением экипажей, медленно катилась мимо порталов дворца, к ней подошли несколько нищих женщин (которых там всегда много), протягивая руку за милостыней. Маркиз де Монтолон сидел со стороны кареты, обращенной к порталам, откуда выходили нищие.

Вдруг он увидел одну из этих женщин, в полинялом длинном платье, приближавшуюся к нему.

Карета подвигалась шагом, и нищая, тоже заметив Клода, громко вскрикнула и убежала; он же на мгновение закрыл лицо руками, как будто увидел нечто страшное. И тут же, крикнув, чтобы карета остановилась, быстро выпрыгнул из нее, осмотрелся во все стороны и бросился бежать по тротуару, окружавшему Пале-Рояль. Наконец, бледный и молчаливый, он возвратился в экипаж, где его ожидали Олимпио и Жуан.

Маркиз сидел грустный, погруженный в тяжелые думы, должно быть, что-то очень важное произошло в этот момент, и его лицо, всегда спокойное, имело такое страдальческое выражение, как будто этот маленький эпизод перевернул всю его душу. Клод был чутким и глубоко чувствующим человеком, и теперь, вернувшись домой и лежа на своей постели, он размышлял о страшном, но справедливом роке. Бедный маркиз страдал, мучительные картины прошлого проносились в его воображении, и все-таки жалость терзала его сердце.

Он увидел Адель де Монтолон, ту, которая навсегда разрушила высочайшее счастье его жизни, ту, которой принадлежала вся его любовь и которая обманула его с преступным легкомыслием. Она вдруг появилась перед ним после пятнадцати лет разлуки — нищая, отвергнутая! Кара Божия настигла ее, и Клодом овладела скорбь, невыносимая для его нежной, чувствительной души.

При виде нищей все, что она заставила его пережить в те мучительные часы, было если не забыто, то по крайней мере прощено — ведь она была несчастна! Однако она скрылась от него, он не встречал больше нищей Адели.

Валентино по-прежнему неутомимо продолжал свои розыски, чтобы напасть на след Долорес, но, казалось, труды его в Париже не могли увенчаться успехом. Однажды он думал, что уже напал на ее след, но Олимпио, увидев ту, которую он считал за Долорес, воскликнул:

— Нет, это не моя Долорес, Валентино! Надо искать подальше. Этот негодяй, мнимый герцог, сумел лучше запрячь ее; мы должны

наказать мерзавца и вынудить у него признание; только он может сказать нам, где она,— он держит ее в заключении!

Валентино сжал кулаки:

— Клянусь Святой Девой, я отдам вам в руки этого злодея, дон Олимпио! Он должен получить наказание за те мучения, которые причиняет сеньоре. Валентино рассчитается с ним!

— Уж это предоставь мне. Ты будешь доволен моим приговором, который не может быть слишком милостив.

— Вы должны отрубить руки этому гнусному злодею! Так мучить бедную сеньору! И не забывайте, дон Олимпио, что он хотел бросить вас в Темзу и меня заставил томиться в проклятой темной норе его дома! Только бы он попался мне в руки, я бы не отказал себе в удовольствии расправиться с ним предварительно. Уж я найду его, потому что изнемогаю от бешенства. Он и его слуга с раздвоенным носом, которого я уже прибил однажды, оба они не должны уйти от наказания, клянусь в этом всеми святыми!

Олимпио, несмотря на всю важность и мрачный характер разговора, не мог не улыбнуться, видя справедливый гнев Валентино. Честный малый готов был отдать жизнь за своего господина, и Олимпио мог не сомневаться, что он сдержит свое обещание.

Не успели кончить разговор, как вошел принц Камерата, бледный и взволнованный. Все его движения показывали, что с ним случилось нечто очень неприятное.

— О, мой милый принц,— вскричал Олимпио, протягивая приветную руку, между тем как Валентино вышел из комнаты.— Что с вами? У вас такой расстроенный вид, черт возьми! Выражение вашего лица предвещает грозу.

— Еще бы, дон Агуадо! Я пришел прямо к вам, потому что считаю вас самым близким другом; я до сих пор под впечатлением только что пережитого мною...

— Прошу вас сесть, дорогой принц! Валентино, давай нам лафита. Рассказывайте, я жду с нетерпением!

— Дело не длинно, но таинственно; прочтите это анонимное письмо, которое я только что получил, и потом выслушайте, что я вам скажу.

Камерата подал дону Олимпио письмо.

Пока тот был занят чтением, Валентино принес вино и наполнил бокалы.

Письмо, полученное принцем за несколько часов перед этим, гласило:

«Один из ваших доброжелателей, считающий называть себя здесь излишним и опасным, советует вам оставить на этих днях Париж! Вы жертва ревности и интриги, и тот, кто ее затеял против вас, имеет больше силы, чем вы! Бегите! Скоро настанет время, когда вы будете в безопасности.

Прежде всего, избегайте дома на улице Сент-Антуан № 10».

— Улица Сент-Антуан № 10,— сказал Олимпио, поднимая глаза от письма,— не находится ли во втором этаже этого дома салон графини Монтихо?

— Вы угадали, мой друг!

— И я догадываюсь об имени вашего противника,— сказал Олимпио.

— Говорите же, дон Агуадо!

— Президент.

— Теперь я уверен, что не ошибся! — воскликнул Камерата.— Слушайте дальше! По получении этого письма, соченного мною сперва за шутку одного из господ, встречавшихся со мною в салоне, я отправился к дому графини, приказал моему слуге доложить обо мне и хотел идти в комнаты.

— Вы не были приняты,— прервал принца с улыбкой Олимпио.

— Как, вы знаете?

— Мой любезный Камерата,— сказал Олимпио, пожав плечами,— я знаю только то, что прекрасные дамы имеют много причуд! Не вы первый и не вы последний из тех, которым графиня оказывает свое расположение с тем, чтобы по прошествии нескольких месяцев совершенно забыть о нем! Стало быть, надо привыкнуть к тщеславию и честолюбию дам!

— Я должен был уйти: у нее были гости, я видел стоящий неподалеку от дома...

— Без сомнения, кабриолет принца-президента?

— Это скрыли, дон Олимпио, и скрыли не совсем ловко! Моему слуге было сказано, что дамы отправились на несколько месяцев в путешествие и приказали мне кланяться. По возвращении они рады будут меня видеть.

— Ну, мой любезный принц, конечно, сгущает краски! Этот ответ еще не делает вашей любви безнадежной.

— Я принял решение.

— Прежде, чем вы его мне выскажете, выпьем, принц,— сказал со смехом Олимпио, идя к столу и беря в руки бокал.— Я пью за нашу добрую дружбу!

— На такое приглашение я готов отвечать с величайшею радостью,— ответил Камерата, все еще очень взволнованный, так что его бледное, тонко очерченное лицо пылало.— В знак доброй дружбы, мой любезный дон!

Оба собеседника осушили бокалы.

— Ну-с, перейдем к вашему решению!

— Я должен знать правду об этом анонимном письме, Олимпио, до тех пор, пока я не узнаю ее, я не могу ни принять твердого решения, ни действовать! Вы знаете, что из-за молодой графини было уже много дуэлей, быть может, будет и еще одна.

— Не торопитесь, принц.

— То же самое и я говорю себе, поэтому буду спокойно выжидать решительной минуты.

— Вы не уедете из Парижа?

— Ни за что! Мне нечего бояться, Олимпио; меня хотят удалить этим письмом и ответом, данным мне в доме графини, но я не хочу сдаться без борьбы! Я останусь здесь и буду зорко смотреть за домом

№ 10 на улице Сент-Антуан! О, пусть не думают, что они имеют дело с Дон-Кихотом! Клянусь всеми святыми!

— Ваше решение может быть вполне оправдано, принц.

— Когда произойдет так называемое возвращение дам, я снова навещу их салон и...

— Вы хотите ждать?

— И выждать моей судьбы, Олимпио! Я люблю Евгению до безумия! Она дала мне доказательство того, что отвечает на мою любовь! Если она предпочтет мне кого-либо другого, то один из нас должен умереть!

— Вы любите сильно, принц, я этому совершенно верю, но вам не следовало бы принимать так близко к сердцу слова молодой графини.

— Требуйте от меня всего, чего хотите, Олимпио, но только не того, чтобы я спокойно смотрел, как она отдает свою руку другому! Одна мысль об этом приводит меня в бешенство, а когда настанет минута, я начну действовать.

— Мне кажется, принц Камерата, что вы первый раз терпите неудачу в вашей жизни, при второй вы будете спокойнее смотреть на дело.

— Вы хотите, чтобы я изменил свое решение, Олимпио?

— Я боюсь, что вы слишком скоро приметесь за его исполнение, я предчувствую это.

— С проклятием на губах я предпочту смерть жизни, в которой буду видеть возле другого ту, которую я люблю! Я не могу этого, Олимпио.

— Пробуйте и делайте то, что вы решили, принц, но позвольте вам напомнить, что Людовик Наполеон не примет вызова, он не может принять его, будучи главой государства.

— Тогда я вынужу его силой, Олимпио.

— Не торопитесь, мой друг.

— Я рассчитываю на вас и на маркиза! Пусть слово дружба не будет между нами пустым звуком, Олимпио!

— В нужде и опасности мы всегда возле вас, принц! Не придавайте моим словам другого смысла! Я хочу только предостеречь вас!

— Не бойтесь ничего! Что случится, то случится, с полной обдуманностью и с полным правом! Олимпио, я знаю, что вы также любите! Поставьте же себя на мое место и скажите, прав ли я, говоря так? Я обожаю эту женщину! Я никого на земле не любил так, как Евгению Монтихо! Не говорите мне, что она вела рассеянную жизнь,— это была вина ее матери, и я утверждаю, что и эта новая интрига дело той же графини! Евгения — ангел, она прекраснейшее, чудеснейшее создание, какое когда-либо носила земля, и я хочу и могу дать ей жребий, который должен сделать ее достойной зависти! Согласитесь со мной, Олимпио, поймите меня! Я не в силах поступить иначе.

— Будем надеяться, что дело выйдет лучше, чем я предполагал, слишком заботясь о вас, принц! Одно верно: вы можете рассчитывать на меня во всех превратностях судьбы!

— Благодарю вас за эти слова, они для меня очень важны, Олимпио, и вы, быть может, вскоре будете иметь случай осуществить их на деле! Я предвижу неизбежность сцены — моя пылкая любовь сделает ее необходимой! Я хочу знать все, знать во что бы то ни стало.

В то время как во дворце маркиза происходил этот разговор, Монше с секретарем Моккуардом явился к мисс Говард в улицу Ришелье.

Молодая англичанка жила в большом, красивом доме. Все ее мысли принадлежали принцу-президенту, или нет — ее милому Людовику Наполеону! Он был для нее не главой государства, а только человеком, которого она страстно любила! Она вполне доказала принцу свою преданную любовь, когда согласилась следовать за ним в Париж и вверила ему и свою жизнь, и свое состояние. Мысль о том, что Наполеон может оставить ее, никогда не приходила ей в голову, она бы не поверила, если бы ей сказали о такой возможности! Она не могла допустить саму возможность такого поступка со стороны человека, которого она любила и который сам неоднократно клялся ей в том же! Она требовала от него только привязанности; она не думала о будущем, не питала пустых надежд! Что говорили о ней злые языки, каким именем называли ее отношения с принцем, все это нимало не озабочивало ее — она любила его! Это было смыслом ее жизни.

Вспоминала ли она когда-нибудь о своем отце, так рано сошедшем в могилу, чему именно она была причиной? Приходили ей на память слова, сказанные в последнюю минуту рокового свидания с ним? Воскресал ли в ее воображении образ ее доброй и любящей матери?

Кто может ответить на эти вопросы...

Если же, действительно, в ее душе звучали иногда эти упреки, она вспомнила о своем милом, он приходил и близ него она забывала обо всем, она была счастлива!

С некоторого времени Софи тщетно ждала принца, он приходил все реже и реже, был молчалив и мрачен. Нежным, полным любви голосом она спрашивала его о причинах и «темный человек» говорил о заботах правления. Это единственное слово все извиняло. За ним он скрывал и действительные причины своего отсутствия, и свои настоящие планы.

— О, роковые правительственные заботы! — восклицала часто с гневом Софи. — Какие страдания они причиняют мне!

Она верила своему возлюбленному и прилагала все старания, чтобы разгладить морщины на его челе и вызвать улыбку на его мрачном лице. Она болтала, желая его развлечь; она сама накрывала стол для их ужина и приготовляла любимые им блюда. Но все эти доказательства ее верной любви не могли удержать принца. Он забыл все жертвы, принесенные для него, он уже тяготился ею, новый образ занял место в его непостоянном сердце.

Когда доложили о приходе давно знакомого ей господина Моккуарда, она сидела за письменным столом и писала маленькое письмо принцу.

Полагая, что доверенный Наполеона пришел от него с вестью, она сама пошла к двери, чтобы пригласить его войти, и была изумлена, увидев возле Моккуарда незнакомого ей человека. Этот последний, судя по внешности, принадлежал к высшему сословию, впрочем, в этом можно было не сомневаться, раз он пришел вместе с Моккуардом.

— Прошу извинить меня, мисс Говард, за то, что я рискую представить вам господина Монье, благородного человека из провинции, который намеревается в скором времени посетить Англию и поэтому просит вас сделать ему честь вашим знакомством!

— Это нескромная просьба, мисс Говард, но мой друг поддержал мое желание рискнуть на нее!

— Господин де Монье надеется, благодаря вашей доброте, приобрести некоторые познания об Англии.

— Ваше доверие делает мне честь, и так как вас рекомендует господин Моккуард, то я, не колеблясь, открываю вам двери моего дома! Конечно, мои советы слишком ничтожны, хотя я и постараюсь быть вам возможно более полезной,— любезно отвечала Софи и пригласила обоих господ в гостиную.

Она не подозревала, что открыла свой дом прохожему, сообщнику принца и благосклонно принимала мошенника!

Моккуард вскоре удалился под предлогом неотложных дел, и Софи Говард осталась одна с агентом полиции Монье, назвавшимся провинциальным дворянином и притворяющимся наивным простаком. Этим способом ему вскоре удалось приобрести расположение Софи, которая считала своим долгом помочь добрыми советами молодому, неопытному дворянину и вошла с ним в бескорыстные дружественные отношения.

Господин де Монье просил позволения посещать ее, и мисс Говард согласилась, несмотря на то, что очень редко принимала у себя мужчин.

Первый шаг удался! Монье втерся в доверие Софи и мы вскоре убедимся, что он как никто другой сумел употребить это доверие в интересах своего патрона, господина Карлье.

Спустя несколько недель он до того уже подвинулся в отношениях с Софи, что считал возможным скоро вызвать ожидаемую Карлье катастрофу.

О Людовике Наполеоне между Монье и Софи не было сказано ни одного слова. Принц-президент очень редко навещал теперь мисс — его время стало цениться еще дороже, ведь он проводил его у прекрасной Евгении, нисколько не думая о бедной Софи.

Любящее сердце не может жить, не общаясь с любимым, и Софи, обращаясь к своему принцу с несколькими строками, свидетельствующими о ее любви, удовлетворялась этим и думала о нем с прежним непоколебимым доверием.

Монье часто замечал на столе эти письма, но не посягал на них, так как не находил их содержание годным для своей цели.

Однажды вечером он застал мисс Говард за сочинением письма принцу, которое она только что хотела вложить в красивый конверт, но положила на стол, приветствуя господина Монье.

Преданный ему агент Лютин после ряда долгих и тщетных попыток нашел предлог отослать в этот вечер ее служанку, Цофе, с каким-то поручением.

Монье вдался в откровенность, весьма понятную для провинциала, попавшего в водоворот парижской жизни, и внимательная, любезная хозяйка предложила гостю лимонад и вино. Она позвонила, желая позвать Цофе — господин Монье беспоконный ходил взад и вперед по комнате — зов ее остался без последствий, и Софи попросила гостя извинить ее на одну минуту. Когда она удалилась, Монье быстро подошел к письменному столу и пробежал письмо мисс к Наполеону: оно содержало приглашение на следующий вечер. Слово принц не было в нем упомянуто, так что письмо, написанное в кратких, но пылких выражениях, можно было выдать и за адресованное Монье. Под ним стояла подпись Софи — это было важнее всего. Агент мигом вложил его в лежавший рядом конверт и спрятал в карман. Удивительная удача!

Софи возвратилась назад — она сама принесла гостю освежительный лимонад, а он умел ловко занять ее, что вышел только после полуночи.

Мисс довольно резко поговорила с возвратившейся Цофе и затем вошла в свою спальню — из-за позднего часа она хотела отправить письмо утром, но не могла его найти! Она не могла объяснить себе его пропажу — Цофе утверждала, что ничего не трогала на столе, а между тем письмо все-таки не нашлось.

Не подозревая о краже, мисс Говард должна было получить объяснения всего в следующий вечер, и сердце ее замерло!

Монье поспешил к Карлье и отдал ему письмо, заметив, что, принимая приглашение, он завтра вечером снова будет в салоне англичанки. Карлье очень обрадовался врученному ему письму, спрятал его и сердечно пожал руку ловкому агенту.

— Вы будете щедро вознаграждены, мой любезный друг, услуга ваша неоценима, постарайтесь о благополучном конце, тогда дело выиграно! — радостно говорил Карлье, потирая от удовольствия руки.

Он передал письмо Моккуарду, а тот вручил его принцу, нимало не подозревавшему о гнусной интриге и сопровождавших ее обстоятельствах! Он никогда не слышал имени Монье.

Вручив ему письмо, Моккуард донес, что оно найдено у некоего господина Монье, подозреваемого в шулерстве.

Можно не сомневаться, что, читая письмо, Наполеон не хотел догадываться об интриге, с помощью которой оно было получено.

— Монсеньор, вы сможете убедиться в измене, — доложил Моккуард, — так как в этот вечер тот, кому адресовано это письмо, без сомнения, будет у дамы! Если его не окажется, тогда, конечно, все дело можно приписать ошибке или мистификации!

Принц спрятал письмо.

— Я постараюсь убедиться, — сказал он мрачно, — если слуга мисс Говард придет до вечера, то скажите ему, что я буду находиться сегодня в обществе!

Моккуард поклонился в знак того, что исполнит в точности приказание принца, и приступил к докладу относительно различных писем, прошений и благодарностей. Однако Наполеон казался рассеянным, что с ним, надо сознаться, случалось очень редко. Может быть, угрызения совести все-таки тревожили его? Одним словом, принц был не в духе.

Когда доклад кончился, Наполеон выдержал несколько аудиенций и затем провел вечер в обществе, о котором сказал Моккуарду! Карлье знал уже, где находится общество, особенно часто посещаемое принцем уже в продолжение нескольких недель. В следующей главе мы побываем вместе с принцем в этом обществе, куда он отправился прежде, чем к своей бывшей возлюбленной мисс Говард.

XXIV

САЛОН НА УЛИЦЕ СЕНТ-АНТУАН № 10

Елисейский дворец, улица Ришелье и улица Сент-Антуан расположены очень близко друг к другу. Если идти с Елисейских полей и свернуть потом в улицу Риволи, то, обойдя Пале-Рояль, выйдешь на левую сторону улицы Ришелье, между тем, как улица Сент-Антуан составляет продолжение улицы Риволи. Местность, о которой мы говорим, очень знаменита — между улицей Риволи и Сеной находятся Тюильри и Лувр.

Эта часть города почти сплошь состоит из дворцов и всю знать Парижа можно видеть там катающуюся в изящных экипажах или верхом по бульварам, по Булонскому лесу и по Елисейским полям.

Вечером экипажи везут гостей к освещенным домам богачей, принимающих в своих салонах высокопоставленное и блестящее общество. Это удовольствие обходится гораздо дороже посещения театров и других развлечений, потому для того, чтобы салоны были привлекательными и отвечали ожиданиям гостей, хозяева их не жалеют никаких средств.

Во все времена в Париже были салоны, отвечающие всевозможным вкусам. В одних собирались авторитеты музыки, в другие входили знаменитые писатели, живописцы и скульпторы, в третьих сходились ученые, и, наконец, были четвертые, в которых царили веселые, свободные нравы.

К салонам последнего рода принадлежал и салон графини Монтихо в роскошном доме № 10 на улице Сент-Антуан. Он был подобен тем, которые она содержала прежде в Мадриде и Лондоне. К этой много странствовавшей и тонкой даме каждый вечер собиралось многочисленное общество старых офицеров и дворян всех наций, богатых людей и баловней счастья; короче, здесь была очень разнообразная и в определенном смысле интересная компания.

Мы уже имели случай объяснить, какими путями графиня Монтихо добывала средства для своего салона в Лондоне, и, надо полагать,

префект парижской полиции господин Карлье не менее верно знал об этих путях и средствах, о собственной бедности хозяйки салона и о расточаемых ею огромных богатствах.

Высший свет Парижа считал за особенное счастье попасть в салон Монтихо, и в самом деле, только самые избранные имели в последнее время в него доступ! Если даже принца Камерату, потомка, и притом очень богатого, испанского инфанта отстранили от него на несколько недель, то можно понять, что этот салон посещали лица, еще более высокопоставленные и более богатые.

Умная мать, впрочем, думала снова открыть вход любезному принцу Камерате, рассчитывая, что если привязанность Наполеона окажется мимолетной, то такой богатый и знатный кавалер был бы весьма желательным претендентом на руку Евгении.

Что Камерата мог стать причиной тяжелой и даже роковой сцены, об этом графиня не думала; она хотела только обеспечить себя на всякий случай и, надо признать, что опытная дама рассчитывала верно!

Прелести ее дочери, бывшие в сущности главным магнитом салона, не могли сохранять вечно свою притягательную силу, и графиня Монтихо была совершенно права, допуская возможность найти для дочери такого супруга, который, может быть, и не был бы равен супругу ее первой дочери, герцогу Альба. Но он должен был быть богатым и знатным, любовь не играла при этом никакой роли. Меньше всего любовь нужна в Париже, где беспрепятственно предаются своим склонностям даже сразу после свадьбы и где супруг и обожатель, супруга и метресса не представляют ничего необычного, особенно в богатых семьях.

Мы могли бы привести много примеров из скандальной хроники Парижа, но не стоит повторять хорошо всем известное, так как газеты рассказывали об этом достаточно подробно даже о самых высокопоставленных личностях. Маркизы, герцогини, принцессы, княгини — у всех были подобные связи, и их супруги во все времена нисколько не скорбели о таких пустяках!

Позднее, по поводу праздника в Фонтенбло, мы будем иметь случай познакомиться с парижскими нравами, показывая жизнь этого деморализованного общества.

Однако возвратимся назад, к вечеру, о котором мы хотели рассказать. Он обещал быть блестящим, потому что, кроме сюрприза, предстоявшего мисс Говард, в этот вечер должны были в первый раз встретиться в салоне госпожи Монтихо Людовик Наполеон и принц Камерата.

Мы знаем намерения и пылкую любовь Камерата. Что касается Наполеона, то мы должны сказать, что в последнее время принц-президент пользовался все большим расположением обеих дам и питал самые смелые надежды! Камерата был вполне прав, сомневаясь в отъезде дам. Они отнюдь не собирались путешествовать, просто принцу-президенту хотелось действовать свободно. Он хотел быть единственным гостем обеих дам, между ним и Евгенией завязались очень близкие отношения.

Наполеон завоевал уже такое расположение молодой графини, что мог не опасаться никакого серьезного соперника, и мать ее, замечая это, хотела воспользоваться встречей между Камератой и президентом для того, чтобы понудить последнего к решительному шагу.

Как мы уже говорили, графиня не упускала из виду принца Камерату, но само собой разумеется, что Наполеон был гораздо более завидной партией, чем этот принц.

Евгения была убеждена в любви к ней принца-президента. Уже после кампьерской охоты она надеялась на его серьезную склонность, и эта надежда усиливалась по мере того, как возрастала настойчивость его ухаживания. Она увидела в нем принца, предсказанного ей старой Родлоун,— он один только мог доставить молодой графине ту блестящую будущность, которую ей пророчили!

Поэтому Евгения расточала ему все свои чары, чтобы его сильнее привязать к себе, а она была довольно опытна в подобных делах. Она стремилась овладеть им с таким рассчитанным искусством, что Наполеон был покорен, убежденный, что никогда еще не встречал столь пленительное, совершенное во всех отношениях создание. Перед Евгенией окончательно поблек последний остаток чувства к Софи Говард — чувства благодарности...

Евгения дала созреть его намерению отделаться от Софи. Если принц еще не высказался вполне и не предложил графине своей руки, то это, возможно, было связано с тем, что для его дерзких планов нужна была принцесса королевской крови. И все-таки решение жениться на Евгении уже назревало в гордом сердце принца. Ее только одну он любил, в ней нашел олицетворение своего идеала. Перед этой глубокой привязанностью образ бедной Софи совершенно потерялся. Хитрая графиня-мать имела уже достаточные основания рассчитывать, что участь ее дочери решена, и, как мы уже говорили, решила принудить принца к роковому шагу, столкнув его с соперником.

Она ошиблась в своем расчете. Наполеон мог бы считать себя совершенно спокойным, даже если бы он не предложил своей руки Евгении, а только отстранил и сделал неопасным такого соперника, как принц Камерата.

Вечер и ночь, о которых мы теперь хотим рассказать, должны были решить вопрос о будущности и надеждах двух людей. И на что не мог бы решиться принц Наполеон, решивший в этот год вопрос о жизни и будущности множества граждан!

Темный человек неуклонно преследовал свои цели. Всё противостоявшее ему должно было пасть и истребиться, и для исполнения этих планов он уже несколько месяцев назад выбрал, с помощью Морни, ловкие и подходящие средства. Так мог ли этот принц отказаться, руководствуясь чувством благодарности к Софи и сознанием невинности у Камерата, от устранения этих двух людей, которые ему мешали? Он имел в руках и силу, и слуг.

Приготовления, необходимые для устранения одной из мешавших ему особ, были им уже сделаны, а средства по отношению к другому доставил ему в этот вечер сам Камерата.

Олимпио Агуадо напрасно предостерегал своего друга и предсказывал ему, что должно было случиться — Камерату вела только его пылкая любовь! В салоне госпожи Монтихо находилось уже много блестящих особ, когда вошел принц-президент. В числе гостей были герцог де Морни, принц Монтегро, дон Олимпио Агуадо, маркиз Монтолон и принц Камерата, доверчиво разговаривавший с молодой графиней как раз в то время, когда вошел Людовик Наполеон.

Камерата намеренно завязал этот разговор. Он хотел следить за Евгенией в тот момент, когда появится принц-президент.

Салон графини Монтихо блистал поистине княжеским великолепием. Многочисленные люстры и канделябры заливали светом обширные приемные комнаты, украшенные картинами и тропическими растениями, с тяжелыми дорогими портьерами на дверях. Все убранство этого дома было рассчитано на эффект. И действительно, неизгладимый след оставался в памяти каждого, кто побывал в нем. От великолепия дома красота его обитательницы еще больше выигрывала, что, конечно, отвечало целям графини.

Итак, графиня Монтихо встала, чтобы приветствовать входящего принца-президента.

В то время, как Олимпио и маркиз разговаривали с князем Монтегро, а Морни шел навстречу Наполеону, Камерата заметил, что Евгения, хотя и продолжала разговаривать с ним, перевела взгляд на принца-президента и следила за всеми его движениями. Она стала невнимательной и несколько раз даже оставила принца без ответа...

— А, ваш спутник на компьенской охоте,— сказал Камерата, увидев Наполеона,— я не знал, графиня, что принц — гость вашего салона!

— Вас это удивляет? Я должна признать, что принц очень умный и интересный собеседник...

Людовик Наполеон приблизился к молодой графине. Заметив принца Камерату, он измерил его вызывающим, неуважительным взглядом, как бы желая сказать: «Каким образом опять появился тут этот испанец?»

Камерата выдержал взгляд Наполеона. Стоявшие недалеко Олимпио и маркиз заметили, что друг их невольно выпрямился...

Эта немая встреча производила странное впечатление: казалось, два льва встретились рядом с львицей и молча измеряли друг друга глазами перед тем, как начать смертельный бой за обладание ею.

Принц-президент ожидал приветствия от испанца, однако принц Камерата не имел никакого желания поклониться первым.

Между соперниками продолжалось выжидание — прелюдия к битве произошла! Евгения прервала молчание, обратившись к Наполеону и не обращая внимания на Камерату и надменное выражение его лица.

— Вы пугаете меня, монсеньор,— сказала она вполголоса с приторно-робкой улыбкой,— не случилось ли с вами чего-нибудь неприятного во время короткой дороги сюда?

— Нет, нет, моя дорогая графиня. Если бы в самом деле что-нибудь случилось, то все мрачные облака должны были бы рассеяться

перед вашим прекрасным взором,— возразил Наполеон, целуя руку Евгении, и увел ее от Камераты, не обращая на последнего никакого внимания.

Кровь вскипела в жилах молодого принца, и он судорожно сжал руки.

— Он должен будет объясниться со мною, должен будет оправдаться! — пробормотал он бледными губами.— Я тоже королевской крови и, быть может, более чистой и достойной, чем он!

Принц может вызвать принца! Наполеон должен дать ему удовлетворение, если не желает быть названным трусом!

Олимпио заметил гнев Камераты и воспользовался ближайшей минутой, чтоб подойти к нему.

— Спокойствие, принц, самообладание! Вы взволнованы.

— Во имя всех святых, Олимпио, не пытайтесь говорить мне теперь о спокойствии! Разве вы не заметили презрения и вызова? Вас ведь приветствовал этот принц Наполеон? Почему же он так оскорбительно не хотел сделать этого по отношению ко мне, хотя я ему представлен, и он смотрел на меня?

— Клянусь всеми стихиями, принц, мне кажется, вы в состоянии сделать здесь сцену!

— Все кончено, Олимпио. Перед такими людьми не следует ползать, как ящерица! Я должен проучить этого принца!

— Прошу вас, Камерата, успокойтесь и возьмите себя в руки, не давайте воли вашему безумному гневу. Повод мне кажется не настолько оскорбительным, как вы это думаете!

— Не настолько оскорбительным? Действительно ли вы мой друг, Олимпио?

— Вы вспылили из-за того, что графиня, по-видимому, предпочитает принца-президента! Однако же ее расположение может снова возвратиться к вам!

Олимпио отвел Камерата к князю и маркизу для того, чтобы отвлечь его, потому что взгляд Людовика Наполеона продолжал пробегать по возбужденному молодому человеку. Олимпио хотел предупредить серьезную встречу между ними, хотя в душе был совершенно на стороне своего друга и не скрывал от себя, что на его месте поступил бы точно так же.

Морни сделал саркастическое замечание насчет довольно громких фраз Камерата и, проходя мимо него с графиней и Наполеоном, иронически усмехнулся.

В салоне появилось еще несколько человек, так что общество заполнило все залы.

— Здесь становится жарко, монсеньор,— тихо сказала Евгения Наполеону,— войдемте в зеленую залу, в которой открыты окна, ночная прохлада и зелень растений будет нам более приятна!

— Вы знаете, графиня, что каждое ваше желание для меня закон! — ответил принц-президент и повел прекрасную донну в другую залу, уставленную пальмами, лавровыми и гранатовыми деревьями, где в воздухе разливалась очаровательная прохлада.

Роскошные, до 6 футов вышиной, деревья были так размещены в нем, что каждое окно, освещенное матовым светом комнаты, образовывало род ниши. В тени одного из окон стояли Камерата и Олимпио.

Евгения и Людовик Наполеон, по-видимому, их не заметили или сделали вид, что не замечают, и вошли в другую нишу.

Принц Камерата очень желал этого свидания, он хотел объясниться с Наполеоном, Олимпио же, напротив, стремился избежать его.

Так как графиня и принц разговаривали довольно тихо, можно было подумать, что они обмениваются нежными словами; через листья доносились вздохи и казалось, что Наполеон говорит о своей любви. Камерата не мог удержаться от того, чтобы не высказать вполголоса какое-то замечание по этому поводу. Конечно, замечание могло и не относиться к его сопернику, но так как оно перешло в смех, то должно было смутить Наполеона, потому что показало ему, что он замечен его врагом.

Принц-президент увел Евгению обратно в красную комнату, он был взбешен догадками Камерата. Тотчас же после этого к нише Камерата и Олимпио подошел герцог Морни.

Герцог, который вел себя довольно нагло в тех случаях, когда чувствовал, что сила на его стороне, вызывающим тоном произнес следующие слова:

— Принц Камерата, мне поручено спросить у вас, почему вы с настойчивой запальчивостью преследуете известную цель?

— Скажите вашему поручителю, мой любезный,— ответил тот,— что принц Камерата имеет намерение вызвать вашего господина или друга, или чем там он еще может быть, на дуэль. Прошу вас немедленно сообщить мне решение принца Наполеона насчет места и прочих условий!

— Вы забываете, мой дорогой принц, что тот, кого вам угодно вызывать, глава государства и что, стало быть, у него нет возможности принять ваш вызов! Однако же я охотно обременю себя предложением. Принц-президент не может принять вашего вызова, но я приму!

— Нет, господин герцог, я едва знаю вас и вы столь же мало могли меня оскорбить, как мало можете дать мне удовлетворения.

— Принц Камерата...

— Без угроз, господин герцог, я не испугаюсь их! Вам остается только передать мои требования. Если принц Наполеон не примет вызова принца Камераты — ну, тогда он может принять на свой счет следствия такого поступка, называемого в обыденной жизни трусостью!

В то время как Камерата произносил эти слова, Олимпио стоял в глубине ниши. Он очень хотел предупредить эту вспышку, но ничего не мог сделать теперь, жребий был брошен!

Он видел, как Морни вскипел гневом, губы его задержались, глаза сузились, взгляд стал пронзительным, он был так потрясен, что потерял голос и не мог произнести ни слова.

Повернувшись, Морни вышел в соседнюю залу, где обменялся с принцем-президентом несколькими словами. После этого его тщетно искали в залах, он незаметно вышел из дома.

— Клянусь всеми стихиями, принц, — тихо сказал Олимпио Камерате, развеселившемуся после того, как свалил с души тяготившее его бремя, — вы вели себя слишком запальчиво!

— Зато, мой дорогой друг, теперь мне очень хорошо, я облегчил свою душу! Я сгораю от нетерпения узнать, что решили оба сотоварища!

— Ничего хорошего не выйдет, принц!

— Хорошее или плохое, а он теперь не уйдет от меня; я счастлив, что могу назвать его турсом, если он вздумает уклониться!

Принц и Олимпио присоединились к обществу, беседующему за шампанским, и продолжали дружески разговаривать.

Людовик Наполеон был очень бледен. Он говорил с князем Монтенегро и графиней, даже смеялся неестественным, каким-то жутким смехом. Он не обменялся ни одним взглядом с принцем Камератой, который вел себя совершенно непринужденно; можно было подумать, что между этими двумя господами ничего не произошло и они даже не знакомы друг с другом.

Только Евгения, казалось, догадывалась о происшедшей сцене. Она попеременно обращала взгляд то на Людовика Наполеона, то на Камерату, ходившего с доном Агуадой взад и вперед по зале. Вскоре она забыла о споре между соперниками; ее занимала мысль видеть их обоих у своих ног, быть любимой обоими и, ободряя то одного, то другого, выбирать между ними.

Прекрасная молодая графиня с холодным сердцем постоянно следовала советам своей матери. Принц-президент представлялся такой блестящей партией, которая, по собственному признанию покойной графини, превосходила даже и ее надежды.

Наполеон вскоре попросил позволения уйти, ему предстояло еще важное свидание в улице Ришелье.

Остальные гости также разошлись вскоре после полуночи. Когда Олимпио и маркиз сели в свой экипаж и простились с Камератой, тот направился к своей карете. Но в ту самую минуту, как принц вошел в нее и сел на обитое шелком сиденье, из тени ближайшего дома вышли три высоких полицейских, вооруженных с головы до ног, и быстро направились к карете.

Один из них вскочил на сиденье к кучеру, два других так внезапно напали на принца, что он не имел времени не только защищаться, но даже позвать на помощь. Молодого испанца связали с дерзостью, обличавшей приказание Морни; Камерата оказался в руках своих врагов.

Кучер принужден был ехать не в отель принца, а совершенно по другой дороге, указанной ему сидевшим около него полицейским. Точно преступника, везли принца среди ночи. Карета из улицы Сент-Антуан проехала через площадь Бастилии в улицу Ла-Рокетт и вскоре остановилась перед большой тюрьмой, того же имени.

Здесь молодого Камерату, без допроса и приговора, отвели в одну из одиночных камер.

Из Ла-Рокетт, как известно, существует только один выход — на гильотину.

ГОСПОДИН ДЕ МОНЬЕ

В то время как в роскошном салоне Евгении Монтихо происходило только что рассказанное, Софи Говард послала своего слугу с письмом в Елисейский дворец, к принцу Наполеону, прося его к себе сегодня вечером. Она не могла объяснить себе причин, по которым он уже в течение нескольких недель не показывался у нее и даже не прислал ей ни одного цветка, ни одного поклона.

Слуга Софи, очень надежный малый, на которого она всегда полностью полагалась и которого так хорошо знали в Елисейском дворце, что беспрепятственно допускали к принцу-президенту, принес мисс Говард лаконичное известие, что принц находится в гостях. При этом он прибавил, что говорил с господином Моккуардом и тот сказал ему, что принц возвратится сегодня поздно и, следовательно, не сможет быть у нее раньше следующего дня.

В душу Софи уже начали закрадываться сомнения. Она переходила от отчаяния к надежде, неотступно думая о своем возлюбленном. Порой ей казалось, что он разлюбил ее и бросил, найдя другую, более красивую женщину, порой она защищала его, убеждая себя, что государственные обязанности не позволяют ему проводить с ней достаточно времени, вынуждая находиться в обществе других людей.

Таковыми мыслями утешала себя Софи, но бедное сердце ее томила тоска. И все-таки она еще верила своему Луи, верила его клятве, которую он произнес в Сутенде, в хижине старой Родлоун.

С тех пор прошли годы и его любовь, которая никогда не была особенно пылкой, улетела, слова забылись.

В это время, когда Софи боролась со своими сомнениями, ей доложили о приходе господина де Монье. Она была удивлена и должна была признаться, что эти ежедневные визиты не слишком ей нравились.

Желая дать понять этому господину, что посещения его слишком часты, она хотела отказать ему в приеме, однако настойчивый посетитель уже показался на пороге с обычным почтительным поклоном.

Софи холодно взглянула на него, но это не могло лишить Монье его спокойствия и уверенности.

— Прошу извинения, мисс Говард, что сегодня я опять осмелился зайти к вам,— сказал он, вступая в комнату,— но завтра утром я оставляю Париж и не хотел уехать, не принеся вам сердечной благодарности за всю вашу доброту и радушие.

— Как, вы уезжаете так внезапно?

— Надеюсь, вы ничего не имеете против того, что я пришел засвидетельствовать вам свое почтение и проститься с вами? Мой отъезд неожиданно ускорен! Отец мой был ревностный приверженец Луи-Филиппа и...

— Следовательно, политические причины ускоряют ваш отъезд?

— Я получил приказание оставить Париж в этот же вечер, но не могу покончить мои дела здесь так скоро и уехать, не вызвав

вам моей признательности! Правда, я нахожусь в большой опасности, но надеюсь беспрепятственно достигнуть берегов Англии.

— Вы едете в Англию, к несчастью, у меня нет там никаких родственников, которым я могла бы рекомендовать вас, господин де Монье! Меня удивляет, что вы так внезапно...

— Сегодня утром мною получено приказание в 12 часов оставить Париж. Меня считают опасным приверженцем прежнего правительства, потому что отец мой был верный подданный Луи-Филиппа, хотя я лично и не касаюсь политических дел! Мне сказали, что дело очень серьезно...

— Обращались ли вы с просьбой об отсрочке к вашему другу господину Моккуарду?

— Он пожал плечами, когда я пришел к нему, и кажется, не хочет больше знать ни о какой дружбе! Таковы-то дела, мисс Говард, теперь нет друзей у того, кто впал в опалу или в несчастье. Не сознавая за собой никакой вины, я должен покинуть этот прекрасный город, покинуть вас, оказывавшую мне столько доброты.

— Это очень неприятно, если бы вы обратились к принцу-президенту, то может быть...

— Ради самого неба, мисс Говард, принц не принял бы меня, так как им подписано приказание, предписывающее мне ссылку. В глазах президента меня выставили опаснейшим врагом, я в самом скверном положении, мисс Говард!

В эту минуту внизу раздался звонок, Софи не обратила на него внимания.

— Счастливого пути, господин де Монье,— сказала она, протягивая руку, которую тот поцеловал.— Может быть, я еще буду иметь удовольствие услышать о вас!

В это время служанка мисс Говард вбежала в комнату. Монье выпустил руку Софи.

— Господин принц-президент! — воскликнула служанка, задыхаясь, как бы желая предупредить встречу двух соперников этим своевременным известием.

Софи чрезвычайно обрадовалась: она хотела поспешно отдать приказание принять долгожданного гостя, хотела даже сама поспешить к нему навстречу, как вдруг Монье схватил ее за руку.

— Мисс Говард, ради Бога, укройте меня, я не смею показаться на глаза принцу.

— Не беспокойтесь, вы здесь в совершенной безопасности в качестве моего гостя!

— Нет, меня схватят и посадят в тюрьму, пожалейте меня, мисс Говард, укажите убежище, где бы я мог ждать ухода президента, позвольте мне пройти в ту комнату! — Монье указал на дверь, ведущую в будуар и спальню Софи, и прежде чем она успела задержать его, уже не слушая ее, исчез за портьерой.

Когда обманутая женщина, почувствовавшая всю опасность своего положения, хотела попросить де Монье уйти в другую комнату, Наполеон уже показался на пороге.

Одну минуту принц оставался недвижим. Он смотрел на Софи, на лице которой отражалось беспокойство. Но она, протянув к нему руки, бросилась навстречу в порыве радости забыв обо всем. Забыт был и чужой человек, злоупотребляющий ее гостеприимством.

Принц вошел с мрачным видом, Софи ужаснулась, разглядев выражение его лица.

— Вы не ожидали меня, Софи,— сказал он.

— Нет, мой принц, я не надеялась видеть вас в этот вечер, но тем больше радуется и осчастлививает меня ваше появление!

— Правда ли это, Софи?

— Я не лгу, мой принц! И всего менее вам.

— Стало быть, вы поступаете так первый раз в эту ночь,— сказал он резким тоном,— я помешал вам.

— Эти слова ужасают меня! Мой Бог, вы так холодны и суровы! Что такое случилось?

— Об этом я мог бы спросить у вас, мисс Говард, так как вы едва могли преодолеть изумление и замешательство, когда я вошел.

— Говорите яснее, принц! Как долго я вас не видела! Я терзалась мыслями и боялась, что вы меня уже навсегда забыли! Теперь вы внезапно пришли ко мне! О, как я благодарна вам за это!

— Вы в самом деле не ожидали меня! — спросил холодно Людовик Наполеон.

— Вы второй раз обращаетесь ко мне с этими словами! Нет, после вашего сегодняшнего ответа я не могла надеяться на ваше посещение.

— Стало быть, эти строки были, действительно, адресованы другому, мисс,— сказал Наполеон, подавая побледневшей Софи письмо, доставленное Монье префекту полиции.

— Мой Бог, каким образом вы получили это письмо? — вскрикнула с горечью Софи, узнав свой почерк.

— Вы удивляетесь этому, мисс Говард! Не откроете ли вы мне, кому эти строки были написаны?

— Вам, конечно, мой принц!

— Мне... мисс Говард, теперь я вижу, что вы говорите неправду.

— Что это все значит, кто дал вам это письмо, мой принц?

— Кончим, моя милая, эту сцену, равно тяжелую для нас обоих! У вас сейчас визитер?

Софи остолбенела. Мгновенно у нее возникло страшное подозрение и пришла на память целая цепь обстоятельств, заставившая ее задрожать. Она потрясенно смотрела на принца — Наполеон выдержал взгляд своей прежней возлюбленной с убийственным хладнокровием. В отчаянии бедная девушка не знала даже, что сказать принцу.

— Я прошу ответа, мисс Говард! Вы скрываете у себя одного человека?..

— Пожалейте меня,— воскликнула Софи, подумавшая, что принц ищет подозреваемого в политических интригах де Монье.

— Отрицание было бы глупостью, мисс Говард, шляпа и плащ этого господина находятся в передней и обличают его присутствие,— с этими словами Луи-Наполеон, взяв лампу, вошел в будуар Софи.

Все это случилось так быстро и так неожиданно для Софи, что она все еще не могла понять, что же такое вокруг нее происходит и как это все могло получиться. Она чувствовала только, что что-то страшное нависло над ней.

Принц нашел в спальне Софи спрятавшегося там мошенника и попросил его войти в комнату к мисс Говард. Глаза Наполеона блесли мрачным блеском, когда он возвратился назад к Софи с Монье, которого не знал, и увидел Софи, ломающую руки. Только теперь она осознала всю глубину грозящей ей опасности...

— Что вы думаете, чему хотите верить, принц? — воскликнула она в отчаянии.

— Позвольте мне оставить ответ на это за вами! Вы у себя дома, и я не решусь высказать то, чем полна моя душа, деликатность не позволяет мне этого! Позвольте мне удалиться, мисс Говард, поскольку теперь я убедился, что письмо было адресовано не мне и что вы меня не ждали!

Людовик Наполеон направился к выходу...

— Принц, принц, пощадите! — зывала к нему Софи, в то время как Монье тоже приближался к двери. — Спросите вы у этого благородного человека, действительно ли письмо, о котором вы говорите, было адресовано ему, и действительно ли он получил его от меня.

Наполеон опустил руку, уже протянутую к ручке двери, как бы желая еще раз доказать мисс Говард свое великодушие. Она, едва дыша, вопросительно смотрела на Монье, от слова этого человека зависела в эту секунду ее судьба.

— Позвольте мне припомнить, — отвечал тот с двусмысленной улыбкой, будто для того, чтобы вывести мисс из смущения, а на самом деле еще больше компрометируя ее.

Наполеон заметил это.

— Довольно, мисс Говард, — сказал он коротко и холодно, — присутствие этого человека нелегко для меня. Я ухожу, прощайте, мне тяжело перенести то, что я увидел и узнал.

— Принц, я заклиная вас всем, что для вас свято, оставайтесь, я жертва недоразумения, я невинна...

— Дай Бог, мне хотелось бы, чтобы вы имели спокойную совесть, — возразил Луи-Наполеон, — но не требуйте от меня, чтобы я оставался здесь третьим после всего испытанного мною! Что же касается до наших общих обязанностей, то соблюдайте, мисс Говард, представить господину Моккуарду ваш счет...

— Именно Моккуард и ввел ко мне этого господина, — прервала его Софи, судорожно сжимая руки. — Выслушайте меня! Вы не можете верить, чтобы я вас обманывала! Этот господин может все засвидетельствовать!

— Итак, стало быть, вы представите счет господину Моккуарду, чтобы ваши требования были удовлетворены! Доброго здоровья, мисс Говард!

Принц торопливо поклонился и вышел.

Растерявшаяся женщина хотела броситься за ним, чтобы удержать его, но принц уже вышел из передней. Невозможно себе представить

горя бедной Софи. Шатаясь, возвратилась она в комнату, где еще находился Монье и упала, потеряв сознание. Монье отнес ее на постель и быстро вышел из дома, чтобы никогда больше в него не возвращаться.

На другое утро Карлье отсчитал ему обещанную сумму и подтвердил обещание титула дворянина. Из предусмотрительности ему было дано имя де Луанса, поскольку имя Монье могло навести на нежелательные размышления, а в списки уехавших из Парижа по приказанию префекта было внесено имя Монье, чтобы придать делу более правдивый вид.

XXVI

ПЛЕННИК ТЮРЬМЫ ЛА-РОКЕТ

Можно представить себе гнев и злобу принца Камераты, когда он почувствовал себя в руках своих смертельных врагов. Сознание своего бессилия доводило его до бешенства. Он, столь богатый и знатный человек, принц, соперник президента, в каземате знаменитой тюрьмы! Чем прежде была Бастилия, тем было теперь это массивное, строго охраняемое здание, находившееся вблизи кладбища Пер-Лашез. В него помещали самых опасных преступников, которым предстояла смертная казнь. В этой тюрьме находилось много камер одинаковой величины и одинаково обставленных.

Чтобы дойти до них, надо было пройти сквозь высокие, всегда запертые наружные ворота, пройти через караульный двор и войти через вторую дверь во внутреннее помещение.

Широкая лестница вела в казематы. Внизу находилось помещение для стражи, не имевшей особенных преимуществ по сравнению с заключенными, поскольку она также была окружена со всех сторон глухими стенами. Часть первого этажа была занята комнатой канцелярии и квартирой директора.

Все остальное здание состояло из казематов.

В этой тюрьме Тропман проводил свои последние ночи; отсюда его вывели на принадлежащий тюрьме плац, где гильотина положила конец его жизни.

Принц Камерата очутился в пространстве около 15 квадратных футов в совершенных потемках.

Спустя несколько часов сквозь маленькое, находившееся под самым потолком решетчатое окошко в камеру проник луч утренней зари, позволивший принцу осмотреться. Он нашел железную кровать с матрацем и одеялом, стол, стул, маленькую железную печь и ничего больше.

Для принца, привыкшего к роскоши и всевозможным жизненным удобствам, такая обстановка была особенно ужасна, но еще больше чем это убогое помещение для молодого испанца было невыносимо сознание всего происшедшего и очевидность того, что он попал в руки своих врагов!

Он знал, что совершенно бессилён в этом каземате, что обязан этим герцогу, которому он высказал вечером свои откровенные слова, столь облегчившие ему душу и возбудившие такую злость и такую жажду мщения.

Принц Людовик Наполеон уклонился от его вызова и отделался от его угроз; здесь, среди этих мрачных холодных стен, бедный принц мог называть своих противников трусами сколько его душе угодно, никто не слышал его слов сквозь толстые стены. Впрочем, если он будет слишком шумно выражать свой гнев, его могут наказать, лишив воды и пищи.

— Олимпио был прав, советуя мне быть осторожным, но я не мог даже представить себе, чтобы меня схватили, как преступника, в публичном месте,— говорил принц самому себе,— в такую низость я не мог бы поверить! Интересно, в чем же меня обвинят и что со мною сделают? Не могут же они думать, что я признаю себя виновным и буду молчать! Я потребую суда! Теперь, когда я, озлобленный, сижу здесь, в этой мрачной темнице, проклятый Морни с ядовитой усмешкой докладывает, наверно, своему брату, что дуэли можно не бояться, главный противник устранен. Нет, какова низость, могли я этого ожидать?! Действительно, они отлично умеют избавляться от своих врагов и опасных соперников.

Когда стражник принес принцу обед, Камерата сказал ему, чтобы он позвал директора тюрьмы, потому что он требует быть приведенным к суду, так как его заключили без приговора и даже не предъявив приказа об аресте. Стражник обещал исполнить его требование, но прошел целый день, а принц не получал никакого ответа.

На следующее утро он еще настоятельнее повторил свое требование.

Перед вечером в камеру вошел директор тюрьмы Ла-Рокет, бывший армейский офицер, человек с военной выправкой, твердой походкой и густыми седыми бакенбардами.

— Я директор этого дома,— сказал он принцу,— вы хотели говорить со мной, милостивый государь, что вам угодно?

— Оставить этот недостойный принца каземат.

Директор пожал плечами.

— Это желание я не могу исполнить, милостивый государь, вы заключены сюда по непосредственному приказанию господина президента.

— В таком случае, господин директор, не будете ли вы так добры сообщить мне, в каком преступлении я обвиняюсь? Вы, без сомнения, это знаете?

— Я не знаю ничего, кроме вот этого приговора об аресте,— возразил директор, вынимая из кармана бумагу,— здесь стоит ваше имя, принц!

— Это формуляр...

— За собственноручной подписью президента республики.

— Да, но я жертва злоупотребления, меня схватили ночью и невинного ни в чем заключили сюда.

— Об этом я не имею права рассуждать, принц!

— Но как честный человек и как бывший офицер, вы согласитесь с тем, что меня подлецим образом унижают, заключая в каземат, назначенный для самых обыкновенных преступников!

— Мы живем в республике, милостивый государь. Гражданин имеет ни больше и ни меньше прав, чем дворянин, нищий ничем не отличается от принца, и равные казематы назначаются для всех!

— Я понимаю! Это очень удобно для моих врагов, и я думаю, что посредством такого обхождения с моей особой они еще более увеличат свою популярность! О, у таких людей можно поучиться! Однако еще одно слово, господин директор! В республике ведь не бросают граждан в тюрьмы без приговора! Я требую суда!

— С этим вы не торопитесь, милостивый государь, следствие может долго продолжаться!

— Хорошо, так можно обращаться с простым народом, но мои враги узнают меня!

— Вы раздражены, милостивый государь, это никак не может служить на пользу заключенному.

— Как, господин директор! Вы хотите, чтобы я спокойно сносил унижение этого подлого ареста? Чтобы я вынес эту несправедливость, не возмущаясь против нее и не борясь с нею? Поставьте себя на мое место — уверяю вас, что вы тоже пришли бы в бешенство.

— Это всегдашняя участь тех, кто позволяет себе потерять рас-судок,— возразил директор, пожимая плечами.

— Ну, так выслушайте же мое последнее слово! Если в течение трех дней я не получу приговора, если не будет соблюдена хотя бы видимость законности, я найду пути и средства разгласить это неслы-ханное злодеяние во всех концах земли! Да, не смотрите на меня с удивлением, я клянусь вам в этом! Отправляйтесь тотчас же к пре-зиденту и сообщите ему мое решение!

— Насколько от меня зависит, я постараюсь исполнить ваше желание о получении приговора. Не смешивайте мою личность с лич-ностью ваших противников! Я исполняю только свой долг!

— Примите благодарность за это объяснение и соблаговолите приписать мои слова моему нетерпению! Вы, конечно, исполняете печальный долг, господин директор!

— Будьте справедливы, милостивый государь, этот долг составляет мою службу; я, бывший офицер, исполняю только свои обязанности! Я не могу обращаться за советами к моему чувству, но я должен поступать так, как мне предписано. Что я для вас сделаю, то я должен буду сделать по службе!

Директор поклонился Камерате, который признал справедливость его слов.

— Простите мне мою запальчивость,— сказал он, протягивая руку уходящему директору.

Когда дверь снова заперлась, принц стал ходить взад и вперед по маленькой камере.

Спустя два дня, в продолжение которых Камерата прошел все стадии отчаяния, в каземат вошел стражник и предложил ему следо-

вать за ним в судебную комнату, которая находилась во флигеле, предназначенном для администрации.

Когда принц Камерата вошел в комнату, то один из трех человек, сидевших за столом, покрытым зеленым сукном, предложил ему занять место на скамье, стоявшей у боковой стены и предназначавшейся для преступников.

— Это не мое место, господа,— сказал Камерата твердым голосом.

Трое одетых в черное господ не обратили на эти слова никакого внимания.

Стражник, который привел принца в комнату, остался стоять у дверей.

— Гражданин Камерата,— сказал один из трех господ,— вас обвиняют в том, что вы угрожали оружием президенту республики. Что скажете вы на это?

— Ничего, кроме того, что сделал это по праву! Президент республики вынудил меня вызвать его на дуэль через герцога де Морни.

— Вы, стало быть, признаетесь в своей вине и в таком случае приговор для вас готов! Закон присуждает вас за эту угрозу оружием к десятилетнему тюремному заключению, которое вы и вынесете здесь же, в Ла-Рокет!

— Во имя святой Девы, я должен выразить вам свое восхищение, господа! Славных слуг имеет здесь принц-президент, слуг, которые заранее заготавливают приговоры! Десять лет тюрьмы — и даже не смертный приговор за то, что человек имел бесстыдство защищать свою честь против наглости!

— Возьмите назад ваши слова, гражданин Камерата! Приговоренному неприлично порицать судей и законы! — сказал один из трех черных господ.

— Еще одно слово, прежде чем я уйду! Скажите мне, пожалуйста, господа, почему мне объявляют приговор здесь, а не гласно перед народом? Боятся, что ли, что здравый смысл возмутится бы против такого насилия? Меня привели в эту комнату, трое одетых в черное сидят передо мной и объявляют мне десять лет тюрьмы! Кто вы такие, господа, кто дал вам на это право? Я не знаю вас! Быть может, вы переодетые слуги Людовика Наполеона — мерзкий Морни, Бациош, Флери — и как там называется вся эта шайка!

— Вы стоите перед лицом тайного сената республики, гражданин Камерата! Трое судей возвестили вам приговор.

— Я в вашей власти, или, правильнее сказать, в руках моего противника, но горе вам, если вы позорите так ту государственную форму, которой вы служите! Вам оплатят за вашу подлость...

— Отведи заключенного в его каземат, стражник,— приказал один из трех господ.

— Вы слышали мои слова — придет время, когда вы вспомните их! — сказал твердым голосом принц и пошел со стражником обратно в каземат.

Камерата стал заключенным в Ла-Рокет! Он должен будет десятью годами тюремного заключения поплатиться за то, что рискнул оскорбить принца-президента и его сотоварища Морни!

Десять долгих лет в каземате, предназначенном для убийц и тяжких преступников!

Когда принц снова очутился в тесной камере, которая станет теперь его постоянным жилищем, он закрыл лицо руками...

— Евгения, — воскликнул он, будучи не в силах сдерживать напор теснившего его грудь чувства, — Евгения, если бы ты могла видеть, что я терплю за тебя! Если бы твое сердце было камень, то и тогда ты должна была бы очнуться и оттолкнуть от себя того, кто бросил меня в этот каземат! Он убоился почетного поединка и воспользовался своей властью, чтобы обезвредить меня. Однако я еще молод, я силен и способен к сопротивлению! Десять лет я выдержу, и тогда горе вам, мои враги! Вы считаете меня побежденным, и я вижу вашу насмешливую улыбку — дело вам удалось! Но придет и моя очередь, и вы найдете во мне такого мстителя, о силе и ненависти которого вы и не догадываетесь! Я буду десять лет лелеять жажду мщения, я терпеливо вынесу заключение, лежа здесь на твердом ложе каземата. Десять лет я стану размышлять и раздумывать о путях и средствах наказания для вас, подлых трусов.

Принц Камерата был полон решимости. На его смелом лице выразились все мысли, волновавшие его душу — он был в припадке смертельной ненависти, которой сверкали его большие черные глаза!

На десять лет победил его Морни. На десять лет он лишен свободы, света и воздуха; но Камерата верил, что по истечении этого долгого и трудного времени он снова получит свободу и получит удовлетворение! Он не думал о том, что его имя может быть позабыто в списках и что после истечения срока еще не пробьет час его свободы. Он надеялся на свое освобождение, а между тем было уже решено, что время его заключения кончится только с его смертью, десятилетний срок был только предварительным, который легко мог быть продолжен. Какие права имеет заключенный в Ла-Рокете? Куда долетят его призывы к человечности и праву? Они останутся не услышанными, незамеченными, его ярость будет бессильна — стены в состоянии противостоять его испугу.

Бедный принц! Твоя любовь привела тебя в каземат, равный могиле, а та, из-за которой ты был брошен в него, не думает о тебе! Она смеется с твоим врагом, в мщении которому ты клялся. Ни одного слова сострадания, ни одной слезы не проронила она для тебя. Она в упоении от своих надежд — ее холодное сердце каменеет все больше и больше. Только одну цель имеет оно, только одним желанием исполнено — жаждой власти, жаждой блеска и силы, жаждой ослепляющей высоты — все прочее исчезает перед этим желанием, безраздельно владеющим ее сердцем.

— Ты должна блистать, тебе должны завидовать — это девиз всей жизни Евгения.

МНИМЫЙ ГЕРЦОГ

— Дядя Клод, дядя Клод! — воскликнул Жуан, проезжая по Булонскому лесу вместе с маркизом.— Посмотрите на Рейнскую аллею! Не Валентино ли вот тот высокий человек?

Маркиз взглянул в указанном направлении и, несмотря на наступивший вечерний сумрак, увидел необыкновенно высокого человека, бегущего по аллее. Казалось, что он за кем-то гнался и его длинные ноги служили ему при этом хорошую службу...

— Ты прав, Жуан, это наш Валентино.

— Что с ним такое? Он не обращает на нас внимания и бежит по аллее, как будто не хочет потерять из виду какого-нибудь всадника или карету! Нет ли тут дона Олимпио в экипаже?

— Не может быть! Дон Олимпио отправился к Елисейскому дворцу.

— Да, я вспоминаю, дон Олимпио хотел осведомиться о господине принце Камерате,— сказал Жуан, кивнув головой.

Он стал красивым мальчиком и выглядел как маленький господин в своем нарядном костюме всадника.

— Куда только девался принц? — спросил он.

— Это-то и хочет разведать дон Олимпио,— ответил маркиз.

— Бедный принц Камерата! С ним, должно быть, случилось несчастье! Быть может, Валентино напал на его след. Посмотрите, дядя Клод, он, кажется, преследует вон тот скрывшийся в пыли экипаж! О, Валентино отличный бегун, он, пожалуй, обгонит любого всадника!

— Я решительно не могу понять, каким образом он очутился здесь, когда дон Олимпио взял его с собой во дворец президента.

— В таком случае дон Олимпио уже должен быть дома,— сказал Жуан,— и, возвратясь, мы узнаем о том, что случилось с принцем, которому я очень обязан. Принц всегда так любезен со мною и так превосходно владеет рапирой. Я охотно фехтовал бы с ним всю жизнь!

— Несмотря на то, что он наставил тебе несколько синяков? — сказал, улыбаясь, маркиз.

— О, дядя Клод, я совершенно не боюсь их,— проговорил Жуан, сверкая глазами,— мне бы только выучиться хорошо парировать, а остальное совершенно неважно. Вы заметили, что в последний раз принц не смог нанести мне ни одного опасного удара? И он должен был признать, что вовсе не щадил меня!

— Я слышал это, Жуан! Принц похвалил тебя!

— Это не понравилось вам, дядя Клод, я заметил это и уверен, что вы фехтуете лучше принца, потому что всегда, когда вы меня учите, из каждых трех или четырех ударов один ваш!

— Тебе надо еще многому научиться, ведь ты еще мал, мой милый! Для твоих лет ты достаточно ловок и если будешь так продолжать, то лет через десять из тебя выйдет добрый солдат!

— Только через десять лет?!

— Ну, может быть и раньше!

— Я уже теперь чувствую, дядя, очень большую силу в руках, но знаю, что вы еще недовольны мною, — и потому я стараюсь, чтобы заслужить вашу похвалу, которая для меня дороже всего, — сказал маленький всадник, смело и уверенно сидящий на лошади. — Часто, когда я слышу рассказы о ваших походах, мне так хочется самому участвовать в таких делах, и я стараюсь учиться, чтобы достичь совершенства в фехтовании. Ведь, наверно, дядя Клод, весело сражаться самому?

Маркиз с удовольствием посмотрел на Жуана, открытое лицо которого выражало искренний энтузиазм. Слова мальчика нравились ему, и он охотно продолжал разговаривать с ним, проезжая по все еще людным аллеям леса.

Вечер был прохладным, так как осень уже началась. Последние лучи заходящего солнца освещали начинавшие краснеть листья.

Валентино между тем уже давно скрылся из глаз маркиза и Жуана. Их предположение, что дон Олиmpiо Агуадо уже дома, оказалось ошибочным. Валентино оставил экипаж, когда он находился возле Елисейского дворца, и сделал это, конечно, не без причины, иначе он не спрыгнул бы так поспешно со своего места возле кучера.

По словам Валентино, Олиmpiо вошел во дворец около 5 часов, после того как просил аудиенции у Наполеона через его адъютанта и получил согласие на нее. Едва Валентино снова занял свое место возле кучера, как мимо него проехала открытая карета, в которой он увидел мнимого герцога и позади него — слугу Джона! Он не мог ошибиться, потому что лицо последнего так бросилось ему в глаза, что Валентино вскрикнул от радости.

— Я должен выяснить, куда они отправятся и где находится их мошеннический притон! — вскричал он, соскакивая на землю к великому удивлению кучера. — Скажи благородному дону, что я отправился за герцогом Мединой!

С этими словами Валентино бросился за экипажем в Елисейские поля. Кучер смотрел ему вслед, недоумевая, что случилось с этим всегда таким благоразумным человеком. Ему не оставалось ничего другого, как передать дону Агуадо слова убежавшего слуги.

Валентино бросился за каретой лжегерцога, которую он старался не выпускать из глаз. Случай ему благоприятствовал, потому что прекрасный светлый полдень собрал такое множество экипажей и всадников, что герцог мог ехать только шагом. Валентино, стараясь оставаться незамеченным, ловко следовал за экипажем.

Эндемо не устраивала столь медленная прогулка, и он приказал вознице направиться в близлежащую Дофинскую аллею, чтобы потом проехать Булонским лесом.

Не отставая от экипажа, Валентино не спускал с него глаз, и таким образом они достигли Дофинских ворот и въехали в Булонский лес, чем-то похожий на Берлинский зоологический сад.

Прежде дикое место, излюбленное дуэлянтами и самоубийцами, этот лес в настоящее время представляет собой прекрасный ухожен-

ный парк, чем обязан Людовику XVIII. Июльская революция 48 года не затронула его, а в правление Людовика Наполеона он сделался любимым местом парижан и в нем, в особенности по берегам Сены, постоянно прогуливалось избранное общество в экипажах и на лошадях. В послеполуденные часы по главным аллеям Булонского леса двигается бесконечный ряд экипажей. В настоящую минуту это обстоятельство позволило Валентино не терять из виду кареты мнимого герцога; когда же она свернула с боковой аллеи, слуга Олимпико должен был бежать, чтобы не потерять ее из виду. Тут-то его и заметили маркиз и Жуан. Валентино же был так занят преследованием, что не заметил маркиза, он видел перед собой только карету лжегерцога! Он еще не чувствовал усталости, хотя продолжительный бег стеснял его дыхание; конечно, он ежеминутно рисковал свалить с ног кого-либо из гуляющих или быть замеченным Джоном, однако ему удавалось избежать этой опасности, держась преимущественно в тени деревьев. Через несколько минут карета Эндемо повернула назад, в город.

Валентино продолжал следовать за ней в некотором отдалении. Было уже темно, когда экипаж и его преследователь достигли городских улиц.

— Если я не упаду, как мертвая пчела, то на сей раз открою-таки след этих негодяев, — бормотал Валентино про себя. — Я должен знать, где этот герцог устроил свою берлогу! Без сомнения, он держит у себя бедную сеньору, но теперь ему не удастся вырвать ее из наших рук! Такая подлость не всегда сходит с рук. Валентино не боится вас! Скачите хоть так, чтобы искры сыпались, силы мои еще не истощились! Скачите, скачите, вам не уйти от меня. Толок бы не упасть в обморок! Дон Олимпико, клянусь, должен найти сеньору!

В это время карета Эндемо свернула в широкую аллею Жозефины и остановилась перед прекрасным домом, находящимся почти в середине длинной улицы Бассано. Перед порталом дома стояла карета — видимо, у мнимого герцога кто-то был с визитом.

Когда Валентино подошел к дому, и Джон спрыгнул, чтобы помочь своему господину выйти из кареты, к дому подъехала еще одна карета, наверно, с другим посетителем.

Джон доложил герцогу о прибытии этой новой кареты, после чего тот предупредительно обратился с приглашением к приехавшему в ней гостю, как видно, особенно дорогому для хозяина.

— Позвольте приветствовать вас, мой любезный доктор, — сказал он по-испански, подавая руку старому, бледному, улыбающемуся господину и вводя его в дом.

— Мой любезный доктор, — повторил Валентино, незаметно подбравшийся поближе, — что бы это значило? Нужно во что бы то ни стало разведать обо всем. Во всяком случае, я достиг уже некоторого успеха, разыскав жилище герцога, и если бы не проклятый Джон, то мог бы спокойно подняться вверх, разыгрывая роль слуги доктора или какого-либо другого гостя. Может быть, есть еще и другой вход в дом, которым я бы мог воспользоваться. Всегда надо хорошенько разведать позицию, прежде чем идти в атаку!

Великолепное здание, в котором обитал мнимый герцог де Медина, выходило порталом с высокими окнами на аллею Жозефины, тогда как задний его фасад прилегал к улице Кеплера. Из этого Валентино заключил, что здание выходит на две улицы и что, следовательно, с заднего фасада также непременно должен быть отдельный вход. Он решил, что этот ход предназначается для слуг и их семей.

Рассудив так, он подошел к той из карет, у которой его труднее было заметить, к той самой, которая стояла близ дома еще до приезда герцога.

Валентино поздоровался с кучером и слугой, сидевшими на передке.

— Вы здесь уже очень давно,— начал он,— кто ваш господин и почему он так долго остается у господина герцога?

Слуга высокомерно посмотрел на Валентино (известно, что слуги и второстепенные чиновники держатся гораздо важнее своих господ и министров), но когда он увидел, что вопрошавший тоже носит ливрею, то снизошел к нему:

— Генерал Персиньи, любезнейший, отдает герцогу де Медине ответный визит.

— А,— произнес Валентино,— генерал Персиньи; а вы не провожаете его в отель?

— Он не любит этого и скоро сам выйдет к экипажу.

— Немало же вам ждать, нечего сказать, тяжела ваша жизнь,— сказал Валентино иронически, чего, однако, не заметил слуга Персиньи.

— Так угодно небу! Приходится по целым дням сидеть и ожидать на холодном вечернем воздухе.

— Это скандал! Но поверьте мне, все изменится,— продолжал шутить Валентино, кланяясь слуге и кучеру и торопясь к заднему фасаду дома.

Валентино вышел на улицу Кеплера и вскоре отыскал задний ход; зеркало, висевшее там, показало ему, что коридор этого хода освещен.

Он смело открыл дверь. Швейцар вышел к нему навстречу.

— Мой барин, генерал Персиньи, находится в покоях господина герцога,— сказал несколько кичливо Валентино, заносчивый тон доставлял ему удовольствие и придавал смелости,— мне надо его встретить, я подожду в передней.

— По этой лестнице, первый ход направо, последняя дверь,— ответил швейцар, указывая на слабо освещенный ход.

— Передняя прилегает к покоям самого герцога? — спросил холодно Валентино.

— Из нее в покои его светлости ведут две двери: правая — в ту комнату, в которой находится теперь герцог с генералом, левая — в кабинет его светлости.

— Будет ли там камердинер Джон, чтобы доложить обо мне генералу?

— Джона там нет, но позвоните, и он сейчас же выйдет и доложит о вас вашему барину.

— Превосходно, я остерегусь касаться этого звонка,— хотел сказать Валентино, но, подавив чувство радости от своей удачи, проговорил только: благодарю, милостивый государь.

Осторожно стал он подниматься по указанной ему лестнице. Кругом все было тихо, никто не встретил его в коридоре, устланном мягкими, заглушающими шаги коврами. Все было освещено, и Валентино нетрудно было найти дорогу. Он повернул в указанный ему ход и прошел по нему вплоть до последней двери.

Хотя швейцар и сказал, что в передней не будет слуг, однако же Валентино невольно охватил страх. Что если по несчастливой случайности Джон выйдет к нему навстречу, идя в залу на зов своего господина?..

Во всяком случае предприятие, задуманное Валентино, было довольно опасно, а при настоящих обстоятельствах даже безрассудно, но Валентино решил, несмотря ни на что, добиться определенных сведений о сеньоре Долорес. Легко могло случиться, что он опять попадет в руки герцога, потому-то и было ему так страшно, но Валентино поборол страх и смело шел вперед, горя желанием помочь своему господину и отомстить герцогу и Джону за свое заключение.

Он намеренно не спрашивал ничего у швейцара внизу, чтобы не возбудить никаких подозрений.

В голову Валентино пришла мысль спастись в случае нужды бегством — задний ход, по которому он шел, был для этого как нельзя более удобен.

Он открыл дверь передней.

Она была совершенно пуста. Люстра на потолке распространяла яркий свет, пол и здесь был покрыт коврами, у стен стояли столы и стулья, предназначенные для слуг.

Валентино ясно услышал голоса, доносившиеся из комнаты, в которую вела правая дверь передней; он даже различил три голоса: в салоне были мнимый герцог, генерал Персиньи и доктор. Зачем тут был этот последний? Может быть, Долорес больна? Валентино должен все узнать.

Он начал прислушиваться. Самым опасным было бы, если бы в эту минуту в комнату вошел Джон, но Валентино зашел уже так далеко, что отступать было поздно.

В салоне говорили о самых обыденных вещах, о театрах, о прелестных танцовщицах и о принце-президенте.

Потом слуга Олимпио услышал, что Персиньи стал прощаться. Герцог, казалось, хотел проводить его в переднюю, очевидно, он хотел ему сказать что-то такое, чего не должен был слышать доктор.

Валентино необходимо было скрыться. С быстротой молнии окинул он взглядом переднюю, но в ней не было ни занавесей, ни портьер, за которыми можно было бы спрятаться и продолжать свои наблюдения.

Шаги уже приближались к двери, ведущей из салона в переднюю, а Валентино все еще стоял в нерешительности.

В эту минуту взгляд его упал на дверь, ведущую в кабинет герцога; кабинет прилегал к зале, в которой ожидал доктор и где, очевидно, будет продолжен разговор после ухода Персиньи.

Валентино в два прыжка достиг этой двери, быстро отворил ее и захлопнул в то самое мгновение, как отворилась другая дверь. На минуту он избежал опасности быть обнаруженным. В освещенной матовой лампой комнате, в которую он вошел, не было никого. Как видно было из-за отдернутой портьеры, левая сторона этой комнаты прилегалла к спальне герцога, а в правой была дверь в залу, в которой ожидал доктор.

Валентино самодовольно улыбнулся — лучшей засады невозможно было найти! Стоявшие на камине золотые часы только что пробили своим серебристым звоном восемь, так что можно было не опасаться, что герцог или слуга войдут в комнату. В ней было только одно окно, закрытое двойной тяжелой занавесью. Направо от него стоял дорогой резной письменный стол. Кроме того, в комнате стоял диван, несколько мягких кресел и маленький стол, зеркало в золотой раме и довольно большое число картин висели на стенах, что делало комнату похожей на будуар.

Еще роскошно была спальня мнимого герцога, в которую Валентино бросил любопытный взгляд. Там у одной из стен располагалась небесного цвета кровать с шелковыми подушками, завешенная полуотдернутыми занавесями; возле нее стояла золоченая колонна, к подножию которой был прикреплен мраморный столик, а наверху помещалась лампа, распространявшая нежный розовый свет. Множество оттоманок, столиков, уставленных вазами с фруктами и бутылками вина, превосходное зеркало и прекрасные мраморные статуи — все обличало продуманный комфорт и княжескую роскошь этого помещения.

Валентино слышал, как хозяин обменялся в передней с Персиньи несколькими словами; с лихорадочным нетерпением ожидал он возвращения герцога в залу, отделяющуюся от кабинета лишь портьерой, закрывавшей дверь.

Слуга Олимпио расположился между дверью и портьерой, таким образом, он мог хорошо слышать все, что будет говориться в зале, и, кроме того, имел ту выгоду, что, закрытый занавесью, не будет замечен в том случае, если кто-нибудь неожиданно войдет в кабинет. При всем том Валентино очень рисковал, и надо признать, что на такое опасное предприятие никогда не решился бы слуга, который не был бы предан своему господину всей душой, как Валентино.

Герцог возвратился в салон.

— Теперь мы одни, доктор, — сказал он, — вы ко мне с вестями?..

— Насчет больной, конечно, господин герцог! Я вторично посетил бедную сеньору, которой вы покровительствуете так безуспешно, и постарался поточнее исследовать ее состояние, чтобы, выполняя желание ее благородного рыцаря, которого она считает своим врагом и противником, вылечить ее от сумасшествия.

— Благодарю вас за ваши усилия; какие же результаты можете вы мне сообщить?

— Неблагоприятные, ваша светлость! С сеньорой происходит то же, что с большей частью лиц, одержимых помешательством,— она не растаетя со своими мыслями! Но не бойтесь ничего, болезнь еще не укоренилась и может быть вылечена!

— Но я прошу вас устроить так, чтобы при моем следующем посещении она была бы вполне покорна. Вы понимаете меня?

— К этому направлены все мои старания, господин герцог! Будьте уверены, что я не упущу никакого средства для того, чтобы вылечить от ложных идей и усмирить больную, видимо, поправляющуюся, и, надо признаться, с каждым днем делающуюся еще красивее! Я пригрозил ей принудительными средствами в случае, если она снова будет упрямыться при вашем ближайшем визите, но не могу сделать этого сам, не испросив предварительно на этот счет вашего позволения. Вы видите, что я действую с величайшей осторожностью, желая видеть вас довольным! Однако же, судя по поведению больной в последние дни и ее словам (все это я занес на бумагу, чтобы вы могли рассудить и познакомиться с ходом болезни), я считаю невозможным успокоить сеньору без употребления упомянутых принудительных средств!

— В чем они состоят, доктор?

— О, вы можете не бояться, они не причинят ей особенных страданий, за это я ручаюсь вам, как врач пользующий вашу больную. Эти средства, уверяю вас, вовсе не вредны и будут употреблены только в том случае, если вы пожелаете при вашем посещении опекаемой, так как при моих визитах я совершенно могу обходиться без таких средств! Я отдал приказание сиделкам, чтобы они держали в покое сеньору при вашем появлении, она будет находиться в постели или на стуле в красивой позе, но принуждена будет не покидать своего места.

— Мошенники проклятые! — пробормотал Валентино.— Пресвятая Дева, окажи сострадание! Бедная сеньора скована по рукам и по ногам и без этих принудительных средств. Я дрожу от ярости! Они сделали ее сумасшедшей!

— Если больная принуждает нас к этому, вы имеете право, доктор, и если вы уверяете, что эти меры предосторожности не будут вредны...

— Без всякого сомнения, господин герцог, я вам даю в этом мое слово доктора! Все будет сделано с самой нежной заботливостью, и вы будете иметь возможность достигнуть столь же справедливого, сколько и понятного желания говорить с сеньорой!

— Хвала святым! Она, стало быть, все еще в состоянии защищаться от него,— отметил добрый Валентино.

— В таком случае, доктор, делайте, что найдете нужным,— сказал Эндемо,— так что в случае, если вас не будет, вы оставите приказание, чтобы все было сделано по вашей воле? Вы говорили о бумагах...

— Точно так, я пришел сюда для того, чтобы передать для просмотра вашей светлости эти отчеты о состоянии больной, снабженные моей подписью! Из этих бумаг для вас очевидно будет и сумасшествие сеньоры и возможность ее исцеления!

До сих пор Валентино тщетно надеялся услышать имя доктора, мнимый же герцог как будто нарочно старался не произносить его! Поэтому Валентино решил во что бы то ни стало следовать за доктором, когда он оставит этот дом. Ему было очень досадно, что он не догадался спросить об этом кучера доктора, но теперь уже нельзя было исправить упущение, так как гость уже попрощался с хозяином.

Когда Валентино уже хотел выскользнуть из своей засады, ему показалось важным посмотреть на лицо доктора, и он, заглянув в замочную скважину, увидел этого негодяя, совершающего за деньги столь подлые дела.

Мнимый герцог как раз брал бумаги из рук доктора, почтительно ему кланяющегося.

Валентино очень точно рассмотрел эту улыбающуюся обезьяну и уже хотел оставить кабинет с намерением следовать за доктором и узнать местопребывание сеньоры Долорес, как вдруг услышал, что герцог берет за ручку двери, ведущей в кабинет, и в то же самое время до него донесся голос Джона, подающего в передней доктору плащ и шляпу.

Путь к бегству был отрезан!

Валентино пробормотал сквозь зубы проклятие и уже чувствовал себя в руках своих врагов, не видя никакого пути к спасению. Однако же оставался еще один выход из сложившегося положения: у него не было возможности следовать за доктором, но он мог скрыться здесь, в доме. И Валентино поглубже забрался в свою засаду между дверью и тяжелой складчатой портьерой, так что был совершенно закрыт ею со всех сторон.

Едва он успел сделать это, как герцог отворил одну половинку двери и поспешными шагами вошел в свой кабинет.

Положение Валентино было очень шатким — стоило чуть-чуть отогнуться портьере, и он мог считать себя пропавшим. Обнаружив его, герцог созвал бы всех слуг и уже не выпустил бы Валентино из своих рук. Сердце бедного слуги учащенно билось при виде столь явно угрожающей ему опасности, и он притаился, стараясь даже не дышать, пока герцог проходил мимо него.

Тот, конечно, не мог и подозревать, что слуга Олимпио находится так близко, что стоит только протянуть руку к портьере, как он окажется в полной его власти!

Но герцог прошел мимо затаившегося Валентино и прошел по ковру к своему письменному столу. В руке он держал бумаги, переданные ему доктором. И тут Валентино осенила новая мысль! Ведь эти бумаги, как сказал сам доктор, собственноручно подписаны им. Значит, если бы ему удалось, несмотря на крайнюю опасность своего положения, завладеть ими, он узнал бы имя доктора и местопребывание сеньоры! Но Валентино не мог и пошевелинуться в своей засаде: хотя он был закрыт портьерой, малейшее движение с его стороны открыло бы его герцогу! Комната была так мала, что все в ней было видно как на ладони.

Эндемо подошел к своему письменному столу, Валентино слышал, как он открыл его и спрятал бумаги доктора.

В эту минуту в кабинет вошел Джон, и сердце Валентино вновь затрепетало — вдруг он, заметив откиннутые портьеры, вздумает их поправить? Казалось, от этого его удержал только обращенный к нему вопрос господина: стоят ли еще у подъезда экипажи?

— Все готово, ваша светлость,— ответил Джон.

— Я еду в оперу,— сказал мнимый герцог,— поторопись! Отнеси мой плащ в экипаж, теперь уже холодно.

— Извините, ваша светлость, был ли при генерале Персиньи слуга? — спросил Джон.

При этих словах по спине Валентино забегали мурашки, как если бы его окатили холодной водой, он очень хорошо знал, к чему должен повести этот вопрос.

— Я не видел никакого слуги в передней, почему ты об этом спрашиваешь?

— Швейцар заднего фасада утверждает, что он пропустил какого-то человека, назвавшегося слугой генерала Персиньи.

— И этот слуга не вышел к тебе с генералом?

— Я не заметил никого.

— Старику, очевидно, привиделось. Я не хочу больше держать у себя этого человека, он совсем не способен служить!

— Ваша светлость хотите сказать, что он пьет?

— Больше чем прилично ему, как швейцару. Утром я поговорю с ним. Поторопись вынести мои вещи в экипаж!

Джон вышел из кабинета, и Валентино с облегчением перевел дух.

Мнимому герцогу что-то еще понадобилось в зале, и он прошел мимо засады Валентино, захлопнув за собой дверь.

Этим моментом необходимо было воспользоваться во что бы то ни стало: Эндемо оставил ключ в письменном столе, поскольку рассчитывал сразу возвратиться в кабинет, а другой такой возможности завладеть бумагами доктора никогда не представится!

Решившись, Валентино быстро вышел из своей засады — мнимый герцог что-то делал в зале, минута была благоприятной. Джон пошел к экипажу и не мог скоро возвратиться.

Красивый маленький ключ, действительно, остался в замке письменного стола.

Быстро открыл Валентино крышку стола — бумаги лежали сверху; не теряя ни секунды, он схватил их, сунул в карман и поспешил к двери в переднюю. Она была пуста. Валентино хорошо запомнил это место и направился по коридору, ведущему к заднему входу в дом.

Но только он спустился по первым ступеням лестницы, как увидел внизу старого швейцара, без сомнения, поджидавшего Джона,— герцог на этот раз был несправедлив к нему, он был совершенно трезв и в полном рассудке.

Идти назад Валентино не мог, в случае нужды придется пробиваться силой.

— О,— вскрикнул старик,— ну, теперь я вижу, что был прав, так как вы здесь! Как это могло случиться, любезный друг, что ваш генерал уже давно отправился!

— Я зашел в вашу чертову кухню, попал не в ту комнату, и там заснул, пока ждал. Камердинер Джон только что разбудил меня. Пустите меня, скорей!

— Так, так, ну так спешите же отсюда. Ваш генерал уже с добрый час как отъехал. Да, заснул. Это с кем угодно может случиться,— бормотал старик, закрывая за Валентино дверь.

Выбежав на улицу Кеплера, Валентино, все еще придерживая рукой свой карман, с облегчением расхохотался.

— Вы, трусливые звери, вы, ослы! — восклицал он про себя, весьма довольный.— Теперь я сыграл с вами такую штуку, которая разъярит вас, когда вы о ней узнаете. Когда в среду дураков закрядется один умный, он сделает болванами всех остальных! У меня в руках ваша тайна! Становитесь-ка теперь на ходули и попробуйте ударить от меня! Валентино теперь окончательно перехитрил вас, и мой господин, благородный дон Агуадо, не замедлит начать против вас процесс, найдет свою сеньору и спасет ее!

С этими словами Валентино поторопился к аллее Жозефины, не выпуская из рук бумаг. Он не осматривал их, он не хотел терять ни секунды, чтобы как можно скорее сообщить дону Олимпио о своих успехах.

Между тем герцог не подозревал о постигшей его потере. Возвратившись из залы в свой кабинет, он вынул ключ из письменного стола и поехал в оперу.

XXVIII

НАКАНУНЕ СТРАШНОГО ДНЯ

Исчезновение принца Камераты дало Олимпио основание подозревать в этом Морни и даже самого президента.

Мы видели, что он неоднократно пытался убедить принца действовать осторожнее и не угрожать силой. Но юношески пылкий и нетерпеливый Камерата не внял этим добрым советам.

Во время жаркого спора между принцем и Морни Олимпио уже опасался его последствий, но, конечно, не мог представить себе, чем это кончится уже через несколько часов. Если бы он мог хотя бы предположить возможность тех событий, которые произошли с принцем, то, бесспорно, вместе с маркизом до тех пор оставался бы в доме графини, пока принц доехал бы до своего дома. Впрочем, из этого не было бы большого прока, потому что если уж было решено захватить принца, то это все равно осуществили бы в другое время и при других обстоятельствах.

Олимпио справлялся в отеле Камераты и узнал там, что ни принц, ни его слуга и кучер домой не возвращались. Эта весть привела

дона Агуадо в изумление! Следовательно, для того, чтобы до друзей принца не могла дойти о нем никакая весть, постарались обезвредить сопровождавшую его свиту. Это бросало на все дело совершенно особенный свет. По зрелом размышлении Олимпио решил ехать к Наполеону, просить у него аудиенции и потребовать объяснений. Он был готов, если это будет необходимо, разделить судьбу своего друга.

Наполеон не знал, что принц Камерата и Олимпио связаны тесной дружбой, и когда доложили о нем, приказал просить дону Олимпио в приемную залу дворца. Он надеялся в этом геркулесовского сложения испанце и его друге маркизе найти людей, способных помочь ему в осуществлении его планов. Уже при первой встрече с ними в Лондоне он задумал воспользоваться когда-нибудь этими храбрыми и много испытанными людьми. Теперь приближалось роковое время, и принцу нужны были такие приверженцы, поэтому он с радостью принял Олимпио.

Олимпио твердой и уверенной походкой прошел в роскошную приемную президента, мужественный воин принадлежал к тем натурам, которые, будучи раздраженными, не приходят в запальчивый гнев, как это было, например, с Камератой, но сохраняют полное спокойствие и решительность в самые трудные минуты жизни. Только тогда, когда дело доходило до открытого боя, Олимпио давал волю своему чувству и наносил удары, которые его враги никогда не могли забыть!

Его необыкновенно мощная фигура придавала особый вес его словам. Не секрет, что внешность обычно производит решающее впечатление, и в отношении незначительных и слабых по виду людей, как бы ни были они сильны нравственно, многие позволяют себе больше, чем в отношении людей, импонирующих самою своею фигурой!

Вскоре по приходе Олимпио в приемную вошел принц-президент, сопровождаемый несколькими адъютантами.

Он приветствовал дону Агуадо с особенной любезностью.

Невысокого роста принц и огромный дон представляли поразительный внешний контраст!

Людовик Наполеон никак не мог не заметить дону Олимпио в салоне госпожи Монтихо, хотя бы потому, что он был слишком видный человек и вел себя совершенно непринужденно. Тем не менее принц-президент, кажется, имел причины приветствовать Олимпио в приемной комнате так, как будто он видит его в Париже в первый раз.

— Когда мне доложили о вас, дон Агуадо, я вспомнил, что видел вас в Лондоне и говорил с вами.

— Действительно, монсеньор, а именно в доме почтенного господина Говарда!

— Совершенно справедливо, я только забыл об этом.

— Я имел честь также быть в вашей близости и здесь, во Франции.

— А, вспоминаю теперь, что видел вас на последней компьенской

охоте,— сказал Наполеон, уходя от упоминания имени Говард,— вас и господина маркиза де, де...

— Де Монтолона, монсеньор,— подсказал Олимпио.

— Как мог я позабыть это столь известное в истории Франции имя! Но в настоящую минуту на мне лежит так много тяжелых обязанностей! Я бы охотно обменялся с вами, дон Агуадо, несколькими откровенными словами,— тихо проговорил принц-президент,— словами, касающимися только вас, господина маркиза и меня...

— Такая беседа была бы и для меня очень желательна, монсеньор,— ответил Олимпио.

Этот ответ испанца дал Наполеону надежду на благоприятный исход переговоров, вследствие которых он мог бы приобрести для своих смелых предприятий таких решительных людей, как Олимпио и маркиз, поэтому он приказал своей свите оставить его одного с Олимпио.

— Я хотел бы с вами поговорить откровенно, дон Агуадо, садитесь и выслушайте меня! Я надеюсь, что вы вполне поймете меня, если даже я и не выскажусь так откровенно, как это было бы желательно и вам, и мне. Я хотел бы заручиться еще несколькими такими испытанными и храбрыми, такими благородными и превосходными людьми, как вы и маркиз де Монтолон! Без отрицательных движений, дон Агуадо! Я далеко не любитель красивых фраз! Все, что я говорю, есть мое внутреннее искреннейшее убеждение!

— Свойство, без сомнения, как нельзя более превосходное для главы государства! Я позволю себе поступать так же,— вслед за сим сказал Олимпио с почтительным поклоном.

— Вы также имеете мне нечто сообщить? Очень хорошо! Позвольте же мне, дон Агуадо, говорить первому! Быть может, моя откровенность будет способствовать и вашей при вашем сообщении! Вы служили под начальством генерала Кабреры?

— Маркиз и я сражались за инфанта Дона Карлоса, за слабого, монсеньор!

— А, очень благородно, мой дорогой дон! Я начинаю ценить вас все больше и больше,— сказал Наполеон, внутренне усмехаясь, но делая рукой движение, свидетельствующее об уважении.— Какие места занимали вы с маркизом в войске Дона Карлоса?

— Мы были генералами, монсеньор!

— Превосходно! Никто не мог быть более достойным этого звания! Послушайте! В войсках республики освободились две генеральские шпаги — я спрашиваю вас, согласитесь ли вы и маркиз де Монтолон принять их? Будьте вполне откровенны, мой дорогой дон!

— Много благодарен за честь, монсеньор! Однако необходимо прежде всего узнать от вас об условиях, связанных с принятием этого предложения и лишь тогда сообщить вам о наших...

— Совершенно справедливо, дон Агуадо! Мои условия очень просты! Безусловное следование моим приказаниям, строгое исполнение всякого предписания, исходящего из моего кабинета.

— И также предписаний господина герцога де Морни?

— Вы, кажется, очень хорошо ориентированы, и это облегчает переговоры! При этом я предлагаю вам ежегодный доход в 20 тысяч франков и надежду на маршальскую шляпу.

— Блестящее предложение, монсеньор! Но позвольте мне перейти к некоторым интересным для меня обстоятельствам. Я явился к вам затем, чтобы спросить у вас, какая участь постигла инфанта Камерата.

— Камерата? Вы говорите об этом довольно темного происхождения господине, который...

— Принц Камерата мой любезный и дорогой друг, монсеньор. О темном его происхождении мне ничего не известно, и я прежде всего хотел бы выразить желание, чтобы вы не обманывали себя посторонними нашептываниями!

— Вы удивляете меня, дон Агуадо!

— С опасностью вызвать ваше неудовольствие, монсеньор, я снова попрошу вас сказать мне, где находится принц Камерата,— спокойным, твердым тоном повторил Олимпио.

— Этот испанец, насколько я припоминаю, провинился в какой-то запальчивости, вследствие которой после суда подвергся наказанию. Мне не хотелось бы думать, что это обстоятельство настолько важно, чтобы могло бы нас занимать!

— Оно для меня важнее, монсеньор, чем вы, быть может, думаете! Я пришел сюда с целью просить у вас освобождения принца Камерата.

— На это я не имею права, дон Агуадо, его осудил закон.

— Закон? Очень хорошо, монсеньор, однако позвольте мне спросить вас, почему вы пытались приобрести меня и маркиза Монтолона для вас, а не для закона? Ваши слова гласили: безусловное следование вашим приказаниям и строгое исполнение всякого предписания, исходящего из вашего кабинета, мой принц, вы говорили, что всякое ваше слово представляет ваше внутреннее убеждение и является самой истиной — как же вяжется это друг с другом?

— Мы одни, впрочем, я не решусь предложить вам вопрос насчет того смысла, который вы придаете этим словам,— сказал Людовик Наполеон, побледнев.

— Я не хочу оставаться в долгу с этим объяснением, хотя оно и кажется мне в сущности бесполезным! Вы хотите иметь генералов, монсеньор, которые бы не обращали внимания на законы республики и творили только одну вашу волю. Между тем для победы над вашим собственным противником вы пользуетесь этими же законами и судами — это многозначашее раздвоение, мой принц! Я боюсь, что вы в доне Агуадо и маркизе де Монтолоне видите искателей приключений, готовых за деньги и видимость чести продаться для ваших целей,— сказал Олимпио, выпрямляясь,— это ошибочный расчет! Господин маркиз и я служим только правому делу! Здесь лежит двусмысленность, перед которой я должен остановиться после вашего же объяснения!

— Я вижу, что вы меня не поняли, дон Агуадо!

— О, монсеньор, я могу по чистой совести уверить вас, что все понял.

— И вы отклоняете мое предложение?

— Я принужден к этому, монсеньор! Никто не может служить двум господам!

— Так скажите же мне, дон Агуадо, чего вы от меня требуете? — сказал Наполеон, которому никак не хотелось отказаться от смелого испанца и его многоопытного и не менее отважного друга.

— Освобождения принца Камераты! — ответил Олимпио.

— И что вы дадите мне взамен?

— Принятие генеральских мест, монсеньор!

— Позвольте вас просить заключить наш договор письменно, Агуадо, я согласен на ваше условие, но только до тех пор, пока принц Камерата не поднимет против меня оружия! Если он сделает это, я посчитаю наше условие уничтоженным. Думаю, что дал вам достаточно доказательств той цены, которую я вам придаю!

— Но я надеюсь, монсеньор, что вы дадите мне время посоветоваться и переговорить с моим другом маркизом, после чего мы, наверное, подпишем договор, — сказал Олимпио, желавший во что бы то ни стало освободить Камерату. В тайные намерения Наполеона он, конечно, не мог проникнуть. Принц-президент согласился на последнее условие, и Олимпио вышел от него.

Когда он подошел к экипажу, то к своему удивлению увидел, что Валентино там не было, кучер передал ему слова слуги, на которые он не обратил особого внимания, так как был слишком взволнован предшествовавшим разговором.

Приехав к маркизу, Олимпио сообщил ему о предложении принца-президента. Клод де Монтолон наморщил лоб.

— Здесь скрывается тайная цель, — сказал он серьезно, — я не приму генеральской шпаги, Олимпио! Если мое отечество в опасности, я готов с радостью во всякое время отдать ему мое имущество и самую жизнь! Но сделаться защитником эгоистичных целей властолюбивого человека я не желаю, для этого я не подам руки и не обнажу своего меча.

— Клод, ты забываешь Камерату!

— Я думаю, что тебе можно было лучше знать, Олимпио! Мы нисколько не поможем нашему другу, потому что двери его тюрьмы все равно не откроются, мы не поможем ему, если принесем себя в жертву и переродимся! Нет, нет, отвергнем предложение принца Наполеона! Ты убедишься вскоре, что я правильно сужу о нем! За мое отечество — все, за личные интересы — ничего, это мой пароль, Олимпио! Верь мне, нам удастся освободить принца Камерату и без договора! В какой он тюрьме?

— Принц-президент не доверил мне этого!

— Не доверил, а ты хотел ему верить, Олимпио! Прочь сомнения, мой друг! Останемся свободными! Будем сражаться! Мы спасем Камерату! Но не посредством этого контракта! Отошли его назад, оставайся моим.

— Где ты, там и я, Клод, будь по твоему! Только одно предчувствие заставляет меня дрожать! Этот Морни будет преследовать и нас, я вижу перед собою кровавые дни...

— Ты их боишься?

— Никогда, Клод! В старые годы мы с тобой привыкли видеть льющуюся кровь...

— И даже сами проливали ее,— добавил маркиз.— Итак, Олимпио, останемся такими, как встарь!

Они пожали друг другу руки, хотя с лица Олимпио не сходила тень — забота о Камерате не оставляла его.

В эту минуту в комнату вбежал, запыхавшись, Валентино. Вид у него был такой торжествующий, что Олимпио невольно рассмеялся, несмотря на свое омраченное настроение из-за принца Камераты.

— Ну что ты нам принес, верный Лепорелло? — спросил он шутливо.

— Важную весть, мой благородный дон,— я был во дворце герцога Медины!

— Тебе суждена виселица и когда-нибудь ты не вернешься целым!

— На этот раз все обошлось благополучно, дон Олимпио! Местопребывание сеньоры Долорес найдено!

— Во имя всех стихий, Валентино, правду ли ты говоришь?! Довольно пустословить, где сеньора?

— В сумасшедшем доме.

Маркиз и Олимпио быстро встали.

— В сумасшедшем доме, это невозможно...

— Это правда! Сеньора томится в сумасшедшем доме доктора...— Валентино остановился и полез в карман.

— Ну, доктора!..— вскричал в нетерпении Олимпио.

— Имя доктора — в этих бумагах, дон Олимпио,— быстро ответил Валентино, подавая своему господину бумаги, взятые из письменного стола Эндемо.

— Ты украл это, Валентино?

— Называйте это каким хотите именем — я действовал, желая спасти сеньору, и сделал все возможное,— сказал Валентино.

Маркиз подошел к своему другу, чтобы посмотреть на бумаги, переданные задохнувшимся от гнева слугой.

— Что это? — воскликнул Олимпио.— В этом письме нет подписи врача...

— Я вынул бумаги из письменного стола герцога, он только что запер отданный ему доктором сверток и я думал...

— Ты, Валентино, взял другое письмо! Здесь нет подписи доктора, но оно написано настоящим герцогом де Мединой, который называет жалким обманщиком этого мнимого герцога и говорит о целях этого плута,— сказал Олимпио, читая письмо.— Этот Эндемо — незаконный сын старого герцога де Медины и тогда как дон Родриго имел прекрасное намерение разделить с ним свое богатство, этот негодяй лишил его почти всего имущества. Не печалься,

Валентино, я надеюсь, что с помощью этих бумаг мы добьемся ареста мошенника...

— А имя доктора? — спросил Валентино, широко раскрыв глаза.

— Его, понятно, нет в этом письме.

— Во имя всех стихий! — брякнул Валентино, невольно подражая языку своего господина.

Олимпио и маркиз не могли удержаться от улыбки, но Олимпио не переставал думать о Долорес.

— Мы должны ее найти, дорогой Клод, ты не можешь себе представить, как я страдаю при мысли, что терпит эта бедная и чистая девушка, любя меня, я не знаю, смогу ли когда-нибудь отблагодарить за ее любовь... Пока я не найду ее — нет моей душе покоя. Часто ночью я вижу во сне дорогой образ, Долорес простирает ко мне руки, моля о спасении... Нет, Клод, мы должны спасти бедную Долорес, найти во что бы то ни стало!

XXIX

КРОВАВАЯ БАНЯ

1 декабря 1851 года в Елисейском дворце собралось очень многочисленное общество, в котором не доставало только Морни, и не доставало не случайно. Герцог был в комической опере и казался очень веселым! Он смеялся и болтал то в той, то в другой ложе. В 11 часов общество разошлось.

Людовик Наполеон был бледен и не очень словоохотлив, решительная минута приближалась — в эту ночь и в следующие дни он хотел провозгласить себя императором и хорошо знал, какие насильственные действия необходимы для этого, ведь нужные приготовления делались уже в течение нескольких месяцев!

Во время вечернего собрания Наполеон вместе со своими приверженцами решал некоторые последние вопросы.

Начальник генерального штаба Фейра* должен был разбить барабаны национальной гвардии, чтобы на следующее утро нельзя было пробить генерального марша. Директор национальной типографии господин де Сент-Жорж под предлогом важных работ собрал всех рабочих в 11 часов ночи в типографию.

Префект полиции Карлье был отозван к другому посту — он собрал в префектуру 800 городских сержантов, к которым в 3 часа утра присоединились еще 50 агентов и отставных офицеров, все это были ловкие люди, на которых можно было рассчитывать во всех случаях и среди которых находились также Монье, именуемый теперь де Луансом, и Пер д'Ор. Грицелли держал караул в Елисейском дворце, в котором в 11 часов уже было все спокойно, окрестности

* Это описание заимствовано из сочинения Эжена Тено «Париж в декабре 1851 г.»

дворца были тихи и пусты, Елисейские поля были совершенно темны.

Во дворце один только кабинет принца-президента был ярко освещен. Около полуночи в нем было семь человек: Людовик Наполеон, его адъютант Бельвиль (брат известной нам придворной дамы Изабеллы), бывший вахмистр Фиолин, носящий теперь фамилию Персиньи, Леруа де Сент-Арно, назначенный с октября военным министром, человек с бурным прошлым, о котором мы услышим позднее, Мопа, назначенный несколько дней тому назад префектом полиции, возвратившийся из комической оперы герцог де Морни и поверенный и кабинет-секретарь Наполеона Моккуард.

Флери еще не было, он был комендантом и должен был придти позднее.

— Господа, великий час настал,— сказал принц, который на следующее утро должен был стать императором,— величие Франции требует этого шага!

Людовик Наполеон подошел к письменному столу и маленьким ключиком, который он всегда носил на своей часовой цепочке, открыл потайной ящик. Он вынул из него запечатанный пакет, в котором находились все бумаги, касающиеся этой ночи,— говорят, Людовик Наполеон Бонапарт написал на нем слово «Рубикон». Подражая Цезарю, которого он обожал и историю которого, как известно, написал позднее, он намеревался перейти заветную границу.

Наполеон сломал печать пакета и вынул из него декрет, который и передал своему товарищу Морни: это было назначение последнего министром внутренних дел.

Бельвилю он передал прокламации и известия, которые должны были утром удивить весь Париж и разом перевернуть весь общественный строй Франции, Бельвилю было приказано тотчас же отослать их для напечатания в национальную типографию, в которой все уже было готово к этому. Можно только удивляться тому, как точно дерзкие замыслы Наполеона были приведены в исполнение.

Персиньи получил важное поручение — овладеть с помощью генерала Эспиноса зданием национального собрания.

Сент-Арно Наполеон передал сумму, превышающую 5 миллионов франков, которую тот должен был разделить между генералами, полковыми и батальонными командирами капитанами и лейтенантами. Другая, почти столь же большая сумма должна была быть распределена между фельдфебелями, сержантами, капралами, барабанщиками и солдатами. Морни, Мопа и Сент-Арно получили полмиллиона франков для себя лично.

Полицейские агенты тоже получили громадные субсидии. Например, Грицелли сам признавался, что получил от Персиньи две с половиной тысячи франков.

Все эти суммы, доходившие до 50 миллионов франков, должен был принять на свой счет французский банк.

Между тем генерал Маньян со своими войсками, согласно приказу, полученному им от Сент-Арно, занял в три часа утра главные пункты города. Бригада Рипперте заняла Бурбонский дворец, бригада

Форея овладела Дорсейской набережной. Генерал дю Лак стал со своим корпусом в Тюильрийском саду, бригада Котта заняла площадь Согласия, а бригада Канробера (в настоящее время маршала) оцепила Елисейский дворец. Все это произошло тихо, под покровом темной декабрьской ночи.

Копейщики и кирасиры генерала Рейбеля и Корте стали в Елисейских полях. Войска образовали уже корпус в 25 тысяч человек, предназначенный не только для обеспечения успеха переворота, но и для прикрытия бегства Наполеона в случае, если бы он не удался. Даже вне Парижа для прикрытия бегства через границу были поставлены особые войска. Все возможные, даже малейшие последствия переворота были глубоко продуманы, все отрицательные и положительные его условия — критически разобраны.

По словам Грицелли, Наполеон приказал слугам держать наготове кареты и оседланных лошадей, а генералу Росе — запаковать специально переданную ему сумму, более 20 миллионов франков, и быть готовым к отъезду за границу.

Наступило утро 2 декабря, улицы были грязны, холодный ветер гнал мелкий дождь. Париж был еще тих и пуст, спавшие жители не предчувствовали, что над ними нависла грозная туча и что в ближайшие дни и ночи им предстоит такая кровавая баня, какой до сих пор еще не видывал город.

Послушаем, что говорят Таксиль, Делор, Раш и другие об этом утре.

В 5 часов утра к префекту Мопе собрались комиссары и муниципальные агенты, которые должны были арестовать около ста самых важных лиц города. Они получили от него распоряжения, которые были полностью выполнены с рассвета и в продолжение дня.

Комиссару Бланшу был поручен арест генерала Ламорисьера, не хотевшего присоединиться к плану Людовика Наполеона. У Бланша не было точного плана жилища генерала, а храбрый швейцар не захотел дать ему никаких указаний и даже отказался зажечь свет, необходимый для проведения обыска в доме. Бланш и его спутники поднялись по лестнице и, войдя в первую комнату, нашли в ней слугу генерала, который тотчас погасил лампу и бросился с криками о помощи на заднюю лестницу.

Агенты схватили его у двери дома, он начал защищаться и получил опасную рану шпагой. Под угрозой смерти слуга, наконец, показал комнату своего господина. Ламорисьер позволил арестовать себя без всякого сопротивления. Но сев в карету, которая должна была отвезти его в Мазасскую тюрьму, он из ее окна позвал на помощь стоявших на углу солдат. Бланш с силой отдернул генерала назад и пригрозил ему тесаком — вернейшим средством заставить человека молчать.

Арест генерала Шангарнье Мопе поручил двум решительным и отчаянным людям — Луансу и Карлу Готте, или Пер д'Ору, зверю с добродушной физиономией. Им было дано в помощь 50 муниципальных солдат. Этого знаменитого генерала Наполеон хотел привлечь на свою сторону и предлагал ему огромную сумму денег,

надеясь, что живший в бедности честный человек не откажется от нее. Шангарнье с презрением отверг это предложение. После того он долгое время ждал ночного нападения, но теперь уже и не думал о нем.

Через один из подвальных ходов Луанс и Готте ворвались со своими людьми в дом и бросились на лестницу. Наверху ее они встретили слугу с ключом в руке. Забрав ключ, они вломились в комнату Шангарнье. Обладавший громадной силой Готте схватил генерала, лишив его всякой возможности сопротивления. Шангарнье был брошен в ожидавшую внизу карету и отвезен в Мазас.

Прежде чем мы взглянем на уличный бой, позволим себе описать еще один арест. Кроме полковника Шарраса, лейтенанта Валентино, кроме Греппо, Тьера, Мио и многих других, нападению подвергся также очень уважаемый и талантливый генерал Бедо, живший в Университетской улице, в доме № 50. Арест его был поручен агенту Губольту-младшему.

Слуга генерала, отперший дверь на звонок, в темноте принял человека, стоявшего перед дверью, за секретаря президента законодательного собрания Валетта и пошел доложить о нем в спальню своего господина.

Агент с пятью или шестью помощниками бросился вслед за ним прямо к постели генерала, едва успевшего очнуться ото сна.

— Я муниципальный чиновник,— крикнул Губольт,— и пришел арестовать вас!

— В этом я сомневаюсь,— ответил Бедо,— я защитник народа, и никто не имеет права арестовывать меня!

— Мне известно, кто вы такой, но у меня есть приказ, и я его выполняю! Может быть, вы уличены в преступлении.

— Таким, пожалуй, можно назвать мой сон. Но кто вы такой, позвольте узнать ваше имя?

— Я агент Губольт-младший,— ответил последний и показал приказ об аресте, требуя в то же время, чтобы генерал не оказывал сопротивления, и предупреждая, что за ним стоят его люди.

— Если бы я хотел оказать сопротивление,— внушительно сказал генерал,— то у меня достаточно опыта, полученного на крепостных валах, и вы бы давно попрощались с жизнью! Прикажете вашим людям уйти и дайте мне одеться.

Генерал с намерением медлил, ему все стало ясно, и он хотел протянуть до рассвета.

Когда он, наконец, оделся, то сказал, прислонившись к камину:

— Теперь я хочу предупредить преступление, которое вы хотите совершить! Я хочу видеть, достаточно ли у вас храбрости для исполнения задуманного вами! Позовите сюда вашу шайку, милостивый государь! Я не тронусь с места!

Губольт позвал своих помощников и приказал им взять генерала.

— Я хочу посмотреть,— сказал Бедо,— кто из вас рискнет потащить как обыкновенного преступника генерала Бедо, президента национального собрания!

Минуту те стояли в нерешительности, никто не осмеливался наложить руку на генерала. Наконец, Губольт подал пример и подошел к нему.

Едва он схватил генерала, как вся шайка набросилась на него и потащила в ожидавшую внизу карету.

Когда они вышли на улицу, генерал крикнул:

— Измена, на помощь! Я генерал Бедо!

Проходившие поблизости люди бросились на помощь к генералу, но вдруг из улицы де Бак вылетел отряд городских сержантов и напал на безоружных людей с обнаженными саблями, между тем как генерала бросили в карету и кучер галопом погнал лошадей.

Группы городских сержантов и муниципальных гвардейцев были расставлены поблизости от домов, где жили лица, подлежащие аресту, чтобы сразу же подавить всякое сопротивление. Так, например, во время ареста генерала Шангарнье, вооруженные агенты были помещены в винном погребе, находившемся напротив дома генерала, чтобы на всякий случай быть под рукой. Среди них в качестве вождей находились многие известные бонапартисты, например, генерал Флаго, родной отец Морни и, возможно, Людовика Наполеона, любовник его матери.

Генерал Кавеньяк также был арестован в его доме на Золотой улице № 12; арест этот был произведен агентом Каллином, державшим все время правую руку на груди под растегнутым курткой на заряженном пистолете, так как он получил приказание Мопы выстрелить в генерала при первом сопротивлении.

Мы еще не сказали об одном самом позорном обстоятельстве, о полном истинности отчете, бросающем убийственный свет на того министра Людовика Наполеона, который более, чем кто-либо другой, заслуживает имя негодяя и который был бесчестным виновником войны 1870-1871 года, бросившей друг против друга две благородные нации. Мы говорим о Эмиле Оливье, о том Оливье, который был навечно проклят историей. Он сделался орудием Людовика Наполеона, он заточил, как преступника, и бросил в декабре 1851 года в каземат форта Иври своего родного отца.

Старик Демосфен Оливье, вынесший в своей жизни ту бескровную гильотину, которую мы позднее назовем Кайенной, писал своему достойному проклятия сыну, слуге его смертельного врага:

«С тех пор, как я попал в форт Иври, жизнь моя испытала много потрясений. После ареста меня бросили в каземат преступников, в котором нас держат как скотов. Мы буквально лежим друг на друге. Отверстия, через которые в каземат проходит дневной свет, так узки, что в полдень едва можно читать. Воздух не достигает до нас. Пыль, поднимающаяся от наших нар и матрасов, производит на нервы ощущение, подобное испарению кислого уксуса. Пища жалка и крайне недостаточна, так что даже я, старый человек, не могу насытиться. Мы, можно сказать, покрыты нечистотами и насекомыми. Нет никаких сил защищаться от них, тело покрыто сыпью и пузырями. Это только слабое описание наших телесных страданий. Их можно выразить одним точным словом — пытка!»

Мучения старого отца Эмиля Оливье закончились его смертью, а сын его сделался министром того самого человека, который умертвил его отца! Не достаточно ли этих нескольких слов для описания человека, о котором можно сказать, что он либо отпетый злодей, либо бесхарактерная, честолюбивая и подлая личность. Он должен быть судим так же, как и его ближайший товарищ Грамон!

Возвратимся, однако, к кровавым декабрьским дням 1851 года.

Морни разослал генералам приказ избивать без разбора всех, кто будет противостоят им с оружием в руках. «Ужасом должен быть усмирен Париж!» — гласил его пароль.

Ближайшие дни были холодны, шел снег с дождем, но, несмотря на это, на всех главных пунктах города — в предместье Сент-Антуан в квартале левого берега Сены, в предместье Пуасоньер и на бульварах — были построены баррикады.

Необозримые толпы народа собрались на Итальянском бульваре.

Колоссальные баррикады были воздвигнуты возле театра Gimnase и Hotel de Ville. Улица Сен-Дени была перегорожена мощной баррикадой, и такие же баррикады возникли на канавах, протекавших через Монмартр. Все это было сделано с удивительной быстротой, и Мопэ почувствовал страх.

Уличные бои начались, началась ужасная кровавая бойня! Парижане сражались не только на баррикадах, но и в отдельных домах.

Морни телеграфировал генералу Маньяну: «Можете смело вломиться в бульвары!» И через несколько часов здесь загремел, как на битве, пушечный и ружейный огонь. Улицы покрылись трупами, кровь, смешиваясь с дождевой водой, текла по камням в таком изобилии, что в ней можно было бы плавать. Деньги, розданные солдатам Флери и Сент-Арно, послужили их ожесточению.

На баррикаде в улице Сен-Дени завязался долгий, страшный бой, так же жарко сражались и в предместье Сент-Мартен и в улице Темпель, бригады дю Лака, Марулаца и Гербильона окружили забаррикадированные кварталы и уничтожили все, что в них находилось.

«На баррикадах, возведенных в улице «Рамбуто» — доносил бонапартист Белюино, — гром выстрелов продолжался несколько часов».

Наконец, бесчисленным количеством ядер баррикады были разбиты и взяты штурмом. Они были покрыты трупами их защитников. Кровь текла ручьями. Ужас витал над Парижем...

В два часа все бульвары были покрыты войсками: пехота стояла в сомкнутых колоннах, кавалерия расположилась в близлежащих улицах, там и сям стояли двенадцатифунтовые мортиры и гаубицы. Окна домов и тротуары бульваров были заполнены любопытными женщинами и детьми.

Вдруг на бульваре Бонрувель открыли ружейный огонь. Очевидцы рассказывали, что он был так силен, что накрыл бульвар огненным облаком.

В ту же самую минуту, как по команде, кавалерия, пехота и артиллерия одновременно напали на любопытных жителей и на их дома. Стреляли в окна и в любые отверстия. Пушки разливали пламя

по домам. Ужас и паника охватили бульвары. Пароль Морни оправдался...

Когда, наконец, к вечеру третьего дня ружейный и пушечный огонь смолк и пороховой дым рассеялся, бульвары и другие улицы своим видом потрясали душу. Дома были разбиты ядрами, тротуары покрыты ранеными, умершими и умирающими, улицы красны от крови.

Рынок Монмартра, отель Саландрус и прилежащие к ним строевые были разрушены и почти превращены в развалины.

Капитан Мадюи следующим образом описывает вид города, и описание его еще далеко не передает действительности:

«Бульвар Пуасоньер представлял вид ужасного столпотворения! Все дома были пронизаны пушечными ядрами, все окна разбиты, колонны опрокинуты и их обломки были рассеяны по улицам. Разбитые зарядные артиллерийские ящики горели на улицах, как костры. Самая ужасная часть всего дела была окончена. Население с выражением ужаса на бледных лицах запряталось в подвалы и в задние части домов. Никто не рисковал выйти на улицы. И, однако, все это было только началом ужасной кровавой бани, продолжение же и конец ее разыгрывались не столь публично и шумно, но за стенами тюрем! В течение дней уличного боя происходили многочисленные аресты мужчин, преданных теперь смерти, как подозреваемых в участии в боях.

Казни эти производились без всякого допроса — достаточно было малейшего подозрения, чтобы человека схватили и убили. Мы опишем только два случая, чтобы дать читателю более яркую картину всего происходившего в то время в Париже.

Вечером 4 декабря был схвачен в своем доме некто Огюст Лире. Он хотел дать объяснения, но на это не обратили никакого внимания и его приволокли под стражей в министерство иностранных дел, где и сдали с отзывом: «Схвачен с оружием в руках!»

Лире хотел представить доказательства своей невинности, но бригадир, командовавший стражей, не слушая его, обратился к жандармам с немногими словами:

— Зажгите фонарь!

Это приказание означало: расстреляйте арестованного. Оно всегда употреблялось в таких случаях.

Один жандарм зажег фонарь, другие взяли за оружие. Бригадир открыл маленькую дверь, ведущую во двор отеля.

Арестованный, собрав последние силы, громко протестовал против этого убийства. На его счастье (а ведь тысячи других арестованных были убиты, несмотря ни на какие крики и объяснения) секретарь посольства услышал крик, он поспешил на него и узнал в арестованном своего друга! Этим несчастный, однако, еще не избежал опасности быть убитым.

В то время, как секретарь министра Тюрго бегал повсюду, чтобы получить приказание об освобождении его друга Лире, того потащили в Люксембургскую казарму. Стоявший там на посту жандармский бригадир прочел билет: «Схвачен с оружием в руках» и хотел отдать приказание зажечь фонарь, как внезапный приход

батальонного командира, знавшего Лире, остановил исполнение экзекуции. Наконец, прибежал, весь в поту, секретарь Тюрго и принес листок, подписанный Мопа: «Если господин Лире еще жив, то освободите его!» Гораздо худшее досталось на долю множества других.

Из всех домов, на которые падало хотя бы малейшее подозрение, хватали по ночам мужчин и отводили их на гауптвахты, там их привязывали к столбам, зажигали фонари и без разговоров расстреливали!

Толко очень немногие каким-то чудом спаслись при этих ночных экзекуциях.

Эжен Тено рассказывает, что доктор Девиль видел в госпитале одного такого несчастного, по имени Патюрель, которого ни одна из множества пуль не ранила смертельно. Другой, по имени Вузен, получил пятнадцать пуль, был потом поднят одной старой сострадательной женщиной и отнесен ею в дом призрения бедных Дюбуа, а в марте, по его выздоровлении, он был схвачен по приказанию Морни и отправлен в форт Иври, а потом сослан в Алжир».

Кровавые дела этих дней и ночей невозможно описать. Это была в полном смысле кровавая баня, устроенная для парижан, и по приказанию: «Зажгите фонары!» виновных и невинных безжалостно убивали.

Спротивление, однако же, было подавлено. На трупах возвысился трон и президент Людовик Наполеон сделался императором французов. Он достиг всего, к чему стремился, но племянник первого императора Франции прошел слишком ужасную дорогу для того, чтобы сесть на престол своего дяди, и преступления на этом не прекратились, так как для осуществления своих планов Наполеон отдался в руки людей, столь ужасным образом пользовавшихся своей властью и совершавших такие безбожные дела, что слух о них не мог не доходить до Наполеона и должен был тяготеть над его душой.

Эти люди в то же время всячески развлекали его, окружали блеском, курили ему фимиам, и где бы он ни появлялся, бесчисленные толпы конных и пеших полицейских окружали его со всех сторон, предохраняя от какой-либо неожиданной опасности, и кричали «Vive l'empereur!» — «Да здравствует император!», бросая вверх свои шляпы.

Таковы были знаменитые декабрьские дни 1851 года, стоившие жизни многим тысячам невинных людей.

XXX

ИМПЕРАТОР НАПОЛЕОН III

Улицы быстро очищались, попорченные дома починялись, прокладывались новые улицы и кварталы; все это делалось для того, чтобы занять народ и заглушить его недовольство.

Наполеон перевел свой придворный штат из Елисейского дворца в Тюильри и окружил себя толпой царедворцев, столь же блестящих с виду, сколь жалких и пустых по существу.

О Морни, Персиньи и Бациоши уже было рассказано.

Флери, произведенный сначала в коменданты Парижа, а потом назначенный посланником в Петербург, имел довольно темное прошлое.

Герцог Орлеанский покровительствовал ему в Африке, где он состоял лейтенантом, потом, когда он постарался сделаться необходимым принцу Людовико Наполеону благодаря множеству ловких, хотя и не совсем почетных услуг, тот произвел его в свои ординарцы, потом в шталмейстеры и, наконец, в дипломаты. При этом Флери сумел стать богатым человеком.

Еще грязнее биография маршала Сент-Арно, военного министра новой империи.

Мы сделаем краткий очерк его жизни, прежде чем возвратимся к нашему рассказу. Характеристика этих личностей, так долго блиставших и возбуждавших удивление, может интересовать многих, тем более, что они придают особый колорит Тюильри и принадлежат к таинственным выскочкам последнего.

Настоящее имя Сент-Арно было Леруа. Таксиль де Лорд рассказывает о нем, что в 1816 году он был унтер-офицером королевской гвардии, но вскоре получил отставку. До того времени, когда он является под новым именем, Леруа был странствующим комедиантом в Париже и Лондоне, чистильщиком нечистот в Брайтоне, вел бродяжническую, полную приключений жизнь, как настоящий цыганский герой: был скоморохом, остряком и сочинителем куплетов, короче — испробовал все. Это был хитрый и на все готовый человек.

В 1836 году он поступил лейтенантом в иностранный легион; в течение восьми лет, следовавших за осадой Константины, он прошел все степени от поручика до полковника, причем отличился в битвах с арабами.

В генералы он был произведен за следующий геройский поступок.

Группа арабов заперлась в пещере Шеля, лежащей на территории, где командовал полковник Сент-Арно, и он отправился к арабам, чтобы привести их к повиновению.

Почти все послушались приказания и только несколько арабов боялись оставить пещеру. Тогда полковник, подражая генералу Пелисье, прославившемуся сожжением грота Деры, поступком, отвратительным для всякой цивилизованной нации, велел завалить вход в пещеру хворостом и зажечь его. Находившиеся внутри несчастные сгорели.

Вот так уже тогда вели свои войны французы и осмеливались после этого притязать на звание великой нации.

Флери представил генерала Сент-Арно принцу-президенту, нашедшему в нем именно такого человека, какой был ему нужен для исполнения некоторых своих особенно смелых планов.

И вот он произведен в военные министры...

Был январь 1852 года, когда в один холодный, дождливый вечер изящный экипаж подкатил к portalу Тюильри и остановился у подъезда, ведущего в покои императора.

Слуга отворил дверцы, и из кареты вышла дама, одетая в черное, густой вуаль ее был спущен. Знаком руки она приказала слуге не сопровождать ее и с гордой осанкой прошла в портал.

Когда она ступила на паркет портала, к ней подошли несколько камердинеров, чтобы отчасти из вежливости, а отчасти из любопытства узнать, что было нужно даме в Тюильри.

Она потребовала, не подымая вуаля, чтобы ее проводили к дежурному камергеру или флигель-адъютанту.

Слуги обменялись удивленными взглядами, но у дамы был такой самоуверенный и решительный вид, что они сочли нужным исполнить ее требование.

Один из камердинеров повел незнакомку наверх, в большую залу, где постоянно находились приближенные из свиты императора.

Когда дама в черном вошла в залу, первым, к кому обратился камердинер, случайно оказался комендант Флери.

С минуту он рассматривал незнакомку, потом подошел с учтивым поклоном и спросил, что ей угодно.

— Я явилась сюда говорить с императором, — сказала она холодным и самоуверенным тоном.

— Теперь нельзя беспокоить его императорское величество, сударыня. Если вы желаете получить аудиенцию, то нужно...

— Чтобы я назвала себя, господин генерал, ничего больше! Доложите обо мне императору — я знаю, что он в Тюильри. Он сейчас же прикажет вам провести меня к нему, передайте это императору и скажите ему, что это слова Софи Говард.

Черная дама откинула вуаль.

— А, мисс Говард, — повторил Флери с поклоном. Колкая улыбка, невольно скользнувшая по его лицу, исчезла при взгляде на Софи, глаза которой смотрели серьезно и строго, лицо было бледно и холодно, а манеры показывали неожиданную решительность.

— Я очень огорчен, мисс Говард, что не могу доставить в этот час аудиенции даже вам. Император работает в своем кабинете, и отдан строгий приказ не беспокоить его ни под каким видом, — сказал Флери, надеясь отделаться этими словами от Говард и тем оказать услугу своему повелителю; ему было известно, что Наполеон порвал свои отношения с молодой англичанкой.

— Император найдет для меня время и в этот час, милостивый государь, — возразила Софи таким уверенным тоном, что Флери убоялся какой-нибудь сцены.

— Пропустите меня и доложите императору, мне крайне нужно видеть его по одному важному делу. В противном случае я сама доложу о себе, если вы не хотите взять это на себя. От этого не выйдет никакой неприятности для вас и для господ адъютантов, я скажу императору, что сама пришла к нему, не обращая внимания на вас, и что вы, избегая наложить руку на женщину, что, конечно, было бы весьма скандально в этом месте, принуждены были пропустить меня. Довольны ли вы этим?

И не дожидаясь ответа, Софи Говард прошла мимо Флери и камергеров, между которыми находился и Бациоши; последний так бес-

стыдно рассматривал англичанку, что та быстрым движением руки опустила вуаль.

Ей были знакомы покои Тюильри, и потому она вошла как раз в ту дверь, которая вела к галерее, оттуда она проникла в приемную и затем уже в кабинет императора.

В приемной Софи еще раз предстояло выдержать борьбу. Там денно и ночью находился один из самых доверенных слуг Наполеона, охранявший его частные комнаты, между тем как в галерее постоянно взад и вперед ходили егеря с заряженными ружьями.

Отсюда видно, как усердно охраняли в то время императора.

Старый камердинер, знавший мисс Говард, оказался в неприятном положении, но, наконец, решился доложить о Софи.

Он подошел к портъере, открыл ее и вошел в комнату Наполеона, где тот работал с Моккуардом. Император с минуты на минуту ожидал своих министров и был раздосадован неожиданной помехой.

— Что там такое? Кто там?

Камердинеру не пришлось отвечать, потому что дама в черном уже стояла рядом с ним.

— Софи Говард, ваше величество! — отвечала она за слугу, бросая последнему кошелек, чтобы вознаградить за труд и раздраженные слова его повелителя.

Наполеон никак не ожидал этого визита, но, преодолев досаду, приветствовал вошедшую.

Секретарь привстал со стула, собираясь уйти.

— О, останьтесь, господин Моккуард, — сказала мисс Говард, — вы можете слушать, о чем я буду говорить с этим господином, — и она указала на Наполеона, сильно побледневшего при этих словах. — Ведь вы, конечно, поверенный, его правая рука во всех важных делах, ха, ха, ха! Что с вами, Ваше величество, не больны ли вы, вы необыкновенно бледны?

— Я знал, мисс Говард..

— Или, может быть, мое посещение произвело такую быструю перемену в вашем лице, в таком случае я обещаю вам, Ваше величество, отнять у вас немного драгоценного времени, предназначенного для ваших государственных дел.

— Вы никогда не были настолько добры, мисс Говард, чтобы поручить ликвидировать ваши дела господину Моккуарду. Я охотно велел бы Фульду передать вам мой вызов вместе с благодарностью.

— По этому делу я и явилась сюда, Ваше величество, — сказала Софи, едва сдерживая внутреннее волнение, — и в то же время я хотела обрадовать вас одним известием, интересным для вас и преемника господина Карлье. Ведь вы, кажется, преследовали некоего Монье, которого господин Моккуард имел любезность вести ко мне в дом. .

— Монье? Я не помню, — проговорил Наполеон.

— Странно, или ваша всегда такая превосходная память изменяет вам именно теперь? Ну, так ваш поверенный поможет вам, если ваша память слаба в этом пункте.

Софи засмеялась, уже нисколько не стараясь сдерживаться.

— Я припоминаю теперь, что господин Монье должен был оставить Париж за шулерство в игре, — помог секретарь.

— Украд у меня предварительно письмо, которое на другой день находилось уже в ваших руках, государь! Но довольно об этом! Вчера я встретила этого Монье в улице Риволи и, как вы думаете, в каком доме? Ведь это потеха, Ваше величество! Шулер в обществе полицаина Мопы, вор в приятельских отношениях с новым префектом полиции, Ваше величество! Ну скажите, разве это не в высшей степени комично?

Людовик Наполеон не знал, что отвечать на эти слова, но Моккуард снова помог ему:

— Я слышал, помнится, что господин Мопы использует Монье после возвращения его из Англии как орудие для уничтожения опасных игорных обществ.

— Точно так же, как прежде им воспользовался бывший префект полиции Карлье для разрыва некоторых отношений известных лиц, — проговорила Софи. — Ну, теперь мне ясно все, Ваше величество, и я возвращаю вам назад ваши обещания и клятвы, чтобы вы могли беспрепятственно и с чистым сердцем искать руки какой-нибудь принцессы при иностранных дворах. Позвольте мне высказаться, Ваше величество! Я знаю, что вы намерены вступить в законный брак и что вы получили отказ от всех государей, к которым обращались с предложением.

Теперь вы можете опять попытаться счастья и, может быть, с большей удачей. Со мной было совершенно излишней эта комедия, которую вы сочинили, я и без нее пришла бы к разумному решению взять обратно мою руку и никогда более не доверять ее вам. Гораздо лучше было бы для вас, Ваше величество, обойтись без грубых интриг ваших советников.

Наполеон наморщил лоб. Ему было весьма неприятно вести разговор со своей бывшей возлюбленной.

— Что означает этот разговор, мисс Говард? Я думаю, это неприятно для нас обоих, отчасти вам неверно передали, отчасти...

— Будьте уверены, Ваше величество, что я, прежде чем придти сюда, самым точным образом убедилась во всех обстоятельствах дела, но доказательства этого я представила вам только наполовину, другая половина еще впереди. Будьте уж так добры и уделите мне несколько минут, чтобы выслушать меня, потом я больше не отниму у вас ни минуты, сегодня же я решила все высказать вам, чтобы вы знали, что все ваши козни мне хорошо известны. Это наше последнее свидание, пусть это вознаградит вас за неприятность настоящего мгновения. Я уверяю вас, что переступать через этот порог противно моей чести. Теперь я перейду к одному пункту, Ваше величество, которому вы придавали особенное значение при моем появлении, я попрошу записать в протокол мои распоряжения, господин Моккуард, потому что для меня важно, чтобы они были точно изложены.

— Говорите, мисс Говард, — сказал Людовик Наполеон, радуясь, что может, наконец, возвратить англичанке полученные от нее немалые суммы и тем разорвать последние узы, связывающие

его с ней. Он не мог угадать, как распорядится Софи, но, зная ее гордость и сильный характер, мог бы предположить, что она не возьмет обратно этих сумм.— Говорите, я ручаюсь, что ваши распоряжения немедленно будут исполнены.

— Вы ручаетесь за это вашим императорским словом? — спросила Софи, внутренне торжествуя.

— Моим словом,— подтвердил Наполеон с поклоном.

— Ну, так пишите, господин Моккуард: «В улице Сент-Антуан № 10,— начала Софи, не сводя глаз с императора, который при этих словах выдал свое внутреннее волнение мрачным блеском глаз,— во втором этаже живет обедневшая благородная дама со своею дочерью, имя ее госпожа Монтихо, а также графиня Тэба; она вдова испанского офицера и дочь торговца пряностями Кирпатрика из Малаги». Пишите, пишите, Моккуард, эти указания необходимы.— «Я требую, чтобы господин Фульд вручил этой даме миллион, составляющий предмет нашего разговора». Вы делаете такую озабоченную мину, Ваше величество; этот миллион, по вашим расчетам, должен достаться мне, так примите мое уверение, что состояние мое составляет еще двойную против упомянутой сумму, и я могу поэтому позволить себе этот акт благотворительности.

— Одумайтесь, однако, мисс Говард, еще два таких каприза, и вы нищая,— резко сказал Людовик Наполеон.

— Я считала этот миллион погибшим для меня, Ваше величество,— отвечала Софи, наслаждаясь этой мезью за измену ее любви,— я зрело обсудила мое решение и остаюсь при нем. Господин Моккуард, вы написали? Так позвольте мне листок, чтобы я прочла его и для соблюдения всех формальностей подписалась под моим решением. Вот так, теперь подпишите ваше имя, как писавшего эту бумагу. Я кончила, Ваше величество, этот листок — моя квитанция, которую вы будьте так добры сохранить, чтобы когда-нибудь не осмелились снова явиться к вам с требованиями. Прощайте, государь, навсегда, теперь мы с вами рассчитались.

Софи слегка поклонилась Моккуарду и, опустив вуаль, вышла из кабинета.

Император ходил взад и вперед, стараясь, по-видимому, справиться с волнением и успевал в этом все больше. После описанной сцены, ничто уже не могло вызвать на его лице выражения, которое выдавало бы его истинные мысли и чувства.

Моккуард снова сел.

Воцарилось тяжелое молчание.

Наконец император подошел к столу, совершенно успокоенный.

— Надо исполнить это распоряжение как можно скорее, даже завтра. Возьмите у Фульда требуемую сумму и отправляйтесь к ювелиру Дюмону, там вы купите какую-нибудь драгоценную вещицу, стоящую ровно эту сумму, тотчас же отвезете ее в улицу Сент-Антуан № 10 и скажете, что одна дама просила принять этот подарок. Таким образом, устроится это дело, а теперь обратимся к нашим прерванным занятиям.

Наполеон отдал несколько приказаний и только собирался диктовать секретарю ответы на некоторые письма, как вошли министры со своими докладами.

В то время начались уже те ссылки в Африку и Кайенну, число которых превышало пятнадцать тысяч, почти каждую ночь привозили арестованных в Париж. Чтобы скрыть это, официальные журналы открыто объявляли, что правительство уничтожило Вагнос и отправляло галерных ссыльных в Кайенну.

Эти поезда из мнимых каторжников, стук деревянных башмаков которых горожане различали сквозь шум карнавала, состояли из жертв Морни и Мопя. Их везли на медленную смерть в страну лихорадок, называемую Гвианой, главной гаванью которой была Кайенна. Ссылные редко возвращались оттуда, потому что болота этой французской колонии пожирали ежегодно тысячи жертв.

Алжирские степи в сравнении с этой стороной Южной Америки были здоровым и вполне пригодным для жизни местом. Какие мучения испытывали там ссылные! Позднее мы покажем ужасные картины этих стран, когда будем провозить туда принца Камерату. В Париже не хватало места для арестованных, и их регулярно сажали на корабли и отправляли из Гавра в Кайенну.

Начало империи было достойно ее заслуженного конца...

Но посмотрим, как Моккуард исполнил поручение своего повелителя.

Министр финансов Фульд отсчитал императорскому секретарю сумму, взятую некогда императором у мисс Говард, после чего тот отправился к ювелиру Дюмону и велел показать драгоценные украшения; он требовал все более и более дорогих вещей, и наконец Дюмон подал ему прекраснейшую и драгоценнейшую вещь своего магазина.

Это был крест с множеством больших бриллиантов, каждый из которых стоил несколько тысяч франков.

Чудесное совпадение! Ювелир оценил этот крест как раз в определенную сумму. Моккуард не знал, что та, которой он предназначался, некоторое время назад дала точно такой бриллиантовый крест Олимпио Агуадо с заветными словами!

Дюмон получил назначенную цену и вручил уполномоченному императора бархатный футляр с драгоценностью.

Моккуард быстро сел в экипаж и отправился на улицу Сент-Антуан № 10.

Теперь предстояла самая деликатная часть его странного поручения — доставление драгоценного подарка по принадлежности.

Он приказал доложить о себе графине Евгении, и та, услышав имя доверенного секретаря Наполеона, подумала, что он явился с каким-то важным известием. Поэтому Моккуард недолго дождался в передней; Евгения с любезной улыбкой пригласила его в приемную залу и выразила удовольствие видеть его у себя.

— Как поживает император? — спросила графиня, предлагая Моккуарду место напротив себя.

Секретарь поклонился, слегка улыбувшись:

— Его величество совершенно здоров и в прекрасном расположении духа. Графиня Тэба непременно будет иметь случай убедиться в этом собственными глазами.

— Я уже давно не имела чести видеть императора,— грустно сказала Евгения.

— Государственные дела, милостивая графиня, виноваты в этом,— отвечал доверенный Людовика Наполеона, хотя прекрасно знал, что его повелитель разослал собственноручные письма ко многим дворам и именно из-за этих писем он не показывался, но ведь он был хороший слуга своего господина.

— Ах, эти несносные государственные дела,— сказала Евгения точно так, как говорила когда-то Софи Говард, и вопросительно посмотрела на посланника императора, желая услышать, что он ей скажет.

— У меня странное поручение к вам, милостивая графиня, и я заранее должен просить у вас прощения, если вы будете изумлены. Позвольте мне приступить к делу без околичностей и соблаговолите видеть во мне только добросовестного исполнителя данного мне поручения.

— Вы возбуждаете мое любопытство, господин Моккуард, пожалуйста, говорите прямо.

— Одна дама, очевидно расположенная к вам, милостивая графиня, поручила мне доставить это в доказательство ее внимания, которое, вероятно, не будет неприятно вам, потому что иначе я стал бы невинной жертвой вашего гнева,— сказал Моккуард, вставая и подавая лиловый бархатный футляр Евгении, подумавшей, что существование этой дамы — простая выдумка, внушенная желанием императора вручить ей этот подарок.

— Что это, господин Моккуард,— сказала она с удивлением,— что означает этот нарядный футляр?

— Это предмет моего поручения, милостивейшая графиня, от которого я освобождаюсь, прося вас благосклонно принять подарок.

— От дамы?..

— Вы, конечно, не истолкуете в дурную для меня сторону то, что я доставил вам этот футляр. Это мое искреннейшее желание.

— Я не хочу быть нескромной и выведывать у вас тайну. Передайте по назначению мою благодарность, господин Моккуард. Я не считаю себя вправе не взять этого доказательства внимания ко мне, так любезно переданного вами. Примите же на себя труд так же хорошо передать мою благодарность.

Моккуард обещал графине исполнить ее просьбу и поспешно удалился.

Оставшись в зале одна, Евгения открыла роскошный футляр.

У нее вырвался подавленный крик изумления...

На мягком бархате она увидела бриллиантовый крест, точь в точь такой, какой она дала дону Олимпио в воспоминание об одном роковом часе, когда он поцелуями осушал ее слезы. В памяти ее ожили сказанные в тот момент слова, почти забытые ею.

Зачем же Евгения так долго, словно в забытьи, смотрела на бриллиантовый крест, или она предчувствовала, что он будет иметь большое значение в ее дальнейшей жизни?..

Но это был, тем не менее, драгоценный подарок, и она поспешила к графине-матери, чтобы показать ей его.

— Ах, дорогая моя Евгения,— сказала графиня с ласковой улыбкой,— какое удивительное внимание, точно знали, что ты давно потеряла такой же крест и постарались доставить тебе утешение! Я надеюсь, что нас в скором времени ожидает еще большая радость, потому что я, кажется, заметила...

Графиня остановилась, таинственно улыбаясь.

— Я слушаю вас с напряженным вниманием,— вскричала Евгения.

— Что император чувствует к тебе больше, нежели простое участие, я думаю, что он любит тебя. О, какое счастье, если тебе выпадет на долю разделить с ним трон!..

— Я надеюсь праздновать этот триумф,— отвечала графиня с холодной гордостью.— Сестра моя отдала руку герцогу, а мне назначена корона, императорская корона! И я думаю, что в этот вечер все решится.

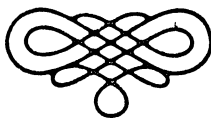
— Как? Ты думаешь, что его императорское величество осчастливит нас сегодня вечером?

— Предчувствие говорит мне это.

Спустя несколько часов слуга доложил графине об императоре Наполеоне.

— О, дорогое мое, счастливое дитя,— воскликнула госпожа Монтихо, обнимая гордо улыбающуюся молодую графиню.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том I

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Тюильри	5
I. Графиня и ее дочери	12
II. В Аранжуесском парке	17
III. Черная звезда	25
IV. Похищение молодой королевы	31
V. Дочь смотрителя замка	36
VI. Сто против трех	45
VII. Вермудес, мадридский палач	53
VIII. Последняя ночь приговоренного	57
IX. Бегство	63
X. Придворный бал	69
XI. Прекрасная Евгения и бедная Долорес	76
XII. Аббатство в горах	85
XIII. Немой монах	91
XIV. Неожиданная помощь	99
XV. Матадор Мигуэль и графиня	108
XVI. Ночное нападение	112
XVII. В доме Кортины	120
XVIII. Маскарад	129
XIX. Сфинкс	136
XX. Жуана	143
XXI. Испанский банкет	153
XXII. Восстание	160
XXIII. Заложник	165
XXIV. Три карлиста	172
XXV. Принц Жуанвильский	182
XXVI. Освобождение пленных	186
XXVII. Корабль контрабандистов	195

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I. Воспитательница Мария Галль	207
II. Дом на берегу моря	218
III. Олимпио Агуадо	228
IV. Евгения у гадалщицы	238
V. Дуэль в Гайд-Парке	243
VI. Горбунья	248
VII. Падение в Темзу	256
VIII. Валентино	264
IX. Ядовитый поцелуй	273
X. Праздник в доме графини Монтихо	284
XI. Партия в шахматы	293
XII. Мисс Говард	297
XIII. Свидание	305
XIV. Жуан, лондонский уличный мальчишка	313
XV. The dark man, who bis	325
XVI. Смерть дает дорогу	330

XVII. Фальшивая рука	338
XVIII. Бриллиантовый крест	345
XIX. Принц-президент	352
XX. Пер д'Ор	358
XXI. Дом умалишенных доктора Луазона	370
XXII. Первая встреча Евгении с Наполеоном	379
XXIII. Принц Камерата	388
XXIV. Салон на улице Сент-Антуан № 10	396
XXV. Господин де Монье	403
XXVI. Пленник тюрьмы Ла-Рокет	407
XXVII. Мнимый герцог	412
XXVIII. Накануне страшного дня	421
XXIX. Кровавая баня	427
XXX. Император Наполеон III	434

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

**БОРН ГЕОРГ
ЕВГЕНИЯ**
или
**ТАЙНЫ
ФРАНЦУЗСКОГО ДВОРА**

Том 1

Перевод с немецкого

Технический редактор *Г. П. Александрова*
Корректор *Н. И. Молчанова*

Сдано в набор 24.02.93. Подписано в печать 06.07.93. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28. Усл. кр.-отг. 28,5. Уч.-изд. л. 32,8. Тираж 100 000. Зак. 3-61. Цена договорная.

Общество с ограниченной ответственностью фирма «Друк ЛТД»,
310145, Харьков, ул. Клочковская, 150а

Харьковская книжная фабрика «Глобус».
310012, Харьков, ул. Энгельса, 11.

Борн Г.

Б82 Евгения, или Тайны французского двора. Т. 1: Пер. с нем.— Харьков: Друк ЛТД, 1993.— 448 с.— (Сер. «Редкая книга»).

ISBN 5-7707-4989-X

ISBN 5-7707-4990-3 (Т. 1).

В романе рассказывается о юности испанской графини, прекрасной Евгении Монтихо, ставшей впоследствии французской императрицей — супругой Наполеона III, бесчисленных интригах и приключениях, сопровождающих путь к престолу.

Это увлекательное повествование о коварстве и предательстве, но и о великой любви и непоколебимой верности, нерушимой мужской дружбе и высоком душевном благородстве.

Фирма «Друк ЛТД» готовит к изданию серию «Редкая книга», в которую войдут литературные произведения, ставшие библиографической редкостью.

В 1993 году увидят свет историко-приключенческие романы немецкого писателя конца XIX века Георга Борна:

Тайны мадридского двора (в 2 томах)

Тайны французского двора (в 2 томах)

Тайны константинопольского двора
(в 2 томах)

Анна Австрийская или Мушкетеры
королевы (в 2 томах)

Дон Карлос (в 2 томах)

Грешница и кающаяся (в 2 томах)

Катерина Корнаро, прекрасная королева Кипра (в 2 томах)

Железный граф

Фирма «Друк ЛТД» выпускает в 1993 году в серии «Редкая книга» следующие историко-приключенческие романы:

Эрнест Капандю.

РЫЦАРЬ КУРЯТНИКА

Действие романа происходит во Франции в годы правления Людовика XV, на фоне исторических реалий XVIII века. Главный герой произведения, таинственный мститель, неотвратимо, как судьба, настигает преступников и вершит правосудие над злодеями, защищая слабых и бедных.

Острый детективный сюжет и необычные приключения, в которых участвуют подлинные исторические лица, благородство и самоотверженность героев, немного мистики и динамичный, увлекательный рассказ делают роман захватывающе интересным.

Георг Хильтль.

ОПАСНЫЕ ПУТИ

Роман из жизни высшего света Франции эпохи короля-солнца — Людовика XIV с ее роковыми страстями, интригами и неожиданными поворотами привлекает читателя своеобразным переплетением любовных походов и отчаянного авантюризма, столкновением реальных и вымышленных событий и людей. В центре повествования — судьбы двух удивительных женщин-аристократок — расчетливых, коварных и страстных, сметающих все препятствия на своем пути к цели.

Книга будет интересна всем, кто увлекается историей и любит интригующие, замысловатые сюжеты.

